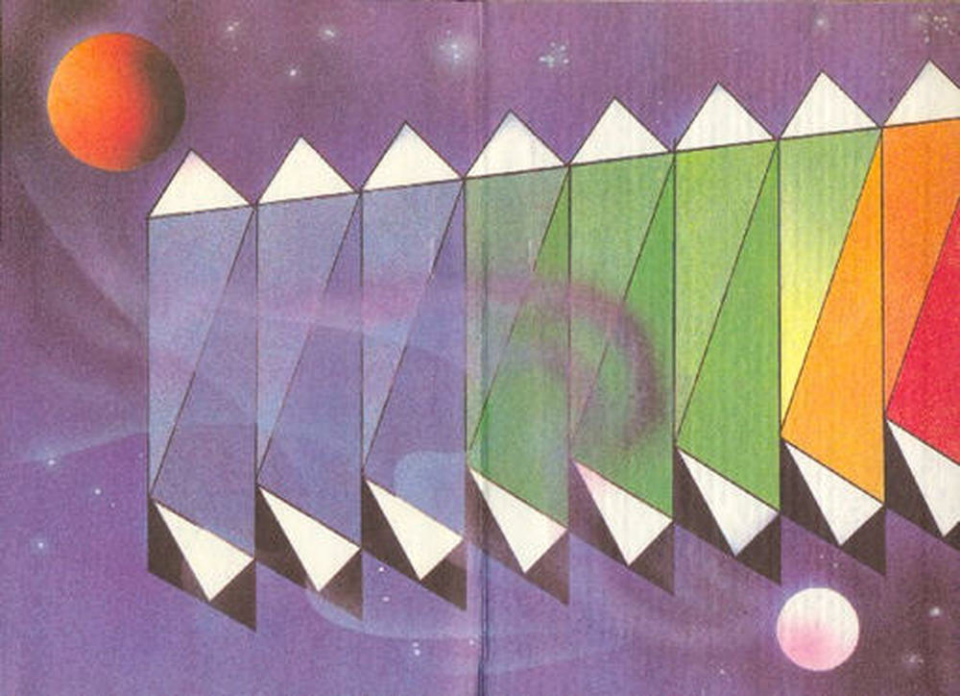

БИБЛИОТЕКА
ЗАРУБЕЖНОЙ ФАНТАСТИКИ

ФАТА МОРГАНА 9

ПОЛ АНДЕРСОН

КОРДВАЙНЕР СМИТ

ДЖ. МАККОННЕЛ

УРСУЛА ЛЕ ГУИН

ДЖЕЙМС ТИПТРИ-МЛ.

АРТУР КЛАРК

ДЖ. А. ХЕНСЛИ

ЧАРЛЬЗ ДЖ. ФИННИ

УИЛЬЯМ ЭЛЛИОТ

ДЖОАННА ВАТЦЕК

РИЧАРД МЭТИСОН

МЭТЬЮ ГАНТ

ЭНТОНИ БУЧЕР

Ф. ТЕННИСОН ДЖЕССИ

ФРИЦ ЛЕЙБЕР

ДЖЕК УИЛЬЯМСОН

М. ГОНТ ГАРРИСОН

РОДЖЕР ЖЕЛЯЗНЫ

ФРЕДЕРИК БРАУН

БЕРНАРД ВУЛЬФ

ГЕНРИ КАТТНЕР

АНДРЕ НОРТОН

ББК 84.0
Ф 27

Художник В. Ан

На обложке использована
работа Р. Морелл

**Фата-Моргана 9: Фантастические рассказы и повести / Пер. с
Ф 27 англ. Сост. С. Барсов. — Нижний Новгород: Флокс, 1994. —
478 с.: ил.**

ISBN 5-87198-061-9

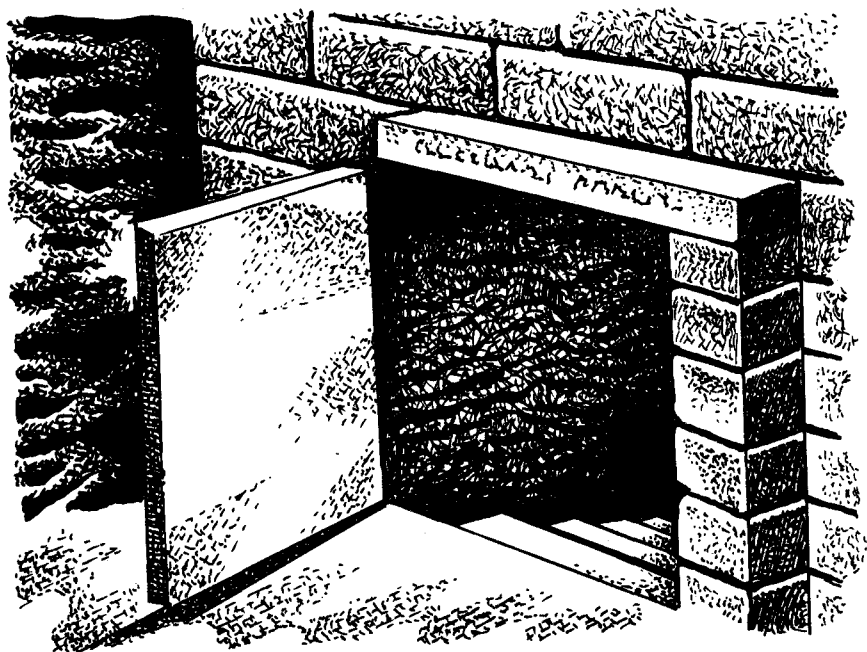
В новом сборнике серии «Фата-Моргана 9» читатель найдет произведения всех направлений жанра: традиционная «твердая фантастика», «фэнтези», «ужасы», «авангард», представлены и классики современной фантастики, и те, чьи имена читатели России откроют для себя впервые.

Ф 4703040100-002 без объявл.
Д40(03)-94

ББК 84.0 США

ISBN 5-87198-061-9

© Перевод, оформление. Издательство «Флокс», 1994

Пол Андерсон

КЛАДОВАЯ ВЕКОВ

Глава первая

Орды ланнов

Солнце стояло низко, его длинные, косые лучи проникали сквозь лесные заросли на западе и на севере. Вытянутые тени ложились на зеленые фермерские равнины, по которым ехал Карл. Впереди, за деревьями, он видел темные очертания строений, до него доносилось блеяние овец, мычание коров и лай собак. Почувяв запахи сена и жилья, пони перешел на рысь, легкие порывы предзакатного ветерка шевелили пряди длинных волос всадника. Карл сощурился от света, пригнулся в седле. Он так же жаждал отдыха, как и его пони. Весь день он ехал верхом.

Со двора фермы выбежала собака. Пока всадник приближался к дому, она с воем крутилась около него. Рука Карла крепко сжала

рукоятку кинжала — в таких глухих местах сторожевые псы часто нападали на путников, и от них приходилось отбиваться клинком. Но собака только продолжала лаять, и лай эхом отдавался в вечерней тишине.

— Ну ты, Булл! Замолчи!

Из дома вышел мужчина, собака бросилась к нему и затихла. Мужчина все еще стоял в дверях с копьем в руке и ждал. Он был крупный и плотный, седые волосы доходили ему до плеч, по домотканой рубашке спускалась борода. Позади него стояли двое парней с топорами в руках.

Карл, улыбаясь, придерживал за поводья своего пони.

— Приветствую вас, — сказал он. — Я приехал один и с мирными намерениями. Я хочу попросить у вас приюта на ночь...

Фермер опустил копьё и кивнул:

— Тогда добро пожаловать. Можешь у нас остаться, — ответил он согласно обычаю. — Я Джон, сын Тома, житель Дэйлза.

— Я Карл, сын Ральфа из Дэйлзтауна, — ответил пришелец. — Благодарю вас за доброту.

— Ральф из Дэйлзтауна! — Джон вытаращил глаза, — Тогда ты, должно быть, сын вождя?

— Да, — ответил Карл, спрыгивая с седла.

С минуту они смотрели на него. Карлу было шестнадцать, но он выглядел крупным и сильным для своих лет. У него были каштановые волосы с медным оттенком, загорелое лицо и широко расставленные карие глаза. Одет он был в обычную одежду путешественников: кожаные штаны, рубашку из крашеной шерсти, короткий домотканый плащ и мокасины. На поясе болтался меч и кинжал, а к седлу были приторочены лук, колчан со стрелами и круглый щит. Кроме фляги с водой не было заметно никаких припасов пищи. В глухих местах хватало дичи, а там, где жили люди, у фермеров всегда найдется еда, компания и свежие новости.

— Пойдем, — радушно произнес один из юношей. — Я провожу тебя в конюшню, а потом мы поужинаем и поговорим.

Это был старший из сыновей Джона, стройный, рыжеволосый, конопатый парень тех же лет, что и Карл. Его брат, который пошел за ними следом, был, может быть, на год моложе — плотный, коренастый блондин.

— Меня зовут Том, — сказал старший, — а его Аул¹.

— Аул? — переспросил Карл.

— Вообще-то его зовут Джим, но все называют его Аулом, он ведь похож на филина, верно?

— Это все потому, что я такой умный, — улыбнулся его брат.

Длинные и низкие постройки фермы были сложены из грубо

¹ Аул — филин.

отесанного леса, промазанного глиной, они поросли мхом. В стойлах стояло несколько лошадей и коров, было тесно, терпко пахло животными и свежей соломой. Том поставил пони Карла в свободное стойло, а Аул принес воды.

— У вас здесь много места, — сказал Карл. — Даже удивительно, вы живете на краю большого леса и на границе Дэйлза.

— А почему у нас не может быть хорошей фермы? — спросил Том.

— Да, по-моему, такое место должно довольно часто подвергаться набегам.

— Здесь не бывает никаких набегов, — объяснил Аул. — Лесных бандитов изгнали отсюда сто лет назад. Ты должен об этом знать.

— Да, я знаю, — уныло ответил Карл. — Но есть бандиты пострашнее, чем лесные, и они не бросили своего занятия.

— Ты имеешь в виду ланнов? — Голос Тома поскуучнел. — Мы поговорим о них позднее.

Карл пожал плечами, он внезапно помрачнел. Вот так было всегда и везде, где бы он ни был. Мало кто верил его рассказам, мало кто мог подняться над приземленностью собственной жизни и понять, что жители Дэйлза лицом к лицу столкнулись с опасностью, которая не снилась им и в самых страшных снах.

Он замолчал и занялся своим пони. Когда трое юношей вышли на улицу, солнце уже село, с востока надвигались сумерки, они, словно туман, спускались меж высоких стволов деревьев. Парни прошли через грязный двор к уютному дому, где уже горел огонь.

Внутри, в одном конце длинной комнаты, за занавесками, стояли кровати, в другом конце был домашний очаг. Там жена Джона, высокая женщина в длинной юбке, какие носили женщины Дэйлза, готовила ужин. Она приветливо улыбнулась Карлу, но он уловил в ее лице выражение беспокойства и понял, что она уже наслышана о ланнах. Кроме Джона, который сидел за дощатым столом и курил трубку из кукурузного початка, в комнате было еще двое молодых мужчин, которых представили Карлу как Арна и Сэмюэля. Это были работники фермы.

Рассматривая дом, Карл нашел его красивым и уютным. Мягкий свет изготовленных из домашнего жира свечей падал на коврик из кожи, на ткацкий станок, на котором была растянута незаконченная нарядная драпировка, на горшки и кувшины из обожженной глины и чеканной меди. Свет мерцал на развешанном на стене оружии, и оно отливало зловещим металлическим блеском, отсвечивая от потемневшего от времени портрета мужчины. Это была замечательная работа, одна из редких, висевшая там, наверное, еще со дня Страшного Суда. И всему этому предстояло сгореть, если придут ланны.

Жители Дэйлза считали невежливым говорить с гостем о серьезных вещах, прежде чем он насытится. Поэтому они беседовали о погоде, скоте, перебирали местные сплетни. Невероятно, думал Карл, с

трудом сдерживая нетерпение. Они сидят и болтают о дожде и видах на урожай в то время, как с севера на них вот-вот грянет буря нашего времени. От этих мыслей вся расставленная на столе еда показалась ему безвкусной.

Когда посуду убрали и развели огонь для защиты от промозглой ночной сырости, Джон через стол бросил на него пронизательный взгляд. Дрожащие красные отсветы огня плясали по комнате, бросая в угол, где сидел Арн, отвернув суеверный взгляд, зыбкие, качающиеся тени. Глаза фермера блестели на полускрытом в темноте лице. Он выпустил в воздух облачко сизого дыма.

— Как дела в Дэйлзтауне, Карл? — спросил он.

Настало время говорить.

— Народ собирается, — ответил Карл, медленно и осторожно подбирая слова. — Жители востока, запада и юга услышали призыв своего вождя к войне и посылают ему своих воинов. В Дэйлзтауне шумно от людей и оружия. Только с этих северных земель люди еще не подошли. — Он поднял брови. — Вы, конечно, тоже скоро выступите?

— Никуда мы не поедem, — спокойно ответил Джон. — Люди северного Дэйлза остаются дома.

— Но... — Карл подбирал слова. В конце концов, то было неудивительно; посланцы Ральфа уже вернулись с ответом от местных землевладельцев. Наконец он медленно произнес: — Но ведь вы живете на самом пути завоевателей.

— Возможно, — ответил Джон. — В таком случае, должны ли мы бросить свои дома на разорение, оставить без защиты своих жен и детей, своих животных и отправить своих воинов в Дэйлз?

— Мой отец, — уже с отчаянием возразил Карл, — собирает всех мужчин племени, чтобы создать большую армию, встретить этих ланнов и отправить их туда, откуда они пришли. Неужели вы, жители границ, надеетесь остановить врага в одиночку?

— Много лет назад мы уже остановили здесь лесных бандитов. Не думаю, чтобы ланны оказались страшнее.

— Но они на самом деле страшнее. Мы-то это знаем! — воскликнул юноша.

Джон поднял брови:

— А что вы можете знать о ланнах? Насколько мне известно, на север никто из вас не ездил.

— Очень немного, — сказал Карл. — Почти все необходимое у нас есть в Дэйлзе, чтобы достать фрукты и табак, наши торговцы отвозят излишки на юг, а за рыбой и солью едут на восток. Однако время от времени путешественникам случалось попадать в те холодные земли, и они рассказывали, что живущие там племена нищие, дикие и очень жестоки. Пару лет назад кто-то привез оттуда весть, что эти племена объединились под началом одного вождя и поговаривают о том, чтобы идти на юг.

— Зачем им это? — спросил Том. — Ведь от них до нас так далеко.

— Мы живем лучше и богаче, — ответил Карл. — Наша земля щедра, в лесах полно дичи и строевой древесины, в наших древних городах столько металла, что мы даже могли бы продавать его другим народам. О, я могу себе представить, как эти северяне, эти ланны, как они сами себя называют, завидуют нам. Знаете, их поисковые и разведывательные отряды уже бывали в наших землях. — Он провел рукой по волосам. — Кроме того, — продолжал он, — хотя я в этом не очень разбираюсь, но говорят, что в мире становится холоднее. Все странники твердят о том, что во времена их молодости лето было теплее, а зима короче, а их деды рассказывали, что раньше было еще лучше. Старый Донн, главный Доктор Дэйлзтауна, который является хранителем всей мудрости древних, говорит, что мудрецы, жившие до Страшного Суда, тоже знали об этих изменениях. И еще, — запинаясь, заключил он, — если климат действительно становится холоднее, то это в первую очередь ударило по северу. У них и без того было несколько неудачных лет со скудными урожаями, как доносили шпионы моего отца, они сами уже не раз подвергались жестоким набегам жителей еще более крайнего севера. Подводя итоги, можно легко сделать вывод, что вождь объединившихся ланнов может возглавить эту толпу и захватить земли юга.

— Для этого потребуется огромная армия, — сказал Аул.

— А это и есть огромная армия, — хмуро ответил Карл.

— Но почему они должны напасть обязательно на нас? — спросил Джон. — Ведь есть более слабые племена, более легкие жертвы.

— Не знаю, — ответил Карл, — но мой отец считает, что они хотят захватить в первую очередь нас именно потому, что мы самое большое и сильное племя. Если нас побьют, то у наших соседей не останется ни малейших шансов на победу. — Он бросил сердитый взгляд. — В любом случае, другие племена к нам не присоединятся. Они боятся возбудить гнев ланнов. Мы остаемся в одиночестве.

— А где сейчас эта армия северян? — спросил Джон.

— Не знаю, — ответил Карл. — И никто не знает. Они могут быть в любом месте среди гор и лесов севера и будут двигаться так же быстро, как наши разведчики, которые принесут известие о том, что они выступают. Думаю, что они рассредоточены по лесам, так им легче продвигаться вперед, а как только они придут на фермерские земли, они вновь объединят свои силы. Кое-где на севере уже были стычки между нашими людьми и их передовыми дозорными, поэтому они должны быть где-то близко.

— Но никто не может сказать, как близко, да? — Джон выбил трубку. Какое-то время крохотный уголек светился среди пепла, но вскоре и он исчез, медленно, словно закрывающийся глаз. — Я так и думаю. Понимаешь, Карл, нет никакой уверенности в том, что ланны выйдут из леса где-то здесь. А если они и выйдут, то их может ока-

заться не так уж и много, и мы вполне с ними справимся. Если даже их будет целая армия, то совсем необязательно они будут тратить время на стычки с местным ополчением. Короче говоря, мы, люди этого округа, проголосовали оставаться дома и защищать наши собственные очаги.

— По закону это ваше право, — угрюмо произнес Карл. — Но разделенное племя — это слабое племя.

Некоторое время он сидел в тишине, которую нарушали лишь треск огня да тихий стук ткацкого станка, за которым работала жена Джона. Где-то на улице выла дикая собака, и Булл завозился на оленьей шкуре, что-то ворча.

— Все не так уж и плохо, — спокойно произнес Джон. — Мы победим. Войны может вообще не быть. — Он улыбнулся. — Кроме того, парень, я не думаю, чтобы ты приехал к нам сюда в качестве посланника Ральфа.

— Нет, — ответил Карл, вопреки желанию глаза его заблестели. — Я действительно направляюсь на север, в Сити.

— В Сити! — прошептал Аул, по комнате пробежал испуганный шорох. Глаза Джона сузились, Том подался вперед, заостренное лицо насторожилось, Арн и Сэмюэль переглянулись, а женщина за станком перестала работать.

— Это ведь недалеко отсюда? — спросил Карл.

— День езды, — медленно ответил Том. — Но никто из нас там не был. Это табу.

— Не совсем так, — ответил Карл. — Вождь племени может посылать туда людей для переговоров с кузнецами и колдунами. И один из таких людей — я.

— Ты едешь за железным оружием?

— Да. У всех жителей Дэйлзтауна есть на случай войны личное оружие, но чтобы сражаться с ланнами, нам нужны такие вещи, как катапульты, броня для лошадей. Все, что я должен получить у кузнецов за обычную плату, — мясо, соль, одежду, меха.

Снова залаяла дикая собака, теперь уже близко. Говорили, что в лесах кишат стаи потомков домашних животных, разбежавшихся после Страшного Суда. Теперь из всех зверей они были самыми опасными. Арн что-то проворчал, вытащил из огня головню, чтобы осветить себе, и вместе с Сэмюэлем вышел проверить овец.

Карл сидел и думал о том, что же он знал о Сити. Он никогда там не был, но то, что ему поручили это задание, говорило о том, что сын вождя становится мужчиной.

Когда-то даже в этом районе Алаганских гор стояли города и деревни. В день Страшного Суда или вскоре после него все они были разорены и превращены в руины. После того, как первые кузнецы растащили оттуда весь металл, они были заброшены. Ветры и леса погребли их. Какое-то время в некоторых из них еще сохранялись

остатки населения. Но теперь и они были оставлены племенами. Когда кончился весь металл из домов, ржавых машин, старых железнодорожных вагонов, люди обратились к руинам древних городов.

Но к тому времени родились табу. Первые разведчики, проникавшие в эти пустые города, что были сожжены и разрушены во время ужасного атмосферного катаклизма, получившего название Страшного Суда, часто умирали от затяжных болезней. Многие считали, что такая «пылающая смерть» была признаком Божьего гнева. Поэтому сегодня людям из племен запрещалось посещать эти древние руины.

И все-таки металл был необходим. На протяжении ста, а может быть, двухсот лет после Страшного Суда небольшие отряды людей переселялись в эти города и поселялись там. Они не принадлежали ни одному из крупных племен, поэтому им это не запрещалось. Но теперь их боялись, считая колдунами, несмотря на то, что это были, как правило, скромные и миролюбивые люди. Именно они спасли сталь и медь из гигантских разрушенных зданий. Иногда они сами отливали из металла инструменты и оружие, а иногда просто продавали его. Племенам разрешалось приходить и покупать у них металл, но только при условии, что после Доктор, чтобы снять проклятье, произнесет над всем, что было принесено, волшебные слова.

Во всей округе остался только один такой город — Сити. Сегодня уже никто не помнил его названия. Он располагался к северу от территории Дэйлза и был отделен от нее горами и лесами, простирающимися так далеко, что нога путешественника еще не ступала в тех краях. Карлу давно хотелось посетить этот город, но лишь теперь Ральф дал ему разрешение.

Он снова заговорил, и его слова четко раздавались в тишине:

— Мне нужен проводник. Кто-нибудь пойдет со мной?

Джон отрицательно покачал головой:

— Сити — плохое место.

— Я так не думаю, — возразил Карл. — Это был большой, красивый город, прежде чем Страшный Суд все там уничтожил. Древние люди были мудрее нас. Почему же их творения должны нести зло?

Эта мысль прозвучала здесь впервые. Присутствующие сидели и переваривали ее.

— Табу, — произнес наконец Джон.

— Мне необходимо отправиться туда, — ответил Карл.

Том подался вперед, его глаза горели, веки слегка дергались.

— Отец, я могу его проводить! — заявил он.

— Ты?

— И я, — отозвался Аул. — Стыдно, что мы живем в одном дне пути от Сити и никогда его не видели.

— Мы вернемся через два дня, — воскликнул Том.

— Ланны... — пробормотал Джон.

— Ты же сам сказал, что их поблизости нет, — усмехнулся Аул.

— Но...

— Вас просит племя, — твердо сказал Карл. — Всему Дэйлзу необходимо это оружие.

Джон долго спорил, но, когда Карл ушел спать, Джон знал, что тот победил.

Они встали с восходом. Аул ворчал и сетовал, что пришлось подниматься в такую рань.

— Он такой, — улыбнулся Том, — окончательно проснется только после завтрака.

Карл потер глаза и потянулся:

— Я его понимаю.

Они вышли из дома в холодный утренний туман, чтобы помочь в утренних работах на ферме. Когда они вернулись к дому, ведя оседланных лошадей, завтрак уже ждал их, и Карл набросился на еду с таким же энтузиазмом, как и его новые друзья.

Жена Джона, Мэри, не отходила от ребят.

— Будьте внимательны, — шептала она. — Будьте осторожны, Том, Джим. И — о, возвращайтесь к нам!

— Да, — бубнил Джон себе в бороду, — конечно, я не должен был вас отпускать, но с вами боги. — Он провел им по плечам натруженной, грубой рукой и отвернулся, моргая.

Но все трое слишком стремились в путь, чтобы обращать на все это внимание. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем Карл снова ехал по лесу, туман еще не оторвался от земли, и на траве не высохла роса.

— Я знаю дорогу, — сказал Том. — Хотя я никогда там не был. Мы поедем по этому следу, пока не доберемся до ручья, потом надо ехать к северу до одной из старых дорог, которая и доведет нас до цели.

— Если бы все было так просто, мне не нужен был бы проводник, — заметил Карл.

— Да, конечно, — согласился Аул. — Но мне-то, по крайней мере, нужна эта поездка.

Они ехали гуськом по узкой тропинке. Вскоре лес сомкнулся за ними, кусты, пегие от солнца деревья, где-то промелькнула красная белка... Болтовня птиц, шорох бегущего ручья... Они были одни в этом лесу, вокруг не было ни души, и могущественная тишина, как плащом, покрывала привычные шумы леса. Карл, расслабившись в седле, вполуха слушал взволнованный разговор Тома и Аула, стук копыт, скрип кожаных седел, звяканье металла. Его ноздри ощущали тысячи запахов зеленой жизни. Это была прекрасная земля, щедрая, чудесная земля зеленых полей, высоких лесов, сильных людей. И обитатели Дэйлза, во что бы то ни стало, хотели сохранить ее такой!

— Я знаю, почему отец разрешил нам поехать с тобой, — сказал Том. — Он расстроен тем, что из наших мест не послано в Дэйлзтаун ни одного воина. Он считает, что мы поступаем мудро, но ему это не нравится.

— Война никому не нравится, — коротко заметил Карл.

— По-моему, она должна нравиться ланнам, — сказал Аул. — Иначе зачем они ее затеяли против нас? Мы никогда не причиняли им никакого вреда.

Карл не ответил. В самом деле, подумал он, я вовсе не уверен, что понимаю, почему происходят те или иные вещи, или что происходит вообще. В огромном и таинственном мире существуют не только племена с их неизвестным образом жизни и не только Доктора с их закоснелой мудростью.

Они ехали дальше, солнце поднималось в небе, лес смыкался за их спинами и неясно маячил впереди. След затерялся на берегу прохладного ручья, который им пришлось переходить вброд. За ручьем круто вздымались горы, меж деревьев виднелись обширные поляны. За день они отдохнули, поели сушеного мяса, которое сыновья Джона взяли с собой, потом вновь оседлали лошадей и поехали дальше.

Стычка произошла около полудня. Карл ехал впереди, прокладывая путь сквозь чащобу, и погрузился в свои мысли. Они продвигались с таким шумом, что не слышали того, что происходит вокруг, поэтому внезапный пронзительный крик прозвучал, как удар грома.

Карл выхватил меч и резким бездумным движением вонзил шпоры в бока своего пони. Стрела просвистела около его щеки и вонзилась в дерево. Он увидел, как перед ним из засады выскочил человек. Карл что было сил замахал мечом, и тут же топор чужеземца ударил его по ноге.

Удар в обмен на удар. Сталь горела в едином далеком свете солнца. Человек снова крикнул, из кустов появились люди. Некоторые прыгали с ветвей деревьев. Карл натянул поводья, пони отступил назад и ударил копытами первого из нападающих. Тот, спотыкаясь, пустился бежать, а Карл пригнулся в седле и пустил пони галопом.

— Сюда! — орал он. — Сюда, за мной! Мы должны оторваться от них! Это ланны!

Глава вторая

Погибший город

Ветви били его по лицу, и Карл вытянул руку, чтобы прикрыть глаза. Вперед... Он продирался сквозь заросли, ланны отступили перед его натиском. Теперь прочь отсюда! Он вылетел из леса на залитый солнцем, покрытый высокой травой луг. Две стрелы свистнули

ему вслед. Одна оцарапала щеку, словно ужалила дикая пчела. Обернувшись в седле, он увидел, что Том и Аул скачут неподалеку, а враги выбежали на открытую местность.

Всадники скакали по гребню горы справа от него, на его железном шлеме играло солнце. Если бы у них была такая конница... Карл стиснул зубы и ударил пони по бокам. Быстрее, быстрее — путь назад отрезан, они должны ехать вперед.

Вверх по пологому склону, вниз в ущелье, лошади скользили и спотыкались на мягкой почве. Огибая чащу, сквозь заросли шиповника, который больно цеплялся за живое тело. Карл рискнул обернуться еще раз и увидел полдюжины вооруженных людей на низкорослых северных лошадях, которые преследовали беглецов легким галопом.

У них свежие лошади, подумал юноша, им нужно только вынудить свои полужамученные жертвы спуститься вниз, и тогда — конец или плен, что еще хуже смерти.

Длинноногие кони сыновей Джона догнали Карла и скакали по обеим сторонам от него. Том низко пригнулся в седле, сосредоточенное лицо побелело. Аул скакал легко, его губы даже сейчас были изогнуты в усмешке.

Нагнувшись, младший брат прокричал Карлу:

— Похоже, что мы приедем туда быстрее, чем собирались!

— В Сити? — тяжело выдохнул Карл. — Может быть, колдуны помогут нам.

На это была слабая надежда. Кузнецы знали, что они существуют только благодаря распряму других племен и их нежеланию посещать Сити, поэтому они никогда не станут рисковать, вмешиваться в чужие раздоры. Но что еще оставалось делать преследуемым, кроме как питать надежду?

Вперед, вперед, вперед! Ветер гудел в ушах Карла, трепал волосы, рвал развевающийся плащ. Казалось, что земля сгорала под копытами, от бешеной скорости на глаза наворачивались слезы. Лошади уже тяжело дышали, вспотели, на губах была пена. Сколько они еще смогут выдержать?

Ланны пропали из вида, их скрывали горы, но они будут продолжать преследование. Понукая пони и думая, сколько он еще продержится, Карл вспоминал, что он видел раньше. Кроме одного-двух пленных, захваченных на границе, он никогда раньше не видел воинов-ланнов, и теперь образ преследователей прочно врезался ему в память.

Северяне были той же расы, что и жители Дэйлза и другие племена Аллаганских гор, хотя суровая жизнь сделала их низкорослыми и коренастыми. Они говорили почти на таком же языке, их было легко понять. Даже одежда у них была похожа, только они носили больше кожи и мехов. Но, похоже, у всех воинов были нагрудники из толстой

кожи, выкрашенные в резкие цвета, мечи у них имели не прямую, а изогнутую форму, луки более короткие и тяжелые. Говорили, что они дрались лучше, чем люди Дэйлза, которые были миролюбивым народом и не изобретали настоящего искусства ведения боя.

Сквозь гул ветра, свист травы и грохот копыт до слуха Карла донесся слабый, то плачущий, то завывающий звук рожка. Сигнал. Неужели ланны скликают остальных? И неужели целая армия будет преследовать троих несчастных беглецов? К горлу Карла подкатил комок. Он подавил отчаяние и еще раз прищипорил своего пони.

Они взлетели вверх по почти отвесному склону. С высоты Карл видел противника. Теперь преследователей было больше двух десятков. К прежним присоединились другие, и где в этом мире можно было от них укрыться?

Спускаясь с холма, Карл увидел среди деревьев едва заметную светящуюся белую полосу. Река? Нет, это была не река и не ручей — ничего похожего! Прямая, как брошенное копье, она тянулась к северу. Том заметил полосу и издал вопль.

— Дорога, — кричал он. — Дорога в Сити.

Конечно, подумал Карл. Он и раньше видел остатки разбитых древних мостовых, дорог, расколотых веками. Как правило, почти все камни были растащены на постройки. Эта же дорога была не тронута, и она вела прямо к цели.

Они выехали на дорогу, и копыта глухо застучали по ее твердой поверхности.

— Вперед! — скомандовал Аул. — Это быстрый и легкий путь.

— Для ланнов он тоже быстрый и легкий, — еле слышно отозвался Том, — но все равно едем.

Карл увидел, что ползучие корни веков жестоко обошлись с этой дорогой. Ее каменная поверхность была покрыта трещинами, местами дорожное полотно было разрушено, камни торчали под немыслимыми углами, во многих местах дорога поросла кустарником. И все-таки это была прямая и почти ровная дорога. Вперед, вперед, вперед!

Они продолжали путь. Карл заметил по сторонам дороги большие холмы. Он знал, что под этими холмами были скрыты руины древних зданий. Иногда бесстрашные люди нарушали табу и раскапывали эти холмы. Они находили там совершенно ненужные им обломки непонятных вещей. Даже теперь, спасая свою жизнь, Карл не мог не содрогнуться. Уголкем глаза он заметил, что Том теребит талисман, висящий на шее. По мере того как они продвигались на север, холмы становились все выше и все ближе подступали к дороге. То тут то там среди зеленой поросли виднелись обработанные камни и блестящие осколки стекла. Грохот копыт перекашивался и отдавался эхом среди торжественного покоя этих древних могил, как будто мертвые проснулись и протестующе кричали.

— Ланны! Они приближаются!

Обернувшись на голос Аула, Карл увидел крохотные фигурки всадников далеко позади. Они мчались вниз по дороге, и закатное солнце бросало блики на их копья и шлемы. Крик Тома заставил его резко повернуться.

— Сити!

Они неслись меж двух высоких холмов, тени от которых лежали на дороге. Холмы скрывали то, что ожидало их впереди. Как только они миновали холмы, цель путешествия раскрылась перед ними.

Сити. Древний Сити.

Даже теперь Карл ощутил боль и печаль, исходящие от этого мертвого гиганта. Он простирался во все стороны так далеко, что его нельзя было охватить взглядом. И весь он был повергнут в руины. Везде царило запустение. Здания давно превратились в груды кирпича, покрытого ползучими растениями, кустарниками и молодыми деревцами. Кое-где были видны сохранившиеся стены, увитые плющом. Лесные семена проникали и сюда, покрывая зеленью огромные древние сооружения и понемногу стирая их с лица земли. Ветер, дождь и зимние холода сделали свое дело. Дикие звери устроили себе норы среди этих развалин и бродили по пустынным улицам.

Там, далеко внизу, в лучах закатного солнца сияли башни — гордость Сити. Но даже на таком расстоянии Карл мог различить, что все они разграблены. Многие стены обвалились, оставив ржавые стальные скелеты, окна были выбиты, по пыльным комнатам блуждал ветер — и все-таки они стояли. Высокие и стройные на фоне вечернего неба, устремленные в небеса, как те великие, давно умершие люди, которые когда-то воздвигли их. И Карл понимал, что он вступает в руины мечты.

— Ланны! Том, Карл, обернитесь! Ланны!

Ланны придерживали своих коней меж сторожевых холмов и в смятении топтались на месте. Их слабые крики доносил вечерний ветер до троих юношей, сидящих на лошадях под стенами стоявшего без крыши здания.

— Табу! — довольно воскликнул Аул. — Им тоже запрещено посещать старые города. Они не смеют сюда войти.

Карл глубоко, прерывисто вздохнул, словно с этим вздохом в него вновь вселялась жизнь и надежда. Он громко рассмеялся в тишине погибшего города.

— Но... — Том нервно оглянулся вокруг. — Мы ведь и сами нарушили табу.

Перед Карлом снова появилась цель. Он расправил свои усталые плечи и смело взглянул вперед.

— А что нам терять? — спросил он. — Вперед, надо отыскать колдунов.

Усталые, покрытые пеной лошади медленно брели по улице, заросшей травой и ползучими растениями. Эхо громко раздавалось в глубокой тишине. Семейство ласточек вспорхнуло и полетело впереди них. Рисунок полета на фоне заката был прекрасен и стремителен. Это не такое уж страшное место, подумал Карл.

У него давно была мысль, что племена и Доктора ошибаются, запрещая пользоваться изобретениями древних. Может быть, и на самом деле они принесли человечеству Страшный Суд, но в то же время в них было столько энергии, направленной на сотворение добра, что они могли бы повернуть их сегодняшнюю, неизменную жизнь к тем высотам, которых достигли предки. И теперь, когда он ехал среди теней минувшего, среди гордых, прекрасных обломков былого величия, в нем росла вера.

— Стой, стой! — донесся до Карла пронзительный крик. Одной рукой он схватился за меч, другой натянул поводья. Из-за стёны вышли несколько человек и преградили им дорогу. Это были колдуны!

Они не походили на тех малопривлекательных существ из сказок, которые шепотом рассказывали по ночам. Это были такие же люди, как и те, что жили в Дэйлзе. Тоже не очень высокие и худые, так же неловко обращавшиеся с оружием. Они, казалось, так же растерялись от неожиданности, как Том и Аул. Большинство из них были темнокожими, должно быть, в них была кровь черных племен юга, а также кровь белых жителей севера. В отличие от других племен они носили туники и шотландские юбки, волосы у них были коротко острижены.

Один из них вышел вперед и поднял худую руку. Он был выше остальных, старый, с белой бородой. Длинный, отороченный мехом плащ покрывал его костлявое тело. В его голубых, глубоко посаженных глазах было что-то такое, что сразу расположило Карла к нему.

— Сюда нельзя входить, — сказал старик. — Это запрещено.

— Запрещено нашими племенами, а не вашими законами, — возразил Карл. — Но и наши законы разрешают человеку спасти свою жизнь. Нас преследуют люди севера. Если мы сейчас выйдем, они убьют нас.

— Уходите! — воскликнул колун. Его голос дрожал. — Мы не хотим иметь ничего общего с племенными войнами.

Карл усмехнулся.

— Если вы сейчас нас выпроводите, то примете сторону северян. — Повернувшись к старику, он сказал: — Сэр, мы пришли к вам как гости.

— Тогда вы можете остаться, — сразу решил колдун. — По крайней мере, на какое-то время. Мы в Сити не хуже вас в Дэйлзе знаем, как должен вести себя хозяин.

— Но... — заворчали его собратья, и он сердито повернулся к ним.

— Я сказал, что они останутся, — отрезал он, и мало-помалу недовольные нотки исчезли.

— Спасибо, сэр, — сказал Карл. Потом он представил своих спутников и рассказал о цели визита.

— Сын Ральфа, говоришь? — Старый колдун внимательно посмотрел на Карла. — Я помню, Ральф как-то приезжал сюда. Сильный мужчина и мудрее многих. Добро пожаловать, Карл. Я — Ронви, вождь народа Сити.

Карл слез с пони, и они пожали друг другу руки.

— Мы дадим вам пищу и убежище. Что касается изготовления оружия для вас — этого я обещать не могу. Вождь города, как и вождь племени, не может делать все, что ему заблагорассудится. Его действия ограничены законом и голосами людей. Я должен вынести это на совет. — Его голубой взгляд светился умом. — Но даже если мы изготовим вам то, что вы просите, как вы провезете это мимо ланнов? Мы знаем, они здесь повсюду.

Карл подавил внезапное чувство безнадежности и последовал за Ронви, ведя пони за повод.

Колдуны о чем-то переговорили между собой и пошли каждый своей дорогой.

Молча пройдя около мили, юноши и их проводник вышли на окраину того района, где высились башни. Здания здесь были выше и солиднее, они лучше перенесли годы дождей и холодов. Кустарник был вырублен, комнаты отремонтированы и уставлены кое-какой мебелью, в пустые проемы вставлены новые двери, разбитые окна затянуты тонким пергаментом — здесь колдуны жили. Они спешили по улицам по своим каждодневным делам, мужчины, женщины, дети двигались среди гигантских стен. В окнах горел огонь, с кухонь доносились аппетитные запахи, где-то в сумеречной тишине наигрывали на банджо. Из открытой двери слышались негромкие удары кузнечного молота.

— Они не такие уж и страшные, — прошептал Аул. — Такие же, как мы, и их не так много. Не видно ни дьяволов, ни привидений.

— Неужели старые легенды врут? — поинтересовался Том.

— Все может быть, — ответил Карл. Он не был уверен в своих догадках, поэтому больше не сказал ничего.

Ронви повел их к себе. Он жил в длинной комнате с высокими потолками на первом этаже старинной башни. Карл с удивлением отметил, что пол был мраморным, на почти новых, грубо сколоченных деревянных столах стояли старинные вазы, стекло, металлические безделушки. Неужели наш мир навсегда растерял былые ремесла?

Ронви зажег свечи, мрак рассеялся по углам.

— Садитесь, — он указал им на стулья. — Мои слуги позаботятся о ваших лошадях и скоро принесут поесть. Рад, что вы составите мне компанию. Моя жена давно умерла, сыновья выросли, и теперь мне здесь одиноко. Вы должны рассказать, что происходит в Дэйлзе.

Тома знобило от вечерней прохлады, и Ронви начал разжигать камин. Камин был сооружен в более позднее время, чем построена башня. Труба выходила наружу сквозь дыру в разрушенном потолке.

— Раньше, — сказал вождь, — здесь всегда было тепло и без огня, а если нужен был свет, достаточно было дотронуться до небольшого стеклянного шарика.

Карл взглянул на стол. Там лежала книга. Он взял ее и с благоговейным страхом перелистал пожелтевшие страницы.

— Ты знаешь, что это такое? — спросил Ронви.

— Это называется книгой, — ответил Карл. — У нашего главного Доктора в Дэйлзе есть несколько штук.

— А ты умеешь читать?

— Да, сэр, и писать тоже. Я сын вождя, поэтому должен учиться. Мы иногда посылаем письма... — Карл задумался над тем, что успел прочитать в книге. — Но смысл этого мне непонятен.

— Это труд по физике, — ответил Ронви. — Здесь объясняется, как древние вершили свое колдовство. — Он грустно улыбнулся. — Боюсь, что для меня это тоже почти ничего не означает.

Прислуга внесла тарелки, и юноши набросились на еду. Потом они сидели и о многом беседовали, пока Ронви не сказал, что пора отправляться спать.

Мне нравится Сити, думал Карл, лежа в ожидании сна. Здесь, в этом тихом месте, было трудно поверить, что где-то их ждет война и смерть. Но он твердо помнил, что ланны преследовали их до самой границы запретной зоны. Колдуны не разрешат им остаться здесь надолго, несмотря на Ронви, а мечи ланнов, которые жаждут крови, будут ждать их на выходе из Сити.

Глава третья

Мудрость предков

Утром, за завтраком, Ронви сказал юношам:

— Сегодня я соберу на Совет мужчин Сити и попытаюсь их убедить проголосовать за то, чтобы изготовить вам все необходимое. Эти северные завоеватели — жестокий народ, а дэйлы всегда были нашими друзьями. — В его улыбке чувствовалась горечь. — Если у нас, изгоев, вообще могут быть друзья.

— Где будет происходить собрание? — спросил Том.

— В зале, вниз по этой улице, — ответил Ронви. — Но закон запрещает присутствие на таких советах посторонних, поэтому сегодня вы можете исследовать город. Если вы не боитесь привидений и дьяволов, а я за всю свою жизнь ни разу их здесь не встречал, вам это должно быть интересно.

— Сити! — Сердце Карла забилося от внезапного возбуждения. Сити, Сити, удивительный волшебный Сити — он будет бродить по нему!

— И все-таки будьте осторожны, — предупредил Ронви. — Под кустами и валунами незаметно старых ям и опасных мест. Попадают-ся и змеи. Увидимся здесь вечером.

Захватив с собой хлеба с маслом, Карл с друзьями отправился бродить по улицам. Вскоре привычный страх сменился восхищением, потом ему на смену пришел еще больший страх с привкусом скорби по погибшему миру.

Колдуны занимались своими обыденными делами, вели себя необщительно, не обращая внимания на чужестранцев. Женщины готовили, хлопотали по дому, ухаживали за детьми, дети постарше играли в пустых домах, лазили среди развалин или сидели под деревом, внимая старой учительнице. Мужчины занимались своими делами. Некоторые трудились в небольших садах, разбитых на пустырях, другие работали в кузницах и столярных мастерских или разъезжали по широким мостовым — Карлу даже трудно было представить, насколько интенсивным было здесь когда-то уличное движение — на телегах с товарами. Карла снова поразила убогая ограниченность местной жизни, скрывающейся среди величественных развалин города великих предков. Он понимал, что сейчас размышляет над вещами, понять которые ему не дано никогда. Карл вздохнул.

В воздухе раздались низкие звуки большого гонга, эхо прокатилось от стены к стене. Это Ронви делал первое сообщение колдунам о том, что в полдень состоится Совет.

— Смотри, Карл. Смотри туда!

Сын вождя поднял голову и посмотрел туда, куда указывал Аул. Его взгляд поднимался все выше и выше по отвесной стене, в не постижимую высоту. Рассказывали, что эти здания когда-то называли небоскребами. В самом деле, с ужасом подумал Карл, они так высоки, что, кажется, устремляются в небеса. Сохранилось лишь несколько первых этажей, остальная часть кирпичных стен обрушилась, остались только чудовищные, рыжие от ржавчины балочные перекрытия, темный остов, в котором ветер гудел свою погребальную песню. На этих могучих ребрах примостились крохотные фигурки людей. До

юношей доносились слабые звуки ударов молотка и зубил, время от времени мигал огонек паяльной лампы, похожий на звезду, пойманную в стальную сеть. Тяжелые тросы лебедек спускались с высоты на заросшую сорняками улицу.

— Что они там делают? — прошептал Том.

— Они разбирают облицовку каркаса, — очень тихо ответил Карл. — Клочок за клочком они освобождают металл, чтобы продать его племенам.

Налетевший ветер заглушил его слова и унес их в глубокое ущелье авеню.

Все это было очень грустно — маленькие людишки нынешнего дня растаскивали по частям величественные строения, смысла которых они не понимали. Через несколько сотен или тысяч лет все это станет заметным. Ничего не останется, ничего, кроме развалин, колышущихся зарослей травы, кроме диких собак, воющих там, где когда-то жили люди.

В душе Карла смешались скорбь и медленно нарастающая злость. Это неправильно, неверно. Мудрость древних нельзя предавать анафеме! Люди должны попытаться овладеть ей и использовать для воссоздания этих строений — Бесценное наследие уже утеряно. Если не остановить эту алчность и невежество, то будущим поколениям не останется ничего.

По мере того, как они продвигались дальше, его и без того мрачное настроение все ухудшалось. Осталось так мало. Здания уже давно разрушены. Не осталось ничего, кроме пустых коробок и неуклюжих современных построек. Кроме центральной части, где жили люди, металл отовсюду был растащен, а все остальное было обречено превратиться в прах. Лес проник далеко в город.

Аула невозможно было удержать, и он взобрался на несколько уцелевших этажей одной из башен. Том и Карл последовали его примеру. С такой высоты им были видны мили мертвого Сити, леса и холмы, расположенные за его границами. На севере, под развалинами огромного некогда моста текла неширокая река. Сегодня, уныло подумал Карл, в их распоряжении всего лишь две деревянные баржи, на которых можно переправиться через реку. Он посмотрел на юг, пытаясь разглядеть там хоть какие-нибудь следы ланнов, но увидел лишь залитую солнцем шелестящую зелень деревьев, хотя где-то ланны сторожили их. Конечно, они ждали.

Ближе к полудню юноши нашли кладовую, которая в дальнейшем так много будет для них значить. Они обследовали южную окраину незаселенного района и как раз обходили живую стену из зарослей кустарника и молодых деревьев. И тут Том закричал, указывая куда-то пальцем:

— Что это?

Карл осторожно двинулся в ту сторону, куда указывал Том. С

удивлением он осознал, что испытывает страх. В землю был вкопан шест, на котором белел лошадиный череп — обычно при помощи такого знака отпугивают злых духов. За знаком виднелись две стены зданий, две другие превратились в груды кирпича и стекла. Позади этих двух параллельных, почти целых стен, маячил какой-то странный серый предмет, ни на что не похожий.

— Он волшебный, — сказал Том, немедленно ухватившись за представившийся случай. — Колдуны поставили этот знак, потому что сами чего-то боятся.

— Ронви говорил, что здесь нет привидений, — возразил Аул. — А уж он-то должен знать.

Карл какое-то время стоял, размышляя. Хотя он и не верил в сказки о зле, он не мог удержать бьющееся сердце. Неизвестно было, что это за предмет, там, в горячем мареве, на солнцепеке. Но ведь именно этот страх мешал людям овладеть учением древних.

— Идем, — быстро сказал он, не оставляя себе времени, чтобы испугаться.

— Пойдем, посмотрим.

— Может быть... — Том облизнул губы, потом потряхнул рыжей головой. — Хорошо! Я не боюсь.

— По крайней мере, не так чтобы уж очень сильно, — сказал Аул.

Они осторожно ступали по поросшим травой грудам камней, Том шел впереди, распугивая копьём змей в траве. Вот они дошли до тыльной части старого дома и остановились там, всматриваясь в загадочный предмет.

Это был бетонный блок с основанием в десять квадратных футов и в семь футов высотой. В передней части блока располагалась изъеденная веками бронзовая дверь. В сером бетоне над дверью были выдавлены буквы, и Карл смог прочитать их.

«КЛАДОВАЯ ВРЕМЕНИ»

— Что такое кладовая? — спросил Аул.

— Это место, где хранят вещи, — ответил Карл.

— Но время хранить нельзя, — возразил Аул. — Время — это не вещь. Это... это время. Дни и годы.

— Это очень сильное колдовство, — сказал Том, его голос слегка дрожал. — И тот, кто это сделал, был сумасшедшим. Идем.

— Мне кажется, это дверь. — Карл толкнул тяжелый позеленевший металл. Дверь заскрипела и медленно открылась. Он увидел бетонные ступени, ведущие вниз, в темноту.

— Вы, ребята, уходите отсюда!

Парни обернулись и увидели колдуна, стоявшего у шеста. В руках он держал натянутый лук, стрела была направлена на них, его лицо говорило о том, что он не шутит.

— Уходите! — орал он. — Здесь ходить запрещено!

Карл с друзьями поспешил назад. Втайне они были даже рады, что им приказали убраться из хранилища.

— Простите, — сказал Карл. — Мы не знали.

— Если бы вы не были гостями, я бы вас убил, — сказал колдун. — Это место — табу. Здесь полно черной магии.

— Откуда вы знаете, если сами не можете туда войти? — дерзко спросил Карл.

— Люди бывали там, — выпалил колдун. — Там полно машин, книг, вещей. Именно эта черная магия совершила Страшный Суд. И мы не хотим, чтобы она снова вырвалась на волю.

Он смотрел, как они уходили вниз по улице и бормотали заклинания против дьяволов, находящихся в хранилище.

— Мне очень жаль, — сказал Ронви, когда ребята вечером вернулись в его дом. — Но мой народ боится иметь дело с кем бы то ни было, пока не станет ясно, как сложится война с ланнами. И я не смог убедить их в противоположном. Они также сказали, что вы можете остаться здесь только на три ночи. Если к этому времени враги не отступят, вам придется пробираться мимо них.

Карл с отсутствующим видом кивал. Его слишком переполняли открытия древнего мира, чтобы он еще мог думать о грозящей опасности. Он должен с кем-то поговорить, и мудрый прозрачный взгляд Ронви внушал доверие.

Карл рассказал ему все, что видел, и все, что думал об этом, а Ронви теребил свою седую бороду и улыбался.

— Всю свою жизнь я провел, читая книги по истории и многие другие. Я долго размышлял над ними, — сказал он. — По-моему, я знаю, что такое на самом деле Страшный Суд.

— Это была война, — живо откликнулся Том.

— Да. Племена — они называли их нациями — были тогда больше. Вся эта земля, даже та, куда не добирался ни один нынешний путешественник, принадлежала одной нации, называемой Америкой, были и другие земли, некоторые из них лежали за морем. Они часто воевали, и их войны были очень жестоки. Они разрушали города с воздуха, превращая страну в пустыню. В конце концов одна большая война разрушила так много городов и техники, убила так много людей, что дальше так продолжаться не могло. Разразилась чума, начался голод. Кроме того, к тому времени очень много земель было истощено, и люди не могли вернуться к нормальной жизни. Многие из них умерли от голода, а другие воевали за то, что осталось. Они все больше опускались. Наконец их осталось так мало, что земля могла их прокормить, и через некоторое время дела пошли лучше, но были и такие, которые считали, что именно старая техника принесла зло. Если бы у людей не было такой техники, которая пахала землю,

плавала, летала, разрушала, они были бы не в состоянии так навредить друг другу. И эти люди убедили всех остальных, что мудрость — они называли ее байкой — это плохо, и ее надо запретить. К тому времени тех, кто разбирался в науке, осталось немного, их было легко убить или сломить.

Это было около пятисот лет назад. С тех пор леса и почва восстановились, на земле может прожить больше людей, чем сразу после Страшного Суда. Мы кое-что восстановили и вот, как видите, сегодня живем. Но из-за страха и табу мы не стали стремиться к тому, чего когда-то достигли наши предки.

Карл медленно кивал.

— Я думаю, что примерно так оно и было, — сказал он.

— Но, может быть, табу и необходимы, — сказал Том. — Если бы не наука, может быть, и не было бы ни Страшного Суда, ни страданий.

— Не было бы и многих хороших вещей, — ответил Ронви. — Древние не боялись оспы, простуды и многих других болезней, которые уносят сегодня наши жизни, они победили их при помощи науки. Люди жили в таком изобилии, которое мы сегодня не можем даже представить. Им так много нужно было сделать, понять, обдумать, что они были подобны богам. Они жили дольше и были счастливее нас. Неурожай в одном месте не приводил к голоду. Они могли достать пищу где-нибудь еще. Холода, заставившие ланнов выступить против Дэйлза, не значили для наших предков так много. О, они сделали очень много и еще больше собирались сделать...

Да, они были жестоки и неразумны, они навлекли на себя Страшный Суд, но почему бы нам не поучиться на их ошибках? Почему бы нам не использовать их науку и не жить так, как жили они, но в то же время быть мудрее и добрее? Мир сегодня — это мир желаний, а значит — мир войн, но мы могли бы построить будущее, где не будет ни голода, ни страха, ни конфликтов между людьми и природой. Подумайте над этим, ребята. Подумайте.

Карл проснулся, едва только его тронули за плечо, сел в постели. Ночной мрак заполнял комнату, но он все-таки различал высокую фигуру вождя Сити, склонившуюся над ним.

— Что случилось? — выдохнул он, шаря под подушкой в поисках кинжала.

— Ух, хм-м. Что? — зашевелились на своем двуспальном ложе Том и Аул и сели, таращась в темноту. Карл различил только их силуэты в медленно колеблющейся мгле.

— Карл, — прошептал Ронви. — Послушай меня, Карл, у нас мало времени.

— Да, да... в чем дело? — юноша вылез из-под одеяла, ступив ногами на холодный пол.

— Я разговаривал с тобой, и, по-моему, ты думаешь так же, как и я, — донесся торопливый шепот из темноты. — О древней науке и о необходимости, крайней необходимости для нынешнего мира возродить знания. Никто больше не хочет и слушать об этом. Я был один со своими мечтами, один всю жизнь. Но ты сын самого большого племени в этих землях. Когда-нибудь, если жителей Дэйлза не завоюют, ты сам станешь вождем и многое сможешь сделать. Я хочу показать вам кладовую времени. Сейчас, пока Сити спит. Вы пойдете со мной?

Странно, но Карл не испытывал страха, был совершенно спокоен и уравновешен, только пульс бился немного учащенно. Он натянул брюки и застегнул ремень для кинжала. За его спиной собирались Том и Аул. Зубы у них слегка стучали, но они пойдут за ним, даже если настанет Страшный Суд, и сознание этого согревало Карла. Конечно, не надевая обуви, они последовали за Ронви.

Ночь была безлунной, по Сити блуждали тени, улицы походили на темные туннели, чудился шорох призраков и тихий условный писк копошащихся крыс. Пара летучих мышей метнулась черной тенью на бледно светящемся фоне Млечного Пути, далеко в лесу завывала дикая собака. Четверо мужчин пробирались к запретному месту, бесшумные, как привидения, сквозь глубокую ночную тишину и негромкие пугающие звуки мертвого города.

Том, Аул и даже Карл дрожали, когда стояли под неясно белевшим черепом, но Ронви облегченно вздохнул:

— Здесь поблизости никто не живет, — сказал он. — Мы можем разговаривать.

Пока они осторожно пробирались к хранилищу, он продолжал:

— Как вождь, я имею право ходить сюда, когда мне заблагорассудится, и я много времени провел там внутри, изучая чудеса прошлого. Но мой народ не позволяет мне ничего оттуда выносить. Они боятся. Весь мир боится. Самое большое зло для человека — это страх.

Дверь все еще была приоткрыта. Ее проем дышал темнотой и неизвестностью. Ронви чиркнул кремнем о сталь, чтобы зажечь свечу, которую он держал в руке.

— Идите за мной, — сказал он. Желтое пламя выхватывало из темноты старое, спокойное и какое-то благоговейное лицо. — Я часто входил туда. Здесь нет ни колдовства, ни Страшного Суда — здесь нечего бояться — здесь надо удивляться и познавать тайны.

Они спустились по ступенькам вниз. Внизу Ронви высоко поднял свечу, и Карл увидел, что хранилище представляет собой большую подземную камеру с бетонными стенами. Она простиралась дальше, чем мог видеть глаз. Карл стоял, не двигаясь, захваченный этим чудесным зрелищем.

По сторонам тянулись стальные камеры. На длинных скамьях стояли образцы, прикрытые стеклянными колпаками. Искусно изго-

товленные модели механизмов, о назначении которых Карл не мог догадаться, их металлические детали поглощали слабый мерцающий свет. Вещи в натуральную величину из стали, меди, стекла, они были такой формы, которой он никогда не видел, и ему оставалось только терпеливо ждать объяснений человека, который в этом разбирался, и там были книги — книги, повсюду книги. Застекленные стеллажи, от пола до потолка, набитые книгами.

— Идите сюда, — позвал Ронви.

Карл подошел с ним к стене, на которой висела бронзовая дощечка. Губы Карла шевелились, когда он с трудом разбирал выгравированную там надпись.

— *«Вам, тем, кто придет сюда потом.*

Мир на грани последней войны, войны, которая, на мой взгляд, уничтожит всю цивилизацию и отбросит человека, если он вообще выживет, назад к первобытному строю и невежеству. Понадобится много времени, чтобы вновь завоевать утраченное. Может быть, это уже никогда не удастся сделать. Но я должен совершить все, что в моих силах, чтобы сохранить эти величия и полезные человечеству знания. Зло — это люди. Знания могут нести в себе только добро, чтобы этот великий факел горел вечно, я оставляю здесь искру, от которой в грядущие века его можно будет зажечь.

В этом хранилище лежат книги, в которых собрано все, что мы знаем, о природе и нашей истории, начиная с простейших, доступных каждому вещей и кончая величайшими открытиями человеческой расы. Наши мелкие инструкции и небольшие приборы тоже хранятся здесь, а более крупная техника представлена в моделях. Это дает возможность понять принципы ее действия и воспроизвести. Здесь же собраны труды философов, пророков, произведения искусства, которые мне удалось собрать. Они нужны, чтобы объяснить вам, как более мудро и с пользой распорядиться вновь их приобретенной властью. Желаю вам не просто подражать нам, а проявить собственную инициативу и осуществить новые, лучшие мечты.

Храните это богатство и используйте его во благо. Да поможет вам Бог в достижении ваших целей».

Прошло немало времени, пока Карл все это разобрал и пролистал, но, прочитав, почти ничего не понял. Но он знал, что это крик сквозь века, и на глаза его навернулись слезы.

— Кто это сделал? — прошептал он.

— Я не знаю, — так же тихо ответил Ронви. — Должно быть, ученый, который предвидел Страшный Суд пятьсот лет назад и пытался сохранить это для нас. Но его имени здесь нигде нет. Я считаю, — добавил он, помолчав секунду, — что он не хотел, чтобы мы знали его имя. Отдавая все это нам, он хотел, чтобы мы помнили обо всем человечестве, с которым это случилось.

— И на это хранилище наложено табу? — Горький возглас Карла глухим эхом метнулся от стены к стене.

— Но так не должно быть вечно, — ответил Ронви. — Когда-нибудь ты станешь вождем Дэйлза и сможешь снять табу. Чтобы все это изучить и использовать, понадобится много лет и много людей. За всю свою жизнь я успел исследовать лишь крохотную частичку этого огромного богатства. — Он взял Карла за руку. — Я тебе кое-что покажу.

Это были странные поиски. Они блуждали среди пыльных ящиков и коробок, трогали дрожащими руками книги, планы, модели. Это было хранилище, куда, словно в клетку, было заключено само время. Большую часть этих описаний и техники мозг Карла воспринял с трудом. Но были и такие вещи, которые можно было использовать прямо сейчас, сегодня! Новый проект парусной лодки, ветряной мельницы, так называемые прививки с целью предотвращения смертельной оспы, естественные законы наследственности, используя которые фермеры могли вырастить больше зерна и получить больше продуктов. Новый мир был у них в руках!

Том поднял какую-то штуковину, короткую металлическую трубку, в один конец которой было вставлено стекло, сбоку придела-на ручка.

— Что это? — спросил он.

Ронви улыбнулся при желтом пламени свечи.

— Поверни ручку, — сказал он.

Том повернул ручку и удивленно вскрикнул. Из стекла вырвался чистый, белый луч света, он отбросил трубку — Карл поймал ее на лету. Свет погас.

— Это называется карманным фонариком, — объяснил Ронви. — Рядом с ним лежала карточка, где было написано, что фонариком надо управлять вручную, так как у вставленных в него батареек истек срок службы.

Карл покрутил вещицу в пальцах.

— Я могу захватить ее с собой? — спросил он. — Когда я буду рассказывать обо всем этом в Дэйлзе, мне нужно будет что-нибудь в качестве доказательства.

Теперь настала очередь Ронви удивляться.

— Что ты имеешь в виду? — спросил он.

Глаза Карла горели яростью.

— Я имею в виду, что завтра ночью мы втроем попробуем проскользнуть мимо ланнов и вернуться домой, — ответил он. — Тогда мы вернемся сюда с более сильной командой, захватим хранилище, научимся делать оружие, такое, какое было у предков, и прогоним завоевателей!

Наступила тишина.

— Если нам удастся проскользнуть мимо ланнов, — сказал Аул.

Неумирающий свет

Прошел еще один день, полный бесконечных хождений по развалинам под подозрительными взглядами колдунов. Солнце медленно пересекло небо, высветив высокие строгие башни на фоне заката. Карл, Том и Аул вывели лошадей, стоявших в высоком здании из полированного мрамора под названием БАНК, и стали готовиться к путешествию.

— Может быть, ланны ушли, — с надеждой сказал Аул.

— Боюсь, что нет, — ответил Карл. — Они боятся Сити, но в то же время знают, что для них будет лучше, если они не допустят обмена сообщениями между колдунами и жителями Дэйлза. По крайней мере, несколько человек остались, чтобы стеречь нас. — Он улыбнулся, стараясь не подавать вида, что при этой мысли у него холодели руки и в горле вставал комок. — Но вокруг густые леса и ночь темна... Если нам повезет, мы проскочим мимо них. А если нет... — Он хлопнул по седельной сумке. — А если нет, у нас все-таки будет шанс.

— Моя вина, — сказал Ронви. — Моя вина, что я посылаю вас к врагам, хотя вы мои гости.

— Сэр, вы не можете поступить иначе, — тихо заметил Том. — Мы знаем, что вы нам друг.

— В старые времена, — сказал Ронви, — вы могли бы безбоязненно путешествовать из одного конца Америки в другой. А теперь эти несколько миль — смертельно опасная ловушка для вас. Если вы вернетесь домой, Карл, если ты станешь вождем Дэйлза — помни об этом!

— Я буду помнить, — заверил Карл.

Он обвязал морду своего пони, чтобы тот не заржал и не выдал их, его товарищи сделали то же самое. В сгустившейся ночи над их головами зажглись яркие, изумительно красивые звезды.

— До свидания, Ронви, — сказал Карл. — И спасибо.

— С вами Бог, — сказал старик.

Он смотрел и смотрел им вслед, пока их фигуры не пропали среди кустов в ночной тени.

Молодые люди шли осторожно, ведя лошадей в поводу.

Ночь сгущалась, и они пробирались сквозь темноту, поднимавшуюся к звездам. Медленно, спотыкаясь, они шли, с шумом преодолевая заросли кустов и развалин, пока не добрались до границы Сити. Тут они остановились и, скрытые лесом, всматривались в расстилавшийся перед ними открытый луг. Они напрягали глаза, но не видели ничего. Слышно было только стрекоз, кузнечиков да шелест ветра — вот проухала сова, вот пропела дикая кошка, — но врагов не было.

Собственное дыхание казалось им очень громким, и Карл подумал, что ланны, если они близко, наверняка слышат биение их сердец.

— Мы ведь поедem не по дороге? — прошептал Том.

— Нет, болван, это нас выдаст, — так же тихо ответил Аул. — Мы поедem через поле, да, Карл?

— Да, — кивнул сын вождя. — По-моему, теперь мы можем потихоньку трогаться, поедem по открытой местности, но будем держаться теней деревьев. — Он вставил ногу в стремя и вскочил в седло. — Поехали.

Его чуткий слух улавливал все звуки обступившей их ночи. Высокая трава шептала под копытами. Когда он слишком прижимался к лесу, листья шлепали его по щекам, стук камня, попавшего под копыто, заставил его невольно напрячься. Медленно, почти беззвучно, Сити откатился назад, деревья сомкнулись, и он вновь очутился среди первозданной природы.

Ланны не дураки, подумал он. Они знали, что добыча сделает попытку проскользнуть мимо них. Поэтому если они не оцепили город, что вряд ли возможно, то, скорее всего, следили за Сити, разбившись на небольшие отряды, которые не отходили далеко друг от друга. А могли и отходить. Это помешало бы чуткому уху охотника услышать слабый шорох крадущихся врагов. Оставалось надеяться на Бога.

Луг уперся в стену леса. Карл попытался заставить свою лошадь вступить в лес, но сразу же поднялся такой стук и хруст, что на лбу у него выступил холодный пот. Впереди была тьма, в которой высокие стволы деревьев казались колоннами, поддерживающими крышу ночи. Лошади спотыкались на неровной почве, и Карл изо всех сил надеялся, что они не потеряли направления. Было бы злой шуткой, если бы они, прокружив всю ночь, вернулись в Сити.

— Слушайте!

Свистящий шепот Тома заставил Карла привстать на стремях, натянуть поводья и впереться в темноту. Да-да... Звук копыт, лязг железа... Он едва сдерживал стон. Ланны!

— Замри ненадолго, — выдохнул Карл. — Может быть, они проедут мимо.

Шум становился все громче, он приближался, и Карл понял, что патруль, скорее всего, проедет так близко от них, что услышит, как топчутся на месте, тяжело дышат лошади. Теперь ничего не оставалось делать, как убежать.

Он наклонился в седле, рука нащупала грубую конскую гриву, и ослабил веревку, которой был завязана морда. При быстрой скачке животному потребуется много воздуха, грустно подумал он и почти улыбнулся, когда лошадь, почувствовав свободу, радостно зафыркала.

— Туда, — сказал он, — назад... в луга...

— Эй! Кто идет?

Меж деревьев раздался грубый гортанный крик. Карл пустил пони рысью. Ветки хлестали ему по лицу, он слышал за спиной возбужденные голоса ланнов. Охота началась.

Вырвавшись на открытую местность, он вонзил каблуки под ребра своему пони и почувствовал, как тот понесся галопом. Том и Аул на своих более крупных лошадях мчались рядом. Какое-то мгновение лишь грохот копыт дробил ночь.

Позади из леса вылетело темное пятно и расплзлось на дюжину всадников. Их шлемы и копья блестели в свете звезд. Увидев впереди беглецов, кто-то из них громко затрубил в рог. Карл пригнулся в седле и полетел вниз по склону холма.

Вперед! Внизу стояла прохлада глухой ночи. Каменистый склон звенел под неистовыми копытами, неведь откуда взявшиеся здесь деревья хлестали по глазам. Ланны скакали по самой кромке, их силуэты выделялись на фоне неба, раздавались воинственные вопли.

Лошадь Аула споткнулась о корень и кубарем покатилась вместе с всадником. Ездок, как кошка, вынырнул из стремени, и это его спасло.

— Езжайте дальше! — закричал он, встав на колени. — Уходите... уходите!

— Нет! — Том натянул поводья, его лошадь затанцевала на месте, звездный свет тускло заиграл на мече. — Нет! Мы будем сражаться!

Карл тоже придержал своего коня и повернулся, было слишком поздно. Ланны, весело крича, скакали вниз по склону. Никаких шансов ускользнуть от них не было.

Разве что...

Карл нагнулся и сунул руку в седельную сумку. Он нашарил металлическую штуковину и вытащил ее из сумки.

Ланны придержали коней и теперь приближались медленно, шагом. Карл видел блеск их глаз, сверканье зубов на бородатых лицах, спаянные из железных пластинок шлемы, кованные начищенные нагрудники тускло отражали лунный свет. Вождь повысил голос:

— Вы сдаетесь?

— Нет! — закричал Карл. Эхо со звоном раскатилось среди каменных глыб: нет, нет, нет.

— Мы едем из Сити, — Карл закричал так громко и угрожающе, как только позволяли легкие. — Мы везем черную магию Страшного Суда. Это пылающая смерть, которая разрушит мир. Девять тысяч дьяволов закованы в цепи и рвутся на свободу. Отступайте, люди Ланна, мы колдуны.

Всадники медлили. В тишине ночи Карл слышал их вырывающееся сквозь зубы дыхание, видел чей-то отнятый щит, руку с зажатым в пальцах талисманом. Но они не убегали.

— Я держу горящую смерть! — закричал Карл. — Ваша плоть отделится от костей, ваши глаза вывалятся из глазниц, вы уже мертвецы! Смотрите, люди Ланна, смотрите!

Он направил на них фонарь и покрутил ручку. Белый луч прорезал темноту, вырвал из ночи жестокое лицо, обозначив на нем резкие тени, и начал перемещаться с одного лица на другое. Заржала лошадь. Завопил человек.

Карл опустил ручку. Когда свет потух, в тишине что-то жутко и тоскливо заскулило. Потом он снова покрутил ручку, направил луч света, словно остроконечное копье, и, понукая лошадь, двинулся вперед. Надвигаясь на ланнов, он откинул голову назад и завыл, как дикая собака.

Воины издали вопль ужаса, смешав ряды патруля, превратив их в безумное месиво из тел и копыт, они бросились рассыпную.

К рассвету путники проехали большую часть пути. Трюк Карла с фонариком едва ли сработал бы днем, поэтому, как только в небо пробрались первые проблески серого унылого утра, они спешили, почистили лошадей, завернулись в одеяла и улеглись спать. Но солнце еще не успело высоко подняться над горизонтом, а они снова двинулись в путь.

— Мы явимся как раз к началу работ по хозяйству, — пробубнил Аул, но глаза сияли на его круглом лице.

Том прошелся рукой по своим взъерошенным волосам.

— Кажется, мы не были дома сто лет, — сказал он озабоченно. — Мы так много сделали, увидели и узнали... я уже не знаю, чему теперь и верить.

Он посмотрел на Карла.

— Скажи, все, чему нас там учили, верно? Действительно не существует ни дьявола, ни магии, ни Страшного Суда?

— Я не знаю, — грустно ответил Карл. — Думаю, в старых легендах есть какая-то доля истины, но ведь они ничего не говорят о первопричинах. Нам надо узнать всю правду. Доктора, которые уверяют нас, что они познают древнюю мудрость настолько, насколько это необходимо людям, не хотят, чтобы мы этим занимались, но я считаю, что необходимо помочь Дэйлзу, и это доказательство, что у меня в сумке, поможет нам убедить людей в обратном.

Он зевнул и вытянул затекшие ноги.

— Хорошо бы побыстрее доехать до твоего отца. Мне хочется съесть горячий завтрак.

Они ехали по лесной тропинке, сквозь прохладную шелестящую зелень. Сыновья Джона жадно смотрели по сторонам, ловя знакомые приметы. Том первый потянул воздух носом и повернул к остальным обеспокоенное лицо.

— Вы чувствуете дым? — спросил он.

Через некоторое время Карл и Аул тоже почувствовали запах гари в воздухе и пустились невеселой рысью, держась направления к дому Джона.

Прочь из леса, еще один подъем, и вот они, милые сердцу родные, широкие поля...

Ферма была сожжена.

Они долго сидели на пепелище, пораженные и растерянные, медленно постигая разумом, что все, что здесь было, превратилось в руины. На месте построек дымились кучи пепла, из которых торчали обуглившиеся стропила, словно пальцы, указывающие в пустое небо. Дом еще кое-где горел. Маленькие язычки пламени трепетали среди обрушившихся бревен и осыпавшегося пепла. Дым растворялся в безоблачном небе, черный и страшный. Над пожарищем нависла гнетущая тишина.

— Отец... — в голосе Аула слышалось рыдание. — Мать...

— Поехали! — Том схватил плетъ и безжалостно хлестнул лошадь, та пустилась галопом. Остальные двинулись за ним, не стыдясь слез.

Карл, не так потрясенный горем, как братья, ездил по двору, пытаясь отыскать следы. Они тянулись через засеянные поля к востоку.

— Ланны, — произнес он. — Их воины пришли сюда, все сожгли, а скот угнали с собой.

Побледневший Том и Аул с кочергами возились среди тлеющих обломков дома. Когда подошел Карл, они подняли головы.

— Тел нет, — сказал Том. — Мертвых мы бы нашли.

— Нет... — Карл подошел к сараю. Тот более или менее сохранился. Среди почерневших жердей видны были обгоревшие инструменты. Но фургона нигде не было видно, а он имелся на каждой ферме.

— Радуйтесь, — сказал он, стараясь улыбнуться. — Смотрите, нет фургона и нигде не видно убитых. Это означает, что обитатели фермы ушли отсюда раньше, чем напали захватчики. Сейчас они, наверное, направляются в Дэйлзтаун.

Аул вздохнул, а Том сумел даже улыбнуться, могло быть и хуже. Они даже не смели подумать о том, что могло случиться.

— Но может быть, ланны захватили их в плен? — беспокоился Том.

— Нет. Зачем завоевателям связываться с пленными. — Карл с беспокойством оглядел горизонт. Столб черного дыма на западе свидетельствовал о том, что еще одно селение сожжено.

— Но ланны сделали это недавно, похоже, что прошлой ночью. Значит, они где-то поблизости. Нам лучше убраться отсюда.

На равнинных фермерских землях почти нигде было укрыться. Путники медленно ехали по пыльной дороге, нервно озираясь по сторонам в поисках неприятеля.

Они проезжали одно разоренное место за другим. В полях лежали тела убитых, там же бродили животные, оставшиеся без присмотра. Но нигде не было ни души.

Они доели последние припасы и теперь их одолевал голод. Карл подстрелил из лука заблудившуюся свинью, но позволил всем съесть лишь по небольшому куску сырого мыса. Костер мог привлечь внимание неприятеля.

Они ехали на юго-запад, к большому лесу, за которым лежала территория Дэйлзтауна. Было бы безопасней ехать в Дэйлз по открытой местности, но Карл здраво рассудил, что этот же маршрут выберет и пограничный патруль. В полдень юноши были рады, что приняли именно такое решение. Далеко внизу, на дороге, они увидели столб дыма и поспешили укрыться среди деревьев. Спрятавшись в зарослях, они наблюдали, как мимо проехало войско ланнов.

Коренастые мужчины крепко сидели на своих лохматых лошадях и казались с ними одним целым. Начищенная кожа щитов и нагрудников отражала свет, длинные шпоры торчали на каблуках отделанных мехом сапог. Копья поднимались и опускались в ритм движения. Плащи и красные знамена трепетали, четко выделяясь на зелено-коричневом фоне земли. Суровые загорелые лица казались еще темнее от бород, волосы были перевязаны лентами. Они непрерывно озирались по сторонам, белые зубы то и дело сверкали — они смеялись какой-то шутке. Поверх обычных походных доспехов завоеватели носили грубые украшения — это были не только их собственные серьги и браслеты, но и драгоценности, награбленные в домах Дэйлза. На волосатых шеях висели ожерелья, драгоценные перстни сверкали на узловатых пальцах, плечи и талии были обмотаны кусками шелка.

Они проехали мимо, и шум, создаваемый ими — лязганье и звон железа, скрип кожи, грохот копыт, тяжелый, лающий смех, — угас в горячей летней тишине. Карл, Том и Аул растерянно посмотрели друг на друга. Они ясно видели, что ланны здесь перешли границу, что, собравшись, фермеры, если даже у них и было время собраться, отступили под натиском и что враг готовился обрушиться на Дэйлзтаун. Времени оставалось даже меньше, чем предполагал вождь Ральф. Отчаянно, страшно мало времени. Отвратительная перспектива поражения и рабства представилась глазам Карла.

Глава пятая

Возвращение и отступление

Солнце уже снова клонилось к закату, когда юноши добрались до западных границ фермерских владений и вступили в леса. Их лошади еле плелись, понури́в головы, да и сами они чувствовали, как ныли кости, и в глаза был словно песок насыпан. Но необходимость была сильнее усталости. Необходимость отыскать укромное место, чтобы

не нарваться еще раз на ланнов, и еще более горькая и сильная необходимость узнать, что же случилось с людьми.

Карл бросил назад последний взгляд. К востоку простирался Дэйлз, зеленый, тихий и прекрасный. Спокойный летний воздух был наполнен светом закатного солнца и сонным щебетом птиц. Не видно было ни души. О, это была большая и чудесная земля, и он мог себе представить, как хотели бы ланны иметь такой дом. Но ради всего святого, думал он со злостью, смешанной с усталостью, это в первую очередь их дом!

Дорога перешла в узкую тропинку, под кронами деревьев это была и вовсе едва заметная тропинка, поросшая травой, в которой тонули копыта. Во все стороны разбегались перепуганные кролики. Они миновали одинокую хижину угольщика, сейчас из-за нашествия ланнов она пустовала.

— Это последний дом, — сказал Том бесцветным невозмутимым голосом. — Дальше будет только дикая природа.

Они проехали еще немного. Тропинка совсем пропала. Потом вновь появилась, и Карл, пригнувшись, напрягал в сумерках зрение.

— Смотрите! — воскликнул он. — Смотрите, здесь кто-то проехал!

И тут они увидели свежие следы копыт, поломанные ветки, утопанную тропинку, ведущую в лес. Аул тихо вскрикнул.

— Да это же, наверное, наши люди! — затараторил он. — Они проехали не тем путем, что мы, а мимо хутора Гарри, он-то и привел их сюда. Поехали, ребята! Поехали!

Смеркалось. Туман опускался меж высоких стволов, и, петляя между деревьями по холмам, было трудно не сбиться даже с такого четкого следа, какой оставили колеса фургона. Пони Карла тяжело дышал, и он гладил его склоненную шею.

— Спокойно, старина, спокойно, — шептал он. — Теперь уже недалеко. Грузный фургон не мог далеко уехать, заросли-то вон какие.

— Смотрите! Там, впереди! — Том указывал рукой в сгущающиеся сумерки. За журчащим ручьем плясали ярко-красные искры. Бивачный костер!

Они слишком устали и даже не подумали о том, что и ланны могли бы развести этот костер. Они перешли ручей вброд и вскарабкались по обрывистому берегу. Да, да... маленький костерок выхватил из темноты два фургона и привязанных к ним животных... Рядом стоял опираясь на копые человек.

— Кто там? — раздался его усталый и немного дрожащий голос. — Стой, или я буду стрелять.

— Отец! — радостно закричал Аул. Он соскочил с лошади и помчался к часовому. Том бросился за ним, Карл тоже не отставал. Когда сын вождя подъехал, фермер Джон обнимал своих сыновей, а мать плакала от радости. На развалинах своего мира они вновь обрели друг друга!

При тусклом красноватом, мерцающем свете были видны и другие лица: старик, его сын с женой и ребенком, молодая женщина... Они, видимо, присоединились по дороге. Здесь же находились четыре здоровенные быка, тянувших фургон, несколько лошадей, пара собак. Все они отдыхали под деревьями. Фургоны были доверху нагружены семейным добром, и Карл хмурился, когда ему дружески жали руку. Какой смысл с замирающим сердцем тащиться со всем барахлом по лесу, ведь это замедляло движение и могло привлечь грабителей.

Что ж... Он помнил, как однажды его отец сказал: «Люди есть люди, их нельзя в корне изменить, и вождь должен принимать их такими, каковы они есть. Никогда не забывай, что вождь остается вождем только по их желанию».

Его мучило от страха при одной мысли о том, что могло случиться с отцом за эти долгие последние дни. Неужели ланны пришли в Дэйлзтаун?

Карл спрыгнул с пони на холодную сырую землю. Глядя на разлетающиеся языки пламени, он с грустью слушал рассказ Джона о том, что произошло. И все-таки, хотя рассказ был не из веселых, было приятно лечь у костра, вытянуть ноги и отдохнуть.

Разведчики принесли весть в тот же день, когда парни покинули жилище Джона. Передовой отряд ланнов вышел из леса неподалеку и накапливается в полях. Известие о войне быстро разнеслось по фермам, но понадобился еще один день, чтобы собрать мужчин, поэтому они встретили ланнов усталые после ночного перехода.

— Они рассредоточили наш отряд, — печально сказал Джон. — Их всадники обошли с флангов нашу пехоту, вооруженную пиками, и ударили по нам с флангов и с тыла. Мы сражались долго и упорно. Многие из них погибли, но те, кто остался в живых, раскололи нас на маленькие отряды, и в конце концов мы вынуждены были бежать. Ланны преследовали нас. Они охотились за нами, как собаки за зайцем. Лишь опустившаяся ночь спасла нас, и мы устремились домой, понимая, что разбиты. Ланны рыскали по округе, круша и грабя все на своем пути, но, может быть, это было и к лучшему. Это надолго отвлекло их и дало нам возможность спастись бегством.

Если бы фермеры сразу поехали в Дэйлзтаун и вступили в большую армию под командованием человека, разбиравшегося в военном искусстве... Карл сжал губы и не сказал этих слов вслух. Говорить об этом теперь было слишком поздно.

— Многие семьи, как и мы, отходят в леса, — сказал молодой мужчина, которого звали Тарол. — Они продвигаются медленно, но я не думаю, что ланны бросились нас преследовать. Под рукой у них много добра — наши дома. — Он плюнул. Его жена заплакала, он положил ей на плечо руку, безуспешно пытаясь успокоить.

Карл отметил про себя, что, занимаясь грабежом селения севера,

завоеватели на какое-то время там задержатся. Потом им нужно будет собрать всю свою армию, здесь сражалась только часть ее. О такой сильной кавалерии, как у ланнов, не могло мечтать ни одно из южных племен. Но основная часть армии — это пехота, так же, как и в армии Дэйлза. Таким образом, думал Карл, у Ральфа будет в распоряжении несколько дней, прежде чем на них обрушится удар.

Тем не менее ему хотелось как можно скорее добраться до дома и присоединиться к своему отцу. Он застонал при одной мысли о том, как они будут пробираться сквозь кусты по холмам с этими битком набитыми бараклом бычьими упряжками. На мгновение мелькнула мысль бросить спутников и пробираться одному, но нет — взгляд его вновь обратился к усталым, покрытым пылью лицам Тома и Аула. Эти двое последовали за ним, стояли рядом, как настоящие друзья перед лицом неведомых сил Сити. Теперь они были со своим народом, и этот маленький караван будет нуждаться в каждом лишнем охотнике, чтобы прокормиться в пути. Однажды Ральф сказал: «Вождь — это первый слуга племени».

Карл покачал головой, вздохнул и расстелил одеяло, чтобы лечь спать. Пусть сыновья Джона рассказывают об их экспедиции к колдунам. А он хочет сейчас только одного — отдыха.

На следующие сутки их путешествие превратилось в медленный ночной кошмар. Хотя быки напрягали все силы, а в наиболее трудных местах в помощь к ним присоединили лошадей, фургоны продвигались вперед очень медленно. Они застревали в кустах и молодой поросли, вязли в мягкой почве на берегах ручьев и опасно кренились на диких склонах гор и оврагов. Мужчины вынуждены были подталкивать их сзади, прорубать дорогу впереди, вести неуклюжих животных по неровным склонам, проклиная все на свете, потая и прислушиваясь — не слышны ли где-нибудь воинственные крики ланнов. Ближе к вечеру, когда Джон попросил его пойти поохотиться, Карл вздохнул с облегчением.

Юноша взял лук, стрелы, легкое копье, аркан из сыромятной кожи и тихо исчез в лесной чаще. Его ноющие плечи распрямились, как только он оставил скрипящие фургоны, с новым восторгом вдыхал он щедрую земную жизнь. Лето, шелест листьев, золотые блики света, голубое небо, просвечивающее сквозь кроны, королевская змея, греющаяся на солнце, свернувшись на поросшем мхом бревне, фазан, взмывающий ввысь на потревоженных крыльях, подобно радужной вспышке, прежде чем Карл успевает выстрелить... О, как хорошо жить и быть свободным в пору молодого лета! Карл насвистывал под нос, пока был слышен караван, потом притих, и его коричневая порхающая фигура растаяла в сумраках леса. Ему предстояло потрудиться.

Вскоре он заметил нору сурка, но там ли зверек? Карл натянул тетиву, залег и стал ждать. Солнце медленно катилось на запад, носчесался, мухи жужжали, как сумасшедшие, вокруг его вспотевшего лица, но он затаился, как кошка, и ждал, когда же его терпение будет вознаграждено. Сурок выглянул из норы, Карл спустил тетиву и поразил добычу в живот. Жирный. Но разве им накормишь десять человек? Карл отправился дальше.

Он выстрелил в белку, но промазал, не очень, впрочем, расстраиваясь, он любил этих суетливых рыжих непосед. Карабкаясь по склону, он наткнулся на дикобраза, и тот тоже угодил в его сумку. У подножья холма бежал большой ручей, и он пошел вдоль него, собирая по дороге мелких черепак. Сегодня на ужин будет разнообразная еда. Но ее, увы, мало, даже если Том и Аул тоже где-нибудь промышляют...

Стоп — что это там, впереди?

Карл бросился вниз по течению ручья. Падая с каменистого обрыва, ручей образовывал здесь тихую заводь, над которой склонялись печальные ивы. В такие места приходит на водопой крупная дичь! Карл не собирался дожидаться здесь наступления темноты в одиночку. Он знал, что между смелостью и безрассудством существует большая разница. Завтра вечером он может вернуться сюда с кем-нибудь еще, за это время караван не уйдет далеко, подумал он с нетерпением.

— Нет, подождите! Здесь есть что-то еще...

У Карла перехватило дыхание, когда он увидел широкий, утоптаный след, ведущий от заводи. Коровья тропа! Ее протоптали одичавшие животные, живущие в лесу. Он знал, что такой след может увести его очень далеко. Если этот след ведет в нужном направлении, то фургоны могли бы держаться его, и тогда путь домой окажется намного легче и быстрее и...

Обогнув заводь, он пробежал по тропе довольно приличное расстояние, чтобы убедиться в правоте своей догадки, а что, если он не добудет больше никакой дичи? Ради такой новости стоит поголодать одну ночь. Он пройдет милую-другую по этой тропе, чтобы окончательно убедиться, что не ошибся. Мелькали деревья, на землю тихо опускался вечер, приглушая все звуки. Слышно было только пение птиц да мягкое шлепанье мокасин. Он бежал и бежал.

Когда он, вытирая пот со лба и громко смеясь от радости, наконец остановился — да, дорогой можно легко воспользоваться, — то обнаружил, что тени деревьев удлинились. В радостном возбуждении он пробежал больше, чем следовало бы, и теперь он не успеет вернуться засветло.

— Глупец! — пробурчал он. Но как бы там ни было, выбора не было, и в любом случае бояться ему нечего. Он пустился в обратный путь уже шагом. Вечерний воздух был прохладен, а он вдобавок еще в мокрой рубашке. Он поежился и ускорил шаг.

Когда солнце скрылось за горами, стало темнее. Тени сгустились вокруг него, залегли под кустами и мягко уходили между древесными стволами. Впереди мерцала одинокая звездочка, она казалась белой в сумеречно-голубом небе над тропинкой. Ухал филин, где-то далеко в лесу ему вторила дикая кошка. Испуганный олень шарахнулся в чаще. Это могло быть и совсем рядом, и далеко, листья играли со звуками странные шутки. Теперь даже свет казался нерешительным и волшебным. Карл думал о духах богов, которые, как говорили, населяют уединенные горные долины. Перед ним струился узкий белый шлейф тумана, и несмотря на то, что его суеверность после посещения Сити поубавилась, он прошептал оберегающую молитву.

Ивы темнели на фоне хмуращегося неба, показалась заводь, над ней курился туман, из-за которого и вовсе трудно было что-то разглядеть. Карл медленно пробирался меж гибких ветвей плакучих ив, обходя стороной белое таинственное мерцание дымки и воды.

Что-то промелькнуло в сумерках. Карл замер, по позвоночнику пробежал озноб. Это что-то было темнее сумерек, оно было нечетким и двигалось беззвучно, как привидение, но оно было большое, просто огромное, с парой горящих зеленых глаз.

Карл выпрямился и приготовил копьё. Он снова стоял на коровой тропе. Зверь вышел из чащи и подкрадывался. Его хвост колотил по земле, в горле клокотало рычание.

Тигр!

Здесь, далеко на севере, было не так много гигантских полосатых кошек, но их проклинали и боялись — они убивали овец, домашний скот, а иногда и людей. Для племени они всегда были тиграми — люди не знали, что эти звери — потомки разбежавшихся из зоопарков в день Страшного Суда животных. Этот же наверняка лежал и ждал, когда стада придут на водопой, а Карл помешал тигру. Тигр был достаточно раздражен и смотрел на Карла, как на свою законную добычу.

Медленно, стараясь не делать резких движений, Карл прислонил копьё к дереву за своей спиной. Если зверь нападет, от копьё будет мало толку. Он достал из колчана стрелу, снял с плеча лук и натянул его одним движением. Это оружие было лучше.

Тигр рычал, прижимая живот к земле. Запах крови из сумки, висевшей у Карла на поясе, будоражил его. Юноша наложил на тетиву стрелу и вскинул лук. Пульс отдавался в ушах.

Тигр подползал все ближе.

Лук пропел, тигр взвыл и рванулся вперед. Карл отскочил в сторону почти одновременно с выстрелом. Тигр приземлился там, где он стоял, и закрутился на месте, кусая вонзившуюся в плечо стрелу. Карл схватил с земли еще одну стрелу, вскинул лук и снова спустил тетиву. Ему не было видно в темноте, попал он в тигра или нет. Тигр с ревом вскочил на лапы. Прежде чем эта рыжевато-коричневая бес-

тия успела снова напасть, лук Карла снова пропел. Тигр снова завыл и отвернулся в сторону. С криком Карл схватил еще одну стрелу. Он выстрелил и промахнулся, но зверь уходил хромая на трех ногах. Когда Карл, дрожа, опустился на землю, то почувствовал под собой горячую, липкую кровь.

Если тигр выживет, думал он без тени торжества, так как был слишком напуган, чтобы его испытывать, он будет уважать людей.

Снова двинувшись в путь, Карл продолжал размышлять. Человек должен опасаться зверей. Тигр, змея, даже страшные стаи диких собак не выстоят против огня и металла. Постепенно, по мере того как люди покоряли дикую природу, ревущие, рычащие и воющие сторожа ее отступали. Их сопротивление было безнадежно.

А в Сити до него начало доходить, что даже сверхприрода, демоны, призраки, даже сами боги не могли испугать людей. Всесилие ночи и шторма, наводнение, пожары, засухи и морозы все еще вселяли в людей суеверный ужас, но предки уже один раз покорили все это, можно покорить еще раз.

Нет, единственным безжалостным и смертельным врагом человека является он сам.

Но это древний, сильный и хитрый враг. Он довел божественную цивилизацию предков до мучительной гибели, и сегодня он воскрес, воплотившись в завоевателей-варваров, и в многочисленные табу, и, кажется, не исключено, что он победит.

Страх Карла уступил место всепоглощающему отчаянию. Смогут ли дети света когда-нибудь победить, думал он. Неужели жители Дэйлза погибли от огня и меча под копытами конницы ланнов? Неужели последний вздох мудрости предков обречен кануть во тьму? Будет ли когда-нибудь победа?

Глава шестая

Табу!

Они направились по тропе, протоптанной дикими животными. Через полтора дня они миновали западный лес и вышли из него в том месте, где Карл намеревался повернуть на восток к Дэйлзтауну. Фургон остановился в подлеске, а Том и Карл поехали посмотреть, не захвачены ли лежащие перед ними обжитые земли.

На закате разведчики вернулись с хорошими вестями.

— Здесь сражений пока не было, — сказал Карл. — Насколько известно людям, с которыми мы разговаривали, ланны дошли только до северной границы.

— Это довольно глубоко, — невесело произнес Джон. Горе и напряжение последних дней сделали его мрачным. Глаза запали, он

почти перестал улыбаться. Но сейчас он кивал своей лохматой головой. У них есть безопасный проход в Дэйлзтаун, а это уже кое-что.

На рассвете лагерь пришел в движение. Фургоны долго переваливались в высокой, мокрой от росы траве, пока не выбрались на открытую местность и не выехали на одну из грязных, изрытых дорог. Здесь Карл простился со своими спутниками.

— Я вам больше не нужен, — сказал он. — Врагов в округе нет, а пищу и кров вам предоставят фермеры. Но вам понадобится около двух дней, чтобы добраться до города, а у меня для отца важные новости, которые не могут ждать.

— Ну что ж, езжай, коли так. Спасибо Карл, — сказал Джон.

— А можно мне поехать с ним, отец? — спросил Аул. — Доехать вы можете и без меня, никакой работы для меня здесь нет, а это скучно.

Усталая, кривая улыбка скользнула по бородатому лицу.

— Хорошо, Джим, — согласился фермер. — Готов поспорить, что и Тому хочется поехать с вами. Что ж, встретимся в городе, ребята.

Рыжеволосый Том усмехнулся.

— Спасибо, — сказал он. — Мне просто хочется посмотреть на лица людей, когда Карл покажет им волшебный свет.

Трое друзей оседлали лошадей и пустились рысью по дороге. Вскоре фургоны пропали из вида, и они ехали одни.

Их окружала живописная природа: горы, зеленые долины, шелестящие на ветру листья рощи, отливающие металлическим блеском ручьи и озера. Прихотливые тени рябили на освещенной солнцем земле. Попадалось много ферм, за деревянными заборами пасся домашний скот. Дома в основном были сложены из бревен, они были большие или маленькие, в зависимости от того, насколько богат хозяин и сколько у него домочадцев. У самых богатых встречались двухэтажные дома, первый этаж которых был построен из камня, а второй из тесаного леса. Время от времени путники проезжали деревушки из четырех-пяти строений — кузницы, торговой лавки, водяной мельницы и дома местного Доктора, — но так или иначе, это был Дэйлз. Из дымовых труб вился голубой дымок, встречающиеся на улицах фермеры приветствовали проезжающих.

Карл заметил, что во дворах и на полях трудились в основном одни женщины, дети и старики. Мужчины призывного возраста ушли в Дэйлзтаун. Но даже мирное, оставшееся дома население имело при себе топоры и копыя. Тень войны слепым пятном нависла над всеми людьми.

На отдохнувших лошадях они добрались до города всего за один день. После полудня Карл въехал на высокий пригорок и увидел внизу в долине цель своего путешествия.

По меркам предков, этот город был немного больше деревни, но у

племени это был единственный настоящий город. Сюда приезжали люди, чтобы заключить торговые сделки и просто повеселиться. Здесь жили вожди и главный Доктор, здесь жители племени собирались, чтобы голосовать при принятии законов и согласовании планов. Каждый год здесь проводилось четыре больших сезонных праздника. Здесь во время опасности собирались воины. Глаза Карла сразу же отметили, что вокруг были разбросаны палатки и деревянные лачуги, окруженные фургонами, в полях паслись лошади, в небе стоял дым от костров, на которых готовилась пища, когда он спустился с холма, то заметил зловещие блики солнца на обнаженной стали.

Двадцатифутовая стена окружала Дэйлстаун со всех четырех сторон. На каждом углу возвышалась сторожевая башня. Прямо на крыше башен были установлены катапульты и камни. В каждой стене имелись ворота из тяжелого теса, обитого железом. Городу уже приходилось однажды отражать атаки врага. Карл надеялся, что больше этого делать не придется.

Карл с товарищами пробирался через воинский лагерь. Это было пестрое зрелище, производившее тем не менее впечатление силы. Здесь были и безбородые юнцы, и покрытые шрамами пожилые ветераны, спокойно сидящие на стоптанной траве. Сидя перед своими палатками воины точили оружие и чистили снаряды. Некоторые расположились у костра и пели под аккомпанемент банджо, пока в огромном котле булькала готовящаяся еда. Другие отдыхали, смеялись и хвастались прошлыми и будущими победами, но Карл видел, что многие сидели тихо и понуро, думая о поражении на севере и о том, как сильно необузданная конница ланнов.

Главные ворота с южной стороны были открыты, и между вооруженной стражей взад и вперед сновали жители города и мобилизованные воины. Один из стражников приветствовал Карла:

— Эй, Карл! Ты вернулся? А я-то уж думал, что дьяволы Сити сожрали тебя.

— Пока еще нет, Эзеф, — улыбнулся Карл молодому рудокопу, парню в красном плаще и начищенных железных латах. Эзеф был одним из приближенных телохранителей вождя. Их еще использовали для поддержания порядка в городе. Они с Карлом были давними приятелями.

— Нет, просто ты слишком тощ, чтобы из тебя можно было приготовить что-нибудь путное. — Посерьезнев, Эзеф подошел и встал около Карла, вглядываясь в его запыленное, потемневшее от солнца лицо.

— Карл, ты заключил сделку? Колдуны будут ковать для нас?

— Вождь должен узнать все первым. Это длинная история, — ответил Карл, отводя глаза. Он не хотел посеять панику среди людей слухами, что люди Сити ему отказали, или тешить преждевременной надеждой на помощь сказочных, магических сил.

Эзеф мрачно кивнул и вернулся на свой пост, а Карл начал понимать, как же все-таки одинок вождь. Он не мог поделиться впечатлениями от своей поездки даже со старым товарищем — интересы племени превыше всего, — это было тяжело. Он щелкнул языком, пони, медленно раздвигая толпу, двинулся вперед.

За стенами Дэйлзтаун представлял собой скопище деревянных домов, среди которых тянулись грязные узкие улочки. Здесь были свои колодцы и водоемы, несколько лет назад Ральф заставил вырыть новые, чтобы в случае пожара вода всегда была под рукой. Следуя мудрости предков, Доктора учили людей, что грязь — это та же чума, поэтому в городе были устроены общественные бани, и вождь платил людям, чтобы хоть как-то бороться с мусором. Однако после того, как при первой угрозе войны сюда стеклось столько народа, эти меры вряд ли могли спасти положение.

Карл ехал по Хай-Стрит меж высоких зданий с нависающими верхними этажами, на стенах которых из-под слоя грязи проглядывали следы яркой краски. Он видел, что на улицах так же, как и прежде, сустились люди, которых он любил всю свою жизнь. Вот четверо полубогаженных слуг пронесли носилки, в которых восседал одетый в меха и увешанный золотыми цепями богатый торговец. А вот стайка ребятишек копошилась в пыли, из подворотни на них лаяла дворовая собака. Там, осторожно приподняв юбки над грязной мостовой, шествовала домохозяйка, в люльке к спине привязан ребенок. Бродячий фокусник, стройный, в фантастически разукрашенных одеждах, с банджо на боку, задел плечом молодого Доктора в длинном голубом плаще, какой ему и подобало носить, с портфелем волшебных инструментов в руке. Закружившийся в непрестанной суете, высокий, темнокожий торговец в одежде чужеземного покроя приехал с юга, чтобы обменять хлопок, или фрукты, или табак на меха и кожу Дэйлза. Он беседовал с белобородым стариком фермером, который стоял столбом в своих деревянных башмаках и дымил длинной трубкой. Верзила сторож призывал к порядку двух подвыпивших воинов. Фургон, груженный отличным лесом, медленно двигался по направлению к мастерской плотника. Укротитель лошадей осторожно вел свою полужамученную жертву сквозь людскую толчею.

По обеим сторонам улицы были видны открытые двери, крытые гонтом будки, где текла обычная жизнь. Мускулистый, перепачканный кузнец ковал лемех для плуга, красные отблески огня плясали на его обнаженной груди. На другой стороне улицы толстый пекарь дал мальчику два круглых карава я хрустящего черного хлеба. По соседству с портным, который, закинув ногу на ногу, заканчивал шить какое-то платье, ткач раскинул на продажу свои материи. На углу жила своей буйной жизнью темная и дымная таверна, а рядом с таверной располагалась лавка, ломившаяся от привозных товаров и ярких украшений. Даже сейчас Дэйлзтаун старался жить своей обычной жизнью.

Но в городе было много пришельцев, они выглядывали из окон или смешивались с толпой. Беженцы: мужчины, женщины и дети — стекались сюда в поисках безопасного места, едва только до них докатились вести о захватчиках. Некоторые из них могли остановиться у родственников и друзей, кое-кто мог заплатить за койку в одной из немногочисленных гостиниц, но большинство вынуждены были ночевать за городом под тентами и фургонами, готовые в случае опасности укрыться за стенами города. Их глаза были полны страха и глубокой, безнадежной тоски, они разговаривали дрожащими или неестественно тихими голосами. Все это нелегко было видеть, и словно ища уверенности, Карл коснулся сумки, где лежал его волшебный фонарь.

Парни выехали на открытую рыночную площадь в центре города и медленно пробирались сквозь толпу. В дальнем конце улицы вырисовывались контуры Холла, огромного здания из черного дуба с крашеными фронтонами. Карниз и коньки крыш были украшены вырезанными из дерева головами животных. Это было место собраний людей племени. Справа от Холла стоял крепкий, построенный из дерева и камня небольшой дом вождя. Над ним реяло знамя Дэйлза — зеленая сосна на золотом фоне.

На крыльце стоял старый слуга, с несчастным видом глядевший на бесконечную толчею. Увидев Карла, он закричал:

— Госпдин Карл! О госпдин Карл, вы вернулись! Слава богу, вы вернулись!

— Ты ведь никогда в этом и не сомневался, Роб? — улыбнулся Карл, тронутый такой встречей. Он спрыгнул на землю, и старик потрепал его по плечу худой рукой с набухшими венами.

— О, но вас так долго не было, госпдин Карл!

— Всего несколько дней. Отец дома?

— Да, он разговаривает с главным Доктором. Входите, госпдин Карл, входите и обрадуйте его. Я возьму у вас пони.

— И лошадей моих друзей, пожалуйста. — Карл нахмурился. Ему не хотелось встречаться с Донном, прежде чем удастся переговорить с отцом. Доктор был добр и доброжелательно настроен, пока никто не перечил ему, но он был слишком консервативен и крепко связан законами предков.

Что ж, с этим придется смириться.

— Идем, ребята, — сказал Карл, поднимаясь по лестнице.

— Может быть, мы подождем здесь? — заколебался Том.

— Чепуха. Вы гости в этом доме точно так же, как и все ваши люди, когда они сюда приедут. Идемте со мной.

Карл вошел в застланный шкурами холл, стены и потолок которого были отделаны деревом. Проникающий в окно свет был тускл, в шандалах на стенах горели свечи. Это был просторный, хорошо обставленный дом, но в городе были места и пороскошней. Власть вождя не имела ничего общего с торговлей.

По лестнице кубарем скатился маленький визжащий комок и бросился Карлу на шею с пронзительным криком.

— Хэллоу, чадо, — грубовато произнес юноша. — Слезай же, ланны не причинили столько вреда, сколько ты.

Это была маленькая сестренка Бетти, она прижалась к нему и смотрела широко открытыми глазами. У Ральфа осталось только двое детей после того, как умерла его жена от какой-то болезни, которую предки вылечили бы, но перед которой оказались бессильны барабаны, молитвы и травы Докторов. Вождь так и не женился снова. Втроем они были счастливы, но печальные воспоминания не оставляли их.

— Что это? — Бетти ткнул в фонарь, завернутый в клочок ткани, оторванный от плаща, который Карл держал в руке.

— Эта штука волшебная, малыш, волшебная. Где отец?

— В гостиной. А мне с тобой можно?

— Ну... — Карл колебался. Может быть, будет лучше, если привезенные им новости узнает ребенок и разнесет их по городу. Если ланны такие хитрые, как он думал, то вместе с беженцами они заслали в город своих лазутчиков.

— Нет, не сейчас. Это мужской разговор. Лучше потом.

Бетти уступила быстрее, чем он ожидал. Она была уже достаточно взрослой и знала, что мужчины управляют племенами в соответствии с законами, хотя и не всегда. Потому Карл отправил ее дальше скакать по лестнице. Потом он провел Тома и Аула через зал к двери гостиной, тихо отворил ее и заглянул внутрь.

Комната была длинная и низкая, обставленная резной мебелью темного дерева, мохнатые шкуры на стене были увешаны охотничьими и военными трофеями. Множество свечей и громадный каменный камин отбрасывали в дальний конец комнаты блики, освещающие от развешанных над камином щитов и мечей, от витых латунных подсвечников и серебряных тарелок. Последний луч дневного света проникал внутрь сквозь тяжелые занавеси на окнах.

Ральф стоял у камина. Это был высокий, сильный мужчина тридцати семи лет, голубые глаза казались светлыми на бронзовом лице, волосы и коротко подстриженная бородка были золотистого цвета. На нем было простое повседневное платье: обычная рубашка и льняные бриджи, зеленый шерстяной плащ ниспадал с широких плеч, на широком кожаном ремне висел кинжал. Его крупные руки были в мозолях, как и все, он трудился на своей ферме. У него был спокойный, уверенный взгляд, и сердце Карла забилося сильнее при виде отца.

Старый Донн сидел на стуле у камина, голубое платье плотно облегало его костлявую фигуру. Он был чисто выбрит и лишь узкая полоска белых волос венчала его высокий череп. Крючковатый нос, впалые щеки, почти потухшие спокойные глаза делали его похожим на старого орла. Одна костлявая рука покоилась на палке с набалдашником в форме змеи — символе его власти, — которая лежала на

коленях. Другой рукой он подпирал подбородок, сощутив глаза на третьего мужчину, находящегося в комнате.

Незнакомец, стройный молодой воин лет двадцати, без оружия, был одет в одежду, явно позаимствованную у Ральфа. Волосы черного цвета, почти воронные, на заостренном лице выделялись темные усы. Он сидел в свободной позе, скрестив ноги, на лице — тяжелая, враждебная улыбка.

— Это все равно, — говорил он. — Будете вы меня здесь дальше удерживать или нет. Раймон придет сюда. У него есть еще сыновья, кроме меня.

— Карл! — Ральф сделал широкий шаг, ступая по тигриной шкуре, раскинул руки, его лицо внезапно озарилось радостью. — Карл... ты вернулся!

И они пожали друг другу руки, отец и сын. Ральф, конечно же, взял себя в руки, набросив маску безразличия, как и подобает мужчине. Может быть, только Карл и заметил блеснувшую слезу. Наверное, горько услышать было, что враги были повсюду в тех краях, куда он послал своего единственного сына, последнюю надежду своего рода.

— Да, отец. — Юноша прокашлялся, пытаясь проглотить комок, стоящий в горле. — Да, я вернулся, жив и здоров. А это мои друзья, Том и Аул, сыновья Джона с севера.

— Добро пожаловать, друзья Карла — мои друзья, — грустно произнес Ральф. Повернувшись, он крикнул: — Марго, Марго, растяпа, принеси еды и что-нибудь выпить! Карл вернулся!

Донн изучающе посмотрел на ребят.

— А как насчет поездки в Сити? — пробурчал он.

— И хорошо, и плохо, сэр, — неуверенно ответил Карл. — Но, отец, а это кто?

Ральф гордо улыбнулся.

— Карл, познакомься с Ленардом, это старший сын Раймона, вождя ланнов.

— Что? — рука Тома невольно потянулась к ножу.

— Эй-эй, полегче. На севере произошли стычки между нашими разведчиками и передовыми отрядами ланнов. — Ральф отошел к камину. — Вчера наши люди доставили сюда несколько пленников, захваченных в одном из боев, и среди них был Ленард. Ценная добыча!

Ленард усмехнулся.

— Я только что объяснял, что моя ценность как заложника ничтожна, — произнес он с грубым северным акцентом. — Мы верим, что души мертвых воинов воссоединятся на небе, поэтому, раз у моего отца есть и другие достойные сыновья, он не станет жертвовать нашими воинами, чтобы вернуть меня.

Ральф сделал протестующий жест мускулистой рукой.

— Но я должен признаться, что мой хозяин Ральф хорошо обращается со мной.

— Он дал клятву, что не будет пытаться бежать, да и моя стража ни в коем случае не позволит ему выбраться из дома, — сказал Ральф. — Я все еще надеюсь, что нам удастся его как-нибудь использовать... или хотя бы что-нибудь узнать от него. — И в его глазах на мгновение промелькнула отчаянная мольба. — Если мы будем хорошо обращаться с пленными, то и ланны должны поступать так же, если у них есть честь.

— У нас есть честь, — резко произнес Ленард, — хотя она не всегда похожа на вашу.

Карл уселся, повернув под себя ноги. Он не мог не испытывать некоторой неловкости в присутствии Ленарда. Ленард был наследником главы той страшной орды, которая преследовала его ночью и превратила северные поселения в развалины.

— Так как же твоя поездка? — настаивал Донн. — Что сказали колдуны?

Карл посмотрел на Ленарда. Пленник сидел, слегка откинувшись назад, лицо его было наполовину скрыто тенью. Казалось, он даже не слушал. Похоже было, что ни Ральфа, ни Донна не заботило, что он может что-то узнать.

Не спеша Карл рассказал историю своей поездки. Пока он говорил, в комнате стояла тишина, нарушаемая лишь потрескиванием дров в камине. Только один раз Донн напрягся и подался вперед, да Ральф прошептал проклятье и сжал кулаки с внезапно вспыхнувшим огоньком в глазах. Но оба снова откинулись назад, набросив на лица маски безразличия и спрятав глаза в тени.

Опустилась ночь, окна потемнели, бесцельно слонявшиеся по улицам толпы поредели. Молча вошла служанка Марго, поставила на стол поднос с едой и бесшумно удалилась. За исключением небольшого светлого круга, длинная комната заполнялась наползающей тьмой.

При мерцающем, слабом свете Карл развернул сверток, который был у него в руках. Древний металл был гладким и холодным наощупь. Казалось, предмет дрожал от какой-то заполнявшей его неведомой энергии.

— А это свет, — сказал Карл слегка дрогнувшим голосом.

Он повернул ручку и вспыхнул чистый белый свет, выхватывая из мрака углы, отражаясь от металла и полированного темного дерева. Холодный бесцветный свет пронзил комнату. Ральф шумно вздохнул, Ленард вцепился в подлокотники кресла, он сидел, не двигаясь и не мигая, словно резное изваяние какого-нибудь орлиного бога.

Погасив свет, Карл сразу же посмотрел на Донна, он знал, что именно от него зависит, какое решение будет принято. Во всех изве-

стных племенах существовал клан Докторов, которые хранили мудрость древних людей и оберегали тайны. У Доктора было много функций. Общественный грамотей и архивариус, наставник молодежи, хранитель знаний. Большая часть того, что они делали, была добром. Они знали некоторые лекарства и другие вещи, касающиеся волшебных обрядов, их практические советы многим помогли. Но Карл полагал, что именно они с их слепой верой и страхом перед Страшным Судом были основной причиной того, что их жизнь за сотни лет почти не изменилась. И великим хозяином всех Докторов был Донн.

Старик все еще молчал. Он поднял свою палку, словно хотел защититься от злых духов, но лицо его оставалось неподвижным, казалось, он даже не дышал.

— Карл... Карл... дай мне посмотреть этот свет! — Ральф сделал шаг к сыну, дрожа от возбуждения и нетерпеливо протягивая руку. — Дай мне его посмотреть!

— Прекратите, — тихо заговорил Донн. Голос чуть громче шепота слетал с его тонких губ, но этот голос, казалось, заполнял собой всю комнату, исчерченную длинными тенями. Он протянул свои костлявые пальцы. — Дай его мне, Карл.

Не спеша, будто движимый какой-то внутренней силой, Карл положил трубку в ладони Донна.

— Табу! Табу! — Древнее языческое слово зашевелило и забормотало по темным углам, насмешливо загудело в дымоходе, уносясь вслед за ветром. — Это запрещено.

— Но он же хороший! — воскликнул Карл. Что-то сжалось в его душе. — Это сила, которая может нас спасти от ланнов и...

— Это одна из тех сил, которые принесли нам Страшный Суд. — Главный Доктор коснулся фонарика набалдашником своей палки и пробормотал какое-то заклинание. — Ты снова хочешь освободить это зло и огонь?! Ты хочешь увидеть, как земля снова превращается в руины и демоны Атомика будут носиться по небу, а люди будут падать за смертью от огня, голода, чумы и голубого свечения... и, умирая, они будут проклинать твое имя? Табу, табу!

Карл сидел, потеряв дар речи, едва сознавая смысл страшных слов, глядя на лицо, которое неожиданно стало таким жестким.

— Ты нарушил закон. Ты вошел в проклятый Сити и обобщался с колдунами. Ты открыл дверь, за которой спрятаны силы Страшного Суда, и даже принес одного из тех самых дьяволов домой. Идиот! Ты хотел помочь жителям Дэйлзтауна? Будь доволен, что не успел их уничтожить!

Потом Донн заговорил более мягко.

— Однако, очевидно, что какой-то бог хранил тебя, и с тобой не произошло то зло, которое, как я вижу, могло произойти. Я предложу этот свет в качестве жертвы, чтобы умиротворить зло на небесах. Я брошу его в священный колодец. А завтра ты должен прийти в храм,

чтобы очиститься от греха — нужно намазать лоб кровью теленка, и тогда ты будешь прощен.

Суровость вернулась к его голосу и зазвучала, как звон железных цепей:

— Но это больше не должно повториться. Ральф, ты знаешь закон не хуже меня, и мы оба виноваты в том, что позволили нарушить его. Это уже не в первый раз, когда торговец едет в Сити и нарушает табу. Но теперь это в последний раз. С сегодняшнего дня закон Дэйлза будет осуществляться в полной мере. А этот закон гласит — за нарушение табу на древние слова и магию полагается смерть!

Глава седьмая

Жители Дэйлза идут на войну

Глядя в гневные глаза Донна, Карл не посмел больше спорить. Он знал, что этот старик, державший его когда-то на коленях, даривший ему игрушки и подарки, учивший его искусству быть вождем, не колеблясь, прикажет его убить, если сочтет, что того требуют боги. Том и Аул забились в тень за камином и боялись говорить даже шепотом. Даже Ральф опустил взгляд и только что-то невнятно бормотал в защиту сына.

Власть Донна была практически безгранична. Он был абсолютным блюстителем порядка, установленного Докторами, которые владеют большими земельными угодьями и распоряжаются значительными средствами. Его авторитет был настолько велик, что он мог настроить людей против любого, кто посмеет пойти против его воли. Более того, он был человеком, говорившим от имени богов. Он был представителем тех великих непонятных сил неба и земли, огня и воды, рождения и смерти, судьбы, страх перед которыми крепко сидел в сердцах людей. Даже Карл, слушая слова этого человека, чувствовал дрожь во всем теле при одной мысли о том, что могло бы произойти с миром. На мгновение чувство горького разочарования растворилось в потоке страха, воспитанного на протяжении нескольких поколений, и Карл покорно склонил голову.

И вдруг Ленард засмеялся тяжелым, звенящим, лающим смехом, который снова привлек к нему внимание.

— Эх вы! — потешался он.

Густые, светлые брови Ральфа грозно сдвинулись.

— Что ты хочешь этим сказать? — прорычал он.

— Я хочу сказать, что жизнь на этой жирной земле превратила вас в баб, — ответил Ленард. — Стоило одному из ваших храбрецов ухватиться за единственную имеющуюся у вас возможность — а у тебя была неплохая задумка, парень, — вы отбросили ее в паничес-

ком страхе перед богами, которых никогда не видели. Ничего удивительного, если ланны вышвырнут вас из ваших домов.

— Ты узнаешь, какие мы трусы, когда придет время сражаться! — вспыхнул Том.

— Да и твой народ не такой уж храбрый, когда дело касается Сити, — пробормотал Аул. — Мы-то, по крайней мере, отважились войти в то место.

Ленард нахмурился.

— Может быть вы и правы. Но дело не в Сити. Да и не все мои воины боятся табу.

Карл подался вперед, всматриваясь в скрытое тенью худое, смуглое лицо, словно пытаясь прочесть значение его слов в складках и шрамах.

— Почему вы на нас нападаете? — спросил он. — Мы не сделали вам никакого зла.

— Ланны идут туда, куда хотят, — спесиво заявил Ленард.

— Но почему?

— Все просто, — пленник пожал плечами. — Насколько помнят наши Доктора, мы, люди севера, всегда влачили жалкое существование на наших твердых бесплодных землях. Мы были охотниками, пастухами, мелкими фермерами, мы всегда уповали на то, что холода, дожди и болезни помилуют и минут нас. Мы насмерть дрались друг с другом за те скудные запасы, которые у нас были, брат нападал на брата, как дикий пес. С каждым годом людей рождалось все больше, и всех нужно было кормить. Тем временем становилось все холоднее и дождливее, урожаи все беднее и беднее. Было очень трудно выстоять! Поэтому мы объединились и обратили все приобретенное нами в междоусобицах воинское мастерство против тех, у кого были лучшие земли. Вот и все. Этого достаточно!

— Но здесь найдется место, — запротестовал Карл. — Есть лесные просеки, которые нужно только расчистить от бурелома и распахать.

— Прийти сюда в качестве просителей? — Ленард потрянул головой, как разозлившийся жеребец. — Это не достойно настоящих воинов. И потом, я думаю, что здесь вряд ли хватит места для двух таких больших племен, даже если выкорчевать леса. Нет, только одно племя сможет здесь прожить прилично, и это племя — мы.

— Каковы же ваши намерения?

— Мы разобьем ваши армии и разделим земли между нашими людьми, а потом пошлем за своими семьями. Конечно, большая часть ваших жителей вынуждена будет уйти, куда — я не знаю, и это меня не волнует. Может быть, вы тоже в свою очередь сможете кого-нибудь вытеснить. Некоторым людям разрешат остаться здесь в качестве слуг ланнов. Это зависит от воли нашего вождя, моего отца. — В голосе Ленарда слышалось презрение. — А у ланнов вождь — это вождь, и никакой этой ерунды он не терпит.

— Ты говоришь слишком смело для пленника, — произнес Ральф с опасной любезностью.

— А почему бы и нет? — усмехнулся Ленард. — Я знаю, вы не причините мне зла. Даже если и причините, я не боюсь умереть. Мы, ланны, — народ войны, и вы это скоро узнаете.

Армия жителей Дэйлза была готова выступить.

Через два дня после возвращения Карла, разведчики принесли весть о том, что ланны стягивают все свои войска на севере, на границе разоренного Скарпианского края. Было очевидно, что они двинулись на Дэйлзтаун в надежде овладеть им. Как только они возьмут эту крепость, они смогут уменьшить количество сторожевых постов и тем не менее контролировать всю местность. Ральф надеялся опередить их, остановить на границе, победить в открытом бою и вернуть на север.

— И что мы будем делать, если победим? — спросил Карл отца. Золотобородое лицо вождя было печально.

— Не знаю, — ответил он. — Они могли бы вернуться в свои края и дожидаться новой возможности. Я думаю, лучшее, что мы можем сделать, это довести нашу победу до конца — на следующее лето или даже зиму. В любом случае нам придется дожидаться уборки урожая. Но мы не будем себя чувствовать в полной безопасности до тех пор, пока не подчиним их себе. Хотя быть завоевателем — не по мне. Мы не солдаты и не годимся для выполнения подобной задачи. — Он пожал плечами. — Но сначала надо выиграть первую битву.

Небольшие соседние племена, к которым Ральф обращался за помощью, не прислали никакого ответа или же дали весьма уклончивый ответ. Они боялись, что разозлят ланнов и это ударит по ним в случае, если последние одержат победу. И в то же время они знали, что, если победит Дэйлз, им не достанется никакой добычи. Прав был Ленард, когда однажды заметил: эти свободные сборища мирных фермеров и ремесленников понятия не имеют о войне и политике.

Теперь вождь при сером, туманном свете восходящего солнца стоял на крыльце своего дома, осматривая войско конных стражников, дожидавшееся его на рыночной площади. Они сидели на своих конях, как изваяния, с поднятыми копьями, металл доспехов был начищен, плюмажи и знамена усыпаны сверкающими капельками росы. Вождь был одет так же, как и его охрана — шерстяная туника под нагрудником кованой стали, кожаный плащ и бриджи, сапоги со шпорами, — меч, кинжал и сигнальный рог висели на ремennom поясе. Доспехи Карла, Тома и Аула были полегче. На них были подбитые бычьей шкурой латы и плоские шлемы, на плечах висели колчаны, большие

луки — вместе с другими не совсем взрослыми воинами они должны были быть стрелками. За ожидающими в молчании мужчинами стояла плотная кучка женщин и детей, там же были и старики, которые все смотрели и смотрели.

Ленард, одетый в кожу, но без оружия, улыбался своей презрительной улыбкой. Но это прощание вовсе не выглядело тягостным, в городе было радостно от флагов и захваченных в стычках трофеев.

Ральф все еще держал Ленарда под стражей, он не оставил надежду использовать его в качестве заложника, но Ленард не давал клятвы не делать попыток бежать, и никто его к таким клятвам не принуждал.

Старый Роб нес Бетти на руках. Девочка еще не совсем проснулась и сонно улыбнулась отцу, когда тот поднял ее на руки.

— Папа, ты скоро вернешься? — прошептала она.

— Да... о да! — Он на минуту крепко прижал ее к себе, потом передал ее обратно Робу, который тихонько заплакал, и повернулся на каблуках. Он поднял украшенный перьями шлем, который держал в руке, и надел его на голову. Передняя часть шлема придавала его лицу неожиданное, странное, нечеловеческое выражение. Он натянул перчатки и направился к лошади. Карл пожал маленькую, согнутую в локте ручку Бетти и побежал вслед за отцом, глаза щипало.

Они проехали по Хай-Стрит к главным воротам. Народ валил следом за ними, люди хватали проходящих мужчин за плащи, махали руками, кричали на прощание:

— До свидания, до свидания... с вами боги... возвращайтесь!

Основная армия ожидала за стенами города. Здесь не было такого порядка, какой демонстрировали обученные люди охраны. Мужчины, прибывшие сюда на лошадях, сбились в кучу и ждали. Все были снаряжены как обычно — копье, меч, топор без чехла, кольчуга поверх рабочей одежды, на лохматых головах плоские шлемы. Пехотинцы, составляющие основную часть армии Дэйлза, сидели или стояли, кому как было удобно, опираясь на пики или топоры, и разговаривали между собой. Они продолжали свое занятие, когда подъехал вождь. Здесь же стояла целая вереница запряженных мулами фургонов с провизией, ибо Ральф не мог кормить свою армию за счет местных жителей, как это делали ланны. Их сопровождали три Доктора, которые должны были оберегать воинов от болезней и магии противника. Вот и все. Но эти люди, а их было около пяти тысяч, растянулись далеко по равнине, закрыв своими телами грязную землю и заполняя серое пространство вокруг копошащейся жизнью.

Ральф протрубил в свой рог, и несколько мужчин средних лет, пробираясь на лошадях сквозь толпу, начали наводить порядок. Это были отобранные подразделения. Знаменосцы поднимали стяги. Медленно, громяхая доспехами, на всей огромной территории солдаты начали собираться под свои знамена.

Ральф со своей охраной был уже в пути. Они рысью скакали на север, а змея его огромной армии еще только раскручивала свои кольца, устремляясь за ними. Она вылилась с узкой тропы в поля, топча посевы, ломая заборы... и наверняка многие мирные фермеры, попавшие им на пути, не досчитаются нескольких цыплят или жирной свиньи. Но этого было не избежать. Главное заключалось в том, что они двигались вперед.

Карл ехал рядом с отцом. Когда утренний туман рассеялся и воздух потеплел, он обернулся назад. Армия представляла собой черную массу, пехота передвигалась легким шагом, конница тащилась по обочинам, фургоны с грохотом ехали сзади, поднимая клубы пыли. При размеренном неторопливом движении копья, пики и знамена поднимались и опускались, земля слегка дрожала от топота множества ног, раздавались невнятные голоса, время от времени над идущими взлетал обрывок песни. Это зрелище не совсем соответствовало тому, какой должна быть настоящая армия на марше, но сердце Карла гордо забилося. Это шли свободные люди!

Он остановил пони, дав ему возможность попутись, армия проходила мимо него. Когда он вглядывался в это скопище людей, то увидел, что большая часть из них была ему знакома. Фермер Джон со своими сыновьями увидел Карла и приветствовал его. Вилли Рэттлхэд, проходя мимо, смеялся какой-то шутке и жонглировал в воздухе тремя шарами. Сэм Торговой, дочерна загоревший под каким-то нездешним солнцем, богато одетый, остановил своего сытого жеребца, который косил глазом на блестящие, мелькающие в воздухе шары Вилли. Маленький Джимм-старший, отправившийся в изношенных башмаках защищать свою крохотную ферму, отпрянул перед норовистой кобылой. Он предложил Джимму-старшему защитить его в случае необходимости.

Толстяк Буко стонал и жаловался на каждом шагу, но, тем не менее, не отставал от лучших воинов. Озорной, вечно что-то напевающий Горза, которого все называли не иначе как Лис, со своим закадычным дружкой, большим волосатым Джо, громко приветствовал Карла. Мартун-охотник, стройный, бесшумный, одетый в оленью кожу, шагал большими, пружинистыми шагами, в каждом шаге — ярд. Рядом с Мартуном шел Черный Дон с Юга, который обосновался здесь несколько лет назад и привел с собой на войну шестерых сыновей. Ни тот ни другой не разговаривали, но, тем не менее, прекрасно понимали друг друга.

Богатый и бесшабашный молодой Дик на полуприрученном жеребце хотел было зацепить Карла ножнами меча. Но фермер Рогг, который хотел только, чтобы его оставили в покое и ехал сражаться ради своих угодий, призвал его вернуться в строй. Растягивающий слова, добродушный старик Энзи, ткач, любивший Карла и настроенный миролюбиво, поддержал Рогга.

Карл знал их всех. И многих других. Они были его плотью и кровью, частью этой просторной, зеленой земли, и, казалось, сам Дэйлз, сама земля поднималась в гнев против чужестранцев. Да, это было достойное зрелище, более достойное, чем войско полудиких ланнов, несмотря на все их мужество и воинское искусство. Карл внезапно растрогался.

Что, если магия Сити подвела его?

Что, если мертвая рука табу навсегда закрыла от него то чудо, которое он видел? Ну что, наступят другие дни, откроются новые пути. Карл, подпевая воинам, поехал к отцу.

Ленард, ехавший в окружении четверых стражников усмехнулся ему.

— Ты, кажется, чувствуешь себя уверенно, дружище, — сказал он.

— Верно! — Карл махнул рукой на ряды людей за спиной. — Посмотри туда, неужели ты действительно думаешь, что этот народ, за спиной которого остались домашние очаги, уступит вам?

— Так оно и будет. — Ленард покачал головой. — Тебе еще нужно многому научиться, Карл. Сила и мужество — это еще не все. У ланнов они тоже есть, но кроме этого у них есть еще знание способов ведения войны. Ты можешь быть таким же сильным, как, скажем, кузнец, но даже если это так, ты не сможешь выполнить его работу, поскольку у тебя нет его умения.

— Дэйлз побеждал других врагов, — вгорячах возразил Карл. Ленард улыбнулся и ничего не ответил.

В полдень армия устроила небольшой привал, повара приготовили еду. Потом она двинулась дальше. Пришла усталость. Больше не было слышно ни разговоров, ни песен. Угрюмый марш через горы, переправы, через ручьи и реки продолжался, казалось, бесконечно, и, когда Ральф протрубил сигнал становиться лагерем, раздался единый вздох облегчения.

Костры мерцали и светились в спускающейся ночи. Прохаживались караульные, зевая и в ожидании смены наблюдая медленное кружение звезд. Ральф при тусклом красном свете умирающего пламени изучал карту и тихо совещался со своими командирами. Карл старался не спать и слушать, но глаза у него затуманились, он вытянулся под одеялом и уснул.

Весь следующий день шел дождь, и, пробираясь по раскисшим дорогам и полям, солдаты что-то бубнили себе под нос и чувствовали себя несчастными. В ту ночь грохотали барабаны Докторов, отгоняя дьяволов лихорадки.

На третий день армия Ральфа вступила в Скарпию, дикую северную провинцию, принадлежащую племени. Здесь было немного жителей. Лишь изредка на фоне гонимых ветром облаков возникала одинокая хижина, заросли деревьев на крутых неровных горных

склонах становились все гуще и мрачнее. Черные стаи ворон кружились над головой. Время от времени одинокий орел раскидывал громадные крылья над людьми, да олени и дикие пони попадались на дороге. Люди карабкались по высоким голым глинистым берегам, переходили вброд плещущие реки, прокладывая путь сквозь спутанный кустарник, шли по бездорожью, многие тряслись и бормотали заклинания при виде мрачных серых камней, нагроможденных много лет назад дикими лесными бродягами. Но все шли дальше...

В полдень Карл ехал рядом с вождем, когда к ним подскочил забрызганный грязью, задыхающийся всадник. Он выдохнул только:

— Вперед ланны!

— Далеко? — выпалил Ральф. Сердце Карла дико заколотилось, потом успокоилось и забилося часто, но ровно.

— Две-три мили, — ответил разведчик. — Они стояли лагерем на берегу большой реки. Их тысячи. От них черным-черно.

— Что ж... — Ральф повернулся к охране с мрачной улыбкой. — Будем идти вперед. Передай это людям.

Когда сообщение шло по рядам, Карл мог наблюдать, чуть ли не чувствовать в людях внезапное напряжение. Они смотрели друг друга в глаза, не зная, сколько восходов и закатов они смогут еще увидеть, сжимали оружие, лошади чувствовали замешательство своих хозяев и храпели.

Командиры гудели в рожки, и нестройные ряды выравнивались. По сторонам потянулись колонны верховых, объезжая мрачный лес. Монотонный ритм движения нарушился, воины устремились вперед, ускоряя шаг.

Карл наблюдал за Ленардом, который сидел меж стражей и внимательно следил за приготовлениями.

— Они узнают, что мы приближаемся, отец, — сказал юноша.

— Ничего не поделаешь, — ответил Ральф. — Нам нужно только успеть занять выгодные позиции, прежде чем они атакуют. — На мгновение суровость покинула вождя, и он с внезапной нежностью тронул Карла за руку. — Будь осторожен, сынок. Будь храбр, но осторожен.

Они продвигались вперед, продираясь сквозь кусты и взбираясь на высокий склон лесного холма. На вершине холма лес кончился, и Ральф натянул поводья. Луч солнца пробирался сквозь несущиеся по небу облака и загорелся огнем на его доспехах, когда он протянул руку: «Ланны!»

Карл окинул взглядом окрестности. С этой стороны склон был более пологим, длинный поросший травой спуск, на котором местами росли молодые деревца, плавно переходили в ровное широкое поле, на котором стояли лагерем ланны. За полем протекала река, широкая водяная полоса, сверкающая при тусклом свете, словно серое железо, на другой стороне реки росли густые деревья. Но в миле отсюда лес спускался к реке, обступая открытую местность.

Жители Дэйлза впервые видели ланнов. Их палатки были разбиты на этом берегу, лишь некоторые, самые закаленные воины презрели такое жилье. Они спустились вниз, к реке. Было действительно темно от людей и лошадей, командные звуки рожков привели всю эту массу людей и животных в движение, подобно вихрю. Взлетающие знамена, взмывающие вверх алчущие плоти острия копий, щиты с жутким орнаментом и сверкающие нагрудники, бородатые лица, искаженные яростью. Это было прекрасное и ужасное зрелище, посеявшее сомнения в сердце Карла.

Ральф внимательно следил за ними.

— Их не так много, как нас, — пробормотал он. — Мне кажется, тысячи три-четыре... но они лучше обучены и снаряжены. И их вождь не так уж хорош, если дал нам возможность подойти так близко. Теперь у нас есть преимущество, мы занимаем господствующую над местностью позицию.

— Почему Раймон должен вас бояться? — усмехнулся Ленард. — Ланны могут изготовиться к бою так же быстро, как и вы.

Ральф галопом помчался вдоль переднего края своей армии, выкрикивая приказы. Он обучил своих людей в Дэйлзтауне, и они заняли позиции быстрее, чем Карл мог этого от них ожидать. Но взгляд его был прикован к человеку, скакавшему к северянам с белым флагом в руке. Ральф собирался попытаться провести последние переговоры.

Всадник вскинул руки и рухнул под внезапно рванувшуюся вперед лошадь. Мгновение спустя Карл услышал слабый звук спущенной тетивы и грубый лающий смех мужчин. Ланны не вступали в переговоры. Теперь они тоже были готовы и приближались к жителям Дэйлза.

Глава восьмая

Штурм с севера

Армия Ральфа была организована и построена обычным для нее образом: воины выстроены в двойную линию в форме тупого клина, сам Ральф и большая часть его охраны находилась в головном дозоре. Люди первой шеренги были вооружены боевыми топорами и мечами, за ними шли воины с длинными копьями, держа наготове боевое оружие на случай, если понадобится занять место погибших товарищей из первой шеренги. Знаменосцы ротных командиров были расставлены на равном расстоянии друг от друга вдоль шеренг. Знамена трепетали и хлопали на сыром упругом ветру. Всадники с копьями наизготовку заняли фланги, мечи их были в ножнах. На откосе холма, в тылу, защищенные рогатками цепью стояли юноши и самые

старые воины, вооруженные луками. Позиция была удачная, достаточно плотная, чтобы отразить натиск ланнов, не сминая рядов, и двинуться вперед для ответного удара.

Карл видел, что ланны надвигались компактным квадратом, в котором были в основном пехотинцы, числом, примерно вдвое меньшим, чем в армии Дэйлза. Конница ланнов, значительно более многочисленная, чем у дэйлов, развернулась строем у реки. Всадники с трудом сдерживали возбужденных лошадей. Короче говоря, по мнению Карла, у его стороны будет значительное преимущество. Любая атака конницы будет отражена пиками и мечами, в любом случае от кавалерии будет мало пользы при таком скоплении людей. А так как почти половина ланнов была на лошадях, Ральф, удачно выбрав позицию, уже лишил их возможности участвовать в битве. Это была вдохновляющая мысль. А Карл, честно говоря, нуждался, чтобы его немного приободрили. Вид приближающихся, злобно оскаленных чужестранцев вызывал озноб в мышцах, нервы, казалось, натянулись и вибрировали. Во рту пересохло, зрение потеряло четкость, в ушах звенело. Через несколько мгновений начнется бой. И опускающееся на западе солнце за гонимыми ветром облаками, может быть, никогда не увидит его живым.

Ланны двинулись быстрым шагом вверх по склону, так же плотно, как и раньше, сомкнув ряды. Раздавался частый металлический лязг оружия, гонг отбивал ритм шагов, трубы ревели, призывая их идти вперед. На каждом фланге воинского подразделения реял красный флаг севера, он казался кровавым на фоне беспокойного серого неба. Ближе... ближе... и вот они подошли!

Карл достал из полного колчана стрелу и наложил на тетиву. Справа и слева от него стояли Том и Аул, их луки были натянуты. Ждали сигнала. Ланны были близко, совсем близко. Карл уже мог различить на чьем-то квадратном бронзовом лице зигзагообразный шрам... боже, этот рог когда-нибудь загудит?

У-у-у!

Услышав сигнал, Карл выпустил стрелу. Тяжелый лук загудел у него в руках. По рядам прокатился тяжелый свист, внезапно оперенная смерть заполнила собой все небо и устремилась вниз на ланнов! Карл увидел, как люди в каре падали навзничь, хватались за вонзившиеся в их тела стрелы, и выпустил еще одну стрелу. Неожиданно страх прошел. Он почувствовал, как мысли стали холодными и четкими. Необыкновенно обострилось зрение, теперь он различал самые мельчайшие детали. Все, казалось, стало двигаться медленно, как во сне. Он видел, как падали раненые и убитые ланны. Как их товарищи, идущие сзади, затапывали их тела, занимая передние ряды. З-з-и-п, ззип, ззип!

— Ий! — рычал Том, выпуская стрелу за стрелой, его буйная шевелюра развевалась на ветру, словно знамя. Аул стрелял как заве-

денный, одна стрела за другой. У Карла было время, чтобы удивиться его спокойствию. Но вот ударили ланны.

Взлетели мечи и топоры, ударив о щиты — внезапный грохот разъяренного железа. Люди выли, орали, ругались, щиты содрогались от ударов, пики чертили воздух, сверкали кинжалы. Карл видел, как ряды дэйлов отступили под натиском ланнов. Земля неожиданно поплыла и стала уходить из-под ног, склон осыпался, и они наступили на лица, вынырывающие из человеческого водоворота и снова исчезающие в нем. Он отступил назад, на холм, выискивая удобную позицию, откуда можно было стрелять.

Ральф возвышался над полем боя и с коня рубил по шлемам, поднятым рукам, оскаленным лицам. Животное отступало, било копытами и снова отступало. Брошенное копье попало вождю в левую руку. Он вырвал его и в ярости метнул обратно, одновременно срудая с другой стороны мечом. Ланнский солдат с воплем проскочил под брюхом коня, и Ральф ударил его шпорой в лицо. Отбив удар копья, Ральф поднял рог и протрубил долго и протяжно. В ответ раздались крики.

Отступив в заросли, Карл смотрел на битву, разворачивающуюся внизу. Воины Дэйлза держались — они стояли твердо. О, слава богу! Они стояли! В горле застряло рыдание. Он прицелился в конного трубача, лук пропел, человек закачался в седле, пронзенный стрелой в плечо. Большой частью Карл стрелял наугад, в самую гущу людей, бурлящую по всему склону.

Совсем близко пролетело копье, вонзившись в землю рядом с ним. Повсюду шелестели стрелы, падали копья. У ланнов тоже были стрелки. Карл зарычал, широко расставил ноги и выстрелил.

Словно гром обрушился на голову, молния сверкнула во внезапно навалившейся тьме. Он упал на четвереньки, голова была чужой, она звенела и раскалывалась от боли. Он затряс ей, пытаясь прийти в себя.

— Карл! Карл!

Как сквозь туман, он увидел над собой взволнованное лицо Аула и неуверенно выпрямился, опираясь на юношу.

— Ничего страшного, — пробормотал он. — Камнем... но весь удар пришелся на шлем... — Череп гудел, но Карл нагнулся, чтобы подобрать свое оружие.

Битва то отступала, то вновь накатывалась, острый металл кромсал кольчуги и тела, гортанные крики, храп лошадей, вопли сумасшедшей боли, воздух потемнел от стрел и булыжников. Ральфа нигде не было видно — сердце Карла замерло, потом он заметил высокую фигуру отца. Он сражался пешим, прорубая себе путь сквозь ряды врагов. Видимо, коня под ним убили.

Лошадь! А где же конница ланнов? Карл похолодел, устремив взгляд на берег реки. Там виднелись только пустые палатки да голые деревья. Куда же подевались эти две тысячи конных дьяволов?

Словно в ответ на его мысленный вопрос раздались вопли рожков и крики. Он посмотрел налево и направо, и из души его вырвался стон. Они появились из леса, куда незаметно перед этим скрылись. Теперь всадники ланнов взбирались на холм, обходя конницу Дэйлза с флангов. Карл слышал нарастающий грохот копыт, увидел, как полетели копыта и всадники пригнулись в седлах и закричали, когда враг ударил.

Казалось, от этого удара хрустнули даже его собственные кости. Копья скользили по щитам или вонзались в живые тела. Не имеющие достаточного опыта дэйлы отступили перед этим диким натиском. Выхватив мечи, всадники свистели, метались меж расстроенных рядов, рубили, лица их пылали!

Пехотинцы дэйлов сделали все, что могли, чтобы сдержать непрерывный натиск ланнов. Между тем их смешавшиеся ряды отступили, лошади топтали своих же, копыта, посланные из тыла, поражали воинов в спины. Карл искал стрелу, но они все кончились, выругался и вытащил меч, одновременно протиснув левую руку в ремни щита.

Прозвучали гонги ланнов, их трубы победно заревели, призывая людей наступать на клин дэйлов, который уже потерял очертания. Карл видел, как упал один из телохранителей, Ральф вскочил в освободившееся седло. До Карла донесся рык отца:

— Быстро строиться! Строиться!

Слишком поздно, стоном прозвучало в сознании Карла. Дэйлы были разбиты на флангах, разрезаны налетевшей конницей, и пехота ланнов прорвала их смешанные ряды. Теперь каждый был сам за себя.

Два вражеских всадника заметили небольшую группу стрелков в зарослях, опустили копыта и помчались вперед. Карл видел, как они подпрыгивали в седлах, слышал, как под копытами дрожала земля, ясно различал раздутые ноздри жеребцов, пену на удилах, глаза ездовых, белые зубы на темных от прилипшей крови лицах. Он действовал не раздумывая и едва услышал свой собственный крик:

— Том, Аул, сбейте вон ту лошадь... по ногам ее...

Он выронил из рук меч. Острие копыта было нацелено ему в грудь, он отшатнулся, и копыто промелькнуло рядом. Он подпрыгнул, хватая поводья, как часто делал, чтобы остановить понесшую лошадь. Удар больно отозвался в мышцах. Он сжал зубы и уперся ногами в землю. Лошадь встала. Мелькнул нож Тома, перерезавший сухожилия. Животное дико заржало и где-то краешком сознания Карл пожалел эту невинную жертву человеческого безумия. Ланн потерял стремени, наскочил на копыто Аула и грохнулся в лужу крови. Другая лошадь скакала без седока, ее хозяин вытянулся в траве, кто-то из дэйлов достал его стрелой.

Но дэйлы были окружены, загнаны в ловушку и отчаянно бились

в сжимающемся кольце. Ланны сновали уже и среди них, резали, рубили, топтали конями своих врагов. Карл со своими спутниками стоял у зарослей и смотрел на весь этот ужас.

Начало смеркаться... Боже, неужели солнце заходит? Или... неужели битва шла так долго?

— Ко мне, дэйлы! Ко мне!

Громкий голос Ральфа перекрывал скрежет и вопли битвы. Ральф собрал остатки своей охраны вокруг последнего знамени Дэйлза, не успевшего еще пасть на покрасневшую от крови землю. Воины рубили и сбрасывали с коней наседавших на них ланнов. Вождь не переставал трубить в свой рог, даже когда отчаянные головы начинали пробиваться к своему вождю.

— Вперед! — орал Карл. — Все вместе! Держитесь друг друга! Мы должны туда пробиться!

Они вышли из зарослей, построившись в плотное каре, их было не более тридцати молодых стрелков и воинов с мечами наготове. Отряд ланнских пехотинцев выступил им навстречу. Карл наклонился, прикрыв тело щитом и глядя поверх него, наносил и отражал удары. Его атаковал воин, вооруженный мечом. Даже в сгустившихся сумерках Карл видел в его носу золотое кольцо.

Меч северянина заскрежетал по стали меча Карла. Карл сделал ответный выпад. Удар скользнул по шлему и щиту противника. Карл попытался достать острием ухмыляющееся лицо. Сыпавшиеся на него удары он почти не замечал. Надо было попробовать отскочить в сторону, резким ударом выбить у противника клинок из рук, вытянуть свободную руку и ухватить за золотое кольцо.

Но в горячке боя, Карл так и не заметил, как его противник исчез, теперь Карл бился уже с кем-то другим. Это была война, чудовищная мясорубка, где люди дрались с безмянными противниками, возникавшими ниоткуда и исчезающими в никуда. Внезапно слева от него раздался боевой клич, к ним присоединилась еще одна небольшая группа дэйлов, и ланны куда-то пропали, словно растворились.

Перед ними мелькнуло знамя Ральфа. Они устремились к нему и присоединились к растущему кольцу воинов, окружавших своего вождя. Ланны бешено визжали, натыкаясь на эту стену из крутящейся стали — собаки, насккивающие на стадо диких быков. Дэйлы еще немного продвинулись к Ральфу, потом еще.

Темнота сгушалась. Карл с трудом различал своих противников. От сухости в горле он хрипло и тяжело дышал.

Казалось, голос Ральфа звучал очень далеко:

— Все хорошо. Теперь мы расчистили себе путь!

Он вырвался из кольца, нанося удары направо и налево, и его люди, спотыкаясь, следовали за ним. Благодаря какому-то инстинкту они и под натиском врага держались близко друг к другу, но в такой темноте большего и не требовалось. Наноси удары, принимай на себя

ответные и обрушивайся тяжестью своего тела на рвущихся в бой врагов.

Ральф и несколько человек из его охраны метались среди разрозненных остатков армии дэйлов, нанося сильные удары противнику, подбадривали криками своих воинов, удерживали их вместе и понемногу уводили в леса. Вскоре деревья сомкнулись за невероятно уставшими отступающими воинами, и они продолжали идти в крошечной темноте. На какое-то мгновение Карлом овладела дикая паника. Ему захотелось бросить все и бежать, бежать, бежать от этого места, от всей этой резни, но он услышал голос отца, и к нему снова вернулась прежняя уверенность. Он с грустью думал, что, если бы не Ральф, они обратились бы в паническое бегство, даже если бы им удалось вырваться из мешка, ланны преследовали бы их, как собаки преследуют оленей. Но вождь спас их. Он сплотил разбитую армию и...

Теперь бой кончился. Они медленно пробирались сквозь кусты и заросли деревьев, вниз по холму, в темноте, и ланны им не препятствовали.

Карл понимал, что их спасла ночь. В плотной темноте растущие повсюду деревья и кусты скрадывали их перемещение. В лесу дэйлы могли справиться с любой свалившейся на них неожиданностью и, так или иначе, пробиться в безопасные места. Вождь ланнов, должно быть, это понял и отступил. Они были свободны.

Свободны и живы! Карл вдохнул дрожащими легкими сырой ночной воздух и почувствовал, как в нем медленно растет удивление. Он все еще мог двигаться. Кровь все еще текла в его жилах. Глаза различали тени и слабый свет. Он жил, жил, и сознание этого опьяняло его.

Внезапно нахлынуло чувство отчаяния и усталости. Да, дэйлы ушли с остатками своей армии. Но они были разбиты и бежали от врага, победителя, усталые, униженные, лишенные какой-либо надежды. Они больше не смогут оказать серьезного сопротивления, и ланны растекутся по всему Дэйлзу, и ничто не сможет обновить их.

Голос Ральфа прозвучал над шелестом кустов, шарканьем ног, хриплым дыханием людей. Перекличка. Он делал переключку охранного полка.

— Эзеф.

— Здесь.

— Тум.

— Здесь.

— Родэл.

— Жив пока, вождь.

— Джонатан!

Тишина.

— Джонатан!

Тишина...

— Где Торсен и Пигги?

— Оба убиты. Я сам видел, как Пигги упал.

В голосе Ральфа прозвучала тревога. Лес глушил слова, и голос странным образом напоминал голос мертвеца.

— Но ведь они стерегли Ленарда!

— Выходит, он снова у ланнов!

— Ленард снова на свободе!

Глава девятая

Нарушенный запрет

Настало утро, промозглое, серое, безнадежное. Люди измученно озирались по сторонам. В их глазах еще стоял ночной кошмар, когда они с трудом пробирались сквозь темный лес.

Армия вразброд продвигалась по неровной земле Скарпии. Люди шли небольшими беспорядочными группами. Заросли и ущелья многое скрывали от глаз Карла, но он был уверен, что они лишились большей части воинов Ральфа.

Лишь немногие были тяжело ранены, отступающие дэйлы не смогли вынести тяжелораненных товарищей с поля боя. Но ранены и избиты были все. Они шли в заскорузлой от крови, изодранной и мокрой от росы одежде, лохмотьями висевшей на измученных телах. Лошадей осталось мало, на них ехали те, кто пострадал больше других.

Все тело Карла ныло одной обширной тупой болью. В голове было пусто от усталости, временами он спотыкался. Лишь теперь он почувствовал свои раны. Глубокая рана на бедре, которую Том грубо перебинтовал, пульсирующая шишка на голове, синяки на руках и груди становились сине-желтыми.

Мечи и лесные сучья превратили его одежду в лохмотья, висевший на поясе клинок затупился и был весь в щербинах, лук пропал, латы тяжело давили на плечи.

Аул криво улыбнулся болезненной улыбкой сбоку от Карла. Один глаз у него заплыл и почернел, похоже, что и зубов у него поубавилось.

— Итак, — произнес он. — Вот он, восторг и торжество войны! Я никогда больше не поверю сочинителям баллад.

— По крайней мере, мы живы, — медленно сказал Том. — Ты, отец, Карл. Надо поблагодарить бога и за эту небольшую милость.

Карл думал о тех, кто был мертв. У него не было времени отыскать всех своих друзей, но он знал, что многие из них погибли. Дик, бесшабашный, необузданный и веселый, толстый миролюбивый Буко, тихий Энди... никогда он не увидит их в этом мире. Они лежали

плащам на ржавом от крови берегу реки, улюлюкающий, торжествующий враг пронесся мимо их уже незрячих глаз, и солнце светило, и ветер шелестел в траве, их родные оплакивали их, но они этого уже не знали.

Мертвые... мертвые и побежденные.

Ральф направлялся в сторону уступа высокой горы. Он шел с трудом, хромая и опираясь на флашток. Все лицо под изрубленным шлемом было покрыто запекшейся кровью, но широкие плечи, казалось, были по-прежнему нестигаемы, и утренний свет все так же золотил волосы. Когда он добрался до вершины, то вонзил древко знамени в землю и протрубил.

Хотя зов рога прозвучал слабо, теряясь в утренних звуках гор, дэйлы услышали его и медленно-медленно стали собираться у подножья, пока сверкающий от росы склон не покрылся сплошь их согбенными фигурами. Когда собрались все, воины сели и стали ждать. Оставшиеся в живых командиры Ральфа встали рядом с вождем, присоединился к ним и Карл. Он был слишком слаб, поэтому был вынужден сесть, подтянув колени к подбородку и вглядываясь в измученные, избитые лица своих соплеменников.

Ральф начал говорить, напрягая легкие, так, чтобы большая часть армии слышала его слова и могла передать дальше.

— Нас пока не преследуют, и я считаю, что ланны, если бы хотели, настигли нас. Поэтому, скорее всего, они дали нам возможность уйти, поскольку считают, что мы уже не можем больше драться и не причиним им неприятностей.

— Так оно и есть, — сказал один из воинов, невесело улыбаясь. — Если бы не так, то мы бы им еще показали!

Ральф скрестил руки на груди и окинул всех вызывающим взглядом.

— Да, мы проиграли бой, но мы не проиграли войну. И не проиграем, если будем держаться вместе и продолжать сражаться.

— Мы разбиты, вождь, и ты это знаешь. — Еще один воин поднялся у гребня холма, седой фермер, в его глазах стоял гнев. — Нам лучше рассредоточиться, добраться до своих домов и убраться к югу, пока еще есть такая возможность.

Глухой ропот прокатился по толпе скучившихся воинов, они кивали головами, руки медленно опускались к земле.

Ральф возвысил свой голос до крика:

— Это совет труса, Билкен, я от тебя этого не ожидал.

— Я потерял в этом бою одного сына, — ответил фермер. — Почему я должен терять и остальных неизвестно за что?

— Разве это «неизвестно за что»?! — воскликнул Ральф. — Это все за наши дома, жен и детей, за свободу, за сами наши жизни. Куда сможем пойти мы, жалкие остатки разбитого племени? Кто нас примет? Что мы будем делать, если ланны проглотят еще одно племя, а

потом еще и еще? Стать их рабами? Пилить им лес, носить воду, чистить нужники? Плюхаться коленями в грязь, когда мимо проезжает кто-нибудь из них? Разве ради этого наши отцы корчевали леса, распахивали земли, воевали с варварами? Неужели их кровь превратилась в наших венах в воду?

— Но мы не можем драться, — проворчал Билкен. — Нам нечем.

— Нет, есть. У нас есть еще оружие. У нас есть другие лошади. Ночной отдых даст нам новые силы. У нас есть Дэйлзтаун, чьи стены еще никогда не брали штурмом. У нас, если потребуется, есть голые руки! — Ральф поднял знамя, и золотой стяг расправился на рассветном ветру. — И мы все еще дэйлы. Или мы уже полевые мыши, удирающие от косы? Клянусь всеми святыми, если уж придется, я буду драться один!

— Они загонят нас за стены и подожгут наши дома, — прокричал кто-то.

— Ерунда! Они не станут жечь того, чем сами хотят завладеть. Даже если они это сделают, что из того? Ваши дома пропадут и в том случае, если вы будете удирать. Но если мы победим, то здесь всегда найдется достаточно леса и камня, чтобы построить новые. Здесь всегда найдется земля.

Ральф махнул рукой в сторону гор и лесов, тянувшихся до самого горизонта.

— Здесь всегда найдется земля, — повторил он. — А без нее мы — ничто, лесные бродяги, нищие, бездомные и бесприютные скитальцы. Все вокруг нас — Дэйлз. И пока он в наших руках, мы будем сильны, богаты и счастливы. Пока мы сражаемся за свою землю, она будет делиться с нами своей силой. Дэйлы, свободные люди, неужели вы откажетесь от своей родины?

Эти слова дошли до каждого. Карл видел, как в тусклых глазах снова зажегся огонь, видел, как пальцы крепко сжали оружие и люди поднялись на ноги. Разрозненные возгласы сливались в медленно нарастающий гул, взметнувшийся над толпой, подобно реющему над их головами золотому флагу. Фермер Билкен нехотя кивнул головой и сел. Когда пришло время голосовать, лишь немногие сказали «нет».

Воистину, Ральф был вождем!

Но Карл видел, что эти надежды ни на чем не основаны. Действительно, что можно было сделать с врагом, который разбил их лучшие силы, с врагом, который сейчас, вероятно, рыскал по равнинам, повсюду нагоняя страх? Дэйлы смогут отступить и спрятаться за стенами города, а что потом?

Ждать голода или выйти из-за стен, чтобы умереть?

Он потряс головой, чувствуя, как усталость переполняет его. Но даже в эти минуты в его голове зрело решение.

Большую часть дня армия отдыхала. Ральф одолжил лошадей на ближайшей ферме и послал всадников на вылазку. Один должен был донести известие об их поражении в Дэйлзтаун, один или двое должны были попытаться разведать перемещение врага, а остальные поехали гонцами в разбросанные селения племени с тем, чтобы те могли передать дальше: «Отступайте в город, мы разбиты и должны укрыться у себя за стенами».

Карл полагал, что многие фермы и так уже знали об этом, испытывая на себе огонь и мечи ланнов.

Он коротко переговорил с отцом, когда они, вытянувшись, лежали в траве, а сон все никак не шел.

— Что ты намерен предпринять? Неужели ты действительно рассчитываешь на победу, даже сейчас?

— Я не знаю, — грустно ответил Ральф. — Может быть, каким-то чудом мы все-таки сможем их победить. Или, может быть, мы сможем доставить ланнам столько неудобств, что они захотят пойти на сделку и забрать себе не все. Это даст нам хоть какое-то жизненное пространство. Но может случиться и так, что мы сдадимся и признаем свое поражение. Но даже тогда... — Он упорно посмотрел на Карла. — Даже тогда мы должны будем сражаться как истинные дэйлы!

Карл промолчал. Про себя он подумал, не было ли это мужество слепым. Умереть в бою — что ж, это оставит хорошую память, но если это не принесет людям ничего, кроме рабства, все это — бесполезно. Лучшим вождем считается тот, кто завоевывает победу, пролив как можно меньше крови. Да, как можно меньше крови с обеих сторон.

В полдень Ральф сосчитал своих людей, и они отправились в изнурительный путь домой. В дороге будет мало еды, так как фургоны с продовольствием потеряны, а попадающиеся по пути фермы служили плохим подспорьем. Вождь повсюду разослал фуражиров, которые приносили все, что могли, но при этом путь предстоял тяжелый и голодный. Ральф немилосердно подгонял своих сторонников, заставляя их оцепенелые тела двигаться с жесткой быстротой и не обращая внимания на проклятья. Они должны попасть за стены города как можно скорее, ведь, если ланны наткнутся на ослабевшую от голода толпу, начнется бойня.

Карл, как и раньше, шагал рядом с Томом и Аулом. Он очень сблизился с братьями с той поры, когда они последовали за ним в Сити. Дни были так насыщены событиями, что, казалось, они знают друг друга уже много лет. Тихая задумчивость Тома, неиссякаемое чувство юмора в Ауле — они были необходимы ему, а братья, в свою очередь, видели в нем своего вождя. Хорошо было иметь таких друзей.

Они шли, разговаривали, и мили неспешно ускользали из-под ног.

— Вы знаете, что у нас мало шансов. Мы не можем говорить об

этом во всеуслышание, у людей и так почти не осталось надежды, но это так.

— Что ж, — передернул плечами Аул. — Это может быть даже забавным, быть безземельным цыганом.

— Ничего забавного! — вспыхнул Том. — То, что говорил вождь, верно. Мы ничто без земли.

— Хм-м, да уж, я не могу сказать, что мечтаю всю жизнь спать под открытым небом и еще на кого-то вкалывать, чтоб заработать свой горький хлеб. Но что мы можем тут поделать?

Карл тихо сказал:

— Мы можем вернуться в Сити.

— Что? — Том уставился на него, разинув рот.

— Не так громко! — Карл нервно осмотрелся вокруг. Ближайшая кучка людей находилась в нескольких ярдах, они тяжело плелись вперед, ничего не замечая, их лица осунулись от усталости. Но Доктора... никогда нельзя было точно сказать, где они могли находиться, чтобы подслушивать.

Он торопливо продолжал:

— Вы знаете, что сила предков заперта в кладовой времени. Вы знаете, что Ронви — наш друг, и что он поможет нам, и что он кое-что понимает в старой науке. Если мы сможем ускользнуть сегодня ночью и добраться до Сити, то, может быть, нам удастся принести молнию, которая отпугнет врага! — Глаза Карла лихорадочно горели. — Мы можем попробовать.

— Табу! — прошептал Том. — Боги...

— Если бы богов действительно волновало это табу, то они расправились бы с нами еще в первый раз, когда мы попытались его нарушить. И потом они никогда не разрешили бы колдунам жить в тех развалинах.

— Но колдуны обладают магической силой... — возразил Аул.

— Ба! — Карл чувствовал, как в нем росли силы, пока он говорил. — Ты сам видел этих колдунов. И ты знаешь, что они всего лишь испуганные изгнанники, спекулирующие на наших страхах. Я... — Слова вырвались у него, прежде чем он успел испугаться. — Я не знаю, есть ли боги вообще... может быть, это что-то другое.

Том и Аул отшатнулись от него. Но молния не поразила их.

— Но ведь кто-то должен был сотворить мир, — произнес наконец Том, голос его дрожал.

— Да-да. Это великий Бог, о котором говорилось в кладовой времени, — в него я могу поверить. Но другие боги — что ж, если они и существуют, то они не очень сильные и не слишком добрые. Почему во всех рассказах они делают такие вещи, которые не волнуют даже ребенка? — Карл оставил эту тему. — Сейчас это не имеет значения. Просто я уж лучше прислушаюсь к Ронви, который всю жизнь провел среди изделий предков, чем к Донну, который никогда не входил в

зону табу. А Ронви говорил, что бояться здесь нечего, напротив, мы можем много для себя получить.

— Но Донн убьет тебя! — сказал Аул.

Карл усмехнулся:

— Когда я вернусь сюда с силой Атомика в руках? Хотел бы я посмотреть, как он это сделает!

Том покачал своей рыжей головой.

— Ты задумал большое дело, а мы еще слишком молоды.

— Дело не будет ждать, пока мы вырастем, и, кроме того, эту работу больше некому выполнить. Послушайте, ребята, эту кладовую необходимо открыть, открыть для дэйлов. Нет, для всего мира! — Голос Карла упал. — Что нам терять? Конечно, наши шансы невелики, но ведь вы понимаете, что другой возможности нет вообще. Я иду туда. Вы хотите пойти со мной?

— Если бы у меня было хоть немного мозгов, я бы сообщил об этом твоему отцу, а он связал бы тебя, пока ты не войдешь в разум.

Сердце Карла замерло.

— Но, так как я не такой уж умник, — улыбнулся Аул, — что ж, я поплетусь за тобой.

— Молодец. — Карл похлопал его по спине, и Аул опять улыбнулся.

Том покачал головой.

— Вы оба рехнулись, — сказал он. Потом с внезапной решимостью добавил: — Но, чтобы никто не сказал, что я уклонился от опасного дела, рассчитывайте и на меня тоже.

Да, это здорово, иметь таких друзей.

Армия продолжала идти и после захода солнца, в долгие летние сумерки, при свете звезд, под тонким серпантином луны. Уже давно стемнело, когда Ральф объявил привал.

Но надо было еще многое сделать. Необходимо было разместить людей на склоне горы, чтобы они могли отразить возможную атаку, расставить караулы и снарядить разведчиков, которые контролировали бы местность. Съезжались фуражеры с тем, что им удалось выпросить, купить или украсть, поварской котел мерцал под нависшей скалой. Сегодня им повезло: на ближней ферме, покинутой хозяевами, были найдены все коровы. Их привели в лагерь и зарезали. Всем хватило только попробовать, хотя многие настолько устали, что легли спать, не дождавшись ужина.

Карл уснул прямо там, где отдыхал, под деревом. Когда он проснулся, была уже почти полночь, и дэйлы вповалку спали вокруг него. Куда бы он ни посмотрел, везде были видны вытянувшиеся на земле тела, к ясным звездам поднималось тихое сонное бормотание. Последние угли догорающего костра на фоне темноты были похожи на печальный красный глаз.

Он встал, растирая онемевшие мышцы. Он замерз, промок и хо-

тел есть. Его раны саднили, кожа была липкой от грязи и пота. Но растущее возбуждение звенело в венах и нервах, заглушая сознание и обостря чувства. Он осторожно разбудил Тома и Аула, которые спали рядом.

— Нам надо украсть лошадей, — выдохнул он. — Они стреножены вон там. Тише, здесь караул.

Медленно и терпеливо они втроем проползли на животах к темным силуэтам животных. Им надо было пересечь зону патрулирования. Карл лежал в высокой траве, прислушиваясь к дыханию ветра и отдаленному стрекоту сверчков. Взглянув вверх, он увидел, как совсем близко прошел человек. Металл тускло сверкнул на белесом фоне Млечного Пути.

Карл, словно змея, проскользнул мимо патруля.

Металл шаркнул по камню.

— Кто там? — крикнул часовой.

Беглецы лежали неподвижно, едва дыша, пытаясь унять стук своих сердец.

Минуту спустя воин решил, что ему померещилось, и они двинулись дальше. Карл проскользнул к ближайшей лошади. Он слышал, как она щипала траву. Когда он подобрался к ней вплотную, она отпрянула.

— Спокойно, — прошептал он. — Спокойно, малыш. — Он встал и погладил шею. Только бы она не зафыркала!

Осторожно он взнуздal животное, используя веревку в качестве уздечки. Придется обойтись без седла. Но до Сити недалеко, если ехать напрямик через леса, — дня полтора. В случае удачи, их вряд ли станут преследовать. Трех пропавших на рассвете лошадей спишут на воров, а в такой плохо организованной армии исчезновение Карла и его друзей будет замечено не раньше, чем к вечеру.

Товарищи присоединились к нему, ведя в поводу взятых в спящем лагере лошадей. Они отошли от лагеря на достаточное расстояние, вскочили на лошадей и поскакали на запад.

Глава десятая

Месть богов

Раскаленное, безоблачное небо нависло над Сити. В городе не было заметно никаких признаков жизни. Но чутье подсказывало Карлу, что это — тишина ожидания, и он с трудом подавил дурное предчувствие.

— Вот он, — сказал Аул. Он остановил свою лошадь в тени дерева, листья которого были недвижны в жаркой тишине, и смотрел мимо разрушенных ближних зданий на взметнувшиеся в небо отдаленные башни. — Что мы теперь будем делать?

Карл вытер пот с лица.

— Мы пойдем в кладовую времени, — ответил он как можно спокойнее.

— Вряд ли колдунов это обрадует, — предупредил Том.

— Им придется потерпеть, — резко сказал Карл. — Во всяком случае, их вожди на нашей стороне.

Копыта звонко стучали по камням, когда они ехали по пустынной улице. Лишь однажды какое-то гибкое тело промелькнуло через дорогу — горноста́й, да стая ворон черной тучей пронеслась у них над головой, больше ничто не нарушило тишину мертвых столетий. Несмотря на летнюю жару, Карл ощутил озноб. Трудно было сохранять спокойствие, вторгаясь в дом богов. Он помнил слова Донна: «Если богов разозлить, то их месть не всегда приносит быструю смерть. Часто они прибегают к более жестокому наказанию, насылая бесконечные невзгоды».

Но это неправда, успокаивал себя Карл. Если идо́лы дэ́йлов действительно были всего лишь деревом и камнем, то единственным настоящим великим Богом может быть Бог предков, и он должен быть справедливее, чем силы земли, воздуха и огня.

— Вниз по этой улице, — командовал он. — Нам не следует входить в этот район в том месте, где живут колдуны. Нам важно захватить кладовую времени.

Том кивнул.

— Правильно. Мы втроем, заняв позиции между двумя высокими стенами, что у кладовой, можем сдержать какое-то время целую армию.

Здесь было легко потеряться, блуждая между бесконечными грудами кирпича и поросшими травой развалинами. Несколько раз Карл терял тот длинный проспект, который должен был привести их к высоким башням. Тренированный глаз лесного жителя еще в прошлый раз отметил и расположение относительно кладовой, и...

— Там, впереди!

Услышав крик Аула, Карл осадил лошадь и выхватил из ножен меч. Около указателя с лошадиным черепом стояли десять колдунов с луками и стрелами. Они были небольшого роста, сухопарые, на них не было доспехов, но лица пылали яростью.

Шум позади заставил Карла обернуться, и он увидел еще одну группу жителей Сити, выходящую из-за угла. Парни находились посередине улицы между двумя огромными, как скалы, зданиями без крыш — они в ловушке! Они попали в западню, и здесь их схватят!

— Давайте сматываться отсюда, — пробормотал Аул. — Если мы налетим на них на лошадях, они разбегутся...

— Не двигайтесь! — Голос был резким. Карлу уже приходилось слышать эти истерические нотки у других людей, и он знал, что говорящий таким тоном, опасен, потому что боится. Он будет убивать при

малейших признаках сопротивления. А у колдунов было много натянутых луков и отравленных стрел.

Медленно и очень осторожно Карл вложил меч обратно в ножны.

— Мы пришли с миром, — сказал он. — А где Ронви?

— Вождь идет сюда. — Говорящий был угрюм. Глаза щурились за натянутой тетивой, стрелы были нацелены прямо в сердце Карлу. — Подождите.

— Так-то вы встречаете гостей? — спросил Аул.

— Вы не гости. Вы пленники. Слезайте с лошадей!

Путники спешили, глядя на колдунов. Сделать ничего было нельзя. Совсем ничего.

Кто-то бил в барабан. Приглушенные раскатистые звуки эхом прыгали от стены к стене. Но вот где-то вдаль раздалась ответная барабанная дробь. Колдуны собирались. Карл отыскал место в тени и сел. Аул последовал его примеру, горько усмехаясь.

— Очень устаешь, когда стоишь перед натянутыми луками, — заметил он.

— Тихо! — оборвал его Карл.

Наконец с отрядом вооруженных колдунов появился Ронви. Высокий старый вождь протиснулся сквозь ряды своих людей и пожал Карлу руку.

— Что вы наделали! — воскликнул он. — Что вы наделали!

— Пока ничего, — ответил Карл. — Мы просто въехали сюда, что противоречит закону дэйлов, но не закону Сити. И вдруг нас поймали в западню.

По впалым щекам Ронви катились слезы.

— Мои люди боялись, что вы вернетесь, — сказал он. — Они выставили около кладовой стражу, чтобы схватить всякого, кто сюда придет. Я не мог этому воспрепятствовать.

— Если бы ты был настоящий вождь, — сказал предводитель караульных, — ты и не захотел бы этому препятствовать.

— Молчать! — крикнул Ронви. — Даже сейчас я вождь Сити. Эти ребята пойдут со мной.

— Нет, не пойдут, — холодно ответил тот. — Они наши пленники, и, кланусь, я убью их, прежде чем они успеют причинить нам еще какую-нибудь неприятность.

— И навлечешь тем самым на нас гнев дэйлов?

Смех вождя караульных напоминал хриплый лай.

— А что они могут сказать, эти дэйлы? Эти молодые выродки нарушили племенное табу, и тебе это хорошо известно. Кроме того, сейчас нужно бояться не дэйлов, а ланнов. А ланны будут рады получить головы этих парней.

— Зачем вам это? — спросил Карл. — Что мы вам сделали?

— Вы приехали, чтобы войти в кладовую дьяволов, — прорычал предводитель караульных. — Не отрицайте этого. Вы направлялись

прямо к ней. Вмешиваясь не в свои дела, вы навлечете на нас гнев богов, не говоря уже о ланнах. Только ваша смерть может снять это проклятие.

Одобрительные возгласы раздались в толпе одетых в лохмотья и перепачканных сажей людей, окруживших пленников.

Вперед выступил Ронви, высокий, с горделивой осанкой, злой. Его старческий голос загремел с неожиданной силой.

— Если вы убьете этих парней, то на вас обрушатся еще большие напасти! — прокричал он. — Я пока еще вождь Сити, и у меня есть здесь сторонники. Более того, я самый великий колдун в этом племени. Во мне сила Страшного Суда. Я нашла на вас чуму, разрушение и смерть.

Эти слова заставили их отшатнуться, но некоторые размахивали кулаками и кричали, что боги защитят благочестивых и что колдовство Ронви — табу. На какое-то мгновение показалось, что эта беспорядочная толпа перегрызется между собой, — появились ножи, луки были опущены. Рука Карла незаметно скользнула к мечу. Могла представиться возможность прорваться сквозь эту толпу и исчезнуть.

Ронви и его соперник стояли среди толпы, отдавая приказания и состязаясь в уме, постепенно среди людей племени воцарилось спокойствие. Яростный спор между вожаками продолжался, и ребята слушали его, понимая, что их жизни висят на волоске. Но даже в такой отчаянной ситуации Карл не мог не восхищаться Ронви. Согласно закону старый вождь не обладает большой властью, и его мало кто поддерживал, но он говорил быстро и убедительно. Он бил словами не хуже, чем клинком меча, и в конце концов добился компромисса. Какое-то время пленников будут держать под стражей, не причиняя им вреда до тех пор, пока судьба их не будет решена, и в любом случае с ними ничего не сделают, пока не будет получено известие от Ральфа — или от ланнов, — что кто-то готов их выкупить.

— Виноват, но большего я для вас сделать не могу, — пошептал Ронви. — Хотя буду пытаться.

Карл потихоньку пожал дрожащую руку старика.

— Вы нашли блестящий выход из положения, сэр, — тихо произнес он.

Отобрав оружие, их провели в район башен. Маленькая комнатка на первом этаже одной из них была переоборудована в городскую тюрьму: на полу лежало несколько тюков с соломой, стоял чан с водой и таз. Дверь была сколочена из тяжелых деревянных планок. Их втолкнули внутрь. Дверь закрылась, щелкнул замок, копыеносец уселся под деревом и стал наблюдать за ними.

— Что же, — сказал Аул после долгого молчания, — какую-никакую кладовую мы нашли.

Том с горечью посмотрел на тяжелую дверь.

— Бесполезно! — пробормотал он сквозь стиснутые зубы. — Как звери в клетке — безнадежно!

День медленно переходил в ночь, дверь открылась за это время только раз — молчаливая женщина принесла им миски с едой. На улицах Сити продолжалась обычная жизнь. Люди спешили по своим делам, многие останавливались и плевали в сторону тюрьмы. С наступлением темноты стало тихо, и пленники уснули.

Они проснулись с рассветом, сели и взглянули друг на друга. Наконец Карл сказал виноватым голосом:

— Простите, что впутал вас во все это.

— Все нормально, — ответил Том. — Нам самим нужно было думать, прежде чем идти.

— Что будем делать? — спросил Аул.

— Ничего, — ответил Том.

Настало утро. Им принесли завтрак и оставили одних. Сменилась стража, около тюрьмы, позевывая, сидел другой человек. Ужасное отчаяние овладело Карлом, и он дал себе клятву, что, если останется жив, никогда не будет держать животное взаперти.

Ближе к полудню пленники услышали вдали крики. Они сгрудились у двери и прильнули к щели, уставившись на глухую стену на другой стороне улицы. Стражник встал, взял копье и обалдело озираясь по сторонам.

— Это освободители? — в надежде воскликнул Аул.

— Вряд ли, — ответил Том. — Не думаю, что боги оставили намерение расправиться с нами.

Где-то раздался крик, дробный стук копыт, послышался мужской смех, похожий на лай диких собак. Карл замер от внезапного ужаса. Ему был знаком этот смех.

— Хуу-у-у!

Прогудел рог, и совсем рядом раздался лязг металла. Три женщины с воплями бежали вниз по улице, прижимая к себе детей. Стражника нигде не было видно, он убежал туда, откуда доносились звуки боя.

— Кто-то пробивается в Сити! — закричал Том.

Карл сжался, загоня свой страх вглубь. Он так стиснул бруску тюремной двери, что побелели суставы. Он попытался расшатать их — бесполезно. Его заперли надежно, и он ничего не мог с этим поделать.

— Держитесь! Отбросьте их назад!

Это был голос того самого командира патруля, который хотел его убить, и Карл вынужден был признать его отвагу. Звенели мечи, храпели лошади, кричали люди.

Отступая вниз по улице, двигалась узкая шеренга колдунов. В

дрожащих руках они сжимали оружие, их многочисленные раны кровоточили. Карл слышал, как прогудел лук, и житель Сити повалился, пронзенный стрелой, кашляя и ругаясь.

— Отлично... топчите их!

Ленард!

Всадники ланнов налетели с громоподобным топотом, как вихрь. Копья опущены, сверкают обнаженные мечи, накидки и перья развеваются в воздухе. Они с воем врзались в строй колдунов и смяли его.

Ланны рубили направо и налево, пробиваясь сквозь кипящее месиво людей. Народ Сити обратился в бегство. Верховой мчался за ними, громко смеясь. Схватка ушла из поля зрения.

— Ленард, — простонал Карл.

Шум боя отдалялся. Конец у такой схватки мог быть только один, даже если ланны уступают в численности. Мирные жители Сити не могли устоять перед напором безжалостной атаки тренированных воинов.

— Но там для них табу, — выдохнул Том.

— Похоже, его уже не существует. — Аул стиснул зубы в жесткой улыбке. — Они просто загонят колдунов в лес. И что мы тогда будем делать, Карл?

В ожидании они ходили по камере. По улице поползли тени. Ворон устроился было на одном из распластанных тел, но как только раненый шевельнулся и застонал, неохотно поднялся в небо.

Казалось, прошли целые столетия, прежде чем тишину нарушил стук копыт. Показались ланны. Их было десятка два, но этого было достаточно.

Ленард направил свою лошадь к тюрьме.

— Вот и мы, — сказал он. — Привет, Карл.

Он был в полном боевом облачении: в кольчуге, сапогах, острокопечном шлеме, на плечах красовался плащ, туника из ярко-голубого полотна покрывала стройное мускулистое тело. Смуглое лицо искажилось в волчьей гримасе.

— Белк, Джензи, откройте эту дверь, — приказал он.

Двое мужчин спешили и стали ломать замок боевыми топориками. Замок разлетелся на части, и дверь со скрипом отворилась.

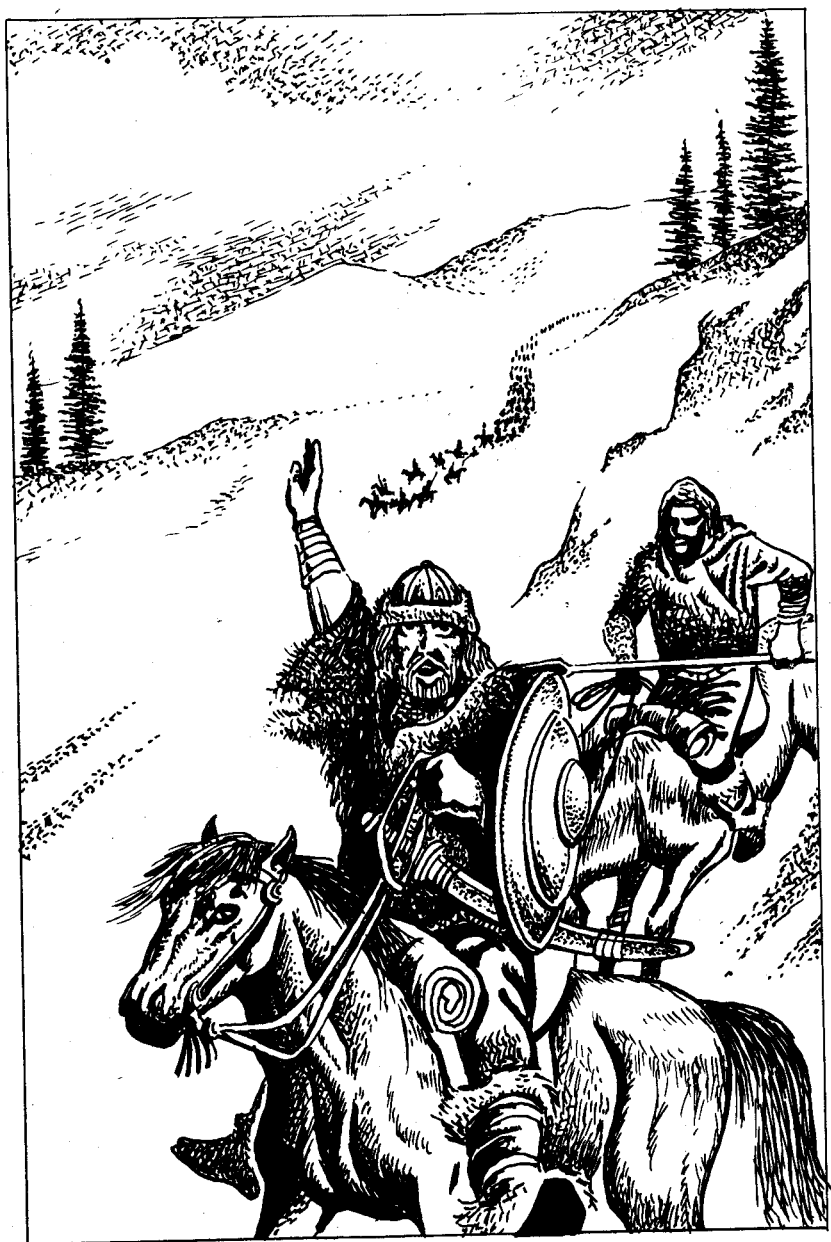
— Выходите, — приказал Ленард.

Парни, спотыкаясь, вышли на улицу, щурясь от солнечного света. Оглядевшись, Карл увидел, что с воинами был старик в красном плаще, а рядом с Ленардом стоял Ронви.

— Ронви! — прохрипел Карл.

— Я не смог уйти, — сказал старый вождь. — Они загнали моих людей в леса, а я не смог оставить Сити.

— Я и не позволил бы тебе, — прервал его Ленард. — Если верить Карлу, ты единственный, кто знает, как работают все эти штуки в кладовой времени.

— Кладовая времени! — Карл в ужасе взглянул на ланнского принца.

Тот кивнул головой.

— Конечно. Если силы Страшного Суда согласятся работать на вас, то я не понимаю, почему бы им не сделать это для нас. — И с зловещим огнем в глазах добавил: — Если так будет, то мы станем хозяевами мира.

— Это место — табу, — отчаянно возразил Ронви. — Боги рассердятся на вас.

— Вообще-то говоря, — ответил Ленард, — у ланнов, по крайней мере, у того племени, к которому я принадлежу, нет табу на достижения предков. Многие их бояться, но они не запрещены. — Он задумчиво добавил: — Я полагаю, что это все потому, что на нашей родине просто не на что накладывать запрет. От древних городов ничего не осталось, одни развалины. Поэтому я и собрал этих отчаянных людей, готовых штурмовать со мной даже небеса, и с согласия отца мы пришли сюда, чтобы пошарить в кладовой. Я взял с собой Доктора Кутея, вон он. — Ленард указал на человека в красном плаще. — Он отведет от нас проклятия злых духов, если мы их встретим. — Его презрительная улыбка говорила о том, что он взял с собой Доктора только для того, чтобы успокоить страх своих людей. Сам он не верил в проклятия предков. Эта улыбка относилась и к его новым пленникам. — Но я не ожидал встретить здесь вас. Добро пожаловать, ребята, добро пожаловать.

— Но я в самом деле ничего не знаю, — дрожащим голосом произнес Ронви. — Я не могу заставить работать ни один из тех приборов!

— Тогда лучше поскорее этому научись, — угрюмо отрезал Ленард. — Если ты не продемонстрируешь мне никаких результатов, вы все четверо будете убиты. А теперь вперед, в кладовую времени.

Глава одиннадцатая

Боги гnevаются

У конского черепа всадники осадил лошадей и, сидя в седлах, разглядывали высокое серое сооружение кубической формы. Они опасливо переговаривались тихими голосами, глаза горели на суровых, потемневших от солнца лицах, руки теребили талисманы. Казалось, лошади чувствовали охватившую хозяев неуверенность и страх и беспрестанно топтались на месте. Ланны боялись древнего колдовства, вопреки гордым словам Ленарда.

— Мы войдем, — произнес северный принц. Его голос прозвучал необычно твердо в нависшей тишине.

— Эти металлы прокляты, — пробормотал воин.

— У нас свои боги, — сказал Ленард.

— Наши боги далеко на севере, — возразил воин.

— Не скажи. — Старый Доктор ланнов Кутей достал из складок своего плаща коробочку, и люди склонились над ней. — Со мной Дом Джензика, а в нем находится сам бог.

Он возвел руки кверху и неожиданно запел. Его пронзительное пение дрожащим эхом отразилось от древних развалин. Карл внимательно слушал, но смог разобрать лишь несколько слов. Песня, видимо, была на старом языке, который со времен Страшного Суда сильно изменился. Когда Кутей закончил пение, он осторожно убрал коробочку обратно в складки своего красного одеяния и как ни в чем не бывало сказал:

— Теперь мы защищены от любых проклятий. Идемте.

— Ждите на улице, — приказал Ленард воинам. — Булак и Тум, — он кивнул двум воинам, которые, казалось, не испытывают страха, — пойдете с нами, остальным оставаться в седлах и быть настороже. Мы пробудем там не дольше захода солнца.

Он прыгнул на землю.

— Веди нас внутрь, Ронви, — приказал он.

Медленно, временами вздрагивая, старый вождь стал пробираться сквозь колючий кустарник между грудками камней и битого стекла. За ним шли Ленард и Кутей, потом дэйлы, последними с оружием в руках — Булак и Тум.

Послышался шорох, треск, что-то промелькнуло в траве. Ленард выругался — это была гремучая змея. Ее ядовитые зубы вонзились в толстую подошву его сапога, не причинив никакого вреда, и Ленард отшвырнул ее пинком.

— А ты уверен, что проклятия сняты? — спросил Карл, безжалостно забавляясь.

Два воина вздрогнули, а Кутей побледнел. Но Ленард зло пролаял в ответ:

— Змеи бывают повсюду. А эта не причинила зла, верно? Если это самое большое, что могут сделать хранители кладовой, то мы в безопасности.

Когда они подошли к взводу, он указал на надпись над дверью:

— Что там написано? — спросил он.

— Кладовая времени, — прочитал Ронви, гордо взглянув на своих конвоиров. — Здесь само время, все призраки и силы прошлого, и они не мертвы, а только спят взаперти. Входите на свой страх и риск.

— Чуть! — прохрипел Ленард.

От толчка Ронви дверь со скрипом отворилась. Внизу было темно.

— Иди вперед, — приказал принц. — Если там смертельные ловушки, ты попадешь в них первым.

Они начали спускаться вниз по лестнице в прохладную темноту подвала. Ронви наощупь нашел стол, на котором стояли свечи, и дал

одну Ленарду. Принц ланнов высек огонь при помощи кремня и стального бруска и зажег свечу. Желтый свет выхватил из темноты пыльные ящики и машины. Ленард затаил дыхание, в его глазах промелькнул лихорадочный огонь — атомный огонь, голод по мудрости.

— Так вот она, эта кладовая! — прошептал он.

Он зажег и остальные свечи, и тени отступили по углам и замерли в ожидании, огромные и угрожающие. Булак и Тум, оставшиеся стоять у лестницы, испуганно озирались по сторонам. Губы Кутея шевелились в беззвучном пении. Ленард пробирался меж стеллажей, дотрагиваясь то до модели, то до книги. Его пальцы, хоть и слабо, но дрожали. Карл подошел к бронзовой табличке и еще раз прочитал выгравированный на металле призыв. На его глаза навернулись слезы.

— Что это? — Ленард дотронулся до сооружения, состоящего из металлических пластин и рычагов. — Орудие пыток?

— Это печатный пресс, — без выражения произнес Ронви. — Они применяли его для изготовления книг, чтобы добытые однажды знания могли получить все люди.

— Ба! — По мужественному лицу Ленарда пробежали, чередуясь, свет и тени, обозначив его резкие черты. — А что мы можем использовать для войны?

— Здесь не было оружия, — ответил Ронви. — Именно война уничтожила предков, и человек, создавший кладовую, не хотел, чтобы это возродилось.

— Думаю, что ты лжешь, — сощурился Ленард. — Карл, где оружие?

— Я не знаю, — ответил Карл. — Ронви говорит правду.

— Если я засуну ваши руки в этот... печатный пресс... и разможужу их, то вы, может быть, вспомните.

— Что тебе это даст? — Ронви выпрямился, теперь он выглядел необыкновенно величественно. — Ты не можешь вытянуть из нас информацию, которой у нас нет.

— Здесь должно быть что-нибудь, что можно использовать в бою, — закричал Ленард. — Иначе Карлу не пришлось бы в голову тащиться сюда.

— Здесь есть мудрость, знания — это верно, — сказал Ронви. Он почесал свою седую бороду. — Здесь нет орудий войны, но есть средства, при помощи которых можно изготовить некоторые из них.

— Что? Что ты можешь изготовить?

Старик подошел к полкам, на которых рядами стояли пыльные бутылочки. Во время прошлого посещения кладовой Карл не смог прочитать нацарапанную на стекле инструкцию. Это были буквы и цифры, из которых не складывались слова, и он подумал, что это магические знаки. Ронви объяснил ему, что это просто обозначения различных веществ и что в некоторых старинных книгах, моногра-

фиях по химии, как он их называл, объясняется, что это за вещества и что можно сделать, комбинируя их между собой.

— Я кое-что могу, — сказал вождь колдунов так тихо, что его голос едва не затерялся в тяжелом полумраке. — Например, из содержимого этих склянок я могу приготовить волшебное зелье. После того, как люди его выпьют, они становятся неуязвимыми. Ни один металл не сможет проникнуть сквозь кожу, ни один камень, нельзя будет поставить им синяк, ни один яд не сможет причинить им вреда. Этого будет достаточно?

У Ленарда загорелись глаза.

— Да, этого будет достаточно — для начала! — воскликнул он. Его голос зазвучал победно: — Армия, которой нельзя причинить вреда — да, этого будет достаточно!

Даже Булак и Тум подошли поближе, на их лицах была алчность.

— Одну минуту, — проницательно заметил Кутей. — Если это так, то почему ты не сделал неуязвимыми народ Сити или хотя бы себя?

Ронви устало улыбнулся.

— Это место и его волшебство являются для нас табу, — ответил он. — Мои люди не хотят иметь дело с этой кладовой, а если бы я использовал это для себя, они прогнали бы меня. Более того, это опасно. Могут восстать дьяволы, которые немедленно вырвутся при этом на волю. Боги злятся, когда люди таким образом получают их могущество.

Булак и Тум отпрянули назад к лестнице.

— Делайте, — холодно произнес Ленард. — Я рискну поссориться и с дьяволом, и с богами.

— Мне нужно, чтобы кто-нибудь помогал мне, — сказал Ронви. — Карл, может быть, ты?

— Нет, — ответил тот. — Нет, ты предатель!

— Иди помоги ему, — приказал Ленард. — Ты разбираешься в этом немного больше, чем любой из нас. — Он положил руку на рукоять меча. — Или я должен тебя... нет, не тебя, твоих друзей подвергнуть пытке?

Карл угрюмо подошел к вождю колдунов. Ленард и Кутей отошли к своим воинам, стоявшим у двери, подозвав к себе Тома и Аула.

Старческие руки Ронви слегка дрожали, когда он взял одну из бутылочек. Кроме химических знаков, на ней были написаны слова, но Карл не знал, что они означают: ПОРОХ (черный).

Потом он вспомнил, что похожие слова обозначают в легендах, и невольно вздрогнул.

— Это все, что есть в кладовой, — вздохнул Ронви. — Но нам придется довольствоваться этим. Карл, найди мне таз.

Карл поискал среди приборов, и наконец нашел большой таз. Когда он принес его Ронви, тот коснулся губами его уха и прошептал:

— Я попробую их одурачить.

Радость охватила Карла, но на лице его ничего не отразилось, и все же он не осмелился посмотреть на ланнов, которые внимательно следили за ними.

Ронви открыл бутылку и высыпал в таз черные крупинки. И снова улучил возможность шепнуть:

— Они могут убить нас. Мне продолжать?

Карл едва заметно кивнул.

Ронви поискал глазами колбы. Потом начал петь. Его высокий пронзительный голос перешел в стенания, от которых даже у Карла мурашки пошли по коже. Кутей, черной тенью вырисовывавшийся в дверном проеме, поднял Дом Джензика против магии.

— Именем Атомика, и облака, и голуболицего всадника, который сеял пылающую смерть по невозделанным полям, именем десяти тысяч дьяволов, закованных в цепи и жаждущих освобождения, Страшным Судом и Тьмой, я вызываю из дальних глубин, древний мятежник, дитя ночи... Карл, нужны еще емкости. Рассыпь эту черную пудру в полдожинны их.

Ронви откупорил еще одну колбу и вытряс в один из тазов несколько голубых кристаллов. В другой он насыпал вещество из колбы с надписью NaCl: на вид похожее на обыкновенную соль, а в третий — пурпурно-черное вещество.

— Нии-вии-хо-ха-нии-йя-а-а. Атомик, Атомик!

Торопливый шепот:

— Карл, я надеюсь напугать их и заставить убраться из кладовой, чтобы они не осмелились использовать ее настоящих богатств.

Монотонное пение колдуна, стук глиняной посуды.

— Хоо-хоо-хоо! Придите все силы ночи, смерти, ужаса, придите ко мне сейчас!

Ронви протянул Карлу медную трубку.

— Набей в нее черную пудру. Когда она заполнится, найди пробку и плотно заткни один конец.

Он стоял и делал какие-то пассы, высокий, тощий, как мертвец, по его морщинистому лицу пробежал желтый свет и темные тени, глаза его горели. Когда Карл протянул ему трубку, он снова прошептал:

— Я не знаю, как они поведут себя, даже если у нас что-нибудь получится. Я могу только надеяться, что нам удастся напугать их и они покинут город. — И вслух: — О, всемогущие боги земли и неба, огня и воды, лета и белой зимы, не гневайтесь на нас. Не насылайте на нас дьяволов.

Послышался дрожащий голос Ленарда:

— Если это так опасно, может быть, лучше оставить это занятие.

— Я уже не могу остановиться, — жестко ответил Ронви. — Силы

уже вызваны, и теперь мы должны овладеть ими. Думаю, нам это удастся. Йа-а, уи-и, нэй-хэх-ноу-ни-и-и!

Булак и Тум спрятались за Кутея, который держал в поднятых вверх, дрожащих руках Дом Джензика.

Ронви взял кусок грубой веревки, засунул его в открытый конец трубки с порохом и плотно залепил этот конец глиной. У него были кое-какие свои грубые приборы и материалы в этой кладовой. Он пользовался ими в течение многих лет, пытаясь разгадать здешние секреты.

— Боги великого мира, не гневайтесь!

— Скоро все будет готово? — Голос Ленарда теперь напоминал рычание испуганной собаки.

— Сейчас, сейчас. Или никогда. — Ронви поставил на пол чаши и положил рядом с ними трубку. Потом взял в руку свечу.

— А теперь, — сказал он торжественно, его голос порождал эхо, словно разговаривал призрак, — начинается высвобождение того, что мы вызвали. Вспыхнет огонь и явятся дьяволы, будьте мужественными, ибо дьяволы подобны собакам, они рвут горло тем, кто их боится.

По мнению Карла, это был ловкий прием. Ибо, как ланны могли подавить свой страх? Карл и сам покрывался холодным потом, пульс колотился в ушах.

— Атомик, явись! — Ронви опустил свечу в первую чашу.

Вспыхнуло пламя, оно шипело, разбрасывая по сторонам смертельно-голубые блики по стенам и лицам, по притаившимся в глубине таинственным машинам. Ронви тряс головой, его длинная белая борода дико развевалась.

— Не бойтесь! — кричал он. — Только смерти надо бояться!

Он зажег следующую чашу, пламя было цвета желтой меди. Едкий, удушливый дым заполнил кладовую.

— Я чувствую страх! — закричал Ронви, эхо раздалось в ответ. — Страх, страх, страх... — Он поджег третью чашу, пламя было красным. — Кровь, кровь! — Вибрирующий голос Ронви. — Знак смерти. Кто-то должен умереть здесь!

— Я ухожу! — Тум бросился наверх по лестнице. Ронви зажег последнюю чашу, огонь в ней был зеленый.

— Зелень тления и смерти! — вопил он. — Зелень травы на ногах! Атомик, возвращайся! Боги, помогите нам!

Он коснулся свечой шнура, торчащего из трубки.

— Пусть возгорится, и да поможет нам факел Богов! — трясся колдун. Мигающая тусклая искра побежала по шнуру внутрь трубки.

— Факел не будет гореть — боги отвернулись от нас. Теперь спасайте свои жизни! — Ронви бросился к двери. Булак взвыл и кинулся по лестнице вслед за Тумом. За ним последовал Кутей, потом Том и Аул, напуганные не меньше, чем их конвоиры. Языки пламени плясали по кладовой — голубые, желтые, красные и зеленые, — появился

тяжкий, ужасающий огонь гнева, легкие наполнялись болью по мере того, как пламя разгоралось в кладовой.

Ленард расставил ноги и поднял меч.

— Я остаюсь! — прокричал он. В этот момент Карл не мог не восхищаться его мужеством.

— Что ж, оставайся и умирай! — Ронви пробежал мимо него. Карл — за ним. Через мгновение за ними последовал и Ленард. Он выронил свой меч, дыхание клокотало у него в горле.

Раздался потрясший землю грохот, вырвав сноп пламени, что-то треснуло — трубка взорвалась. Горячий осколок металла со свистом вылетел через дверь.

Ланни в ужасе повскакивали на лошадей.

— Бежим отсюда! — в панике орал один из воинов.

— Нет! Подождите! — Ленард хватался за уздечки, кричал, проклинал. — Послушайте, огонь стихает. Все кончилось!

— Смерть! Смерть! — говорил Ронви. — На нас надвигается смерть!

Булак выхватил топор и взглянул на Ленарда.

— Мы уезжаем, — крикнул он. — Там привидения и дьяволы!

— Нет! — взревел принц.

— Да! — Вперед выступил старый Кутей. Он трясся под своими красными одеждами, лицо серое и потное. — Даже Джензик не может остановить силы Страшного Суда! Чтоб снять проклятие, наложенное на нас сейчас, потребуется великое волшебство и много жертв, а боги — и наши боги тоже — не станут больше терпеть вмешательства в свои дела. — Он поднял вверх железную коробочку. — Во имя Джензика я объявляю кладовую, Сити и проклятых колдунов — табу. Табу — навеки! И пусть того, кто нарушит закон, мгновенно постигнет смерть.

Ленард стоял, как загнанный зверь, рыча в лица своих воинов.

— Труссы! — хрипел он. — О ползучие трусы и предатели!

— Мы уезжаем, — процедил Тум. — Мы последуем за тобой, куда угодно, но если ты хочешь возглавить нас, то сейчас уедешь с нами.

— Так-так... — Ленард старался сохранить самообладание. Медленно губы его скривились в железной ухмылке. — Что ж, хорошо, мы можем взять Дэйлз и без волшебства.

Он оседлал коня и кивнул пленникам.

— Пойдете с нами, — рявкнул он. — Вы можете еще пригодиться, не живые, так мертвые.

— Старика не надо брать с собой, — указал Кутей на Ронви. — Он полон страшных сил, на нем печать несчастий.

— Тогда оставьте его. А парней возьмем, и уходим отсюда.

Ронви долго стоял и смотрел вслед ланнам. Потом вздохнул и вернулся в кладовую. Когда он вошел, то первым делом с беспокойст-

вом осмотрел, не причинил ли взрыв какого-нибудь вреда. Наконец он остановился перед бронзовой табличкой, и его тонкие пальцы коснулись ее.

— Ты нас спасла, — прошептал он, и слезы заблестели на его глазах. — Ты спасла нас. Но какой ценой?

Глава двенадцатая

В Дэйлзтаун

Трое пленников ехали на взятых ланнами с собой запасных лошадях. Их не связали. Но за каждым их движением бдительно следила охрана. Кавалькада двигалась быстрой рысью и вскоре была далеко от Сити. Потом лошадей пустили шагом, и всадники вздохнули спокойнее.

Карл смотрел на крутой склон холма, лес, высокое голубое небо. У него вырвался вздох. Они одержали маленькую победу. Кладовая времени была спасена от варваров. Но они по-прежнему пленники, и ланны покуда не побежали.

Он поднял голову. Это касается всех дэйлов, дерзко подумал он. Но прежде всего, это касается меня самого.

Пасмурное, готовое взорваться грозой, выражение смеси гнева и страха исчезло с лица Ленарда. Теперь он улыбался, и когда Кутей принялся что-то бормотать насчет того, что отныне их будут преследовать невзгоды, громко рассмеялся и хлопнул Доктора по спине.

— Отчего же? Уж если силы в кладовой так могучи и злы, как ты говоришь, то, раз мы ускользнули оттуда целыми и невредимыми, мы очень везучие люди, — сказал он и принялся шутить со своими воинами, пока те тоже не заулыбались и расслабились.

— В конце концов, — заметил он, — это волшебство было бы нам полезно, но мы не так уж в нем нуждаемся. Добрые ланнские мечи — этого довольно.

И он снова поскакал вперед, пока не очутился рядом с Карлом.

— Вам нечего бояться за свои жизни, если будете вести себя как следует, — сказал он парням. — Мы собираемся присоединиться к нашей армии — она рыщет сейчас по западным границам и скоро будет в Дэйлзтауне, если она уже не там. Мы с отцом будем держать вас в качестве заложников так же, как вы пытались держать меня. Смею заверить, Карл, что это поубавит у твоего отца желания воевать и спасет немало жизней с обеих сторон.

— Это меня не слишком радует, — хмуро ответил Карл.

Ленард помрачнел.

— Мне не хочется, чтобы вы думали о нас, как о дьяволах, — сказал он. — Мы грубый народ, это верно, и после долгого тяжелого

похода на Дэйлз, мы намерены разграбить его. Но лишь немногие из нас делают это ради удовольствия или чтобы ощутить власть над вами.

— Тогда зачем? — выпалил Аул. — Может быть, вам это для здоровья полезно?

— В какой-то мере, — ответил Ленард. — Мы вынуждены этим заниматься. Наша родина не может нас больше прокормить. Нам нужны новые земли, и как можно быстрее.

— Я уже слышал это раньше, — хмыкнул Том.

— Но вы этого не видели! — воскликнул Ленард. — Вы не видели жалкий, нищенский урожай, уничтоженный копытами лошадей и дождями. Вы не слышали, как дети плачут от голода, не видели людей с ввалившимися от недоедания глазами, не чувствовали, как голод сосет ваши желудки. Вы не ютились в жалких, переполненных хибарах, когда вокруг завывает вьюга и убивает домашний скот. Вы не дрались с кочевниками из отдаленных северных районов, которые отбирали то небольшое, что еще оставалось. — Он взмахнул кулаком. — Вы не видели разодетого в меха и шелка купца с Юга, который проходит мимо вас, так как у вас нет ничего в обмен на его мясо и зерно!

— У нас есть свои дома, — сказал Карл. — Вы делаете с нами то же самое, что делали с вами.

— Конечно, — согласился Ленард, — потому, что мы сильный народ, народ воинов, и мы не дадим нашим семьям умереть, если есть возможность перевезти их в лучшие места. Это закон природы, Карл. Мы дикие псы, убивающие оленя, которые вынуждены это делать, чтобы выжить. Но мы не чудовища.

— Так чего же вы хотите от дэйлов? — спросил Карл.

— Это им решать, — ответил Ленард. — Если у Ральфа есть здравый смысл, он соберет свою армию, которая еще довольно сильна, и отойдет со своими людьми на юг. Там живут более слабые племена, и он сможет завоевать для дэйлов новые земли.

— Итак, зло порождает зло. Это будет продолжаться до тех пор, пока все не передушат друг друга. Нет!

— Как хотите, — Ленард пожал плечами. — Это было всего лишь предложение — ибо я не желаю дэйлам вреда и даже в какой-то мере люблю их. На мой взгляд, именно у тебя, Карл, есть все данные, чтобы стать великим вождем. Когда-нибудь мы с тобой могли бы вершить великие дела. И обидно, что тебе придется умереть в безнадежной битве. Но ты сам должен сделать выбор. Подумай об этом.

Он отъехал, оставив Карла в раздумье. Казалось, слова ланнского принца эхом отозвались у него в голове, и он никак не мог от них отделаться. Посмотрев на лица своих конвоиров, он увидел, что они загубели от войн и страданий, но эти люди были еще способны смеяться какой-нибудь грубой шутке. У них были жены и дети, которые боялись за них, ожидали их возвращения домой. И если эти люди

были более дикими, чем дэйлы, то лишь потому, что такими сделала их суровая земля.

Зло порождало зло — это так, но корень всех несчастий заключался в том, что человек не мог обеспечить себе нормальное существование. Когда-то, в том туманном и счастливом прошлом, которое теперь представлялось лишь легендой, сном в долгую зимнюю ночь, у людей были средства для этого, но они ныне утрачены. Нет, они еще существовали. И ключ от исчезнувшего величия лежал в кладовой времени — но это табу.

И вдруг Карл подумал, а не было ли ошибкой — изгонять ланнов из кладовой? Если бы они там остались, то наверняка выиграли бы войну — дэйлам это не принесло бы новых бед, а кладовая оказалась бы в руках людей, которые не боялись бы использовать ее богатство. Со временем они узнали бы и многое другое, например, мирные ремесла древней цивилизации, а через них эти знания распространились бы на все человечество. На это потребовалось бы много веков, но это был единственный путь спасения всего того, что заперто в темной кладовой.

Как же следовало поступить? Человек должен поступать справедливо, но слишком часто трудно было сказать, где он, этот путь к справедливости. В любом случае, эта война не была войной между злом и добром, черным и белым. Это была война между людьми, которые не были ни полностью плохими, ни полностью хорошими. Если дэйлы все-таки победят, это будет означать медленную смерть от голода не только воинов-ланнов, но и их невинных жен и детей. Что же можно было здесь поделать?

Он выкинул эти путанные мысли из головы. В данный момент вопрос состоял не в том, что нужно делать, а что можно сделать. И первой проблемой было скрыться.

Вечером ланны разбили лагерь в лугах на вершине горы. Все склоны были покрыты лесом, казавшимся в мягком закатном свете таким, словно в нем с самого сотворения мира не ступала нога человека. Приготовление к ночлегу не было сложным. Развели небольшой костер, чтобы зажарить убитого охотниками оленя, лошадей стреножили немного поодаль, где они мирно щипали траву, расстелили на земле одеяла для сна. Ленард поручил трем мужчинам нести караул по очереди. Они должны были сменять друг друга, как обычно, по звездам. После ужина Ленард подошел к пленникам с полосками сыромятной кожи.

— Виноват, — сказал он, — но я вынужден связать вас на ночь.

— Очень приятно, — с сарказмом произнес Аул. — Мы обожаем, когда нас связывают.

— Только не пытайтесь разорвать кожу, такими путами стрено-

живают лошадей, — сказал Ленард. — Вы можете взять одеяла и спать на них.

Карл молча стерпел, когда его связывали. Запястья спереди, и еще опутали щиколотки двухфунтовым шнуром. Шнур проходил за плечи и завязывался на спине узлом так, что он связанными руками не мог его развязать. Все просто, но эффективно. Тома и Аула связали таким же образом, и Ленард собственноручно расстелил одеяла для всех троих.

— Смотрите, как бы эти ребята не развязали друг друга, — со смехом сказал он стражникам. — Они порядочные плуты!

Опустилась темнота, мигали звезды, в костре догорали последние угли.

Стражник все еще был на ногах, он то ходил взад-вперед, зевая время от времени, то стоял, опираясь на копье. Его товарищи вытянулись на земле и крепко заснули. Они зверски устали за день. Лошади дремали, или щипали в темноте траву. Завели свой стрекот сверчки. Слышны были только совы да дикие кошки, от этих звуков лошади испуганно фыркали.

Карл, Том и Аул лежали головами друг к другу. Время от времени патрульный сурово поглядывал на них, но не мешал им перешептываться. Из-за вершин деревьев показался тоненький серпик молодой луны.

— Мы можем что-нибудь предпринять? — шепнул Том. — У нас есть хоть какая-то возможность удрать?

— Нет. Давай спать, — широко зевнул Аул. — Ну и денек!

— Мне кажется... — начал Карл и замолчал. Он так долго лежал молча, что друзья решили, что он уснул. Но он думал.

Камень впился ему в правое плечо. Ленарду следовало обратить побольше внимания на то, где он расстилал одеяла. Но это, в общем, пустяк. Есть ли у них шанс удрать? Если есть, сможет ли он им воспользоваться. Неудачная попытка, конечно же, выведет ланнов из себя, и, может быть, настолько, что они решат убить их. Но об этом не стоит думать, строго приказал он себе. Его собственная жизнь так мало стоила в этом мире, но для него самого она была очень дорога. Он был сыном вождя и должен был с этим считаться.

Но как убежать? Ланны спали рядом, караульный был начеку и вооружен. А его связали, как поросенка перед тем, как забить... Будь проклят этот камень! Утром плечо будет фиолетовым.

Идея пришла неожиданно. План был рискованный и отчаянный, — но вперед! Надо было рискнуть прямо сейчас, пока ощущение безнадежности не так связывало его страхом по рукам и ногам.

Он повернул голову.

— Том, ты спишь?

— Да. А что?

— Приготовься кое к чему... Аул, Аул, просыпайся.

— Х-хух, а-а-хх-ха! В чем дело?

— Тише. Приготовься. Я хочу кое-что попробовать.

Карл выждал, пока караульный повернется к нему спиной. Потом сбросил одеяло, встал на колени и начал копать землю.

Караульный развернулся и направился к нему. Его-копье было нацелено Карлу меж ребер.

— Что ты делаешь? — прошипел он.

— У меня под спиной камень. Я пытаюсь его выкопать. Понятно?

Карл отогнул нижнее одеяло и ткнул в камень.

— Ладно. Не буди лагерь. Я выкопаю его.

Ланн ковырнул землю кончиком копья. Карл поднялся на ноги, смотрел на согнутую спину, голову в шлеме, и под удары своего сердца с неясным сожалением думал, что этот воин — совсем неплохой парень.

Раздался скрежет, и камень выкатился.

— Ну вот, — сказал ланн.

— Спасибо, — Карл нагнулся и поднял камень. Тот не умещался в ладони, тяжелый, влажный от налипшей земли.

В одно мгновение юноша выбросил руки и ударил воина камнем в висок. Удар отозвался в мышцах, послышался глухой хряск, похожий на отдаленный удар грома.

Человек пошатнулся, кровь струилась по его лицу. Том уже вскочил, подхватывая безжизненное тело и помогая ему без лишнего шума коснуться земли. Аул подхватил копье, прежде чем оно успело упасть и зазвенеть. Карл бросил взгляд на темные фигуры спящих ланнов. Кто-то зашевелился, бессознательно бормоча во сне.

Нагнувшись, он взял у воина нож и перерезал свои путы. Потом передал его Тому, чтобы они с Аулом тоже могли освободиться, а сам снова наклонился над телом. Кровь была горячая и липкая, она склеивала пальцы, когда Карл возился с застежкой шлема. Он растегнул ее, стащил с воина плащ и передал все это Тому.

— Ты почти такого же роста, — прошипел он. — Надень это и возьми копье. Ходи туда-сюда на случай, если кто-нибудь проснется.

У них было мало времени. Как только Том отошел от ребят, сонный голос спросил:

— Кто это?

— Все в порядке. Иди спи, — хрипло ответил Том, моля бога, чтобы его голос не слишком отличался от голоса стражника. И опять начал ходить взад-вперед, взад-вперед... Древко копья скользило в его мокрых от пота ладонях, и ему пришлось крепко сцепить зубы, чтобы не было слышно, как они стучат.

Двигаясь бесшумно, как кошки, извиваясь, словно змеи, Карл и Аул поползли в высокой траве к лошадям. У них был нож и меч, они могли разрезать путы. Но если лошадь заржет или если ланн, лежащий без сознания, придет в себя... Том старался об этом не думать. Взад-вперед, взад-вперед, шаг за шагом.

Меж силуэтов животных при свете звезд слабо блеснул металл. Карл с Аулом перерезали пути. Один раз лошадь заржала, и Том замер. Потом начал снова ходить туда-сюда — неясная фигура стражника в плаще и шлеме с длинным копьём на фоне звезд. Если кто-нибудь проснется, то увидит, что стражник на месте, и успокоится. А ржанье лошадей не имеет особого значения. Что ж, бывает!

У кромки леса прозвенела тонкая трель дрозда. Но дрозды редко поют по ночам. Это был сигнал. Том взглянул на лагерь. Все спокойно. Он услышал храп и чье-то сонное бормотание. Повернувшись, он побежал к лошадям большими, неслышными шагами.

Его друзья держали трех взнузданных лошадей, остальные животные недоуменно фыркали, не понимая, что происходит. Том отбросил копьё и вскочил на одну из них. Карл и Аул последовали его примеру.

Внезапно в лагере загремел голос:

— Джой! Джой, где ты? Что происходит?

— Отлично, парни! — прозвучал высокий и чистый голос Карла. — Едем! — С торжествующим воплем врезался он в густую траву. — Йееа! Хэй, хэй, хэй! Гед-дап!

Лошади бросились врассыпную. Они ржали и лягались, обезумев метались туда-сюда, дико стуча копытами.

— Вперед! — орал Карл. — Скачем в Дэйлзатун.

У его щеки прожужжала стрела, потом еще и еще. Ланны проснулись, кричали, бегали за своими лошадьми, стреляли вдогонку тройце, уносившейся в лес.

Карл пригнулся к шее своей лошади. Украсть запасных лошадей не было времени, слишком велик был риск, поэтому этим троим предстоит долгая скачка. Да, эта скачка действительно будет долгой, до самого Дэйлзтауна. И как только ланны оседлают своих лошадей, они начнут преследовать их, зло и азартно.

Послышался смех Аула.

— Похоже, все эти дни мы только тем и занимаемся, что крадем домашний скот! — крикнул он.

— Вперед, шут гороховый! — крикнул Карл. — Скачем в Дэйлзтаун!

Глава тринадцатая

Награда герою

Лошадь споткнулась. Ее дыхание стало коротким и прерывистым, пыльные бока покрылись пеной. Карл безжалостно пришпорил ее заостренным ивовым прутом. Пыльное облако сзади опасно приближалось.

Усталость туманила Карлу глаза. В голове было пусто от недосыпания. Весь день не было возможности напиться, и во рту у него было сухо. Солнце отчаянно палило.

Ночь и день. Еще ночь и вот этот день, все вперед и вперед... Только короткие перерывы на сон, больше для того, чтобы сберечь лошадь, чем себя... без еды, голод тупой болью засел в желудках... Они ловчили, увертывались, переправлялись через ручьи, шли на все, чтобы скрыть свои следы от охотников. Теперь остался последний кусок пути, они уже были на хорошо знакомой дороге к Дэйлзтауну, ланны преследовали их по пятам.

Карл оглянулся, были видны силуэты людей и лошадей, вверх-вниз двигались копыта и шлемы, металл то блестел в свете солнца, то пропадал в пыли. На рассвете ланны взяли след, заметили беглецов, и теперь расстояние между ними неуклонно сокращалось. Лошадей у ланнов было больше, чем всадников, у них была возможность отдохнуть от веса седока, поэтому лошади догонявших не были такими усталыми.

Карл, как в тумане, размышлял о том, сколько еще сможет продержаться его лошадь.

Наверное, было бы разумнее идти пешком. На любой, достаточно длинной дистанции можно было загнать лошадь. Но вот на коротком переходе, таком, как вот этот участок пути до Дэйлзтауна, конный двигался быстрее, чем пеший. На раздумье не было времени. Слишком поздно думать. Вперед, вперед, вперед!

Рядом с ним, держась утоптанной копытами дороги, немного ссутулившись от усталости, скакали Том и Аул. Их одежда была в клочья разодрана сучьями деревьев. Кожа исцарапана. Струйки пота оставляли грязные дорожки на пыльных телах. Беглецы были безоружны, если не считать украденного ножа, их преследовали, но они мчались вперед через холмы по утрамбованной пыльной дороге, которая вела в Дэйлзтаун.

— Хо-йо! — До Карла слабо донесся волчий вой ланнов. Стрела, потеряв силу на излете, упала рядом. Но скоро враг будет на расстоянии выстрела, это будет конец.

Вокруг расстилалась широкая зеленая равнина, чем ближе они подъезжали к городу, тем чаще встречались дома. В полях колосились посевы, в садах цвели цветы. Но никто здесь не жил. Повсюду было пусто. Все жители укрылись за стенами Дэйлзтауна.

Лошадь все чаще спотыкалась, сбиваясь с ровного галопа. Ланны рычали, пришпоривая своих коней, все ближе, ближе, все слышнее барабанный грохот копыт под багровым небом.

— Карл... Карл... — голос Тома был похож на стон. — Мы не успеем... Город так близко, но мы не доберемся до него...

— Успеем! — прокричал сын вождя, как в бреду. В голове у него звенело, гудело и визжало. Он вцепился пальцами в гриву лошади и пригнулся к ее шее. — Мы уже почти там. За мной, за мной!

Они взбирались по высокому склону. Поднявшись на вершину, Карл увидел, что на небе собрались грозовые тучи. Еще до наступле-

ния ночи будет дождь, и земля обрадуется влаге. А он... суждено ли ему ощутить его прохладу?

— Йа, йа, йа! — Ланны завизжали и рванулись вперед, как только их добыча скрылась за вершиной холма.

Внизу лежал Дэйлзтаун, темное пятно на зеленой, низкой долине. Подул свежий восточный ветер, потом усилился, волнами прогибая траву и раскачивая ветви деревьев.

Вниз по крутому склону, вниз к стенам, галопом, галопом! Карл рискнул обернуться еще раз. Теперь он уже мог видеть лицо Ленарда, мчавшегося впереди. Этот варвар улыбался. Мгла грозowych туч освещалась вспышками молний. Облака несли по небу, рвало в серые клочья. Буря надвигалась огромными шагами.

— Мы не успеем, Карл. — На этот раз крик отчаяния вырвался у Аула. Ветер кромсал фразы, срывающиеся с его губ. — Мы просто не успеем.

— Попробуем! — крикнул Карл.

Вниз, вниз, вниз. Пропела стрела. Мимо. Еще одна и еще. Голос слабо долетел до Карла.

— Сдавайтесь, или мы будем стрелять!

Так близко, почти у города... Перед ними уже расстилалась ровная долина. Массивные бревенчатые стены Дэйлзтауна, квадратные башни, за ними высокие крыши... каких-нибудь две мили, и каждый шаг приближал их к цели... но надежды уже не было. Ланны были в нескольких ярдах от них и...

Сквозь облако пробился солнечный свет, роковой, тяжелый, цвета латуни свет. Гром шарахнулся с небес на землю и обратно, сотрясая долину. Перепуганное стадо, борясь с ревущим ветром, пробиралось к рощице.

Карл напряг мышцы, приготовившись получить стрелу в спину. Он сжал зубы. Он не закричит, даже если стрела пробьет легкие... но вперед, вперед...

Смех рычал почти в самое ухо. Обернувшись, Карл увидел, как к нему приближается воин, пытаясь оттеснить Тома. На темном бороде лице белели зубы, рука тянулась к уздечке лошади Карла.

Юноша застал, почти закричал и подался вперед. Одной рукой он вцепился в гриву, а другой ухватился за космы, выбивающиеся из-под шлема врага. Он рванул за них, одновременно осадив лошадь. Лошадь ланна все еще мчалась вперед, и воин начал сползать с седла. Одна нога воина запуталась в стремях, и он рычал, пока Карл стащивал его с седла. Том поймал в воздухе брошенное копьё и круто развернулся, чтобы вонзить его в ланна.

В небесах сверкнула молния, хлынул дождь. Небеса обрушили на землю серые потоки воды. Жалющие серебряные копыта относил ре-вущим ветром, они отскакивали от земли и исчезали среди холмов, окутанных влажной дымкой.

Аул тоже придержал лошадь. К нему, заноса меч, подлетел с победоносным видом ланнский всадник. Но у Аула был нож. Он схватил поднятую руку ланна и полоснул по ней ножом. Тот закричал, схватившись за запястье, из которого хлынула кровь, а Аул вырвал у него меч и бросил его Карлу.

Ланны обступили их со всех сторон, занеся оружие над беззащитными, мокрыми от дождя телами. В небе сверкнула молния, гром, как гигантская боевая колесница, тарахтел и громычал. Карл поднял лицо, подставив его дождю, жадно глотая последние капли жизни. Когда надежды не стало, он вдруг перестал бояться.

— Если можно, возьмите их живьем, — пролаял Ленард.

Налетели кони. Внезапный водоворот тел, копий и клинков закружил беглецов. Карл схватился за чью-то руку, почувствовал, как сталь глубоко вонзилась в тело... Страшный удар по голове... Свет и тьма... Он вылетел из седла, и на него обрушился дождь.

Подняв мутный взгляд вверх, он увидел возвышающегося над ним всадника, острие копья упиралось Карлу в горло. Оскалившись, он ухватился за древко копья и попытался отвести его в сторону. Свободной рукой он нащупал в грязи меч и поднял его.

Он не сдался. Не станет ни заложником, ни рабом, подумал Карл. Он заставит их убить себя!

Над проливным дождем и ревушим ветром грохнул гром. Карл почувствовал, как дрогнула земля. Двое ланнов спрыгнули с лошади и наклонились к нему, пытаясь зажать между щитами. Он удáрил одного по шлему так, что отвалилось забрало.

Баруум, бааумбаррум — это уже не гром потрясал землю. Эти звуки становились все ближе и ближе.

Казалось, из самого центра бури вылетел всадник на громадном вороном коне. Он и сам был огромный, золотоволосый, одержимый жадной мести. Кроме щита и шлема, он был не защищен ничем, лишь в руке сверкал широкий меч. Он стремительно мчался к месту схватки.

Он взмахнул мечом, мокрый от дождя клинок сразу же стал красным, и ланн умер. Другой не успел поднять свое оружие, как тоже был убит. Всадник осадил рвущуюся вперед лошадь, та встала на дыбы и ударила копытом третьего воина. Зазвенела сталь, когда пришелец обрушился на четвертого, тогда как пятый зашел с левой стороны и взмахнул мечом. Золотоволосый, разъяренный как тигр, выбросил вбок левую руку и разможил лицо северянина.

— Отец! — закричал Карл. — Отец!

Ральф скупно улынулся в бороду. Он вышиб меч из руки противника, тот попытался с пронзительным криком отскочить в сторону, но не успел и был зарублен. Теперь из Дэйлзтауна спешили люди. Карл увидел Эзефа и еще трех человек из охраны, скакавших впереди остальных, заметил опущенные копья и услышал слабый звук рожка.

Как только ланны их увидели, большинство северян внезапно развернули коней и с воем помчались обратно. Дэйлы рванулись за ними и преследовали, пока Ральф не протрубил в рог. Тогда медленно и неохотно они развернули коней.

Ральф уже спрыгнул с седла и подхватил Карла на руки.

— Я увидел вас издалека, — хриплым голосом сказал он. — Я увидел, что они гонятся за вами, и помчался что было сил. С тобой все в порядке? Ты ранен?

— Царапина. — Карл крепко обнял отца. — А что с Томом? Ауло?

— Живы, — отозвался младший брат. Мокрые от дождя рыжие волосы облепили его голову, из-под них сочилась кровь и, смешиваясь с водой, ручейками стекала по груди. Он слабо улыбался.

Подскакал Эзеф. Его лошадь разбрызгивала грязь копытами.

— Мы догнали бы их, если бы ты не отозвал нас, — с мрачным лицом пожаловался он.

— Они заманили бы вас в ловушку, — ответил Ральф. — Ведь основные силы ланнов совсем рядом. — Он выпрямился. — Едем обратно в город.

Взобравшись на лошадь, Карл медленно ехал рядом со своим отцом. Лицо вождя было суровым.

— Вы ездили в Сити? — спросил он.

— Да, — ответил Карл.

Ральф покачал головой.

— Это глупо. Донн решил не отступать от того закона. Ты вряд ли сумеешь избежать обвинения, и...

— Мы же сделали это в интересах племени, — угрюмо сказал Карл.

— Разумеется. Но племя будет смотреть на это с другой стороны. — Ральф похлопал сына по плечу. — Я сделаю все, что в моих силах. Я спасал своего единственного сына от врагов не для того, чтобы его вздернули мои друзья.

Перед ними распахнулись ворота. Когда они въехали в город, то увидели, что на улицах полным-полно народа. Насколько мог видеть Карл, везде под дождем стояли люди, измученные, несчастные, голодные. Повсюду были раскинута палатки или установлены навесы, на дворах, на улицах, рыночных площадях, целый город в городе. По примеру вождя и Совета, горожане все строения, в которых могли разместиться люди, отдавали беженцам. Вся еда была перенесена в общее хранилище, в городе был установлен скудный рацион. Еще до появления ланнов, Дэйлзтаун перешел на осадное положение.

Люди держались вместе, горожане и сельские жители, охотники и угольщики, лесорубы из дальних лесов. Женщины держали на руках детей, укрывая их от дождя, дети постарше цеплялись за их юбки. Мужчины были вооружены, у всех были решительные, злые лица.

Старые люди робко и растерянно озирались по сторонам — жизнь рушилась. Толпа двигалась бесцельно, без всякой надежды, гудела и бубнила под раскаты грома. Глаза, глаза... Тысяча глаз устремились на возвращающихся воинов.

— Сюда перебралось все племя, — прошептал Карл.

— Нет, — печально ответил Ральф. — Только те, кто смог сюда добраться. Но и это больше, чем может вместить город. Стража не в состоянии поддерживать порядок среди такого скопления людей, а еще нужно стоять в дозорах. Да еды в городе хватит ненадолго. А если мы будем жить такой кучей в течение нескольких недель, начнутся болезни. Это скверно. Очень скверно!

В небе, покрытом взлохмаченными ветром облаками, пылали молнии. Группа Докторов торжественно прошествовала к вождю. Двое из них держали в руках святые символы. Двое пели молитвы черной магии. Впереди всех, высокий, старый и решительный, вышагивал Донн.

Мокрые от дождя одежды облепили его тело, по лицу струились холодные струйки воды, но в орлином лице, обращенном к Карлу, не было ни слабости, ни милосердия. Его голос чисто и сурово прозвучал среди бури.

— Ты был в Сити.

Карл заставил себя взглянуть в эти страшные глаза.

— Да, — ответил он. Было бесполезно отрицать очевидное.

— Ты знал, что это запрещено. Ты знал, что наказанием является смерть.

— Но я знал еще, что это единственная возможность спасти нас! — Карл повернулся к рядам людей — они стояли под дождем и ждали. — Я знаю, что в Сити есть мудрость, а не черная магия, не дьяволы, не Страшный Суд, а мудрость, умение и знания, при помощи которых можно победить ланнов и возродить гордость предков. Мы с друзьями были там и рисковали нашими жизнями ради племени. Ради вас, люди!

— И навлекли на нас гнев богов! — воскликнул Донн. Он указал на парней, но обратился к дэйлам. — Однажды они посетили Сити и вступили в зону табу и принесли сюда кусок проклятой магии. Наша армия была разбита в бою у реки. Они снова пошли туда, имели дело с колдунами и дьяволами. Ланны у наших ворот, наши дома разрушены. Люди Дэйлза, боги отвернулись от нас. Гнев богов пал на нас тяжким бременем, мы отданы в руки наших врагов!

— Айе... айе... айе... — зашумели голоса, угрюмые, ненавидящие голоса — испуганных, отчаявшихся, ищущих, казалось, отпущения людей. Неудача следовала за неудачей. Что-то разгневало богов, и главный Доктор был единственным, кто знал их намерения. Взлетели кулаки, засверкали мечи.

— Богохульники должны умереть!

— Да, да, да, повесить их, повесить их прямо сейчас... — Словно завывала стая волков. Толпа обступила их, свирепый блеск молний отсвечивал в глазах и на оскаленных зубах.

— Нет! — громоподобно взревел Ральф. Он выхватил меч, его личная охрана тоже обнажила клинки, они кольцом окружили ребят. — Если они совершили преступление, — кричал Ральф, — привлечите их к суду. Я поклялся защищать закон дэйлов, и я буду его отстаивать, если придется, даже при помощи меча!

— Тогда пусть их бросят в тюрьму, — пронзительно крикнул Донн. — И пусть завтра Совет совершит над ними суд!

Толпа отступила, и Ральф опустил меч.

— Пусть будет так, — устало сказал он. — Пусть их посадят в тюрьму, как того требует закон. — Он коротко и нежно коснулся сыновей щеки. — Прости, Карл.

Юноша попытался улыбнуться.

— Все в порядке, отец.

Эзеф возглавил отряд стражников, и они отвели ребят в тюрьму. Молодой воин был вне себя.

— Если это закон, — кричал он, — то наш долг его нарушить! — Он понизил голос. — Если вы, ребята, захотите сделать попытку к бегству, не думаю, что кто-нибудь из нас будет этому препятствовать.

— Бежать к ланнам? Нет, спасибо! — усмехнулся Карл. — Я хочу, чтобы мне, по крайней мере, предоставили возможность отстаивать свою правоту перед Советом. Я собираюсь попробовать убедить их снять это идиотское табу.

— Я оповещу всех, — сказал Эзеф. — В городе ходили слухи о твоём последнем походе в Сити. Многие из молодежи считают, что ты, может быть, и прав. По крайней мере мы полагаем, что ты имеешь право на непредвзятое слушание дела. Мы все завтра будем на собрании. — Его лицо помрачнело. — Но если все обернется против тебя, если тебя все-таки приговорят к повешению, мы попытаемся что-нибудь предпринять, чтобы тебя спасти. И я не думаю, чтобы твой отец был так бесчеловечно непреклонен, чтобы не помочь нам в этом деле.

— Посмотрим. — От усталости голос Карла прозвучал вяло. — А сейчас я хочу спать.

Тюрьма была небольшим крепким строением около рыночной площади. Ей ведали стражник средних лет и его жена. Они тоже были возмущены тем, что трое храбрецов поставлены перед лицом смерти за то, что боролись за жизнь племени. Тюремщик помог им вымыться, приготовил ужин и запер в маленькую комнатенку, в которой обычно жил с женой. Другие комнаты были переполнены людьми, получившими небольшие сроки за драки, неизбежные в переполненном городе.

Когда дверь за ним закрылась, Аул зёвнул, потянулся и захихикал.

— Сначала нас судили колдуны, теперь дэйлы, — сказал он. — А между этими судами, мы были в плену у ланнов. По-моему, мы просто пользуемся популярностью.

— Кого это волнует? — голос Тома был сонным, он, спотыкаясь, почти вслепую нашел один из соломенных тюфяков на полу.

Карл с минуту стоял и смотрел в окно, забранное железной решеткой. Все еще шел сильный дождь, по улице бежала вода, смешанная с навозной жижей, город постепенно погружался во мрак. Да, устало думал он, правда, у него странная судьба. Кажется, он повсюду чужой, отвержен, ибо у него в сердце хранится тайна.

Ладно... завтра... и он уснул.

В эту ночь армия ланнов совершила последний бросок. Дэйлы видели на горизонте пылающие дома, слышали топот тысяч ног и копыт, лязг металла и гортанные голоса людей. Когда рассеялся рассветный туман, они увидели, что город взят в стальное кольцо, вокруг стен горели лагерные костры, на лугах среди посевов паслись лошади. Множество ланнов рыскали вокруг оборонительных сооружений.

Последний оплот был в осаде.

Глава четырнадцатая

Совет в Дэйлзтауне

По закону дэйлов каждый член племени являлся членом Совета и мог посещать его собрания по вызову вождя, участвовать в принятии новых законов и важных решений. Совет являлся также верховным судом, хотя обычные дела передавались в совет старейшин. Но этот процесс обещал быть непростым, с самого рассвета чиновники суда и барабаны созывали народ.

Несколько воинов должны были нести караул на башнях и следить за окружившими город ланнами. Как всегда нашлись люди, не пожелавшие присутствовать на совете, хотя они имели на это право. Но за ночь и утро слухи разлетелись по всему городу. К полудню зал был полон.

Ральф медленно и тяжело взошел на помост с северной стороны. Он был одет в черное, лишь на плечи была накинута белая мантия и на боку висел отделанный золотом меч. За ним поднялся Донн, опираясь на руку более молодого Доктора, потом следовали старейшины племени.

Вооруженная охрана привела на помост Карла и его друзей, и они тоже сели. Гул толпы перешел в рев. На минуту Карл испугался. Он

видел сотни и сотни лиц, уставившихся на него, и их взгляды были хуже, чем копыя ланнов. Потом среди общего гомона раздался глубокий звучный голос.

— Объясните им все, ребята! Ведь вы поступили правильно! — К Карлу вернулось мужество, он сидел, скрестив руки на груди и упрямо глядя перед собой.

Он хорошо знал холл, но изучал его так, как будто был здесь впервые. Большое помещение представляло собой одну огромную комнату. Потолочные балки проходили высоко-высоко над людьми, сидящими внизу. С балок свешивались старые знамена дэйлов — вот этот флаг доставил сюда Вальтер Победоносец, а вот тот пыльный штандарт был принесен с поля боя у Семи Рек. Гордость за прошлое взволновала его. Стены были покрыты резьбой по дереву. На богатых панелях из полированного дуба были изображены боги, герои, звери. На деревянных колоннах, расположенных по обеим сторонам холла, были вырезаны листья и плоды с дерева жизни. Окна были занавешены великолепными занавесями, через которые воздух и свет проникал в наполненную полумраком комнату. От помоста до самой двери холл был уставлен лавками, на которых сейчас теснились люди. Те, кому не хватило места, стояли в проходах и у дверей. Все мужчины были вооружены — в любой момент мог раздаться сигнал тревоги, — и металл зловеще блестел в этом накаленном, беспомощном полумраке.

Разглядывая холл, Карл понял, что в нем есть люди, которые на его стороне. В переднем ряду сидел Джон, фермер преклонного возраста. Рядом — большая группа молодых людей, которые явно пришли вместе. Эзеф помахал оттуда Карлу. Там были и другие друзья семьи, товарищи по играм и охоте, они смотрели приветливо.

Юноша попытался расслабиться. Он вымылся, отдохнул, его накормили. Раны были забинтованы, а Ральф прислал ему и его товарищам свежее белье. Сейчас ему было нечем заняться, но внутри у него бурлило возбуждение, он весь напрягся и дрожал. Дело было не только в его собственной жизни. Сегодня, возможно, будет решено будущее всего мира.

Ударил гонг, раз, второй, третий. Постепенно разговоры утихли, и им на смену пришла тишина ожидания, не нарушаемая даже дыханием.

Ральф и Донн совершили ритуал открытия Совета. Они избегали смотреть друг другу в глаза. Потом вождь выступил вперед. Его голос прозвучал чисто и глубоко.

— Я должен был бы возглавить это собрание так же, как возглавлял все остальные, — сказал он. — Но судья не может принимать ничью сторону, а я думаю, все вы знаете, что здесь очень глубоко задеты мои личные чувства. Поэтому я передаю свои полномочия Вэллну, главе старейшин, и буду выступать только как член племени. Он

отстегнул меч правосудия и передал его белобородому старцу, который сидел справа от него.

Аул в ярости зашипел:

— Он предает нас! Как вождь он мог, по крайней мере, повлиять на ход собрания, чтобы спасти наши жизни. Он слишком предан закону!

— Ты глупец, — пробормотал Том. — Так лучше. Как вождь он не смог бы даже попытаться изменить то, что будет происходить, люди поняли бы его намерения и заглушили бы криками. По закону его власть ограничивается лишь тем, что он может председательствовать. А как член племени он может говорить свободно — а люди будут знать, что это все-таки вождь, и прислушаются к нему больше, чем к другим. — Он улыбнулся. — Карл, может быть, твой отец справедливый человек, но он еще и далеко не глуп!

— Мы собрались, чтобы выслушать здесь тех троих, что нарушили табу, — раздался голос старого Вэллона. — Мне говорят, что на этом собрании мы должны также решить, не снять ли нам то табу. Пусть выскажется обвинитель.

Донн встал и подошел к краю помоста. Его глаза почти ничего не выражали, и когда он заговорил, голос у него был неторопливый и печальный.

— У меня тяжелая задача, — начал он. — Я должен иметь дело с семьей, члены которой в течение всей моей жизни были моими друзьями и помощниками. Я должен призывать к смерти трех подающих большие надежды молодых людей, которые всего-навсего стремились помочь своему племени в этой ужасной войне. Рука богов сурово давит на мои старые плечи.

Но путь Доктора тернист. Он должен забывать не только о себе, но и о других, служа богам и племени. В дни своей молодости я сам затыкал уши, чтобы не слышать криков детей, которым я удалил гнилой зуб или вырезал злокачественную опухоль. Однако после того они оставались живы и здоровы и благодарили меня за то, что я сделал. И сейчас я вновь должен сделать больно для того, чтобы излечить. Но на этот раз болезнь лежит глубже. Это болезнь духа, из-за которой на нас пал гнев небес.

Он продолжал описывать первый визит ребят, рассказывать о трофее, который они тогда привезли с собой и который он уничтожил, совершив ритуал очищения, и надеялся на то, что проклятие снято. Но, очевидно, он ошибался, ибо смелая и опытная армия дэйлов потерпела поражение от горстки врагов. И эти враги теперь держат в своих руках всю землю и загнали племя за стены города, как скот в загон. Но дьявол, видимо, не умер в этих парнях, ибо украдкой они снова направились в запрещенный Сити и имели дело с колдунами, а потом вернулись и стали открыто выступать за снятие табу. К каким бедствиям может привести это вторичное пренебрежение во-

лей небес? Боги могут наслать на людей чуму, или могут сделать так, что люди будут медленно умирать от голода, или помогут ланнам прорвать оборону, вырезать жителей и сжечь город.

Нет, племя должно отречься от этих безумцев, которые нарушили мудрые законы предков. Небеса можно умиловать лишь самой большой жертвой, и этой жертвой должна быть жизнь человека, отнятая в соответствии с законом.

— И тогда, — заключил Донн, — боги, может быть, смилуются над нами и даруют нам победу. Но я буду оплакивать этих несчастных.

Он медленно вернулся на свое место и сел. Руки у него тряслись. Зал гудел и бубнил, пока Вэллон вновь не ударил в гонг. Тогда старец сказал:

— Даю слово обвиняемому.

Встал Карл.

— Мы решили, что я буду говорить за нас троих, — сказал он, призывая к тишине и спокойствию. Он упер руки в бока и с минуту смотрел на собравшихся.

— Я не хочу спорить с Донном относительно здравого смысла и религии, — продолжал он. — Однако я хотел бы сделать одно-два уточнения, чтобы ответить на поднятые здесь вопросы. Во-первых, здесь было сказано, что мы потерпели поражение от ланнов вследствие нашего визита в Сити, откуда я принес холодный свет. Я хочу сказать, что не мы первые нарушили табу и вошли в запретную зону. Это часто делалось и раньше, хотя долго там никто не оставался. Более того, мы сделали это под угрозой смертельной опасности, а закон дэйлов разрешает человеку спасти свою жизнь любым способом. Более того, первое наше несчастье — вторжение ланнов, поражение нашей армии на границе, захват почти всей территории — произошло до того, как мы взяли этот огонь. Как же все это могло быть следствием гнева богов? Конечно, они не настолько несправедливы, чтобы наказывать за поступок, прежде чем он был совершен, или наслать за грехи трех неосторожных парней беды на все племя.

Он посмотрел на отца.

— Сэр, ты возглавлял армию. Как ты считаешь, наше поражение явилось следствием гнева богов?

Ральф встал.

— Нет, — спокойно произнес он. — Мы проиграли потому, что армия ланнов была сильнее. У них было больше конницы, хотя и меньше добродетели. Более того, мы вырвались из их западни с меньшими потерями, чем я ожидал. В общем, я сказал бы, что боги пожалели нас, а не разгневались. — Он снова сел.

— Что касается второй поездки в Сити, — продолжал Карл, — опять же, когда вы и ваши семьи стекались сюда, а ланны рыскали по Дэйлзу, все это происходило раньше того преступления, в котором

нас обвиняют. Короче говоря, о Совет, здравый смысл должен подсказать вам, что посещает кто-либо Сити или нет, все это не имеет никакого отношения к нашим победам и поражениям. Наоборот, та сила предков, которая спрятана в Сити, может принести нам победу! Позвольте мне подробно рассказать о наших поездках в Сити, а вы уж сами решите, правильно мы поступали или нет.

В простых словах, так как знал, что это понравится фермерам и ремесленникам, он изложил им всю историю своих путешествий. Он поведал о великой благородной душе, создавшей эту кладовую времени в надежде, что люди отыщут ее и используют ее чудеса во благо, кроме того он рассказал о том, что предки умели вообще. И закончил просто:

— И я прошу Совет, который волен издавать законы, снять табу на достижения предков. Это табу было порождено страхом и невежеством. Давайте же будем мужественными и мудрыми. Давайте пошлем нашу армию, пусть она прорвет кольцо ланнов и захватит ту кладовую. Давайте с помощью сокровищ кладовой, во-первых, научимся, как победить наших настоящих врагов самым простым способом, а потом, как восстановить тот славный утерянный мир. Вот и все.

Он сел. Вздуродженный зал гудел и бурлил. Люди волновались, сосед говорил с соседом, обсуждая эту новую для них мысль. Кто-то вскочил и крикнул, требуя немедленной смерти отщепенцев, но вооруженная стража заставила его замолчать. Мнения, которые постепенно вырисовывались из всеобщей неразберихи, разделились. Многие, особенно напуганные, были настроены враждебно и требовали повешения, многие недоумевали, и лишь немногие требовали освобождения пленников и изменения закона.

Донн снова встал.

— Это ересь! — кричал он. — Люди могут издавать только человеческие законы, они не могут менять закон богов.

Несмотря на то, что ему грозила петля, Карл не мог подавить улыбку. Дэйлы едва ли представляли, что такое «ересь», боги были для них чем-то таинственным, они принимали жертвы и вершили магию — вот и все. Донн столько лет провел среди своих многочисленных старых книг, что потерял ощущение реальной жизни.

Но некоторые были очень опасны. Табу было весьма реальной и страшной вещью, его нарушение наверняка приведет к каким-нибудь катастрофам. Эти требовали смерти. Но против магии могла выступить только магия, человек, владеющий колдовскими приемами, мог смеяться над силой богов. Поэтому нашлись и другие, которые потрясали оружием и кричали, что они спалят виселицу.

Среди нарастающего рева раздался голос Эзефа:

— Кто с нами? Кто будет сражаться вместе с нами, чтобы спасти этих парней и завоевать Сити?

— Я, я, я! — Замелькали мечи. Группа молодых людей подня-

лась, и их мечи прорезали воздух. Другие проталкивались к ним со всех концов зала.

— Убейте этих несчастных! — Встал огромный фермер, размахивая топором. — Убейте их и умиловите богов!

— Нет! — Теперь поднялся Джон. — Нет, я буду драться за них...

— Приказываю! — слабым голосом призывал старейшина. — Приказываю! Помните закон!

Прогредел гонг, но его звук почти затерялся в нарастающем шуме. Были обнажены мечи, и толпа расступилась, чтобы освободить место для драки.

Ральф подлетел к переднему краю помоста. Его мощный голос прозвучал подобно удару грома:

— Остановитесь! Прекратите это! Сядьте! Я сам первым убью того, кто нарушит порядок!

Они подняли головы и увидели, как он возвышается над ними, разгневанный и непреклонный. Копье в его руке было занесено для удара. Все знали, что он может бросить его до самого дальнего конца зала. И убить. Они понимали, что это был их вожь.

Медленно и недовольно люди опустили оружие и расселись по местам. Постепенно буря стихла. Когда все успокоились и установилась тяжелая тишина, голос Ральфа хлестнул по этой тишине, словно кнут.

— Вы дэйлы или дикие псы? Что это за безумие? Враг у самых стен, неужели вам и теперь не с кем драться? Или же вы хотите сыграть на руку ланнам и преподнести им в подарок все, за что мы боролись? Я не знаю, чего ради я должен вас возглавлять? Уж лучше бы банду лесных бродяг. Уймитесь и выслушайте!

Все забыли, что не он председательствует на этом собрании и говорит как обычный житель.

— Мы должны действовать сообща, — сказал он, его голос был искренним и убедительным. — Мы должны забыть про наши раздоры до тех пор, пока не минет опасность. Давайте быстрее найдем решение и сделаем это старым законным способом, поднимите руки.

Поднялось много рук, с болью подумал Карл. Некоторые подняли руки сразу, некоторые медленно, колеблясь, но большинство проголосовало за смерть.

На лице Ральфа не дрогнул ни один мускул, его речь оставалась уверенной.

— А теперь пусть поднимут руки те, кто за изменение закона и освобождение ребят.

Руки подняли около ста человек, в основном это была молодежь.

— Очень хорошо, — улыбнулся Ральф. Лишь те, кто находился на помосте, могли видеть, как пот выступил у него на лбу. — Согласно обычаю дэйлов, я предлагаю пойти на компромисс. Так как большинство из вас ратует за сохранение закона в том виде, в каком он

существует, пусть так оно и будет. Но чтобы удовлетворить другую сторону, давайте освободим этих парней, взяв с них обещание не нарушать больше табу. И если боги даруют нам победу, на следующем собрании мы принесем за нее двойную жертву.

При этих словах люди согласно закивали, послышался одобрительный гул. Как обычно, несколько человек должны были выступить с речью, внося те или иные предложения, одобряя или оспаривая предложения Ральфа. Но это длилось недолго. В конце концов Совет проголосовал за предложение Ральфа, и Вэллон закрыл собрание.

Большое собрание медленно расходилось, люди разговаривали меж собой, спорили и горячились. Джон вспрыгнул на помост и заключил сыновей в объятия, он плакал, не стыдясь своих слез. Ральф вытирал лицо и улыбался Карлу.

— Уф! — сказал он. — Это было нелегко!

— Даже слишком, — сказал Карл. Он не ощутил облегчения. Во рту был привкус горечи.

Донн покачал головой.

— Не знаю, насколько это было мудро, — сказал он. — Но... — Вдруг он улыбнулся. — Но, поверь мне, Карл, я рад. Если несчастьем суждено случиться, пусть так оно и будет. — Его глаза стали пронзительными. — Пойдем со мной в храм и дашь клятву.

Карл выпрямился.

— Нет, — сказал он.

— Что? — взвизгнул Донн.

— Я не стану ничего обещать. Наоборот, я клянусь, что вернусь в Сити, как только смогу. И буду возвращаться снова, пока та кладовая не откроется.

— Ты сумасшедший! — воскликнул Ральф. — Карл, ты безумец!

— Ты должен умереть, — сказал Донн мертвым голосом.

— Нет! — выступил вперед Ральф. — Разве ты не видишь? Он болен. Может быть, в него вселился дьявол. Я не знаю. Но он не в себе.

— Может быть. — Донн почесал подбородок. — Да, пусть так и будет. Проклятие Сити может быть наслано самым странным способом. — Он принял решение. — Я сделаю все, что в моих силах, чтобы изгнать из него дьявола, — сказал он. — Завтра я приду со всем необходимым. А пока он должен вернуться в тюрьму.

Ральф закусил губу и спустя некоторое время кивнул.

Карла увели. Никто не заметил, что Том и Аул ушли вместе со своим отцом, хотя ни один из них тоже не дал клятвы. Или, может быть, все посчитали, что они не играют здесь никакой роли. Ральф вышел из зала на рыночную площадь. Его голова была опущена; и он с болью стискивал руки.

Лишенный друзей

— Какой позор, — произнес Эзеф. — Проклятый, вопиющий позор! — Он сидел на скамье около одной из городских конюшен, уперев в колени сжатые кулаки. Том и Аул ускользнули от своих обрадованных родителей и теперь стояли перед молодым стражником. Здесь же толпилось полдюжины юнцов, которые чуть было не устроили кровавое побоище на Совете и все еще переживали по поводу принятого решения. Все были вооружены и злы.

Том только что рассказал о том, что произошло с Карлом, — до него дошли слухи, что его друг снова угодил в тюрьму: он пошел туда и перёговорил с Карлом через решетку на окне.

— А завтра, — закончил он, — туда придут Доктора со своими барабанами, трещотками, мерзкими зельями, чтобы изгнать из Карла дьявола, который, по их мнению, в него вселился.

— Сомневаюсь, что такое вообще возможно, — сказал Аул. — Но кто же выдержит, если с ним будут так обращаться?

— Не думаю, чтобы они добились от Карла клятвы, — нахмурился Эзеф. — Он всегда был упрям, особенно когда был уверен в своей правоте.

— В таком случае, — мрачно произнес Ники, сын Черного Дона, — они его в конце концов повесят.

— К тому времени, — мрачно сказал Том, — ланны будут уже здесь и сделают это вместо нас.

— Да, это верно. — Эзеф махнул рукой в сторону ближайшей смотровой башни, возвышавшейся над крышами. — Они ждут там... Просто ждут, будь они прокляты! Им больше ничего и не нужно. Голод и болезни будут работать на них.

— Думаю, Ральф совершит вылазку, — сказал Сэм-Силач, ученик кузнеца.

— Ха! — оскалился Вилли Рэтлхэд. — И сожгут нас, как спелую пшеницу, когда мы все умрем... Про нас сочинят отличную героическую балладу.

— Подождите, — прервал его Эзеф. — Не надо уходить в сторону. Я собрал вас здесь, ребята, потому что хотел переговорить с теми, кому я доверяю. Том, Аул, скажите мне — какая сила хранится в той кладовой? Только честно.

— Я мало об этом знаю, — Том пожал плечами. — Но ты же слышал, как Карл рассказывал о том дьявольском порошке, который напугал ланнов, и они ушли из Сити. Только при помощи одного этого порошка можно испугать лошадей ланнов, а в бою это большое дело. А когда мы там были первый раз и Ронви показал нам кладовую, он что-то рассказывал о простейшем метательном аппарате. Он

называл его шалом и говорил, что его нетрудно изготовить. Представьте себе падающие сверху камни и кипяток!

— Там должно быть больше всяких штукотин, — добавил Аул. — Гораздо больше всего. Мы сейчас лишь пытаемся вспомнить, что из этих запасов можно было бы быстро использовать. Что-то, что называется «ракетами» — огненные стрелы или вроде того, но заряженные дьявольским порошком.

— Довольно, — отрезал Эзеф. — Я этого не понимаю. И не думаю, чтобы вы сами в этом разбирались. Карл немного разбирается, а вождь колдунов, похоже, знает по-настоящему много. Колдуны не справятся с несколькими хорошими воинами, а уж с сильным отрядом и подавно. Понимаете, на что я намекаю?

Глаза Тома загорелись.

— Да!

— И не только мы согласны отправиться туда, — сказал Эзеф. — Я знаю как минимум еще дюжину ребят, которые ухватятся за такую возможность. У меня не было времени, чтобы сообщить им об этом небольшом собрании, но, клянусь, они готовы.

— Итак. — Смуглое лицо Ники приобрело ядовито-насмешливое выражение. — Итак, мы вызволяем Карла из тюрьмы, незаметно выбираемся из города, пробираемся сквозь боевые порядки врага, проникаем в Сити. Там нам надо будет снять караул. Мы цепляемся за ничтожно малую вероятность того, что Карл и этот Ронви смогут изготовить там что-то полезное. А если нет, что ж, мы предали свое племя и находимся вне закона, даже если им каким-то образом удастся одержать победу.

— Можешь не идти, если боишься, — выпалил Том.

— Нет, я не боюсь, — уверенно возразил Ники. — Я даже буду рад туда отправиться. Я просто хотел, чтобы все поняли, чем они рискуют.

— Не такой уж большой риск, — возразил Эзеф. — Терять нам нечего. Ну что, ребята, вступаем в игру?

Опускалась ночь. В комнате Карла стемнело раньше, чем зашло солнце, и он стоял у окна, глядя на голубую полоску неба, пока она не стала черной и на ней высыпали звезды. Потом вздохнул и лег на свой грубый матрас.

Было тихо. Пока длится осада, Ральф запретил зажигать огни, чтобы в переполненном людьми городе не возникли пожары. Поэтому жители ложились спать вместе с солнцем. Теперь бодрствовали лишь стражники у ворот и на башнях, да ночной караул ходил по улицам. Город спал, а вокруг него горели зловещие красные костры ланнов, раздавался смех врага, звучали его песни, сопровождаемые звуками затачиваемых мечей.

Карл не мог заснуть. Он все время ворочался и смотрел в темноту широко открытыми глазами. Что же ему делать?

Он обидел отца, который так отчаянно сражался в бою и на Совете за его жизнь. Он добился того, что его заперли, тогда как мог бы охранять осажденный город. Утром ему предстоит столкнуться с сумасшедшей барабанной дробью, с танцами Докторов, испить таинственное зелье, чтобы изгнать сидящего в нем, по их мнению, дьявола. А зачем? Ради чего? Ради блуждающего огонька, ради своего упрямства, от которого он не отступится, даже проиграв.

Он понимал, что в конце концов сдаться и примет клятву. Пока он жив, жива и надежда — он сумеет убедить кого-нибудь нарушить табу. Но почему же он отказывается поклясться сейчас? Для чего ему это бессмысленное заключение в тюрьму? Зачем он причиняет боль тем, кого он любит? Неужели он и сам становился таким, как Донн, преданным племени фанатиком, не находящим ни времени, ни сочувствия для простых членов племени?

Даже если он прав, даже если могущество предков можно вернуть миру — неужели то будет к лучшему? Откуда ему знать — а вдруг возрождение откроет новую эру ужасных войн, жестокости, зла? А вдруг мир погибнет во время второго Страшного Суда?

Карл попытался выбросить сомнения из своего измученного разума, но они возвращались снова и снова, мучили его, маленькие бесформенные дьяволята хихикали и издевались над ним в глубине его сознания. Он что-то измученно бормотал и даже не мог сообразить, сколько же сейчас времени.

За дверью послышался неожиданный шум схватки. Раздался чей-то стон, слабо шелкнул металл... шарканье ног... Карл скатился со своего матраса, каждый его нерв был натянут, как струна. Он вытянулся у двери.

— Карл! — раздался тихий шепот, нельзя было определить, кому он принадлежит. — Карл, просыпайся!

— Я здесь, — прошептал он. — Кто там?

— Это Аул. Я рядом. Мы собираемся тебя отпереть.

На одном дрожащем дыхании Карл произнес:

— Что это...

— Не так громко. Разбудишь других узников. Давай, Сэм. — По железу ударили молотком, завернутым в кусок ткани. Раз, другой, третий. Ненадежный замок развалился, и дверь с треском открылась.

В коридоре неясно маячили фигуры спасителей Карла. Их было четверо, все вооружены. Осторожно они пробирались через выход на тихую улицу. Аул вышел вперед. В руках у него были шлем, нагрудник, щит, нож, меч. Все это он протянул Карлу.

— Быстро одевай все это, — прошептал он.

— Но... но...

— Это освобождение. Неужели не ясно? Нас здесь двадцать человек, мы пришли за тобой, чтобы отправиться в Сити. А теперь быстрее!

Мгновение Карл стоял в нерешительности, борясь со своими сомнениями. Но вот пришло решение, он сделался быстрым и хладнокровными. Когда он надевал доспехи, в голове у него не было ни единой мысли, кроме желания оказаться на свободе.

И еще он подумал о тех двоих, что караулили тюрьму и присматривали за ним.

— А что с тюремщиком и его женой?

— С ними все в порядке. Мы проникли к ним в спальню, связали, вставили кляп, вот и все. Их найдут утром. Но мы рискуем разбудить остальных, а они поднимут шум, на нас набросится ночной караул. Все готовы? Тогда вперед.

Они выскользнули из тюрьмы на улицу. По обе стороны виднелись высокие дома, образуя узкий проход к реке. Мяуканье кошки на крыше, в ответ залаяла собака, из верхнего окна что-то сердито прокричал мужчина, скрипела кожа седла, слабо позвякивал металл — ночь жила звуками, и при каждом из них Карл пугался.

На какое-то время он пожалел, что ввязался во все это. Если их поймают при попытке к бегству — его спасители пострадают больше, чем он сам. Если их поймают данны, это будет означать смерть для всех. Если они доберутся до Сити, но с обещанной магией ничего не получится, на них навсегда ляжет клеймо предателей и изгоев. В любом случае многие из Дэйлзтауна получат еще более жестокий удар, чем Ральф и Джон.

Но его воля снова окрепла. Эта эпоха была не слабаков. Необходимо делать то, что считаешь лучшим, не обращая внимания ни на людей, ни на богов, ни на дьяволов.

Приближался размеренный звук шагов. Они свернули в аллею и видели, как мимо них прошла городская стража, вооруженная секирами. На мгновение показалось, что патруль начнет прочесывать закоулок, где они спрятались, но солдаты резко повернулись и пошли вниз по улице.

Они заметили издали двух пробирающихся между палатками беженцев. По команде Карла отряд быстро построился и двинулся вперед. Незнакомцы исчезли. Должно быть, это были воры, которые приняли беглецов за караул.

А теперь тише, тише... добраться до высоких городских стен, раствориться в их тени и уходить, уходить...

Две лестницы, казалось, вынырнули из темноты. Около них с мечами наготове стояли Том и Эзеф.

— Вот и вы, — прошептал молодой стражник. — Все хорошо, Карл. Остальные ушли вперед. Мы уходим по двое, вверх по лестницам, потом спрыгиваем на землю с той стороны, и боги помогают нам

пробраться через лагерь врага. Встречаемся на рассвете у устья в лесах Рогга. И там ты становишься нашим вождем.

Карл кивнул и тихо стал взбираться по лестнице, прижимаясь телом к перекладинам. Наверху он мгновение колебался, поглядывая на сторожевые башни, вырисовывающиеся на фоне неба. Ночь была облачная и темная, но даже в такую ночь караул будет на чеку. Ничего не оставалось делать, кроме как прыгать!

Он прыгнул, расслабив тренированное тело, и легко приземлился с высоты в двадцать футов в густой кустарник, росший у стен. Он почувствовал, как ветки царапают его тело, но его больше волновал лязг оружия, хотя тот был не таким уж громким. Хруст веток был сильнее, и он лежал, не двигаясь, в ожидании окрика часового.

Ни ответа, ни звука. Над ним возвышались высокие темные стены крепости, которые, казалось, замерли в ожидании нового Страшного Суда. К нему присоединился Аул, и две пары глаз вперились в россыпь красных мерцающих костров противника на расстоянии полумили от них.

— Идем, — произнес наконец Карл.

Он поднял плащ, чтобы прикрыть блеск шлема и нагрудника, и осторожно, от дерева к кусту, пробирался к лагерю, замирая в напряженном ожидании, как только оттуда доносился какой-нибудь звук. Если их обнаружат, то сверкнут мечи и придет смерть. Они лишились помощи Дэйлзтауна. И Карл подумал, что они поистине лишились друзей, любая человеческая рука теперь была рукой противника. Короче говоря, он думал, что неужели великие первооткрыватели, заложившие основы утерянной ныне цивилизации, тоже были так одиноки в свой решающий день.

Ближе, ближе. Карл, вытянувшись, лежал за кустами и, сощурившись, всматривался в открытое пространство, которое ему предстояло пересечь. Каждая его сторона имела около двадцати ярдов длины, дгорающий костер в каждом углу бросал слабый дрожащий свет на спящих воинов, сваленное кучей оружие, на одинокую палатку. Между кострами была темнота. Два костра уже потухли, но около них сидели ланны и пили вино, украденное в одном из домов дэйлов. Ветер доносил обрывки грубых солдатских песен. Украденная на забой корова виднелась в темноте. Где-то неподалеку паслась лошадь.

— Вперед, — снова прошептал Карл.

Он медленно прокладывал путь от куста по смятой траве между кострами. Он часто останавливался, чтобы унять бешено бьющееся сердце, и любой, кто заметил бы какое-то движение, решил бы, что это просто ветер шевелит траву. Он уже почти преодолел открытое пространство, как вдруг услышал шум шагов.

Один из упившихся ланнов возвращался к своему костру, чтобы лечь спать. Он слегка спотыкался. Взглянув вверх, Карл увидел туск-

лый красный отблеск на пьяно улыбающемся лице. Воин покачнулся, и Карл сжал зубы, задерживая дыхание.

Ну что ж, прекрасно. Теперь самое трудное.

Глава шестнадцатая

Вызов богам

Четыре дня спустя, утром, Карл снова увидел Сити. Со своим небольшим отрядом он совершил тяжелый пеший переход. Расстояние до Сити они прошли, избегая торных дорог, так как на них можно было встретить мародеров-северян, но им все равно приходилось часто прятаться, когда мимо проходили вооруженные отряды ланнов. Большая часть сельской местности была зеленой и тихой. В селениях сохранились дома, пепелищ было гораздо меньше, чем ожидал Карл. Варвары уничтожали не так уж много построек, потому что собирались поселиться здесь сами. Но вождь Рэймон посылал своих людей к дэйлам за рогатым скотом и хлебом — огромную армию нужно было кормить.

Время от времени люди Карла встречали своих соплеменников. Некоторые остались жить в своих домах в надежде на чудо, которое должно было произойти раньше, чем страшные завоеватели придут к ним. Многие странствовали, словно цыгане, добывая себе пропитание любыми способами. Днем они прятались, а ночью передвигались. Карл узнал, что многие отступили в леса и жили охотой. Они не паниковали, но в них было что-то жалкое, они были побеждены, лишены корней, от этого сердце Карла сжималось.

Они сами по необходимости превратились в воров, грабя хлеб и угоняя скот, попадающийся на пути. Но, с другой стороны, все это досталось бы ланнам, и Карл обещал возместить украденное им владельцам, если только останется в живых.

Сейчас он стоял и смотрел поверх развалин Сити на виднеющиеся вдалеке башни. Его люди стояли кучкой позади него.

До Карла долетел испуганный шепот Эзефа:

— Он огромный, правда?

— И такой тихий. — Сэм-Силач никогда не трусил прежде, чем увидит опасность и сразится с ней, но сейчас изо всех сил вцепился в кроличью лапку. — Кажется, что он за нами наблюдает. Карл, ты уверен, что это не опасно?

— Меня же он пока не убил, — отозвался Карл.

— Что мы собираемся делать? — спросил Ники. Было странно, что все эти воины, каждый из которых был старше Карла на несколько лет, обращались к нему, как к руководителю — странное и очень одинокое чувство. Карл был рад, что для Тома и Аула он оставался прежде всего другом.

— Мы пойдем прямо к колдуну, — решил он. — Может быть, все вопросы удастся решить с ним прямо сейчас. Идемте, но будьте осторожны.

Они спустились вниз по улице на небольшую площадь. Утреннее солнце играло на обнаженном оружии. Стены надвигались с обеих сторон, высокие и молчаливые. Некоторые из дэйлов нервно озирались по сторонам, чувствуя, что ловушка вот-вот захлопнется.

— Бояться нечего, — сказал Карл. Его голос прозвучал странно спокойно в той напряженной тишине. — Здесь ничего нет, кроме кирпича, камня, металла и битого стекла. Даже машины в кладовой мертвы, пока к ним не прикоснется человек.

Дальше и дальше. Самые разрушенные кварталы остались позади. Здания становились все выше, волшебным образом вздымаясь к улыбающемуся небу. Иногда слабый шум заставлял людей испуганно настораживаться, но это были всего-навсего крысы или вспугнутая птица. Пока...

Сверху свистнула стрела и, дрожа, торчала в щите Тома. Карл дал команду, и дэйлы мгновенно образовали плотный узел воинов, прикрытых щитами.

Четверо колдунов пускали стрелу за стрелой из окна третьего этажа. Где-то затрубил рог и начали бить в барабаны.

— Уходим по двое! — кричал Карл.

Осыпаемые стрелами, они отошли по улице. Последние воины отступали пятясь, прикрывая остальных щитами. Стрелы гулко ударяли в обтянутые кожей щиты, отскакивали от шлемов, иногда задевали руку или ногу. Но эти стрелы были выпущены не из стофунтовых луков дэйлов, которые могли пробить и железные кольца — луки у колдунов были слабые, и скоро Карл со своими воинами оказались недосыгаемы.

Потом они развернулись и быстро побежали по дороге. Эхо шагов отдавалось в развалинах. Ярость вела их. Старые небоскребы приближались, бой барабанов становился все громче. Женщины с воплем кинулись с их пути. Собака бежала за ними, захлебываясь лаем.

Они влетели в главный район Сити и там столкнулись с его жителями. Колдуны в страхе сбились в кучу, сжимая оружие. Соплеменники спешили к ним из домов, садов, лавок. Дэйлы выстроились квадратом, не обращая внимания на летящие в них стрелы. Их было раз в пять-шесть меньше, но они были хорошо вооружены, тренированы, и самое главное — у них была цель.

— Где Ронви? — спросил Карл у старика, одетого в богатый плащ, который, казалось, был здесь главным. — Я хочу поговорить с вашим вождем.

— Ронви — не вождь, — ответил колдун. Его люди зашевелились позади, губы их были сжаты от страха и ненависти.

Эти слова поразили сердце Карла, словно удар ножа.

— Ронви мертв? — выдохнул он.

— Он разгневал богов. Его черная магия принесла на землю огонь, гром и дьяволов Атомика. Он не может быть нашим вождем. После того, как ланны ушли, мы вернулись и заточили его в тюрьму.

— Ронви жив! — Карл выдохнул с облегчением.

— Я знаю тебя, — сказал вождь колдунов. — Ты отмечен знаком беды, ты первый пришел сюда и принес нам зло. Я запрещаю тебе заходить в Сити. Уходи, пока мы вас всех не перебили.

Карл покачал головой.

— Нет, — сказал он. — Мы пришли сюда, чтобы освободить Ронви и открыть кладовую времени. Вы не посмеете нас остановить.

— Нас больше, чем вас, — угрожал колдун. — Намного, намного больше. Может быть, вам удастся некоторых из нас убить, но в конце концов мы победим.

— Тогда вперед. — Карл медленно вышел вперед, поднял меч, глядя поверх щита. — Ну кто хочет умереть первым?

Воины Карла, сохраняя строй, двигались за ним, сдвинув щиты. Надвигающаяся стена, оцетинившаяся острым металлом. Неровные ряды колдунов попятились, загомонили и отступили, не выдержав грозного натиска.

— Это наш дом! — Голос старого вождя колдунов был больше похож на плач. — У вас нет права...

— Мы не хотим разрушать ваши дома, — сказал Карл. — Мы не войдем ни в один склад, ни в одно строение. Но кладовая времени не принадлежит вам. Она принадлежит всему миру, и мы требуем вернуть ее этому миру.

— Убейте их, — завопил вождь.

Зазвенело оружие, но никто не выступил из беспорядочной толпы. Карл презрительно улыбался и продолжал наступать на своих противников.

— Мы пойдем к ланнам! — бормотал старший колдун. — Они помогут нам избавиться от вас!

— Хорошо, ребята, — сказал Карл. — Бейте их!

Дэйлы издали клич, от которого кровь стыла в жилах, и двинулись сначала быстрым шагом, потом перешли на бег. Звенело железо. Поднялись топоры и мечи, пики установлены перед собой, стрелы наложенные на тетивы натянутых луков. Их было всего двадцать человек, но при одном их виде колдуны дрогнули. Одни бежали, спотыкаясь, некоторые падали, все от бессильной злобы. Но никто из них не принял боя.

Карл вздохнул с едва сдерживаемым облегчением. Он не так уж боялся жителей Сити — они могли бы убить всех его людей, а могли бы и не убить, — но сама мысль о том, что придется убивать людей, которые сражались за свои собственные дома, отзывалась в нем болью. Благодарение богам, колдуны не выдержали!

Они направились к хорошо знакомой тюрьме. Жители квартала разбегались в разные стороны с воплями ужаса. Когда Карл подошел к тюрьме, никого из местных не было видно.

Ронви стоял, прижавшись к решетке. Он просунул сквозь нее руку, чтобы обменяться с Карлом рукопожатием, и слезы побежали по его ввалившимся щекам.

— Хвала силам небесным! — задыхался он. — Ты пришел, сынок, ты пришел. О, хвала!

— Вас не били, сэр? — взволнованно спросил Карл.

— Нет-нет. Они обращались со мной довольно хорошо. Думаю, они боятся моей черной магии. Что привело тебя сюда, Карл? Что случилось? Беженцы, проходившие мимо Сити, сказали, что ланны в Дэйлстауне, и у меня сжалось сердце.

Пока Сэм и Эзеф взламывали дверь, Карл рассказывал всю их историю. Когда Ронви вышел, он дрожал и тяжело оперся на руку Карла.

— Вне закона? — простонал он. — Изгнаны из всех племен? О, это плохо, это жестоко!

— Это не имеет значения, — устало солгал Карл. Он был поражен, увидев, как постарел Ронви за эти несколько дней. Но ведь старик был свидетелем того, как то, за что боролся всю свою жизнь, было разрушено. Новая надежда могла означать для него новую жизнь. — Теперь, учитель, мы вольны делать все, о чем мечтали.

— Я думаю... я думаю. — Ронви гладил свою бороду худыми дрожащими пальцами. — Вы взяли на себя великую и ужасную ношу, а ведь я не то, что древние ученые. Я всего лишь тот, кто все это читал и слишком многое сумел себе представить. Я сам стал наполовину призраком. Но мы можем попробовать, мы можем попытаться сделать все возможное... но у нас так мало времени, чтобы спасти дэйлов. И я так мало знаю...

— Мы сделаем это! — в голосе Карла звучали вызов и надежда, которой он на самом деле не чувствовал. — Но пойдемте, сначала вы должны отдохнуть, сэр.

Они направились домой к Ронви. Дом был закрыт, обстановка за время тюремного заключения хозяина успела покрыться пылью. Старик отыскал еду и вино, а Аул, считавшийся первоклассным поваром, приготовил обед. Все это поднимало настроение и придавало сил, когда они вышли на улицу, на сердце у них полегчало.

Их встретила странная процессия. По улице громыхали груженные фургоны, шли вооруженные мужчины, женщины и дети плакали от страха и горя.

— Что это? — воскликнул Ронви, — Что вы делаете?

Его соперник-вождь остановился и с ненавистью посмотрел на него.

— Твое безумие навлечет на Сити гнев богов, — ответил он. — Пока все спокойно, мы покидаем город.

— Покидаете? Но куда вы пойдете?

— Мы пойдем к ланнам, что стоят у Дэйлзтауна. Если боги не успеют с вами разделиться, это сделают ланны.

— Но вам не будет причинено никакого вреда, — запротестовал Ронви.

— Тебя предупреждали в последний раз. Об этом говорили гром и молния, дьяволы в кладовой, и все-таки твоя гордыня не была сломлена.

Другой старый колдун покачал головой.

— Может быть, боги и не накажут тебя сейчас. Может быть, они так заняты, что не замечают, какое зло ты причиняешь миру. Но ланны разберутся. Они помогут нам.

— Ха! — произнес Аул. — Да они боятся этого места больше, чем вы.

— Не уверен, — обеспокоенно заметил Том. — Ленард, по крайней мере, не боится ничего. И он сможет нарушить табу и придет сюда со своими людьми.

— Но мы не сможем остановить колдунов. Они отчаялись, и будут драться с нами, по крайней мере, попытаются прорваться, если мы попробуем их остановить. Нам остается только надеяться, что у них ничего не получится с ланнами.

Он со своими людьми стоял у двери жилища Ронви и смотрел, как уходят жители Сити. Многие, проходя мимо, посылали ему проклятия, и Ронви сжался от горя.

— Что я наделал? — шептал он. — Это же мой народ. Что я наделал!

— Ничего, сэр, — сказал Карл как можно более уверенно. — Их гонят собственный страх и невежество. И никто не причинит им никакого вреда. Даже у ланнов нет причин обидеть их, особенно если они придут к ним как союзники.

— Но они проклинают меня! Они ненавидят меня!

— Я и сам выбрал участь изгоя, — с болью ответил Карл. — Пусть первооткрыватель одинок. Но все они благословят, если нам повезет, если же нет, тогда, по-моему, ничто не будет иметь значения.

— Да-да. Ты прав. — Ронви смотрел вслед каравану, пока тот не скрылся из вида.

— Идем, — нетерпеливо произнес Эзеф. — Посмотрим эту кладовую.

И маленькая компания отправилась по пустым улицам, мимо пусто глазющих стен и обветшавшего великолепия Сити. Том покачал головой.

— Потребуется столетия, чтобы все это восстановить, — сказал он.

— Да, — ответил Карл. — Но мы положим этому начало.

Они подошли к кладовой времени и долго стояли и смотрели на нее.

— И это дом магии, — выдохнул наконец Ники. — Все находится там, в этом небольшом здании?

— Оно станет огромным, если мы ему это позволим, — отозвался Карл. — И будет расти до тех пор, пока не охватит весь мир.

Эзеф изучал окружающую местность глазами солдата.

— Мы должны устроиться где-нибудь поблизости, ребята, — сказал он остальным. — Думаю, что можно расчистить одну из комнат на той стороне улицы и обосноваться там, принести туда еды и воды на случай, если нас будут атаковать.

— Ты думаешь, ланны придут? — спросил Аул.

— Не знаю, — практично ответил Эзеф, — но уповать на судьбу я не собираюсь. Пока вы, будущие волшебники, будете орудовать в кладовой, для остальных найдется работа здесь. Мы соорудим между стен баррикаду. — Он внимательно посмотрел на Ронви. — И все-таки что вы надеетесь там найти? Какое оружие?

— Не знаю, — ответил старик. — В самом деле не знаю.

Глава семнадцатая

Возвращение ланнов

Наступила ночь, и в лагере северян замерцали костры. Рэймон дал им неделю отдыха, они лежали у стен Дэйлзтауна, ничего не делая. От скуки они издевались над измученными караульными на башнях города, отсыпались, играли в карты, разоряя окрестность. И эта неделя дала ланнам новые силы. Ежедневно они рыскали по долине, объезжали лошадей, стреляли по мишеням, забирались все дальше в глубь страны, врываются в незащищенные дома и возвращались оттуда с добычей. И с каждой ночью покой и тишина наступали в лагере все позднее. В тот вечер их фуражиры пригнали стадо особо жирного скота и три фургона с южным вином. В лагере царило веселье.

Ленард направлялся через бивак к палатке своего отца. Он был хмур и неохотно кивал тем, кто приветствовал его. Одетый в боевые доспехи, в остроконечном шлеме, стальных латах, снятых с дэйлов, с большим копьем в руке, он выглядел очень внушительно. А его наряд, добытый грабежом, был и вовсе великолепен: струящийся пурпурный плащ с золотой отделкой, красная, отороченная мехом туника, сапоги, украшенные серебром со звенящими шпорами, на мускулистой шее тускло блестело тяжелое золотое ожерелье.

Справа и слева от него высоко вздымалось пламя костров, в воздухе все еще стоял аппетитный запах жареного мяса. Алые вспышки огня, пробиваясь сквозь поднимающийся дым, высвечивали лица вытянувшихся у костров людей. Хотя у ланнов в руках было оружие,

они казались расслабленными, лица раскраснелись от выпитого вина, чаши с которым ходили по кругу. На их могучих телах красовались отделанные золотом и мехом богатые одежды. Гомон, смех, крики, хриплое пение под банджо и барабаны накатывались на Ленарда, словно штормовой прибой. Мельком он подумал, каким же издевательством звучала для жителей Дэйлзтауна эта ужасная музыка.

За ним семенил маленький человек странного вида. Волосы у него не были такими длинными, как у дэйлов, или перевязанными лентой, как у ланнов, они были коротко подстрижены, вместо штанов он носил обтрепанную юбку, подол которой мотался вокруг его костлявых ног. Туника была сшита из хорошего материала, но вся в грязи и наполовину прикрыта спустившейся на грудь седой бородой. Он не был вооружен и шарахался от взглядов и хриплого смеха ланнов, указывающих на него пальцами.

Впереди черным квадратом на фоне серой ночи виднелась палатка Рэймона. Перед ней стояли, опираясь на копья, два стражника и с завистью наблюдали за весельем. Вождь ланнов сидел, скрестив ноги, у входа перед костром и что-то чертил на земле острием ножа. Он был невысоким, но широким в плечах, длинноруким, с пронизательным, покрытым рубцами лицом, черными глазами. Темные волосы и борода были едва заметно тронуты сединой. Из-за вечерней прохлады он был одет в меховой костюм, но под ним виднелась кираса из крашеной кожи.

— Привет, отец, — произнес Ленард.

Тот посмотрел на него, кивнул. Он никогда никому не высказывал особой теплоты, даже членам своей семьи.

— Что тебе? — спросил он. — Я думаю.

Думы Рэймона, как правило, сулили опасность его врагам. Ленард усмехнулся, потом поразмыслил немного и опустился на землю. Его спутник продолжал скромно стоять.

— Какие у тебя планы? — спросил Ленард.

— Я думаю, как долго еще может продержаться город, — ответил Рэймон. — Этот высокомерный сброд. Они будут жрать крыс и кожу, прежде чем сдадутся. Я хотел бы, чтобы эта война закончилась в течение месяца с тем, чтобы наши люди могли сюда переселиться и обжиться до прихода зимы. Но стоит ли штурмовать крепость, или подождать, пока они сами сдадутся, когда наступит голод? Я еще не решил.

Ленард наклонился к нему, внимательно всматриваясь в слабо освещенное тлеющими углями лицо.

— У меня есть новость, которая поможет тебе принять решение, — сказал он.

— Да? Тогда говорил громче. И кто это с тобой?

— Если вам угодно, высокочтимый сэр, меня зовут Гервиш, и я говорю от лица Сити... — начал незнакомец.

— Тихо, — сказал Ленард. И, обращаясь к отцу: — Вчера одной из наших разведывательных команд на севере был обнаружен целый караван этих людей, направляющихся к Дэйлзтауну. Они говорят, что пришли к нам с миром. Этот Гервиш приехал раньше остальных с одним из наших людей, чтобы кое-что нам сообщить. Его только что привели ко мне, и я решил, что тебе нужно это знать.

— Ах, вот как. — Прищуренным взглядом Рэймон изучал нервно переминавшегося с ноги на ноги человека.

— Ты из города? Из какого города? Откуда? И почему ты пришел к нам тогда, как все от нас бегут?

— Всемогущий боже, это Сити, город предков...

— Молчи, иначе ты никогда так ничего и не расскажешь. — И Ленард вкратце рассказал отцу о том, что заставило колдунов оставить свои дома. Когда он закончил, то сел и стал ждать ответа, но Рэймон лишь выпустил клуб дыма, и прошло немало времени, прежде чем он ответил.

— Хм-м, — произнес он. — Эти сумасшедшие юнцы сделали еще одну попытку? Что нам до этого?

— Это может иметь для нас большое значение, — заявил Ленард. — Ты ведь знаешь, что произошло раньше, помнишь, как Карл напугал наших людей этим волшебным огнем, и потом, как во второй раз в кладовой раздался гром. У нас может не оказаться третьей возможности, если Карл вернется сюда с силами Страшного Суда.

— На Сити было наложено табу, — сказал Рэймон.

Ленард зло и презрительно фыркнул:

— Да, потому что этот трус Кутей по своей тупости испугался. Хотя, признаюсь, на какое-то мгновение я тоже испугался. Но я жив. Карл — колдун не больше, чем я, и он тоже жив, более того, он не боится вернуться туда, даже вопреки воле своего племени. Послушайте, в той кладовой есть такие вещи, которые могут быть использованы против нас. А могут быть и с нами, против кого-то, хотя как — этого никто толком не знает. Если мы не получим их, их получают дэйлы. И горе тогда ланнам!

Рэймон повернулся к одному из своих стражников.

— Приведите Кутей! — приказал он. — И Джунти, нашего высокочтимого Доктора. Быстро!

— Да, сэр. — Воин исчез в темноте.

— Если нужно, я пойду один, — воскликнул Ленард. — Но...

— Тише, — сказал Рэймон. — Я должен все обдумать.

Он сидел и беспокойно курил, пока Ленард кипел от злости, а Гервиш трясся от страха. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем из темноты показались красные одежды Кутей и статного лысого Джунти.

— Сядьте, — приказал Рэймон. Он не извинился за то, что прервал их отдых и сон, если они отдыхали. Среди ланнов вождь облада-

ет огромной властью даже над Докторами. — Нам есть о чем поговорить.

Кутей испугался при одном виде Гервиша.

— Это колдун! — в ужасе воскликнул он, вспомнив кладовую.

— Этот трясущийся карлик? — с презрением спросил Рэймон. — Говорю вам, сядьте и слушайте меня. — И он кратко изложил им всю историю.

— Нам нечего бояться, сэр, — сказал Кутей с легкой дрожью в голосе, когда Рэймон закончил. — Дьяволы позаботятся об этих дэялах.

— Лучше бы они позаботились о тебе! — фыркнул Ленард. — Ты и твоя магия мумбо-юмбо, все эти старушечьи страхи могут нам стоить победы, если мы не начнем действовать быстро.

— Что нам нужно делать? — тихо сказал Джунти.

— Снять это проклятое табу, сэр! Это в вашей власти. Снять табу, я со своими людьми поеду в Сити и ради нашей пользы выгоню оттуда врага. И тогда город наш!

— Сити? — Гервиш колебался. — Сэр, Сити — это наш дом...

— Ланны сделают то, что считают нужным, с твоим драгоценным Сити. И с тобой тоже.

— Я не смею, — сказал Кутей. Зубы у него стучали. — Я не смею разрешить вам поехать в это логово дьяволов. Зачем? Чтобы привести их сюда? Все боги запрещают это!

— Ты разрешишь, если я прикажу, — отрезал Рэймон. В его голосе был холодный расчет. — Но если закон изменить довольно легко, то сможем ли мы так же легко изменить наших людей? Те воины, которые были там в последний раз, рассказывали про Сити ужасные вещи. Найдутся ли у нас люди, которые захотят туда теперь пойти?

— Я думаю, что таких достаточно, — задумчиво сказал Ленард. — Во-первых, мы должны провести большую магическую церемонию, чтобы быть во всеоружии против любого колдовства. Затем мы соберем большой отряд, когда людей много, они чувствуют себя уверенней. И если мы помашем у них перед носом всеми богатствами Сити, уверен, что они последуют за мной. Необходимо убедить их, что там полно добычи.

— Нет, — запротестовал Гервиш. Он упал на колени. — Нет, великие сэры! Мы не это имели в виду! Сити — это наш дом. Мы бедные люди, и нам негде больше жить.

— Тихо, или я тебя прикончу! — прорычал Рэймон. Мольбы Гервиша перешли во всхлипывания.

— Хм-м, — Джунти поскреб подбородок. — Я не слишком боюсь того, что люди отправляются туда. Как правильно сказал Ленард, похоже, с теми парнями ничего не случится. Но приносить оттуда вещи — это совсем другое дело. Здесь нет ясности. Вы можете при-

нести оттуда чуму, смерть или — что угодно! Нет, нет, я не могу согласиться с тем, чтобы вы самостоятельно использовали могущество кладовой!

— Но ведь и кроется опасность, — запротестовал Ленард. — Всегда найдется кто-нибудь вроде Карла, кто отправится туда, будет там копаться и обернет магию против нас.

— Этого не произойдет, если вы уничтожите кладовую.

— Как?

— Просто. Сожгите книги. Разрушьте машины. Завалите там все землей и камнями.

Джунти кивнул.

— Вот это будет достойное дело. Вы уничтожите последнее зерно Страшного Суда.

Ленард колебался.

— Я бы этого не хотел. Я думал...

— Довольно, — прервал его Рэймон. — Это хороший план. Мы решили задачу, не применяя каких-либо новых сомнительных способов. Пусть так и будет. Завтра вы, Доктора, совершите большой обряд по усмирению дьяволов и снятию заклятий, и мы призовем тысячу добровольцев отправиться с тобой в Сити, Ленард. Тысяча — это достаточно, чтобы разбить засевших там дэйлов. После того, как вы с ними справитесь и разрушите кладовую до основания, наши люди могут там грабить все, что им заблагорассудится. Привезете с собой все, что сочтете нужным для осады — машины и все такое, — знаю, что колдуны изготавливали их для племен. Если этого окажется достаточно, мы пойдем на штурм города, сожжем его и завершим войну.

Кутей содрогнулся, но промолчал. Гервиш залился слезами, открыл было рот, чтобы что-то возразить, но меж ребер ему ткнули копье, и он поджал трясущиеся губы. Ленард на мгновение насупился, потом его лицо просветлело, и он засмеялся. Это был тяжелый, короткий смех победителя.

Утром обитатели осажденного города проснулись от грохота барабанов и ударов гонга. Они с руганью схватились за оружие, считая, что ожидаемая так долго атака ланнов началась. Они устремились по распределенным заранее помостам. Но Ральф, который находился в одной из башен, внимательно изучив то, что творилось в долине, понял, что этот шум не был сигналом к атаке.

— Что происходит, сэр? — спросил стоящий рядом с ним часовой. — Что они там затевают?

— Я не знаю. — С момента исчезновения сына вождь дэйлов стал грубым и безжалостным. Воспаленными от бессонницы глазами он продолжал смотреть на лагерь врагов.

Вся великая армия собралась вокруг палатки Рэймона, голоса воинов тонули в грохотании мечей по щитам. Был разложен гигантский костер, одетые в красное Доктора ланнов плясали вокруг него, неистово колотя в барабаны, Ральфу было видно, как к костру подвели лошадей и домашних скот, и как человек — он думал, что это был Рэймон, хотя не был в этом уверен, — перерезал горло каждой жертве. Кровь стекала в подставленное ведро, и вождь кропил ей, горячей и красной, наседавших на него воинов. Мясо сдирали со скелетов и бросали в огонь, в небо поднимался черный, едкий дым.

— Это какой-то ритуал, — решил вождь Дэйлов. — Они к чему-то готовятся. К штурму города? Нет, не похоже. Ланны никогда не прибегали перед боем к подобным церемониям. Я думаю...

Потом Ленард, стоя на спине коня, обратился к ланнам с речью. Постепенно поднялся крик, мечи замелькали в воздухе, воины ревели, яростно размахивая копьями. Ральф видел, что некоторые молча удалились, не желая участвовать в том, к чему их призывали, но большинство было исполнено энтузиазма.

К полудню церемония закончилась. Ральф подумал о том, насколько разумно было бы совершить вылазку и застать врасплох эту беспорядочную толпу. Но нет — ему предстоит преодолеть полимилу открытого пространства, а за это время ланны успеют изготолвиться к отражению атаки. Лучше уж постараться понять, что там затевается.

Ленард на лошади пробирался сквозь толпу, время от времени указывая то на одного, то на другого воина, и каждый, на кого он указывал, шел к своей лошади и брал боевое копье. Вскоре был набран целый отряд кавалерии — почти тысяча человек, что не без горечи отметил Ральф. А их быстрые сборы и уверенное обращение с лошадьми, говорили о том, что это были лучшие силы ланнов, самые хорошо обученные и опытные воины, те, благодаря которым и был переломлен ход последней битвы.

Отряд приветствовал Ленарда, размахивая в воздухе копьями, когда тот объехал строй и возглавил его. Раздался грохот копыт, и всадники, разом послав коней галопом, ринулись на север.

Север!

— Куда они направились? — спросил караульный. — Что у них на уме?

Ральф отвернулся. Внезапно его плечи поникли, в глазах мелькнул ужас.

— Карл, — простонал он. — Карл...

В пещере было сумрачно, несмотря на дюжину свечей, которые мерцали на загроможденном всякой всячиной верстаке. От спертго воздуха у Карла разболелась голова. Он взглянул поверх огромной

смесительной бадьи на Ронви, который собирал последние зерна пороха и сыпал их в грубую металлическую емкость.

— Последние, — произнес старик. — Серы больше нет.

Карл устало кивнул.

— Может быть, хватит на дюжину бомб. — сказал он. — Нет, наверное, на пятнадцать. Мне надо знать точно, это все, что мы можем сделать?

— Это весь порох, который мы можем изготовить, — пожал плечами Ронви. Через дыру в крышке, которой он закрыл посудину, он пропихнул шнур и замазал щель глиной. Карл взял щипцы, вдавил контейнер и сдвинул его щипцами так, что он немного сплюснулся и крышку уже нельзя было открыть.

К счастью, подумал он, колдунам известно про серу. Они покупали ее у торговцев для того, чтобы выкурить крыс и мышей из своих хранилищ. На тот взрыв, что отпугнул ланнов, ушел весь оставшийся в кладовой порох, но в старой книге описывался способ его изготовления. Другим составляющим была селитра, которая сохранилась в небольшом сосуде, а третьим — древесный уголь, который дэйлы изготовили сами. Весь порох был взвешен на весах, смешан в сыром виде, просушен и засыпан в контейнер, изготовленный из листового металла, найденного в развалинах.

Пятнадцать бомб — ненадежные и слабые, даже не испытанные — вот и весь результат тяжелой шестидневной работы. Для этого пришлось сделать отчаянно много: в груди книг нужно было отыскать формулу, которую Ронви однажды прочел, но не очень хорошо запомнил. Нужно было с мучительным вниманием прочитать множество страниц, где половина слов ничего не значила. Необходимо изготовить порох, отыскать металл, придать ему форму. Высокие мечты Карла потускнели, когда он понял, как медленно и трудно будет восстанавливать разрушенное прошлое.

— Может быть, это и к лучшему, — заметил Карл. — Мы не сможем вернуть все за одну ночь. Мы к этому не готовы. Мы должны двигаться медленно, вовлекая в процесс поколение за поколением, так мы сможем оценить истинную пользу от каждой новой силы, прежде чем приступить к познанию следующей.

— Но... пятнадцать бомб!

— Так что же нам делать? — спросил Карл. — Такое малое количество оружия не решит исход боя в нашу пользу.

— Я не знаю, — вздохнул Ронви. — Может быть, изготовим шар. Нам потребуется много промасленной ткани или хорошо выделанной кожи, мы сошьем аккуратный мешок, приделаем к нему большую корзину, и нужны еще какие-то приспособления, чтобы заполнить мешок горячим воздухом.

— Но не можем же мы потратить на это целый год! — воскликнул Карл. Слезы брызнули у него из глаз. — Ланны не будут ждать так долго.

— Нет. Нет. Но...

— Карл, Карл... — Том, бледный от испуга, скатился по ступеням вниз. — Карл, там боевой рожок. Кто-то идет сюда.

Карл выскочил на улицу и зажмурился от яркого, горячего солнечного света. Его слух уловил предупредительный сигнал, его подал человек, назначенный наблюдать за местностью с одного из небоскребов. Карл помчался в комнату, где жили его воины. Те уже натягивали доспехи. Карл схватился за свое.

— Что это? — гаркнул Эзеф. — Кого это несет?

— Не знаю, но бьюсь об заклад, что это враги, — угрюмо ответил Карл.

Когда он снова вышел на улицу, то первым делом осмотрел оборонительные сооружения вокруг кладовой. Его люди хорошо поработали. Открытое пространство между двумя стенами было расчищено от кустарника и перегорожено высокой насыпью, образующей, по сути дела, третью стену. Позади кладовой громоздились развалины. Там дэйлы предусмотрительно насыпали битое стекло и набросали острых металлических обрезков. Это делало невозможным незаметный подход с той стороны. Спереди, там где старые стены выходили на улицу, была построена баррикада высотой шесть футов из камня, кирпича и бревен. Только узкий проход вел к кладовой.

Ники, наблюдавший за обстановкой с небоскреба, прибежал последним из шести человек, несущих караул и, влетев в небольшой дворик между кладовой и баррикадами, завопил:

— Это ланны! Целая армия всадников — сотни — направляются в Сити!

Карл схватил его за плечи, стал трясти.

— Ты ошибаешься, — кричал он. — Этого не может быть!

— Говорю тебе, я их видел, — ответил Ники. — И... слышишь?

Теперь они слышали... Нарастающий, приближающийся грохот копыт, лязг металла, грубые голоса. Люди посмотрели друг на друга. Друг искал руку друга. Их было двадцать, ланнов — тысяча. И они не надеялись увидеть рассвет следующего дня.

Глава восемнадцатая

Битва у кладовой

Показались шеренги всадников, их выкрашенные яркой краской латы сияли на солнце, жестокие лица под шлемами, поднятые пики, грохочущие копыта. За первой шеренгой еще одна, и еще, насколько хватало глаз. Шум надвигающейся кавалерии напоминал раскаты грома.

Ленард ехал в первых рядах. Он держался в седле прямо, на своем

гнедом жеребце, с тяжелой саблей в руке он выделялся среди воинов. Клинок сверкнул в воздухе, когда он натянул поводья, и его голос прокатился над тесными рядами солдат:

— Отряд, стой!

Ланны как один остановились, лошади переминались с ноги на ногу и фыркали. Ленард бросил саблю в ножны и поднял руку.

— Будем вести переговоры? — спросил он.

— Как скажешь, — Карл выступил вперед и теперь стоял меж толстых стен баррикады. — Что тебе надо?

— Разумеется, кладовую и Сити. — Суровое лицо ланнского принца выражало честность. — Сдавайтесь без боя, и вы спасете свои жизни.

— Берегись! — сказал Карл. В горле у него пересохло, но он старался говорить важно и уверенно. — Здесь находятся дьяволы Страшного Суда.

Ленард запрокинул голову и рассмеялся.

— Этим ты нас не испугаешь, дружище, — воскликнул он. — Тем, кто верит в подобные штуки, выдали талисманы против всякой магии, а что касается меня, я верю в этих дьяволов не больше тебя. А теперь быстро выходите оттуда все с поднятыми руками. Если будете сопротивляться, никакой пощады не будет.

— Вы не сумеете воспользоваться этой кладовой, — упрямо сказал Карл. — Вам никогда не разобраться...

— Я и не намерен ей воспользоваться. Мы здесь, чтобы ее разрушить.

— Разрушить? Нет! — Слабый мучительный крик вырвался из самого сердца Ронви.

— Да! А теперь не задерживайте нас. Выходите из-за ваших дурацких стен, и покончим с этой глупостью.

Карл медленно и упрямо покачал головой.

— Я остаюсь, — сказал он.

— И я... и я... Мы все остаемся с тобой! — раздался один за другим голоса дэйлов.

— Ты ненормальный! — воскликнул Ленард. — Это верная смерть, уверяю тебя. И ради чего все это?

— Пока мы живы, мы будем драться с тобой.

— Очень хорошо! — Лицо Ленарда исказилось от гнева, он отъехал к своим воинам.

Карл сделал долгий прерывистый вдох. Дерево, растущее во дворе, бросало пятна теней на освещенные солнцем стены. На чистом высоком небе кудрявились облака. О, это был волшебный мир, была прекрасная жизнь! Но он не мог уступить до тех пор, пока хоть слабый лучик надежды теплился в нем.

Карл, Том и Аул стояли в проходе баррикады щитом к щиту с мечами наготове. За ними Эзеф, Ники и Сэм, просунув копья меж

воинами первой шеренги. Еще двенадцать человек заняли позицию во дворе, готовые с оружием в руках отразить любую попытку перелезть через стены. Четверо с луками забрались на плоскую крышу кладовой, чтобы оттуда стрелять по врагу. Старый Ронви постоял, сгорбившись, словно горе тянуло его к земле, потом поспешил в кладовую и вернулся с охапкой бомб.

Ланны уравнивали выгодность позиции дэйлов своим количеством, подумал Карл, и его последняя нерешительность и печаль растворились в напряженном и сильном шуме боя. Ланны не могли построить всадников на улице для проведения своих сокрушительных атак, даже один верховой не мог развить здесь полную скорость и налететь на защитников баррикады. И все-таки, даже если так...

Ленард с еще каким-то всадником появились в поле зрения, оба были вооружены копьями. Они подъехали к противоположной стене, опустили древки копий и с внезапным пронзительным воплем пришпорили лошадей. Загремели копыта. Карл напрягся, ожидая удара.

Когда наконецники копий ланнов сверкнули почти у самых щитов, трое дэйлских копьеносцев опустили свои двадцатифутовые орудия и сделали дружный выпад. Лошади едва не налетели на эту колючую стену. Ленард выругался, натянул поводья и заставил лошадь попятиться. Он взмахнул копьем и метнул его с близкого расстояния. Оно глухо ударило по деревянному ободу щита Карла, неуклюже повисло и упало. Ленард выхватил саблю и рысцой двинулся на копья. Когда Карл ударил по одному из них, а его товарищ — по другому, один из копьеносцев сделал выпад. Раненный в бедро ланн закричал, лошадь унесла его прочь и его место занял другой всадник.

Неожиданно Ленард вклинился меж копьями, его жеребец грудью обрушился на защитников баррикады, ланнский принц ударил мечом. Карл парировал удар поднятым клинком, металл взвизгнул о металл, посыпались искры, клинок согнулся от удара. Карл рубанул не по человеку, а по лошади. Животное болезненно заржало и упало на колени. Ленард дико закричал и снова ударил, меч заскрежетал по шлему Тома. Эзеф слегка отвел копье и нанес смертельный удар одному из врагов. Копье вонзилось в волосатое горло, и всадник выпал из седла.

— Первая кровь! — закричал Эзеф.

Лошадь Ленарда упала на колени. Ланнский принц выпрыгнул из седла и нанес удар Карлу. Меч встретил меч. Свежий ланнский всадник неуклюже пробился вперед, чтобы вступить в бой. Ленард выбрался из свалки и крикнул напарнику, чтобы тот следил за ним. Мимо пронеслась стрела, другая сбила отступающего всадника. Ленард бросился бежать и пропал из вида.

— Мы отбили их! — закричал Аул. Его глаза горели. — Мы их побили!

— Они вернутся, — заметил Ники. — Им бы надо знать, что лезть конными на такую баррикаду бессмысленно.

Карл шагнул к раненому жеребцу Ленарда и заглянул в искаженные болью глаза.

— Извини меня, старина, — прошептал он. — Извини.

Сверкнул меч, и животное замерло. Его тело будет служить дополнительным прикрытием.

— В следующий раз будет пешая атака, — сказал Эзеф. Он отложил свою неуклюжую пику и взял вместо нее копье. Ники сделал то же самое, а Сэм выбрал алебарду с длинным древком.

До них доносился гомон ланнов, злые голоса, лязг металла, но Карл не мог расслышать, что за приказы отдавал Ленард. С нами будет легко справиться, грустно подумал Карл, надо только атаковать, атаковать, атаковать, пока несметное количество ланнских воинов не сломит слабую защиту.

Но ведь есть еще один шанс.

— Ронви, ты здесь?

— Да. — Старик раздувал тлеющую гнилушку. — Я готов.

Снова показались ланны. Теперь они двигались пешком, со щитами и режущей сталью в руках, и это такая всепоглощающая кипящая масса людей, что Карл воспринимал ее не иначе как беспорядочный шторм. Звук голосов слился в звериный вой.

Со стороны кладовой времени полетели стрелы. Серый дождь пробивал сталь, кожу, люди падали и умирали. С ревом ланны бросились в атаку.

Вот они!

Трое из наступавших налетели на защитников, стоявших в проходе баррикады. Эзеф бросил копье, попал одному в горло. Другой воин отразил щитом удар Ники, но Сэм достал алебардой до его шлема и сломал его сопротивление. Третий сошелся с Карлом щит к щиту и с воплем взмахнул мечом. Карл принял удар на защищенное левое плечо. Потом ударил снизу, пытаясь подсесть ноги противника под щитом. Ланн заорал. Том ударил сбоку и свалил его. На мертвого упал еще один, потом еще и еще.

Здоровенный мужчина занес над Карлом топор. Свистнул клинок Карла, на лету глубоко врезаясь в рукоять топора. Воин оскалился, освободил топор и снова занес его. Топор снова обрушился на щит Карла. Обод щита прогнулся со стороны удара, но и топориче тоже треснуло. Клинок Карла метнулся змеей и ужалил руку воина. Тот с воплем упал, а Карл нагнулся, чтобы взять другой щит. Раздался яростный вопль врага, он перепрыгнул через умирающее тело своего товарища и занес двуручный меч. Карл ударил вверх, попав по запястью ланна. Тот отшатнулся, стоя на пути тех, кто напирал сзади. Карл взял щит упавшего ланна в левую руку. Повернувшись, он ударил сбоку воина, бившегося с Аулом, и свалил его.

Снова и снова лавина лиц и клинков. Карл сражался неистово, не чувствуя, как на него самого обрушивались удары, не ощущая ран на руках и ногах. Северянин пытался достать копьем голову Карла через плечо противника. Сын вождя ударил по древку и отбил его вниз, одновременно прикрывшись щитом от натиска другого воина с мечом. Пригнув копье к земле, он наступил на него ногой и сломал. Раздался хряст. Алебарда Эзма покончила с ланнским меченосцем. Прежде чем копьеносец смог достать меч, Карл ударил его, и тот отшатнулся. Умирающий северянин взмахнул ножом, Карл краем глаза заметил это движение и наступил на руку воина.

Обернувшись назад, Карл увидел, что противник пытается прорваться в другом месте. По грубо сооруженной баррикаде было невозможно взобраться, но ланны подсаживали друг друга и лезли вверх по древним кирпичным стенам. Защитники кладовой сражались отчаянно; рубили, кололи, стреляли; как только новый враг появлялся в поле их зрения, он тотчас же падал и уже не поднимался. Оружие делало свое смертельное дело, и кладовая была обогрета кровью.

— Ронви! — закричал Карл. — Ронви!

Блестящий металлический предмет пролетел у него над головой и упал в гуще врагов, толпящихся в проходе. Мгновение спустя раздался оглушительный грохот взрыва. Взорвались еще две брошенные бомбы. Среди ланнов раздалась вопли ужаса. Они отпрянули назад, тяжело дыша и свирепо озираясь. Ронви бросил еще один сосуд. Он упал перед беспорядочной толпой. Передние ряды быстро развернулись и пытались пробиться сквозь толпу, чтобы исчезнуть в ней. Вспышка, удар, клуб дыма — и ланны с дикими глазами бросились врассыпную.

— Дайте и мне одну! — крикнул Эзеф. Он взял у Ронви бомбу и бросил ее через стену. Через секунду после того, как она упала, раздалось дикое ржанье испуганных лошадей. Люди кричали, пытаясь справиться с внезапно рванувшимися в разные стороны животными.

Карл прерывисто дышал. Хвала богам, сработало!

Мертвые и раненые вперемешку грудами лежали перед ним. Бой во дворе прекратился, как только были повержены последние атакующие. Но четверо дэйлов были убиты, и двое были выведены из строя, будучи тяжело ранеными.

Вдруг Том пошатнулся, оперевшись на Аула. Лицо у него побелело, кровь струилась из раны на ноге.

— Возьмите его в кладовую, — крикнул Карл. — Ронви! Перевяжите ему рану.

— Да-да. — Старик опустил Тома на землю и оторвал кусок ткани от своего плаща, чтобы сделать повязку.

— Потом, — сказал Аул, исследуя рану, — она хорошо затянется, но в этой своре ты больше не участвуешь, дружище. — Он вернулся на свое место, а Ники занял место Тома.

Ленард кричал на своих людей, снова приказывая им наступать. И Карл понял, что бомбы причинили им не так уж много вреда. Они лишь напугали шумом воинов и лошадей. Но ланнов не так легко было испугать надолго.

— Я иду сам! — И Ленард побежал к баррикадам. За ним устремились двое других, а за теми и остальные, подбадривая себя криками.

Карл широко расставил ноги, приготовившись к следующему натиску. Грохочущая сталь сверкала и свистела, тяжело обрушиваясь на его щит, за обрезом щита мелькала застывшая улыбка Ленарда. Карл парировал удары, рубил и колол сам. Ланны кричали и напирали на защитников баррикады. Сэм застал и медленно опустил на землю, получив удар копьём в бок.

Удар! Удар! Удар!

Волны ланнов перестали накатываться на укрепление. Кто-то громко кричал от боли. Ленард в ярости еще раз налетел на Карла, поскользнулся в лужи крови и упал к ногам вождя дэйлов. Гибкий, как кошка, он вскочил, но столкнулся со своими же воинами, стремительно откатывающимися назад.

Удар! Удар!

Какая-то лошадь, обезумев, неслась, сбивая скопившихся людей. Карл вытер пот с лица и втянул в легкие воздух.

— Одна из них не сработала, — сказал Ронви. Голос у него дрожал. — Но у нас осталось еще четыре штуки.

Ленард пробирался сквозь перешептывающуюся армию, колотя воинов кулаками от злости и приказывая им вновь наступать. Карл видел, что они были близки к слепой панике. В нем бушевал огонь. Это могло сработать! Двадцать человек могли обратить в бегство тысячу воинов!

— Вперед, вперед! — Ленард выбежал из строя. Несколько воинов медленно последовали за ним.

Ронви швырнул в них бомбу. Когда она упала на землю, Ленард схватил ее и бросил назад. Она упала на груды убитых и взорвалась. Осколки металла рикошетом разлетелись в разные стороны. Дэйлы стояли твердо, и ланны отступили.

— Еще раз! — неистовствовал Ленард. — Она же не ударила по вам? Еще одна атака, и мы их сломим!

Он бросился вперед, сабля его сверкала. За ним двинулись ланны, живой лес мечей, топоров и копий. Карла немного качало от усталости, и он подумал, что эта атака могла стать последней.

Ланнский принц ударил еще раз. За Ленардом шли его воины, размахивая оружием, но страх сковал их наступление, лишь несколько человек рискнули попытаться перелезть через стены слева и справа. Просвистел меч Карла, отскочил от шлема Ленарда. И тут он почувствовал ответный удар — сабля вонзилась в щит. Карл мужественно выдержал его и рубанул по низу. Ленард парировал этот удар

своей саблей как раз вовремя и сберег свои ноги. Лезвия сверкнули. Противники хрипели, уставившись друг на друга. Ленард оказался сильнее и медленно отвел руку Карла назад.

Удар! Удар!

Ланны зарычали, раздался единый душераздирающий вопль окостеневшего ужаса и смолк. Ники и Аул засмеялись, наступая на оставшегося в одиночестве Ленарда. Принц северян выругался и отступил.

Удар!

Среди врагов взорвалась последняя бомба, несущая смерть, осколки разлетелись в разные стороны. Армия превратилась в толпу, которая вопила, калечила себя, отступала с бранью и топотом.

Карл перевел дыхание. В голове у него гудело и звенело. Его начало колотить, и он никак не мог унять эту дрожь. Он сел прямо там, где стоял, и уставился на двор.

Его люди жестоко пострадали. Многие истекали кровью от десятка полученных ран, пятеро лежали мертвые, шесть человек едва держались на ногах. Стрелы кончились, мечи затупились и погнулись, оружие было исковеркано, щиты расколоты. Но и убитых ланнов тоже было много, поэтому дэйлы позволили себе измученные радостные возгласы.

— Если они придут сюда снова, — печально произнес Эзеф, — мы погибли. На сей раз они наверняка одержат победу.

— Нам остается лишь надеяться, что они не придут, — ответил Карл.

Он сидел и слышал рев толпы. Казалось, она была далеко. Он, должно быть, задремал, ибо испуганно вздрогнул, когда Аул тронул его за руку.

— Ленард возвращается, — сказал сын фермера.

Карл поднялся на ноги. Ланнский принц стоял на проспекте. Он был весь в крови и являл собой ужасное зрелище. Его лицо было обращено к воинам, которых не было видно за полуразрушенными стенами. Ланны притихли, и голос их предводителя звучал отчетливо, высоко и зло.

— Что ж, я докажу! Он не больше колдун, чем мы с вами. Я докажу, что его магия не может его спасти. Может быть, тогда у вас появится достаточно мужества, чтобы дорезать остальных дэйловских свиней.

Он повернулся к Карлу и оскалился в волчьей улыбке.

— Перемирие! — крикнул он. — Я призываю к перемирию, пока мы с тобой будем драться на поединке!

Карл окаменел. Он знал, что среди множества племен существовал обычай — поединок вождей, прежде чем будет продолжен бой. Он не мог отказаться от этого поединка. Если не принимать во внимание этот обычай, поединок докажет еще и тот факт, что он не облада-

ет никакими магическими силами. Это снова придаст ланнам мужества, и они разобьют остатки его воинов. И если он, Карл, проиграет поединок, это тоже вдохновит ланнов на новую, теперь уже окончательную атаку.

— Я пойду за тебя, — прошептал Эзеф.

— Нет, ты не можешь, — сказал Карл. — Вызов бросили мне. Кроме того, они считают колдуном меня. Ронви и меня. Ронви, конечно, не может идти. Если не пойду и я на этот поединок, это будет конец для нас всех.

— Выходи, Карл, выходи! — вызывал Ленард. — Или ты боишься?

— Я иду, — ответил Карл. Он бросил свой погнувшийся щит на землю и взял щит Эзефа. Его меч затупился от ударов, но так же затупились мечи у всех остальных. Может быть, он еще согдится.

Теперь он не чувствовал страха, он уже преодолел его. Но когда он вышел на улицу, бремя долга тяжело лежало на нем.

Глава девятнадцатая

Последний бой

Солнце двигалось по последней четверти дневной дуги, изъеденные временем стены отливали золотом. Тут и там шелестели на легком ветерке деревья. Сквозь горячие испарения крови и пота пробивались влажное, чистое дыхание зеленой земли и запах лета из густого леса. Карл напряг ноющие мышцы, радуясь даже пульсирующему ощущению усталости в них. Сердце билось сильно и уверенно, воздух наполнял грудь, кровь толчками бежала в жилах. Каждая зазубрина на рукояти меча под его пальцами кричала о реальном мире, мире, который нужно держать в руках и познавать живым телом — мире жизни и тайн, борьбы и наслаждений, мире непознанной красоты и томления по ней. Да, жить было здорово, и даже если ему предстояло соединиться с солнцем в этой беспросветной ночи, он был рад выпавшей на его долю судьбе.

Ленард улыбнулся ему и приветственно поднял меч. В этом приветствии было странное тепло:

— Я желаю тебе удачи, Карл. Ты был славным противником, и я хотел бы быть твоим другом.

Ланны стояли по обе стороны расчищенного пространства и ждали — ряды затаивших дыхание людей, все еще испуганных разрывами бомб. Защитники вышли из-за баррикады, чтобы наблюдать за поединком.

— Задай ему, Карл! — закричал Аул.

Карл скрестил с Ленардом меч.

— Ты готов? — спросил он.

— Да, — ответил северянин. — Начали.

Его сабля взлетела вверх, чтобы нанести рубящий удар, но Карл ударил первым, прикрываясь щитом. Сабля Ленарда скрежетала по щиту Карла, пытаясь достичь бедра. Карл сделал выпад, отбив оружие противника в сторону, и отскочил назад. Ленард бросился на него, взмахнув саблей, мощно обрушившейся на щит Карла. Карл держался твердо, его более легкий, прямой клинок лязгнул по клинку Ленарда.

Они пригибались, увертывались, крутились на месте, сталь встречала сталь. Ленард сделал ответный удар, выпад из-за щита, лезвие со звоном ударило по шлему дэйла. Яростный удар был настолько силен, что рука Карла на мгновение опустилась. Ланнский воин взревел и бросился вперед, но его кривой клинок лишь скользнул по законанному в броню плечу Карла. Карл достал концом меча ногу противника и почувствовал, как лезвие прошло сквозь кожу и плоть. Дэйлы обрадованно закричали.

Ленард зарывал и бросился вперед. Натиск был неожиданным. Сабля свистнула в воздухе, удары посыпались их отражать, но его клинок был отбит в сторону. Ленард неудержимо наступал. Карл отходил, тяжело дыша.

Удар! Голова Карла загудела. Звезды прыгали перед глазами. Ленард рубанул по щиколоткам, появилась кровь. Карл задел руку Ленарда. Рана была глубокой, но тупое лезвие не могло нанести большого вреда, и Ленард только зло оскалился и хлестнул своим похожим на змеиное жало клинком по щиту Карла, пробив в ней ровное отверстие. Искры посыпались из глаз дэйла, в голове зашумело. Он отступал, а Ленард бил снова и снова. Сабля свистнула рядом с ухом и ударила по рукояти меча.

Теперь он дрался отчаянно, как дерутся против более опытного и тяжелого воина. Грохот ударов отдавался в ушах. Они скрестили клинки, и меч Карла был отброшен в сторону, почти выбит из руки. Каркас щита сломался, обломки его задели левую руку. Он швырнул щит под ноги Ленарду. Северянин споткнулся и упал. Карл ударил, но тот успел поднять щит и отвести меч. Потом ланн снова вскочил на ноги.

— Неплохо сделано! — крикнул он.

Теперь его сабля сверкнула слева, там, где не было защиты. Карл отступал, прикрываясь мечом. Армия ланнов теснее обступила их. Воины радовались, что побеждает их вождь.

Карлу некуда было больше отступать. Он уперся спиной в стену здания, стоявшего напротив кладовой. Дэйл твердо расставил ноги и, взяв меч обеими руками, отбивался от Ленарда, подставляя под удары защищенные броней части тела. Меч попал по неосторожно высунившейся из-под щита голове Ленарда. Побежала кровь, сбитый

шлем откатился в сторону. Карл поцарапал подбородок, не причинив особого вреда. Ленард, как бык, потряс головой, он ненадолго потерял ориентацию, дав Карлу возможность проскользнуть во двор кладовой.

Ленард с криком бросился вслед. Карл увертывался, придерживая левую руку и уходя от опасности. Он попытался достать концом клинка до глаз Ленарда и чуть не проткнул его, но тот вовремя отскочил в сторону. Лево́й рукой Карл вытащил кинжал. Скрестились мечи, и Карл пырнул Ленарда кинжалом в живот.

Неловко нанесенный удар причинил мало вреда. Ленард ударил краем щита по запястью Карла, и тот выронил кинжал. Ленард наседал, клинок жалил из-за щита. Карл снова устремился вперед. Неожиданно Ленард зацепил ногой щиколотки Карла и толкнул его. Тот обеими ногами ударил по щиту Ленарда, отбросив его назад. Карл снова стал в позицию, тяжело дыша.

Сабля Ленарда свистнула около уха Карла. Дэйл споткнулся, и следившие за поединком ланны снова возбужденно закричали. Карл пошатнулся, и Ленард снова ударил.

— Карл, Карл, — простонал Аул.

Хотя Карл держался стойко и сражался неистово, он начал всхлипывать. Голова кружилась, ноги дрожали. Он не боялся, на страх просто не было времени. Но его тело больше не хотело подчиняться ему. Оно слишком устало.

Собравшись с силами, он послал мощный удар в незащищенную голову Ленарда. Тот поднял щит, чтобы перехватить этот удар, и в свою очередь пытался саблей дотянуться до шеи Карла. Карл быстро нагнул голову, опуская забрало. Перехватив меч двумя руками, он начал что было сил колотить по щиту Ленарда. Щит поддался, но только немного, и Карл вынужден был отступить, прежде чем Ленард смог сразить его.

И снова его спина уперлась в стену. Он прислонился к старой кирпичной кладке, и снова на него обрушилась жестокая атака. Сталь свистела и звенела, рассекая воздух. Меч Карла задел по тупой стороне клинка сабли Ленарда, скользнул и попал в прорезь. Ленард победно закричал и ловким движением выдернул саблю. Меч вырвался из скользящей от пота руки Карла и звякнул о мостовую.

— Ты побежден! — закричал Ленард. Его сабля взметнулась для смертельного удара. Ланны радостно галдели.

Карл прыгнул! Он обрушился на своего врага, одной рукой крепко ухватил рукоятку его меча, другая рука тянулась к горлу ланна. Ленард взвился и отступил назад. Карл сжал правую руку в кулак и ударил его в челюсть. Северянин закричал и попытался высвободить свое оружие. Карл поставил ему подножку, и они повалились на землю.

Карл тянулся за мечом. Щит Ленарда попал под его тело, зажав

левую руку и сделав ее бесполезной. Карл вцепился в рукоять сабли. Ленард вытащил руку со щитом и ударил им Карла по шее. Тот застоялся и ударил кулаком по пальцам Ленарда, сжимавшим оружие. Внезапно они расцепились и откатились друг от друга.

Карл ударил кулаком по смуглому лицу, когда оно оказалось над ним, пошла кровь. Ленард попытался вцепиться в его глаза. Карл прикрылся рукой, а Ленард извивался, пытаясь дотянуться до сабли. Карл схватил его за ножны и оттащил назад.

Рев ланнов стоял в воздухе. Дэйлы напряглись, их лица были насторожены и бледны. Бойцы, сцепившись, катались по улице и яростно колотили друг друга.

Ленард ударил Карла ребром ладони по горлу. Задыхаясь от боли, Карл разжал руки, Ленард, наполовину вылезший из перевязи, на которой висели ножны, тянулся к сабле.

Карл повис на спине Ленарда. Он вцепился ему в волосы и ударил головой о древнюю мостовую.

Ленард взревел. Карл снова ударил его о мостовую, потом еще и еще. Вдруг противник под ним затих.

— Карл, Карл, Карл! — закричали дэйлы.

Карл потряс головой, в голове звенело, в глазах было темно. Кровь капала с лица на мостовую. Покачнувшись, он встал на четвереньки, глядя на толпу врагов сквозь темные круги в глазах.

Те неловко переминались с ноги на ногу, шептались, дико округлив глаза. Неужели победа Карла убедила их, что он был могущественным колдуном, или что-то еще? Но перед ними лежал тот самый Ленард, храбрец, который привел их в пасть злых богов. Лежал побежденный. Их мужество дрогнуло. Дэйлов было так мало, но, кто знает, какие силы были у них еще в резерве?

Карл сел, сжимая обеими руками ноющую голову. В глазах по-прежнему прояснялось, но шум и звон в ушах не прекращался. Доносились какие-то слабые посторонние звуки и...

Но они шли не изнутри.

Карл встал, не смея поверить в это. Ланны внезапно заволновались, но их голоса утонули в грохоте копыт, звуках рожков и громких криков людей. В конце улицы Карл увидел приближающееся желто-зеленое знамя, развевающееся на фоне неба. Снова раздались звуки боя, пришельцы обрушились на ланнов с тыла.

Дэйлы!

Карл, пошатываясь, удалился из поля зрения так неожиданно появившихся зрителей. Почти не осознавая, что делает, он схватил Ленарда за волосы и оттащил находящегося без сознания принца из-под ног сражающихся. Аул и Эзеф соскочили с лошадей, чтобы помочь ему.

— Это наши! — кричал Аул. — Наши! Я не могу в это поверить!

— Дайте посмотреть. — К Карлу вновь вернулись силы. При помощи друзей он взобрался на стену, откуда мог видеть все происходящее.

Он узнал отца, ехавшего впереди наступающих дэйлов. Воинов насчитывалось около четырехсот человек. Они были пыльные и усталые, тела покрыты ранами после недавнего боя, кони спотыкались от изнеможения, но они налетели на врага с таким неистовством, что от него содрогнулись древние стены.

Ланны в конце улицы развернули лошадей и с новыми силами встретили атаку. Позади них их товарищи строились, издавая воинственные крики, чтобы выступить навстречу новой опасности. И радость Карла померкла.

Дэйлы пришли, да, но они были измучены, их было вдвое меньше, чем ланнов, и они двигались навстречу самому страшному врагу, с которым им приходилось когда-либо сталкиваться. Смогут ли они победить? Или узкое пространство улицы станет для них ловушкой?

Глава двадцатая

Гибель богов

Со своего поста на стене Карл отчетливо различал Ральфа. Вождь дэйлов спокойно восседал на своем коне, высокая и грозная фигура в покрытых дорожной пылью доспехах. Его волосы отливали золотом в свете закатного солнца. Рядом с ним ехал на коне его знаменосец, остальная армия спешила и шла впереди.

Конница ланнов мощной лавиной налетела на воинов Ральфа. Раздался свист мечей. Казалось, сама сталь ожила, она ревела и кричала, обрушиваясь на северян, и те падали на землю. Копьеносец замахнулся на Ральфа. Вождь отбил удар, расколов древко копья, и подмял ланна конем.

Ланнские всадники отступили от надвигающейся на них стены пик. В таком узком пространстве у них не было никакой возможности сдержать их натиск. Их пешие товарищи кричали, чтобы они освободили им путь, и всадники тоже начали спешиваться.

Теперь через головы дэйлов, идущих в первых рядах, полетели стрелы. Они падали в самой гуще ланнов. Задние ряды ланнов кричали, подгоняя передних своим напором, усиливая натиск на дэйлов. Но вот дэйлы встали. Воины Ральфа разомкнули ряды, пропустили вперед солдат с мечами и топорами.

Металл ударил о металл и вонзился в плоть. Конь Ральфа заржал, отступая и поворачиваясь на месте, в то время как всадник орудовал своим мечом, словно косой. Ланны атаковали с постоянно растущей отвагой, переступая через тела убитых и раненых, круша оружие дэйлов, и медленно, шаг за шагом, теснили пришельцев.

— Их слишком много, — простонал Эзеф. — Их слишком много — все было напрасно, Карл.

— Нет, подождите... что это? — Карл всматривался в улицу, щурясь от заката солнца. — Что они делают?

Двойная передняя линия дэйлов стояла твердо, отвечая ударом на удар, но их товарищи сзади отступали, кинувшись бежать вниз по улице. И сам Ральф протиснулся сквозь людскую стену и присоединился к отступающим.

— Они уже разбиты? — прошептал Карл. — Нет, этого не может быть!

Отойдя на несколько ярдов от поля боя, дэйлы остановились и развернулись. Над плотными рядами показались лучники, и прашники встали позади. Ральф поднял меч и поскакал вперед, его люди с криками устремились за ним.

Дэйлы, отражающие атаку противника, мгновенно расступились, прижавшись к стенам по обеим сторонам улицы. Карл понял замысел отца и закричал вместе со всеми, когда мощный удар обрушился на ланнов.

Четыреста человек с разгона нанесли ужасный удар, потрясший землю и небо. Пики смели передние ряды ланнов, а те, кто находился позади, под натиском дэйлов отступили, оттесняя в свою очередь тех, кто шел в арьергарде. Серый ураган стрел обрушился на смешавшиеся ряды, и дэйлы с топорами и мечами бросились в сечу.

Битва продолжалась долгие мгновения. Ряды ланнов смешались, они отступали под натиском дэйлов, началась паника. Вера в магию поколебала их мужество, они остались без вождя, их атаковал враг, который, по их мнению, был заперт в осажденном городе. Этого было слишком много для них.

С единым воплем отчаяния ланны развернулись и бросились бежать.

Дэйлы преследовали их, безжалостно избивая. Они мстили за все горе, которое им пришлось вынести. Бой прокатился мимо кладовой времени, спустился вниз по улице и скрылся в лесу, ланны рассредоточились.

Карл прыгнул со стены и побежал навстречу Ральфу.

— Отец! — кричал он. — Отец, ты пришел!

— О Карл, сынок, сынок... — Вождь соскочил с коня и трясущимися руками обнял сына.

Спустилась ночь, появилась луна, высыпали звезды, темнота словно бы что-то напевала потихоньку. Воины разбили на развалинах лагерь и спали. Они бесконечно устали за день. Раненым, как дэйлам, так и ланнам, тихая ночь принесла отдых и прощение, мертвых она укутала саваном. Луна плыла высоко по мерцающему звездному морю, покрывая листья деревьев и старые стены едва заметным серебром.

Мир...

Некоторые еще не спали, сидя у камина в доме Ронви. Трещал огонь, свет свечей освещал их лица, желтыми точками отражался в зрачках. Ральф сидел там же, на почетном месте, держа на коленях меч. Карл сидел рядом с ним; на коленях у него лежала одна их книг Ронви, он осторожно гладил выцветшую обложку. Том и Аул лежали на ковре, Аул упрямо твердил, что его раны — всего лишь царапины. Ленард с перевязанной головой мрачно сидел в углу. Маленький колдун Гервиш, который последовал за Ральфом в Сити, вертелся тут же, пытаясь кому-нибудь услужить.

Ральф рассказал историю своего прибытия.

— Ребята, вы спасли нас хотя бы тем, что отвлекли тысячу лучших ланнских воинов, — говорил он. — Когда я увидел, что они уходят, я был уверен, что они направляются в Сити. Я подождал, пока они отъедут на безопасное расстояние, и вывел против них тех, кто остался в поле, наших людей. И мы победили. Мы разбили их. Когда пал их вождь, ряды их смешались. И теперь они двигаются восвояси, побитые, преследуемые нашими воинами, которые постараются, чтобы у ланнов не возникло желания вернуться. Мы их победили.

— Мой отец, — грустно произнес Ленард. — Он мертв?

— Да, — ответил Ральф.

— Мне... мне жаль, — прошептал Карл.

— Ничего — мы еще встретимся с ним на небесах, когда я умру. — Ленард попытался улыбнуться. — Это делает меня вождем ланнов, не так ли? Пленным вождем... — Он склонил голову, потом со вздохом поднял ее. — Но мне, наверное, лучше поискать другой путь, это поражение может разрушить конфедерацию...

Ральф продолжал:

— Наш народ, естественно, был полон радости и готов победить весь мир. Этим я и воспользовался. Я произнес речь, сказав, что тысяча воинов еще на свободе, в Сити, и, возможно, готовят против нас колдовство. Тогда, конечно, прочного мира и благополучия у дэйлов не будет. Я набрал достаточно парней, готовых поехать со мной, и решил, что у меня есть шанс. Ну и спешили же мы, скажу я вам! Мы загнали лошадей и чуть не угробили себя, но дело того стоило.

— А табу? — выдохнул Карл.

— Донн приехал с нами. Я думаю, ты знаешь об этом. — Ральф внимательно посмотрел на сына. — Никогда не думал, что старик может скакать в таком темпе, какой мы взяли, но он смог. Я оставил его, когда он разговаривал с твоим другом Ронви... — Он посмотрел на дверь. — Вот и они!

Два старика вошли бок о бок. Донн остановился в дверях, высматривая место, куда бы сесть. В его глазах горел почти что священный огонь.

— Я был в кладовой, — прошептал он. — Я видел ее богатства, видел горы книг, полных мудрости. Я читал слова того неизвестного,

который сохранил все это для нас, я разговаривал с тем мудрецом... — Он покачал головой, и его тонкие губы тронула улыбка. — В кладовой нет зла. Зло есть только в сердцах людей. Знания, все знания — это добро.

— И вы снимете табу? — радостно воскликнул Карл.

— Я потребую, чтобы Совет это сделал, и я знаю, что они сделают это. И вот еще что. Ты получишь от Докторов хотя бы ту малую помощь, на которую способна их недалекая мудрость. И пусть она послужит делу восстановления старого мира. Даже если бы я сам и не признал своей ошибки, то четыреста сильных дэйлов, побывавших в этом удивительном месте без какого-либо вреда для себя, найдут что сказать о нем.

И словно исчезло чье-то тягостное присутствие, словно блуждающий ночной ветер заплакал, предчувствуя новое одиночество. Боги были обречены, жестокие, древние языческие боги, внушившие людям страх и принуждающие их оставаться в невежестве, почувствовали, что над ними нависла угроза гибели. И мрак, царящий в каждом смертном сердце, взывал к этим умирающим богам.

Гервиш стоял перед Ронви на коленях.

— Прости нас, — бормотал он пришибленно. — Мы были не правы, мы все были не правы. Ланны, у которых мы искали помощи, уничтожили бы нас. Дэйлы, твои друзья, спасли нас. И магия — это не зло. Будь снова нашим вождем!

Ронви поднял его.

— Давай не будем говорить о прощении, — улыбнулся он. — Нам слишком много предстоит сделать, чтобы стоило поминать старое. Но помни одно, Гервиш, помни и расскажи об этом другим людям: мы, жители Сити, будем одними из первых, кто воспользуется освобожденной мощью прошлого. Более того, снятие табу сделает нас таким же племенем, как любое другое. И мы станем обычными людьми, а не ненавистными отщепенцами.

Ленард печально произнес:

— Похоже, выиграют от этого все, кроме моих бедных ланнов. — На его лице мелькнуло угрожающее выражение. — Когда-нибудь они вернутся!

Ральф покачал головой.

— Я не знаю, что делать с твоим народом, — сказал он. — Допустим, что великая нужда заставит вас напасть на нас. Но та же самая сила будет вести вас войной против Юга снова и снова. И эти бесконечные войны замучают нас. Что же нам делать?

— Ответ содержится в кладовой! — радостно воскликнул Карл. — Послушай, Ленард, в кладовой планы и модели, разработанные с тем, чтобы их могли применить люди, вроде нас с вами, то есть те, кто еще в течение многих лет не сможет овладеть величайшими силами древних. Там есть вещи, которые мы можем сделать и построить прямо сейчас.

— Например? — спросил Ленард. Неожиданно для него самого в его голосе прозвучал интерес.

— О, много всего. Например, нечто под названием «шхуна», на которой можно плыть против ветра. Да, я знаю, это звучит фантастично, но я хочу попробовать. По крайней мере, такие шхуны заткнут за пояс те люгтеры, которые используются сейчас прибрежными племенами. Если их строить достаточно большими, то вы, ланны, сможете торговать, рыбачить, даже занимать новые земли! Появится возможность использовать силу ветра, если под рукой нет возможности использовать силу волны. А способы содержать животных и выращивать растения? А средства предотвращения болезней, которые мешают нам жить? О, да это длинный список, и держу пари, мы найдем там много всего полезного, если внимательно изучим кладовую.

— Дай нам шанс, Ленард. — Тон Карла действовал на сидящего с опущенной головой Ленарда. — Сейчас, когда твой отец погиб, ты — вождь племени. Они послушают тебя. Заключи с нами перемирие. Заключи и вернись к своим людям. Заставь их соблюдать это перемирие!

— Мы сможем продержаться еще года три... — неуверенно произнес Ленард.

— Хорошо! — обрадовался Карл. — Этого будет достаточно! К тому времени у нас будет, что тебе показать, чем поделиться с тобой, дать что-то, что поможет тебе улучшить свою жизнь, ничего не отбирая у других.

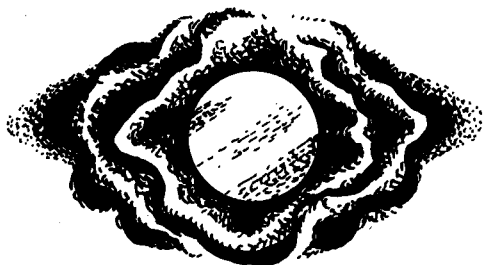
— Я устрою так, что во время перемирия мы будем посылать вам пищу, — сказал Ральф. — Позже вы вернете нам этот долг, когда древние знания предоставят вам такую возможность. Мир оберегается доброй волей и силой миролюбивых людей.

— Так я и сделаю! — воскликнул Ленард. Он протянул руку. — Во имя Джензика, вы были храбрыми врагами, и, я думаю, будете хорошими друзьями.

Карл и Ральф пожали его руку, и сердце юноши наполнила радость.

Это будет нелегкая задача, восстановление мира. Пройдет не одна жизнь, прежде чем оно будет завершено. Но какое дело может быть более достойным?

Карл тихо подошел к двери, открыл ее и выглянул в летнюю ночь. Было темно, но рассвет теперь был недалек.

Кордвайнер Смит

НЕТ, НЕТ, НЕ РОГОВ!

Сверкающий золотой силуэт словно бы трепетал на светящихся ступенях величественного парапета. Изящная фигура танцевала в море огней и океане музыки, похожая на сказочную разумную птицу, готовую запеть и взлететь к небесам. Танец точно вобрал в себя все мыслимые чувства и эмоции, весь ужас и восторг, все радости и горести, жизнь и смерть, свет и тьму. Он, казалось, выражал нечто прекрасное, непостижимо далекое, лежащее за пределами человеческого понимания. Тысяча миров пристально наблюдало за этой феерией.

Миллиарды глаз жителей Галактики были прикованы к прекраснейшему зрелищу — танцу Славы и Жизнеутверждения Человечества, который исполнялся на Интерпланетном фестивале искусств в 13582-м году. Танец символизировал вступление Земли в Галактический союз и победу людей над силами Зла. К этой победе земляне шли много тысячелетий, преодолевая множество трудностей, испытывая взлеты и падения.

Музыка в сочетании с танцем завораживали, притягивая человеческие и нечеловеческие взоры с неумолимой силой, потрясая умы. Это был триумф красоты и гармонии.

Танцовщица на сверкающем парাপете словно не замечала окружающих и она была более чем просто женщиной — она была богиней, кружащейся в вихре музыки. Она была похожа на сказочную птицу.

Министр госбезопасности СССР был поражен, узнав, что агентурной разведке нацистской Германии удалось вплотную подобраться к известному ученому Н. Рогову, который имел для советского режима гораздо большее значение, чем вся Красная армия, с ее авиацией и танками, ибо мозг Рогова был мощнейшим оружием — это был мозг гения. По этой причине ученый всегда находился под присмотром КГБ и фактически являлся арестантом, только находящимся не в тюрьме, а скорее под домашним арестом. Но Рогов ничего не имел против.

— Да, я пленник, — говаривал Рогов на банкетах и собраниях. — Я пленник нашего государства, находящийся на службе советскому народу и партии! Меня вполне устраивает звание академика и профессорское жалование. К тому же я генеральный директор нескольких оборонных предприятий.

Рогов был типичным русским — круглолицым, широкоплечим, с веселыми голубыми глазами, которые всегда были хитро прищурены и смотрели с неизменной доброжелательностью из-под густых бровей.

Ученый любил иногда посмеяться над своими коллегами, спрашивая с притворной серьезностью:

— Товарищи, как вы думаете, смог бы я работать на империалистов?

Испуганные коллеги застывали с разинутыми ртами, а затем, оправившись от шока, начинали высокопарно декларировать свою беззаветную преданность делу Ленина и Сталина, свое уважение к Берии и Молотову. Словом, ко всем деятелям коммунистической эпохи, вместе взятым. Рогов выслушивал их излияния, а потом раздражался добродушным, заразительным смехом.

— Вы правы, коллеги, — успокаивал он окружающих. — Я не смогу служить капиталистам — моя Настенька мне этого никогда не позволит.

Коллеги смущенно улыбались, в душе желая только одного — чтобы Рогов не высказывался больше так необдуманно и дико. Однако сам Рогов ничего и никого не боялся. Возможно, раньше он тоже был таким, как и все простые смертные, живущие при советском режиме, страшящиеся друг друга и собственной тени, однако Рогов сильно изменился, когда стал вначале коллегой, а потом любовником

и мужем Анастасии Федоровны Черкас, особы очень влиятельной в коммунистическом лагере.

Товарищ Черкас была его главным конкурентом в борьбе за превосходство на переднем крае советской науки, и это в немалой степени отразилось на том, что русские ученые смогли превзойти немцев, дав выход своему необузданному творческому воображению, тогда как в Германии вся научная работа базировалась на строгой моральной и интеллектуальной дисциплине.

Рогов первым в 1939 году создал ракетные пусковые установки, а Черкас тотчас усовершенствовала его творение, разработав радиоуправляемые ракеты. В 1942 году Рогов изобрел принципиально новую систему аэрофотосъемки, а Черкас немедленно модернизировала ее, применив цветную фотопленку.

Однажды, на сверхсекретном совещании, Рогов с улыбкой отметил, что работы Черкас страдают наивностью, а теории легковесностью и недальновидностью. Анастасия Черкас, обратив к Рогову свое живое, лишенное даже тени макияжа, лицо, на котором светились фанатичной преданностью большие красивые глаза, и, поправив светлые волосы, живым водопадом обрушивающиеся на ее округлые, женственные плечи, ответила Рогову очень резко, почти грубо, высмеивая его взгляды и принципы. Она отлично понимала, что чувство врожденной гордости является наиболее слабым местом в характере ученого.

В 1944 году противостояние Рогов — Черкас ознаменовалось их совместно проведенным отпуском, а в 1945 они поженились.

Их чувства для всех были тайной, а женитьба стала сюрпризом. Научное партнерство Рогова и Анастасии стало поистине сенсацией в высших кругах русской науки.

Вся пресса того времени трезвонила о том, что великий ученый Петр Капица якобы сказал однажды:

— Рогов и Черкас — наше будущее, ведь они оба истинные коммунисты и оба русские. Они превзойдут весь мир!

Возможно, такая оценка была несколько преувеличенной, но она отражала все то уважение, которым Рогов и Черкас пользовались среди своих коллег.

Вскоре после свадьбы с молодыми супругами произошло нечто странное — им казалось, что они стали видеть многие удивительные, странные вещи, суть которых невозможно передать словами, словно они наткнулись на чрезвычайно важный секрет, который невозможно передать кому-либо другому.

Однажды, в 1947 году, Рогова видели выходящим из кремлевского кабинета Сталина. Ученый как всегда улыбался, а лоб «отца народов» был озабоченно нахмурен. Он кивнул в раздумье и сказал:

— Да, да. Конечно.

Никто из сталинского окружения не понял тогда смысла фразы,

произнесенной вождем, однако вскоре Сталин издал ряд приказов, которые вышли под грифом «Совершенно секретно», а в статье расходов появилась еще одна графа, под названием «Проект Телескоп». Все расспросы и комментарии по поводу этого проекта жестко пресекались службой безопасности. На центральном почтамте Харькова появился номерной ящик с табличкой «Поселок Н.». А сам этот поселок неожиданно исчез с карты Украины, и вся территория, окружающая поселок Н., была объявлена запретной зоной.

Супруги Рогов и Черкас с тех пор исчезли из жизни своих коллег. Они перестали появляться даже на научных конгрессах, и вообще их видели крайне редко. Иногда они наезжали в Москву во время принятия союзного бюджета. Они были по-прежнему улыбкивы, счастливы, но удивительно сдержанны и молчаливы.

Сталин, одобрив проект «Телескоп», гарантировал супругам чуть ли не райскую жизнь в поселке Н. Но в их семейном раю поселился змей в двух лицах — это были некие Гаук и Гаусгофер.

Сталин умер. Берия тоже, правда не своей смертью, а жизнь продолжалась. Все необходимое по-прежнему доставлялось в забытый поселок Н.

По слухам, Хрущев лично посетил Рогова и Черкас. А на обратном пути в машине даже воскликнул: «Это поистине гениально. Если им удастся сделать это, не будет вообще никаких войн, мы победим любого внешнего и внутреннего врага раньше, чем он успеет что-либо предпринять. Если только они сделают это!»

Вернувшись в Москву, Хрущев воздержался от каких-либо комментариев, только задумчиво качал головой и неизменно ставил свою подпись под статьей в госбюжете под названием проект «Телескоп».

Анастасия Черкас стала матерью. Их первенец был точной копией своего отца. За ним последовала девочка, потом снова мальчик. Появление детей не останавливало работу супругов над проектом — в доме имелась вышколенная прислуга.

Каждый день четверо обитателей дома обедали вместе:

Рогов — улыбкивый и спокойный, Черкас — зрелая женщина, еще более прекрасная, чем раньше, но такая же язвительная, умная и бодрая, Гаусгофер — бледная невзрачная женщина с бескровным узким лицом и с голосом, напоминающим ржание старой клячи. Она была ученой и тайным агентом госбезопасности. В двадцатом она выдала ЧК собственную мать, а в двадцать четвертом командовала расстрелом собственного отца. Она выдала своего любовника, бывшего румынским коммунистом, питавшего некоторые симпатии к Троцкому — бедняга доверился ей немного больше, чем следовало. Так она вошла в доверие к Сталину. Однажды, хмурым осенним утром, когда Гаусгофер явилась к Сталину с очередным доносом, «отец народов» хмуро воззрился на нее и сказал с напускной грубостью:

— Товарищ, я вижу, у вас есть голова на плечах и вы понимаете

значение оказанного вам доверия. Вы готовы на все ради победы рабочего класса. — Затем вождь умолк на секунду и буквально выплюнул ей в лицо странный вопрос: — Но разве это все, чего вы желаете?

Гаусгофер застыла в недоумении, с открытым ртом.

Сталин неожиданно сменил гнев на милость, лукаво улыбнулся, положив руку на плечо собеседницы, и назидательным тоном произнес:

— Учитесь, товарищ, постигайте азы науки. Наука плюс коммунистические идеи — равняется победе. Думаю, вы слишком умны, чтобы прозябать на должности тайного агента.

Так Гаусгофер оказалась в поселке Н. и влюбилась в Рогова с первого взгляда. Она возненавидела Анастасию Черкас, и ненависть ее готова была прорваться наружу. Сталин так и предполагал, и как бы в противовес направил вместе с фанатичной женщиной молчаливого флегматика по имени Гаук — крепко сбитого, круглолицего соглядатая. Гаук был почти того же роста, что и Рогов, но отличался от последнего рыхлостью мускулов и вялыми чертами тупого лица, кожа его казалась чрезмерно сальной и бледной, от чего физиономия Гаука имела странно болезненный вид даже в самые солнечные дни. На этом лице жили только маленькие черные глазки — бусинки, взгляд которых был пристальным и леденил душу своим зловещим блеском. У Гаука не было друзей. Он не имел врагов и убеждений. Он был стукачом по призванию и вкладывал в это дело всю свою мелочную душонку, если, конечно, таковая у него имелась. От него никто не слышал ни единого необдуманного слова, никто ему не писал, он никогда не пил и не курил, никому не грубил и никого не хвалил, не принимал гостей и никогда не отлучался надолго. Гаук был полностью изолирован от чьего бы то ни было влияния. Окружающие даже сомневались — жив ли он вообще?

Когда Рогов впервые увидел Гаука, он украдкой спросил у своей жены:

— Как ты думаешь, Анастасия, этот человек психически нормален?

Черкас, сидя на кровати в спальне, выразительно сплела пальцы своих прекрасных рук, не нашла, что ответить мужу, и посмотрела на него с тревогой.

— Не знаю, мой друг, просто не знаю.

Рогов усмехнулся и сказал:

— Тогда я не уверен в нормальности этой мумии Гаусгофер.

Женщина тихо рассмеялась и потянулась к тумбочке за щеткой для волос.

— Держу пари, она даже не знает, кому доносит на нас, — резюмировал Рогов.

Эта беседа давно отошла в прошлое, а Гаусгофер и Гаук, похожие на выходцев с того света, остались рядом с супругами и ежедневно

присутствовали на всех трапезах. Каждое утро все четверо встречались в лаборатории.

Рогов вел основную работу, а Черкас, чей пламенный взор разжигал супруга, активно ему помогала, иногда отвлекая мужа от рутинной работы, стараясь таким образом поддержать его волшебный интеллект. Гаусгофер ухитрялась одновременно работать и шпионить, ведь ее незаурядные познания в механике и инженерном деле позволяли ей и то, и другое. Во всяком случае польза от нее была — улыбаясь бескровными губами, она с любопытством наблюдала за учеными, делая временами весьма интересные замечания.

Гаук был откровенен и прост — он приходил в лабораторию, садился в уголок и наблюдал, совершенно ничего не делая.

По мере продвижения работ «шпионская машина» работала всегда исправно, усложняясь и приспособляясь к обстановке.

Теоретически замысел Рогова и Черкас состоял в попытке создания аппарата, способного улавливать на расстоянии электрические и электромагнитные колебания, сопровождающие мыслительные процессы человека. Затем необходимо было продублировать их, воссоздать искусственно и вновь послать в мозг после внесения значительных изменений. То есть изменить мысли без участия и против воли индивидуума.

Первым шагом было создание приспособления, которое могло на расстоянии считывать мысли интересующих Сталина людей и ретранслировать их на печатающее устройство. Аппарат Рогова предназначался для проникновения в чужой разум и для внесения в него хаотических, дестабилизирующих сигналов. Ученый частично преуспел в его разработке.

На третьем году исследований он смог поразить мозг подопытной мыши на расстоянии в десять километров. Еще через четыре года аппарат Рогова, при непосредственном участии самого ученого, вызвал массовые галлюцинации и волну самоубийств в соседней деревне. Этот факт сильно поразил Хрущева.

Теперь Рогов работал над созданием особого рода приемного устройства, исследуя частоту излучения человеческого мозга, которая, впрочем, была очень слабой и мало отличалась от частот мозга животных. Основной задачей ученого было настроиться на мозг, удаленный на значительное расстояние. Для этой цели он изготовил так называемый «телепатический шлем», однако использовать его не сумел — все опыты оказались неудачными. Тогда Рогов попытался с помощью шлема настроиться на восприятие зрительных и слуховых образов. И тогда, после бесконечно долгой настройки приборов, ему удалось подключиться к зрению своего шофера, с помощью тонкой платиновой иглы, введенной в нервный узел мозга, и электрода-пла-

стины, подложенной под правое веко. Ученый научился видеть глазами постороннего человека, который об этом даже не подозревал.

Прошла зима. Анастасия Черкас неожиданно превзошла достижения своего мужа, проникнув в сознание целой семьи, которая сидела за обеденным столом в ближайшем городе. Она предложила Гауку принять участие в эксперименте, однако тот отказался наотрез, испугавшись вида длинной платиновой иглы. А вот Гаусгофер согласилась очень охотно. Ей даже доставило удовольствие пребывание в чужом разуме.

Шпионская машина начала обретать форму.

Для завершения работы Рогову осталось всего два этапа — он пока еще не мог настраиваться на восприятие мыслей человека, находящегося на значительном расстоянии. Ученого интересовали такие удаленные цели, как Белый дом в США, или штаб-квартира НАТО в предместье Парижа.

Вторая проблема заключалась в создании метода подавления разума на расстоянии. Необходимо было научиться вводить людей в состояние депрессии или сумасшествия, но как Рогов ни старался, ему не удавалось проникнуть дальше тридцати километров в радиусе поселка Н. Впрочем, однажды в ста километрах от Харькова было зарегистрировано семьдесят случаев массовой истерии, большинство из которых закончилось самоубийствами. Но Рогов не был уверен, что причиной этому служит его аппарат.

В тот день, находясь в лаборатории, Гаусгофер в порыве энтузиазма осмелилась даже хлопнуть Рогова по плечу и сказать, захлебываясь от восторга:

— Вы гений, товарищ Рогов! Я горжусь вами.

Глаза ее, водянистые и выпученные, словно у рыбы, выброшенной на берег, заискивающе смотрели на ученого, тонкие синеватые губы растянулись в улыбке.

Взгляд Гаусгофер встретился с презрительным взглядом Анастасии, и бдительному Гауку даже показалось на секунду, что между женщинами блеснула синеватой вспышкой электрическая дуга взаимной ненависти. Гаук промолчал, а Рогов, казалось, ничего не заметил, погруженный в работу.

Проект «Телескоп» сделал резкий прорыв вперед в тот год, когда умер Еристратов, когда СССР вместе со странами Восточной Европы попытался прекратить холодную войну с Западом.

За окнами лаборатории стояло теплое майское утро. Внутрь проникал влажный после ночного дождя ветерок, приносящий терпкие запахи весеннего леса и молодой зелени, отчасти заглушив привычную вонь сгоревшей изоляции, смешанную с озоном и горячей пылью, лежавшей местами на электронных приборах.

Рогов недавно обнаружил, что его зрение начало портиться из-за постоянного применения электродов во время опытов, и тогда он решил провести опыт над пятнадцатилетним парнем, осужденным за тяжкие преступления. Ученый ввел платиновую иглу и электрод непосредственно в мозг подопытного, и результат оказался поразительным — парень видел какие-то образы, слышал незнакомую речь, однако его интеллектуальный уровень оказался настолько низким, что он не смог ничего толком рассказать. В принципе, Рогов был против использования заключенных в качестве подопытных, ведь Гаук, ссылаясь на секретность эксперимента, всегда настаивал на их ликвидации. И в то утро он обратился к Рогову с таким же предложением.

На это Рогов раздраженно ответил:

— Вы, Гаук, надеюсь, понимаете, насколько важна наша работа? Вы уже много лет торчите в лаборатории, но даже не пытаетесь помочь нам. Неужели вы лично не хотите принять участие в эксперименте? Надеюсь, вы сознаете, что работа с заключенными противозаконна? К тому же они не в состоянии ничего рассказать об увиденном, ибо слишком тупы.

Гаук ответил как всегда бесстрастным голосом:

— Товарищ профессор, вы выполняете приказ правительства, я тоже выполняю приказ. Заметьте, я никогда ни в чем не мешал вам.

Рогов буквально взревел от бешенства:

— Да, вы мне не мешаете! Но и не помогаете! Я без вас знаю свое место и тоже предан советскому правительству, но неужели вас не волнует тот факт, что мы на сто лет опередили ученых Запада? Сколько вам можно объяснять? Или вы так же тупы, как и подопытные свинки?

Гаук молча смотрел на Рогова своими глазами-бусинками. Его землистое-серое лицо по-прежнему ничего не выражало.

Черкас восхищенно взглянула на мужа и сказала:

— Ты должен продолжать эксперимент, Николай.

Гаусгофер, не сдержав эмоционального порыва, выпалила:

— Продолжайте, товарищ профессор.

Рогов кивнул:

— Да, я лично продолжу эксперимент и сделаю все, что в моих силах, даже если мне придется проникнуть в сознание самого Эйзенхауэра, этого короля мошенников, замышляющего очередную пакость против советского народа. — Рот профессора скривился в презрительной усмешке. — Да, я смогу сделать его идиотом, с помощью своего аппарата.

— Даже и не пытайтесь! — воскликнул Гаук, протестуя взмахнув рукой. — Вы не имеете права делать этого без приказа!

Проиgnорировав его замечание, Рогов продолжал:

— Сначала я подключу свой мозг к приемному устройству. Пока

я не знаю, чей сигнал смогу воспринять и где в тот момент будет находиться его источник. Основная трудность будет заключаться в определении координат. С тем подопытным парнем произошла интересная история — совершенно очевидно, что он слышал звуки иностранной речи и его сознание переместилось очень далеко, однако он не знал ни одного иностранного языка, поэтому не смог понять, где очутился и что увидел.

Черкас рассмеялась и сказала:

— Я спокойна за тебя, Николай. Эксперимент определенно не представляет опасности. Ты будешь первым человеком, покорившим чужой разум и подчинившим его своей воле.

Она обернулась к Гауку и Гаусгофер, спрашивая с ноткой пренебрежения:

— Я полагаю, товарищи не станут возражать?

Гаук угрюмо кивнул, а Гаусгофер, у которой перехватило от волнения горло, помассировала костлявой ладонью тощую шею и сказала:

— Конечно, товарищ Рогов, вы будете первым, ведь вы наш руководитель.

Рогов опустил в массивное кресло. Гаусгофер, облаченная в белый лабораторный халат, вынула из футляра аппарат-приемник и кивнула Черкас, которая щелкала тумблерами, подготавливая оборудование к работе. Сам приемник имел вид большого шлема, оплетенного проводами, внутри которого была закреплена платиновая игла, длинная и невероятно тонкая, предназначенная для проникновения в нервные центры и далее, непосредственно в мозг.

Черкас тщательно выбрила на темени мужа крохотный пятячок, не более трех-четырёх сантиметров в поперечнике, а затем закрепила голову специальным обручем на спинке кресла для того, чтобы игла вошла в нужное место. Всю эту работу она проделала точно и быстро, пальцы ее были нежными, и в то же время в них чувствовалась уверенность. Черкас была не просто любящей женой Рогова, но и товарищем по работе. Она была истинным ученым, подлинной коммунисткой.

Анастасия отступила на шаг, любуясь делом рук своих, а потом улыбнулась Николаю одной из своих ослепительных улыбок, промолвив:

— Тебе, дорогой, не захочется проделывать эту процедуру ежедневно. Думаю, придется разработать способ проникновения в мозг без иглы. Наверное, тебе было больно?

— Какая разница. Это ведь наш триумф. Давай, опускай иглу, — резко ответил Рогов.

Черкас, глядя на супруга блестящими от нервного напряжения глазами, опустила вниз рычажок, приводящий в движение шлем-приемник, до того неподвижно висевший над темением Рогова.

Лицо ученого побледнело, и он, зажмурившись, прошептал:

— Все, что я почувствовал, это слабый укол. Теперь вы должны включить энергию.

Гаусгофер, переполненная осознанием важности момента, обратилась к Анастасии:

— Разрешите, это сделаю я? — Черкас кивнула с явной неохотой, и Гаусгофер включила рубильник на стене. Эксперимент начался.

Влажный майский ветер проник в комнату, и все присутствующие ощутили пряный запах хвои. Однако трое людей, пристально наблюдавших за Роговым, даже не заметили этого. Они с тревогой увидели, как лицо ученого стало иссиня-багровым, а дыхание хриплым и свистящим. Черкас склонилась к нему с немым вопросом во взгляде.

Рогов неподвижно сидел в кресле, боясь пошевелиться, и сквозь посиневшие губы выдавил:

— Продолжайте эксперимент. Нет, хватит. Прекратите, сейчас же!

Ученый сам не знал, что, собственно, произошло. Он ожидал увидеть мир глазами любого живущего на Земле существа — человека, зверя или насекомого, он ожидал услышать иностранную речь, будь то английский или французский язык, или китайский, хинди, греческий или турецкий.

Однако ничего подобного не случилось — ученому казалось, словно он покинул реальный мир и находится где-то вне времени и пространства, а время сжалось, подобно мощной пружине, готовое швырнуть сознание Рогова куда-то далеко, туда, откуда нет возврата. Разум Николая неожиданно оказался в полной власти его собственного изобретения — шпионской машины, которая посылала в мозг сигналы невиданной доселе мощности. Аппарат Рогова преодолел незблемое доселе пространство и само время. Электромагнитные импульсы машины устремились в своем дьявольском танце в будущее, достигнув 13582 года от рождества Христова.

Перед глазами Рогова танцевала трепещущая золотая фигура на светящемся парапете. Музыка и движения гипнотизировали, проникая в самые удаленные уголки сознания ученого. Ему казалось, что перед ним кружится и стонет его собственная душа, вырвавшаяся на свободу. В танце Рогов увидел всю свою жизнь, выраженную силой искусства. Сознание Николая стремительно менялось, подчиняясь неизвестной, властной силе; заключенной где-то внутри его собственного «я», и в последнее мгновение, словно очнувшись, он увидел жалкую, плачущую женщину, стоящую на коленях. Ее он когда-то любил, а теперь смотрел на Анастасию взглядом, полным равнодушия и презрения. Ему вдруг стало все равно, что с ней будет.

Музыка, звучащая в ушах ученого, усиливалась, и она, эта музыка, способна была заставить прослезиться самого Чайковского. Играл оркестр, мастерство которого превосходило все слышанное ранее, и

Рогов тотчас увидел тысячи странных существ, тех, кто принял землян в Галактическое Братство и научил человечество подлинному гуманизму. Разум Николая, гениальный по меркам его столетия, вдруг уподобился разуму куколки насекомого, его сознание не могло охватить всего того, что он увидел, и ученый ощутил себя аквариумной рыбкой, выброшенной из застоявшейся воды в живительный поток.

Рогов перестал ощущать себя личностью, стремительно забывая жену Анастасию, Гаука и Гаусгофер, а игла шпионской машины все еще пронзала его мозг, посылая в него импульсы такой силы, что будущее буквально хлынуло в него вместе со всем своим светом и добротой, заключенными в сверкающем танце. Ученый потерял сознание.

Черкас метнулась вперед и вынула иглу, пытаясь поддержать обмякшее тело мужа.

После прямого сообщения в Москву в поселок Н. приехали двое врачей. Гаук привел их в комнату, где лежал Рогов, укрытый простынями и бледный, как полотно.

Старший из докторов — седовласый полный старик, строго посмотрел на сидевшую в изголовье постели Анастасию и проворчал:

— Вы не имели права на этот эксперимент без разрешения медиков, ведь никто из вас не имеет специального медицинского образования. Вы могли преспокойно экспериментировать на заключенных, а вместо этого товарищ Рогов предпочел воткнуть иглу в собственный мозг. Никто не давал вам права разбрасываться людьми!

Второй доктор, темноволосый крепыш с усталым взглядом и ранней лысиной, сказал:

— Вы слышите, он что-то говорит! Вернее, бредит про какую-то танцующую золотую фигуру.

Посиневшие губы Рогова приоткрылись, и он хрипло шептал:

— Я хочу быть рядом с ней. Тот «я» и есть подлинный. Она танцует, словно богиня.

Доктор озабоченно покосился на коллегу и констатировал:

— Нас ожидают крупные неприятности — возможно, мы навсегда потеряли гениального ученого. — Врач замолчал, словно и без того сказал слишком много.

Гаусгофер впиалась взглядом в докторов и неожиданно спросила:

— Может быть, во всем повинна его жена?

Анастасия ничего не ответила. Губы ее были крепко сжаты, а в уголках рта резко пролегли горестные складки. Черкас словно бы поникла, постарела, и у нее не было ни малейшего желания отвечать на глупые выпады Гаусгофер. Она была поглощена мыслями о Николае, своем коллеге, своем возлюбленном.

Гаук, Гаусгофер, Анастасия и двое врачей перешли в столовую, где был накрыт обильный стол с разнообразными закусками и крепкими напитками. Людям ничего не оставалось, кроме как ждать и надеяться на благополучный исход.

Примерно через час шум вертолета вывел их из тягостного оцепенения, и они поднялись из-за стола, оставив еду почти не тронутой.

Из столицы прибыл заместитель министра обороны. Это был высокий тучный генерал по фамилии Карпер, облаченный в роскошный мундир со всеми регалиями и знаками отличия. Его сопровождали два полковника и один штатский — инженер из академгородка.

Карпер поздоровался и сказал:

— Я знаком со всеми присутствующими, поэтому без церемоний и проволок приступим к делу.

Делегация прошествовала в спальню к Рогову.

Карпер, остановившись у постели ученого, рявкнул:

— Немедленно разбудить его!

Пожилой врач, пытаясь остановить генерала, сделал протестующий жест рукой, но тот пресек его попытку, сказав:

— Ни слова против! Немедленно разбудите!

— Но я дал ему снотворное, — виновато сказал врач, смущенно взглянув на Карпера, однако тот был неумолим.

— Действуйте немедленно, даже если это и повредит больному. Я обязан вернуться в Москву с подробным отчетом.

Второй доктор сделал ученому стимулирующий укол. Все отошли в сторону и застыли в ожидании.

Рогов корчился на кровати, судорожно открывая рот, и глаза его, широко открытые, не видели окружающих. Он шептал:

— О, эта золотая фигура на святящихся ступенях, верните меня к ней. Там музыка, и я хочу быть с музыкой, ведь я и есть музыка. Музыка...

Черкас подбежала к мужу, склонилась над ним и с надрывом крикнула:

— Очнись, любимый, очнись!

Но всем было ясно, что Рогов не слышит ее.

И тогда, впервые за много лет, Гаук проявил собственную инициативу. Он подошел к генералу, вытянулся по стойке «смирно» и сказал:

— Товарищ генерал, разрешите я внесу предложение?

Карпер воззрился на него с недоумением. Тогда Гаук кивнул на стоящую поблизости Гаусгофер и выпалил:

— Мы оба были направлены сюда по приказу товарища Сталина. Вот эта женщина, она старше меня по званию и несет всю ответственность за происходящее.

Карпер повернулся к Гаусгофер, которая застывшим взглядом смотрела на Рогова, и лицо ее было искажено гримасой горя.

Карпер проигнорировал это и жестко сказал:

— Что вы порекомендуете нам, товарищ Гаусгофер?

Она посмотрела на генерала отсутствующим взглядом и размеренно произнесла:

— Я не думаю, что во время эксперимента мозг Рогова был поврежден по нашей вине, и, чтобы узнать причину неудачи, один из нас должен последовать за ним.

— Что вы хотите этим сказать? — прорычал Карпер, недовольно покосившись на нее.

— Позвольте мне повторить эксперимент и лично подключиться к аппарату Рогова, — сухо ответила Гаусгофер.

Анастасия Черкас внезапно рассмеялась злым и полубезумным смехом, показывая пальцем в сторону Гаусгофер, и выкрикнула:

— Эта женщина сумасшедшая! Она влюблена в моего мужа уже много лет и вот сейчас вообразила, будто сможет спасти его. Она не видит меня все это время, и я не допущу, чтобы ее руки прикасались к изобретению Николая. Я сама повторю опыт!

Карпер отозвал сопровождающих его людей в соседнюю комнату, и они принялись вполголоса совещаться о чем-то. Разговаривали тихо-тихо, так тихо, что остальные не могли разобрать ни единого слова. Затем, приняв серьезное, подобающее моменту выражение лица, Карпер вернулся и резким, командным тоном начал говорить:

— Я могу выдвинуть против всех присутствующих самые серьезные обвинения! Вы провели незаконный эксперимент, во время которого мы потеряли Николая Рогова — светило советской науки, и, кроме всего прочего, я обнаруживаю, что офицер службы государственной безопасности, товарищ Гаусгофер, проявила глупейшую влюбленность!

В голосе генерала сквозило явное презрение, он распалялся все больше, постепенно переходя на крик:

— Делу советской науки не должны препятствовать отдельные личности! Нам придется действовать без промедления, ибо доктора склонны считать, что Николай Рогов не выживет. Мне необходимо точно знать, что с ним произошло.

Он сверкнул гневным взглядом в сторону Анастасии.

— Я полагаю, вы не станете возражать, товарищ Черкас. Ваш мозг тоже принадлежит России! Ваше образование было оплачено из государственного кармана, ваша жизнь является его собственностью! И сейчас, немедленно, товарищ Гаусгофер повторит эксперимент! Это приказ, а приказы не обсуждаются!

Все присутствующие проследовали в лабораторию, где уже горел свет и сновали испуганные лаборанты. За закрытыми окнами царили густые, прохладные сумерки. Слышалось гудение разогревающейся аппаратуры. В считанные секунды игла была стерилизована, и машина Рогова подготовлена к работе.

Гаусгофер опустилась в кресло, сохраняя бесстрастное выражение своего мертвенно-бледного лица. Лишь когда лаборант выбрил волосы на ее голове в том месте, где должна была войти игла, она слабо улыбнулась Гауку.

— Я догадалась! — неожиданно воскликнула Анастасия. — Теперь я знаю, куда в действительности попал мой муж!

— Что все это значит? — недоумеая спросил Карпер.

Взволнованная женщина продолжала:

— Николай побывал где-то в ином мире, или в ином времени. Понимание этого факта лежит далеко за пределами нашей науки! Мы с мужем создали великое оружие! И оно поразило нас, прежде чем мы сами смогли им воспользоваться! Проект «Телескоп» завершен, но вы, товарищ Карпер, вряд ли найдете добровольца, который согласился бы применить на практике его достижения.

Карпер пристально посмотрел на нее и обернулся, увидев подошедшего Гаука.

— Что вы хотите доложить? — спросил генерал.

— Я хочу сказать вам, что Рогов мертв. И товарищ Черкас говорит правду. Я знаю.

Карпер злобно уставился на него и спросил:

— Откуда вам это известно?

— Я знаю этих людей очень давно и совершенно уверен в правдивости их слов. С Роговым все кончено.

Карпер, наконец, поверил ему и замолчал, глядя, как игла шпионской машины опускается на затылок Гаусгофер. Анастасия, сидя на стуле рядом, прикрыла лицо ладонями и тихо плакала, но на нее, впрочем, никто не обратил внимания.

Лицо Гаусгофер налилось кровью и покрылось испариной. Пальцы стиснули подлокотник кресла.

Вдруг она воскликнула:

— Там золотая фигура на светящихся ступенях!

Женщина вскочила на ноги, обрывая провода аппарата, и игла его повернулась несколько раз в мозгу Гаусгофер. Через мгновение тело ее рухнуло на каменный пол.

Все присутствующие взглянули на Анастасию, которая сидела опустив голову. Карпер спросил ее:

— Что мы теперь будем делать?

Вместо ответа она упала на колени и зарыдала.

— Нет, нет, не Рогов! Только не Рогов! — хрипло крикнула она. Большого от нее добиться было невозможно. Гаук молча наблюдал, и на лице его не отражалось ровным счетом ничего.

На светящихся ступенях прекрасная танцовщица танцевала невообразимо прекрасный танец мечты в вихре чарующей музыки и

ритма. Она танцевала до тех пор, пока вздох томного восторга не вырвался у жителей тысячи миров, и аплодисменты заполнили окружающее пространство.

Края золотистого парапета поблекли и стали темными, почти черными. Серебристое сияние угасло, и ступени стали обычными, сделанными из белого мрамора.

Танцовщица, сама потрясенная собственным исполнением, превратилась в обыкновенную усталую женщину, одиноко застывшую под грохот оваций. Но все эти аплодисменты мало волновали ее. Она уже мечтала о том дне, когда будет танцевать снова.

Дж. Макконнел

ВСЕГО ТЕБЯ

Как крепко ты запечатлелся в моей памяти, любимый. Даже сейчас я вижу тебя так, как видела тогда, на странном оранжевом закате, когда твой серебряный конь рванулся вниз, чтобы найти пристанище на моей планете ФРТ. И после этих месяцев я так же чувствую все мужское тепло твоего прекрасного тела, как в ту священную ночь. До мельчайшей черточки помню я твои волнистые, черные с серебром, волосы, приятный румянец и влекущие карие глаза.

БЕГИ ЖЕ, МОЙ ЛЮБИМЫЙ, БЕГИ!

Тот вечер я провела с другими женщинами и одна возвращалась в свою обитель, когда небо рассек язык пламени. В тот миг я подумала, что боги решили испепелить меня. Но потом пламя опало невдалеке, опалив золотым жаром листву. И я разглядела сквозь огонь серебряный блеск твоего экипажа.

Тебе никогда не понять, какие чувства нахлынули на меня, когда

поняла, кто ты и откуда прибыл! Когда я была мала, Матриарх рассказывала о пришествии богов на огненных колесницах, но прошли годы, и я утратила веру. И вот ты явился, чтобы воскресить ее.

Тогда я побежала к тебе с невыносимой быстротой так, как в эту ночь должен бежать ты.

БЫСТРЕЕ, ЛЮБОВЬ МОЯ, БЫСТРЕЕ! ПУСТЬ В ЭТУ НОЧЬ СТРАХ ДАСТ ТЕБЕ КРЫЛЬЯ!

Огонь выжигает путь к твоей колеснице, и я бежала босыми ногами по горячей золе, забыв о боли. Ведь я знала, что ты ждешь меня внутри. Дверь была открыта, и я вошла.

Ты был там, ты сидел за чудовищным обломком металла, быть может, рассчитывая скрыть свое прекрасное тело от моего взгляда. Но я взглянула, увидела твою величественную фигуру и поняла с первого взгляда, что мое сердце потеряно навеки. Мой телепатический голос дрожал, когда мое сознание раскрылось и коснулось твоего, дав тебе клятву в беспредельной преданности вечной рабыни.

Как сладостно вспоминать едва уловимую дрожь твоего красивого подбородка, когда ты глядел на меня, решая, достойна ли я твоего внимания. Но у меня была вера. Помни об этом, мой любимый. Я знала, что ты не отвергнешь меня, так страстно преданную тебе.

Долгое время — о, каким пугающе сладостным было оно для меня — ты оставался неподвижен, сжавшись в своем углу, лишь едва заметная дрожь пробегала по твоему измученному телу. Наконец, больше не в силах выносить это, я двинулась вперед, чтобы приласкать тебя. И ты широко раскрыл глаза, словно желая разглядеть меня лучше, и поднял вверх руки во всеобщем жесте признания и смирения. И я поняла, что ты станешь моим!

Я обняла своей длинной и безнадежно тонкой рукой великолепие твоего мягкого и податливого тела и почувствовала частые удары твоего сердца, восторгом отдавшиеся во мне. И я нежно увела тебя от твоего небесного коня в тихое уединение моей обители любви.

В то яркое утро, которым закончилась ночь твоего прихода, я проснулась раньше тебя. Долгое время я лежала рядом с тобой, взволнованная теплом твоей плоти, закрыв глаза от блаженства. Потом ты тоже проснулся, и мое сознание соприкоснулось с твоим.

— Где я?

Пока ты произносил эти слова, твои глаза скользили по моему лежащему телу. Я нерешительно вошла в твое сознание, боясь того, что мне откроется. Ведь я еще молода и худа, а общепринятым идеалом красоты является полнота.

О мой любимый, какой огромной и неожиданной радостью было узнать, что я тебе понравилась, ведь до этого я не смела и мечтать о таком счастье. Почему-то я показалась тебе красивой, и была этому рада.

Затем направление твоих мыслей изменилось, и ты повторил:

— Где я?

Я ответила тебе мысленно, потом вслух, но ты по-прежнему не мог понять меня. Тогда, чтобы ты понял, где находишься, я изобразила на земле солнце и шесть планет и около нашей, шестой планеты, крупными буквами написала ФРТ. Потом я указала на пятую планету, а после на тебя.

Своим острым умом ты сразу все понял.

— Нет, — мягко сказал ты, — я не отсюда.

Ты нарисовал в стороне другое солнце, окруженное девятью планетами, и показал на третью.

— Моя родина здесь.

Ты улыбнулся и снова лег. Твое сознание слегка затуманилось, хотя я могла следовать за каждой мыслью, многие из них казались странными и непостижимыми.

— Добрая старая Мать-Земля. Родина, милая Родина. Я не знаю даже, в какой она стороне. Потерялся, просто потерялся. Может быть, я никогда больше не увижу Нью-Йорк, никогда не попробую суп из устриц, никогда не попаду на бейсбол, никогда больше не встречу ее.

Ты заплакал. Я обняла тебя, медленно гладила твои волосы, посылая приятные и успокаивающие мысли.

— Я ненавидел и презирал Землю, не выносил ее. И всех, кто на ней живет, — рыдал ты. — Больше всех я ненавидел ее. О, я любил ее, но стал ненавидеть. Ты можешь понять такое?

— Она была красивая, чудесная, я всегда мечтал о такой. Она была первой красивой девушкой, которая взглянула на меня дважды, а мне уже было тридцать пять. И мы поженились. А в ту первую ночь — о Господи!

Ты посмотрел на меня со слезами на лице, твой привлекательный двойной подбородок покраснел, натертый о шею. Я нежно, утешающе погладила твое лицо.

— В ту первую ночь нашего медового месяца, когда я к ней пришел, она ЗАСМЕЯЛАСЬ! Ты можешь понять такое? Засмеялась! «Ты, жирная скотина, — сказала она, — убирайся от меня. Я не хочу тебя больше видеть, жирный увалень!» Я мог убить ее!

— Она обманула меня ради моих денег. Больше я не встречал ее, но ненавидел всем сердцем. А позже была другая девушка, и она тоже смеялась надо мной. Я не мог этого вынести, поэтому купил космиче-

ский корабль, просто чтобы вырваться оттуда, прочь от Земли. Я никому на ней не был нужен.

Ты продолжал плакать. Я наклонилась и поцеловала тебя. Если женщины твоей планеты настолько глупы, что не оценили тебя, я в этом не виновата. Как страстно я хотела тебя!

Ты поднял взгляд и улыбнулся в ответ на мой поцелуй. Я снова вошла в твое сознание и поделила твое удовольствие. Ведь ты, к радости моей, думал о любви, которую мы узнали прошедшей ночью.

ВПЕРЕД, ВПЕРЕД! БЫСТРЕЕ! ЕЩЕ НЕ ЗАВЕРШИЛСЯ СРОК НАШЕЙ ЛЮБВИ.

Немного погодя я встала, чтобы приготовить завтрак. Я взяла сочные фрукты и смешала их с жирным питательным кремом. Я открыла для тебя орехи с самых крупных деревьев, подрумянив их аппетитную мякоть на открытом огне. Я тушила в собственном соку личинки самых прожорливых насекомых, пока блюдо не приобрело восхитительный янтарный цвет.

И, работая, я все время пела про себя. Я была очень счастлива, ведь оберегать красоту своего избранника — это счастье для женщины. И когда я глядела на тебя, думая о том, что тебе приготовить, я уже знала, что прибавишь в весе, что ты увеличишь талию, превзойдя заветные мечты любой женщины на ФРТ.

— Я... Я, пожалуй, буду звать тебя Жозефиной, — сказал ты мне во время еды. — А я буду твоим Наполеоном. И мы будем жить здесь в вечной ссылке. И целыми днями ничего не делать — только есть, — сказал ты, подмигивая мне, и наложил себе еще фруктов с кремом. Мое сердце разрывалось от счастья.

— Вряд ли я смогу выразить тебе, как много это для меня значит — твоя любовь и все остальное. Первый раз в своей жизни я счастлив. Я чувствую, что действительно ПРИНАДЛЕЖУ, если ты поймешь, что... — ты прервался. — О, смотри, кто-то идет сюда. Не будет ли неприятностей из-за того, что я здесь?

И тогда я увидела их, идущих к нам по тропе — мою бабушку, и мать, и четверых старших сестер. Но обратилась к нам одна бабушка, как то и приличествовало ее положению.

— Это тот мужчина, который прибыл прошлой ночью в золотом огне?

Я видела ее глаза, раздевающие тебя, алчущие тебя.

— Да, высокочтимый Матриарх. Он — один из людей-богов от другого солнца.

— Что им нужно, Жозефина? — спросил ты, ведь, разумеется, ты не мог понять их слов.

— Он хорошо сложен, не так ли, дитя мое? — сказала бабушка.

Она еще не кончила этих слов, как я почувствовала, какую страшную участь уготовила нам она в своей безнравственной ревности.

— Он прекрасен, Возлюбленная Мать.

— И ты полагаешь, что если ты первой нашла его и привела к себе, то имеешь на него неотъемлемые права? — спросила она с вкрадчивой жадностью.

— Он мой, Святая Женщина. Мы любим друг друга, и он станет отцом моих детей. Это веление судьбы.

Голос старухи стал громовым.

— Он не твой! Он принадлежит нам всем! И получит его та, кто докажет это право в состязании!

— Жозефина, я сделал что-то не так?

Я не могла ответить тебе, любимый, так как оцепенела от страха. Я знала, на какие низости способна она, моя собственная пародия-тетница.

Матриарх ждала возражений, готовая уничтожить меня. Но я была слишком умна для этого. Я не сопротивлялась, хотя и понимала, что на время это уронит меня в твоих глазах.

— Он будет немедленно отправлен в лагерь для мужчин и будет содержаться там до официального открытия брачного сезона, — проорчала она, снова надеясь спровоцировать меня на открытую враждебность. Когда я не поддаюсь, она изменила тактику.

— Каким замечательным мужем будет он, — проговорила она, снова оглядывая твои великолепные формы. — Сколько детей подарит он какой-то счастливнице!

Я едва переносила ее издевательства, но уже тогда, властитель моего сердца, у меня созрел план. Ты еще станешь моим!

— Стражи, взять его! — крикнула старуха.

— Жозефина, что они делают? Не давай им забрать меня! Я люблю тебя, Жозефина! Скажи им, что я на тебе женюсь. Не отдавай им меня!

Я воспринимала смятение в твоих мыслях, чувство потери, ошеломившее тебя, когда тебя уводили мои грубые сестры. Как желала я, чтобы и ты видел мою боль. Как бы я хотела сказать тебе — жди, терпеливо жди, пока не настанет время.

НО ТЕПЕРЬ, МЕЧТА МОЕГО СЕРДЦА, ТЫ НЕ ДОЛЖЕН ЖДАТЬ И НЕ ДОЛЖЕН МЕШКАТЬ. О, ТЫ СПОТКНУЛСЯ! ПОДНИМИСЬ, ЛЮБОВЬ МОЯ! ПОДНИМИСЬ И БЕГИ! СМЕРТЬ ИДЕТ ЗА ТОБОЙ ПО ПЯТАМ!

Как ныло мое тело от одиночества в первую ночь без тебя, как не хватало мне обволакивающего тепла твоей мягкой и податливой плоти! Но я заставила себя сосредоточиться на главном — к тому времени я полностью продумала свой план.

На следующий день я пришла в лагерь для мужчин. Каким гордым и прекрасным выглядел ты, как выделялся красотой среди художочных мужчин измельчавшего народа ФРТ.

В тот день я принесла тебе самую сытную, самую вкусную еду, какую только можно было встретить на ФРТ. День за днем я соблазняла тебя едой, фунт за фунтом добавляя красоту твоему и без того совершенному телу. Матриарх следила за каждым моим шагом с ревностью, но и с затаенной усмешкой. Она рассчитывала получить тебя сама. Это понимала и я, и все мои сестры.

Я предоставила ей следить и усмехаться — ведь она не догадывалась о моем плане. И одна я знала, что ей придется довольствоваться вместо тебя каким-нибудь жалким, чересчур мускулистым здешним мужчиной. Стоило ли мне ее ненавидеть?

Три долгих месяца я носила тебе еду. Однажды, когда я возвращалась из лагеря, Матриарх остановила меня.

— Зачем ты тратишь столько времени на нездешнего человека-бога? — колко спросила она меня с насмешливой гримасой на лице. Разве ты не понимаешь, что всего через две ночи начнется брачный сезон, и ворота лагеря будут открыты для всех полноправных женщин ФРТ?

— Я люблю его, Достойнейшая, и делаю это не из корысти, а потому, что не могу иначе.

— Что ж. Это хорошо. Ты молода и быстронога. Может быть, тебе и удастся опередить остальных.

Но я знала, что это ложь. Она бы никогда не допустила честного состязания. Но меня это не волновало — ведь одна я знала, что ты станешь моим задолго до этого.

В тот же день, поздним вечером, я выскользнула из своей обители и спряталась неподалеку от лагеря, где тебя держали в заключении. Охрана была малочисленна — все, кроме одной или двух, отдыхали перед празднествами, которые начнутся следующей ночью. В этом году немногие мужчины достигли зрелости, и достанутся они лишь самым быстроногим женщинам.

Прошли часы, я ждала — колеблющаяся, испуганная, не уверенная, сработает ли мой план.

Наконец по моему телу прошла восхитительная дрожь женской зрелости, и я поняла, что победила!

Я оказалась хитрее, чем Матриарх! Она забыла, что, когда к женщине нашего народа зрелость приходит впервые, срок ее наступления часто не совпадает со сроком созревания остальных. Как правило, она наступает на два дня раньше. И вот я созрела и готова к встрече с тобой на два дня раньше, чем предполагала старуха!

Со всей осторожностью я миновала двух моих сестер, сторожив-

ших лагерь. Я распахнула деревянную калитку и уверенно вошла в твою клетушку.

Ты взглянул с удивлением, которое сменилось УЖАСОМ, когда ты узнал меня. Думаю, я дала тебе понять, в какое возбуждение и восторг я пришла от этого. Войдя в твоё сознание и узнав твои мысли, я все поняла и обрадовалась.

Оказывается, другие мужчины лагеря кое-что тебе рассказали о том, чем кончаются наши брачные ритуалы! Ты не понял всего, что они говорили, твоё сознание пришло в смятение, но, тем не менее, ты усвоил достаточно, чтобы до смерти перепугаться.

— Жозефина, — выкрикнул ты, — ты не смеешь! Не меня! Не можешь же ты хотеть МЕНЯ, ты... ты — ЛЮДОЕДКА!

Я раскрыла тебе свои объятия, но ты увернулся от меня, с воплем выскочил из лагеря и так понёсся в ночь, что затряслись стволы деревьев.

Когда я, не торопясь, последовала за тобой, мою благодарность нельзя было выразить словами. Мужчины на ФРТ всегда должны убегать от женщин, это необходимо для продолжения рода.

Вещества, которые теперь вырабатывает мой организм, при обычных условиях ядовиты. Но уставшего до предела мужчину, который бежал так долго, что не может больше сделать ни шагу, яд не убивает. Вместо этого он вызывает полное оцепенение.

Если бы ты не узнал достаточно, чтобы бежать при виде меня, то был бы теперь мертв — я не смогла бы долго сдерживать свою страсть. Тогда и я умерла бы от преждевременного использования яда.

Но прошли часы, как ты бежишь от меня сквозь синюю тьму лесов. Как преданно следую я за тобою шаг в шаг, предвосхищая каждое твоё движение, с безграничным восторгом ловя твои вопли.

Скоро наступит время, и я догоню тебя. Десна сократится, обнажив скрытые зубы, и я подарю тебе опаляющий поцелуй зрелой женщины. И ты медленно и мягко осядешь в моих руках. Я нежно подхватчу тебя и понесу обратно к нашей обители. Как можно удобнее я устрою тебя отдыхать на почетном ложе.

И затем, выполнив свой супружеский долг, мы станем ждать.

Занятая повседневными делами неподалеку от твоего ложа, я буду постоянно делить с тобой все твои мысли — ведь неподвижность твоего тела не затронет сознание.

Воедино связанные мыслью, мы познаем сокровеннейшие тайны зарождения новой жизни. Мы встретим великий день, когда откроются отложенные мною яйца, и из них выйдут наши дети, чтобы взрасти на твоей обильной плоти.

Мы будем чувствовать, слившись в единое целое, как наши по-

томки проходят твои ткани, черпая жизненные силы из твоих богатств.

Как горд и счастлив будешь ты, чувствуя, что они растут в тебе и с каждым днем становятся сильнее! И в течение долгих, долгих месяцев я буду делить с тобой эти изысканные чувства.

О, ты станешь отцом такого множества крепких детей!

И вот время пришло. Ты лежишь, задыхаясь, возле меня. Я чувствую твою огромную усталость. Я вижу сверкание твоих глаз — и я готова.

Не надо бороться со мной — это так сладко! Один глубокий поцелуй, один нежный укус, которого ты и не почувствуешь, долгая ласка любви.

О МОЙ МИЛЫЙ, Я ТАК ТЕБЯ ЛЮБЛЮ!

Урсула Ле Гуин

ЛАРЕЦ С ТЕМНОТОЙ

По берегу моря шел маленький мальчик, не оставляя следов на мягком песке. В ярком небе без солнца кричали чайки, в океане без соли прыгали форели. Далеко на горизонте поднялся морской змей, застыл на мгновение семью огромными арками и снова ушел под воду. Мальчик свистнул, но морской змей, занятый охотой на китов, на поверхности больше не появился. Ребенок шел, не отбрасывая тени, не оставляя следов на полоске песка между утесами и морем. Перед ним поднимался поросший травой мыс, на нем стояла избушка с четырьмя ногами. Когда он взобрался по тропинке на утес, избушка подпрыгнула и потеряла передними ногами друг о друга, как делают законники и мухи, но стрелки часов внутри, которые показывали десять минут десятого, никогда не двигались.

— Что ты принес, Дикки? — спросила его мать, добавив петрушку и щепотку перца в закипающую кроличью похлебку.

— Ларец, мама.

— Где ты его нашел?

Мамин домашний дух соскочил с бревна, на котором висели связки лука, и, обвинившись, как лисий воротник, вокруг ее шеи, сказал:

— У моря.

— Правильно. Его вынесло море.

— А что там внутри?

Домашний дух замурлыкал и ничего не сказал. Ведьма обернулась и взглянула в круглое личико сына.

— Что внутри? — повторила она.

— Темнота.

— О? Дай посмотреть.

Когда она наклонилась, чтобы посмотреть, дух, продолжая мурлыкать, закрыл глаза. Держа ларец у груди, мальчик очень осторожно приподнял крышку.

— Так и есть, — сказала его мать. — А теперь убери его и не давай ему перевернуться. Удивляюсь, где отыскался ключ. И беги мыть руки. Садись за стол!

И пока ребенок орудовал тяжелым рычагом колонки во дворе, споласкивая лицо и руки, избушка отозвалась звоном возникших тарелок и вилок.

Когда его мать вздремнула после еды, Дикки достал из ящика со своими сокровищами отбеленный водой, покрытый корочкой вьевшихся песчинок ларец и пошел с ним через дюны, удаляясь от моря. За ним по пятам следовал черный домашний дух, терпеливо семена по песку через жесткую траву — единственная тень мальчика.

Преодолев подъем, принц Рикард обернулся в седле, глядя поверх плюмажей и знамен своей армии, поверх длинной отлогой дороги на зубчатые стены города своего отца. Хрупкий, не знающий тени, он мерцал на равнине под небом без солнца, словно жемчужина. Принц смотрел на него, зная, что город никогда не исчезнет, и его сердце пело от гордости. Он дал своим капитанам сигнал к быстрому маршу и прищипорил коня. Конь встал на дыбы и поскакал галопом, а грифон с криками вился над головой. Он дразнил белого коня, нырял вниз и щелкал клювом, в последний момент уходя в сторону, невзвужданный конь яростно пытался поймать зубами его выющийся хвост или, встав на дыбы, ударить его серебряным копытом. Грифон фыркал и взреывал, опять поднимался над дюнами и снова с визгом пикировал, продолжая игру. Опасаясь, что он устанет до сражения, Рикард привязал его — после этого грифон, спокойно курлыча, летел сбоку.

Перед Рикардом лежало море; где-то за скалами скрывались вражеские войска, которые привел его брат. Дорога, извиваясь, уходила вниз, слой песка на ней становился толще, море показывалось то слева, то справа, но каждый раз ближе. Внезапно дорога оборвалась; белый конь прыгнул с десятифутового обрыва и галопом поскакал по берегу. Выхав из-за дюн, Рикард увидел длинную шеренгу людей на песке, а за ними — три черных корабля. Его люди спускались с обрыва и огибали дюны, синие знамена шелкали на морском ветру, голоса заглушал рев моря. Без предупреждения и переговоров два войска сошлись, меч на меч и человек на человека. С пронзительным воплем грифон взмыл вверх, вырвав поводок из руки Рикарда, и соколом ринулся вниз, вытянув клюв и когти, на высокого человека в сером, предводителя врагов. Но меч высокого человека был обнажен. В то время, как стальной клюв схватил его плечо, стараясь добраться до горла, стальной меч ударил вверх, взрезав брюхо грифона. Тот сложился вдвое, рухнул, сбив человека с ног взмахом огромных крыльев, и пронзительно вопил, заливая песок черной кровью. Шатаясь, высокий человек встал, отрубил ему голову и крылья и, полуослепший от песка и крови, повернулся к налетевшему Рикарду. Не сказав ни слова, он поднял дымящийся меч, чтобы закрыться от удара. Он попытался подрубить коню ноги, но конь осадил, встал на дыбы и бросился вперед, а сверху ударил меч Рикарда. Руки высокого человека отяжелели, он задышался. Рикард не дал ему передышки. Высокий человек снова поднял меч, но меч его брата со свистом обрушился на его поднятое кверху лицо. Он беззвучно упал. Его тело осыпал коричневый песок, поднятый копытами белого скакуна, которого направил в гущу битвы Рикард.

Высидившиеся сражались отчаянно, но их было меньше, и шаг за шагом их оттеснили к морю. Их осталось около двадцати, когда их строй распался, они со всех ног бросились к кораблям, столкнули их в волны, войдя в воду по грудь, затем вскарабкались сами. Рикард созвал своих людей. Они шли к нему по песку, усеянному изрубленными телами. Тяжелораненные пытались поползти к нему на четвереньках. Все, кто мог ходить, выстроились в ряды у подножия дюны, на которой стоял Рикард. За его спиной, невдалеке от берега, застыли три черных корабля, стараясь отойти на веслах.

Рикард одиноко сел на поросшей травой вершине дюны. Он склонил голову и закрыл лицо руками. Белый конь стоял рядом с ним, как каменное изваяние. Ниже молчаливо стояли его люди. Позади, на берегу, высокий человек с лицом, залитым кровью, лежал рядом с телом грифона, другие мертвые лежа смотрели в небо, где не было солнца.

Подул ветерок. Рикард поднял лицо, угрюмое, несмотря на молодость. Он подал сигнал своим капитанам, вскочил в седло и рысью поехал в обход дюн по направлению к городу, даже не взглянув, как черные корабли правят к берегу, чтобы взять на борт солдат, и как его армия, пополнив свои ряды, выступила вслед за ним. Когда над головой с воплем промчался грифон, он вытянул руку, с усмешкой глядя, как эта громадина старается сесть на его перчатку; хлопая крыльями и крича, словно кот.

— Ты — плохой грифон, — сказал он. — Ты — курица, иди домой нянчить своих цыплят!

Оскорбленный монстр взвыл и улетел на восток, к городу. Позади армия принца, извиваясь, преодолевала холмы, не оставляя за собой следов. За ней лежал незапятнанный и гладкий, как шелк, коричневый песок. Черные корабли поставили паруса и вышли в море. На носу первого стоял высокий человек в сером с угрюмым лицом.

Выбрав более короткую дорогу, Рикард проехал недалеко от избушки с четырьмя ногами. Стоящая в дверях ведьма окликнула его. Он подъехал и, остановив коня у ворот маленького дворика, взглянул на молодую ведьму. Она была красивой и загорелой до черноты, ее черные волосы трепал ветер с моря. Она смотрела на него, сидящего на белом коне в белых доспехах.

— Принц, — сказала она, — тебе придется сражаться слишком часто.

Он засмеялся.

— А что же мне делать — позволить моему брату осадить город?

— Да. Позволь ему. Ведь город взять невозможно.

— Я знаю. Но король, мой отец, выслал его, он не должен даже ступать на наш берег. А я — солдат моего отца и сражаюсь по его приказу.

Ведьма посмотрела на море и снова перевела взгляд на юношу. Ее смуглое лицо заострилось, нос и подбородок вытянулись, как у старухи, глаза вспыхнули.

— Служи — и будут служить тебе, — проговорила она, — правь — и тобой будут править. Выбор твоего брата — не служить и не править... Слышишь, принц, будь осторожен.

Ее лицо потеплело и снова стало красивым.

— В это утро море приносит дары, дует ветер, трескается хрусталь. Будь осторожен.

Он серьезно поклонился в благодарность, повернул коня и уехал, белый, как чайка над дюнами.

Ведьма вернулась в избушку и оглядела единственную комнату, проверяя, все ли на месте: летучие мыши, лук, котлы, ковры, метла,

жабыи камни, хрустальные шары (треснувшие), на трубе — тонкий серп молодого месяца, книги, домашний дух... Она посмотрела еще раз, потом выбежала за дверь и позвала:

— Дикки!

Холодный ветер с запада пригибал к земле жесткую траву.

— Дикки!.. Кис-кис-кис!

Ветер сорвал слова с ее губ, разорвал в клочки и развеял.

Она щелкнула пальцами. Из дверей с жужжанием показалась метла, двигаясь горизонтально в двух футах от земли, а избушка тряслась и подскакивала от возбуждения.

— Закройся, — прикрикнула ведьма, и дверь послушно захлопнулась. Поднявшись на метле, ведьма заскользила вдоль берега на юг, время от времени крича: — Дикки!.. Сюда, кис-кис-кис!

Молодой принц вернулся к своим людям, спешился и пошел с ними. Когда они вышли на перевал и увидели город на равнине внизу, он почувствовал, что кто-то дернул его за плащ.

— Принц...

Маленький мальчик, еще пухленький и круглощекий, стоял с испуганным видом, подняв обшарпанный, изъеденный песком ларец. Рядом с ним, широко улыбаясь, сидела черная кошка.

— Это принесло море... для принца этой страны... Пожалуйста, возьмите!

— Что там?

— Темнота, сэр.

Принц взял ларец и после недолгого колебания чуть-чуть приоткрыл его.

— Он выкрашен изнутри черным, — сказал он с напряженной улыбкой.

— Нет, принц, правда — нет. Откройте пошире!

Принц осторожно поднял крышку на дюйм или два, вглядываясь внутрь. Он резко закрыл ее в тот миг, когда заговорил мальчик.

— Не позволяйте ветру выдуть ее оттуда, принц!

— Я отдам это королю.

— Но это для вас, сэр.

— Все дары моря принадлежат королю. Но спасибо тебе, мальчик.

Они взглянули друг на друга, пухленький малыш и суровый красивый юноша, затем Рикард повернулся и пошел дальше, а Дикки побрел вниз с холма, молчаливый и недовольный. Он слышал издали, с юга, голос матери и пытался ответить, но ветер уносил его крик от моря, а домашний дух исчез.

Бронзовые ворота города открылись при приближении отряда. Сторожевые псы лаяли, стражи стояли навтыжку, горожане кланялись, когда Рикард на своем коне галопом проскакал по мраморным

улицам к дворцу. Входя, он поднял взгляд на огромные бронзовые часы на колокольне, самой высокой из девяти башен дворца. Неподвижные стрелки показывали десять минут десятого.

В тронном зале его ждал отец — свирепый седовласый мужчина в железной короне, сжимающий руками головы железных химер, образующих подлокотники трона. Рикард опустился на колени, склонил голову и, ни разу не подняв взгляда, доложил об успехе похода.

— Высланный и большая часть его людей были убиты; остальные бежали на своих кораблях.

В ответ, как скрип железной двери на заржавевших петлях, раздался голос:

— Хорошо сделано, принц.

— Я принес вам дар моря, Повелитель.

По-прежнему склоняя голову, Рикард поднял деревянный ларец.

Низкое рычание вырвалось из горла одной из резных химер.

— Это мой. — Старый король произнес это так резко, что Рикард на секунду поднял взгляд и увидел оскаленные зубы химер и сверкающие глаз короля.

— Поэтому я и принес его вам, Повелитель.

— Он мой — я сам отдал его морю! А море выплюнуло мой дар обратно.

Последовало долгое молчание, потом король заговорил более мягко.

— Что ж, возьми его, принц. Море не хочет брать его, я — тоже. Он в твоих руках. Храни его — закрытым. Держи его закрытым, принц!

Рикард, стоя на коленях, поклонился еще ниже в знак благодарности и согласия, затем поднялся и отступил через длинный зал, не поднимая глаз. Когда он вышел в сверкающую приемную, его окружили офицеры и дворяне, собираясь, как обычно, расспросить о битве, посмеяться, выпить и поболтать. Он прошел среди них без слова и взгляда и один направился в свои покои, осторожно неся ларец обеими руками.

Стены его сияющей комнаты, где не было ни окон, ни тени, украшали золотые узоры, инкрустированные топазами, опалами, хрусталем, но еще ярче было неподвижное пламя свечей в золотых подсвечниках. Он поставил ларец на стеклянный столик, сбросил плащ и перевязь с мечом и со вздохом сел. Из его спальни выскочил грифон, царапая когтями по мозаичному полу, и уткнулся огромной головой в его колени, предвкушая, что хозяин почешет его гриву из перьев. Еще по комнате шныряла лоснящаяся черная кошка, но Рикард не обратил на нее внимания. Дворец был полон животных —

кошек, гончих псов, обезьян, белок, молодых крылатых коней, белых мышей, тигров. У каждой дамы был свой единорог, у каждого придворного — дюжина любимцев. У принца был всего один — грифон, который всегда бросался за него в бой, его единственный друг, не задающий вопросов. Он почесывал гриву грифона, часто опуская глаза и встречая обожающий взгляд его круглых золотых глаз, и то и дело поглядывал на ларец, стоящий на столике. Ключа, чтобы запереть его, не было.

Вдалеке мягко заиграла музыка, сотканная из непрерывно переплетающихся тонов, похожая на звук фонтана.

Он повернулся, чтобы посмотреть на часы с квадратным циферблатом из золота и синей эмали. Было десять минут десятого — время подняться, надеть перевязь с мечом, созвать своих людей и идти в бой. Высланный возвращался, полный решимости взять город и предъявить права на престол, свое наследие. Нужно снова отбросить в море его черные корабли. Братья должны сражаться, один из них должен умереть, город должен быть спасен. Рикард встал, и грифон сразу подпрыгнул и замахал хвостом, предвкушая битву.

— Правильно, пойдем! — сказал ему Рикард, но голос его был сух. Он поднял и пристегнул меч в украшенных жемчугом ножнах, и грифон взвыл от восторга и потерял ключом о его руку. Рикард не откликнулся. Он чувствовал усталость и печаль, ему чего-то хотелось — чего? Послушать прервавшуюся мелодию, хоть раз поговорить со своим братом, прежде чем драться... он не знал. Наследник и защитник, он должен выполнять приказ. Он надел на голову серебряный шлем и повернулся, чтобы взять плащ, брошенный на спинку стула. Обшитые жемчугом ножны, висящие на поясе, ударились обо что-то сзади. Он обернулся и увидел ларец, лежащий на полу, открытый. Пока он стоял, глядя на него тем же холодным, отрешенным взглядом, на полу вокруг ларца собралось черное облачко. Он нагнулся и поднял ларец, и темнота разлетелась под его руками.

Грифон заскулил, попятившись.

Рикард стоял в сверкающей комнате без тени, высокий, светловолосый, в белой одежде и серебряном шлеме, и, держа в руках открытый ларец, глядел, как от него медленно растекается густой мрак. Теперь ниже уровня его рук со всех сторон сгустился сумрак. Рикард не двигался. Потом медленно поднял ларец над головой и перевернул его.

Темнота текла по его лицу. Он огляделся — отдаленная музыка умолкла, и все замерло в полном молчании. Свечи горели, пятнышки света вспыхивали на золоте, на стены и потолок ложились фиолетовые отблески. Но по углам таился мрак, темнота залегла под каждым стулом, и, когда Рикард повернул голову, по стене метнулась его

ть. Потом он торопливо шагнул, выронив ларец, потому что заметил в черном углу красноватый блеск двух огромных глаз. Конечно, грифон. Он протянул руку и заговорил с ним. Грифон не шевельнулся, лишь издал странный металлический крик.

— Иди сюда! Ты испугался темноты? — сказал Рикард, и тут же страх охватил его самого. Он вытащил меч. Все было неподвижно. Он отступил на шаг к двери, и монстр прыгнул. Он увидел черные крылья, закрывшие потолок, стальной клюв; грифон обрушился на него всем телом, прежде чем он успел ударить. Он боролся, огромный клюв щелкал у его горла, когти рвали плечи и грудь, но он высвободил руку с мечом и нанес удар, отскочил и ударил снова. Второй удар наполовину рассек шею грифона. Он рухнул и корчился во мраке среди осколков стекла, потом затих.

Меч Рикарда со стуком упал на пол. Его руки стали липкими от собственной крови, и он почти ничего не видел — удары крыльев грифона задули или опрокинули все свечи, кроме одной. Он ощупью добрался до стула и сел. Через минуту, все еще задыхаясь, он склонил голову и закрыл лицо руками, как на вершине дюны после битвы.

Стояла мертвая тишина. Единственная свеча мигала в подсвечнике, слабо отражаясь в скоплениях топазов на дальней стене. Рикард поднял голову.

Грифон лежал неподвижно. Его кровь растеклась лужей, черной, как первая темнота из ларца. Его стальной клюв был приоткрыт, открытые глаза казались двумя красными камнями.

— Он мертв, — произнес мягкий голосок, и ведьмина кошка аккуратно прошла между осколков разбитого столика. — Раз и навсегда. Слушай, принц!

Кошка села, изящно обвив лапы хвостом. Рикард стоял неподвижно с ничего не выражающим лицом, пока его не заставил вздрогнуть тихий звон, прозвучавший где-то рядом. Затем в башне над головой раздался оглушительный удар колокола, отдавшийся в каменных плитах пола, в его ушах, в его крови. Часы били десять.

За дверью эхо дворцовых коридоров подхватило крики, стук, последние гулкие удары колокола, призывы, команды.

— Ты опоздаешь на битву, принц, — сказала кошка.

Среди крови и мрака Рикард наощупь нашел свой меч, сунул его в ножны, накинул плащ и пошел к двери.

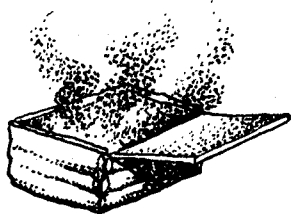
— Сегодня будет полдень, — сказала кошка, — и придут сумерки, и опустится ночь. И когда настанет закат, один из вас вернется в город — ты или твой брат. Но только один из вас, принц.

Рикард остановился.

— А светит ли снару́жи солнце?

— Да, теперь — светит.

— Что ж, тогда дело того стоит, — сказал юноша, открыл дверь и шагнул вперед, в суету и панику залитых солнцем залов, и у него за спиной легла его черная тень.

Джеймс Типтри - мл.

РАЙСКОЕ МОЛОКО

Она прижалась к нему упругой маленькой грудью. Разгоряченная, обнаженная, она лежала на нем, широко раскинув ноги и обволакивая все его тело. Он корчился под ее тяжестью, а потом отполз к выгребной яме, и его стошнило.

— Тимор! Тимор!

Это было не его имя.

— Прошу прощения. — Рвотные спазмы опять сотрясли его тело. — Я же говорил тебе, Сеул.

Она, искренне удивленная, сидела там, где он ее бросил.

— Ты не хочешь меня? Но все на этой стоянке...

— Прошу прощения. Я тебя предупреждал. — Он начал натягивать свою серую фуфайку с длинными рукавами. Ткань на локтях была собрана буфами. — В этом нет ничего хорошего. И никогда не будет.

— Но ты же человек, Тимор. Как и я. Неужели ты не рад, что тебя спасли?

— Человек. — Он сплюнул. — Ни о чем другом ты и думать не можешь.

Она тяжело дышала. Он натягивал длинное серое трико, заложенное в складки на коленях и щиколотках.

— Что они с тобой сделали, Тимор? — Она сидела, раскачиваясь из стороны в сторону. — Как они любили тебя, если ты после этого ничего не можешь? — причитала она.

— Их надо видеть, Сеул, — упрямо произнес он, поправляя свои лацканы сизо-серого цвета.

— Они так вот и выглядели? Все серые и блестящие? Именно поэтому ты так одеваешься?

Он повернулся к ней, коренастый парень во всем сером, на застывшем лице горящие глаза.

— Я ношу все это, чтобы спрятать свое толстокожее человеческое тело, — заметил он, — чтобы меня не тошнило. По сравнению с ними я был — Кротт. Да и ты тоже.

— О-о-о...

Его лицо смягчилось.

— Если бы ты их только видела, Сеул. Высокие, словно столбы дыма. И они все время развлекаются, как — ты не можешь себе представить. Мы не... — Он замолчал, теребя свои серые перчатки, согнулся. — Они лучше всех детей человеческих вместе взятых, — с горечью сказал он.

Она ощупала себя, сузила глаза.

— Но они же мертвые, Тимор! Мертвые! Ты сам мне говорил.

Он замер, отвернувшись от нее, держа в руке серую тапку.

— Как они могут быть лучше людей? — настаивала она. — Все знают, что есть только люди и Кротты. Я вовсе не думаю, что этот твой Кротти — рай, я считаю...

Он рванул ручку замка с секретом.

— Тимор, подожди, Тимор!

Ее крик, а она выкрикивала чуждое ему имя, несясь вслед за ним по ярко освещенным коридорам. Его ноги слепо несли его по сухой жесткой поверхности. Он старался дышать ровно, держа руку на замке — это помогало ему выбраться наружу.

Замедлив шаг, он обнаружил, что находится в одном из помещений стоянки, стоянки, которая по-прежнему была чужой для него, но все они походили на госпиталь, на морг. Пустые саркофаги.

Пожилая женщина — Кротт — проехала мимо, глупо улыбаясь. За ней тянулся след красной перхоти, при виде которого в его желудке снова что-то шевельнулось. Местные Кротты приравнивались к слабоумным людям и принадлежали к высшей ступени развития. Карикатуры. Нелюди. Зачем вообще было пускать их на стоянки?

Гудок предупредил его о том, что впереди завод, и он изменил направление. Прошел мимо табло «Только для людей». За ним была

комната для игр. Он обнаружил, что комната пуста, хотя она и была напичкана всякими грубыми аттракционами и механическими глотками, изрыгавшими то, что хозяева Галактики называли музыкой. Они так ревниво относились к своему уродству! Он миновал бар, где можно было купить Ю-4, брезгливо поморщился и вдруг услышал плеск воды.

Этот звук привлек его внимание. В раю тоже была вода... такая вода... Он вошел в бассейн.

Из воды торчали две темноволосых головы.

— Привет, новенький!

Он взглянул на мокрые, оливкового цвета мальчишеские тела.

— Он флоу. Иди к нам, новенький!

С минуту он медлил, этот новичок в сером. Потом, словно вспомнив что-то, разделся, обнажив свое ненавистное сухое розовое тело.

— Эй, да он действительно флоу.

Вода была чистая, и, хотя наводила на мысли о пороке, ему стало лучше.

— Оттава, — назвался один из юношей.

— Халл. — Они были близнецами.

— Тимор, — соврал он, переворачиваясь и омываясь в воде. Он хотел... хотел...

Он чувствовал, как в пузырящейся воде его касались оливковые руки.

— Приятно?

— В воде, — невпопад ответил он. Они засмеялись.

— Ты готов? Пошли.

Он вспыхнул. Он видел, что над ним смеются, но тем не менее последовал за ними.

В бильярдной было сумрачно и влажно. Почти приятно. Но их плоть стала горячей и скользкой, и он уже не мог делать то, что они от него хотели.

— Он никудышный флоу, — сказал один из них, тот, которого звали Оттава.

— Вы не... — Но они уже были заняты друг другом. Оставшись неудовлетворенным, чувствуя боль и отвращение, он закончил: — ...Люди! Поганые безмозглые люди! Да вы не представляете себе, что такое флоу!

Они уставились на него, слишком удивленные, чтобы злиться.

— А ты откуда? — спросил его Оттава.

Отвечать было бесполезно, да и, наверное, не следовало.

— Из рая, — устало произнес он, натягивая серый костюм.

Они переглянулись.

— Такой планеты нет.

— Есть, — возразил он. — Была.

И вышел. Придал лицу спокойное выражение, выпрямил корот-

кое древо позвоночника. И когда только он очутится в космосе, и ему разрешат просто выполнять свою работу? Безумное, безмерное пространство, легкомысленные звезды. Трижды обвейте его и закройте глаза в спасительном ужасе, ибо он вскормлен и вспоен нектаром...

Кто-то, подошедший сзади, положил руку ему на плечо.

— Стало быть, ты принадлежишь к молодому поколению Кротов.

Привычное бешенство развернуло его. Сжав кулаки, он поднял глаза.

И очутился в мире грез. Он стоял, разинув рот от удивления, не сразу поняв, что худое темнокожее лицо, нависшее над его собственным, было лицом человека. Человек был ненамного старше его. Но прозрачный, словно облако, изящный, как привидение, так похожий на...

— Я Сантьяго. Есть работа. Следуй за мной, Кротти.

По старой привычке он стиснул кулаки, губы сами собой произнесли:

— Мое имя — Тимор.

Чернявого слегка передернуло, последовал новый удар по плечу. И презрительная божественная усмешка.

— Дружок, — произнес черный бархатный голос, — Тимор — это сын покойного великого Скаута Тимора. Мой отец передает тебе привет. Не хочешь ли полететь со мной на корабле, который я получил? Еще вчера нужно было вылететь в сектор Д, а у нас не укомплектован экипаж. Ты ведь знаешь, как обращаться с кораблем?

Сантьяго. А его отец, должно быть, тот жирный коричневый начальник стоянки, который его вчера приветствовал. Как мог такой родитель...

Но вслух он произнес:

— Быть юнгой — мое любимое занятие.

Сантьяго согласно кивнул и пошел, не оборачиваясь и не проверяя, идет ли Тимор следом.

Корабли этой модели были Тимору знакомы. Молча он проверил режимы работы внешних систем, заученно, как попугай, повторил действия контрольных автоматов, не осмеливаясь поднять глаза на длинную фигуру за пультом управления.

Когда они были готовы к пересечению первого меридиана, Сантьяго повернулся к нему:

— Все еще чудишь?

Тимор поднял взгляд от темных экранов.

— Сеул кое-что рассказала мне. Наверное, мне не следовало бы этого говорить, но ведь это очевидно, что ни один Кротт не сможет подняться до уровня человека.

— ...

— Мой отец. Он долго меня уговаривал. Сын его любимого старо-

го друга Тимора спасен от иноземцев. Наши отцы долго летали вместе — тебе все расскажут, когда ты вернешься. Отец думает, что ты новое воплощение Скаута Тимора. Знаешь, он просил, чтобы ты прилетел.

— Конечно, — выдавил из себя Тимор.

Глаза, полускрытые капюшоном, внимательно смотрели на него.

— И правильно делал. Ты несколько странно обращаешься с приборами.

— Что ты имеешь в виду?

— Да, я думал, что они полностью тебя переделают. Сколько тебе было лет, когда тебя нашли?

— Десять, — ответил Тимор с отсутствующим видом. — Какая тебе разница?

— Не придуривайся. Человек, выходя в космос, должен знать, кто рядом с ним. Провести десять лет с этими... что ж, я промолчу. Но если это были не Кротты, то кто же? Мы знаем только Кроттов.

Тимор вздохнул. Если бы только он мог добиться, чтобы его поняли без слов. Нет, он слишком устал, чтобы вновь пускаться в объяснения.

— Это были не Кротты, — сказал он маячившему перед ним дымчатому лицу. — По сравнению с ними... — Он отвернулся.

— Ты не хочешь говорить?

— Нет.

— Очень плохо, — легко произнес Сантьяго. — Мы могли бы найти применение этой суперрасе.

Молча они ввели основные параметры курса и дополнительные данные для контроля. Потом Сантьяго протянул руку к морозильной камере.

— Теперь можно расслабиться и перекусить, следующее прохождение через меридиан будет только через час. Тогда можно будет и вздремнуть.

С непривычной старомодной последовательностью он разложил еду.

Тимор почувствовал, что очень голоден. И откуда-то изнутри поднялось чувство еще более глубокого голода. Было приятно перекусить с другим человеком, бок о бок в глубоком космосе. До сих пор он всегда был только лишь учеником, действиями которого управляли. А сейчас...

Он не дал волю чувствам, изобразив равнодушие.

— Хочешь Ю-4?

— Нет.

— Тогда попробуй вот это. Лучшее, что есть на стоянке, я сделал эту штуку популярной. Ты, должно быть, мало отдыхал с тех пор, как вернулся из психиатрической клиники.

Это было верно. Тимор взял протянутый флакон.

— А где это, сектор Д?

— В направлении Денеба. Шесть переходов через меридиан. Они открывают три новые системы, а мы стараемся обеспечить их всех питанием.

Они немного поговорили о стоянке, о таинственной замкнутой жизни на Трэйнсурдл. Неожиданно для самого себя Тимор почувствовал, что отношения между ними стали куда менее натянутыми.

— Музыка?

Сантьяго заметил его смягчившийся взгляд.

— Она тебя раздражает? У твоих чужеземцев музыка была лучше, да?

Тимор кивнул.

— А у них были города?

— О да.

— Настоящие города? Такие, как Маскалон?

— Намного красивее. И совсем другие. Там было много музыки, — с горечью сказал Тимор.

Темное лицо внимательно смотрело на него.

— А где они сейчас?

— В раю. — Тимор устало покачал головой. — Я хочу сказать, та планета называлась Рай. Но они все мертвые. Корабли, которые меня нашли, принесли болезнь.

— Плохо.

Последовала пауза. Потом Сантьяго осторожно спросил:

— Есть целый ряд планет, именуемых чьим-либо раем. Может быть, тебе известны координаты той планеты?

В мозгу Тимора прозвучал сигнал тревоги.

— Нет!

— Но ведь тебе наверняка говорили!

— Нет, нет! Я забыл. Они никогда...

— Может быть, мы могли бы помочь тебе вспомнить? — улыбнулся Сантьяго.

— Нет!

Он с усилием поднялся с того места, где сидел. Ощувив странную неловкость в движениях, он одновременно заметил, что кабина была очень маленькой, окутанной необычным сиянием.

— Ты говоришь, они живут в городах. Расскажи мне о них.

Он хотел сказать, что пришло время перехода через меридиан и что пора прекратить разговор. Но вместо этого начал рассказывать этому темному призраку о городах. О городах своего потерянного мира. Рая...

— Тусклый рубиновый свет. И музыка, самая разная музыка, и грязь...

— Грязь?

Его сердце колотилось, как безумное. Он молча смотрел на ангелоподобного призрака.

— О, следи за трэком, — сурово произнес Ангел.

И вдруг Тимор все понял.

— Ты накачал меня наркотиками!

Длинные губы Сантьяго замерцали.

— Люди. Ты говоришь, они были красивы?

— Красивее всех детей человеческих, — беспомощно произнес Тимор.

В нем проносились картины другого мира.

— Они флоу?

— Да, — голова Тимора безвольно упала. — Более, чем любой из людей. Больше, чем ты. — Они любили меня, — простонал он, протягивая руки к привидению. — Ты немного похож на них. Почему...

Сантьяго, похоже, был чем-то занят у пульта.

— Я попробую? — Белые зубы сияли.

— Нет, — ответил Тимор. Неожиданно он совершенно охладел к нему. — Ты всего лишь человек. Только ты не розовый и высокий. Но ты всего-навсего человек. А для них люди — Кротты.

— Люди — Кротты? — Голубовато-черное, обтянутое лицо, несущее смерть, склонилось над ним. — Ты пытаешься это доказать, новичок. Значит, твои чужеземцы лучше людей? От простых людей тебя тошнит? Это делает тебя чем-то совершенно особенным. И как удобно, они все мертвы, и их никто никогда не видел. А знаешь что, Тимор, сын Кротта Тимора, я думаю, ты лжешь. Ты ведь знаешь, где эта планета.

— Нет!

— Где она?

Тимор услышал свой пронзительный крик, увидел, как маска из черного дерева покрылась трещинами и исказилась.

— Ладно, не капризничай. Я перехватил достаточное количество твоих мыслей, чтобы определить тот сектор, в котором они тебя выловили. Это наверняка недалеко. Ты говоришь, естественная почва была тусклая и красная, верно? Компьютер определит ее. Здесь не может быть очень много карликовых звезд класса М.

Он отвернулся. Тимор пытался броситься к нему и удержать, но его слабые от наркотиков руки лишь бессильно шарили по переборке.

— Я не лгу, не лгу...

Компьютер монотонно гудел.

— ...класс М Бета-звезды... вторые по яркости в созвездии... сектор Два Ноль Точка Дельта-распад один четыре повтор один четыре.

— Да, — произнес Сантьяго. — Четырнадцать — это слишком много.

Он хмуро взглянул на притихшего Тимора.

— Ты должен что-нибудь знать. Какой-нибудь критерий. Я хочу найти этот рай.

— Они все мертвы, — прошептал Тимор.

— Может быть, — ответил Сантьяго. — А может быть, и нет. Может быть, ты лжешь. Может быть, ты лжешь, а может быть, и нет. В любом случае я хочу ее увидеть. Если там есть города, то там должно быть то, что может нам пригодиться. Или же я отправлю тебя туда навсегда. Почему ты считаешь, что находишься под действием наркотиков? Кто-то что-то скрывает, и это что-то я собираюсь выяснить.

— Но ты не сможешь ее найти. Я не позволю тебе нанести им вред! — Тимор слышал свой срывающийся голос. Он словно боролся с чем-то нереальным. Огни кабины отражались в фиолетовом блеске лица Сантьяго. На этом лице качались отражения черных звезд с золотыми ободками. Лицо мечтателя.

— Я не причиню им зла, — голос снова стал бархатным. — Почему я должен их обидеть? Я просто хочу их увидеть. Увидеть их города. Мы могли бы полюбоваться ими вместе. Ты мог бы мне их показать.

Грезы принимали более конкретные очертания, он наклонился ближе к Тимору. Тепло. Таяние.

— Ты мог бы их мне показать. Ты хочешь вернуться обратно в рай?

Глаза Тимора покрылись пеленой.

— Может быть, кто-нибудь из них еще жив. Может быть, мы могли бы их спасти.

Что-то шевельнулось в глубине его души. Потекли обжигающие ручейки.

— Сантьяго...

Теперь он держался за свое богатство обеими руками, едва сдерживая возбуждение. Если бы здесь было не так сухо и светло...

Огни потускнели, свечение стало голубоватым.

— Да, — отозвался Сантьяго, заблестела темная плоть.

— Я бы хотел этой красоты. Ты, наверное, очень одинок.

Губы Тимора шевелились беззвучно.

— Расскажи мне, расскажи, как это все происходило... свет.

...Нет, нет, нет, нет...

Во рту у него горело, даже в легких все пересохло. Словно издали доносилось бессвязное бормотание водера, потом оно стихло.

Его глаза были прикрыты панцирными веками.

— Нет, нет, — проквашал он, его лицо застыло.

— Соси, идиот.

Жидкость хлынула в рот. Он жадно сосал, сосредоточившись на сизом теле.

— Хватит. Все будет прекрасно, как только мы доберемся до рая.

— Нет! — Тимор резко выпрямился, пытаясь уцепиться за длинную уходящую фигуру. И тут он вспомнил и наркотик, и Сантьяго.

Его надули.

Этого никогда, никогда не должно случиться.

А Сантьяго улыбался ему.

— О да, маленький Тимор, неважно как твое имя. Ты выложил все. Те сумеречные периоды. Это была двойная планета, ты об этом не знал? Система темных тел. И это скопление, которое ты назвал Раем. Все это есть в компьютере.

— Вы нашли ее? Нашли планету Рай?

— Нам осталось пересечь один меридиан.

Он почувствовал, как внутри у него что-то лопнуло, взлетели прохладные фонтаны рассеивающегося света, и это было невыносимо. Сантьяго обманул его и нашел Рай. В это невозможно было поверить.

Он медленно откинулся назад, сделал еще глоток и мечтательно посмотрел на Сантьяго. Его уверенность росла. Они будут гулять по улицам Рая. И этот гордый человек все увидит сам. Засветилось сигнальное устройство. Глаза Сантьяго округлились.

— Вспомни предыдущий сигнал. Но все-таки не может быть, чтобы они засекли, что мы сошли с курса. Как бы там ни было, я не собираюсь поворачивать назад.

— Сантьяго, — улыбнулся Тимор, — я не говорил этого еще ни одному человеку...

Но черные звезды не приблизились.

— Может быть. Интересно. Ты много чего наговорил. Но если твой Рай окажется миром Кроттов... — Ноздри Сантьяго раздулись. — Привнести что-либо из мира Кроттов в человеческий...

— Ты увидишь. Ты сам увидишь!

Приборы указывали на приближение меридиана, и вдруг в голове у Тимора прояснилось.

— Но они же мертвы! — воскликнул он. — Я не хочу этого видеть. Не надо туда лететь!

Сантьяго не обращал на него внимания, продолжая следовать намеченным курсом. Тимор вскочил, схватил его за руки, но резкий удар бросил его на место.

— Что тебя так беспокоит? Почему ты уверен, что они все мертвы?

Тимор открыл рот и снова закрыл его. Почему он так уверен? Казалось, его мозг освобождается от панциря. Кто сказал ему об этом? Он был еще совсем маленьким. А может быть, все это ошибка?

— При каком условии они примут нас дружески? — Взгляд Сантьяго не отрывался от приборов.

— Дружески? — Тимор сам испугался вспыхнувшей в нем радости, неудержимой и опасной. Живые. Возможно ли это? — Ах, да.

— Может быть, после той болезни они не захотят иметь с нами дела? — настаивал Сантьяго. Он приступил к контрольной проверке.

— Подожди, я только удостоверюсь, функционирует ли наш АМ-БАКС.

Тимор почти не слушал его, он двигался, как зомби на строевой подготовке. Наконец Сантьяго затолкал его под душ.

— Помойся. Вдруг ты встретишься с друзьями.

Ему казалось, что он летит со скоростью, не меньшей, чем скорость корабля, подхватываемый волнами то радости, то страха. Тимор сосредоточился на том, как они с Сантьяго вступают в пустые города. Нет музыки, только остроконечные шпили, да... и его несчастный любовник увидит все, что осталось от того мира.

Они тормозили. С одного борта светилась зловещая звезда, исчезла и вновь появилась.

— Вон та, третья.

Они почувствовали действие гравитации. Тимор заметил большое скопление звёзд на экране.

— Это Рай.

Они совершали посадку на планету Рай.

— А где же города?

— Под облаками.

— Здесь девять десятых всей поверхности занимает океан. Я не вижу ни дорог, ни полей.

— Верно. Они им не нужны. Открытые пространства предназначены — были предназначены — для занятий спортом или для танцев на воде.

— Вон там просвет. Спускаемся к морю.

После включения тормозной системы загудело сигнальное устройство. Сантьяго заткнул его. Они попали в сплошное облачное месиво, которое постепенно рассеялось. Потом, притянутые нитями гравитации, они совершили посадку в мире, наполненном тусклым рубиновым светом.

Перед ними расстилалась гладкая молочно-белая поверхность — море. Плоский берег, кое-где покрытый низкими зарослями папоротника. И длинная стена с бойницами. Стена потрясла Тимора. Этого не могло быть, но это было.

Сантьяго нахмурился, недовольный таким началом.

— Что это они выдумали? Это что, средство от заразы?

Тимор почти не слушал его.

Запоры люка поворачивались, и это вращение словно ввинчивало его в прекрасное, тускло-гранатовое свечение атмосферы планеты.

— Вот здесь ты не соврал, новичок.

Люк открылся, и они вступили в рай. Живительная влага хлынула в легкие Тимора.

— Ну и духота. Ты уверен, что здесь можно дышать?

- Пойдем. В город.
- А где же твои шпили?

Тихое мелкое море мягко плескало в берег. Тимор терпеливо потянул Сантьяго за руку, почувствовал, как тот споткнулся.

- Пойдем.
- Где же город?

— Идем. — При тусклом свете они продрались сквозь заросли фруктовых деревьев. Море, глубиной едва по щиколотку, плескалось у них за спиной.

- И это называется городом?

Тимор смотрел на приземистые стены с бойницами, освещенные лишь сумерками. Они показались ему ниже, чем были когда-то. Но ведь и он был ребенком.

- Его покинули, и он превратился в прах.
- А это что за пакость?

Серые отвратительные существа появились из-за стен и приближались к ним.

— Это... это, должно быть, слуги, — ответил Тимор. — Рабочие. Видимо, они не умерли.

- Они что, помогают этим Кроттам быть похожими на людей?
- Нет-нет.

- А это? Ведь это ничто иное, как грязные хибары.

— Нет, — упрямо повторил Тимор. Он двинулся вперед, таща своего друга за собой. — Смотри, они разрушились от времени.

- За семь-то лет?

В ушах Тимора зазвучала негромкая музыка. Трое существ приблизились к ним ближе остальных. Они были такого же сизо-серого цвета, как и одежда Тимора. Только на локтях и коленях кожа была не шелковистая, а огрубевшая. Они раздвинули ноги. Между ними, под отвисшими животами болтались гигантские гениталии, оставлявшие в мягкой почве тройные борозды. У третьего посреди туловища проходил ряд огромных сосков. Их черно-голубые овальные лица издавали мягкие протяжные звуки.

Он встретился взглядом с их покрытыми золотистой коростой, печальными, как у жаб, глазами. Все вокруг дрогнуло, стало прозрачным. Музыка...

Внезапно на него обрушились жуткие, негармоничные крики. Тимор завертелся. Иноземец рядом с ним смеялся, обнажив зловещие хищные зубы.

— Что же, Кротти, мой приятель! Итак, это Рай! — вопил Сантьяго. — Это даже не Кротти. Это еще более низшие существа! Поговори со своими дружками, Кротт, — выдохнул он, — ответь им!

Но Тимор не понимал его. Что-то ускользало от него, что-то очень важное. Что-то уходило из его сознания, и это почти растворилось, погубило его.

— Совершенно необходимо, чтобы этого ребенка привели в норму, — произнес он незнакомым голосом. — Это сын Скаута Тимора.

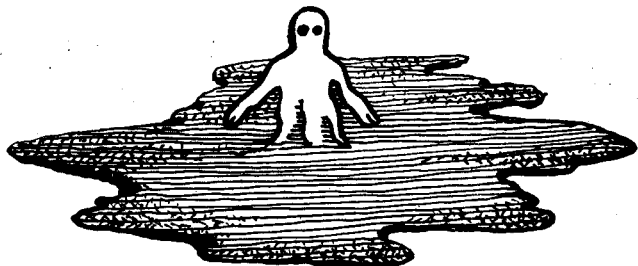
Но эти слова ничего не означали для него. Так как раньше он слышал свое имя лишь в музыке. Свое настоящее имя, имя его детства, имя, принадлежащее тем мягким серым рукам и телам в том, первом его мире. Телам, которые научили его любить, все время в грязи, в нежной прохладной грязи.

Существо рядом с ним издало душераздирающие вопли.

— Ты хотел прекрасного! — и это были последние человеческие слова Тимора.

И вот они уже барахтались в приятной грязи, рядом с ним извивались и терзали его серые тела. Потом он понял, что это уже не возня, а любовь, и такой она была всегда.

А голоса вокруг него становились все громче, находящееся под ним существо было все в грязи. Оно то ли уже умерло, то ли ползло умирать в белесо-серое море. Звучала музыка.

Артур Кларк

ВОССОЕДИНЕНИЕ

Не надо бояться, Люди Земли. Мы пришли к вам с миром — а почему бы и нет? Ведь мы — ваши двоюродные братья и уже бывали здесь!

Когда мы с вами через несколько часов познакомимся, вы нас сразу же узнаете. К Солнечной Системе мы приближаемся почти так же быстро, как радиогамма. Перед нами уже сияет ваше солнце, которое десять миллионов лет назад было солнцем для наших предков. Но вы, к сожалению, не помните своей истории, как мы помним свою.

На Земле еще царствовали гигантские рептилии, когда мы ее колонизировали. При нашем появлении они погибли; мы не могли их спасти. Ваш мир тогда был тропической планетой, мы знали, что ее можно превратить в прекрасный дом для нашего народа, но ошиблись. Мы, рожденные космосом, очень мало знали о климате, о генетике, об эволюции...

В те давние времена зим не было, и миллионы летних лет колония процветала. Мы почти изолировались, но контактов с родной цивилизацией не прерывали, хотя путь от звезды до звезды длился долгие

годы. Новости из Галактики доставлялись звездолетами; они прилетали три-четыре раза в столетие.

Но вот два миллиона лет назад на Земле начали происходить изменения. Сначала это был тропический рай, потом стала падать температура, с полюсов начали наползать льды. Новый климат для колонистов стал сущим наказанием. Но, как мы поняли только сейчас, это было естественным завершением чересчур затянувшегося лета. Те, кто на протяжении многих поколений считали Землю своим родным домом, решили, что на них обрушилась неизвестная болезнь, которая не убивает, не наносит физического ущерба, а только уродует.

Кое-кто обладал иммунитетом, поэтому изменения не коснулись их самих и их детей, и колония за какие-то несколько тысяч лет разделилась на две самостоятельные группы, относящиеся друг к другу подозрительно и настороженно.

В результате такого деления родились зависть, недовольство и, в конечном счете, конфликт. Колония распалась.

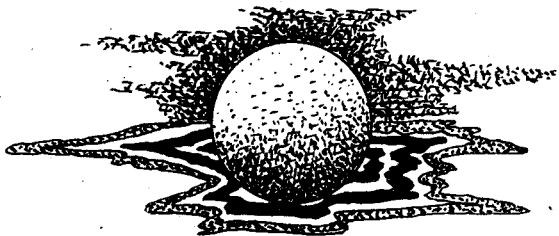
А между тем, климат все ухудшался. Кто смог, покинул Землю, а оставшиеся впали в варварство.

Мы, конечно, могли бы сохранить контакты с вами, но во Вселенной, насчитывающей сто тысяч миллионов звезд, это было очень сложно. О том, что кое-кто из вас выжил, мы узнали несколько лет назад, когда поймали ваши первые радиопередачи, а изучив ваши простенькие языки, убедились, что вы в конце концов выбрались из дикости. Мы рады вас приветствовать — наши некогда утраченные родственники — и готовы вам помочь.

Мы многому научились за время нашей разлуки, поэтому, если вы пожелаете вернуть вечное лето, царившее на Земле до ледникового периода, мы легко сделаем это. Но, в первую очередь, рады сообщить вам, что обладаем простым и безвредным средством от генетического уродства, доставившего неприятности многим колонистам.

Возможно, вы пошли по этому пути сами, а если нет — мы знаем, чем вас порадовать.

Люди Земли! Присоединяйтесь к Галактическому Обществу без стыда и смущения! А если кто-то из вас до сих пор белый — мы его моментально излечим!

Дж. Л. Хенсли

...И НЕ СОВСЕМ ЛЮДИ

Конечно, они победили. У них был всего один корабль против всей планеты, но они победили.

Правители будут довольны. Еще одна свободная планета для колонизации — и несколько образцов для исследований. Несколько землян, которые как-то ухитрились выжить во время атаки.

В корабельной рубке, у светящегося и пощелкивающего корабельного пульта беседовали двое арктурианцев.

— Скажите, доктор, как самочувствие землян? — холодно спросил старший.

Он аккуратно расправил свои шикарные пурпурные брюки, педантично выравнивая и без того ровные складки.

— Сидят по клеткам и таращатся на каждого входящего, кэп. Отказываются от пищи. Они почти не разговаривают и очень мало двигаются. У всех неприятный, какой-то застывший взгляд, словно они в шоке. Мне кажется, что всех их нам живыми не довести.

— Слабаки! Все лабораторные показатели — хуже некуда. Наши парни совсем другие, хоть внешне они на нас и похожи. Нет, наша раса безусловно сильнее.

Он задумчиво побарабанил пальцами по столу.

— Ну ладно. Все равно мы не можем позволить им сдохнуть. Если понадобится, организуем принудительное кормление. Нашим ученым нужны подопытные образцы; нам еще повезло, что эти сумели пережить атаку. Разрази меня гром, если я понимаю, как им это удалось.

— Однако никто из них не облучен, и ожогов тоже незаметно, — сказал доктор. — И все-таки они слабы и заторможены.

— Пусть будут какими угодно, только бы довести их живыми.

Доктор как-то странно посмотрел на капитана, потом помолчал немного и нерешительно поинтересовался:

— Скажите, а вы в последнее время не видели никаких необычных снов?

— Снов? — недоуменно спросил капитан. — Сны запрещены Правилами. Они расслабляют.

— Но другие, сэр... Некоторые из нашего экипажа жалуются...

— Жалуются! Жалобы запрещены Правилами. Вы это знаете, доктор. Почему сразу мне не доложили?

— Но это же такая мелочь, сэр. Мне кажется, это случай для психолога. Несколько человек обращались ко мне с жалобами на ночные кошмары. — Доктор покачал головой. — Я думаю, что это обычный страх пространства. Большинство из них первый раз в космосе.

— Подготовьте список и представьте мне, — сурово сказал капитан. — Подобных типов следует исключать как можно раньше.

— Слушаюсь, сэр, — ответил доктор и собрался уходить.

— Минуточку, — задержал его капитан. — А они не говорили вам, что именно им снится?

— Кровь, сэр. — Доктор встряхнул головой, словно сам отгонял кошмар, и стиснул свои стерильно чистые руки. — Черепа, кости и жуткие старухи, пляшущие вокруг костров. А еще им снится, что они окружены призраками, которые пытаются поймать их.

— Вздор.

— Разумеется, сэр.

Доктор спускался вниз по ярко освещенному коридору и разглядывал членов экипажа, похожих на великолепно отлаженные машины. Каждый из них был превосходным работником и в точности походил на всех остальных: лица и тела, словно сошедшие с конвейера, сияющие белозубые улыбки, и даже сапоги одинаково сверкающие, как черные зеркала. Юные, цветущие лица, совсем не похожие на эти скелеты в трюме.

Первый охранник вскинул руку в вежливом приветствии.

— Да, сэр?

— Проверка пленников!

Дверь словно нехотя открылась, и доктор шагнул через порог.

— Сэр! — Настойчивый голос заставил его обернуться.

— Да? — Он уже вспомнил, что этот охранник один из тех, что приходили к нему с жалобами.

— Простите, сэр, вы не могли бы попросить сменить меня? Я болен. Мне совсем плохо после этих кошмаров.

Доктор равнодушно глянул в испуганные блестящие глаза. «Лучше этого не начинать», — подумал он.

— Исполняйте свой долг. Я не могу освободить вас с вахты. Вы же знаете Правила.

— Но, сэр!

— Придете ко мне на прием, когда сдадите пост. Там мы и побеседуем.

Доктор еще раз посмотрел на парня. Может, и вправду что-то серьезное? Да нет. Самый стандартный случай, отмахнулся он. И окончательно успокоился, увидев, как парень провожает его стандартным салютом.

— Слушаюсь, сэр.

Первая камера, вторая... пятнадцатая, и везде одно и то же. Отрешенные лица и пристально следящие за ним мертвые глаза. Глаза поднявшихся из гроба мертвецов. Двадцать две камеры, в каждой по двое. Женщины отдельно, как и положено. Всего сорок четыре пленника. Значит, сейчас за ним следят восемьдесят восемь глаз. Он вздрогнул.

«Сколько это будет в процентах? — неожиданно подумал он. — Сорок четыре уцелевших из двух миллиардов?»

Он просмотрел журнал охранников.

«Человек из камеры 14. Имя — Александр Грин. Чертил мелом на столе странные знаки. Мел отобрали. Не сопротивлялся».

«Женщина из камеры 3. Разговаривала сама с собой. По приказу начальника ее успокоила соседка по камере. Имена: Элизабет Гот, Мег Ньюкомб».

В трюме пленников царил полутьма и тишина. Свет казался каким-то сумеречным, и слышался только ритмичный рокот двигателей да цоканье сапог стражников, когда они подходили к доктору и протягивали журналы.

Начальник стражи безмолвно шел за ним и, проводив доктора до двери, выслушал приказ:

— Принудительное кормление. Можете добавить витамины. Сделайте всем успокаивающее. — Доктор выдержал паузу, холодно глядя на начальника, потом добавил: — Охранник восьмой секции небрежно отдал салют. Отметьте это в рапорте.

— Слушаюсь, сэр.

— Что еще, командир?

Старший немного помялся и сказал:

— Охранники нервничают, сэр.

— А пленники? — ехидно спросил доктор.

— Но они ведут себя так странно, сэр, — взволнованно продолжал старший.

— Они еще не прошли адаптацию к условиям полета.

— Но они отказываются от пищи.

— Я повторяю, так как вы, старший надзиратель, похоже, меня не поняли. Они еще не приспособились к условиям полета, — доктор нарочно произнес каждое слово отдельно, словно говоря с недоумком.

Начальник стражи щелкнул сапогами, и доктор быстро отошел от камер. На пленников он больше не оглядывался. Идентификатор быстро проверил его и открыл двери трюма. Он быстро вышел и, даже не заметив охранника, который, кажется, ждал его возвращения, прошел в свой кабинет при маленьком, но хорошо оборудованном госпитале. Там он совершенно обессиленный рухнул за стол.

Из коридора донесся звук бегущих шагов. Затем что-то тяжело ударилось о его дверь, чуть не сорвав ее с петель. Доктор поспешил сам распахнуть ее, не дожидаясь нового удара.

За ней стоял заболевший охранник, качаясь, словно пьяный.

— Отойдите-ка, доктор. Вон я вижу их прямо у стены. Вон там, видите? — прохрипел парень. — Это они до меня добираются. А я им не дам.

Доктор успел заметить, как охранник выхватил пистолет.

— погоди, идиот проклятый!

Человек лежал на полу, все еще упирая пистолет в ту бесформенную обуглившуюся массу, что минуту назад была его телом. Голова уцелела, и теперь открытые неподвижные глаза бессмысленно уставились на россыпи звезд за иллюминатором.

Зрелище было отвратительное, но для доктора вполне привычное. Слишком много повидал он убитых из своих и чужих, чтоб придавать значение еще одной смерти. Гораздо больше его заботило, что скажут по этому поводу Правители.

Он вызвал дневальных и машинально наблюдал за ними, пока они приводили в порядок его кабинет. Надо было заполнить по форме все бумаги и придумать, как доложить об этом капитану. Но, занимаясь всей этой рутинной, он неотступно думал об одном: как эта история скажется на нем? Правители потребуют объяснений. Они могут решить, что это его вина. На секунду его охватила паника, но тело продолжало совершать привычные движения и лицо оставалось бесстрастным. Твердым шагом подошел он к каюте капитана.

— Ну почему он это сделал? — Капитан, казалось, был, скорее, расстроен, чем разгневан этим происшествием.

— Мы в космосе, капитан, — жестко ответил доктор.

— Но в космосе сейчас не одна сотня тысяч наших людей! — воскликнул капитан.

— И бывает, что кое-кто из них совершает самоубийство, — не-преклонно добавил доктор.

— Ну, это какие-то выродки! Такого не должно быть! — Он резко махнул рукой, но, опомнившись, на стол ее опустил почти беззвучно, и от этого жест получился почти комичным.

— Это против Правил, — продолжал он уже спокойнее. — И я просто обязан знать, почему он это сделал.

Доктор снова принялся объяснять.

— Это был его первый полет. Первый раз он оторвался от дома, понимаете? Разве это воин? Нет! Крестьянский мальчик, переодетый в мундир.

Сейчас доктор был так зол на этого дурака, что, кажется, сам бы с удовольствием убил его. «А может, он это нарочно, чтоб доставить мне неприятности?» — мелькнуло у него в голове.

Капитан пристально посмотрел на него.

— Но почти все наши люди — это бывшие крестьянские мальчи-ки. Я и сам когда-то пришел в армию прямо с фермы. — Лицо капита-на явно отражало сомнение. С минуту они помолчали, и каюту заполнил незаметный раньше рокот двигателей.

— У вас, доктор, тоже усталый вид, — сказал наконец капи-тан. — Вам нужно отдохнуть.

Но доктор постарался не услышать этого замечания.

— А может, это какое-то влияние пленников? — задумчиво ска-зал он. — Все, кто приходили ко мне с жалобами, близко общаются с пленными.

— Но я тоже общался с пленными, — презрительно сказал капи-тан.

«Это ты-то общался? Разок взглянул — и все! А видел ты, как они сидят неподвижно и смотрят сквозь тебя?» — зло подумал доктор. Но вслух сказал, стиснув зубы:

— Конечно, сэр.

— В общем, вы должны обнаружить, что там у него было не в порядке.

— Слушаюсь, сэр. Я постараюсь. — Вежливая улыбка и готов-ность дальше нести службу. Все по Правилам.

— И обо всем докладывать мне.

— Конечно, капитан.

— Сделайте вскрытие. Обязательно посмотрите его мозг.

— Я сделаю это, сэр, — он очень старался говорить спокойно. — Мы сохраним его голову. Так положено по Правилам.

— Просмотрите все еще разок, — сказал капитан, пристально глядя на него. — Найдите, что было не в порядке у него в голове, чтоб

можно было заранее предусматривать подобные случаи. Я уверен, что у него было что-то не так с головой. Найдите это!

— Слушаюсь, сэр. — Ноги вместе, четкий салют, разворот, спину держать прямо. Он же солдат, космонавт, арктурианец, победитель.

Доктор вернулся в свой кабинет и без сил привалился к столу. Прошло минут пять, прежде чем он смог заставить себя подняться и подойти к зеркалу. Вроде ничего не изменилось. Обычное мое лицо — только такое усталое... С чего это я так устал?

Он осторожно погладил лицо. Все нормально. Только морщины расплзлись и стали глубже. Потрогал волосы. Такие же. Только откуда эта седина? Глаза. Да нет, они все нормально видят. Только почему они видят то, чего не может быть? И тут рухнула та стена, за которой он прятался всю жизнь, и он припомнил, *какие* сны ему снились и как долго уже он не позволял себе спать. Он понял все. И больше уже не мог дурачить себя.

Там, в этих снах, на него ползли насекомые; огромные крысы с собачьими зубами добивались до его горла; белые красноглазые мыши усаживались у его изголовья и не сводили с него жадных голодных глаз. Отвратительные старухи водили хороводы вокруг костров, и, слыша их пронзительные крики, он сжимался от ужаса. И еще призраки, окружающие его, загнанного и беззащитного, призраки постоянно меняющие форму, тающие и растворяющиеся, едва он успевал заметить их.

И тут один из его ночных кошмаров явился наяву. Он подошел к нему, присел за его стол, и доктор почему-то уже совсем его не боялся. Сейчас они вместе придумывали всякие дьявольские шутки и вместе смеялись над ними.

Все так же улыбаясь, он с профессиональной точностью отыскал артерии у себя на запястьях и в паху, и продолжал смеяться; когда кровь хлынула на полированную поверхность стола...

— Прощайте, доктор, — произнес чей-то голос.

— Прощай, призрак, — сказал доктор. И еще не успели замолкнуть эти слова, как призрак растаял. Мертвое тело вытянулось, ботинки соскользнули с коченеющих ног, и белое бескровное лицо уставилось в потолок — удивленное и все еще улыбающееся.

А скоро за ним последовали и другие — много других.

После трех периодов сна корабль выглядел как после бойни. Капитан отдал приказ отобрать личное оружие, но это не помогло. Они изобретали все новые и новые способы. Члены экипажа разбивали себе головы о стальные переборки, выбрасывались в люки или прыгали в атомный конвертор.

Всего три периода сна...

Теперь капитан уже чуть не рычал, когда слышал за дверями каюты топот сапог дежурного. Он хорошо представлял себе встречу с

Арктурианскими Правителями. Они обвиняюще тыкали в него пальцами и отправляли в камеру смертников.

«Это был твой корабль», — говорили они.

— Мой корабль, — соглашался он.

«Доктор и половина твоей команды мертвы. Как и почему они умерли?»

— Самоубийство, — отвечал он, и даже в каюте, под теплым одеялом, его начинала бить дрожь.

«Но это же запрещено Правилами, капитан», — говорил спокойный осуждающий голос.

— Я объяснял им это.

«Но ты же капитан. В рейсе капитан отвечает за все. Так говорят Правила».

— Доктор считал, что так сказывается какое-то влияние пленников.

Правители рассмеялись. «Уж эта-то раса не доставит нам больше хлопот».

Капитан с головой укрылся одеялом и затих. Он изо всех сил старался вообразить, как эти осуждающие голоса тонут в тут же придуманном им море, и улыбался, наблюдая, как они растворяются в штормовых волнах.

И пока он так лежал, погрузившись в мечты, странные зловещие тени скользили по комнате, жались к стенам, парили под потолком. Привычный ритм работы двигателей внезапно изменился, и это тут же заставило его очнуться. Он сел на кровати.

В мягком кресле за его рабочим столом сидел старик. Это был один из подопытных землян, занесенный в списки под именем Адама Манинга.

— Привет! — сказал он.

— Эй, стража! — взревел капитан. Но ему никто не ответил. Только машины заработали так же ритмично, как и раньше.

— Они не слышат тебя, — сказал старик.

И капитан без тени сомнения поверил ему.

— Значит, это ваши проделки! — завопил он и приготовился прыгнуть на старика. И тут же понял, что его тело не подчиняется ему. Он даже не мог сжать кулаки. Он попробовал закричать. Но тут же в душе зазвучал голос Правителей: «Крики запрещены Правилами».

Старик в кресле сочувственно улыбнулся. Что-то тихонько забормотали призраки, великое множество которых темными пятнами выделялось на фоне стерильных переборок. Они все ближе и ближе подбирались к капитану, а он мог только рычать сквозь зубы.

— Кто вы такие? — наконец выдавил он из себя.

— Некто, с кем вам еще не приходилось сталкиваться. Вряд ли вы поймете, даже если я вам все расскажу. Вы просто не поверите, что

могут существовать такие, как мы. — Старик снова улыбнулся. — Впрочем, можно сказать, что сейчас мы — ваши Правители.

Призраки осклабились, показывая длинные острые собачьи зубы.

— Ваш удар был очень хорош, капитан, — тихо продолжал старик. Призраки клубились вокруг, то растворяясь, то появляясь вновь. — Ни один человек не мог выжить в ходе вашей атаки — люди и не выжили. А мы в это время были давно погребены глубоко под землей с осиновыми кольями, вбитыми в сердце. Люди неплохо нас знали и умели с нами бороться. Но ваш огонь сжег эти колья и освободил нас!

Шелушащейся, худой, как у скелета, рукой он махнул призракам. И они начали неумолимо приближаться к капитану. Он не выдержал и закричал в полный голос.

Но и этот крик скоро смолк. Остался только ровный рокот работающих машин. Корабль шел к Арктуру.

Чарльз Дж. Финни

ЧЕРНЫЙ РЕТРИВЕР

Похоже, я первым в нашем поселке узнал о существовании этой твари. Это произошло майским воскресным утром, и я тогда брился в ванной. Вбежала моя дочка и, по обыкновению, захлебываясь и задыхаясь, сообщила, что у нас во дворе большая черная собака.

Я сказал:

— Не выдумывай.

Я знал, что ворота дворика закрыты, я их сам недавно запираю. Так я объяснил дочери, не прекращая своего занятия.

— А этой собаке не нужны ворота, — крикнула дочка. — Она прыгает прямо через стену.

— Глупости, — повторил я. — Стена — пять футов высотой, и мне как-то не приходилось слышать, чтоб собаки так прыгали.

— Ну, а она взяла и прыгнула, — твердо сказала малышка. И побежала смотреть, что будет дальше. И тут же донесся ее пронзи-

тельный вопль: — Вон она сидит на стене! Она схватила птицу! Ну посмотри же!

Я выключил электробритву, произнес пару слов, отнюдь не предназначенных для детских ушей, и вышел посмотреть.

Я увидел — по крайней мере, мне так показалось, потому что обычно я ношу очки и без них вижу все довольно расплывчато, — на стене нашего двора двигалось большое черное пятно. Оно прошло вдоль стены и исчезло.

— Ну, видел? — спросила дочка. — Она прыгнула на ту сторону и ушла. Смотри, а птицу она бросила.

— Ладно, — сказал я, — мы с этим потом разберемся. А сейчас пора собираться в церковь.

Наконец все было готово, и мы залезли в наш старый драндулет и отправились. Я и думать забыл об этом черном пятне, или черной собаке, как уверяла меня дочка.

Днем мы с женой решили отдохнуть во дворе, пока дочка смотрела телевизор. Обе наши маленькие собачки с радостью присоединились к нам. Чарн сразу забрался под кресло и уснул. Такса принялась рыться возле граната. Мы с женой болтали о самых тривиальных вещах: о телевизионных передачах, о том, что надо будет покупать в следующем месяце, о том, когда чинить наш драндулет.

Таксе надоело копать, и она начала носиться по дворику, обнюхивая траву и кусты. Она на какое-то время пропала из виду, а потом появилась снова, таща что-то в пасти. Свою находку она поднесла к креслу и бросила. Это была мертвая птица.

— Ах! — воскликнула жена. — Что ты натворила?!

— Это не она, — вступился я. — Она только нашла. А убила другая собака. Мне Роберта утром показывала.

— Что еще за собака? — удивилась жена. — Ведь не эта же лентяйка? — И она легонько ткнула ногой спящую.

— Нет, — сказал я. — Это чужая собака. Большая, черная. Она прыгнула во дворик через забор и убила птицу. А потом уселась наверху забора и важно оглядывалась вокруг.

— В жизни про такое не слыхивала, — недоверчиво сказала жена. — И ты сам все это видел?

— Я был без очков, — честно признался я, — и потому видел только большое черное пятно на стене. Но Роберта все видела точно. Она видела, как собака убила птицу. Я, признаюсь, сначала не очень поверил, но вот птица перед нами. Значит, все правда.

Я отобрал у таксы маленький трупик и закопал в аллее, даже завалил камнями для большей надежности.

Несколько дней спустя у меня состоялся еще один разговор в патио, на сей раз с моим приятелем мистером Джорджем, который жил

в соседнем доме. Он был очень зол. Перед ним лежал изодранный труп его любимой сиамской кошки.

— Это сотворила огромная черная псина, — сказал он. — Перепрыгнула через стену, поймала кошку и убила ее. Потом запрыгнула на стену, прошла кругом, спрыгнула на другую сторону и исчезла. И все так быстро, что я и крикнуть не успел.

— Понятно, — сказал я. — У нас тоже в воскресенье случилось нечто похожее. Эта тварь забралась в сад и убила птицу. Вам не показалось, что она выглядит как-то странно?

— Нет, ничего особенного. Просто огромная черная охотничья собака. Они обычно довольно смиренны. Только не эта. Настоящая зверюга. Я решил разложить на стене отравленное мясо. Раз этому псу так понравилось разгуливать по забору, он вполне может вернуться и наткнуться на приманку. На этом, я думаю, все и кончится.

Дальше события развивались совсем странно. Стоило мне только увидаться со своими жившими по соседству знакомыми, как разговор тут же заходил об этом черном ретривере. Судя по рассказам соседей, черный зверь уже побывал почти во всех дворах и везде он убивал. На его счету уже был кролик, кошка, щенок, птица и даже один барсук. Соседи ниже по улице держали ручного барсука. Черная тварь перепрыгнула стену, нашла его спящим у входа в нору и тут же загрызла.

И что бы ни говорил мой сосед Джордж, я скоро выяснил, что никто не мог разглядеть собаку достаточно отчетливо. Большинство считало, что это черный ретривер, но один утверждал, что это черный пудель, а еще один говорил, что это черный эрдель. Но все соглашались, что оно черное и что оно не позволяет как следует разглядеть себя. Но как бы это ни называть, мертвые зверьки доказывали, что какой-то зверь повадился в наши дворики.

Мы жили в благоустроенном пригороде. Все дома похожи один на другой, так же как и их обитатели. Самая серединка среднего класса, со средней работой и средними доходами. Наши дети ходили во вполне среднюю окружную школу. Мы все были примерно равны, и это делало соседство вполне терпимым и даже порой приятным. Все мы здесь были вполне стандартны, из тех, что называют посредственностями, но и это имело свои преимущества. Короче, мы жили так, как, наверное, мечталось любой семье хомо сапиенс, с тех пор как они появились на земле. Нет затопляющих улицы больших городов толп, нет ни бродяг, ни банд, ни нищих. Если человеку нужна вода, он открывает

кран. Если хочется горячего — наливает из термоса. Если нужен свет — нажимает кнопку. Если нужно куда-то в другое место, он садится в машину и едет со скоростью 25 или 85 миль в час. И даже слуги ему не нужны — электричество работает на него, как самый усердный слуга.

И вдруг такая странная, неправдоподобно страшная история — какая-то черная собака, чужой черный ретривер забирается в их дворы и убивает их любимых зверушек.

Сначала некоторые предприняли на свой страх и риск несколько попыток избавиться от собаки или изловить ее и отправить куда-нибудь, где она не могла бы вредить.

Мой ближайший сосед мистер Джордж рассказал мне свой план с отравленным мясом. Я тогда возразил ему, что на такую приманку могут наткнуться и невинные животные, и даже дети. Тогда он, как человек с техническими наклонностями, соорудил нечто вроде капкана и приладил на стене двора. Так он собирался изловить собаку.

Другой, столь же изобретательный сосед, построил большую собачью конуру с самозакрывающейся дверцей. В качестве приманки разложил там разные собачьи лакомства. Он надеялся, что собака сама заберется в ловушку.

Третий, заядлый лучник, приобрел огромный лук и все свободное время тренировался с ним в аллее. Он думал подстрелить собаку.

И ничего из этого не вышло.

Черный зверь побывал на стене двора, где был установлен капкан, съел приманку и благополучно удрал. Навестил он и конуру, тоже съел приманку и так же спокойно ушел. Энтузиасту-лучнику он довольно долго позировал прямо на стене его двора, но ни одна стрела его не задела.

А его разбойничьи набеги все продолжались. Стоило кому-нибудь высадить редкие или особенно нежные растения, как через пару дней вся посадка оказывалась изрыта и обезображена. И никто не сомневался, что это проделки черной собаки.

Порой несколько дней проходили спокойно, но рано или поздно кто-то замечал черную тень на стене своего двора и находил очередного зверька, убитого собакой.

Мы с соседом Джорджем решили собрать совет и пригласить на него самых уважаемых людей поселка и всех, кто уже успел пострадать от набегов собаки. Мы были уверены, что объединенными усилиями сможем выработать программу и избрать метод, который принесет гибель странной черной собаке. Не может быть, чтоб вполне культурные люди не смогли бы общими усилиями справиться с чем-

то непонятным, вторгшимся в нашу жизнь. Но, как выяснилось, мы с Джорджем несколько переоценили себя.

Встречу мы назначили в моем дворике, и народу пришло не меньше дюжины. Говорили все долго и запальчиво, порой выходя за рамки парламентаризма, но в конце концов пришли к единственному выводу: собаку необходимо пристрелить. В нашем районе стрельба из огнестрельного оружия была запрещена, но мы решили, что сможем убедить мэра или еще кого-нибудь из муниципалитета, что наш случай исключительный, и получить разрешение. В результате меня и Джорджа направили беседовать с мэром и полицейским, чтоб убедить их официально разрешить поохотиться на собаку в наших аллеях.

В таком разрешении нам категорически отказали. Для этого, заметил полицейский, существуют специальные организации, и подобные случаи входят в их прямые обязанности. Это Городской Приют Животных — официальное название живодерни. Почему мы сразу же туда не обратились? — недоуменно спрашивали нас. Если говорить честно, то мы просто-напросто забыли о такой возможности. Но теперь решили последовать благому совету.

Там нас вполне вежливо выслушали и сказали, что пришлют человека. Они еще хотели выяснить, в какие дни, в какие часы существует большая вероятность увидеть собаку. Мы объяснили, что у этого зверя нет постоянного расписания. Иногда он появляется утром, иногда поздно ночью, а иногда сразу после обеда, и это с равной вероятностью может быть и в четверг, и в воскресенье.

— Ну, с этим мы попробуем разобраться, — пообещал мастер с живодерни.

Ловец собак появился в решетчатом фургоне, облаченный в ковбойские сапоги и шляпу. Кроме того при нем было несколько арканов, высокие перчатки и пистолет.

Я в это время был на работе и обо всем происшествии знаю только по рассказам жены.

— Он оказался довольно молодым и с виду очень деловым человеком, — рассказывала она. — Сначала он просто побродил по аллеям, заглядывая во все углы. Все собаки в округе подняли жуткий лай, словно старались предупредить этого ретривера. Он уже устал и взмок, и тут миссис Бетти пригласила его зайти выпить баночку пива и передохнуть. Скоро она его выпроводила и решила позвонить по телефону. Но не успела набрать номер, как услышала выстрел и выскочила посмотреть, в чем дело. Оказалось, что он застрелил бедного пуделя миссис Стеллы. Миссис Стелла с криком выбежала на крыльцо. Ну да, я тоже выбежала, хоть и не кричала. Парень выглядел смущенным и растерянным. Он сказал, что понять не может, что произошло. Он готов поклясться, что стрелял в огромную черную

собаку. Но вот перед ним убитый пудель, совсем небольшой и серебристо-серый.

— Ну, может быть... — начал я, но она меня перебила.

— Это еще не все. Пока мы все толпились у Стеллы, черная собака — да, да, та самая — запрыгнула во дворик Вильгельмины, убила ее чи-хуа-хуа, прошлась по стене и исчезла. Вильгельмина заболела. Доктору пришлось давать ей успокаивающее. А ловец все это время был у Стеллы и ничего не видел.

После этого ничего не изменилось. По-прежнему по нашему мирному поселку бродила собака-убийца, а мы ничего не могли сделать.

А пару дней спустя эта тварь покусала и маленькую Маргариту, когда та играла в своем дворике. Укусы сами по себе были не страшные — так, пара царапин, — но никто не мог поручиться, что собака не бешеная. На сей раз никто, кроме Маргариты, собаки не видел. А она могла сказать только, что собака была большой и черной, и все решили, что это была та самая. Все согласились, что вполне возможно, эта собака бешеная, и есть лишь один способ все это прекратить.

Правда, можно было возразить, что от бешенства собаки погибают довольно быстро, а эта уже довольно долго нам надоедала, и ничего с ней не делалось. Но в конце концов все согласились, что заболеть она могла позже, и то, что она набросилась на ребенка, можно считать первым симптомом бешенства. Маргарите немедленно сделали прививки, и следующие несколько дней все было спокойно. Все были настороже, и многие не оставляли попыток самостоятельно изловить зверя.

Мы создали еще один совет и решили, что больше не будем обращаться ни в полицию, ни на живодерню. Мы все сделаем сами. Мистер Джеймс, который был в юности страстным охотником, предложил, как это сделать. Нужно устроить засаду вроде той, что устраивают при охоте на уток, дожждаться, когда ретривер появится, и застрелить его.

Удача засады, объяснил мистер Джеймс, во многом зависит от того, насколько хитро она устроена. Скажем, когда охотятся на уток, то делают шалаш из кустов и травы, то есть из того, что утки видят каждый день и не боятся. Но для этой собаки такое не подходит.

Скорее, подойдет автомобиль. Ретривер постоянно видит наши припаркованные на улице автомобили и, скорее всего, не обращает на них внимания. Нужно, чтоб люди сидели в автомобилях, в аллеях или там, где обычно их паркуют, и тогда кто-то обязательно увидит собаку и застрелит ее. И пусть потом полиция что хочет, то и говорит. Он тут же составил расписание дежурств. План выглядел несложным и вполне осуществимым.

Мое первое дежурство пришлось на 5.30 вечера. Я сменил соседа Джеймса, который сидел в машине с трех часов. Я поставил свою машину прямо рядом с ним.

Он обругал меня за опоздание, передал мне ружье — прекрасный маленький «реммингтон-22» с автоматической перезарядкой — и сказал, что не видел ничего, кроме дюжины коз и нескольких знакомых собак, а кроме того пронаблюдал, как миссис Бетти, та самая, что утощала пивом ловца собак, прогуливалась по веранде в шортах и бикини. После этого он заявил, что эти собачьи вахты — несусветная глупость, взял с меня клятву, что я не буду стрелять, пока не буду точно знать, во что я стреляю, объявил, что теперь он с удовольствием пойдет и выпьет, проклял черного ретривера и добавил, что с него одного раза вполне достаточно, и больше он не собирается терять на это время.

Я устроился поудобнее в своей машине, положил на колени «реммингтон» и принялся за сборник стихов Дилана Томаса. Был прекрасный вечер. Играли дети, пели птички и т.д. Стихи валлийского барда тоже пели, но сегодня они что-то плохо доходили до меня. Я отложил книгу и, думая, чем бы еще заняться, посмотрел в зеркальце заднего вида.

По какой-то странной случайности зеркальце показывало все как бы под увеличением. Все в нем виделось ярко и отчетливо, словно на экране кино. Самым интересным зрелищем оказалась миссис Бетти в шортах и бикини. Она развешивала белье, и, глядя на нее, я с сочувствием подумал о том, что ждало в ее доме бедного ловца собак вместе с банкой холодного пива. Она была жгучей брюнеткой. И тут же почему-то мне пришло в голову, что мы совершенно зря считаем черного ретривера кобелем, с таким же успехом он может оказаться и сукой. Никто не видел животное достаточно близко, чтобы утверждать с уверенностью. Вот забавно, подумал я, если бы оказалось, что это не настоящая собака, а наша миссис Бетти, которая в урочный час превращается в животное и вытворяет все эти штуки. Я снова посмотрел в зеркальце и заметил, как она поправляет свой купальник. И, как мне показалось, в ее движении определенно было что-то животное. «Ну и ну, — сказал я себе, — чего только не придет в голову!» И все же я не выпускал ее из поля зрения. Сейчас она была по ту сторону веревки и развешивала полотенца, так что я мог видеть только ее ноги. Так казалось, что на ней вообще ничего не надето. Потом она повесила простыню, и теперь из-под нее ноги были видны только ниже колен. Затем она шагнула в сторону, и я вообще потерял ее из виду.

Я покрутил зеркало, чтоб продолжить свои наблюдения, но тут в нем появилось черное пятно. Оно было довольно далеко, ниже по аллее, и оно двигалось. Я завертелся, стараясь удержать в поле зрения и пятно, и миссис Бетти, но в результате потерял все. Теперь я

видел в зеркало только собственную физиономию. И ее выражение мне совсем не понравилось.

Затем надо мной раздался странный скрежет, и я понял, что кто-то запрыгнул на крышу машины и скребет когтями, стараясь удержаться на ногах. Аллея была пуста. Миссис Бетти исчезла. Я был совсем один и сидел в машине с томиком стихов и автоматической винтовкой 22 калибра. И еще что-то копошащееся и скребущее на крыше.

На ветровое стекло упала капля слюны или пены. Похоже, эта тварь на крыше пускала слюны, и капли падали из ее пасти.

Потом что-то черное и тяжелое свалилось на капот машины и завожилось снова, скребя когтями. Наконец оно поднялось на ноги и уставилось на меня через ветровое стекло жуткими горящими желтыми глазами. Я не мог стрелять сквозь стекло. И я был слишком напуган, чтоб выйти из машины и стрелять в упор. И я понимал, что через секунду тварь обнаружит открытые окна и доберется до меня. Я знал, что совсем рядом, в соседних дворах сидят люди. И мне надо только придумать, как подать сигнал тревоги. Я нажал на клаксон, и раздался пронзительный резкий звук...

Я как будто очнулся. Не было никакого зверя на капоте, не было никакого темного пятна в аллее. И даже миссис Бетти, вышедшая поглядеть, что за шум, была уже не в бикини, а модном халате, и выглядела по обыкновению домашней и очень приличной.

Похоже, я просто задремал над стихами, и все остальное мне привиделось. Не зря говорят, что вредно спать на закате солнца — будут сниться кошмары.

Мы еще несколько дней продолжали наши дежурства. Никто ничего не видел. Все чувствовали себя довольно глупо. Случалось и еще кое-кому задремать на вахте, и я заметил, что они потом расспрашивали других, не снились ли им кошмары.

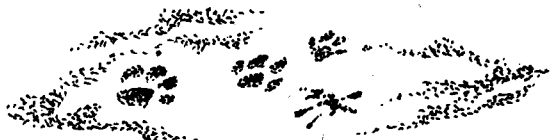
Большинство над этим посмеивалось, но чувствовалось, что смех какой-то ненатуральный, натянутый. Я даже позволил себе спросить одного из них, не снилась ли ему миссис Бетти. Он долго и странно смотрел на меня и наконец ответил отрицательно. И другой сновидец, которому я задал тот же вопрос, удостоил меня долгим внимательным взглядом.

А потом ретривер попался — по крайней мере, какой-то ретривер. Это оказалась крупная черная сука, ошенившаяся в дренажной канаве. Кто-то из соседских ребятишек видел, как она пробежала с голубем в пасти и нырнула в канаву. Они тут же рассказали взрослым, и мы позвонили на живодерню. На этот раз приехал другой ловец. И он без труда подстрелил бросившуюся на него суку и забрал выводок.

Мы дружно порешили, что собака забегала к нам за добы-

чей, чтобы кормить щенков, а убитых зверьков бросала, потому что мы ее спугивали. Что ж, такое объяснение удовлетворило почти всех.

Но то, что случилось потом, заставляет меня с гораздо меньшим доверием отнестись к такому простому объяснению. Я недавно взялся помыть машину и обнаружил на крыше царапины и следы. Это были отпечатки лап огромной СОБАКИ.

Уильям Эллиот

ВОЛКИ НЕ ПЛАЧУТ

В клетке возле решетки крепко спал голый человек. В клетке рядом сонный медведь потягивался и грустно поглядывал на только что взошедшее солнце.

В следующей клетке беспокойно метался шакал, будто пытался убежать от собственной тени.

Над большой костью, лежавшей около головы человека, начали собираться мухи. Оставшиеся на ней кусочки разлагающегося мяса привлекали все новых насекомых и наконец их настырное жужжание заставило человека пошевелиться. Привыкшие мгновенно пробуждаться глаза сверкнули, и одновременно взметнулась правая рука и прихлопнула особенно обнаглевших мух.

Мухи черным роем взлетели к потолку, но голый человек уже забыл про них. Он словно застыл на месте, недоуменно разглядывая свою ладонь.

Таким и увидел его подошедший служитель зоопарка. Служитель тащил в одной руке ведро с водой, а в другой еду.

— Ну, Лобо, пора подниматься и завтракать, — сказал он. — Скоро придут посетители.

И тут он заглянул внутрь клетки и тоже замер.

А голый человек по-прежнему сидел на полу и думал. Что такое случилось с его лапой? Где его роскошная серая шерсть? И черные, стальной крепости когти?

И что это за пять странных штуковин выросли из его лапы? Он попробовал подвигать ими. К его удивлению, они его слушались. Настоящими своими когтями он двигать не мог, а эти странные отростки почему-то послушно шевелились. Это поразило его даже больше, чем все остальные странности сегодняшнего более чем странного утра.

— Пьянчуга проклятый! — заорал служитель. — Мало мне неприятностей с посетителями, так еще ты на мою голову! Почему ты дрыхнешь в моей клетке? Где Лобо? Что ты с ним сделал?

Голое существо в клетке очень хотело бы, чтоб двуногий перестал орать. И без этого злобного захлебывающегося лая двуногого нелегко было разобраться в том, что случилось. Но двуногих собиралось у клетки все больше, и они подняли такой крик, что совсем сбили его с толку.

Он торопливо на четвереньках отбежал в глубь клетки, к своему логову.

— Не трогайте его! — сказал двуногий, оравший громче всех. — Пусть-ка он попробует сунуться в логово Лобо! Выскочит, как миленький.

Он шагал взад и вперед внутри закрытой конуры, так похожей на дом, где он жил до того, как его поймали, и при каждом шаге с неудовольствием отмечал, как неудобны его новые лапы. Теперь они не цеплялись за землю, как раньше, а скользили, и кроме того каждый камешек норовил уколоть нежные подушечки.

Двуногие были рассержены. Он прекрасно воспринимал их эмоции, но, удивительное дело, как он ни принимался, запахи он воспринимал как-то стерто, расплывчато, совсем не так остро, как раньше. Растерявшийся и напуганный, он задрал голову и завыл. Но и это не получилось. Не было красивого низкого звука, от которого не по себе всем его соседям. С ужасом он обнаружил, что теперь может только скулить, как слабый щенок.

Что с ним стряслось?

Острый камень рассек мягкую подушечку на лапе, и он машинально принялсялизывать кровь. И замер с почти остановившимся сердцем. У крови был другой вкус. Не волчий.

Потом в клетку ввалились двуногие, и началась свалка, которая раньше немало бы его развлекла. Но сейчас ему было не до того. Его переполнял страх, ужас, рожденный вкусом собственной крови. Такого страха он еще в жизни не испытал, даже когда угодил в ловушку, его посадили в какой-то ящик на колесах и куда-то повезли, и

езде ему забивал ноздри тяжелый отвратительный запах двуногих. Но сейчас было еще хуже.

А двуногие уже поняли, что он в логове один, и заорали еще громче. «Что ты сделал с Лобо?! — кричали они. — Где он? Ты его выпустил?» А он не мог понять, о чем это они, и только морщился от крика.

Солнце уже успело высоко вскарабкаться в летнем небе, когда его завязали в какую-то пахнущую грязью тряпку, погрузили на четырехколесную штуку и увезли от клетки.

Раньше ему и в голову не приходило, что сможет скучать по этому ненастоящему дому, который ему дали люди, но сейчас, когда повозка выехала на городскую улицу, его охватила такая тоска, что он чуть снова не завыл. Он вспомнил свою подругу в соседней клетке. Что она подумает, увидев, что он исчез? Ведь ей скоро щениться... Он знал, что многие самцы не беспокоятся о своем потомстве, но волки бывают разные. Бывает и так, что самка бросает выводок, а есть самцы, которые не прочь съесть собственных щенков. Да, волки бывают разные.

Сам он был другим, и сейчас тревога за самку и еще не родившихся щенков мучила его не меньше, чем то, что он был связан и его везли неизвестно куда. Потом в ноздри ударил самый отвратительный запах из всех, какие он когда-нибудь чуял, и повозка покатила по длинному белому коридору, пропитанному зловонием смерти.

Обычно он видел мир серым, черным и белым, а сейчас он даже назвать не мог то, что мельтешило перед ним, вызывая острую резь в глазах. У него не было слов для обозначения красного, зеленого, желтого, розового, оранжевого и всех других красок многоцветного мира, о которых он раньше и представления не имел. Он застонал. Запахи, боль, ужас быть связанным — все это было ничто по сравнению с непроходящей болью в глазах.

Лежа на плоской жесткой штуке, он быстро понял, что лучше всего смотреть прямо вверх. По крайней мере, ровное покрытие в десяти футах над ним было просто белым и не раздражало.

Около него негромко лаяли двуногие, но он почти не замечал этого. Какая-то девушка настойчиво повторяла:

— Кто ты? Ты меня понимаешь? Ты знаешь, где ты находишься? Какой сегодня день?

Потом лай прекратился, его развязали, а потом замотали снова в длинный влажный кусок ткани, так что он стал похож на кокон. И тут он почувствовал, что глаза у него закрываются. Для него всего этого оказалось слишком много. Он спал.

Следующее пробуждение было еще мучительнее, чем первое. Сначала ему бросились в глаза решетки, и он подумал, что он снова в зоопарке, в своей клетке. Вздохнув с огромным облегчением, он удивленно подумал, как это ему, взрослому волку, мог присниться

такой глупый сон. Он помнил, что когда-то еще щенком он видел иногда во сне какую-то другую, совсем не похожую на настоящую, жизнь. И сейчас, наблюдая порой, как взвизгивают во сне его дети, как дергаются у них лапы и настораживаются уши, он вспоминал свои детские сны. Знакомые решетки успокоили его — кошмар кончился. Только почему он лежит, так странно вытянувшись? Он завозился, пытаясь свернуться в клубок, и тут же почувствовал, что ему что-то мешает, а потом упал на пол. Да, несмотря на решетки, это была явно не его клетка.

Кошмар продолжался. Свалившись с койки, он поднялся на четвереньки и принялся вышагивать по узкой длинной камере, где он теперь обитал. Но тут же обнаружил, что его успели переодеть во что-то длинное с развевающимися полами, которые неудобно путались в ногах и волочились по полу.

Еще хуже стало, когда двуногие заметили, что он поднялся. Они тут же примчались в его камеру, буквально втиснули его в какую-то одежду, которая, как оковы, стянула его задние ноги, и заставили его сесть на кончик позвоночника, что причинило ему противную боль. Потом в его правую лапу вложили какую-то металлическую штуку, зажали ее новыми отростками и приказали черпать ей жидкость из круглой миски, поставленной перед ним на столе. Все это было достаточно неприятно, но когда эти помои влили ему в рот, стало еще хуже. Разве это еда? Где его обычные кости? Разве об это можно поточить клыки? Они что, хотят, чтоб он все зубы потерял?

Он давился и выплевывал эту болтушку. Но ему не позволили. Двуногие быстро подхватили миску и принялись насильно запихивать это ему в рот. В отчаянии он смирился и доел все сам.

Теперь они решили научить его ходить на задних лапах. Он частенько видел, как проделывал эту штуку сидевший в соседней клетке медведь. Большой, толстый и неуклюжий, он очень развлекал двуногих, пытаясь подражать их походке. Теперь ему пришлось на себе убедиться, что это не так легко, как кажется. Но в конце концов после того, как двуногие повозились с ним подольше, он убедился, что вполне может стоять прямо. Только нельзя сказать, чтоб это ему нравилось.

Теперь его нос оказался на таком расстоянии от земли, что он ничего не мог почуять. Он не учуял бы сейчас даже кролика. Даже если бы кролик пробежал совсем рядом, подумал он с неожиданной жалостью к самому себе, я бы просто не смог его почуять, а если бы даже и почуял, то не смог бы догнать. Теперь от меня запросто удерет даже самый жирный и неуклюжий кролик, ведь не может же волк бежать за ним на задних ногах?

Они проделывали с ним еще много разных штук в этом новом большом зоопарке. И скоро он убедился, что, как бы ни были ему противны эти штучки, лучше их выполнять, все равно у двуногих

есть масса методов, чтобы заставить его подчиняться. Правда, он так и не понял, зачем им нужно, чтоб он обтягивал ноги мешающей одеждой, или ходил на задних лапах, или проделывал другие глупости, которые они для него придумывали. Но раз они так хотят, что ж, он будет валять дурака. Со временем он даже научился немного лаять по-ихнему. Он мог пролаять: «Привет!», «Я голоден» и даже, после месяца стараний: «Почему я не могу вернуться в зоопарк?»

И получил обескураживающий ответ: «Потому что ты человек».

Да, во многом ему пришлось усомниться с того кошмарного утра, но в одном он не сомневался никогда — он был волком.

И некоторые люди тоже признавали это.

Он убедился в этом, когда в его камере появились посторонние. Он сидел тогда, преодолевая боль, на конце своего позвоночника, на том хлипком и неудобном сооружении, которое люди называли стулом. И тут его чуткий нос уловил сладкий запах духов, которым поливают себя человеческие самки. Но и через этот душный аромат пробивался настоящий запах, запах самки. Ноздри его дрогнули, он подбежал к дверям и с загоревшимися глазами принялся их разглядывать. Не так привлекательны, как его подруга, но хоть, по крайней мере, покрыты мехом, а не хрустящей белой штукой, как работавшие здесь женщины.

Одна из них захихикала и сказала:

— Погляди только на этого волка!

Значит, и сами двуногие понимали, что прав он, а не тот, кто держал его в этом странном зоопарке, он не человек, он — волк.

Набрав побольше воздуха, он запрокинул голову и завыл. Там, в лесу, услышав этот зов, все волчицы на милю кругом нервно вздрагивали и шурились, предвкушая наслаждение. Но вместо леденящего кровь, сжимающего желудок воя из горла у него вырвались какие-то короткие лающие звуки. Ему стало так стыдно, что в пору поджать хвост и заползти куда-нибудь подальше. Но теперь и хвоста у него не было.

Когда ему первый раз позволили посмотреть на себя в такую гладкую штукювину, которую они называют зеркало, он завизжал, как щенок. Куда девались его длинная морда, пышные бакенбарды, гладкий лоб, настороженные уши? Кто это уставился на него витаращенными глазами? Бледное лицо, почти безволосое, только черные ниточки бровей косыми линиями прочертили крутой высокий лоб, со слабыми челюстями, а уж зубы... У него сердце сжалось, когда он подумал, что с такими зубами его не побоится вызвать на поединок даже самый дряхлый волк. И не только вызовет, но и победит, потому что сможет ли он что-нибудь сделать с такими зубами и с такими хилыми, мягкими безволосыми лапами?

А еще его, как и любого волка, раздражало, что они без конца гоняли его с места на место. Едва он успел привыкнуть к своей новой

клетке и прозвать ее домом, как они перевели его в новую, на этот раз без решеток.

Если бы он мог прочитать медицинские карты, он бы узнал, что его считают близким к выздоровлению и признают почти «излечившимся».

Логово без решеток предназначалось для пациентов, пользующихся относительной свободой. Им уже разрешалось покидать больницу и погружаться в настоящую жизнь. Считалось, что так они лучше адаптируются к тому, чтобы в будущем жить самостоятельно. Он с нетерпением дожидался своего первого выхода, надеясь там, на воле, благополучно забыть все, чем ему забивали голову последние месяцы.

Но первый же день свободы почти разочаровал его, и он чуть ли не скучал по своему привычному логову. С нетерпением поглядывал он на медлительное солнце и не мог дождаться, когда же оно, наконец, сядет. Ему нужна была ночь!

Оставив за собой кишащие народом улицы, он вышел в предместье, взбудораженный теплым весенним воздухом и запахом оттаявшей земли. Он осторожно огляделся, опустил на четвереньки и побрел в бархатную темноту ночи. Но все эти месяцы хождения на задних ногах сделали его таким неуклюжим, что ему хотелось выть. Мешала одежда, мешали кожаные штуки на задних лапах, а снять их он не решался, потому что кожа на лапах была тонкой и нежной и он боялся пораниться.

Пришлось подняться на задние лапы, и он побрел вдоль неправдоподобно гладкой дороги.

Около него остановилась четырехколесная повозка, которая раньше так пугала его. Но сейчас даже его ослабевший нюх сквозь острый запах машины и сладкий аромат духов уловил настоящий запах — запах самки. И потому, когда она открыла дверцу и сказала «Садись, подвезу», — он не убежал, а присоединился к ней.

Сначала она пролаяла что-то приветливое, но потом, когда он начал делать с ней то, чего она хотела, чего требовал ее запах, лай превратился в визг. Конечно, это его не остановило, и он выполнил то, что всегда положено делать весной.

Она еще продолжала вопить, когда он вылез из машины и попытался бежать на задних ногах. Его покачивало, и скорость была немногим большей, чем у пешехода, но все-таки воздух приятно касался разгоряченного лица, легкие захлебывались, он действительно бежал.

Жаль, конечно, что он не сможет приносить ей пищу и быть с ней, когда придет время щениться, как положено нормальному волку. Но, по крайней мере, он твердо знал, что запах ее он запомнил навсегда, и, если им суждено когда-то еще встретиться, он ее узнает.

Но сейчас даже весенний бег не вызывал обычного восторга. Он

сам чувствовал, как недостает ему сейчас привычной гибкости и легкости, как часто он спотыкается и как тяжело дышит.

Кроме того, он чувствовал запахи множества двуногих, толпящихся вокруг него, и вонь, исходящую от них, не мог заглушить даже резкий запах их машин.

Он остановился, присел на корточки и в первый раз за все это время усомнился. По его безобразным, безволосым щекам стекала соленая влага, сочащаяся из уголков глаз.

Волки не плачут. Но если он не волк, то кто же он? Откуда же тогда все его воспоминания о прошлой нормальной жизни?

Ладно, слезы или не слезы, но он твердо знал, что он волк. И он хочет быть настоящим волком, избавиться наконец от этой тошнотворно гладкой безволосой шкуры, противной, даже если он касается ее такой же безволосой и мягкой лапой.

Это была его заветная мечта. Вернуться в единственно настоящую реальность, где он был волком, со своей волчьей жизнью и волчьей любовью.

Все это произошло в первый день и ночь его новой свободы. В следующий раз он был не так занят собой, внимательнее смотрел вокруг и вернулся в свое логово гораздо быстрее. Ничто в его волчьей жизни не подготовило его к тому, что увидел он на улицах большого города. Здесь он понял, что грубы и жестоки бывают не только самцы, от которых самки вынуждены охранять свое потомство. И никакое животное, хоть ему и приходилось порой слышать, как они стонут, не могло бы стонать и плакать так жалобно, как люди. «Не надо, прошу! Так больно!» И полупридушенный крик, и потом — растерзанные тела. Приходилось ему порой слышать и звуки хлыста. До сих пор ему и в голову не приходило, что люди могут использовать хлыст против себе подобных.

В свой третий выход он решил последовать за двуногими и попал в огромный зал, где по экрану скользили черные и белые тени, а свет придавал им некоторую реальность. На цветные фильмы он старался не попадать. А вот черно-белые оказались более чем подходящими для его волчьих глаз.

И случилось так, что во время одного из этих сеансов он понял, что не одинок. Потрясенно смотрел он, как мужчина на экране опустился на четвереньки, запрокинул голову, завыл и тут же превратился в волка.

Вервольф, так называли в фильме этого человека. И если это существо могло превращаться из человека в волка, думал он, замерев на стуле в толпе двуногих, значит, могло случиться и так, что волк превратился в человека. Правда, в человеческом языке и слова нет, чтоб назвать подобное существо.

На экране мелодрама шла к predetermined кровавому концу, и вервольф умирал, застреленный серебряной пулей... Он смотрел, как исчезает его мех и лапы превращаются в человеческие руки.

Он вышел из кинозала, и голова его кружилась от новых мыслей. Так вот что ему надо сделать: превратиться опять в волка и при этом не погибнуть. Тогда сбудутся все его мечты... И так он уже привык в каждый свой выход обязательно заходить в зоопарк. Служители привыкли к нему и уже приспособили его помогать, они не возражали, если он кидал своим щенкам лишний кусок мяса. Сначала его подруга рычала и скалилась, когда он подходил к клетке, но скоро и она смирилась и, хоть и настораживалась, но позволяла ему подходить к самой решетке.

Щенки уже подросли, стали почти взрослыми. Иногда ему было жаль, что они проводят юность за решеткой и никогда не узнают радости весеннего бега, но тут же ему думалось, что зато они всегда сыты, всегда в безопасности, и у них есть логово, которое они могут назвать своим.

Щенки подросли настолько, что готовы были начать самостоятельную жизнь, когда он нашел место, где двуногие собирали книги. Место это называлось «библиотека». Привела его сюда женщина, которая в больнице учила его и других больных говорить, читать и писать.

Он помнил фильм о вервольфе, и потому сначала заказал все, что там было о ликантропах. Как он понял, во все времена, во всех странах были двуногие, которые умели превращаться в четвероногих — в волков, в тигров, в пантер... Но ни разу ему не встретилось упоминаний о четвероногих, превращавшихся в двуногих.

Разбирая писания, он выделил главные приемы, посредством которых двуногие совершали превращения. Почти все они казались чересчур сложными и бессмысленными. Например, рекомендовалось использовать пояс из человеческой кожи, украшенный подвешенными к нему амулетами. Надо было перебирать их в определенной последовательности, произнося при этом нескладное и запутанное заклинание.

Одна из старинных книг предписывала двуногим, желающим превратиться в четвероногих, выйти в полнолуние на перекресток дорог, подпоясаться поясом из человеческой кожи, опорожнить мочевой пузырь и пропеть определенные заклинания.

И после этого, как говорила книга, должно произойти превращение.

Он дочитал последний том и почувствовал, как тяжело и гулко бухает сердце. Если двуногие могут превращаться в четвероногих, значит... После долгих тревожных раздумий он решил, что пояс из человеческой кожи в его случае вряд ли подходит. Ему пришлось долго объясняться со служащим мехового магазина, пока он получил наконец длинный и узкий кусок волчьего меха, достаточный, чтоб сделать из него пояс.

Наконец пояс был готов, пряжку, такую, как описано в книге, он

смог сделать сам. Ему везет, думал он, стоя в ночном пустынном зоопарке, что нужный перекресток оказался совсем рядом с его клеткой.

Встав точно на скрещении дорог, он разделся догола, застегнул на талии пояс, машинально поглаживая пальцами густой пушистый мех, и начал распевать заклинания. Он произносил бессмысленные слова, отмечая в то же время, что стоять голышом становится холодно, и не пора ли, как написано в той книге, опорожнить мочевого пузыря.

Вот все закончено. Он сделал все, что было в его силах.

Сначала ничего не произошло. Он стоял один под бледной луной, и в душе боролись злость и страх, что он попадется в таком виде на глаза кому-нибудь из двуногих и его опять отправят в тот странный зоопарк, который вовсе не был зоопарком, хоть там и были решетки на окнах.

Но тут у него сильно заболела спина, и он вынужден был опуститься на четвереньки. Боль нарастала, выворачивая суставы, растягивая мышцы, и длилась, длилась, длилась... Наконец он смог открыть глаза.

Однако и с закрытыми глазами он понял, что все случилось, как он хотел. Ночной ветерок доносил знакомые запахи, и он понял, что к нему вернулось его чутье. Поднявшись на четыре сильные крепкие лапы, он обошел сброшенную одежду, от которой тянуло сильною вонью двуногих, и пустился бежать. Отросшие когти неприятно скребли цемент, он свернул на газон и с радостью ощутил под ногами живую землю. Он запрокинул голову, и из самой глубины его существа вырвался гимн волчьему божеству — луне.

Животные в клетках, мимо которых он пробегал, почуяли его, забеспокоились, и это его радовало, словно новое доказательство его реальности. Бежать сквозь ночь, просто так, без всякой цели, бежать и чувствовать под лапами прохладу живой земли было так приятно...

Тут за всеми ночными звуками, за шумом, поднятым проснувшимися животными, он услышал голос своей подруги и тут же забыл и о новой свободе, и о ночном ветре, и о холодной белой луне и помчался к ней.

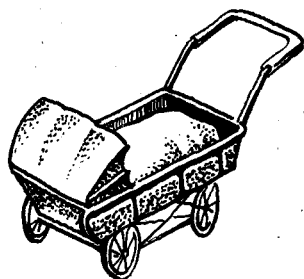
Утром служители зоопарка были немало удивлены, обнаружив около той клетки, где когда-то нашли голого человека, спящего волка. Служитель тут же узнал его и впустил в клетку. Такой радости, как сейчас, при встрече с подругой, он не испытывал никогда в жизни.

Очень скоро он снова стал нормальным волком и почти забыл о своей жизни без клетки. Только во сне порой возвращалась к нему память о двуногом существовании, и тогда он вздрагивал и тихонько скулил. Но подруга прижималась к нему покрепче, успокаивающе облизывала, и кошмары проходили.

И только один раз, когда он уже провел в клетке почти полгода, ему вспомнилось все. Это случилось, когда мимо его клетки прошла женщина, катя перед собой маленькую коляску.

Он узнал ее запах, как и лежащего в коляске маленького существа, хоть он его и не видел. Уткнувшись в решетку клетки, он глубоко и долго втягивал этот запах. И женщина, катившая коляску со своим неожиданным ребенком, пристально посмотрела на него, заглянула в глубину горящих желтых глаз и, похоже, поняла, кем он был.

И с ужасом он подумал, что этот несчастный ребенок, беспомощно спящий в коляске, однажды лунной ночью почувствует желание встать на четыре лапы, обрести пушистым мехом и красться сквозь тьму... И так никогда и не узнает, чего же он ищет и что толкает его на эти поиски.

Джоанна Ватцек

ДУЭЛЬ

Когда Джанин прекращала говорить, то порою, как сейчас, например, казалось, что вместе с речью у нее останавливается и дыхание и она всецело поглощена звуками. Проникающая сквозь толстые стены старого «Вирджиния-хаус» тишина накапливалась в здании и словно спрессовывалась.

— Дорогая, ты точно уверена, что здесь тебе не слишком одиноко? — в который раз спросил ее Лоренс.

— Нет-нет, со мной все в порядке, — поспешно заверила она, улыбаясь. — И прекрати, пожалуйста, волноваться. Все прекрасно. — И рассудительно добавила: — Мы ведь должны были сюда переехать. Другого места для нас просто-напросто не было, не правда ли? А теперь, когда все деньги потрачены на меня, и думать об этом не стоит. Ты согласен, милый?

— Верно, — согласился Лоренс после короткой паузы, — но я забыл, насколько это место безлюдно. Одно твое слово...

Вместо ответа Джанин отвернулась к окну, ее гибкие, изящные руки покоились на подоконнике. Окно было высокое и круглое и походило на иллюминатор. Через него открывался вид на простирающиеся до самого горизонта леса.

Прошла минута, и Джанин, весело поджав губки, вновь повернулась к мужу.

— Тебе здесь будет хорошо работать. А я, чтобы не спугнуть возникающие идеи, постараюсь не докучать. Обещаю.

Она грациозно подошла к кухонному столу, где он сидел, отдыхая, и пока супруг продолжал распаковывать вещи, приготовила ужин. Ужин состоял из консервов, но Джанин подала его на великолепном тончайшем фарфоре, а стол предварительно накрыла белоснежной из дамаскина скатертью. Фарфор она распаковала прежде всего, в то время как Лоренс доставал постельное белье и одеяла, заправлял кровать и приводил кухню в рабочее состояние.

Нераскрытые ящики и коробки валялись в столовой по всем углам, но посуда сияла и переливалась золотистыми и пастельными тонами, и Джанин, то и дело обводя ее взглядом, получала неизменное удовлетворение.

Этот оттенок роскоши следовал за ней повсюду, он являлся частью ее самой, был неотъемлемым элементом той ауры, что делала ее уникальной и очаровательной женщиной.

Взгляд скользил по стенам, ничем не прикрытым, со стен рассеянно перебегал на такие же голые полы и дальше, дальше, в другие комнаты, где перевезенная из квартиры мебель отзовется вскоре гулким эхом.

В этот час, когда голубые сумерки сползали на запад, в уединенные, тихие долины, смотреть в окна ей не хотелось.

Старый «Вирджиния-хаус» представлял собой все, что осталось от некогда огромного имения «Вирджиния-истэйт». Он перешел к Лоренсу по наследству от отца, поколением ранее занимавшегося разведением чистопородных лошадей и благородно обанкротившегося в истинно джентльменском духе. Окружающие особняк земли были давно уже проданы, осталось лишь само здание да прилегающие к нему непосредственно несколько акров — на них покупателя просто не нашлось бы, ибо «Вирджиния-хаус» располагался слишком уж далеко от ближайших жилых мест. Итак, хозяин дома, находившийся в отлучке с ранних детских лет, наконец вернулся.

За домом, в высокой, густой траве, все еще можно было наткнуться на остатки конюшен и построек для слуг, и нужно было быть осторожным, чтобы не угодить невзначай в притаившиеся меж торчащими из земли камнями фундамента неожиданные ямы.

По дальней части луга протекал ручей. Пересекали его по незатейливо сколоченному дощатому мостику и пересекали те, кто хотел попасть на вторую из двух разделенных ручьем половин родового

кладбища. Надгробия глубоко вросли в землю и в большинстве своем заросли травой и мелким кустарником. С дальней стороны позабытых могильных плит наступал лес.

В вечерней тишине журчание ручья доносилось до раскрытых окон, и они слышали его лучше, чем днем, когда распаковывались.

Лоренс посмотрел на жену, и то ли наклон ее головы, то ли выражение какого-то смутного страха на ее лице заставили его тоже прислушаться к стремительно текущей по камням воде. Он подумал, а вернее, почувствовал, насколько, должно быть, странным и зловещим кажется ей поднимающийся над ручьем туман, к которому он в детстве так привык и воспринимал не иначе как часть летнего вечера.

— Уедем отсюда сразу же, как появятся деньги, — пообещал он лишенным выражения голосом, прислушиваясь к тишине и затаенному дыханию Джанин.

— Хорошо, милый.

Позднее, лежа в постели и прижимая к себе дрожащее тело, Лоренс спросил:

— Тебе холодно, родная?

— Нет, что ты. С чего ты взял? Просто задремала. Спокойной ночи, дорогой.

— Спокойной ночи, милая.

Перевернувшись на другой бок, Джанин следила, как столбик лунного света крадется по темной комнате, как перемещаются вместе с ним мрачные тени, как он достиг кровати и заполз на покрывало. Испуганно ахнув, она перекатилась обратно под бок к Лоренсу. Кто-то очень давно говорил ей, что луна не должна проникать в спальню и светить над спящими.

— Не могу уснуть, — в отчаянии прошептала она, — закрой окно, Лоренс, умоляю тебя. Пусть луны не будет. Пожалуйста, сделай так, чтобы луны не было!

Моментально проснувшись, Лоренс соскочил на пол и, подойдя к окну, подвесил на крючки для штор свой халат.

— Так лучше, милая?

Джанин облегченно вздохнула:

— Лучше. Гораздо лучше. Спасибо, мой дорогой.

— Сейчас уснешь? Или принести что-нибудь?

— Нет-нет, спасибо. Ты — самый хороший. — Она тихо засмеялась. Темнота принесла ощущение покоя и безопасности. — Не стой там, иди ко мне. Дай снова тебя обнять, и мы вместе сладко заснем.

К концу недели все вещи были разложены, шторы и портьеры развешены, мебель стояла на своих местах. Ближайший сосед — фермер — жил от них примерно в полутора милях, и Лоренс нанял одного из его сыновей подстригать газоны, а семнадцатилетняя дочь Триза ежедневно приходила убирать и навести порядок. Дважды в неделю

они с Джанин отлучались в город за покупками, молоко и почта доставлялись исправно.

Потекла обычная, размеренная жизнь. Лоренс работал, а Джанин держала обещание, не мешала ему и не искала для этого никаких предлогов. Обед она приносила на подносе и оставляла у дверей.

Однажды, когда день уже клонился к вечеру, Лоренс спустился вниз. Дождь шел с самого утра, Джанин он почти не видел и, обнаружив ее в гостиной, сидящей со скрещенными ногами на восточном коврике на полу перед камином, немало удивился.

Будучи немислимым сорванцом, он и сам любил так сидеть. Но в камине всегда потрескивал огонь, а мать читала вслух что-нибудь о Робин Гуде или рыцарях короля Артура. Сейчас же огня в очаге не было. Только холодные угли и зола.

Он подошел, но Джанин не слышала. Что-то на полу перед ней поглотило все ее внимание. В полутьме, при необычно тусклом освещении она более чем когда-либо напоминала женщину с гравюры Дюрера — красивая, но красивая не в общепринятом смысле этого слова, а из тех, кто приковывает к себе ваше внимание и кого невозможно забыть.

Но когда Лоренс понял, в чем дело, его удивление не прошло, а, наоборот, усилилось. На полу перед Джанин стояла старинная, красиво инкрустированная шахматная доска, памятная ему еще с младенчества, а по ее полированной поверхности она двигала перевернутый вверх дном хрустальный стакан для вина.

Держа два пальца на донышке стакана, она не отрываясь следила за его плавными и как бы совершенно самостоятельными передвижениями по гладкой поверхности, передвижения напоминали различных размеров дуги, и казалось, что стакан увлекает за собой ее пальцы.

— Джанин, что ты делаешь?

Вздрагнув от испуга, она вскрикнула и, задев стакан сбоку, смахнула его на пол.

— Нет, нет! — закричала она.

С величайшей осторожностью Лоренс приблизился к ней вплотную.

— Я напугал тебя. Прости. Но я и подумать не мог, что ты тут чем-то занимаешься.

— О, это так, пустяки. — Она взяла себя в руки, но дышала все еще прерывисто. Подбрав стакан, Джанин поставила его снова на доску, и лишь тогда Лоренс заметил, что поверх шахматных клеток нанесены чернилами буквы алфавита.

С напускной небрежностью она спросила:

— А ты никогда не пробовал получать послания таким образом? Мы с мамой проделывали это часами, когда она была жива. Я была тогда совсем девчонкой.

— Послания? Но от кого? — в тон ей полюбопытствовал Лоренс, как будто не придавая этому никакого значения.

— От кого, ты спрашиваешь? Ну, оттуда... с того света. — Джанин, похоже, изумилась тому, что требуется пояснение. — Мама и я разговаривали с отцом таким способом, и он приводил с собой целую компанию престранных личностей. Мама говорила, что это на него похоже — он и при жизни-то частенько заявлялся домой в сопровождении кого попало.

— Но, Джанин, послушай... — начал было Лоренс.

— Знаю, знаю, — она внимательно смотрела за его реакцией, — ты и твой доктор скажете, что каждый человек по-своему предпочитает уходить от реальности, и мама не исключение.

Лоренсу вспомнилась трогательно-жалкая женщина со светскими манерами, воспитанная в классических традициях, но оставшаяся ни с чем, когда ее муж утонул во время навигации на Чарльз-ривер. Ей тогда пришлось открыть пансион для студентов, но она все-таки сумела дать дочери образование в лучших школах и привила Джанин свою собственную мечту. Мечту о том, как красота и ум приведут ее девочку к славе и успеху. Что за успех, чего Джанин добьется — мать не знала, но чаще всего она видела ее блистательной певицей, актрисой или художницей.

Мать скончалась незадолго до их женитбы, измотанная жизнью, но безмятежно довольная наработанным рукоделием.

Джанин смотрела на мужа, улыбаясь, но в глазах у нее появился вызов, точнее, слабое его подобие.

— Попробуй сам, дорогой. В этом замечательном старом доме и у тебя получится. Ведь он был построен в 1690 году — ты только представь себе всех тех, что здесь жили и умерли с тех пор. Кое-кто из них и сейчас находится в доме. Не знаю почему, но это всегда так — кто-то уходит бесследно, а кто-то нет. Давай же, попробуй. Возможно, кто-нибудь с тобой и заговорит.

— Хорошо. — Лоренс выдавил из себя улыбку, опустился рядом с нею на коврик и взял жену за руку. Рука от него выскользнула, тогда он наклонился к шахматной доске и придвинул ее поближе.

— А теперь положи два пальца на стакан, вот так, — объясняла Джанин, — расслабься и жди. А когда стакан пойдет по доске, не сдерживай его и пусть рука твоя тоже с ним движется.

Исполнив, что было сказано, Лоренс приготовился немного подождать, а затем, переведя все в шутку, встать и предложить пораньше сесть за ужин, чтобы успеть посмотреть фильм. Но по мере того, как пальцы его лежали на холодном доннышке, а ожидание затягивалось, ему показалось, что неестественное оцепенение, в котором он застал Джанин, войдя в гостиную, передалось от нее и ему.

Стакан начал двигаться. Лоренс отчетливо сознавал, что никаких мышечных усилий он не делал, но стакан тем не менее, описав плав-

ную дугу, встал на букву «Н». Там он на мгновение замер, но тут же скользнул на «Е», а оттуда — сразу на «Т». «Н, Е, Т». И по второму кругу — сначала «Н», затем «Е», и наконец «Т». После этого стакан, как бы сбрасывая с себя его руку, метнулся в сторону и упал за край доски.

— Нет, нет, нет, — читала Джанин. — Мне кажется, милый, что он не желает с тобой разговаривать.

С трудом сохраняя спокойствие, Лоренс достал сигарету и закурил.

— Кто не желает разговаривать?

— Родерик Джеμισон. Майор Родерик Джеμισон. Он жил тут когда-то. Я как раз с ним разговаривала, когда ты вошел. Его убили во время Революции, в битве при Йорктауне, так он сказал. А похоронили здесь, на вашем кладбище. Хочу завтра пойти поискать его могилу.

Лоренсу стало не по себе. До семейных захоронений руки у него еще не дошли, и трава, наверное, наглухо покрыла могилы. В разговорах с Джанин о них он даже не упоминал.

Должно быть, она сама туда сбегала и, содрав мох с мраморного надгробия, прочитала это имя. Насколько он помнил, никто в их родне никогда толком не мог объяснить, что за человек был этот Родерик Джеμισон.

— Вон оно что. — Грудь Лоренса сдавила неприятная тяжесть. — Тебе, Джанин, конечно же, известно, — он говорил осторожно, словно обращаясь к ребенку, — что стакан движется за счет твоих собственных произвольных мускульных сокращений. И любое послание, в конечном итоге, возникает из глубин твоего подсознания.

— Возможно, милый. Но все равно эти послания — настоящие. Потому что откуда же тогда они берутся? Ответь, пожалуйста. Что, не можешь? — Серьезность ее неожиданно куда-то пропала. — Не бери в голову, дорогой. Я же целыми днями бездельничаю, и игра с майором Джеμισоном помогает мне скоротать время. Ерунда все это. Но он такой хвастун, так похвастается своими подвигами. Его слушать, так жизнь его — одни дуэли и сплошные романы с красивенькими женщинами!

На последней фразе Джанин заливисто рассмеялась.

— Никто, конечно же, не поверит во все его истории. Ой, он так бесится, когда я говорю, что он все напридумывал — берет и швыряет стакан аж на середину комнаты.

Джанин склонилась к Лоренсу на грудь, и они обнялись. Лоренс не ожидал этого. Оба чувствовали, как колотится его сердце.

— Я люблю тебя, — хрипло произнес он, в душе умоляя ее вернуться к действительности.

— Знаю, мой милый. — Лицо Джанин поднялось к нему для поцелуя. Теплые губы горели желанием.

«Ей не требуется никакого перехода, — подумал Лоренс, — границы реального и сверхъестественного для нее не существует». Он держал ее в объятиях, крепко прижимая к себе, и впервые за многие месяцы по-настоящему ощущал ее близость.

— Ты не представляешь, — прошептала она, — как это его задевает.

В эту ночь Лоренс не сомкнул глаз. Он лежал, глядя в потолок, рядом с мирно спящей Джанин, прислушиваясь к тихому и мягкому дыханию у себя на щеке.

Он обязан что-то предпринять, что-то придумать. Заинтересовать ее и отвлечь от гаданий с доской и стаканом и от бесед с воображаемым соперником. Воспоминание о счастливых первых четырех годах совместной жизни причиняло муку, а ведь в те времена, когда они жили в крохотной квартирке с окнами на Вашингтон-сквер, он написал две книги, и обе неплохо разошлись.

Джанин пыталась сделать карьеру бесстрашно и легко. В начале она осаждала офисы театральных продюсеров на Бродвее, повсюду таскала и показывала альбом с газетными и журнальными вырезками с положительными отзывами на ее появления в постановках летнего сезона; потом целый год, не разгибаясь, как рабыня, штудировала труды по искусству; за этим наступил период практической работы копировальщицей в рекламном агентстве, очень быстро закончившийся, и наконец — недолгий взлет энтузиазма и увлечения поэзией авангарда, который увенчала тоненькая тетрадка стихов, так нигде и не опубликованных.

Вслед за периодом бурных начинаний пришло желание пожить в деревне, она уже не могла больше переносить Нью-Йорк, ее потянуло к одиночеству. Ради нее они перебрались в Нью-Гэмпшир, исключительно ради создания обстановки, в которой бы она смогла рисовать. Что до Лоренса, то он мог писать где угодно.

В чудненьком ветхом колониальном домике с видом на океан Джанин подарила миру с полдюжины вполне сносных ландшафтов. После бесконечных колебаний ее удалось уговорить выставиться на очередном местном вернисаже. Но мир искусства обошел ее произведения стороной, их ни разу нигде не упомянули, после этого живопись смертельно ей наскучила, а акварели и холсты отправились пылиться в чулан.

Затем, уже на исходе так характерной для Новой Англии долгой зимы наступил первый из ее периодов полной апатии. Они обращались к одному специалисту за другим. Мелькали клиники и города — Бостон, Нью-Йорк, Вашингтон...

И вот, истратив последние сбережения, они оказались здесь.

Лоренс пробовал вытаскивать ее в гости — Джанин отказывалась. Два раза в неделю вывозил за тридцать миль в кино — она сопротивлялась и умоляла его ехать без нее.

Она уверяла, что счастлива и так, и словно в доказательство распаковала мольберт и краски и, уединившись, стала делать наброски. Вопреки ожиданиям Лоренса, что это в любую минуту прекратится, Джанин рисовала и рисовала. Она увлеклась живописью сильнее, чем раньше и особенно сосредоточилась на картине, которую ни за что не хотела показать, пока не закончит. Она даже взяла с Лоренса обещание не мешать ей и не торопить.

Лоренс, наконец, начал спать спокойно. Он знал, что она по-прежнему каждый день практикует сеансы с доской и стаканом, но решил не навязываться с поучениями и много работал над книгой. Время от времени он даже шутливо справлялся, нет ли новостей от Родерика Джемисона, полагая, что рано или поздно ей и самой надоест.

Добродушные насмешки, однако, никак не действовали на Джанин. Она всякий раз отвечала так, словно разговаривала с давно покойным майором на самом деле.

Как-то в воскресенье, когда Джанин мыла после обеда фарфоровый сервиз — эту работу она Тризе не доверяла, — Лоренс обронил мимоходом, что собирается на прогулку. Джанин промолчала. Выйдя из дома, он напрямик пошел к ручью и, перейдя мостик, очутился на другой стороне кладбища. На самом краю, одно из ближайших к лесу, он быстро нашел нужное надгробие. Место он хорошо помнил. Высокая трава на могиле и вокруг нее была примята, значит Джанин там побывала, но надгробную плиту покрывал мох и прочесть на ней что-либо было невозможно. Как она узнала? На всякий случай, чтобышний раз убедиться, Лоренс очистил от мха холодный камень, и показались первые буквы: «ДЖЕМИ...»

В понедельник за покупками в город он собрался один.

— Триза, — позвал он перед отъездом протирающую за спящие глаза деревенскую девушку, — будь здесь до моего возвращения. Если мадам станет отсылать тебя домой, не ходи. Придумай повод, чтобы остаться. По возвращении заплачу тебе в двойном размере. Поняла?

В городе Лоренс зашел в местное отделение Исторического Общества. Там, в затхлой атмосфере библиотеки, его встретила приятная пожилая женщина, представившаяся как хранительница архивных записей по истории города и его окрестностей, ведущихся с дореволюционных времен.

При виде посетителя она счастливо засуетилась, от чего Лоренс сделал вывод, что люди в архиве появляются чрезвычайно редко, и быстро принесла вырезанную из какой-то старинной книги регистраций краткую биографию Родерика Джемисона, наклеенную на пожелтевший альбомный лист.

— Майор Родерик Джемисон, — прочитала она. — Это имя я помню. Родом из наших мест. Знаменитый дуэлянт, говорится здесь,

пал на поле боя в битве при Йорктауне. Получил награду лично от генерала Лафайета.

Значит, все верно, Родерик Джеμισон — это не выдумка. Но как Джанин узнала? Как она нашла его могилу, если даже мох был не поврежден? А уж в Историческом Обществе она не бывала, Лоренс не сомневался, в город они выезжали только вместе.

Оставалась одна возможность. Джанин могла наткнуться на упоминания о Родерике Джеμισоне, перебирая сваленные на чердаке старые газеты и книги. Сам он на это имя никогда не наткнулся, Лоренс готов был поклясться, но, в конце-то концов, на чердак он не лазил уже бог знает сколько лет, а если когда и доводилось, то никогда там ничего не разбирал. На кучах газет и кипах писем лежала пыль не одного столетия.

Однако наведение порядка на чердаке он отложил до лучших времен, сам себе не сознавая, что основной причиной тому — опасение потратить усилия на поиски загадочного майора впустую.

— А знаешь, милый, — заявила Джанин, лениво покачиваясь в гамаке, как-то после обеда, — Родерик страшно меня к тебе ревнует. — Лоренс принес лимонад, настоянный на мяте, целые кусты которой он нашел на заросшем всякой травой участке земли за домом.

— М-да? Забавно. Кстати, получил сегодня письмо от своего агента. Книга нравится, но просит кое-что доработать.

— Он — зануда.

— Но это означает, что пока нам придется сидеть на месте, прижав хвосты.

— Ну и что, родной? Нисколько не возражаю.

— Не возражаешь? — неловко переспросил Лоренс. — Не хочешь никуда уезжать?

— Нет. Иметь много свободного времени — просто замечательно. У меня его никогда не было столько, сколько здесь. Кажется, могла бы оставаться тут вечно.

— Праздная мечтательница, — улыбнулся он с облегчением.

— Да, милый, — взгляд Джанин подернулся какой-то загадочной печалью, — и я даже не борюсь с этим. Я — праздная, ленивая, бесполезная женщина.

— Ну что ты, Джанин. Ты вовсе не такая.

— Нет, такая. — Она принялась раскачивать гамак, ухватившись пальцами за веревочную сетку. Пальцы у нее были сильные и крепкие, ногти — длинные и аккуратно покрашенные. Она всегда исключительно тщательно за собой следила и часами просиживала перед изящным маленьким трюмо, которое он установил у нее в спальне.

— Тебе следовало сказать мне об этом раньше. — Это было полусожаление, полу-упрек. — Родерик, например, считает, что женщине необязательно приносить пользу. Во всяком случае, такой

женщине, как я. Он говорит, что наша обязанность — украшать жизнь мужчины.

— Он так считает? — Лоренса это уже не забавляло. — Любопытно, что еще он говорит? — Ему показалось, что новая роль, придуманная Джанин, не в меру ее захватывает.

— О, он готов бесконечно рассказывать о себе, я уже говорила тебе. О своих дуэлях, о любовных приключениях. Один раз я напрямую ему заявила, что кружить головы женщинам ему нужно только для того, чтобы посмеяться над их мужьями, и он не стал отпираться.

— Он предпочитал шпагу или пистолеты? — Лоренс, не подавая вида, внимательно следил за выражением лица жены.

Она немного замаялась с ответом.

— Вот в этом я не могла добиться ясности. Какое использовал оружие — не говорит, уходит в сторону и все тут. А однажды, стоило мне лишь предположить, что при дуэлях он не всегда вел себя как джентльмен, Родерик не на шутку обиделся. Молчал несколько дней. Потом, правда, когда вспышка раздражения прошла, сообщил, что на пистолетах равных ему не было; что он один застрелил шестерых перед тем, как погиб под Йорктауном. Ему было всего лишь двадцать семь. А временами он кажется еще моложе. Намного моложе, чем когда-либо был ты, дорогой.

— Застрелил шестерых? — сухо отозвался Лоренс. — И все они были мужья? — Для Джанин это была знакомая тема с новыми вариациями. Ей никогда по-настоящему не нравились мужчины-мужья, так же как и не нравилось ощущать себя женой. Более всего ей хотелось захватывающего чувства романтической напряженности, продляемого до бесконечности.

— Мужьями были трое или четверо; сейчас не помню. Но когда я спрашиваю; что потом случилось с их дамами — они ведь оказались свободными, и можно было на них жениться, — он увильчивает от ответа и заявляет, какие у меня красивые брови или что-нибудь в том же роде. В общем, переходит на глупости.

— Почему же? Но твои брови и впрямь заслуживают комплимента. К тому же он, наверное, влюблен в тебя?

— О-о, Родерик от меня без ума. И он очень много думает о том, как устроить дуэль с тобой. Его это угнетает. Я имею в виду — невозможность швырнуть тебе в лицо перчатку.

— Не может швырнуть перчатку, пусть бросит стакан.

— Весьма неплохо, милый, — Джанин как будто не ожидала от него такого остроумия, — я предложу ему. Хочешь покажу, как он выглядит?

Лоренс почему-то вдруг испугался.

— Покажешь, как он выглядел, ты хочешь сказать?

Джанин взяла супруга под руку и провела в гостиную, где на мольберте у окна был натянута холст, который она ему не показывала.

С картины смотрел молодой аристократ с тонким лицом, рот его слегка улыбался, и если бы не глаза, то портрет оставлял бы вполне приятное впечатление.

Глаза были темно-синие, почти черные. Они притягивали взгляд и не отпускали, словно отдавая некое приказание. И была в них какая-то особенная мрачная глубина. Глядя в эти глаза, Лоренс понял, что Джанин вовсе не рисовала Родерика Джемисона улыбающимся, это всего лишь изгиб губ.

Портрет был лучшим из всего, что Джанин когда-либо создавала при помощи красок.

— Великолепно. Превосходно. — Лоренс не мог сдержать восхищения, но тут же, стараясь говорить как ни в чем не бывало, спокойно поинтересовался: — Значит, вот он какой — майор Родерик Джемисон?

— Да, дорогой. Он сказал, исключительно похож. — Она залилась звонким смехом. — Но можно бы, говорит, нарисовать его и по красивее, на что я ответила, что его невыносимое тщеславие начинает мне надоедать.

— Сделай второй портрет, — Лоренс взвешивал каждое слово, — но этот — просто замечателен.

— Надо подумать, может, и сделаю, — Джанин закрыла холст, голос ее стал вял и безразличен, — это было так весело.

Вечером, когда она уже спала, Лоренс наконец-то решил написать в Вашингтон лечащему доктору:

«В уединенном месте, каковым является этот дом, невроз Джанин начал развиваться в новом направлении. Она проводит дни в сплошных мечтаниях, устраивает с помощью доски для спиритических сеансов воображаемые беседы с умершими. Она, похоже, постепенно теряет чувство реальности».

Перо проткнуло бумагу и вошло в зеленое сукно стола. Разорвав письмо в клочья, Лоренс сжег его над кухонной плитой.

— Родерик сказал, что я должна тебя оставить, — заявила она за завтраком, улыбаясь и все еще потягиваясь после сна, — твердит, будто ты меня не понимаешь. Что не веришь ни единому моему слову о нем и считаешь, что я схожу с ума. Это правда?

Лоренс помещивал кофе и боялся поднять глаза. Рука его мелко дрожала. Неужели Джанин видела ночью, как он писал? Как потом все сжег, и догадалась о содержании?

— Родерик так и сказал? А что еще наговорил?

— О, да не обращай внимания, он вечно что-то придумывает. — Она махнула рукой, подошла к нему и поцеловала. Всю оставшуюся часть дня Джанин с напускной веселостью порхала по дому, шутила и веселилась, отказываясь возвращаться к разговору о майоре Джемисоне.

Проснувшись ночью, Лоренс обнаружил, что жены рядом нет. Он

осторожно встал, прокрался вниз по лестнице и, прячась в темноте, остановился перед входом в гостиную.

Джанин с помощью бумаги и щепок развела в камине огонь, другого света в комнате не было. Она смеялась и разговаривала сама с собой, а стакан валялся без дела на полу рядом с доской.

Что она говорила, Лоренс разобрать не мог, потому что голос у нее был такой низкий и глухой, как будто слова произносились кем-то другим. Слабое, неясное бормотание, похожее на порывы ветра. Но он видел ее шевелящиеся губы, ее сияющие глаза. Такой живости, такого радостного воодушевления он в ней не помнил. И это было настоящее, а не показное, как днем.

Одета Джанин была в тонкую просвечивающую ночную рубашку и халат, который ей был очень к лицу — просторный, с длинными, сходящимися к запястьям рукавами, перехваченный на шее голубой ленточкой. Один раз она ухватила за эту ленточку, словно стеснясь кого-то невидимого, кто собрался за нее дернуть.

В следующее мгновение она кого-то поддразнивала, потом — качала головой, как будто отвечала «нет».

У Лоренса возникло предчувствие, что она вот-вот встанет и обернется, он на цыпочках вернулся в спальню. Сердце бешено колотилось, голова разрывалась от мучительных предположений.

Джанин пришла несколькими минутами позже, вялая и апатичная, как обычно. Она была истощена, он чувствовал это.

Что бы там ни было, это никакая не игра и не забава. Это отнимало у нее силы и душевную энергию.

Заснув, она кричала во сне: «Беги! Беги! Беги!» Голова металась по подушке из стороны в сторону, из груди раздавались сдавленные стоны.

Лоренс написал доктору на следующее утро, изложил все детали и, не доверяя письмо Тризе, съездил на почту сам.

Доктор ответил немедленно и настоятельно рекомендовал привезти Джанин, чтобы он мог ее осмотреть, с укором далее припоминая Лоренсу, что он ее не отпускал, ибо не находил целесообразным прерывать лечение. Но Лоренс просил совета, а совета в письме не было. Сухое требование как можно скорее явиться в Вашингтон и все.

Целый час прошел в изучении банковской чековой книжки. А стоило ли туда заглядывать? Цифры он помнил наизусть.

Он высунулся в окно. Дом окружали коротко подстриженные газоны, но Джанин предпочитала гулять там, где трава неухожена. Она шелестела в ней своим длинным платьем. А еще больше она любила ходить на противоположном берегу ручья, пропадая иногда часами в начинающемся дальше лесу. Уж не встречается ли она там с Родериком Джеемисоном?

Бред какой-то! Лоренс сжал кулаки. Ее сумасбродство передается и ему? Но ведет она себя так, будто и впрямь бежит к любовнику.

Джанин чудно похорошела. В ней появилась некая внутренняя целостность, она не терзалась больше самопросами, самообвинениями и несбыточными желаниями, которые, хотя и бывали скоротечны, но неизменно приносили ей чувство поражения и выжимали ее, как лимон.

Походка приобрела величавость и гордость, граничащую порой с заносчивостью, периоды нервных срывов и беспричинной раздражительности, характерные для ранней стадии заболевания, прекратились.

Достав письмо доктора, Лоренс собрался сочинить ответ, но слова не шли из-под пера, и он взялся за другую работу. Трудиться! Трудиться и выкинуть из головы соблазнительные денечки, голубое безоблачное небо, запах жимолости и запутавшуюся в несуществующем мире бездельничавшую жену.

Послеполуденное время прошло в делах по хозяйству, а вечером, изможденный, он сел за ужин, поданный словно парящей над полом Джанин на тускло поблескивающем в свете свечей хрупком фарфоре.

Лоренс поразился, что она пьет из того самого стакана, который использует для общений с потусторонним миром. Рука ее почти не выпускала стакан, и она практически ничего не ела, только медленно пила, нежно водя губами по краю стакана.

После напряженной работы от вина у него слипались глаза, веки отяжелели и мешали наблюдать за Джанин.

Персики в бренди были поданы в вазочках из розового хрусталя. Каждое движение, каждый жест Джанин дышали любовью и покоем, она обслуживала его, как обслуживают любовника. Но он-то знал, о ком она думает.

Когда легли спать, начался дождь. Тяжелые капли били по медным водосточным желобам, настойчиво колотились в оконные рамы. Громыкнул гром, следом за ним сверкнула молния. Гроза приближалась.

Джанин заснула быстро и спала безмятежно, но к Лоренсу сон не шел. Он слишком устал. Лоренс возился, ворочался с боку на бок, зажигал и гасил сигареты. Уставившись в разрываемую всполохами молний темноту, он лежал и прислушивался, как раскаты грома доносятся все ближе и ближе.

На одном из окон ветром оторвало ставень, и он несколько раз сильно стукнулся о раму. Лоренс выругался и встал, чтобы закрепить его. А когда обернулся — перед ним, глядя ему прямо в лицо, стояла Джанин.

Он не мог ни двинуться, ни пошевелиться. От выражения ее лица он окаменел, Джанин смотрела на него со злобной ненавистью.

После очередной вспышки света она встряхнулась и направилась по лестнице вниз, в темноту. Лоренс кинулся искать фонарь, но тщетно, и тогда, боясь опоздать, пошел за ней наощупь.

Она не оборачивалась и не оглядывалась. Не обернулась даже тогда, когда он два раза подряд наступил на страшно скрипящие половицы. Теперь Лоренс не сомневался — она идет во сне.

Распахнулась входная дверь, и Джанин вышла на улицу. Он за ней. От дождя и ветра Лоренс сразу же продрог, но идущая впереди Джанин, похоже, ничего не чувствовала. Ее волосы развевались, прозрачная ночная рубашка трепетала на ветру.

Лоренс вспомнил о заросших бурьяном котлованах и торчащих из земли камнях фундамента на месте конюшен и построек для слуг. Она направлялась как раз туда. Пусть даже он ее испугает, но остановить необходимо.

— Джанин! — окликнул он, сиюсь перекричать завывания ветра. — Джанин, остановись!

Она услышала, замерла на секунду и уже, должно быть, различила в ночи его приближающуюся фигуру, но в следующее же мгновение ускользнула, и он успел только увидеть мелькнувшую белую рубашку.

— Стой! Подожди! — приказал Лоренс.

— Ты отстал, Родерик, — торжествующе засмеялась она, — поймай меня, попробуй. — С быстрого шага Джанин перешла на бег. — Беги! Беги! Беги! — Ему вспомнились слова из ее сна.

Лоренс побежал. Но она бежала быстрее, с удивительной ловкостью и уверенностью огибая опасные ямы. Все дальше и дальше, и все ближе к ручью.

Лоренс понял. И вот уже она перебежала через мостик, очевидно, вспомнив, что текущую воду духи и привидения пересекать не могут.

Ступив на противоположный берег, Джанин ликовала. Теперь уже ничто не может помешать ей, если она захочет спрятаться в лесу, и тогда ищи ее хоть всю ночь. Лоренс промок до последней нитки, наверняка и на ней нет сухого местечка. Можно же запросто схватить воспаление легких.

— Джанин! Подожди меня! — отчаянно крикнул он.

— Отстал, отстал, отстал, — хохотала она. Снова блеснула молния. В ее ослепительном свете Лоренсу показалось, что в глазах у Джанин мелькнуло что-то похожее на узнавание. Рот раскрылся, мокрые волосы прильнули ко лбу, насквозь сырая рубашка плотно облегла тело.

В три прыжка он очутился по ту сторону ручья. Успеть схватить ее во что бы то ни стало, он должен... Лоренс протянул к ней руки, но в этот момент как будто чья-то злая рука поймала его за щиколотку, приподняла и бросила. Падая вперед, он успел взглядом выхватить из темноты полузаросший высокой травой белый угол мраморного надгробия и в свете молнии различил даже буквы, с которых сам же содрал мох:

«ДЖЕМИ...»

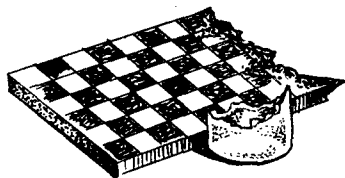
Лоб его с налета, со всей силой ударился о мрамор.

Когда следующим утром нанятая Лоренсом девушка по имени Триза пришла прибираться, то она застала Джанин сидящей на полу в гостиной во все еще мокрой ночной рубашке. Склонившись над Лоренсом, тело которого она каким-то образом ухитрилась дотащить до дома, Джанин гладила лежащую на коленях окровавленную голову мужа. В потухшем камине валялась полуобгоревшая шахматная доска, а рядом на полу были разбросаны осколки разбитого стакана.

Джанин медленно подняла взор на вошедшую в комнату Тризу.

— Он не любил меня. — Голос ее настолько охрип, что Триза едва разобрала слова. — Ему не было до меня никакого дела. Он никогда не любил ни единую женщину, а хотел только одного — убивать и убивать!

Это было последнее связное предложение, которое от нее слышали.

Ричард Мэтисон

КНИЖНЫЙ ЧЕРВЬ

Проснувшись в то утро, он заговорил по-французски.

Никакого предупреждения не было. В четверть седьмого, как и обычно, прозвонил будильник и они с женой заворочались. Высунув из-под одеяла онемевшую во сне руку, Фред нажал на кнопку, и в комнате на некоторое время воцарилась тишина.

Затем Ева отбросила одеяло на середину кровати со своей стороны, он — со своей, и его тощие жилистые ноги свесились на пол.

— Bon matin¹, — сказал он.

Последовала короткая пауза.

— Что? — спросила она.

— Je dis bon matin².

¹ Доброе утро (фр.).

² Я сказал «доброе утро» (фр.).

Жена зашуршала ночной рубашкой и, повернув голову, посмотрела на Фреда.

— Что-что?

— Я всего лишь сказал «с добрым ут...»

Фред Элдерман непонимающе уставился на супругу.

— А что я сказал *на самом деле*? — он перешел на шепот.

— «Бонматен» или что-то в этом роде.

— Je dis bon matin. C'est un bon matin, n'est pas?¹

Со звуком попадающего в бейсбольную перчатку быстро летящего мяча Фред Элдерман шлепнул ладонью по собственному рту, зажал его и поверх кляпа из пяти пальцев вытаращил на миссис Элдерман округлившиеся глаза.

— Фред, *что это такое*?

Он медленно убрал руку и разжал губы.

— Ева, я не знаю. — Его вдруг охватил ужас. Фред машинально поднес руку к голове, указательный палец почесал обамбленную волосами лысину. — Смахивает на... на какую-то заграничную болтовню.

— Но ты же не знаешь ни одного иностранного языка, Фред!

— В том-то и дело.

Они растерянно разглядывали друг друга. Наконец Фред посмотрел на часы.

— Пора одеваться.

Он прошел в ванную, и Ева с недоумением вслушивалась в доносившуюся оттуда незнакомую песенку: «Elle fit un fromage, du lait de ses moutons, ron, ron, du lait de ses moutons»², однако мешать мужу, когда он бреется, не решилась.

Беря кофе за завтраком, Фред что-то пробормотал.

— Что? — непроизвольно вырвалось у Евы прежде, чем она смогла себя остановить.

— Je die que veut dire ceci?³

Он услышал, как она поперхнулась.

— Я хочу сказать, — Фред не верил своим ушам, — что это может значить?

— Вот-вот, *что* с тобой происходит? Никогда в жизни ты не говорил по-иностранному.

— Знаю, — поднесенный ко рту поджаренный хлеб застыл в воздухе, — а что... что это за язык, на котором...

— Мне к-кажется, ф-французский.

— Французский? Но я не знаю французского.

Ева судорожно отхлебнула из чашки.

— А теперь вот знаешь, — произнесла она еле слышно.

¹ Я сказал «доброе утро». Утро и впрямь доброе, не правда ли? (фр.).

² «Она взбивает сыр из молока своих овец, дон-дон, из молока своих овец» (фр.).

³ Я говорю, что это может значить? (фр.).

Фред сверлил глазами скатерть.

— *Le diable s'en mele*¹, — буркнул он себе под нос.

Ева сорвалась на крик:

— Фред! Что ты сказал?!

— Я говорю, без дьявола тут не обошлось. — Он боялся взглянуть на жену.

— Но Фред, ты же... — Она резко поднялась со стула и набрала в грудь воздуха. — Хватит. Богохульствовать не будем. Должна быть какая-то причина, не так ли? — Фред молчал. — Что ты думаешь? Есть причина или нет?

— Ну да, Ева. Ну, конечно. Но...

— Никаких но. — Она, казалось, не успокоится, пока не доберется до истины. — Итак, рассудим здраво — может ли на свете существовать какая-либо причина, по которой тебе приспичило зашебетать на французском языке? Просто так вот, запросто, раз и все! — Ева прищелкнула пальцами.

Фред неопределенно помотал головой.

— А раз так, тогда... — она с трудом подбирала слова, не зная, как продолжить, — тогда давай посмотрим. — Супруги снова молча разглядывали друг друга. — А ну-ка, скажи что-нибудь, например... — Ева мучительно подыскивала фразу, — например, хотя бы вот это... э-э...

Голос ее постепенно затих.

— Сказать что-нибудь?

— Да-да. Валяй, не стесняйся.

— *Un gémissement se fit entendre. Les dogues se mettent(a) aboyer. Ces gants me vont bien. Il va sur quinze ans...*²

— Ф-ф-фред?!

— *Il fit fabriquer une exacte représentation du monstre*³.

— Фред!! Прекрати! — Ева испуганно закричала.

Он осекся и, моргая, глядел на жену.

— Что... что ты сказал на этот раз, Фред?

— Я сказал: «Раздался стон. Мастифы начали лаять. Эти перчатки мне впору» и еще: «Скоро ему будет пятнадцать лет». А потом...

— Что потом?

— «Он изготовил мне точную копию чудовища». *Sans meme l'entamer*⁴.

— Фред, опять?!

Но Фред как будто заболел.

— «И даже не поцарапали», — закончил он.

¹ Сам черт вмешался в это (фр.).

² Раздался стон. Мастифы начали лаять. Эти перчатки мне подходят. Скоро ему исполнится пятнадцать... (фр.).

³ Он изготовил точную копию чудовища (фр.).

⁴ Даже не поцарапали (фр.).

Стояло раннее утро, и жизнь в студенческом городке еще не началась. Единственными занятиями, проходившими в это время, были две лекции по экономике с семи тридцати, да и то они проходили в Белом Кампусе. Здесь же, в Красном, все было тихо. Через час дорожки наполнятся молодым шумным говором, смехом и бесцельно слоняющимися стайками будущих ньютонов и фарадеев, а пока же повсюду царили тишь и благодать.

Состояние покоя, однако, не распространялось на бредущего вдоль восточной стороны кампуса и направляющегося к зданию администрации Фреда Элдермана. Оставив Еву в растерянных чувствах, он всю дорогу до работы ломал себе голову над тем, что же это может быть.

И впрямь, что это? Когда это началось? «C'est un é heure»¹, — пронеслось в мозгу.

Фред сердито тряхнул головой. Ужасно. Невероятно. Он попробовал мысленно найти хоть какое-то объяснение случившемуся, но не смог. В том, что произошло, не было абсолютно никакого смысла. В свои пятьдесят девять, так и не получив образования, он влачил тихое спокойное существование университетского уборщика и смотрителя. И вдруг однажды утром проснулся свободно говорящим по-французски.

Почему именно по-французски?

Не обращая внимания на холодный октябрьский ветер, Фред остановился и задрал голову к куполу Джереми-холла. Вчера вечером он там прибирался. Может быть, это как-то связано...

Нет, но это же просто-напросто смешно. Он зашагал дальше, в то время как его губы сами шептали: «Je suis, tu es, il est, elle est, nous sommes, vous etes...»²

В половине девятого он вошел в офис исторического факультета, где необходимо было починить раковину, проработал там один час и семь минут, после чего, сложив инструменты в сумку, направился к себе.

— Доброе утро, — поздоровался он с сидящим за столом профессором.

— Доброе, — отозвался тот.

Выходя с факультета в коридор, Фред Элдерман подумал, как это замечательно, что доходы Людовика Шестнадцатого при тех же поборах и налогах превысили доходы предыдущего Людовика на целых сто тридцать миллионов ливров и что экспорт в период с 1720-го по 1746-й увеличился со ста шести миллионов до ста девяноста двух. А кроме того...

Он остановился как вкопанный прямо посреди холла с застывшей маской изумления на худом лице.

¹ Один час (фр.).

² Я есть, ты есть, он есть, она есть, мы есть, вы есть... (фр.).

В то утро Фред Элдерман прибирался и кое-что чинил еще на факультете физики, потом — химии, потом — на факультете английского языка и в конце дня — в Отделении изящных Искусств.

Маленькая таверна неподалеку от Мэйн-стрит носила название «Уиндмилл», а иначе — «Мельница». По понедельникам, средам и пятницам, вечером, Фред заглядывал туда, чтобы уговорить кружечку-другую пивка, а заодно и обсудить последние новости с двумя своими приятелями — Гарри Баллардом, менеджером кегельбана, принадлежащего Хогану, и Лу Пикоком, почтовым служащим, увлекающимся на досуге садовым делом.

В тот вечер Фред, едва только он появился в дверях полуосвещенного салуна — кстати, это слышал выходящий на улицу хозяин заведения, — сказал:

— Je connais tous ces braves gens¹. — Затем, виновато скривив губы, поправился: — То есть я хотел сказать... — оглядел собравшихся и так и не договорил.

Гарри Баллард заметил его сначала в зеркале.

— Подваливай к нам, старина! Виски сегодня идет отлично. — Он неуклюже повернул в сторону Фреда толстую шею и, не глядя на бармена выкрикнул: — Еще стаканчик для старины Фреда!

Фред подошел к стойке и улыбнулся, впервые за весь день. Пикок и Баллард по-дружески хлопнули его по плечу, бармен придвинул высокую кружку с пивом.

— Что новенького, дружище? — спросил Гарри.

Фред прижал двумя пальцами усы и сделал сквозь пену первый глоток.

— Да, в общем, ничего. — Он так и не решил еще, стоит это обсуждать или нет. Ужин с Евой стал для него настоящим испытанием, во время которого он поглощал не только пищу, но и переваривал утомительное количество всевозможных подробностей и деталей, относящихся к временам Тридцатилетней Войны и Великой Хартии вольностей, а также уйму будuarных сведений из жизни Екатерины Великой. Встать из-за стола в семь тридцать было для него подлинным облегчением, омраченным, однако, непокорно прорвавшимся «Bon nuit, ma chere»².

— А что у тебя нового? — поинтересовался он в свою очередь у Гарри.

— Как сказать, — протянул тот, — красим дорожки. Обновление интересера.

— Красить — это неплохо, — произнес Фред. — Когда рисовать

¹ Все эти brave молодые мне знакомы (фр.).

² Спокойной ночи, дорогая (фр.).

разноцветным воском стало неудобно, древнегреческие и римские художники научились использовать темперу, то есть краски, замешанные на древесной или гипсовой основе, причем в качестве наполнителя в станковой живописи...

Он замолчал, но было уже поздно. Все, разинув рты, смотрели только на него.

— А-а... э-э... чего ты?.. — начал вопрос Гарри Баллард.

— Да так, ничего, — Фред судорожно проглотил слюну, — я всего лишь хотел... — Конец предложения утонул в светло-коричневой пивной глубине.

Баллард перевел взгляд на Пикок, Пикок пожал плечами.

— А как идут дела у тебя в оранжерее, Лу? — он поспешил сменить тему.

— Нормально, — невысокий Пикок кивнул, — в оранжерее все нормально.

— Я так и думал, — тоже кивнул Фред. — *Vi sono pui di cinquante bastimenti in porto*¹. — Произнеся это, он заскрежетал зубами и закрыл глаза.

— Что за чушь ты несешь? — Лу потербил себя за ухо.

Фред закашлялся и торопливо окунул усы в кружку.

— Ничего, ничего.

— Как это? Но ты же только что что-то сказал? — По играющей на широком лице Гарри улыбке можно было видеть, что он приготовился услышать хороший соленный анекдот.

— Я... я сказал, что в гавани стоят более пятидесяти кораблей. — Фред понуро смотрел перед собой.

Улыбка сошла с лица Гарри и больше не появлялась.

— В какой гавани?

— Ну... ну это такая шутка. Сегодня рассказали. Только вот начало я запомнил.

— А-а, — Гарри пригубил из стакана, — па-анятно.

С минуту они молчали, затем заговорил Лу:

— На сегодня закончил?

— Нет, к сожалению. Осталось прибраться в классах математики.

— Это плохо.

Фред вытер с усов пену.

— Послушайте. Ответьте-ка мне на один вопрос, — хранить все в себе он больше уже не мог, — что бы вы подумали, если бы, проснувшись однажды утром, вы вдруг ни с того ни с сего начали лепетать на французском?

— А кто это таким проснулся? — скосил глаза Гарри.

— Да нет, никто. Я просто... предположил. Ну предположим, что человек... э-э... как бы это выразиться, вдруг понимает, что знает то,

¹ В гавани находится более пятидесяти кораблей (итал.).

чего никогда не учил. Непонятно? Ну вот просто раз — и он это *знает*. Как будто знания эти всегда были у него в голове, но до него это дошло только сейчас.

— Что еще за знания? — спросил Лу.

— Ну-у... история, к примеру. Языки всякие... иностранные... а еще книги, живопись... атомы и молекулы, химические соединения, — Фред неловко поежился, — и прочие другие сведения.

— Темнишь, приятель. Или я тупой, или... — Последние надежды Гарри похихотать над новым анекдотом рассеялись.

— Ты хочешь сказать, он знает то, о чем никогда даже и не читал? — перебил его Лу. — Я правильно понял?

По речи, по интонации обоих своих друзей Фред почувствовал, что они чего-то не договаривают, в чем-то как будто сомневаются, но боятся признаться. Как будто что-то подозревают, но молчат.

— Ладно, забудем об этом. Я сдуру предположил, а вы и уши развесили.

В тот вечер, ограничившись одной-единственной кружкой, он ушел рано под тем предлогом, что нужно успеть прибраться у математиков, и всю оставшуюся часть дня — и когда подметал, и когда мыл, и вытирал пыль — Фред размышлял только об одном: что с ним происходит?

Дома ждала Ева, несмотря на то что было далеко за полночь.

— Кофе будешь?

— Буду. — Она встала, чтобы налить, но тут же села обратно, услышав: «S'accomadi, la prego»¹.

Глядя на осунувшееся, мрачное лицо жены, Фред перевел:

— Я сказал, сядь, Ева, сам достану.

Пока пили кофе, Фред Элдерман поведал супруге о том, что пережил за последние несколько часов.

— Понимаешь, Ева, у меня это просто не укладывается в голове. Мне... мне даже страшно становится. Я столько знаю того, чего не знал раньше, и при этом понятия не имею, откуда что взялось... ну ни малейшего представления. Но я знаю! Зна-ю, понимаешь меня?

— То есть... ты имеешь в виду, что знаешь не один только французский?

— Какой там французский! — Фред ухватился руками за голову. — Ты только послушай. — Он отставил в сторону чашку: — Основной прогресс в получении быстрых частиц был достигнут путем использования относительно невысоких напряжений и многоступенчатого ускорения, причем в большинстве используемых приборов и установок заряженные частицы запускались по круговой или спиральной орбите, для чего применялся... Ева, ты слушаешь?

— Слушаю, — у нее задрожали руки.

¹ Сядь, умоляю (итал.).

— ...мощный электромагнит. Ускорение может применяться различными способами. Например, в так называемом бетатроне Керста и Сербера...

— *Что это значит, Фред?*

— Не знаю. Просто... просто это само взялось откуда-то у меня в мозгу. И еще... когда я говорю что-нибудь по-иностранному, я все понимаю. Но языки ладно, а как...

Чтобы успокоить дрожь, Ева сложила руки на груди и встала.

— Что-то здесь не так, Фред.

Он нахмурился и долго на нее смотрел.

— Что именно, как ты думаешь?

— А черт его знает! — Ева немного пришла в себя и медленно покачивала головой. — Мне это совершенно непонятно.

Проснувшись посреди ночи, она услышала у себя под боком сонное бормотанье Фреда:

— «Натуральные логарифмы целых чисел от десяти до двухсот. Номер первый — ноль — две целых, три тысячи двадцать шесть десятитысячных. Единица — две целых, три тысячи девятьсот семьдесят девять. Двойка — две целых...»

— Фред, ну давай же спать!

— «...четыре тысячи восемьсот сорок девять».

— Фред!! — Она толкнула его локтем. — Спи!

— «Три — две целых...»

— Фред!!!

— А? Что? — спросил он спросонья, облизнул губы и перевернулся на другой бок.

В тишине спальни Ева слышала, как он поправил подушку и подоткнул одеяло.

— Фред, — позвала она как можно мягче.

Фред глухо кашлянул.

— Что, дорогая?

— Мне кажется, завтра утром тебе следует показаться доктору Буну.

Ответом ей был длинный, глубокий вдох и такой же длинный, полный выдох.

— Мне тоже так кажется. Давай спать.

В пятницу утром Фред Элдерман вошел в приемную доктора Уильяма Буна, и залетевший в открывавшуюся дверь сквозняк сдул на пол бумаги со столика медсестры.

— О, простите. *Le chieggo scuse. Non ne val la pena*¹.

Сидящая у доктора Буна в приемной и принимающая вызовы мисс

¹ Прошу прощения. Не стоит затруднений (*итал.*).

Агнесса Маккарти работала с ним уже на протяжении семи лет и никогда прежде слышать иностранную речь из уст Фреда Элдермана ей не доводилось.

Поэтому она слегка приподняла брови и, не скрывая изумления, спросила:

— Что вы сейчас сказали?

Фред попробовал улыбнуться, но получилось вымученно и неестественно.

— Ничего, — ответил он и после небольшой паузы добавил: — мисс.

Одарив его дежурной улыбкой, девушка предложила сесть.

— Доктор просил извинить, мистер Элдерман, но вчера он никак не мог вас принять.

— Ничего страшного.

— Он освободится через десять минут.

Четверть часа спустя Фред сидел перед доктором Буном и беспомощно смотрел на внушительных размеров грузную фигуру откинувшегося в кресле представителя медицинской науки.

— Что, Фред, нездоровится?

Он объяснил ситуацию.

Радужная улыбка доктора по мере рассказа прошла через несколько стадий: от откровенно удивленной вначале она становилась постепенно застывшей и вежливой, затем неестественно напряженной и наконец исчезла совсем.

— И это действительно правда?

Фред мрачно опустил голову.

— *Je me laisse conseiller*¹.

Густые брови мистера Буна взлетели вверх.

— И в самом деле французский. Что вы мне сказали?

Фред проглотил подступивший к горлу комок.

— Я сказал, мне нужен совет.

— Фу-ты, ну-ты, палки гнуты, — нараспев проговорил доктор и закусил нижнюю губу, — фу-ты, ну-ты, чудеса. — Он встал и принялся ощупывать пальцами голову Фреда. — Никаких ударов, травм в последнее время не было?

— Нет.

— Хм-м, интересно. — Руки доктора Буна оставили голову пациента в покое. — Ни шишек, ни трещин, на первый взгляд, не наблюдается. — Он нажал кнопку, вошла мисс Маккарти. — Направьте на рентген.

Рентген, однако, ничего не дал.

Вскоре они снова сидели за тем же столом, друг напротив друга.

¹ Я ищу совета (фр.).

— Невероятно, но факт, — подвел итог доктор, на что Фред только сокрушенно вздохнул. — Советую не принимать это слишком близко к сердцу. Право же, не вижу особого повода для беспокойства, Фред. Ты у нас теперь — чудо-ребенок, но что из этого?

Дрожащие пальцы Фреда теребили усы.

— Но почему? Зачем? Какой в этом смысл? Признаюсь, меня это пугает.

— Ерунда, Фред. Нонсенс. Ты в отличном состоянии, и я гарантирую...

— Но что будет... — Фред запнулся, — что станет с моим мозгом?

По-прежнему закусив губу, доктор Бун попытался утешить сидящего перед ним человека. Он усмехнулся, приладил волосы, стукнул ладонью по столу и сказал:

— Об этом бы я тоже не беспокоился. Знаешь что, Фред, дай я подумаю, хорошо? Посоветуюсь с коллегами, мы проанализируем... А потом я дам тебе знать, договорились?

Провожая пациента до дверей, он добавил:

— А пока мы этим занимаемся, постарайся отвлечься. Повторяю: повода для беспокойства нет.

Тем не менее, когда доктор Бун, вернувшись к столу, снял трубку и начал набирать номер, лицо его было довольно встревоженным.

— Фетлок, это ты? У меня для тебя задача.

Ноги принесли Фреда в бар «Уиндмилл», скорее, по привычке, чем из необходимости забыться и что-нибудь выпить. Ева упорно настаивала на том, чтобы он остался дома, полагая, что причиной всему переутомление на работе, Фред же, в сотый раз повторяя, что со здоровьем у него все в порядке, воспротивился и, бросив с порога: «Au revoir»¹, поспешно свалил от семейного очага.

В привычной компании Гарри Балларда и Лу Пикока он проглотил первую пинту, не проронив ни слова, рассеянно внимая пространным рассуждениям Гарри о том, почему им не следует голосовать за кандидата в законодатели Милфорда Карпентера.

— Он напрямую связан с Москвой, говорю я вам, — твердил Гарри, — еще парочка таких типов в высшем эшелоне власти, и нам крышка. Вспомняете мое слово. Что скажешь, старина? — хлопнул он по плечу рассматривавшего пивные узоры Фреда.

На этот раз Фред рассказал все как есть. Признался, как если бы подцепил какую-нибудь заразу.

Лу Пикок недоверчиво вылупился.

— Так, значит, вон оно в чем дело. А уж я тогда грешным делом подумал...

¹ До свидания (фр.).

Фред несколько раз утвердительно кивнул головой.

— И ты нас не разыгрываешь? — спросил Гарри. — Ты теперь все-все знаешь?

— Почти.

Глаза у Гарри хитро заблестели.

— А что, если я задам вопрос и ты не ответишь?

— Буду только рад, — голос у Фреда был усталый и невыразительный.

Гарри воссиял.

— О'кей, дружище! Я не буду из тебя вытягивать, что ты знаешь об атомах, и тем более о всяких сложных веществах, а просто попрошу рассказать о местности, где я родился. Ну-ка, давай, что там между городками О'Сабле и Тарвой? — Весьма довольный собой, он стукнул кулаком по стойке.

Засветившаяся было на лице Фреда Элдермана надежда сменилась унылым разочарованием. Он начал, как добросовестно вызубривший домашнее задание школьник:

— Если ехать от О'Сабле в направлении Тарвы, то путь ваш пройдет по типичным равнинным землям, пересеченным оврагами, которые некогда покрывали девственные сосновые леса. В те времена на дорогах часто можно было встретить знаки, предупреждающие о появлении дикого оленя, теперь же сохранился лишь негустой подлесок, состоящий из дубков, сосен и тополей. С тех пор как заготовки леса резко снизились, одним из основных занятий местного населения стал сбор черники.

У Гарри отвисла челюсть.

— А зная о том, что ягоды в изобилии появляются после лесных пожаров, — продолжал Фред, — местные жители устраивали пожары специально, и в результате местности был анесен немалый ущерб.

— Враки! — Гарри не выдержал и угрожающе приподнялся со стула. — Грязное, вонючее вранье!

Фред замолчал.

— И ты еще смеешь шлаться по барам и всем так же рассказывать? И ты называешь это знанием местности, где я родился? Да это же гнусные выдумки.

— Уймись, Гарри. Не кипятись, — осадил приятеля Лу.

— Хорошо, я сяду. Но пусть он скажет, где он такого нахватался?

— Я никому ничего не говорил, — попробовал оправдываться Фред, — ничего нигде не рассказывал. Это как будто... как будто я это где-то прочитал и запомнил.

— А-а, то-то же... — Гарри нервно вертел в руке стакан.

— Неужели ты и вправду *все-все* знаешь? — отчасти от страха, а отчасти для того, чтобы разрядить обстановку, спросил Лу.

Фред посмотрел в пол.

— Боюсь, что так.

— И это никакая не... никакой не фокус?

— Хорош фокус, — печально усмехнулся Фред, — разве я способен на фокусы?

Коротышка Пикок что-то быстро соображал.

— А не ответишь ли ты мне, — вкрадчиво осведомился он, — чем отличаются от остальных оранжевые розы?

И снова с выражением унылого разочарования Фред Элдерман забубнил:

— Оранжевый у роз не является коренным цветом, а представляет из себя смесь красного и розового различной яркости с желтым. До появления штамма «Пернация» оранжевых роз было очень и очень мало; все оранжевые, абрикосовые, коралловые розы, а также цвет «серна» переходят со временем в более или менее выраженный розовый, а некоторые приобретают совершенно чудный оттенок, известный под названием «бедро испуганной нимфы».

Лу Пикок сидел словно пораженный молнией.

— Нет, вы только послушайте!

— А что тебе известно про Карпентера? — задиристо надул щеки Гарри Баллард.

— Милфорд Карпентер, родился в Чикаго, в 1898 году, штат Иллинойс...

— Ну хватит, хватит. Ты думаешь, я сильно им интересуюсь? Да он же красный, комми — и этим все сказано.

Но Фреда словно прорвало.

— В политической кампании успех зависит от целого ряда аспектов, как то: личность кандидата, выдвигаемая программа, отношение к нему прессы, экономические группировки, традиции конкретного региона, опросы общественного мнения...

— А я говорю он — красный! Карпентер — комми, — драчливо наступал Гарри.

Его опять остановил Лу.

— Но ты же сам за него голосовал на прошлых выборах, если мне память не...

— Я не голосовал! Ты понял?! — Гарри покраснел, лицо у него покрылось потом.

Фред Элдерман словно того и ждал.

— Запоминание определенных вещей в искаженном виде, извращение фактов есть свойство человеческой памяти, известное под определениями «патологическая склонность ко лжи» или «мифомания».

— Ты хочешь сказать, что я — лжец? Отвечай, Фред!

— Это явление отличается от обычной лжи тем, что говорящий и сам начинает верить в то, что он себе вообразил и...

Уже поздно ночью, когда они с Евой сидели вдвоем на кухне, она спросила:

— Откуда у тебя этот синяк под глазом? Ты дрался? И это в твои-то годы?

Но Фред посмотрел на жену так, что она сразу кинулась к холодильнику, достала лед и, усадив мужа к свету, приложила кусок к больному месту, а он, пока Ева это делала, рассказал, что произошло.

— Чего ты с ним связался? — ругалась она. — Ему бы только кулаки почесать, забияка чертов!

— Перестань, Ева. Он не виноват вовсе. Это я его оскорбил, потому что я уже не знаю, что говорю. У меня все... я окончательно запутался, Ева.

Посмотрев на сгорбившуюся фигуру мужа, она тяжело вздохнула.

— Когда же наконец этот доктор Бун хоть что-нибудь сделает?!

— Не знаю.

Час спустя, вопреки протестам супруги, Фред Элдерман отправился убираться в библиотеке; но как только он переступил порог огромного абонементного зала, дыхание у него перехватило и, сжимая виски руками, Фред опустился на одно колено и тяжело простонал:

— О Боже! Моя голова! Моя голова!

Боль отпустила не скоро, да и то лишь после того, как он посидел довольно долго внизу под лестницей, тупо разглядывая кафельные плитки пола; голова кружилась, раскалывалась, и ощущение у Фреда Элдермана было такое, будто он этим вечером противостоял на ринге чемпиону мира по боксу в тяжелом весе среди профессионалов и выдержал по крайней мере раундов тридцать.

Утром пришел Фетлок. Артур Б. Фетлок, сорока двух лет, невысокий и крепко сбитый, возглавлял факультет психологии и, появившись в тот день у Элдерманов, был одет в просторный клетчатый плащ, а на голове у него красовалась шляпа с круглой плоской тульей и загнутыми кверху краями. Движения его дышали необыкновенной энергией, Фетлок не шел, а летел. Он вспрыгнул на крыльцо, перескочил через прогнившую доску и ударил пальцем по звонку.

Дверь открыла Ева.

— С кем имею честь?

Объяснив кратко цель визита и не заметив даже, как испугалась хозяйка дома, услышав в чем он специализируется, Фетлок поспешил заверить, что пришел исключительно по настоянию доктора Буна, после чего Ева провела его к мужу, объясняя на ходу состояние Фреда:

— Приступ случился вчера ночью. Сегодня он еще не вставал.

— О-о? — удивился Артур Фетлок.

Когда Ева его представила и оставила с больным наедине, профес-

сор Фетлок задал Фреду Элдерману целую серию быстрых вопросов. Фред отвечал, откинувшись на подушки; отвечал, как мог, конечно.

— Этот приступ, или удар, как именно он произошел?

— Не знаю, профессор. Я вошел в библиотеку и... как будто по голове меня стукнула бетонная глыба. Впрочем, постойте, точнее будет сказать не *по* голове, а *в* голову, в мозг.

— Поразительно. А эти знания, которые вы, по вашим словам, приобрели за последнее время... они увеличились, возросли? Я имею в виду с момента этого злосчастного визита в библиотеку?

— О, конечно, профессор. Я знаю больше, чем когда-либо.

Артур Фетлок мягко постукивал растопыренными пальцами рук друг о друга.

— Хорошо, проверим. Труд по лингвистике, автор Пей, стеллаж 9-Б, регистрационный номер 429-2. Прочитайте что-нибудь, пожалуйста.

В первое мгновение Фред отрешенно уставился перед собой, но уже в следующую секунду слова полились из него сами:

— Вначале Лейбниц выдвинул теорию, и он был в этом первым, согласно которой все языки произошли не от какого-то исторически известного источника, а появились как следствие прото-речи. В некотором смысле Лейбниц стал предшественником...

— Достаточно. Очень хорошо, — прервал его Фетлок, — очевидно здесь мы имеем случай проявления спонтанной телепатии и ассоциированного ясновидения.

— Что это значит?

— Телепатия, мой дорогой Элдерман. Телепатия! Похоже на то, что вы начисто считываете содержание любой книги, которая попадается вам на пути. И не только книги, но и... Вы работали в отделении французского языка и заговорили по-французски; прибравшись у математиков — начали цитировать логарифмические таблицы, и так было с каждым факультетом, с каждой кафедрой, с каждым предметом и... с каждой ученой личностью. — Профессор задумчиво поджал губы. — Но к чему все это?

— *Causa qua re*¹, — только и смог пробормотать Фред.

— Да-да, хотел бы я это знать. Однако... — Артур Фетлок склонился вперед и прищелкнул языком. — О чем это я говорил?

— Как вышло, что я столько всего выучил? Вернее...

— Ну, видите ли, мой дорогой, это не так трудно, как кажется. Ни один человек еще не смог полностью использовать запоминающую способность собственного мозга. Мозг обладает ог-громным потенциалом. Так что возможно — именно это с вами и происходит. Ваш потенциал проявился и...

— Но каким образом?

¹ По какой причине (лат.).

— Спонтанно приобретенная телепатия и ясновидение плюс бесконечная удерживающая способность и неограниченный потенциал. — Профессор присвистнул. — Поразительно. Просто поразительно. А сейчас извините, я вынужден откланяться.

— И что мне теперь делать?

— Что? Да ничего, пользуйтесь этим. Это же абсолютно фантастический талант. Кстати, вот еще... хочу вас попросить. Если мы соберемся на факультете, в узком кругу, конечно, не согласитесь ли к нам прийти и поговорить? Неофициально, разумеется. Ну как, придете?

— Но я...

— Все будут шокированы. Ошеломлены. И я обязательно подготовлю статью для «Журнала».

— Что это значит, профессор? — Фред Элдерман готов был разрыдаться.

— Только не надо бояться. Мы вас не укусим. Подумать только, настоящее открытие! Феномен, равных которому нет в истории. — Артур Фетлок восхищенно хохотнул. — Не-ве-ро-ят-но!

Невысокий профессор ушел, а Фред Элдерман остался сидеть на кровати, как побитый. Неужели ничего больше не остается? Неужели его удел отныне — разглагольствовать и извергать бесконечные потоки непонятных слов, а ночами замирать от ужаса в ожидании чего-то необъяснимого? Может быть, для профессора это и интересно, может быть, это будет их лакомой интеллектуальной пищей и для его коллег, но для него — Фреда Элдермана — это мрачная и пугающая действительность, и чем дальше, тем страшнее.

Зачем? Почему? Ни ответить на этот вопрос, ни уйти от него Фред не мог.

Погруженный в невеселые размышления он и не заметил, как вошла Ева. Ева пересекла комнату, присела на одеяло, и только тогда Фред поднял на нее взгляд.

— Что сказал профессор?

Фред рассказал, реакция жены напоминала его собственную.

— И все?! Пользоваться этим? — Она не в силах была скрыть свое возмущение. — Да что он за специалист такой?! Зачем только доктор Бун послал его? Не понимаю.

Фред грустно склонил голову на грудь.

Лицо его выражало такую растерянность, такой испуг, что Ева протянула руку и ласково погладила мужа по щеке.

— Очень болит?

— Болит внутри. В моем... — слово повисло на кончике языка. — Если рассматривать мозг как ткань, то можно сказать, что он обладает умеренной сжимаемостью и находится в постоянном окружении двух действующих начал, а именно: крови, которая в нем содержится, и окружающей его и наполняющей находящиеся внутри мозга желудочки спинномозговой жидкости...

Усилием воли Фред заставил себя замолчать.

— Да поможет нам Господь! — взмолилась Ева.

— В своем труде «Аргументы против веры во Всевышнего» Секст Эмпирик утверждает следующее: «Люди, положительно полагающие, что Бог существует, заявляющие это, не могут не прийти к такому состоянию, в котором их самих можно будет обвинить в отсутствии набожности и благочестия, ибо...»

— Прекрати, Фред!

Фред видел жену как в тумане.

— Да ты же не понимаешь, что говоришь. Верно ведь?

— Верно, Ева. Ни черта не понимаю. Но Ева... что происходит?!

Обхватив голову мужа руками, она нежно гладила его по волосам.

— Ничего, родной. Успокойся. Все пройдет.

Фред, однако, встревожился еще больше. За всесторонними, всеобъемлющими энциклопедическими познаниями он оставался все тем же простым, бесхитростным Фредом, каким был раньше. И ему было страшно.

Почему это происходит?

Получалось, что в результате чьей-то отвратительной шутки он превратился в губку и, как губка воду, поглощал, впитывал и всасывал бесконечные знания. Но придет момент, губка растянется и лопнет. Что тогда?

Профессор Фетлок сам подошел к нему в понедельник утром в одном из университетских коридоров.

— Здравствуйте, Элдерман. Я разговаривал с коллегами, они ждут не дождутся. Может быть, сегодня после обеда, если не возражаете? Я могу похлопотать, и вас освободят на это время от любой вашей работы. Ну так как?

Радостный энтузиазм профессора не произвел на Фреда ровно никакого впечатления.

— Спасибо, но хлопотать не стоит. Я приду.

— Превосходно! В половине пятого вас устроит? В моем кабинете?

— Хорошо, мистер Фетлок.

— Могу я предложить одну идейку? Не возражаете? Я бы попросил вас до этого часа обойти университет, сколько сможете.

Расставшись с возбужденным профессором, Фред Элдерман спустился к себе в каморку и убрал инструменты.

В двадцать пять минут пятого он подошел к массивной двери с табличкой «Факультет Психологии», положил руку на большую круглую ручку и, толкнув дверь от себя, подождал. Собравшиеся в помещении преподаватели и сотрудники что-то обсуждали, наконец

кто-то заметил, что Фред пришел, шепнул профессору, и Фетлок, отделившись от остальных, направился ему навстречу.

— О, Элдерман! Входите же, что вы там стоите?

— Простите, профессор, я хотел спросить... Доктор Бун вам что-нибудь еще говорил? Я имею в виду, о том...

— Нет-нет, ничего не говорил. Но мы дойдем до этого, проходите же, не стесняйтесь. Дамы и господа, минуту внимания! Разрешите представить вам...

Услышав громко произнесенные свои имя и фамилию и став центром внимания, Фред изо всех сил старался держаться как можно непринужденнее, но сердце его стучало словно колокол, а руки предательски дрожали.

— А позвольте поинтересоваться, мистер Элдерман, — так же громко продолжал профессор, — сделали ли вы то, что я просил? Обошли ли вы все кафедры и отделения университета?

— Да... с-сэр.

— Отлично! Просто замечательно! — воскликнул довольный Фетлок. — Теперь мы имеем все, что нам нужно! Вы только представьте, дамы и господа, — суммарный итог всей университетской науки в голове одного этого стоящего перед вами человека!

Кое-кто из собравшихся позволил себе высказать сомнения.

— Нет! Нет и еще раз нет! Я серьезен как никогда, — профессор протестующе поднял руки, — впрочем, соловья баснями не кормят, попрошу вопросы. Кто первый?

В воцарившейся тишине Фред Элдерман стоял и думал о том, что только что сказал доктор Артур Фетлок. Все университетские знания в одной его голове? Но не значит ли это, что больше туда уже помещаться нечему?

Что будет с ним теперь?

Затем посыпались вопросы. Вопрос — ответ, вопрос — ответ, монотонный и бесстрастный речитатив.

— Что произойдет с Солнцем через пятнадцать миллионов лет?

Ответ: «Если Солнце будет продолжать излучать энергию с той же силой, что и в настоящее время, то через пятнадцать миллионов лет вся его масса перейдет в свет и тепло».

— Что называется основным тоном в музыке?

Ответ: «В каждом гармоническом сочетании составляющие его тона имеют различные гармонические значения, причем некоторые подавляют остальные и доминируют в том или ином звуковом единстве. Эти стержневые тона...»

Все знания целого университета в одной голове. В его голове.

— Пять ордеров в римской архитектуре.

Ответ: «Тосканский, дорический, коринфский, ионический, смешанный. Тосканский, по сути дела, — это упрощенный дорический; в дорическом сохранились триглифы; коринфский характерен...»

И не осталось больше таких знаний, которыми бы он не обладал. Его мозг напичкан ими до отказа. Но почему? Зачем?

— Буферная емкость?

Ответ: «Буферная емкость раствора определяется как dx/dpH , где dx — это небольшое количество сильной кислоты или...»

Для чего ему это?

— Как сказать по-французски «мгновение тому назад»?

Ответ: «Il n'y a qu'un instant».

Вопросам, казалось, не будет конца, а задающие их распалялись все больше и больше и почти уже кричали.

— Как определить, чем занимается литература?

— Литература как таковая имеет дело с идеями, потому что она рассматривает Человека в обществе, а иными словами — она имеет дело с определениями, моральными оценками и...

Зачем это?

— Правило для выставления мачтовых огней на пароходных судах? — Смех.

— Пароходное судно, выходя в навигацию, должно иметь следующие огни: на фок-мачте или непосредственно перед ней, а если судно не имеет фок-мачты, то на носу выставляется яркий белый огонь, устроенный таким образом, что...

Смех стих. Снова вопросы.

— Как взлетает трехступенчатая ракета?

— Траектория взлета трехступенчатой ракеты рассчитывается вертикально, и ей придается небольшое кклонение в восточном направлении, брэнн-плюс происходит примерно...

— Кто такой граф Берзалот?

— Каковы побочные продукты переработки нефти?

— В каком городе...

— Как происходит...

— Что является...

— Когда состоялась...

Когда все закончилось и он ответил на каждый без исключения заданный вопрос, наступила тяжелая, гнетущая тишина. Не в силах более открыть рот, дрожа всем телом, Фред Элдерман вдруг начал осознавать...

— Вас, мистер Элдерман. — Это зазвонил сразу всех испугавший телефон, профессор Фетлэк протягивал ему трубку.

Фред подошел к телефону и услышал знакомый голос жены.

— Фред, это ты?

— Qui¹.

— Что-что?

Его передернуло.

¹ Да (фр.).

— То есть да, Ева. Я хотел сказать да. Извини.

Он слышал, как на другом конце провода Ева зашмыгала носом.

— Фред... я просто хотела спросить... почему ты не пришел на обед? Я уже звонила Чарли, и он мне сказал...

Фред в двух словах обрисовал положение.

— Прости меня, — извинилась она, — скажи только, на ужин пригласишь или?..

Конечное, последнее знание просачивалось в мозг и медленно накапливалось, накапливалось...

— Постараюсь, Ева. Думаю, что приду.

— Фред, я волновалась.

Он грустно усмехнулся.

— И напрасно. Волноваться не о чем.

Послание оформилось и резкой бритвой полоснуло по мозгу.

— Пока, Ева. Увидимся вечером. — Фред бросил трубку и извинился перед Фетлоком и остальными. — Прошу прощения, но мне срочно нужно идти.

Он даже не слышал толком, что они сказали на прощанье, потому что все вокруг него вдруг поплыло — и комната, и коридор, и над всем нависла внезапная, остро сконцентрированная в его уме необходимость выйти на свежий воздух, на просторный университетский двор.

Оставив позади любопытные вопрошающие лица, он сбежал по лестнице, ноги сами несли его вперед, и действия Фреда стали такими же немотивированными и неподдающимися объяснению, как и речь за несколько минут перед этим. Неведомая сила увлекала его. Если раньше он говорил, не зная что и зачем, то теперь, также не зная зачем и куда, бежал.

Позади остался вестибюль, Фред Элдерман задыхался. Послание стало еще конкретнее: «Иди быстрее. Пора».

Кому могут быть нужны все эти вещи? Кому они могут понадобиться, эти бесконечные сведения о земной жизни?

О земной жизни...

Спотыкаясь и почти падая, он сбежал по центральной лестнице в сгущающиеся сумерки и высоко в небе увидел ярко сияющий голубовато-белый свет. Поверх крыш зданий, поверх деревьев свет направлялся прямо на него.

Фред словно окаменел, он смотрел и не мог оторваться, теперь он точно знал, зачем и почему.

Голубовато-белый свет, мягко жужжа, сверлил его, пронизывал и буравил. Где-то неподалеку закричала женщина.

«Жизнь на других планетах, — озарила разум последняя фраза, — не только возможна, но и весьма вероятна».

Свет ударил его и подобно отраженной от громоотвода молнии отскочил обратно к источнику, оставив Фреда Элдермана в ужасной черной темноте.

Старик бесцельно бродил по зеленым лужайкам кампуса, как немой лунатик. Когда его нашли и попробовали с ним говорить, он был не в состоянии сказать даже слова, поэтому пришлось заглянуть в бумажник, чтобы узнать и имя, и фамилию, и где живет, после чего старика отвели домой.

А спустя год, когда к нему начала понемногу возвращаться речь, старик, запинаясь, произнес первые звуки. Это произошло однажды вечером в ванной, в руке он сжимал губку.

— Фред, что ты делаешь?

— М-ме... н-ня... в-вы-жа-ли... — сказал он.

ЛЕММИНГИ

— Откуда все они берутся? — поинтересовался Риордон.

— Отовсюду, — сообщил Кармэк.

Они стояли на краю прибрежного шоссе. Насколько хватало глаз были одни только автомобили. Тысячи машин, уткнувшихся бампером в бампер, прижавшихся дверкой к дверке. Шоссе было плотно покрыто ими.

— Вон еще идут, — заметил Кармэк.

Двое полицейских наблюдали, как толпа людей идет по направлению к пляжу. Многие из них разговаривали и смеялись. Некоторые были очень тихими и серьезными. Но все они шли по направлению к пляжу.

Риордон покачал головой.

— Не понимаю, — сказал он в сотый раз за эту неделю. — Совсем ничего не понимаю.

Кармэк пожал плечами.

— Не думай об этом, — посоветовал он. — Происходит — и все тут. Что еще надо?

— Но это же безумие.

— Да ладно, вон они идут, — показал Кармэк.

Пока двое полицейских смотрели, толпа пересекала серый песок пляжа и входила в воду. Некоторые поплыли. Большинство же не могли — из-за одежды. Кармэк видел, как бьется в воде молодая женщина, увлекаемая на дно своей намокшей шубой.

Через несколько минут все исчезли. Двое полицейских устались на то место, где люди вошли в воду.

— Сколько это будет продолжаться? — спросил Риордон.

— Думаю, пока они не погибнут, — предположил Кармэк.

— Но зачем?

— Ты когда-нибудь читал о леммингах?

— Нет.

— Это грызуны, которые живут в скандинавских странах. Они

размножаются до тех пор, пока не иссякнут все источники снабжения пищей. И тогда они передвигаются по стране, уничтожая все на своем пути. Они продолжают двигаться, даже когда достигнут моря. Они плывут до полной потери сил. Миллионы леммингов.

— Так ты думаешь, что *это* — то же самое? — догадался Риордон.

— Может быть, — не отрицал Кармэк.

— Люди — не грызуны! — воскликнул в гневе Риордон.

Кармэк ничего не ответил.

Они стояли на краю шоссе и ждали — но никто больше не появлялся.

— Где же они? — спросил Риордон.

— Наверное, все уже в воде, — подал мысль Кармэк.

— *Все?*

— Это продолжается больше недели, — пояснил Кармэк. — Люди, видимо, прибывали сюда отовсюду. К тому же есть еще и озера. Риордон вздрогнул.

— Все! — произнес он.

— Не знаю, — прокомментировал Кармэк. — Но они до сих пор все приезжали и приезжали.

— Боже мой!

Кармэк достал сигарету и прикурил.

— Ну, — обратился он, — что дальше?

Риордон вздохнул:

— Мы?

— Ты иди, — посоветовал Кармэк, — а я немного подожду и посмотрю, не остался ли еще кто.

— Хорошо. — Риордон протянул руку. — До свидания, Кармэк.

Они пожали друг другу руки.

— До свидания, Риордон, — сказал Кармэк.

Он стоял, курил сигарету и смотрел, как его друг пересекает серый песок пляжа и идет дальше, пока вода не скрыла его голову. Он видел, как Риордон проплыл несколько десятков ярдов и исчез.

Через некоторое время он выбросил сигарету и посмотрел вокруг. Затем тоже вошел в воду.

Вдоль пляжа стоял миллион пустых автомобилей.

ДЕТИ НОЯ

Было чуть больше трех часов утра, когда мистер Кетчум проехал мимо указателя с надписью «ЗАХРИЙ: нас.67». Он тяжело вздохнул. Еще один приморский поселок в бесконечной череде селений, растянувшихся вдоль побережья штата Мэн. Он на секунду плотно закрыл глаза и, открыв их, нажал на акселератор. «Форд» быстро устремился

вперед. Может быть, если повезет, он скоро доберется до приличного мотеля. Конечно, вряд ли такой имеется в Захрии: нас.67.

Мистер Кетчум сдвинул на сиденьи свое грузное тело и распрямил ноги. Отпуск проходил отвратительно. Он планировал проехать по великолепным, овеянным историей местам Новой Англии, пообщаться с природой и предаться ностальгии. Но вместо этого его ожидали скука, усталость и лишние расходы.

Мистер Кетчум бел недоволен.

Он ехал по главной улице — Мэйн-стрит. Похоже, весь поселок крепко спал. Шум его мотора был единственным звуком. Увидеть можно было только рассекающий темноту свет фар. Они высветили еще один знак: «Ограничение скорости — 15 миль/час».

— Ну да, конечно, — пробормотал он с презрением, выжимая газ. Три утра, а отцы этого поселка хотят, чтобы он пробирался по их вшивой деревне ползком. Мистер Кетчум смотрел, как за окном быстро проносятся темные дома. «До свидания, Захрий! — подумал он. — Прощай, “нас.67”!»

Но тут в зеркале заднего вида появился другой автомобиль. В полуквартале от него, «седан» с включенной красной мигалкой на крыше. Он прекрасно знал, что это за машина. Нога отпустила акселератор, и он почувствовал, как участилось сердцебиение. Возможно ли, чтобы они не заметили его скорость.

Ответ последовал с нагнавшей его темной машины от высунувшегося из ее переднего окна мужчины в широкополой шляпе.

— Примите вправо и остановитесь! — рявкнул он.

Сглотнув пересохшим вдруг горлом, мистер Кетчум направил машину к обочине. Он вытянул рычаг ручного тормоза, повернул ключ в замке зажигания — и машина замерла. Полицейский автомобиль вырулил носом к обочине и остановился. Открылась правая передняя дверца.

В свете фар машины мистера Кетчума появилась приближающаяся к нему темная фигура. Он быстро нащупал левой ногой кнопку и переключил свет на ближний. Снова сглотнул. Какая досада! Три часа утра, полнейшая глушь — и захолустный полицейский ловит его на превышении скорости. Мистер Кетчум стиснул зубы и стал ждать.

Человек в темной форме и широкополой шляпе наклонился к окну.

— Права.

Мистер Кетчум трясущейся рукой вытащил из внутреннего кармана бумажник и нащупал в нем права. Вручил их, заметив при этом, что в глазах полицейского не было ни малейшего выражения. Он спокойно сидел, пока полицейский светил фонариком на его права.

— Из Нью-Джерси?

— Да, от... оттуда, — произнес мистер Кетчум.

Полицейский не переставал разглядывать права. Мистер Кетчум нетерпеливо подвинулся на сиденьи и сжал губы.

— Они не просрочены, — наконец выдал он.

Он увидел, как полицейский поднимает голову. Узкий круг света от фонарика ослепил его. Перехватило дыхание. Он отвернул голову. Свет исчез, и мистер Кетчум заморгал слезящимися глазами.

— В Нью-Джерси разве не смотрят на дорожные знаки? — вопрошал полицейский.

— Почему же, я просто... Вы имеете в виду указатель, который говорит, что н-население — шестьдесят семь человек?

— Нет, я не об этом указателе.

— А-а, — мистер Кетчум кашлянул, — да, но это единственный знак, который я видел.

— Значит, вы плохой водитель.

— Да, но я...

— Знак устанавливает ограничение скорости в пятнадцать миль в час. У вас было пятьдесят.

— О! Я... Боюсь, я его не заметил.

— Скорость ограничена пятнадцатью милями в час независимо от того, заметили вы его или нет.

— Хорошо, но в... в этот утренний час?

— Вы видели под знаком расписание? — поинтересовался полицейский.

— Нет, конечно же, нет. То есть, я вообще не видел знака.

— Не видели?

У мистера Кетчума поднялись волосы на загривке.

— Вот-вот, — начал он чуть слышно, но замолк и уставился на полицейского. — Можно взять права? — спросил он наконец неразговорчивого полицейского.

Тот не проронил ни слова, лишь стоял неподвижно посреди улицы.

— Можно?.. — начал мистер Кетчум.

— Следуйте за нашей машиной, — резко приказал полицейский и зашагал прочь.

Мистер Кетчум ошеломленно уставился на него.

— Эй, подождите! — чуть ли не взвыл он. Полицейский даже не вернул ему права. Мистер Кетчум ощутил неожиданный холодок в животе.

— Что *это* такое? — пробормотал он, наблюдая, как полицейский садится в свою машину. Полицейский автомобиль отъехал от обочины, на крыше снова заработала мигалка.

Мистер Кетчум поехал следом.

— Это возмутительно! — сказал он вслух. — Они не имеют права. Это что — средние века? — Его тонкие губы сжались в бледную

полоску, но он продолжал следовать за полицейской машиной по Мэйн-стрит.

Через два квартала полицейский автомобиль свернул. В свете фар мистер Кетчум увидел стеклянную витрину магазина. Облупившиеся от дождя и ветра буквы образовывали надпись: «Бакалейная лавка Хэнда».

На улице не было фонарей, и поездка напоминала продвижение по покрашенному тушью коридору. Впереди светились лишь три красных глаза полицейской машины: задние габаритные огни и мигалка; позади — непроницаемая чернота. Конец распрекрасного дня, — подумал мистер Кетчум, пойманный за превышение скорости в Захрии, штат Мэн. Он покачал головой и тяжело вздохнул. Почему он не остался проводить отпуск в Ньюарке: спал бы все утро, ходил на концерты, ел, смотрел телевизор?

На следующем перекрестке полицейский автомобиль повернул направо, затем, через квартал, налево — и остановился. Мистер Кетчум подъехал к нему, и в это время огни выключились. Смысла в этом не было. Была лишь дешевая мелодрама. Они запросто могли бы оштрафовать его на Мэйн-стрит. Деревенская психология. Они возвышают себя в собственных глазах, унижая человека из большого города, мстят за свою незначительность.

Мистер Кетчум ждал. Нет, он не намерен торговаться. Без слов уплатит штраф и уедет. Он потянул вверх рычаг ручного тормоза — и вдруг нахмурился, осознав, что они могут содрать с него столько, сколько захотят. Могут взять и 500 долларов, если посчитают нужным. Этот толстяк был наслышан о нравах полиции в небольших городках, о том, что она обладает абсолютной властью. Он глухо прокашлялся. «Да ну, это же абсурд, — решил он. — Какая дурацкая фантазия».

Полицейский открыл дверцу.

— Выходите, — приказал он.

Ни на улице, ни в одном из домов не было света. Мистер Кетчум слотнул. Все, что он мог видеть — это лишь темная фигура полицейского.

— Это что — участок? — спросил он.

— Выключите огни и пройдемте, — ответил полицейский.

Мистер Кетчум утопил хромированную кнопку выключателя и выбрался из машины. Полицейский захлопнул дверь. При этом звук был громким, он отозвался эхом — как будто они находились не на улице, а где-нибудь в темном складе. Мистер Кетчум посмотрел вверх. Иллюзия была полной: ни звезд, ни луны, небо и земля слились в черноте.

Полицейский тронул его за плечо своими жесткими пальцами. Мистер Кетчум на какое-то мгновение потерял равновесие, выпрямился и тут же быстрыми шагами последовал за высокой фигурой полицейского.

— Темно здесь. — Голос его был чужим.

Полицейский ничего не сказал. По другую сторону от него зашагал второй полицейский. Мистер Кетчум подумал: эти чертовы деревенские нацисты из всех сил пытаются запугать его. Ну нет, ничего у них не получится.

Мистер Кетчум всосал в себя глоток влажного, пахнувшего морем воздуха и судорожно выдохнул его. Вшивый поселочек из шестидесяти семи жителей — и двое полицейских патрулируют его улицы в три утра. Нелепо.

Он чуть не запнулся за ступеньку, когда они добрались до крыльца. Ношедший слева полицейский подхватил его под руку.

— Спасибо, — автоматически выскочило у мистера Кетчума. Полицейский не ответил. Мистер Кетчум облизнул губы. Сердечный чурбан, подумал он и сумел даже выдавить мимолетную улыбку. Вот, так-то лучше. Совсем ни к чему раскисать.

Он заморгал, когда распахнули дверь, и ощутил вырвавшийся помимо его воли вздох облегчения. Это был настоящий полицейский участок: вот письменный стол на возвышении, доска объявлений, черная, раздувшаяся кастрюлями плита, исцарапанная скамейка у стены, вот дверь, вот грязный и растрескавшийся линолеум, который когда-то был зеленым.

— Садитесь и ждите, — распорядился полицейский.

Мистер Кетчум посмотрел на его худое, угловатое лицо, смуглую кожу. В глазах не было различия между радужной оболочкой и зрачком — одна сплошная тьма. Темная форма мешком висела на нем.

Второго полицейского рассмотреть не удалось, поскольку оба они ушли в соседнюю комнату. Несколько мгновений он простоял, глядя на закрытую дверь. Что, если выйти и уехать? Нет, в правах указан его адрес. И потом — может быть, они как раз и хотят, чтобы он попытался сбежать. Откуда знать, что на уме у этой деревенской полиции. Они вполне могут даже застрелить его при попытке к бегству.

Мистер Кетчум тяжело сел на скамейку. Нет, он просто позволил разгуляться воображению. Это всего лишь небольшой поселок на побережье штата Мэн, и они всего лишь собираются оштрафовать его за...

Да, но почему сразу не оштрафовали? К чему весь этот спектакль? Толстяк поджал губы. Очень хорошо, пусть они играют, как им нравится. Что бы там ни было, а это лучше, чем ехать за рулем. Он закрыл глаза. «Только дам им отдохнуть», — подумал он.

Через несколько секунд он снова открыл глаза. Было чертовски тихо. Он окинул взглядом слабо освещенную комнату. Грязные стены были голыми — за исключением часов и картины, висевшей над письменным столом. Это был живописный портрет — скорее всего, репродукция — бородатого мужчины. На голове у него — рыбацкая шляпа. Наверное, кто-то из древних моряков Захрия. Нет, возможно,

даже не так. Наверное, репродукция картины Сиэrsa Роубака «Бородатый моряк».

Мистер Кетчум проворчал про себя. Ему было непонятно, зачем полицейскому участку такая репродукция. Разве что из-за того, что Захрий находится на атлантическом побережье. Наверное, рыбная ловля для него — основной источник доходов. Все равно, какое это имеет значение? Мистер Кетчум отвел взгляд от картины.

В соседней комнате можно было расслышать приглушенные голоса двух полицейских. Он пытался разобрать, что они говорят, но не мог. Он взглянул на закрытую дверь и подумал: «Ну, что же вы, давайте!» Снова посмотрел на часы — 3.22. Сверил с наручными часами. Почти верно. Дверь открылась, и вошли двое полицейских.

Один из них вышел, а оставшийся — тот, что забрал права мистера Кетчума, — подошел к возвышающемуся столу, включил настольную лампу, вынул из верхнего ящика огромный грессбух и начал писать в нем.

Прошла минута.

— Я... — прокашлялся мистер Кетчум. — Прошу прощения...

Голос его стих, когда полицейский оторвался от грессбуха и остановил на нем свой холодный взгляд.

— Вы... То есть я должен сейчас — заплатить штраф?

Полицейский вернулся к грессбуху.

— Подождите.

— Но уже четвертый час ут... — мистер Кетчум остановил себя. Он старался казаться холодно-агрессивным. — Очень хорошо, — произнес он с расстановкой. — Не соизволите ли вы сказать мне, как долго это будет продолжаться?

Полицейский продолжал писать в грессбухе, а мистер Кетчум неподвижно сидел, глядя на него. Невыносимо, подумал он. Это последний раз, когда он заезжает в эту чертову Старую Англию больше чем на сто миль.

Полицейский поднял голову, спрашивая:

— Женат?

Мистер Кетчум уставился на него.

— Вы женаты?

— Нет, я... Это указано в правах, — выпалил мистер Кетчум. Он ощущал трепетное удовольствие от своего выпада и в то же время — укол необъяснимого ужаса от того, что возразил этому человеку.

— Семья в Джерси?

— Да. То есть нет. Только сестра в Висконс...

Мистер Кетчум не закончил, увидев, что полицейский записывает. Как он хотел бы избавиться от этой напасти!

— Работаете?

— Видите ли, у меня... у меня нет какой-то определенной ра...

— Безработный, — постановил полицейский.

— Совсем нет. *Совсем* нет, — жестко повторил мистер Кетчум. — Я — свободный коммивояжер. Закупаю ценные бумаги и партии товаров у... — Голос его угас, как только полицейский взглянул на него. Мистер Кетчум сглотнул три раза, прежде чем из горла исчез комок. Он обнаружил, что сидит на краю скамейки, готовый прыгнуть для защиты своей жизни. Пришлось заставить себя сдвинуться назад, глубоко вдохнуть. «Расслабься», — приказал он себе и закрыл глаза. Вот так. Немного отдохнет. Может, даже как следует.

В комнате было тихо, за исключением металлически-звонкого тикания часов. Мистер Кетчум чувствовал, как медленно, вяло бьется сердце. Он неуклюже сдвинул свою тушу — скамейка была жесткой. В мозгу вновь пронеслось: «Нелепо!»

Мистер Кетчум нахмурился, открыв глаза. Эта проклятая картина! Можно вообразить, что бородатый моряк смотрит на тебя.

— Эй!

У мистера Кетчума захлопнулся рот, а глаза широко открылись, сверкая зрачками. Сидя на скамейке, он наклонился вперед, затем откинулся назад. Оказалось, что над ним склонился смуглолицый человек, положив руку ему на плечо.

— Да? — в ужасе спросил мистер Кетчум. Сердце его готово было вырваться из груди.

Человек улыбнулся.

— Начальник полиции Шипли, — представился он. — Не желаете ли пройти в мой кабинет?

— О, — оживился мистер Кетчум. — Да! Да!

Он потянулся, морщась от боли в затекших мышцах спины. Человек отступил назад, и мистер Кетчум поднялся, издав при этом что-то похожее на хрюканье. Взгляд его автоматически упал на настенные часы: было несколько минут пятого.

— Послушайте, — начал он, еще недостаточно проснувшись, чтобы бояться. — Почему я не могу заплатить штраф и уехать?

В улыбке Шипли не было ни капли тепла.

— Здесь, в Захрии, мы все делаем немного иначе, — пояснил он. Они вошли в маленький кабинет с затхлым запахом.

— Садитесь, — приказал начальник, обходя письменный стол, пока мистер Кетчум устраивался на скрипучем стуле с прямой спинкой.

— Я не понимаю, почему это вдруг не могу заплатить штраф и уехать.

— Всею свое время, — уклонился Шипли.

— Но... — мистер Кетчум не закончил. Улыбка Шипли сильно смахивала на дипломатично завуалированное предостережение. Не разжимая сомкнутых от злости зубов, толстяк прокашлялся и стал ждать, пока начальник изучит лежащий у него на столе лист бумаги. Он заметил при этом, как плохо на Шипли сидит костюм. «Дереvenщина, — подумал толстяк, — не умеют даже одеваться».

— Вижу, вы не женаты, — отметил Шипли.

Мистер Кетчум ничего не сказал. Пусть отведают своей собственной пилюли-молчанки, решил он.

— У вас есть друзья в штате Мэн? — продолжал Шипли.

— Зачем это?

— Всего лишь рутинные вопросы, мистер Кетчум, — успокоил начальник. — Единственный ваш близкий родственник — это сестра, проживающая в Висконсине?

Мистер Кетчум молча посмотрел на него. Какое отношение все это имеет к нарушению правил дорожного движения?

— Ну же, сэр? — настаивал Шипли.

— Я уже говорил вам. То есть я говорил полицейскому. Не вижу...

— Здесь по делам?

У мистера Кетчума беззвучно открылся рот.

— Зачем вы задаете мне все эти вопросы? — не выдержал он. А себе гневно приказал: «Перестань трястись!»

— Порядок такой. Вы здесь по делам?

— Я в отпуске. И совершенно не вижу в этом смысла. До сих пор я терпел, но — пропадите вы все пропадом! — сейчас требую, чтобы с меня взяли штраф и отпустили!

— Боюсь, это невозможно.

У мистера Кетчума отвисла челюсть. Это все равно, что проснуться от ночного кошмара и обнаружить, что сон еще продолжается.

— Я... Я не понимаю, — пробормотал он.

— Вам придется предстать перед судьей.

— Но это же нелепо.

— Правда?

— Да. Я — гражданин Соединенных Штатов и требую соблюдения моих прав!

Улыбка начальника полиции Шипли померкла.

— Вы ограничили эти права, когда нарушили наш закон, — заявил он. — И вам придется заплатить за это по нашему иску.

Мистер Кетчум тупо уставился на этого человека. Он понял, что находится полностью в их руках. Они могут взять с него такой штраф, какой им заблагорассудится, или бросить его в тюрьму на неопределенный срок. Все эти заданные ему вопросы — он не знает, зачем его спрашивали, но знает, что ответы показали его как человека без корней, у которого некому было беспокоиться, жив он или...

Стены комнаты поплыли. На теле выступил холодный пот.

— Вы не можете этого сделать, — возразил он. Но это был не аргумент.

— Вам придется провести ночь в камере, — «успокоил» начальник. — А утром увидите с судьей.

— Но это же нелепо! — взорвался мистер Кетчум. — Нелепо!

Он тут же взял себя в руки и произнес скороговоркой:

— Я имею право позвонить. Я могу позвонить. Это мое законное право.

— Могли бы, — заметил Шипли, — если бы в Захрии был хоть один телефон.

Когда его вели в камеру, мистер Кетчум увидел в вестибюле картину: все тот же бородатый моряк. Мистер Кетчум не обратил внимания, следили его глаза за ним или нет.

Мистер Кетчум вздрогнул, на заспанном лице отразилось удивление: за спиной что-то лязгнуло. Приподнявшись на локте, он оглянулся. В камеру вошел полицейский и поставил рядом с ним накрытый салфеткой поднос.

— Завтрак, — провозгласил он. Он был старше других полицейских, даже старше Шипли. Волосы у него были серебристо-седыми, чисто выбритое лицо собиралось в морщины вокруг рта и глаз. Форма сидела на нем плохо.

Когда полицейский начал запира́ть дверь, мистер Кетчум спросил:

— Когда я увижу судьбу?

Полицейский быстро взглянул на него, ответил:

— Не знаю, — и отвернулся.

— Подождите! — закричал мистер Кетчум.

Удаляющиеся шаги полицейского гулко разносились по бетонному полу. Мистер Кетчум продолжал смотреть на то место, где стоял полицейский. Сознание все еще окутывал сон.

Он сел, омертвевшими пальцами протер глаза, посмотрел на часы. Семь минут десятого. Толстяк скривил лицо. Боже, они еще узнают! Он задергал ноздрями, приюхиваясь. Рука потянулась к подносу — но он отдернул ее, бормоча: — Нет! — Он не будет есть их проклятую пищу.

Но желудок заворчал недружелюбно, отказываясь поддержать его.

— Ну хорошо, — пробормотал он после минутного раздумья. Глотая слюну, протянул руку и приподнял салфетку. Невозможно было удержаться сорвавшийся с губ возглас удивления.

В поджаренной на сливочном масле глазунье три ярко-желтых, уставившихся прямо в потолок глаза были окружены длинными, покрытыми хрустящей корочкой кусочками мясистого, рифленого бекона. Рядом стояла тарелка с четырьмя кусками поджаренного хлеба толщиной в книгу, намазанными пышными завитками масла, и прислоненным к ним бумажным стаканчиком с желе. Там были также высокий стакан с пенистым апельсиновым соком, тарелка с клубникой в белоснежных сливках и, наконец, высокий сосуд, из которого исходил острый и безошибочно угадываемый аромат свежеприготовленного кофе.

Мистер Кетчум взял стакан апельсинового сока. Отпив несколько капель, он покатал их по языку. Кислота приятно пощипывала теплый язык. Он проглотил сок. Если в него и подмешан яд — то рукой мастера. Во рту становилось все больше слюны. Он вдруг вспомнил, что как раз перед тем, как попался, хотел притормозить у какого-нибудь кафе, чтобы поесть.

Настороженно, но решительно поглощая пищу, мистер Кетчум пытался понять причины столь замечательного завтрака. Похоже, не очень убедительно — но все-таки... Еда превосходна. Что ни говори, а готовить эти жители Новой Англии умеют здорово. Обычно завтрак у мистера Кетчума состоял из разогретой сладкой булочки и кофе. Такого завтрака он не помнил с детских лет, проведенных в отцовском доме.

Ставя на поднос уже третью чашку с хорошо сдобренным сливками кофе, он услышал шаги в вестибюле. Улыбаясь, мистер Кетчум подумал: «Хорошо рассчитали время!» — и встал.

Перед камерой возник начальник полиции Шипли.

— Позавтракали?

Мистер Кетчум кивнул. Если начальник ожидает от него благодарности, то — напрасно. Мистер Кетчум взял пиджак, но начальник даже не пошевелился.

— Ну?.. — решил мистер Кетчум через несколько минут. Он старался произвести это холодно и решительно, однако получилось немного не так.

Шипли посмотрел на него безо всякого выражения, и мистер Кетчум почувствовал, что начинает дышать неровно.

— Можно спросить?.. — начал было он.

— Судьи еще нет, — отрезал Шипли.

— Но... — Мистер Кетчум не знал, что сказать.

— Я пришел только, чтобы сообщить вам. — Шипли повернулся и ушел.

Мистер Кетчум был в ярости. Он посмотрел на остатки завтрака, как будто они содержали разгадку этой ситуации. Забарабанил кулаком по бедру. *Невыносимо!* Что они пытаются сделать — запугать его? Ну да, Боже ты мой...

...У них получается.

Подойдя к решетке, мистер Кетчум осмотрел пустой коридор. Где-то внутри он ощутил холодный комок — как будто пища в желудке превратилась в свинец. Он хлопнул правой ладонью по прутьям решетки. Боже мой! Боже мой!

В два часа дня к двери камеры подошли начальник полиции Шипли и пожилой полицейский. Ни слова не говоря, полицейский открыл ее. Выйдя в коридор, мистер Кетчум подождал, пока дверь снова за-

пирали, натягивая при этом пиджак. Затем он пошел, семеня негнущимися ногами, с обеих сторон окруженный полицейскими, и даже не взглянув на висевшую на стене картину.

— Куда мы идем?

— Судья болеет, — пояснил Шипли. — Мы отвезем вас к нему домой, чтобы уплатить штраф.

Мистер Кетчум втянул воздух. Он не будет с ними спорить, не будет — и все тут.

— Хорошо, — сказал он вслух. — Если уж вам так надо.

— Только таким образом, — заявил начальник, оглянувшись. — На лице его оставалась маска полной невыразительности.

Мистер Кетчум подавил слабую улыбку. Так-то лучше. Вот уже и почти закончилось. Он заплатит штраф и смывается.

На улице был туман. Мистер Кетчум нахлобучил шляпу, но все равно его пробрала дрожь. Влажный воздух, казалось, просачивался сквозь кожу и мышцы и конденсировался на костях. «Мерзкая погода», — подумал он, спускаясь по ступенькам и разыскивая глазами свой «форд».

Пожилой полицейский открыл заднюю дверцу полицейской машины, а Шипли пригласил жестом внутрь.

— А как же МОЯ машина? — спросил мистер Кетчум.

— Вы вернетесь сюда после встречи с судьей, — успокоил его Шипли.

— О, я...

Мистер Кетчум колебался. Затем нагнулся и, протиснувшись в машину, бухнулся на заднее сиденье. Кожа на нем была холодной — это чувствовалось даже сквозь шерстяные брюки, и мистер Кетчум поежился, уступая место подсевшему начальнику.

Полицейский захлопнул дверь. Опять этот гулкий звук — как будто в склепе закрывают крышку гроба. Мистер Кетчум скривил лицо от такого сравнения.

Полицейский сел в машину, заработал, покашляв, двигатель. Пока полицейский его разогревал, мистер Кетчум сидел, медленно и глубоко дыша. Он посмотрел в окно. Туман был совсем как дым — будто они стояли в горящем гараже. Разве что эта пронизывающая до костей сырость. Кашлянув, он услышал, как подвинулся сидевший рядом начальник.

— Холодно, — автоматически вырвалось у мистера Кетчума.

Начальник ничего не сказал.

Мистер Кетчум прижался к спинке, когда машина тронулась, развернулась и медленно поехала по задернутой туманом улице. Он слушал отчетливый шелест шин по мокрому асфальту, ритмичное посвистывание «дворников», расчищавших покрытое влагой ветровое стекло.

Вскоре он взглянул на часы. Почти три. Полдня убито в этом

проклятом Захрии. Он снова посмотрел в окно на пролетающий мимо подобно привидению поселок. Казалось, он видел кирпичные дома вдоль обочины — но не был в этом уверен. Взгляд упал на бледные руки, затем перешел на Шипли. Начальник сидел прямо и неподвижно, глядя прямо вперед. Мистер Кетчум сглотнул. Казалось, легкие не работали, в них застоялся воздух.

На Мэйн-стрит туман был реже. Наверное, из-за морских бризов. Мистер Кетчум осмотрел улицу. Похоже было, что все магазины и учреждения закрыты. Взглянул на другую сторону — то же самое.

— Где все? — поинтересовался он.

— Что?

— Я говорю где все?

— Дома, — ответил начальник.

— Но сегодня среда, — удивился мистер Кетчум. — Разве у вас... магазины не открыты?

— Плохая погода, — пояснил Шипли. — Нет смысла.

Мистер Кетчум взглянул на желтовато-бледное лицо начальника, но поспешно отвел взгляд. В желудке снова распускало щупальца холодное предчувствие. «Ради Бога — что *это* такое?» — спросил он себя. Уже в камере ему было достаточно плохо. Здесь, в этом море тумана, было еще хуже.

— Ну да, — услышал он свой срывающийся голос. — Здесь только шестьдесят семь жителей, не так ли?

Начальник ничего не сказал.

— Сколько... с-сколько лет Захрию?

Он услышал, как в тишине сухо хрустнули суставы пальцев начальника.

— Сто пятьдесят лет, — сообщил Шипли.

— Так много, — продолжал разговор мистер Кетчум. Он с трудом сглотнул: немного болело горло. «А ну, — приказал он себе, — расслабься!»

— Почему его называли Захрий? — Слова лились неуправляемым потоком.

— Его основал Ной Захрий.

— А-а. А, понимаю. Видимо, тот портрет в участке?..

— Верно, — подтвердил Шипли.

Мистер Кетчум моргнул. Так то Ной Захрий — основатель поселка, по которому они едут...

...Квартал за кварталом. При этой мысли у мистера Кетчума что-то тяжело опустилось в желудке. В таком большом поселке — и почему только 67 жителей? Он открыл было рот, чтобы спросить, да не смог. Ответ мог быть не тот.

— Почему только?.. — Слова все равно вырвались, прежде чем он сумел остановить их. Тело содрогнулось от услышанного.

— Что?

— Ничего, ничего. То есть... — Мистер Кетчум судорожно вздохнул. Делать нечего — он должен знать.

— Почему только шестьдесят семь?

— Они уезжают, — ответил Шипли.

Мистер Кетчум заморгал. Ответ разрядил напряжение. Он нахмурился. Ну, что еще надо? Отдаленный, старомодный Захрий мало привлекает молодое поколение. Массовый отток в более интересные места неизбежен.

Толстяк поудобнее откинулся на спинку сиденья.

— Конечно же. Подумать только, как я хочу выбраться из этой тоски зеленой, — рассуждал он. — А ведь я даже не живу здесь.

Привлеченный чем-то, его взгляд скользнул вперед, сквозь ветровое стекло. Через улицу был протянут транспарант: «СЕГОДНЯ ВЕЧЕРОМ — БАРБЕКЮ¹!» Праздник, решил он. Наверное, они каждые две недели буянят, шумно обмениваются неуклюжими комплиментами или устраивают оргии по починке сетей.

— И все же — кто такой Захрий? — Молчание снова давило на него.

— Морской капитан, — произнес начальник.

— О-о?

— Охотился на китов в южных морях.

Вдруг Мэйн-стрит кончилась. Полицейская машина свернула влево на грязную дорогу. Из окна мистер Кетчум разглядывал скользящие мимо тенистые кустарники. Слышен был лишь звук напряженно работающего двигателя да шум вылетающих из-под колес смеси гравия и грязи. Что, судья живет на вершине горы? Он сменил точку опоры, тяжело вздохнув.

Туман начал рассеиваться. Мистер Кетчум различал траву и деревья — все с сероватым оттенком. Сделав очередной поворот, машина оказалась обращенной к океану. Мистер Кетчум посмотрел на оставшийся внизу матовый ковер тумана. Машина продолжала поворачивать — и вот они снова увидели перед собой вершину холма.

Мягко покашливая, мистер Кетчум спросил:

— Дом... гм, этого судьи — там?

— Да, — подтвердил начальник.

— Высоко!

Машина продолжала ехать по узкой, грязной дороге по спирали, поворачиваясь то к океану, то к Захрию, то к мрачному, оседлавшему вершину холма дому. То был серовато-белый трехэтажный особняк, на каждом крыле — по башенке. Мистер Кетчум посчитал, что вид у

¹ Барбекю — пикник или прием на открытом воздухе, во время которого собравшихся угощают мясом, жаренным на вертеле (*Прим. переводчика*).

него столь же древний, как и у самого Захрия. Машина повернула, и он опять увидел прикрытый корочкой тумана океан.

Мистер Кетчум взглянул на свои руки. Что это — игра света, или они действительно трясутся? Он попробовал сглотнуть, но горло оказалось сухим, и он предательски закашлялся. «Так глупо», — рассудил он. Нет абсолютно никакого повода. Он сжал руки.

Машина преодолевала последний подъем на пути к дому. Мистер Кетчум почувствовал, что у него перехватывает дыхание: «*Я не хочу идти*», — пронеслось в голове. Он ощутил неожиданное стремление выскочить из машины и бежать. Мышцы с готовностью напряглись.

Закрыв глаза, он завопил про себя: «Ради Бога, прекрати это!» Ничего страшного здесь нет — кроме его искаженного представления. Это же нынешние времена: все поддается объяснению, и люди обладают здравым смыслом. У людей в Захрии тоже есть здравый смысл: некоторое недоверие к горожанам. Это их месть, вполне приемлемая обществом. В этом есть смысл. В конце концов...

Машина остановилась. Распахнув дверцу со своей стороны, вышел начальник. Протянув руку назад, полицейский открыл дверцу для мистера Кетчума. Толстяк обнаружил, что у него онемела нога. Пришлось для опоры схватиться за верх дверцы. Он ступил на землю.

— Уснул, — пояснил он.

Никто не реагировал. Мистер Кетчум, прищурившись, посмотрел на дом. Не опустилась ли на место темно-зеленая штора? Он вздрогнул и испуганно вскрикнул, когда его тронули за руку, и начальник показал жестом на дом. Все трое направились к нему.

— У меня, гм... боюсь, у меня с собой немного наличных, — сообщил он. — Надеюсь, подойдет и туристический чек.

— Да, — подтвердил начальник.

Поднявшись по ступенькам крыльца, они остановились перед дверью. Полицейский повернул большую латунную ручку звонка, и мистер Кетчум услышал внутри звонкий голос колокольчика. Сквозь занавеску на двери он различил очертания вешалки для шляп. Скрипнули доски, когда он переступал с ноги на ногу. Полицейский позвонил еще раз.

— Может быть, он... сильно болеет, — вяло предположил мистер Кетчум.

Ни один из двоих даже не взглянул на него. Мистер Кетчум ощутил напряжение мышц. Оглянувшись через плечо: смогут ли догнать, если побежит? С отвращением повернул голову обратно. «Заплатишь штраф и уедешь, — терпеливо объяснил он себе. — Только-то и всего: заплатишь штраф и уедешь».

В доме задвигалось что-то темное. Мистер Кетчум вздрогнул: к двери приближалась высокая женщина.

Открылась дверь. Женщина оказалась худой, на ней было длин-

ное, до пола, черное платье с белой овальной брошью на шее. Лицо — смуглое, изборождено тончайшими морщинами. Мистер Кетчум автоматически снял шляпу.

— Входите, — пригласила женщина.

Мистер Кетчум шагнул в прихожую.

— Шляпу вы можете оставить здесь, — женщина показала на вешалку для шляп, напоминавшую обезображенное огнем дерево.

Мистер Кетчум опустил шляпу на один из темных сучков. При этом внимание его привлекло большое живописное полотно над нижней частью лестницы. Он начал было говорить, но женщина указала:

— Сюда.

Они пошли через прихожую, и, когда проходили мимо картины, мистер Кетчум уставился на нее.

— Кто та женщина, — спросил он, — что стоит рядом с Захрием?

— Его жена, — сообщил начальник.

— Но она...

Голос мистера Кетчума прервался, как только он услышал зарождающийся в горле визг. Будучи шокирован, он подавил его кашлем. Было стыдно за себя, тем не менее... жена Захрия?

Женщина открыла дверь.

— Подождите здесь.

Толстяк вошел. Он повернулся было, чтобы сказать что-то начальнику — как раз в тот момент, когда дверь закрыли.

— Скажите, гм... — Подойдя к двери, он положил руку на ручку. Она не поворачивалась. Он нахмурился, не обращая внимания, что сердце стучит, как копер при забивке свай. — Эй, что происходит? — Грубовато-добродушный, пытающийся сохранить бодрость, голос его эхом отразился от стен. Повернувшись, мистер Кетчум посмотрел вокруг. Пустая комната. Это пустая, квадратная комната.

Он снова повернулся к двери, шевеля губами в поиске нужных слов.

— Ладно, — неожиданно сказал он. — Это очень... — Он резко повернул ручку. — Ладно, это очень веселая шутка. — Господи, он сошел с ума! — Я все понял, что мне...

Он вихрем повернулся, обнажив зубы. Ничего не произошло. Комната по-прежнему была пуста. Он одурманенно посмотрел вокруг. Что это за звук? Тупой звук — как будто прорывается вода.

— Эй! — автоматически крикнул он и повернулся к двери. — Эй! — завопил он. — Перекройте! Кем вы себя считаете?

Он повернулся на слабеющих ногах. Звук становился громче. Он провел ладонью по лбу — тот был покрыт потом. Да, здесь тепло.

— Ладно, ладно, — не терял он надежды. — Это хорошая шутка, но...

Прежде чем он смог продолжить, голос перешел в ужасное, душе-

раздирающее рыданье. Мистер Кетчум слегка покачнулся, усталился на комнату. Потом повернулся и упал к двери. Рука коснулась стены и тут же отдернулась. Стена была горячей.

— Э? — спросил он, все еще не веря.

Это невозможно. Это шутка. Это их психически ненормальное представление о небольшой шутке. Они играют в игру. Называется она «Напугай стилиягу из города».

— Ладно! — взвыл он. — *Ладно!* Смешно, очень смешно! А сейчас выпустите меня отсюда — или вам несдобровать!

Он заколотил в дверь, неожиданно пнул ее. В комнате становилось все жарче. Почти такой же жар, как...

Мистер Кетчум оцепенел, у него отвисла челюсть.

Все эти вопросы, что они ему задали. То, как висела одежда на каждом, кого он повстречал. Эта обильная пища, которой они его накормили. Эти пустые улицы. Эта смуглая, как у дикарей, кожа — что у мужчин, что у женщины. То, как все они смотрели на него. И эта женщина на картине, жена Ноя Захрия — женщина-туземка с остро отточенными зубами.

Сегодня вечером — барбекю!

Мистер Кетчум взвыл. Начал пинать и колотить по двери, бросился на нее своим грузным телом. Кричал находившимся за ней людям.

— Выпустите меня! *Выпустите меня! Выпустите... меня!*

Но хуже всего было то, что он просто никак не мог поверить, будто это происходит на самом деле.

ЗВОНОК ИЗДАЛЕКА

Как раз перед тем, как зазвонил телефон, ураганный ветер повалил дерево перед ее окном, и вырвал мисс Кин из сна, полного блаженства. Она судорожно вскочила, вцепившись в простыню своими хрупкими кулачками. В ее тощей груди напряженно задергалось сердце, застоявшаяся кровь получила резкий толчок. Она села в неподвижной немоте, уставившись в ночь.

В следующую секунду зазвонил телефон.

— Кому это приспичило? — Вопрос сам собой сложился в ее мозгу. Какое-то мгновение ее тонкие пальцы нерешительно шарили в темноте — и вот уже мисс Элва Кин прижимает к уху прохладную трубку.

— Алло! — говорит она.

Удар грома расколол ночь, отозвавшись вздрагиванием парализованных ног мисс Кин. «Я прослушала голос, — подумала она. — Гром заглушил голос».

— Алло! — повторила она.

Не последовало ни единого звука. Мисс Кин отрешенно ждала. Затем повторила резким голосом:

— Алло!

На улице снова ударил гром.

И все равно — никто не говорил. Ее уха не достиг даже звук отключения линии. Она протянула дрожащую руку к телефону и сердито бросила трубку.

— Опрометчивость, — пробормотала она, откидываясь обратно на подушку. Ее немощная спина уже заболела от сидения.

Она устало вздохнула. Сейчас придется снова преодолевать этот мучительный процесс засыпания: успокаивать изможденные мышцы, игнорировать режущую боль в ногах, вести бесконечную, тщетную борьбу за выключение какого-то крана в мозгу, отгонять ненужные мысли. Ну что тут поделаешь: надо! Сиделка Филлипс велела как следует отдыхать. Элва Кин стала дышать медленно и глубоко, натянула одеяло до подбородка и прилагала все усилия к тому, чтобы заснуть.

Бесполезно...

Глаза открылись, и, повернув лицо к окну, она смотрела, как гроза удаляется на своих ногах-молниях. «Почему я не могу заснуть? — раздраженно думала она. — Почему я должна все время лежать вот так — без сна?»

Она знала ответ — он пришел без всяких усилий. Когда жизнь уныла, даже малейший привнесенный в нее элемент кажется неестественно интригующим. А жизнь мисс Кин как раз и представляла собой жалкую картину: лежание ничком или опершись на подушки, чтение книг, которые сиделка Филлипс приносила из городской библиотеки, принятие пищи, отдых, лечение, прослушивание маленького радиоприемника — и ожидание, *ожидание* чего-то иного, что непременно должно произойти.

Такого, как этот телефонный звонок. Или не звонок?

Не было слышно даже, когда положили трубку. Этого мисс Кин не могла понять. Зачем кто-то звонит ей и молчаливо слушает, как она снова и снова повторяет «Алло!»? А звонил ли кто-нибудь на самом деле? Затем она осознала, что надо было продолжать слушать, пока этот человек не устал бы от своей шутки и не положил трубку. Ей следовало бы решительно высказаться по поводу необдуманности этого хулиганского звонка незамужней даме, калеке, посреди грозовой ночи. И если кто-то *слушал* — кто бы это ни был — ее сердитые слова отрезвили бы его как следует, и...

— Ну конечно же!

Она произнесла это вслух, в интонации слышалось легкое отвращение. Конечно же испортился телефон. Кто-то хотел поговорить с ней — возможно, сиделка Филлипс, чтобы узнать, все ли у нее в порядке. Но что-то случилось на другом конце линии, и звонок ее

телефона сработал, а связь оказалась невозможной. Ну да, конечно, — в этом все дело!

Мисс Кин кивнула и тихо закрыла глаза. «А сейчас — спать», — подумала она. Далеко-далеко, за пределами их округа, гроза прочистила свое мрачное горло. «Надеюсь, никто не волнуется. Это было бы очень плохо». Такая мысль проносилась в ее мозгу, когда телефон снова зазвонил.

«Вот опять пытаются дозвониться до меня». Она торопливо протянула в темноте руку, нащупала трубку и прижала ее к уху.

— Алло! — сказала мисс Кин.

Молчание.

Горло ее сжалось. Конечно, она знала, что здесь не так, но это ей совсем не нравилось.

— Алло! — выдавила она для пробы, не сознавая еще, что дыхание ее нарушилось. Ответа не было. Она подождала немного, затем в третий раз сказала — уже слегка нетерпеливо, громко, ее визгливый голос заполнил темную спальню: — Алло!

Ничего. Мисс Кин вдруг захотелось отшвырнуть трубку. Она подавила этот странный инстинкт — нет, она должна подождать; ждать и слушать, не положит ли кто-нибудь трубку на другом конце телефонной линии.

Итак, она ждала.

В комнате было очень тихо, но Элва Кин напрягала слух: или звук опускаемой трубки, или гудки, которые за этим следуют. Грудь ее поднималась и опускалась очень осторожно, она сосредоточенно закрывала глаза, затем снова открывала их и заморгала в темноте. Из телефона не доносилось ни единого звука: ни щелчка, ни гудка, ни звука, который слышен, когда кто-нибудь кладет трубку.

— Алло! — вдруг крикнула она и отбросила трубку. В цель она не попала: трубка тяжело плюхнулась на ковер. Мисс Кин нервно щелкнула выключателем светильника и зажмурилась от наполнившего глаза света. Она быстро легла на бок и попыталась дотянуться до молчаливого, безголосого телефона. Но не смогла, а искалеченные ноги не позволяли ей встать. Боже мой, оставить его так на всю ночь — такой беззвучный и таинственный? Но вот она вспомнила, резко протянула руку к аппарату и нажала на рычаг. В лежащей на полу трубке щелкнуло, и появился обычный гудок. Элва Кин проглотила слюну и с неровным вздохом тяжело опустилась на подушку.

Затем она отбросила все вопросы, которые диктовал здравый смысл, и вывела себя из состояния паники. «Просто смешно, — подумала она, — волноваться из-за такого банального и легко объяснимого происшествия. То была гроза, ночь и шок от пробуждения. (А что же меня разбудило?) Все это наложилось на монотонность моей жизни, от которой хочется зубами скрипеть. Да, это плохо, очень плохо». Но плохим было не происшествие, а ее реакция на него.

Мисс Элве Кин не захотелось рассуждать дальше. «Я должна сейчас же уснуть», — приказала она своему телу. Она лежала очень спокойно и расслабленно. Она слышала с пола гудение телефона, напоминавшее отдаленное жужжание пчел. Она не обращала на него внимания.

Ранним утром следующего дня, после того как сиделка Филлипс унесла посуду после завтрака, Элва Кин позвонила в телефонную компанию.

— Говорит мисс Элва, — сообщила она телефонистке.

— Да, мисс Элва, — ответила телефонистка, некая мисс Финч. — Чем могу помочь?

— Прошлой ночью мой телефон звонил дважды, — поведала Элва Кин. — Но когда я ответила, никто не заговорил. И я не слышала, чтобы кто-нибудь положил трубку. Я даже гудка не слышала — полная тишина.

— Хорошо, я объясню вам, мисс Элва, — прозвучал бодрый голос мисс Финч. — Эта гроза прошлой ночью повредила примерно половину нашего оборудования. Нас заваливают звонками по поводу оборванных проводов и некачественной связи. Я бы сказала, что вам здорово повезло, что ваш телефон вообще работает.

— Значит, вы полагаете, что это было неправильное соединение, вызванное грозой? — уточнила мисс Кин.

— Да, мисс Элва, только и всего.

— Как вы думаете, это повторится?

— О да, может, — ответила мисс Финч. — *Может*. Даже не знаю, что и сказать вам, мисс Элва. Но если это опять произойдет, то позвоните мне, и я пошлю нашего сотрудника проверить линию.

— Хорошо, — согласилась мисс Кин. — Спасибо, дорогая.

Все утро она пролежала на подушках в расслабленно-безмятежном состоянии. «Раскрытие тайны, — размышляла она, — какой бы незначительной она ни была, приносит чувство удовлетворения. Именно эта ужасная гроза привела к неправильному соединению. И не удивительно — если ветер повалил даже старый дуб у дома. Конечно, этот шум и разбудил меня. И жаль, что такое хорошее дерево упало. Как оно затеняло дом в жаркие летние месяцы! Ну да, надо быть, пожалуй, благодарной, что дерево упало на дорогу, а не на дом».

День прошел без событий — обычный сплав еды, чтения Энджелы Теркелл и почты (два рекламных листка на выброс и счет за свет) плюс краткие разговоры с сиделкой Филлипс. В самом деле, повседневность так прочно укоренилась, что когда рано вечером зазвонил телефон, она взяла трубку, даже ни о чем не подумав.

— Алло! — сказала она.

Молчание.

На секунду мысли ее вернулись. Затем она позвала сиделку Филлипс.

— Что такое? — спросила дородная женщина, с трудом передвигаясь по ковру.

— Это то, о чем я вам рассказывала, — пояснила Элва Кин, протягивая ей трубку. — Послушайте.

Сиделка Филлипс взяла трубку. Ее безмятежное лицо таким и осталось.

— Никого нет, — отметила она.

— Правильно, — оживилась мисс Кин. — Так и есть. Попробуйте сейчас услышать, когда положат трубку. Уверена, что не услышите.

Сиделка Филлипс немного послушала и покачала головой.

— Ничего не слышу, — заверила она и повесила трубку.

— Ой, подождите! — поторопилась мисс Кин. — Ну ладно, все равно, — добавила она, увидев, что уже поздно. — Раз это случается слишком часто, я позвоню мисс Финч, и они пришлют монтера.

— Понятно, — подвела итог сиделка Филлипс и вернулась в гостиную.

Сиделка Филлипс ушла из дома в восемь, оставив на тумбочке, как обычно, яблоко, печенье, стакан воды и пузырек с пилюлями. Она взяла подушки за хрупкой спиной мисс Кин, придвинула радиоприемник и телефон поближе к кровати, окинула все довольным взглядом и направилась к двери со словами: «До завтра!»

Телефон зазвонил через пятнадцать минут. Мисс Кин быстро схватила трубку. На этот раз она не стала говорить «Алло!», просто слушала.

Сначала было то же — абсолютная тишина. Она еще немного послушала в нетерпении. Затем, готовая уже положить трубку на место, услышала звук. Лицо ее сморщилось, и трубка вернулась к уху.

— Алло? — спросила она напряженно.

Бормотание, неясный гул, шелест — что это было? Мисс Кин плотно закрыла глаза, старательно вслушиваясь, но не могла опознать звук: он был таким мягким, таким неопределенным. Он менялся от напоминающей жалобный вой вибрации до шипения выходящего под давлением воздуха, до булькающего присвиста. «Это, должно быть, звук коммутатора, — предположила она. — Должно быть, сам телефон издает шум. Наверное, где-то провод раскачивается на ветру, наверное...»

Вдруг она прекратила размышления. Затаила дыхание. Звук смолк. В ушах ее вновь звенела тишина. И вновь она почувствовала, как сердце вырывается из груди, сжимается горло. «Это же смеш-

но, — сказала она себе. — Я уже знакома с этим — это из-за грозы, из-за грозы!»

Она откинулась на подушки, прижав к уху трубку. Ноздри раздувались от нервного дыхания. Она ощущала, как внутри нее подобно морскому приливу растет ничем не объяснимый ужас — несмотря на все попытки делать здравые выводы. Разум ее все больше и больше съезжал со скользкого карниза здравого смысла, она проваливалась все глубже и глубже.

И вот она резко вздрогнула, когда звук появился вновь. *Возможно*, это не человеческие звуки — она знала — и тем не менее в них что-то было, какая-то интонация, какое-то почти узнаваемое сочетание...

У нее затряслись губы, из горла готов был вырваться вой. Но она не могла положить трубку, просто физически не могла. Звуки загипнотизировали ее. Были ли это завывания ветра, или бормотания неисправных механизмов — она не знала. Но они ее не отпускали.

— Алло? — пробормотала она, вся дрожа.

Звуки становились громче. Они раскатывались и сотрясали ее мозг.

— Алло! — пронзительно закричала она.

— А-л-л-о, — ответил голос по телефону. Мисс Кин потеряла сознание.

— Вы уверены, что кто-то сказал «алло»? — спросила по телефону мисс Финч. — Это могло быть неправильное соединение, вы же знаете.

— Говорю вам — это был *мужчина*! — хрипло выкрикнула дрожащая Элва Кин. — Это все тот же мужчина, который слушал, и слушал, и слушал, как я говорю «алло», и не отвечал. Тот же, кто издавал по телефону жуткие шумы!

Мисс Финч вежливо кашлянула.

— Хорошо, я пошлю человека проверить вашу линию, мисс Элва, как только он сможет. Конечно, все работники сейчас очень заняты устранением последствий грозы — но как только станет возможно...

— А что мне делать, если этот — этот человек позвонит снова?

— Всего лишь повесьте трубку, мисс Элва.

— Но он продолжает звонить!

— Ну, хорошо, — любезность мисс Финч дала трещину. — Почему бы вам не выяснить, кто он, мисс Элва? Если вы в состоянии это сделать — что же, мы сможем немедленно принять меры...

Положив трубку, мисс Кин напряженно лежала на подушках, слушая хриплые песни о любви, которые сиделка Филлипс напевала за мытьем посуды. Мисс Финч не поверила ее истории, это очевидно. Мисс Финч посчитала ее нервной старухой, ставшей жертвой буйного воображения. Хорошо, мисс Финч узнает, что это не так.

— Я буду постоянно звонить ей, пока она не убедится, — сообщила она раздраженно сиделке Филлипс перед самым послеобеденным сном.

— Так вы и сделаете, — одобрила сиделка Филлипс, — а сейчас примите лекарство и ложитесь.

Мисс Кин лежала в сердитом молчании, сжав в кулаки свои измороженные венами руки. Было десять минут третьего, и, за исключением раздавшегося из передней храпа сиделки Филлипс, в доме в этот октябрьский день стояла тишина. «Меня раздражает, — размышляла Элва Кин, — что никто не относится к этому серьезно. Хорошо, — она поджала свои тонкие губы, — в следующий раз, когда зазвонит телефон, я позабочусь, чтобы сиделка Филлипс послушала, пока что-нибудь да не услышит».

Как раз в этот момент телефон зазвонил. Мисс Кин почувствовала, как ее тело опоясывает холодная дрожь. Даже при свете дня, когда солнечные лучи играли на ее цветастом одеяле, резкий звонок испугал ее. Чтобы успокоить дрожь, она прикусила фарфоровыми зубами нижнюю губу. Возник вопрос: «Отвечать ли?» — и прежде чем она даже успела подумать об ответе, рука сама взяла трубку. Глубокий неровный вздох. Она медленно поднесла трубку к уху и сказала: «Алло?»

Голос ответил «Алло?» — пусто и безжизненно.

— Кто это? — спросила мисс Кин, стараясь придать своему голосу уверенность.

— Алло?

— Кто говорит?

— Алло?

— Есть там кто-нибудь?

— Алло?

— Пожалуйста!..

— Алло?

Мисс Кин бросила трубку и легла, страшно дрожа, не в силах восстановить дыхание. «Что это? — молил ее разум. — Что это, Боже ты мой, такое?»

— Маргарет! — крикнула она. — Маргарет!

Из передней она услышала резкое ворчанье и кашель сиделки Филлипс.

— Маргарет, пожалуйста!..

Элва Кин послушала, как эта полная женщина встает на ноги и с трудом проходит в дверь гостиной. «Я должна собраться, — приказала она себе, похлопывая по покрытым нездоровым румянцем щекам. — Я должна точно рассказать ей, что произошло. Точно».

— Что такое? — проворчала сиделка. — У вас болит желудок?

Мисс Кин едва проглотила слюну — настолько сжалось ее горло.

— Он только что снова звонил, — прошептала она.

— Кто?

— Тот мужчина!

— Какой мужчина?

— Который все время звонит! — закричала мисс Кин. — Он постоянно говорит «Алло». Только одно слово — алло, алло, ал...

— Перестаньте, — невозмутимо прервала ее сиделка Филлипс. — Ложитесь и...

— Я не хочу лежать! — взбесилась она. — Я хочу знать, кто этот ужасный человек, который постоянно меня запугивает!

— Не доводите себя, — предупредила сиделка Филлипс. — Вы же знаете, как расстраивается ваш желудок.

Мисс Кин начала горько рыдать.

— Я боюсь. Я боюсь его. Почему он все время звонит мне?

Сиделка Филлипс стояла рядом с кроватью, глядя на нее с прямо-таки коровьей невозмутимостью.

— А что вам сказала мисс Финч?

Трясущиеся губы мисс Кин были не в состоянии произнести ответ.

— Разве она не сказала, что это из-за ошибочного соединения?

— Это не ошибка! Это мужчина. *Мужчина!*

Сиделка Филлипс терпеливо вздохнула.

— Если это мужчина — кладите трубку. Вам не надо разговаривать с ним. Кладите трубку — и все тут. Это что, так трудно сделать?

Мисс Кин закрыла блестящие от слез глаза и поджала губы. В ее сознании продолжал отзывать эхом слабый и равнодушный голос того человека. Снова и снова, с неизменной интонацией, вопрошающий, несмотря на ее ответы — просто бесконечно повторяющий себя в скорбной апатии: «Алло? Алло?» Заставляющий ее содрогаться до глубины души.

— Смотрите, — заговорила сиделка Филлипс.

Она открыла глаза и увидела расплывчатое изображение сиделки, кладущей трубку на тумбочку.

— Вот, — сообщила сиделка Филлипс. — Сейчас никто не сможет вам позвонить. Оставьте ее так. Если вам что-то потребуется — достаточно будет набрать номер. Все в порядке сейчас? Верно?

Мисс Кин холодно взглянула на свою сиделку. Затем, моментом позже, кивнула один раз. Неохотно.

Она лежала в темной спальне, телефон монотонно гудел, не давал уснуть. «Или я это сама себе внушаю? — размышляла она. — Неужели он действительно не дает мне уснуть? Разве я не спала в ту первую ночь, когда трубка была не на рычаге? Нет, это не из-за звука, это из-за чего-то другого.

Она упрямо закрыла глаза. «Не буду слушать, — приказала она

себе. — Просто не буду слушать». Она трепетно втягивала ночной воздух. Но темнота никак не заполняла ее сознание и не заглушала звук.

Мисс Кин ощупала постель вокруг себя, пока не нашла халат. Она обернула им трубку, упрятав гладкую черную пластмассу в складки шерсти. Затем снова погрузилась в постель, тяжело и напряженно дыша.

— Я усну, — настаивала она. — Усну.

Все равно слышно.

Тело ее напряглось, и она резко вытащила трубку из ее тонкой обертки и в гневе бросила на рычаг. Комната наполнилась сладостной тишиной. Мисс Кин откинулась на подушку со слабым стоном.

«А сейчас — спать!» — подумала она.

И зазвонил телефон.

У нее перехватило дыхание. Казалось, что звонок пропитал окружающую ее темноту облаком режущей ухо вибрации. Она протянула руку, чтобы снова положить трубку на тумбочку — но отдернула ее, поняв, что опять услышит голос того человека.

В горле запульсировало. «Что я сделаю... — планировала она. — Что я сделаю, так это сниму трубку очень быстро — очень быстро — и положу ее, а потом нажму на рычаг и прерву связь. Да, так и сделаю!»

Она напряглась и осторожно потянула руку, пока звенящий телефон не оказался под ней. Затем, затаив дыхание, она приступила к исполнению своего плана: прервала звонок, быстро дотянулась до рычага...

И остановилась в оцепенении, так как сквозь темноту ее ушей достиг голос того человека.

— Где ты? — спросил он. — Я хочу поговорить с тобой.

Из горла мисс Кин вырвался какой-то слабый, дребезжащий звук.

А человек продолжал:

— Где ты? Я хочу поговорить с тобой.

— Нет, нет, — зарыдала мисс Кин.

— Где ты? Я хочу по...

Белыми от напряжения пальцами она нажала на рычаг. Прежде чем отпустить, она держала его пятнадцать минут.

— Говорю вам — я больше так не могу!

Измученный голос мисс Кин напоминал слабую струйку звука. Она сидела в постели напрягшись, выдавливая сквозь отверстия микрофона свой ужас и гнев.

— Вы говорите, что кладете трубку, а мужчина все равно звонит? — поинтересовалась мисс Финч.

— Я уже все объяснила! — взорвалась Элва Кин. — Я вынуждена была на всю ночь оставить трубку не на рычаге, чтобы он не смог

позвонить. Но гудок не давал мне спать. Я не спала ни капли! Так вот, я хочу, чтобы линию проверили, слышите меня? Хочу, чтобы вы остановили этот кошмар!

Глаза ее напоминали две твердые темные бусины. Трубка почти выскальзывала из дрожащих пальцев.

— Хорошо, мисс Элва, — успокоила телефонистка. — Сегодня я пошлю человека.

— Спасибо вам, дорогая, спасибо! — обрадовалась мисс Кин. — Вы мне позвоните, когда...

Голос ее вдруг прервался, так как в телефоне послышался щелчок.

— Линия занята, — объяснила она.

Щелканье прекратилось, и она продолжила:

— Повторяю: вы меня известите, когда узнаете, кто этот ужасный человек?

— Непременно, мисс Элва, непременно. А сегодня после обеда я пошлю монтера проверить вашу линию. Вы живете на Милл Лэйн, дом 127, верно?

— Правильно, дорогая, — подтвердила мисс Кин со вздохом облегчения.

Звонков от загадочного мужчины не было все утро — и после обеда тоже. Напряжение стало спадать. Она поиграла в карты с сиделкой Филлипс, и удалось даже немного посмеяться. Приятно было знать, что телефонная компания сейчас этим занимается. Они скоро поймают этого ужасного человека и вернут ей душевное спокойствие.

Но когда пробило два часа, потом три — а монтера все еще не было в доме, — мисс Кин снова начала беспокоиться.

— Что случилось с этой девушкой? — высказала она свое раздражение. — Она меня искренне заверяла, что монтер придет сегодня после обеда.

— Он придет, — успокоила сиделка Филлипс. — Наберитесь терпения.

Четыре часа — монтера нет. Мисс Кин уже не до карт, чтения и радиоприемника. То, что начало было спадать, стало вновь нарастать, с каждой минутой, пока в пять часов не зазвонил телефон, ее рука резко и решительно высунулась из расклеенного рукава халата и вцепилась, подобно когтистой лапе хищника, в трубку. «Если заговорит мужчина, — пронеслось в ее мозгу, — если он заговорит, то буду вопить, пока не остановится сердце».

Она поднесла трубку к уху.

— Алло?

— Мисс Элва, говорит мисс Финч.

Глаза ее закрылись, затрепетало дыхание.

— Да?

— По поводу тех звонков, которыми, как вы говорите, кто-то вас беспокоит.

— Да? — В голове отпечатались слова мисс Финч: «...звонков, которыми, как вы *говорите*, кто-то вас беспокоит».

— Мы посылали человека, чтобы разобраться с ними, — продолжила мисс Финч. — Вот у меня здесь его отчет.

Мисс Кин затаила дыхание.

— Да?

— Он не смог ничего найти.

Элва Кин молчала. Ее седая голова неподвижно лежала на подушке, трубка плотно прижата к уху.

— Он говорит, что связывает эту... эту сложность с проводом, упавшим на землю на окраине города.

— Упавшим — проводом?

— Да, мисс Элва. — Не похоже, чтобы мисс Финч была довольна.

— Вы утверждаете, что я ничего не слышала?

Голос мисс Финч был тверд.

— Невозможно, чтобы кто-то звонил вам с того места.

— Говорю я вам: мне звонил *мужчина*!

Мисс Финч молчала, и пальцы мисс Кин судорожно сжали трубку.

— Там должен быть телефон, — настаивала она. — Ведь каким-то образом этот мужчина смог звонить мне.

— Мисс Элва, провод лежит на земле. — Она сделала паузу. — Завтра наша бригада повесит его на место, и вам не...

— Но он же как-то звонил мне!

— Мисс Элва, там никого нет.

— Там — где, *где*?

Телефонистка сказала:

— Мисс Элва, это кладбище.

В черной тишине своей спальни лежала незамужняя дама, калекка, и ждала. Ее сиделка не захотела остаться на ночь; сиделка приласкала, пожурила ее и оставила без внимания.

Она ждала телефонного звонка.

Она могла бы отключить телефон, но не было желания. Она лежала, ожидая, ожидая, размышляя.

О молчании — об ушах, которые раньше не слышали, и стремились услышать вновь. О булькании и бормотании — первых неуклюжих попытках, сделанных тем, кто раньше не говорил — интересно, как долго? Об «Алло? Алло?» — первом приветствии, произнесенном тем, кто долго молчал. О «где ты?» О (вот что заставило ее лежать так

неподвижно) щелчках в трубке и ее адресе, называемом телефонисткой. О...

Звонит телефон.

Пауза. Звонок. Шорох ночной рубашки в темноте.

Звонок прекратился.

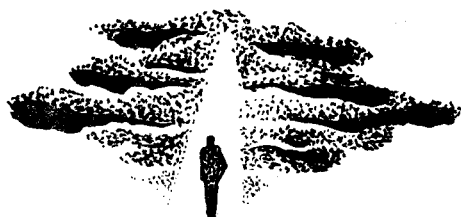
Напряженное вслушивание.

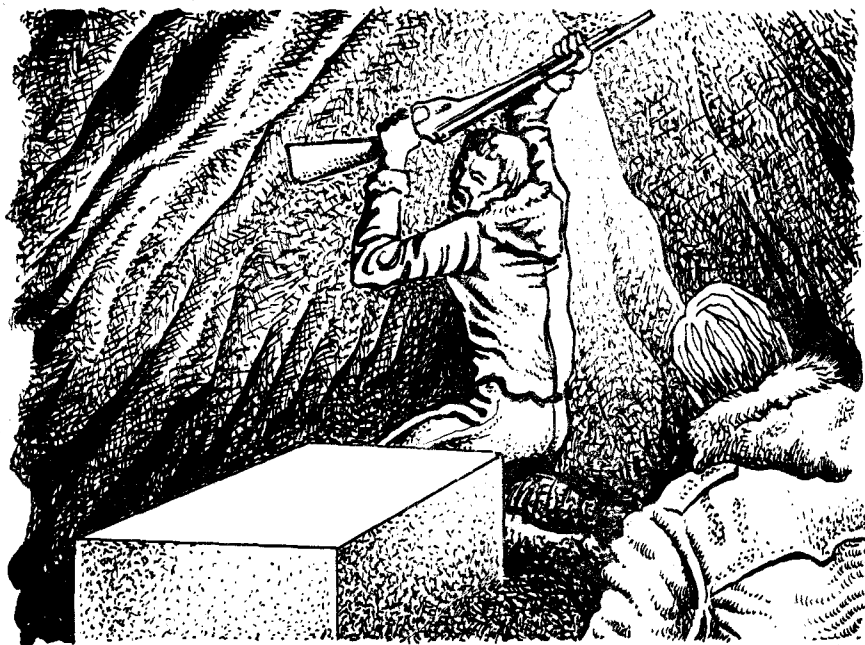
И трубка, выскальзывающая из белых пальцев, неподвижно застывшие глаза, слабые, медленные удары сердца.

На улице — стрекочущая сверчками ночь.

В доме — слова, все еще звучащие в ее голове, придающие ужасное значение тяжелой, удушливой тишине.

— Алло, мисс Элва. Сейчас я приду.

Мэтью Гант

ЯЩИК НА ОБЪЕКТЕ № 1

Ветер со свистом носился по долине, и под его порывами трепетало обозначающая Объект № 1 брезентовая палатка, напоминающая пирамиду. Караульный Рудд как всегда поднес ладонь к пламени масляной горелки, слабо освещающей интерьер палатки, защищая желтоватый огонек от то и дело прорывающихся внутрь сквозь рваный брезент хлестких ударов стихии. И как всегда при этом, он укордкой бросил взгляд на караульного Деннисона, лежащего в полном обмундировании на узких походных нарах в глубине.

— Не потухнет, не бойся ты. — Деннисон лежал на спине, руки за головой, глаза смотрели в одну точку на потолке. Время от времени он изображал что-то пальцами и с интересом следил за игрой теней на брезенте.

— Я знаю. — Рудд закусил губу и отвернулся.

— Знаешь, а делаешь. Зачем? — спросил Деннисон.

— Не знаю. — Рудд беспомощно развел руками.

Снаружи ветер на мгновение стих и откуда-то издалека донесся собачий вой. Рудд, пожившись, плотнее затянул на шее основательно потертый воротник парки¹. Он еще раз незаметно взглянул на напарника, а затем глаза сами уставились в левый от прикрывающего вход драного лоскута угол.

Ящик по-прежнему стоял на месте.

— Чего ты боишься? — спросил Деннисон. — Он никуда не убежит.

— Не знаю. — Вдруг неожиданно для себя Рудд вспыхнул: — Но это наша обязанность. Мы должны охранять ящик.

Он рывком поднялся и с вызывающим видом подошел к ящику. Тот прочно лежал на полу, четыре фута высотой, четыре в длину и столько же в ширину. Цельнодеревянный, крышка надежно прибита гвоздями.

Рудд хорошо помнил, как прибивали крышку в последний раз. Стояла теплая погода, и они пришли и голыми руками вырвали ржавые старые гвозди. Один даже закричал, когда гвоздь обломился и проткнул ему руку, а главный забивающий был самым большим человеком, какого Рудд когда-либо видел. Он вгонял блестящие новенькие гвозди прикладом винтовки, и в считанные секунды ящик снова выглядел как только что сделанный.

А пока меняли гвозди, старший наряда с двумя шевронами наблюдал за выполнением приказа и его винтовка тускло поблескивала в мерцающем полумраке палатки.

Рудд успел повидать много нарядов для забивания гвоздей, они приходили и уходили. С первого дня их высадки на этом острове Объекте им с Деннисоном было дано задание охранять ящик.

— Ты можешь спокойно наблюдать за ним с койки, — прервал его размышления Деннисон, — нигде не указано, что нельзя это делать, лежа на нарах.

— Мне плевать, — огрызнулся Рудд, — для меня так легче.

— А-а-а, — протянул Деннисон, и звук «а» перешел в длинный зев, — разбуди, когда придут Два Шеврона.

Рудд вздрогнул. Он хотел сказать Деннисону, что на службе спать запрещается. Рудду не полагается охранять Объект одному. Когда старший с двумя шевронами объяснял порядок несения службы, то подчеркнул это несколько раз: «Никогда нельзя охранять ящик поодиночке. Вы всегда должны быть уверены, что следите за ним оба одновременно. Одному человеку доверять нельзя».

Деннисон и Рудд тогда угрюмо кивнули.

Но всегда получалось одно и то же. Деннисон спал до тех пор, пока двухшеvronный не подходил к палатке и не начинал, ругаясь, расстегивать пуговицы входного лоскута. И каждый раз Деннисон

¹ Парка — первоначально одежда эскимосов, теплая меховая куртка.

успевал вскочить на ноги и взять винтовку к тому моменту, когда старший с двумя шеvronами проходил в центр палатки и инспектировал караул.

Однажды, впрочем, Деннисону не повезло. Двухшеvronный закончил с пуговицами очень быстро, а густая грязь перед входом заглушила его шаги. Он уже был в палатке, а Деннисон так и не проснулся и в наказание потом простоял на ногах много часов.

В тот раз старший с двумя шеvronами прочитал им целую лекцию.

— Скажи, солдат, известно ли тебе, зачем ты здесь находишься? — спросил он Деннисона.

— Так точно, — ответил тот, — охранять ящик.

— А почему нужно охранять ящик? — не унимался двухшеvronный.

— Для того, чтобы никто им не завладел, — Деннисон покраснел как рак, но вопросы на этом не прекратились.

Двухшеvronный говорил тихо и спокойно.

— А почему никто не должен им завладеть?

Деннисон начал заикаться, и Рудд уже хотел было прийти ему на помощь, но потом решил, что это окончится долгим стоянием на ногах и для него, и промолчал. А кроме того, он не знал ответа.

— Потому! — рявкнул двухшеvronный. — Вот почему, болван!

— Потому, — послушно повторил Деннисон. Старший с двумя шеvronами назначил наказание и ушел.

Позднее, уже ночью, Рудд шепотом обратился к Деннисону, который стоял, крепко сжимая в руках винтовку:

— Ты не спишь?

— Нет, — ответил тот.

— Мне просто интересно. Хочется кое-что спросить.

— Тебе всегда хочется кое-что спросить и всегда тебе что-то интересно. Сколько сейчас времени?

— Мне хочется знать, почему «потому»? — все так же шепотом спросил Рудд в кромешной темноте палатки.

— Почему «потому» что? — хрипло огрызнулся Деннисон. — Почему «потому» что, идиот?

— Ничего. — Рудд продолжал надзирать за ящиком, хотя было слишком темно, чтобы можно было что-нибудь нормально видеть.

Но постепенно он собрался с духом, спросил напрямую, и Деннисон, а он находился на службе намного дольше и одно время сам даже был старшим с двумя шеvronами, в конце концов рассказал.

— Потому что когда-то давно ящиком владел враг. Очень давно.

Сказав это, даже Деннисон, который не боялся спать в то время, когда должен был охранять ящик, даже сам Деннисон осторожно взглянул на откидной лоскут брезента на входе — не кружит ли поблизости двухшеvronник, или еще хуже — желтошеvronник?

— Враг, — невольно отозвался Рудд, изо всех сил напрягая зрение.

— Заткнись, дурень, — тут же прошипел Деннисон.

С той ночи прошло много-много периодов тепла, сменяемых периодами холода, прежде чем Рудд осмелился задать следующий вопрос, за ним еще и еще, пока не узнал, почему ящик необходимо охранять.

Всю историю с ящиком Деннисон не знал, как не знал ее, по его словам, ни один человек.

Но факты были таковы: в ящике хранилось вражеское оружие, оружие древнее и необычайно мощное. Ни в коем случае и ни при каких обстоятельствах нельзя было допустить, чтобы оно снова попало ему в руки. Вот почему в худые времена, такие, как сейчас, когда воют и лают псы, почуявшие запах врага, ящик должен охраняться денно и нощно. Никто не должен его выкрасть.

Вот и все. Просто и ясно.

С того дня, когда Рудд узнал это, он начал испытывать гордость за доверенную ему работу и теперь еще больше удивлялся, как это Деннисон может спать в то время, когда следует надзирать за ящиком.

Особенно в худые времена, когда воют и лают псы.

В последние несколько ночей псы лаяли так, как Рудд никогда еще не слышал. Иногда ему хотелось, чтобы он был вместе с другими, а не на Объекте № 1. Однажды, во время последнего теплого периода, Рудд заболел, и к нему пришел доктор, одношвронник. Перед уходом доктор обмолвился о тех, других:

— Все они больны страхом. Говорят, что враг приближается.

Несмотря на то, что на какое-то мгновение Рудд тоже заболел страхом, он расхохотался доктору в лицо. Доктора мало что знают, особенно о передвижениях солдат.

Но Деннисон, когда узнал об этом от Рудда, не засмеялся, а сел и долго молчал, глядя через открытый входной проем палатки на садящееся за дальние горные пики солнце.

А сейчас вот собаки лаяли как никогда, и двухшвронник вместо того, чтобы проверить их, как обычно, один раз за ночь, приходил дважды и даже выделил им дополнительное количество масла для горелки, потому что полученная ими ночная норма уже кончилась.

— Охраняйте ящик, — коротко бросил он, уходя.

И Рудд охранял. И даже Деннисон, хотя и лежал на нарах, глаз не закрывал.

На следующий день их сменили, когда солнце было уже высоко в небе.

А ночью, снова заступая на пост в палатке, они оба получили от двухшвронника по одной пуле для своих винтовок. И обоим держать в руках заряженную винтовку было впервой.

— Охраняйте ящик! — неистово скомандовал он. — Охраняйте

ящик!!! — И Рудд заметил под глазами у двухшеvronника темные круги.

— Совсем плохие времена настали, — посетовал Рудд, с тревогой ожидая реакции Деннисона.

— Плохие, ты прав, — повторил тот.

— Как ты считаешь... — начал было Рудд, но, испугавшись, осекся.

— Что я считаю? Ты о чем, дурак? — Но голос у Деннисона был вовсе не грубый.

— Как ты считаешь, враг приближается?

Снаружи снова завыл ветер, завыл громко, но даже и эти завывания не заглушали тявканья собак.

— Не знаю, — произнес наконец Деннисон.

Рудд быстро протянул вперед ладонь, прикрывая от ветра пламя горелки, но на этот раз Деннисон ничего не сказал. Дела плохи. Рудд знал это.

Он стоял и думал: «Я сделаю то, что от меня требуется». Подойдя к ящику, он оперся на него.

— Не прикасайся, болван, — сказал Деннисон.

— Но почему? — Рудд озадаченно замер. Он много раз касался этого ящика раньше, давил пальцами на скрипящее дерево, а иногда даже отколупывал щепочки, которыми потом рисовал на грязи снаружи.

— Э-э-э, — протянул Деннисон, — не прикасайся, и все тут.

Рудду стало стыдно, и он отошел.

Неожиданно шум по ту сторону палатки резко усилился. Собаки лаяли совсем рядом, их там были дюжины и дюжины — тявкающие, лающие, воющие.

— Слушай, — сказал Деннисон.

Рудд слушал.

— Громко лают.

— Нет, я не про лай. Я слышу, как они скрежещут зубами.

Рудд прислушался и тоже услышал. Звуки эти повергли его в трепет.

— Врагу до нас не добраться. Никогда. С нашими псами мы в безопасности, — хвастливо заявил он.

Сквозь шум ветра донеслись шаги человека, бегущего по густой грязи в тяжелых ботинках.

— Враг! — Одна рука Рудда крепче сжала приклад, другая потянулась к рукоятке затвора.

Но это оказались свои. Одношеvronник, посыльный от остальных.

Огромного роста, чернобородый, он, пошатываясь, стоял в центре палатки, а вокруг покрасневших глаз образовались такие же темные круги, как и у старшего с двумя шевронами, только глубже и чернее.

— Этот? — задыхаясь спросил он, показывая на ящик. Рудд видел посыльного в течение многих теплых и холодных периодов, посыльный здорово постарел, и Рудду стало жалко его и неловко от того, что тот уже даже и не помнил ящик.

— Да, этот.

Посыльный стоял, и все в палатке замерло. Один раз он слегка наклонился и сделал движение рукой в сторону ящика, но тут же ее отдернул. Повернувшись на массивных каблуках, посыльный встал к ним лицом.

— Вам надо бежать. Мы разбиты.

— Разбиты? — переспросил Рудд. — Я не верю.

Деннисон впился в посыльного глазами.

— Давай, — кивнул он наконец Рудду и, сбросив ноги на пол, принялся натягивать ботинки, — или ты думаешь, у нас вся ночь впереди?

— Но...

— Мы разбиты, — еще раз повторил посыльный.

— А ящик? — спросил Рудд. — Как же ящик?

— Уничтожьте его. Быстро. Времени почти нет. Когда закончите, уходите в горы. Масла достаточно?

Рудд перевел взгляд на горелку, пламя было высокое и сильное.

— Да нет же, тупица, — крикнул Деннисон, — не для нее, для ящика. Ящик не должен попасть в руки врага.

Посыльный сунул Рудду банку с маслом и, орудуя штыком, разрезал крышку. Задержавшись во входном проеме, он поднял руку к глазам.

— До свидания. И поторапливайтесь.

Рудд какое-то время тупо смотрел на открытую банку, потом начал лить масло на деревянные поперечины на крышке ящика. Псы, казалось, надрывают глотки уже в нескольких ярдах от палатки.

Деннисон вырвал банку у Рудда из рук.

— Не так. Под деревом наверняка есть что-то, что так просто не уничтожить. Водостойкая прокладка или металл, или еще что-нибудь. Крышку с ящика надо снять. — Он ухватился за поперечины и стал их отдирать.

— Нет, — запротестовал Рудд, — нам запрещено. Мы обязаны надзирать за ящиком, а не за тем, что внутри.

Но Деннисона было уже не остановить. Рудд смотрел, а деревянные дощечки скрипели, стонали, отлетали в стороны, некоторые ломались, пока наконец не отскочили, обе сразу, две последние, и крышка открылась.

Они невольно отпрянули назад. Под крышкой ящика показалась пожелтевшая бумага, в которую было завернуто его содержимое, а на ней — какие-то пять черных значков. Деннисон протянул руку, сдернул бумагу, и они наклонились вперед.

Рудд и Деннисон обменялись взглядами. Оба нахмурились. В ящике находились похожие на маленькие коробочки свертки, большинство из них длиной с ладонь человека, может быть, чуть длиннее, примерно с ладонь же шириной, а толщина достигала двух-трех пальцев. Каждая коробочка отдельно обернута материей.

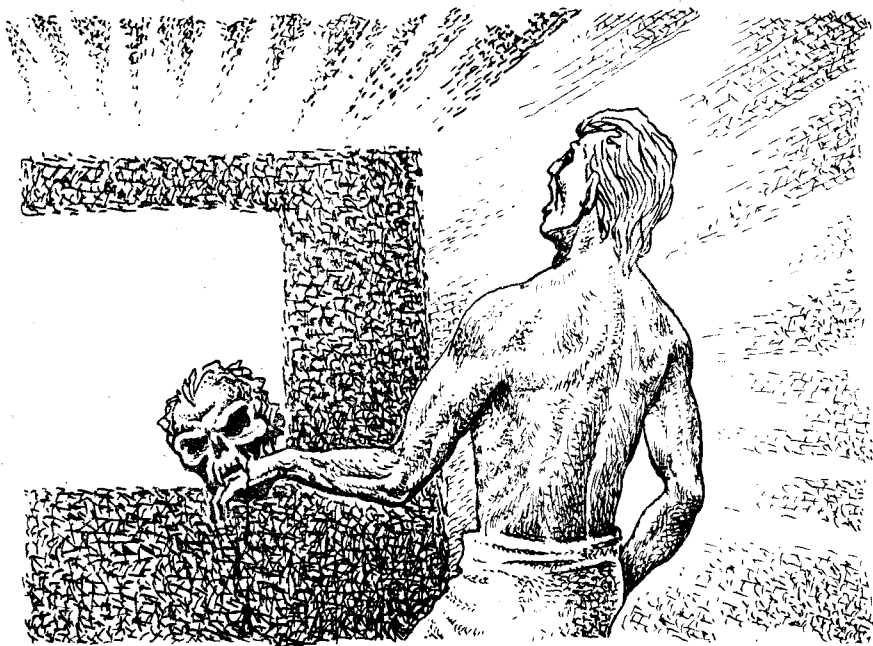
Снаружи отчетливо доносились шаги. Псы убежали куда-то дальше в долину, лай стал тише.

Издав вопль страха и ярости, Деннисон бешено тряс над ящиком банкой, и масло брызгало на обернутые в материю плоские коробочки, на пожелтевшую бумагу, на пять черных значков. Он оторвал клочок обертки, сунул его в горелку и подождал, пока загорится.

Затем швырнул этот пылающий клочок в ящик и они, выскочив из палатки, побежали по направлению к горам.

И когда Рудд бежал, скованный страхом, как болезнью, и потом, много-много холодных периодов спустя, когда прятался в лесах, он в раболепном ужасе вспоминал, а на всю жизнь запомнив, постоянно рисовал в грязи то, что увидел — те пять черных значков, выведенных на пожелтевшей от старости бумаге, в которую было завернуто содержимое ящика на Объекте № 1: КНИГИ.

Энтони Бучер

ОНИ КУСАЮТСЯ

Не было совсем никакой тропки, только почти вертикальный подъем. Несколько рядов осыпающихся скал с немногочисленными побегами шалфея, укоренившимися в скудной, сухой почве. Далее шли зубчатые обнажения грубой скалистой породы, иногда с уступами и выемками для рук и ног, иногда с нависающими над головой и не внушающими доверия скользкими ветками кустарника, а порой и вообще абсолютно голые камни, где ни зацепиться, ни опереться нечего и думать, и приходилось надеяться исключительно на свои мышцы, чувство равновесия, мастерство и изобретательность.

Шалфей был настолько же грязно-зеленым, насколько грязно-желто-коричневыми были утесы. Единственным живым цветом — ярко-розовым — радовали глаз только редкие свечки пурпурных ферекактусов.

Хьюг Таллант качнулся и, подтянув тело на последнюю остроко-нечную площадку, огляделся. Причудливые формы скал производи-

ли впечатление, что кто-то построил все это специально и бросил — изваянная в камне крепость лилипутов, бастион пигмеев. Усевшись на одну из башенок завоеванного им форта, Таллант вынул из футляра полевой бинокль.

Внизу раскинулась пустынная равнина. Сбившиеся в кучку крошечные домики — это Оазис, свое название городок получил от растущих там пальм, помимо имени они давали городу и его палатке, а также и хижине, которую он строил, прохладу и тень. Никуда не ведущая автомобильная трасса заканчивалась тупиком, загаженные дороги, пересекаясь друг с другом на перекрестках пустых кварталов, создавали видимость инфраструктуры.

Но Таллант ничего этого не видел. Бинокль его был направлен за Оазис, за пальмы, туда, где виднелось высохшее озеро. Отсюда он ясно различал планеры, они казались живыми. Миниатюрные человечки в униформе сновали вокруг них туда-сюда и напоминали муравьев под стеклом. Особенно всех заинтересовал один, этого планера Таллант раньше не замечал. Человечки подходили к нему, внимательно осматривали и, оглядываясь, сравнивали с другими.

Новый планер поглотил все его внимание. Лишь краешком глаза Таллант видел, что происходит на скале, и вот в этом-то краешке, уголке его зрения что-то вдруг промелькнуло — что-то маленькое, тонкое и коричневое, как земля вокруг. Кролик? Но кролики меньше. А человек гораздо крупнее. Краешек глаза ухватил только, как это что-то промелькнуло и скрылось, помешав Талланту сконцентрироваться на планерах и заставив отвлечься.

Отложив бинокль, Таллант обвел взглядом узкую и плоскую поверхность скалы, над которой его башенка возвышалась на несколько футов. Ни единого движения. Нигде ничего, лишь серые камни и один-единственный розоватый шпиль кактуса. Таллант возобновил наблюдение. Когда работа была сделана, он аккуратно занес результаты в маленькую черную книжечку.

Его рука все еще была белой. В пустыне зимой холодно и часто нет солнца. Но твердости рука не потеряла. Такая же отлично натренированная, как и глаза, она верно записывала и регистрировала все формы, контуры и размеры, которые глаза снимали и передавали ей.

Однажды, правда, рука дрогнула, и ему пришлось стирать и переписывать. Осталось грязноватое пятно, и это его расстроило. В секторе бокового зрения вновь шевельнулось и пропало смутное, коричневатое нечто. Пропало за восточным уступом, он мог бы поклясться, и ушло дальше в восточную сторону. Туда, где неровные каменные валуны образовывали гигантскую цепочку, напоминающую хребет стегозабра.

Но он уступил любопытству только после того, как все пометки были сделаны, да и то с циничным самоупреком. Наваливалась усталость, элементарная физическая усталость. Состояние для него край-

не необычное. Очевидно — следствие длительного лазанья по горам, наложившегося к тому же на нудную, утомительную работу по расчистке места для будущей хижины. Глазные мышцы утомились и начинаются фокусы подрагивающих нервов. За броней стегозавра ничего быть не может.

Там ничего и не было. Ничего живого и никакого движения. Только разорванный на части и наполовину общипанный труп какой-то птицы, как будто его долго грызло иглодало неизвестное маленькое животное.

Таллант уже спустился вниз почти до половины скалистого утеса — утеса, конечно, по западной терминологии, потому что в любой части к востоку от Хребта такой утес считался бы настоящей горой, — когда краем глаза он вновь засек передвигающуюся фигуру.

Ни о каком фокусе утомленных нервов на этот раз не могло быть и речи. Существо не такое уж и маленькое, нельзя сказать, чтобы тощее, да и не совсем коричневое. Высокое, широкое в плечах и облаченное в красно-черную ветровку лесоруба.

— Таллант! — прокричало оно здоровым, бодрым голосом.

Таллант подошел к незнакомцу и поздоровался.

— Добрый день. — И после небольшой паузы добавил: — Сдаюсь. Не могу припомнить.

— Что? Ты меня не знаешь? — Незнакомец широко усмехнулся. — Впрочем, десять лет — действительно немалый срок, а Калифорнийская пустыня даже отдаленно не напоминает рисовые поля в Китае. Как дела? Никак не развяжешься с «Секретами на Продажу»?

Не реагируя на последний выпад, Таллант напрягся и наморщил лоб.

— Неужели Морган? Прости, не узнал. Этот костюм исследователя любого собьет с толку.

Собеседник Талланта сощурил глаза.

— Я, как всегда, шучу. И впрямь, разве может у тебя быть какая-то серьезная причина, чтобы лазать по горам в окрестностях планерного центра, нет, конечно. К тому же, чтобы следить за этими милыми птичками, тебе бы понадобился сильный полевой бинокль.

— Я здесь дышу воздухом. Лазаю для здоровья. — Голос Талланта звучал неубедительно даже для него самого.

— Естественно. Само собой разумеется. Ты всегда занимался этим исключительно ради здоровья. Но представляешь, мое здоровье в последнее время тоже начало барахлить. И я тоже завел себе правило совершать пешие прогулки. И я не бросаю кое-каких своих скромных исследований. Но сдается мне, что сегодня — удачный день, Таллант. Похоже на то, что я наконец-то попал на неплохую жилу.

— Брось, старина. Ерунда все это.

— Нет, ты не подумай даже. Я терпеть не могу этих армейских там, внизу. С чего это вдруг я стану им рассказывать о своей жизни в

Китае и о людях, с которыми я там встречался? Да им это и не понравится, готов поспорить. Хотя, впрочем, если меня подпоить, то язык может и подразвязаться...

— Я тебе вот что скажу, — оборвал его Таллант, — сейчас уже почти вечер, а моя палатка не приспособлена для поздних приемов. Приходи-ка лучше с утречка, тогда и поговорим. Вспомним, как говорится, бывшие времена. Ты по-прежнему питаешь слабость к року?

— Конечно, себя не переделаешь. Ром стал, правда, дороговат, но...

— Ничего, для тебя я разорюсь. Место найти легко — сразу за оазисом. Мы сядем и... поговорим. И о твоих самостоятельных изысканиях тоже.

Таллант решительно сжал губы и, повернувшись, пошел.

Бармен открыл бутылку пива и грохнул ее на стойку. Мокрые кружочки от донышек других бутылок не успевали высыхать, как на них появлялись, накладываясь, все новые и новые.

— Двадцать центов, — сказал он, — может быть, желаете стакан? Некоторые туристы так не пьют.

Таллант посмотрел на сидящих за стойкой посетителей. Небритый старик с красными глазами; сержант авиации, с невеселым видом потягивающий «кока-колу» — армейским для пива было еще рано; молодой парень с недавно отпущенной бородой и трубкой в зубах, в длинной грязной шинели. Из стаканов никто не пил.

— Я, пожалуй, не буду туристом.

Для Талланта это был первый визит в «Дэзерт-Спорт-Спот», но он зашел не только выпить. Необходимо, чтобы его видели в обществе. Иначе люди начнут удивляться и спрашивать: «Кто такой? Почему поселился рядом с оазисом и никогда никуда не выходит?»

В «Спорт-Спот» этим вечером было тихо. Четверо за стойкой, несколько армейских за бильярдом и человек десять гражданских из городка, за круглым столом для покера. Те из гражданских, что играли, спокойно и без лишних слов обчищали какого-то рабочего со стройки, чьи мысли, казалось, далеко уже ушли от карт и полностью утонули в пиве.

— Проездом у нас? — дружелюбно спросил бармен.

— Нет, — Таллант покачал головой, — я сюда переселяюсь. Списали из армии из-за легких, вот и приходится что-то соображать. А здесь, я слышал, отличный климат. Решил попробовать, чем черт не шутит.

— Климат — класс, — кивнул бармен. — До того, как построили эту планерную школу, иди в пустыню, и каждый второй встречный гуляет там, потому что хочет поправиться. У меня нос совсем не дышал, а теперь посмотри — другой человек. Все дело в воздухе.

Таллант вдохнул запах сигаретного дыма и пивных паров, но не улыбнулся.

— Надеюсь на чудо.

— И правильно. Чудеса будут. Где ты остановился?

— Вон в ту сторону, там моя палатка. Агент назвал это «местечком старого Каркера».

Талланту показалось, что все сразу замолчали и прислушались. Он нахмурился. Собравшийся уже что-то сказать бармен решил подождать, молодой парень с бородой посмотрел как-то странно, а небритый старик усталился на Талланта красными слезящимися глазами, в которых засветилось на мгновение что-то похожее на жалость. По спине у Талланта пробежал холодок, не имеющий ничего общего с ночной прохладой пустыни.

Допив свое пиво судорожными глотками, старик наморщил лоб и как будто тоже хотел начать говорить. Наконец, промокнув щетину на подбородке засаленным рукавом, он прокашлялся и спросил:

— Уж не думаешь ли ты занять глинобитную будку?

— Нет. Она во многих местах разваливается. Легче для меня соорудить новую хижину, поменьше, чем восстанавливать и приспособливать для жилья эту старую будку. А пока есть палатка.

— Хм, может быть, и так. Но послушай совет — не суй нос в будку. Держись от нее подальше.

— Честно говоря, я и не собирался. Но почему нет? Еще по пиву?

Старик лениво помотал головой и сполз со стула на пол.

— Больше не хочется, благодарю. Не знаю, стоило ли мне начинать...

— Что начинать? Я слушаю.

— Да нет, это я так. Все равно спасибо.

Старик повернулся и заковылял к выходу.

— Но что такого в глинобитной мазанке? — крикнул Таллант ему вслед. — Почему я должен держаться от нее подальше?

Загадочный старик что-то пробормотал.

— Что-что? — переспросил Таллант.

— Они кусаются, — донесся ответ. Старик поежился и исчез в темноте ночи.

Бармен стоял там же, где и раньше.

— Я рад, что он отказался. Я имею в виду от того пива, что ты ему предложил. Обычно к этому часу как раз наступает момент, когда мне приходится ему говорить, что хватит, больше обслуживать не буду. Сегодня как-то до него дошло.

Таллант толкнул по стойке пустую бутылку.

— А может, это я его отпугнул?

— Как знать, мистер, может, ты и впрямь спугнул этого старого

сыча. Скорей всего, так оно и есть. Он не захотел пива, которое хоть как-то, пусть даже упоминанием, связано с местечком старого Каркера. Ох уж мне эти старожилы, они многие на этом словно тронулись.

— Там водятся привидения?

— Не совсем так. В полном смысле привидениями их не назовешь. Я, по крайней мере, о привидениях не слышал. — Он вытер стойку с таким видом, будто одновременно сметает в мусор и предмет разговора.

Сержант авиации оттолкнул в сторону бутылку с «кокой», нашарил в кармане несколько медяков и отошел к игральным автоматам. Освободившийся стул тут же занял молодой парень с бородой.

— Надеюсь, старина Джейк не слишком вас расстроил?

Таллант рассмеялся.

— По-моему, в каждом городке существуют заброшенные домишки, окутанные предрассудками и суевериями. Но у вас здесь что-то новое. Привидений нет, а они кусаются. Кто *они*? Тебе что-нибудь известно?

— Очень немного, — ответил парнишка вполне серьезно, — самая малость. Но хватит, чтобы...

— Я угощаю, — Талланта заело любопытство, — расскажи мне.

У игровых автоматов грязно выругался сержант ВВС.

Пиво весело потекло сквозь бороду в молодую, крепкую глотку.

— Видите ли, мистер, пустыня настолько велика и необъятна, что оставаться в ней одному практически невозможно. Вы не замечали? Вроде бы кругом пустота и ничего не видеть, но там всегда что-то движется. Там, где, казалось бы, нет ничего, кроме песка и камней, всегда есть что-то очень тонкое, очень сухое и какое-то коричневое. Но стоит посмотреть в ту сторону, и все куда-то пропадает. Не может быть, чтобы не замечали.

— Оптический обман в результате усталости глазных... — начал было Таллант.

— Вот-вот, я понимаю вас. У каждого своя версия. Возьмите любое племя индейцев и вы найдете массу объяснений. Вы не могли не слышать о Бдящих, но вот наступает двадцатый век, приходят белые люди и все кончается обманом зрения. В девятнадцатом было по-другому. И тогда еще были Каркеры.

— Речь идет о своеобразной местной легенде, не так ли?

— Можно назвать и так. Но и умом вы тоже, точнее, каким-то краешком ума, замечаете отдельные вещи точно так же, как краешком глаза видите неуловимые передвижения худых и высохших существ. Легенда разрастается. Разум Народа в действии. Вы находите для мелькающих коричневых теней разумное объяснение, сводите все к соответствующим обстоятельствам, и ситуация кажется нормальной. Но Легенда живет дальше. И все-таки все возвращаются к Каркерам, к вещам, которые люди вроде бы и видят, но не совсем, складывают их вместе и... и они кусаются.

«Интересно, — подумал Таллант, — сколько же пива поглотила эта борода?»

— А кто они были, эти Каркеры? — вежливо осведомился он.

— Может быть, вы слышали о Сони Бине? Шотландия, период правления Якова Первого, или Шестого, хотя я думаю, что Рагхед здесь ошибается. Впрочем, давайте ближе к современности — Сгибающие, тоже не слышали? Канзас, семидесятые годы прошлого века. Нет? А Прокруст? А Полифем? А дикари Фи-фи-фо-фам?

Людоеды существуют. И никакая это не легенда. Они есть, и это — достоверный факт. Ночлежка, в которой на десять прибывших приходилось девять ее покидающих. Горная хижина, давшая приют путешественникам во время бури и скрывающая их всю зиму, пока весной, под растаявшим снегом не нашли оставшиеся от них кости. Длинные отрезки дорог, по которым многие проезжающие так и не смогли проехать до конца. Да мало ли подобных примеров! Они по всей Европе, да и в нашей стране, пока связь и средства сообщения не стали такими, как сейчас. Выгодный бизнес. Но тут не только выгода. Сгибающие делали на этом деньги, несомненно, но все равно они не убивали свои жертвы так же тщательно и осторожно, как тот иудей, добывший ритуальную пищу. Сони Бин — так тот вообще о наживе не помышлял, просто закладывал мясо на зиму.

А теперь прикиньте шансы, когда люди живут в оазисе.

— Значит, Каркеры в ваших краях — это то же, что и великаны-людоеды в легендах?

— Каркеры, людоеды, а может быть, Сгибающие, кто знает? Понимаете ли, с тех пор, как жители городов стали находить странным образом разодранные трупы, Сгибающих воочию уже никто не видел. Ходили слухи, что они ушли далеко на Запад. Дошли досюда. Но время расставляет все по своим местам. В восьмидесятых никаких поселений здесь не было. Два или три индейских рода — остатки живущего на оазисе вымирающего племени. Они бесследно пропали, как только сюда переселились Каркеры. Что не так уж и удивительно. Но раса бледнолицых ставит себя выше понятия людоедства. Никому до пропавших не было дела, никто не задумывался. Начали задумываться, когда многие стали исчезать, пересекая этот участок пустыни. Путешественники останавливались у Каркеров и получалось, что дальше они уже не двигались. Их вагончики находили милях в пятнадцати, а то и двадцати дальше в пустыне. Иногда находили и кости, белые и выжженные солнцем. Те, которые видели, говорили, что эти кости как будто кто-то грыз.

— И никто не пытался ничего предпринять? Что-нибудь сделать с этими Каркерами?

— О-о, как же, предпринимали, конечно. К сожалению, у нас не было Его Величества Короля Якова Шестого, хотя я по-прежнему считаю, что Первого, кто бы бесстрашно проскакал напоказ на белой лошади, но зато наши армейские подразделения дважды прибывали сюда и выметали их ко всем чертям.

— Дважды? — улыбнулся Таллант. — Мне кажется, от большинства семейств ничего не осталось уже и после первого рейда.

— Нет-нет, я не оговорился. Именно дважды, прогнав Каркеров в первый раз, они ничего не добились. Каркеры здесь уже не жили, а путешественники исчезали точно так же, и точно так же продолжали находить обгрызанные кости. Предприняли вторую карательную экспедицию. А потом сдались и плюнули, и люди стали огибать оазис. Путь получался несравненно длиннее, но в конце-то концов...

Таллант расхохотался.

— Ты хочешь сказать, что Каркеры бессмертны?

— Не знаю насчет бессмертия. Но легко они почему-то не умирают. Возможно, что если бы на самом деле они оказались Сгибающими — а мне лично нравится думать, что так оно и есть, — то они чему-то научились, тому, что и как им нужно делать в этой пустыне. Может быть, использовали знания других индейцев, и это сработало. А возможно, то, чему они приносили свои жертвы, стало их лучше здесь понимать. Лучше, чем в Канзасе.

— Что же с ними стало? Неужели остались только существа, замечаемые боковым зрением?

— С того времени, к которому относится последняя история о Каркерах, и до момента возведения этого городка в оазисе прошло сорок лет. В первые год или два, когда разворачивали строительство, люди что-то узнали, но что — распространяться не любят. Однако все здесь обходят стороной глинобитную лачугу старого Каркера, так ее называют. Рассказывают истории, такую, например. Однажды, в жаркий воскресный день, сидящему в исповедальне священнику показалось, что вошел приготовившийся покаяться грешник. Священник долго ждал и, когда, наконец, раздвинул штору, никого такого не увидел. Никого в том смысле, что это оказался не кающийся грешник. Это было что-то, и оно кусалось. И сейчас у нашего священника на правой руке осталось три пальца. Забавное зрелище, особенно, когда он раздает благословения.

Таллант толкнул обе их бутылки к бармену.

— Такая байка, мой молодой друг, заслуживает еще пива. Два пива, хозяин. Скажи, он всегда так здорово сочиняет, или только сегодня со мной?

Бармен с невозмутимым видом выставил на стойку две бутылки холодного пива.

— Что касается меня, то я бы такое рассказывать не стал. Но он у нас тоже почти что посторонний, не живет здесь и, наверное, не понимает, что мы чувствуем по этому поводу. Для него это просто интересный случай, как любой другой.

— Да-да, — поддакнул рассказчик Талланта, — так мне удобнее. — Он вытер бороду и обхватил ладонью горлышко.

— Но раз уж начали, так и быть, — продолжал бармен, — расска-

жу и я кое-что. Случилось это прошлой зимой, в самые морозы. Мы тогда всю зиму слушали истории, что где приключилось. Одна интереснее другой. Волки, чтобы погреться, забегали в хижинки исследователей как к себе в берлоги. Дела у меня шли неважно, лицензии на крепкое спиртное нет, а пива в такую холодрыгу много никто не пил. Но от посетителей отбоя не было, валом валили посидеть у той большой печки.

И вот как-то вечером собрался народ, а с ними и старина Джейк со своей собакой Джиггером. Джейк — это тот старик, с кем ты разговаривал. Слышу я вдруг — вошел кто-то, тихо так, только дверь чуть-чуть скрипнула. Но никого не увидел. Все что-то делали, играли в покер, просто болтали — вот как мы сейчас с тобой, — и неожиданно из угла х-хрясь! — Из того, где печка, там у меня музыкальный автомат стоит.

Я мигом туда — в чем, мол, дело, но оно так быстро выскочило, что я толком даже ничего и не рассмотрел. Что-то маленькое, тощее и совсем без одежды. Да-а, холода тогда стояли зверские.

— И что же там хрустнуло? — не выдержал Таллант.

— Кость. Собачья кость. Джиггер был задушен совершенно бесшумно. Бедный песик, он был такой маленький. И это существо сожрало почти все его мясо. Не доело, потому что хрустнула кость. Мозгов; видать, захотелось. Можешь посмотреть — там до сих пор остались пятна, кровь так полностью и не отмывается.

На протяжении всего рассказа стояла тишина, но как только бармен закончил, посетители словно с ума посходили. Сержант авиации с диким воплем принялся трясти игровой автомат, требуя выигрыша, а рабочий со стройки за столом для покера, ругнувшись, встал и, перевернув пинком стул, угрюмо рывкнул, что у них здесь свои правила и что такая игра не по нему.

Воцарившаяся было атмосфера ужаса рассеялась. Посвистывая, Таллант прошагал в угол, чтобы бросить монетку и завести какую-нибудь музыку, и как бы невзначай скосил глаза на пол. Правду говорил бармен или нет, но пятна там были.

Таллант довольно хмыкнул. Он даже почувствовал к Каркерам какую-то благодарность. Вот уж кто действительно сможет помочь ему в его шантаже.

Этой ночью ему снилась Власть. Его обычный сон. Он стоял во главе нового, образованного после войны, Корпоративного Американского Государства и отдавал приказания. «Иди!» — и человек шел, «Вернись!» — и другой человек возвращался, «Сделай это! Сделай то!» — и слуги повиновались и беспрекословно выполняли то, что он от них требовал.

Затем явился откуда-то молодой парень с бородой, и его грязная, длинная шинель развевалась как одеяния древнего пророка. И он сказал: «Вознесся наверх и доволен? Вообразил себя на гребне волны — волны Грядущего, как ты сам ее называешь. Но внизу, в темной глубине, куда не

достаёт глаз, дремлет течение, и оно — часть Былого. А также и Настоящего, и даже Будущего. Там — Зло и Пороки Человечества, они во много раз чернее твоего зла и куда древнее. Бесконечно древнее».

А позади развевающихся одежд, в их тени сновало что-то маленькое, худое и коричневое.

Сон не нарушил душевного равновесия Талланта. Как не нарушила его следующим утром и мысль о предстоящей беседе с Морганом. Он с большим аппетитом проглотил собственноручно поджаренную яичницу с беконом и, раздевшись до пояса, приступил к расчистке земли для будущей хижины. Ветер стих, и солнце ярко сияло. Его мачете, сверкая, рассекал воздух и со свистом срезал стебли высокой травы и ветки кустарника.

Появился Морган — лицо красное и весь в поту.

— Пойдем в будку, — предложил Таллант, — там тень и прохладнее. И говорить удобно. — В удобной, прохладной тени глинобитной будки Таллант взмахнул острым мачете, и толстая, раскрасневшаяся рожа Моргана распалась пополам.

Это было так легко. Легче, чем выкорчевывать корни шалфея. И абсолютно безопасно. Морган жил в захудалой лачужке на пути туда, откуда, по слухам, не возвращаются, а к тому же часто отлучался в исследовательские походы. Его отсутствие, даже если и будет замечено, то никак не раньше, чем через несколько месяцев. Никому не придет в голову связывать его исчезновение с Таллантом. Нет тому причин. И уж менее всего вероятно, что Моргана станут искать в будке, где обитают привидения-каркеры.

Тело оказалось неожиданно тяжелым, теплая кровь капала на голую кожу. Свалив тело Моргана на пол, Таллант испытал облегчение и огляделся. Пола как такового не было — ни досок, ни какого-либо покрытия. Только земля. Твердая, но могилу вырыть можно. И никто не заявит на эту проклятую территорию. Могилу не заметят, а пройдет год или чуть больше, и все спишут на Каркеров. И кости, и могилу.

В поле бокового зрения что-то вновь шевельнулось. На сей раз Таллант вознамерился осмотреть все как следует.

Неуклюжая и грубо сработанная небольшая мебель — как вырубил топором, так и оставили. Толстые доски соединялись деревянными колышками, а кое-где — наполовину сгнившими ремнями. Зола в очаге казалась столетней давности, и из нее торчали запылившиеся черепки глиняного горшка.

Внимание Талланта привлек большой плоский камень с широким углублением посредине. Камень покрывали пятна, напоминавшие ржавчину. Но камни не ржавеют. За ним — крошечная фигурка, судя по всему, наспех и неумело слепленная из глины и палочек. В фигурке было одновременно что-то от человека, что-то от ящерицы и что-то от тех существ, что время от времени беспокоят ваше боковое зрение.

С возрастающим интересом Таллант шагнул дальше. Когда он

приблизился к едва освещаемому незастекленным оконцем дальнему углу, то у него невольно перехватило дыхание. На несколько секунд Таллант оцепенел. Но быстро пришел в себя и громко рассмеялся.

Вот и объяснение. Один любопытный увидел, рассказал остальным, отсюда и пошло. Обростая деталями, сложилась легенда. Каркеры и впрямь оказались неплохими учениками индейцев, переняв от них тайное искусство бальзамирования.

Превосходно выполненная мумия. Но то ли от индейского чудадейства тела ссыхались, то ли это был десятилетний мальчик. От плоти ничего не осталось. Только кожа, да кости, да туго натянутые высохшие сухожилия. Веки закрыты, глазницы запали глубоко в череп, а нос... нос провалился и осел, и его вроде как бы и не было вовсе. И еще губы. И не губы даже, а тоненькие ниточки, натянутые поверх длинных и ослепительно белых зубов, выступающих немного вперед и резко контрастирующих с темно-коричневой кожей.

Вот это да! Настоящее маленькое сокровище. Таллант уже прикидывал в уме, где он найдет ученого-антрополога и какое вознаграждение с него слерет — надо же, убийство может сулить такую замечательную побочную выгоду, — как вдруг заметил, что грудная клетка на самую малую долю дюйма поднялась и опустилась.

Этот Каркер не умер. Он спал.

Оставаться там дальше и раздумывать над увиденным Таллант не осмелился. Времени поразмыслить над тем, возможны ли подобные вещи в правильно устроенном мире, уже не было. Как не оставалось его и на то, чтобы скрыть следы убийства и спрятать тело Моргана. Пора уматывать. Не теряя ни секунды, хватать мачете и бежать куда глаза глядят.

Не добежав до двери, Таллант остановился. Со стороны пустыни, по направлению к будке, в которой он находился, приближалась самка. На этот раз он видел ее отчетливо.

Рука в нерешительности подняла мачете, острый клинок звонко цапнул глиняную стену. За спиной Талланта раздался сухой шелест — спящий поднялся.

Обернувшись, мачете перед собой, он изготовился. Сначала закончить с этим, потом — разделаться с самкой. Ни в теле, ни в мыслях страха не было, только готовность действовать.

Сморщенная коричневая двуногая ящерица с жадностью кинулась на Талланта, но он легко ушел в сторону и встал, ожидая следующего прыжка. Удачно, снова ушел. Подняв мачете повыше, он сделал шаг назад и, споткнувшись о безжизненное тело Моргана, полетел на пол. Подняться Таллант не успел. Кровожадное существо вскочило на него и впилося острыми зубами в мякоть ладони левой руки.

Молниеносный взмах мачете — и сухое тощее тельце, отделившись от головы, уже валялось в стороне. Не вытекло ни капли крови.

Хватка челюстей, однако, слабее не стала. Сильнейшая боль

пронзила руку до самого плеча — острейшая и нестерпимая, какая вряд ли бывает от простого укуса. Похоже, что яд...

Выпустив мачете, пальцами здоровой руки Таллант пытался что-то сделать. Тянул и рвал сухие коричневые губы, бил кулаком — бесполезно. Зубы раздать не удавалось. Он сел спиной к стене и, зажав отсеченную голову между коленями, стал вытягивать левую кисть. Кожа лопнула, показалось живое мясо и первые капли крови стекли на пол, подняв фонтанчики пыли. Хватка была мертвой.

Весь окружающий мир сразу сжался и уменьшился до размеров человеческой кисти и державшей ее отвратительной нечеловеческой головы. Ничто другое в данный момент ровным счетом ничего не значило. Он должен освободиться. Поднеся невыносимо ноющую руку к лицу, он начал работать зубами. Сухая помертвевшая плоть клочьями отлетела в пыль, но сила челюстей пустынного монстра только увеличивалась. Его губы и язык скользили по сверхъестественно жемчужным зубам, рот наполнился вкусом теплой крови и чего-то еще, но Таллант не сдавался.

Попытавшись, он снова встал на ноги. Решение принято. Потом можно будет приехать, или наложить жгут, обратиться к доктору и рассказать о гигантской твари, вынырнувшей из песков — они ведь тоже кусаются, местные ящеры, и еще как! — но сейчас он знал, что делать.

Еще один взмах мачете, еще удар.

Белая кисть левой руки валялась на коричневом полу, и ее намертво сжимали торчащие из коричневой головы белые зубы. Совершенно без сил, не в состоянии сделать и шага правой рукой Таллант оперся о стену. Свежеокровавленная культя левой безжизненно висела прямо над плоским камнем с углублением посередине. Кровь его, его сила и жизнь вытекали из него, и на это взидала маленькая фигурка из палочек и глины.

Самка стояла как раз на пороге, мертвая коричневая худоба четко выделялась в лучах утреннего солнца. Она не двигалась. Ждала. И Таллант знал, что она ждет, когда углубление в плоском камне заполнится.

Ф. Теннисон Джесси

КЛАД

Лето в тот год выдалось долгим, и лишь в один из последних дней октября Брэндон неожиданно для себя осознал, что оно наконец закончилось. Разразившийся вскоре ураган прошелся по близлежащим болотам все сметающей волной, поднимая рябь на застывшей, серой поверхности мелких бухточек и заводей и срывая последние листья с гнувшихся под напором ветра деревьев. Когда ураган утих, тепла уже больше не было. Воздух стал холодным, а по-зимнему бледное солнце заливало замерзшие топи чистым, негреющим светом. На разбросанных вокруг фермы вязах кое-какие листочки все же сохранились. Брэндон толкнул калитку, и его оглушили крики грачей, черные гнезда которых резко выделялись на фоне оголившихся веток.

На секунду Брэндона охватила классическая меланхолия, свойственная человеку в тот сезон, когда год умирает, ибо это напоминает ему об Осени Жизни, которая, увы, не за горами. Но такое состояние длилось лишь мгновение, поэтому, оглянувшись в ту сторону, откуда

пришел, он увидел меж зарослями тростника ярко-голубую, холодную воду, услышал хрустально-звонкие трели малиновки, репетирующей свою зимнюю песенку, и сердце его наполнилось благодарностью за то, что красота природы никуда не делась — болотистые низины оставались, как всегда, по-своему прекрасными.

Пройдя через грязь и лужи к крыльцу дома, он встретил в дверях своего друга Майлза. Добрый, милый Майлз — в любую погоду, дождь ли, ветер ли, солнце ли на дворе — он тут как тут с мудрым, житейским советом. Но что такое? Почему с румяного, обветренного лица Майлза исчезла такая обычная для него бодрость, ведь он же никогда не унывал? Неужели и у него в душе зародилась аллегория о неизбежном конце всего живого? Не может быть.

— Ты случайно не видел Тома и Джека? — спросил Майлз. — Должны были допахивать те пять акров, но я нигде не могу их найти. Что случилось, ума не приложу. Никогда раньше не подводили.

— Тома и Джека? Нет, не видел. Надеюсь, ты не всерьез их разыскиваешь? Наверняка что-нибудь боронят, возят навоз или сеют. Да мало ли у вас какой работы.

Однако выражение тревоги с лица Майлза не исчезло.

— Они стали какие-то странные. Очень странные. Вот уже два дня. С того самого времени, как нашли этот проклятый клад, распахиная востребованный мною обратно участок пустоши за большой плотиной. А сегодня утром они друг на друга так смотрели, что мне даже не захотелось их вместе отпускать. Что-то здесь не так, Билл. Не нравится мне это.

Брэндон улыбнулся и принялся набивать трубку.

— Ерунда, старик. Сам подумай — что может с ними случиться? Деньги слегка ударили им в голову, вот и все. Со многими бывало. И они перебесятся, вот увидишь.

Но про себя Брэндон подумал несколько иначе. Действительно, странно. Всем известно, что лучше Тома и Джека во всей округе друзей нет. Никто даже и не читал никогда о такой дружбе. Будучи пацанами, они бегали в одну школу, в одной команде играли зимой в футбол, а летом в крикет, вместе катались на коньках, стреляли уток, вместе рыбачили, во время войны служили в одном полку, а потом одновременно женились на сестрах-близняшках. И никто никогда не видел, чтобы они косо посмотрели друг на друга. Не обладая какими-либо выдающимися способностями, они вряд ли бы когда-нибудь стали в жизни кем-то, кто поднялся бы над средой, в которой родился, но уж если говорить об этой среде и, в частности, об этой местности, то лучше них ни в чем никого не было на много миль вокруг. Безупречно честные, порядочные, умные парни, они, может быть, и не отличались быстротой ума, но славились практичностью и здравым смыслом. Том — на год моложе, крайне подвижный и проворный, Джек — по сравнению с То-

мом тяжелый и неуклюжий, но сильный, как бык. Том мог запросто вспылить, но он так же быстро отходил, Джек же имел спокойную, ясную голову, что характерно для людей его телосложения. И впрямь непонятно и обидно, что какие-то несколько грязных старых монет могли встать между друзьями, которых до этого было не разлить водой.

— Почему бы тебе не сказать им, — предложил Брэндон, — что их старинная находка не стоит, возможно, и десяти пенсов?

— Я уже пробовал, — сокрушенно ответил Майлз, — но ты же знаешь, что люди думают в таких случаях — что они выкопали невероятные ценности и что Британский Музей, не колеблясь, отвалит за них кругленькую сумму. Ну да ладно, это я могу понять, не укладывается другое — зачем из-за этого ссориться. Знай я, что такое произойдет, подумал бы, что они с радостью разделят все пополам, какую бы малость эти монеты ни стоили. Да и это, в конце концов, не главное. Они пропали куда-то, не закончив работу. Раньше я никогда не видел, чтобы они бросили свой инструмент, не доделав того, что начато. А ведь я воспитал их в старых традициях, они никогда еще не уходили с работы до времени.

Но не успел Майлз это произнести, как откуда-то из глубины дома послышался громкий, испуганный голос, и на крыльцо выбежала служанка.

— Идите туда, быстрее. Том и Джек дерутся в сарае... они убьют друг друга.

Майлз опометью кинулся в дом, оттуда в сад, через сад к сараю. Брэндон, не отставая, бежал следом.

Большой сарай располагался на склоне уходящего вдаль поля, это было черное от дегтя деревянное строение с красной рифленой крышей. Рядом с ним золотом горели в лучах позднего осеннего солнца стога сена. Они бежали вверх по склону, жирный тяжелый дерн лип к подошвам, и Брэндон, опередив более старого хозяина фермы, ворвался в сарай первым.

Сначала глаза ничего не могли различить. В сарае казалось очень темно, только крошечные пылинки, как струйки пара, извивались в падающих сквозь щели солнечных лучиках. Пахло скотиной, свежим сеном и разрытой землей, в полутьме проступали неясные очертания грубых деревянных опор и перекладин. Но глаза постепенно привыкли, а до слуха Брэндона донеслись ужасные глухие звуки, похожие на сдавленные рыдания, сопровождаемые приглушенными ударами. Двое парней ожесточенно дрались. Они двигались то вперед, то назад, мяся ногами мягкий земляной пол; тот, кто был больше, побеждал, он осыпал голову своего противника градом сильнейших ударов; тот, что поменьше, глухо рыдая, защищался, но не выдержал и в момент, когда Брэндон и Майлз прыгнули в их сторону, вдруг согнулся пополам, упал, как подкошенный, и замер.

— Боже мой! — взревел Майлз и повис на руке старшего брата. — Прекрати сейчас же! Сумасшедший, ты же убьешь его!

В ответ на него уставилось грубое, разъяренное лицо Джека.

— А мне плевать, даже если и убью. Поганая собака! Он — вор! Самый настоящий вор!

— Том — вор? Одумайся, в своем ли ты уме? Да ты бы должен был расквасить нос любому другому за такие слова.

— Да-а... раньше я бы так и сделал. Но не сейчас... Он спер все деньги, которые мы выкопали на новой пустоши. Он где-то их спрятал и не признается, где. Врет и отпирается, будто их у него нет.

Брэндон присел на колени рядом с лишившимся сознания Томом. По лицу Тома струилась кровь.

— Посмотри, еще чуть-чуть, и ты бы убил его. Даже если то, что ты сказал, правда, тебе все равно должно быть стыдно. Но я не верю тебе. Том ни на что подобное не способен. О Боже, Майлз, взгляни на его кулаки. Ну-ка разожми пальцы, Джек.

Брэндон поднялся и приблизился к старшему брату. Тот стоял, тупо уставившись перед собой, все еще держа наготове сжатые в кулаки руки. Когда Брэндон и Майлз подошли к нему, Джек безо всякого сопротивления разогнул пальцы, и в каждой ладони они увидели по куску гравия с неровными, рваными краями. С камней капала кровь Тома. Заглянув в остекленевшие глаза Джека, Брэндон понял, что говорить что-либо бесполезно, он почувствовал это по тому, как изменился стоящий перед ним человек, насколько не похож он был на того Джека, которого все хорошо знали.

— Нам надо срочно забрать отсюда Тома, — обратился он к Майлзу, — вы с Джеком отнесите его в дом, а я пока все осмотрю.

С удивительной покорностью Джек склонился к голове брата, по которой минуту назад готов был бить чем попало, и они вместе с Майлзом-отцом вынесли потерявшего сознание Тома на освещенное послеполюденным солнцем пространство.

Брэндон перевернул стоявшее поблизости ведро и сел. Ему стало дурно при виде крови, он думал, его вот-вот стошнит. Глупая слабость, но он давно уже отчаялся победить ее и даже перестал этого стыдиться. В полумраке сарая сам воздух казался пропитанным насильем и низменными страстями, выпущенными на свободу неведомо какими силами. Странность, необъяснимость этой внезапной дикой ярости оскверняли, казалось, и делали тошнотворным даже падавший на истоптанную борющимися ногами землю солнечный свет.

Брэндон не был сверхчувствительным человеком, но на протяжении всей жизни он то и дело впадал в какие-то непонятные сиюминутные состояния, которые охватывали его ни с того ни с сего и потрясали до глубины души. Ему становился вдруг доступен какой-то сверхъестественный дар, не его даже, а чьей-то потусторонней силы, и это напоминало ему насильственное принуждение к видению боль-

шего, чем это обычно доступно для нормального человека, к новому осознанию самого себя. Как правило, такие мгновенные состояния душевной ясности наступали вслед за необъяснимым набором внешних признаков — знакомое дерево или книжная полка приобретали внезапно ряд новых качеств, сам для себя он называл это «сдвиги», как если бы весь видимый мир вдруг неожиданно немного сместился в пространстве и предстал под несколько иным углом. Это давало новое направление, указывало на неизвестные ранее размеры, словно знакомое ранее дерево или книжная полка теряли присущие им свойства, переставали быть уже просто растением или предметом обстановки, а превращались в клин, вогнанный в пространство. В момент таких умственных пертурбаций все сначала казалось ему как бы на месте, и только потом, оглядываясь назад и все еще пребывая в состоянии легкого головокружения, он понимал, что угол зрения изменился. А затем, рассекая вновь появившееся пространство, появлялся откуда-то клин света, и этот клин освещал все под тем же, открывшим его углом, и этот новый угол казался единственно верным и правильным. Нет, Брэндон не видел, скорее, осознавал добавившимся ему чувством новый и более полный, законченный образ чего-то, что до того момента знал не совсем хорошо. Мотивы поступков друга, которых раньше он объяснить не мог; разрешение какой-то загадки, над которой ломал голову, готовя очередную лекцию по истории; а иногда даже и новый свежий аспект проблемы, которая не имела к нему, как он ни силился представить, никакого земного отношения.

Вот и сейчас Брэндон сидел, как загипнотизированный, и почти верил, что наступило одно из таких состояний. Но он встряхнулся, переборол подступавший к горлу комок и встал. Ноги подкашивались — с детства знакомое ощущение, когда отсидишь что-нибудь, но он сказал себе, что виной всему расстроенные нервы и падающий через дверь под углом к полу сноп света. Отряхиваясь, он бросил взгляд на дальнюю стену сарая и заметил там валяющуюся на земле потрепанную войлочную шляпу. Брэндон подошел и поднял ее. Это была шляпа Тома — необычного светло-серого цвета, с пером голубой сойки за лентой, другой такой в деревне не было. К великому удивлению Брэндона шляпа оказалась странно тяжелой, он ее даже чуть не выронил. Пробежавшись пальцами по тулье, он нащупал что-то твердое и, запустив руку под подкладку, ощутил аккуратно завернутые в тонкую полоску материи монеты. Сквозь ткань он чувствовал их шершавую поверхность, так значит... Том все-таки со- лгал... он и в самом деле украл их и спрятал. Брэндон поежился, ему стало не по себе, так же, как и в тот момент, когда разжались кулаки Джека.

Тяжело ступая и держа шляпу в руках, Брэндон вышел из сарая, пересек сад и вошел в маленькую комнатку в передней части дома, которую Майлз использовал в качестве конторы.

Закрыв за собой дверь, он подошел к столу, отодвинул на край бухгалтерские книги и бумаги Майлза, положил на очистившееся место шляпу и сел. Затем он перевернул ее, извлек на свет замотанные в длинную полоску монеты — Том упаковал их змейкой и сложил по всему периметру тульи — и, развернув материю, оказавшуюся грязным шелковым носовым платком, высыпал монеты на стол. Они легли неровной кучкой. И из-за этой-то несчастной горсти старинных, почти потерявших свою форму монет Том и Джек едва не перегрызлись? Невероятно! Брэндон наклонился и посмотрел на монеты поближе. Старинные, очень древние, многие расплющились, единственное, что ему удалось на них различить — это профиль кого-то из римских цезарей. Которого из них, Брэндон сказать не мог, но принадлежность монет к римской эпохе сомнений не вызывала.

Но как могло случиться, что зародившаяся из-за этих монет зависть достигла такой силы, такого уровня, что оправданным стало даже убийство? Почему?.. Брэндон сгреб монеты в ладони...

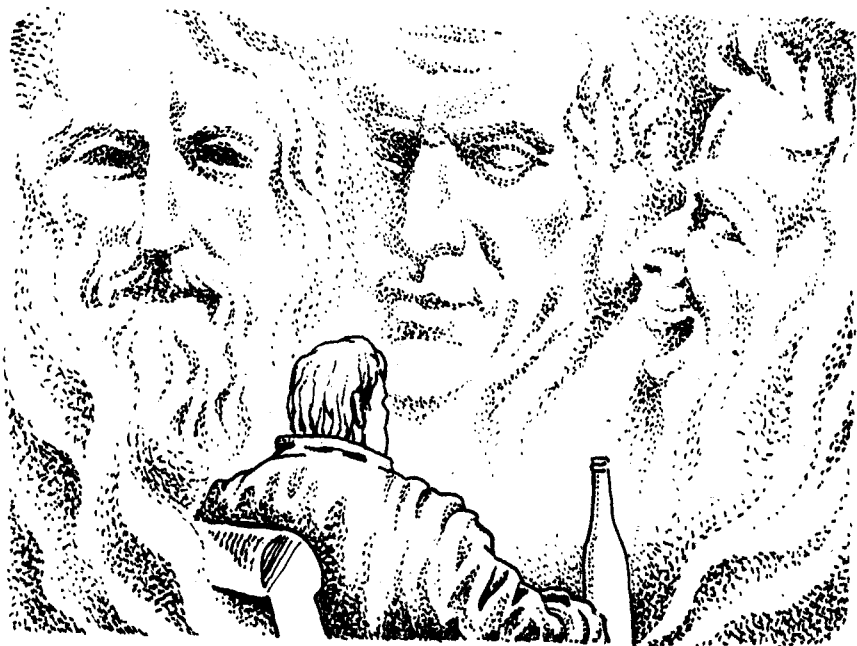
И вдруг, сидя там, он почувствовал, как на него нахлынула волна каких-то совершенно новых ощущений, она затопила все его существо от макушки до кончиков пальцев на ногах, он не шелохнулся бы, даже если бы дом, в котором он сидел, запылал ярким пламенем. Несмотря на то, что в руках, в ногах, во всем теле занимался пожар, Брэндон чувствовал, что становится холоден как лед, и понял — сам не зная как — то, что он держит в ладонях, источает такое зло, что восстает даже плоть человеческая, и зло это, вновь и вновь будучи открываемо людьми в виде монет, влечет за собой снова зло, и опять зло, и только зло. В темно-красном тумане ему с ужасающей ясностью привиделось, как эти мерзкие кусочки металла выворачивает из борозды плуг пахаря, как вытягивает их из глубин моря сеть рыбака и как на протяжении многих и многих столетий разрушаются и приходят в упадок владения тех, кому они попадают в руки. В мозгу возникло и начало биться понимание того, что монеты нужно куда-то убрать, унести и захоронить в таком месте, где их менее всего смогут найти люди будущих поколений. Он привяжет к ним такой груз, который никто уже не подымет со дна морского, а возможно — закинет их в самую забытую, самую заброшенную штольню, но он найдет способ.

Брэндона сковал ужас. Ему не терпелось освободиться от этого наваждения, поскорее исполнить то, что задумал. Невероятным усилием воли он вернул себя к действительности. Вечернее солнце мягко освещало крохотную комнатку. И хотя Брэндона трясло по-прежнему, пожар в теле начал униматься. Он разжал руки, и монеты снова упали на стол. Утерев мокрый лоб, он убеждал себя, что минуту-другую следует подождать, что еще немного, и он будет в состоянии выполнить задуманное. Вскоре Брэндон встал, к нему вернулись спо-

койствие и рассудительность, но тем не менее — признался он самому себе — потрясение было нешуточным.

И вдруг его осенило. Страшная мысль заставила протянуть руку и пересчитать лежавшие перед ним монеты. Он сосчитал их трижды, всякий раз надеясь, что ошибся, что второпях обсчитался, но число стершихся старинных кусочков серебра все три раза было неизменным. Их было тридцать. Брэндон аж подскочил и в ужасе отпрянул. Его бил озноб. Губы, как чужие, шептали какие-то звуки, звуки складывались в слова: «Тридцать серебряных монет... трид-цать... се-ре-бря-ни-ков».

Фриц Лейбер

237 ГОВОРЯЩИХ СТАТУЙ, ПОРТРЕТОВ И ПРОЧЕЕ

Последние пять лет своей жизни, когда его театральная карьера была полностью окончена, знаменитый актер Фрэнсис Легран проводил значительную часть времени, создавая собственные автопортреты, гипсовые бюсты, статуи побольше, картины в масле, эскизы, фотографии. Большинство из них изображало его в тех ролях, что принесли ему славу. Легран всегда был одаренным актером и в результате добился успеха.

После его смерти жена заботилась о его портретах, которые напоминали ей о покойном муже. Вся коллекция состояла из 237 работ, расположенных в студии Леграна, гостиной, холле и спальнях дома, а также в саду.

У Леграна был сын, Фрэнсис Легран II, которому фортуна улыбалась не ярче, чем большинству сыновей выдающихся людей. После неудачного третьего брака и потери одиннадцатой по счету службы, Фрэнсис-младший, которому давно уже перевалило за сорок, уеди-

нился в доме своего отца. Его отношения с матерью были дружескими, но сдержанными. При встрече они приятно беседовали, но в целом держались обособленно.

Фрэнсис-младший пил довольно сильно, вел беспорядочный образ жизни и не имел определенных планов на будущее. Такая жизнь только расшатывала его нервную систему.

Спустя шесть недель автопортреты его отца начали с ним разговаривать. Для него это было не удивительно, так как целую неделю портреты преследовали его взглядами, а последние два дня смотрели на него, хмурия брови и критически усмехаясь. В это утро воздух был полон едва уловимых, зловещих звуков.

Он был один в студии. Фактически он был один во всем доме, поскольку мать была у соседки. Раздался едва слышимый, раздражающий нервы, сухой, скрипучий звук, как будто мелом царапали по доске. Он быстро взглянул на гипсовую статую отца, изображающую его в роли Юлия Цезаря. И он отчетливо увидел, как зашевелились губы и язык статуи.

Отец: Я раздражаю тебя, не так ли? Или, скорее всего, мы раздражаем тебя?

Сын (испугавшись, но овладев ситуацией и решив говорить откровенно): Да, это так. Настоящий отец или память о нем раздражает большинство сыновей, и любой психоаналитик, знающий свое дело, скажет тебе это. А если случается, что отец — выдающийся человек, то сын еще в большей степени запуган, подавлен и держится в благоговейном страхе. И если, вдобавок, отец оставляет после себя десятки собственных изображений, если он настаивает на продолжении жизни после смерти... (пожимает плечами).

Отец (страдальчески улыбаясь с портрета, изображающего его в образе Иисуса из Назарета): Короче, ты ненавидишь меня.

Сын: О, до этого я еще не дошел. Ты утомляешь меня. Мне скучно. Мне надоело все время видеть только тебя.

Отец (в черном, в образе капитана Стриндберга): Тебе скучно? Ты здесь только шесть недель. Подумай обо мне. Вот уже целых десять лет я вижу только твою мать.

Сын (с долей удовлетворения): Я всегда считал, что ты не знаешь чувства меры в своей любви и преданности к матери.

Отец (эскиз Ромео): Нет, сын...

Отец (гипсовая голова Дон Жуана, перебивая): Да, это было скучное время. За последние десять лет в доме было всего три красивых девушки. А одна из них, та, что занималась сборами на благотворительность, пробыла всего пять минут. И ни одна из них не разделась.

Отец (в роли Сократа): Это скучно. Так много моих автопортретов, а ты только один. Иногда я желал бы, чтобы я не создал с подобным энтузиазмом столько своих изображений.

Сын (морщась от неприятных ощущений в мышцах шеи из-за постоянных поворотов головы от одного портрета к другому): Да, ты постарался! Двести тридцать семь автопортретов!

Отец: На самом деле их четыреста пятьдесят, но остальные спрятаны.

Сын: О Боже! Неужели они тоже живые?

Отец: Да, но только они в заточении... (из всевозможных ящиков доносится тихое, но возбужденное ворчание и шепот).

Сын (стремительно выбегая из студии в гостиную, охваченный страхом, который он пытается скрыть, говоря громко и презрительно): Какое громадное тщеславие! Четыреста пятьдесят автопортретов. Какой нарциссизм!

Отец (с портрета во весь рост короля Лира у камина): Я не считаю, что это тщеславие, сын мой. Всю свою жизнь я гримировал свое лицо и надевал костюмы. Это занимало полчаса, а когда требовалась, к примеру, борода (портрет трогает длинную белую бороду морщинистыми нарисованными пальцами) приходилось потратить час, а порой и больше. Когда я оставил сцену, у меня осталась привычка накладывать грим с жадной преобразить свое лицо. И я удовлетворял эту потребность, рисуя автопортреты.

Сын: Я должен был знать, что ты найдешь прекрасное невинное оправдание. У тебя всегда это хорошо получалось.

Отец: За обычный театральный сезон я гримировался двести пятьдесят раз. Таким образом, двести тридцать семь моих автопортретов — это меньше, чем год, проведенный у столика в гримерной, а четыреста пятьдесят образов — это меньше, чем два года работы.

Сын: Не обманывая, ты никогда не смог бы создать такое количество портретов. Ты использовал фотографии, свои маски.

Отец (в образе Леонардо да Винчи): Сын, великие художники обманывают таким образом уже пять столетий.

Сын: Ладно, ладно!

Отец (в порыве откровения): Мои портреты позволяют мне вновь переживать триумф и поддерживать иллюзию, будто я все еще играю.

Сын (жестко): Ты никогда этого не прекращал. На сцене или вне ее ты постоянно играл.

Отец (в роли Моисея): Это не совсем справедливо. (Резко): Я никогда никому не навязывал своего мнения.

Сын (колко): Верно. Вне сцены ты предпочитал роль спокойного наблюдателя. Такой благородный, спокойный, непогрешимый. Этаким современный Иисус. Но не имеет значения, каким ты был на самом деле, на сцене ты умел оставаться в центре.

Отец (пожимая нарисованными плечами): Люди всегда обвиняют актеров и их игру в том, что, изображая эмоции гениев, мы не способны прочувствовать их. Это самое распространенное обвинение в наш адрес.

Сын: Разве это не так?

Отец (очень добродушно, с портрета Сирано де Бержерака): Мой мальчик, ты завидуешь мне.

Сын: (широко шагая и размахивая руками): Конечно, завидую. Какой сын не поддастся этому чувству, если он будет окружен, задущен своим отцом, изображающим великих людей прошлого, настоящего и даже будущего. Мудрецы! Известные искатели приключений! Великие любовники!

Отец (мягко, через широко раскрытый рот истощенного Лазаря, поднимающегося из гипсовой гробницы): Но у тебя нет оснований завидовать мне. Я мертв.

Сын: Ты жив в двухстах тридцати семи изображениях. Четырехстах пятидесяти — если сосчитать четыре запасных батальона. Ты всюду!

Отец (в роли Пер Гюнта): Это только несчастные призраки, пробуждающиеся от ночного кошмара. (Все портреты плачут тихо и беспорядочно. Опять возникает шепот и стон, мерно затихающий в темноте.)

Сын: (одолеваемый страхом, хлопает дверью и выбегает в сад): Все они — грани твоего совершенства, черт тебя возьми! Твоего ужасного совершенства, к которому ты стремился всю жизнь.

Отец (с портрета Дон Кихота со впалыми щеками): Каждый человек верит в то, что он по-своему совершенен. И даже самый отпетый негодяй или бездельник уверен в этом.

Сын: Но не в такой степени, в какой ты возомнил о себе. Ты практиковал свое совершенство перед зеркалом. Ты репетировал, следил за каждым словом, жестом и никогда не делал промаха.

Отец (недоверчиво): Неужели ты действительно представлял меня таким?

Сын: О Боже, если бы ты знал, как я молился, чтобы ты сделал ошибку, хотя бы одну! Сделать ошибку и признать ее! Но нет, такого никогда не было.

Отец (покачивая потускневшей бронзовой головой): Я никогда не подозревал, что у тебя возникали такие чувства. Естественно, что родитель хочет видеть своего ребенка немного лучше, чем он есть на самом деле. Признать какую-либо его слабость — значит поощрить этот порок. Родитель хочет быть уверен, что ребенок, будучи в отроческом возрасте, уважает законы, потому что позже он и сам сможет во всем разобраться. Дети не могут провести четкую грань между черным и оттенками серого. Поэтому долг родителей — подавать им пример, хотя иногда родители бывают вынуждены скрывать некоторые вещи, до тех пор пока у ребенка не появится зрелое суждение.

Сын: В результате ребенок раздавлен этим имиджем совершенства.

Отец: Я полагаю, что такое могло случиться. Но, скажи мне, сын, знал ли ты, что у твоего отца, как и у любого другого человека, были свои слабости?

Сын (с искрой надежды): Это действительно так? Ты говоришь это откровенно? (Затем, возвращаясь к своей привычной манере держаться): О, мне кажется, что сейчас опять последует твое звучное оправдание.

Отец (бронзовый бюст, изображающий Гамлета): Нет, сын! Ты обвиняешь меня в таких вещах, что было бы лучше, если бы моя мать не рожала меня. Да, я был горд, мстителен, полон амбиций. У меня было больше обид, чем мыслей, требующих воплощения. Я жаждал превосходства во всем. Потому что моя жизнь зависела от того, буду я великим актером или нет. Я ревностно относился к чьим бы то ни было небольшим достижениям, даже твоим. Я скрывал свое презрение к человечеству под маской терпимости. Это было довольно сложно, поверь мне. Последние годы жизни я был возмущен тем, что друзья, умеющие давать только советы, скупые менеджеры никогда не пытались пригласить меня на сцену или организовать прощальные гастроли. Я был несправедлив к твоей матери, желая других женщин, и несправедлив к себе, так как никогда не имел мужества уступить соблазну.

Сын: Что, никогда?

Отец: Никогда.

Сын: Такого не может быть.

Отец (скромно): Вдохновляемый великими характерами, которые я воплощал, я иногда слишком входил в роль.

Сын: Это представляет дело в другом свете. Какое облегчение! Папа, мне намного лучше. (Смеется немного истерично.)

Отец: Подожди, сын. Это еще не все. Я видел, как твоя мать теряет свою индивидуальность и становится всего лишь моей тенью. И я допускал это, потому что так было легче жить. Я с беспокойством и чувством вины видел, что ты разрушаешь свою жизнь, и я никогда не пытался сблизиться с тобой, рассказать правду о себе, которая, возможно, помогла бы тебе.

Сын (озабоченно): Ты заходишь слишком далеко, отец. Тебе не стоит обвинять себя за...

Отец (игнорируя сочувствия): Я действительно наслаждался твоим восхищением. Ты был таким хорошим зрителем. И потом, спустя многие годы, вместо того, чтобы обратиться к окружающему миру, я потерял интерес ко всему, кроме своих портретов. В конце концов жизнь сыграла со мной злую шутку, посвятив себя им — я создал для себя ад. Наказание для человека — видеть, что он совершил, и страдать. Из-за невозможности что-либо предпринять страдания эти усиливаются, и нет возможности забыться хотя бы на минуту (его голос становится еле слышным). Десять лет бесконечных закатов и рассветов наблюдал я глазами многочисленных героев с портретов, статуй, фотографий. Я видел этот умирающий дом и сад, наблюдал за твоей матерью, проводящей день за днем словно во сне. Смотрел, как ты

растрачиваешь свою жизнь, являясь невольным свидетелем разрушения человека...

Сын (опять сердито, злясь на себя): Хорошо, не надо мне жаловаться. Я не виноват в том, что ты так постарался, изображая себя. И все твои изображения подвергаются проклятию. Другой человек был бы счастлив, будучи проклят всего один раз. Я ничем не могу тебе помочь.

Отец (дьявольски ухмыляясь с изображения Мефистофеля, выгладывая из-за кустов напротив Гамлета): Нет, можешь. Сломай нас, сожги нас! Раствори нас! Предай нас забвению! Уничтожь нас!

Сын (вбегая назад в дом, потому что говорящие изображения в доме менее жутки, чем в саду): О Боже! Как я ждал этого! Сколько раз я думал об этом доме как о старом, заплесневелом музее, заброшенном тщеславием одного человека.

Отец (хором): Ударь!

Сын (не решаясь, с кочергой, поднятой над головой): Но подумают, будто я сумасшедший. Они будут считать, что зависть помutilа мой рассудок.

Отец (снова в роли Леонардо): Вздор! Скажут просто, что ты избавил мир от непрофессиональной магии. Уничтожь нас!

Сын (аргументирует): Непрофессионально — это слишком сильно сказано. Они совсем не дуры.

Отец (попышен): Ты считаешь, что моя работа не лишена профессиональных достоинств?

Сын (хмурясь): Сейчас мы бросимся в другую крайность.

Отец: Уничтожь нас!

Сын (поднимает кочергу, но опять колеблется): Есть еще одно но. Мама никогда не простит мне этого.

Отец: Не вмешивай сюда мать!

Сын: Почему бы нет? В том случае, если ты действительно хотел быть преданным забвению, почему не попросил мать помочь тебе в этом? Отдать твои изображения людям, способным их уничтожить, или хотя бы сделать твою жизнь более интересной?

Отец: Сын, я никогда не смог бы объяснить все это твоей матери. Общение с моими портретами только больше отдаляло ее. Она была так близка мне и в то же время так далека. Я пытался говорить с ней, но она не слышала меня. Только ты наконец услышал меня. Я говорю тебе. Уничтожь нас!

Отец (в роли Дон Жуана, зовущий из студии): Подумай о пылке, стремительном волоките, заключенном в ледяную статую. Три девушки промелькнули за десять лет! Уничтожь нас!

Отец (в роли Леонардо да Винчи): Ты всегда боялся любого поступка. Настал твой черед. Твой шанс! Уничтожь нас!

Отец (в роли Пер Гюнта): Мне необходимы суровые испытания. Уничтожь нас!

Отец (в роли Бетховена): Разрушь этот диссонанс!

Отец (в роли Иоанна Богослова): Ускорь Апокалипсис!

Отец (приглушенный хор фотографий): Раскромсай нас, сожги нас. Разрушь нас!

Отец (все портреты хором): Уничтожь нас!

Сын (трижды поднимает кочергу, потом опускает на пол с улыбкой, вполне непринужденно): Нет, почему я позволяю себе находиться под влиянием кучки старых портретов и скульптур, даже если они говорящие? Что изменится в моей жизни, если я разрушу их? Почему я должен быть запуган своим покойным отцом, ведущим загробную жизнь? Это же смешно!

Отец (снова в роли короля Лира): Неужели ты потерял к нам уважение? Неужели тебя не переполняет страх от этих событий?

Сын (качая головой): Нет. Я думаю, что наш разговор лишен здравого смысла. Если действительно ты, отец, каким-то образом разговариваешь со мной, не думаю, что у тебя по отношению ко мне плохие намерения. Поэтому мне нечего бояться. Потом, откровенно говоря, я не считаю, что ты действительно хочешь быть уничтоженным. Ты просто дал волю своим чувствам, своей усталости.

Отец (в роли Пер Гюнта, улыбаясь загадочно, возможно, даже облегченно): Хорошо, если ты не можешь решиться уничтожить нас, хотя бы встряхни этот дом, встряхни свою жизнь.

Сын (кивая): В этом что-то есть.

Отец: Если ты не изменишь жизнь, не прекратишь пьянствовать, у нас с тобой будет разговор, возможно, менее приятный.

Сын (серьезно): Я запомню это, отец.

Отец (в роли Дон Жуана, зовет из студии): Пригласи несколько... (голос внезапно обрывается).

Сын смотрит на портреты, которые так внезапно замолчали. Он не может заметить ни одного движения в их чертах, ни одного жеста. Передняя дверь открывается и входит мать, взволнованная, с распечатанным письмом в руках.

Мать: Фрэнсис, я только что получила очень интересное предложение. Меривильская академия для девушек хочет приобрести бюст твоего отца для своей библиотеки или комнаты отдыха.

Сын (тщательно размешивая кочергой пепел в камине): Почему бы нет? (Затем с вдохновением, довольно лукаво): Что ты скажешь о бюсте Гамлета?

Мать: Об этом не может быть и речи. Это его шедевр, и к тому же он прикручен к колонне в саду.

Сын: Хорошо, тогда король Лир.

Мать: Нет, это моя любимая работа. К тому же это картина, а не бюст.

Сын (осуществляя свой план): Хорошо, я думаю, им можно отдать... нет, это не очень прилично.

Мать (немедленно переспросив): Что — не очень прилично?

Сын (как бы неохотно): Я подумал о бюсте Дон Жуана, но...

Мать: Прекрасная идея.

Сын: Так и сделаем.

Мать: Спасибо, Фрэнсис. Я напишу в Меривильскую академию, что они смогут получить бюст Дон Жуана (сидится писать письмо).

Сын: Ты правильно сделала, мама. Я уверен, что папе это тоже понравится.

Мать (останавливаясь в дверях): Что с тобой случилось, Фрэнсис? Ты же всегда был таким циником.

Сын (пожимая плечами): Не знаю, наверное, я становлюсь зрелым.

Как только его мать уходит, он начинает смеяться. Вдруг ему кажется, что портрет Пер Гюнта подмигнул. Фрэнсис подходит к портрету, но тот остается неподвижным. И вновь улыбка озарила лицо Фрэнсиса Лэграна — он слышит, как кто-то в студии начинает едва слышно напевать арию из «Дон Жуана».

Джек Уильямсон

НОС ТОРГОВЦА

Нагрузившись виски, торговец прибыл на Землю, преодолев необъятные пространства космоса. Он знал, что планета находится на карантине, но допущенная им ошибка оставляла его на милость жажды, а причиной этой немилосердной жажды был его же собственный нос.

У этого худого, маленького человечка был ужасно кривой нос. Этот недостаток мог быть исправлен, но он родился в приграничном мире, где сложная дилемма свободы и ответственности еще не была разрешена, и окружающие позволили ему повзрослеть с осознанием собственного уродства.

Проклятый генетической ошибкой, он провел всю свою жизнь, удирая от спасения. Когда его уродство перешло все границы приличия, он стал защищать его, как свою неотъемлемую часть. Его отправили в клинику для устранения плохой социальной приспособленности для улучшения носа, что и было причиной всех его проблем, но он сбежал

от операции и отправился на окраины цивилизации, где закон был менее жесток.

Поскольку он не отличался храбростью, то в конце концов занялся продажей дешевых игрушек. Но и в этой скромной профессии имеется риск. Он занимался своим делом потихоньку, не имея торговой лицензии, и ему пришлось стартовать так поспешно, что ему не хватило времени сделать обычные запасы.

Нервы его были разболтаны более чем когда-либо. На борту флаера ему пришлось порядочно нагрузиться алкоголем, пока его руки не стали достаточно твердыми, чтобы включить автопилот. Неразбавленный алкоголь оказал более сильное действие, чем обычно, и у него стало темнеть и двоиться в глазах раньше, чем он закончил регулировку.

Сильно пьяный, он спутал цифры 8 и 3, проглядел десятичную отметку на шкале и повернул ручку планетарной настройки слишком далеко. Целью его путешествия был другой пограничный мир на расстоянии в несколько световых лет, где иммиграция оставалась неограниченной, а пионеры были достаточно неотесаны и позволяли своим детям покупать его игрушки. Таким образом, благодаря его ошибке местом назначения стала планета Земля.

Робот-пилот сразу же предупредил его. Хотя флаер не раз терпел аварии, и еще до торговца с ним плохо обращалось несколько поколений находившихся вне закона бродяг, он много раз спасал его от гибели и был крепким, достойным космоса нейтронным кораблем. Ударил гонг. Замигала красная сигнальная лампочка, и раздался суровый голос:

— Осторожно! Не стартовать! Цель назначения за пределами обычной сферы торговли. Проверьте схемы и приборы на возможность ошибки! Осторожно!

Обычно он был достаточно осторожен. Но на этот раз алкоголь лишь усилил его панику. Он был слишком пьян, чтобы понять предупреждение и стал бить дрожащими пальцами по кнопке, отключающей весь этот шум. Но пока он нашел кнопку старта, сигнал включился вновь:

— Осторожно! — выкрикивал металлический голос. — Не стартовать! Цель назначения под карантин! Все контакты запрещены!

Нетерпеливо, такой пьяный, что мог думать только о бегстве, он нажал на «старт». Сигналы прекратились, а флаер понес его к Земле через расстояния в световые столетия, что ошеломило бы любого трезвого человека.

Человеческая цивилизация распространилась во все стороны галактики со скоростью в полосе скорости света, так что колонисты прыгали от звезды к звезде. Этот продолжительный полет доставил его с внешних границ назад, к полузабытому центру.

И все же путешествие не показалось ему долгим, да и флаер не

требовал внимания. Корабль захватывал невидимые потоки нейтронов, излучаемых новыми звездами, чтобы навеки рассеяться по галактике, и мчался с такой скоростью, что время на борту замедлилось почти до остановки.

Торговец пил и спал. Он видел страшные сны человека, которому скальпелем хотели переделать нос. Он просыпался и опять спал, и все время пил, пока не иссякли запасы спиртного.

Первоначально флаер был построен так, что должен был отметиться у властей порта назначения, ждать инструкций и выполнять их. Но владельцы изменили схему управления, и флаер проскользнул на темную сторону Земли, отключив все сигналы, оставив только гонг, чтоб разбудить своего хозяина.

Торговец проснулся, чувствуя себя несчастным человеком. Тусклый свет в неопрятной кабине казался слишком ярким, гул от гонга слишком сильным. Торговец поспешил его выключить, а потом отправился, спотыкаясь, на поиски чего-нибудь спиртного.

Где-то должна была быть бутылка, припрятанная как раз для такого случая. Может быть, за койкой, в сумке с товаром или в пустом медицинском кабинете — он давно обменял все его оборудование на виски.

Все спиртное было давно выпито. Грубо ругаясь, шатаясь от невыносимой жажды, торговец вернулся в кубрик, чтобы выяснить, где он находится.

Сол-Три... Никогда не слышал! Он покачал головой и, сощурившись, посмотрел на серый экран. Координаты заставили его подпрыгнуть. Он находился в двух тысячах световых годах от последнего знакомого ему мира, где-то около забытого всеми центра цивилизации.

Торговец был потрясен своей ошибкой. Но вреда от нее не было. В этом было уникальное преимущество кочевого образа жизни. Какая разница, сколько грубых людей хотели переделать его нос и искоренить вечную жажду! Флаер всегда уносит его за пределы их досягаемости через космос и время.

Исполненный надежды, он наклонился, чтобы прочесть надпись на экране. Сообщалось, что планета принадлежала ничем не примечательной планетной системе, не представляла интереса ни для туризма, ни для торговли. Население было гуманоидным, но культурный уровень был низок. На глаза ему попалась сноска:

«Предполагают, что планета была местом нахождения Атлантиды, полубогинской колыбели цивилизации, с которой начались межзвездные полеты. Хотя сравнительная биология местной фауны свидетельствует в пользу этой теории, никаких существенных исторических доказательств еще не найдено, а нынешний культурный уровень населения планеты оставляет вопрос открытым...»

Его не интересовали жалобы историков. Он хотел одного — выпить. Просто, чтобы встряхнуться, избавиться от мерзкого привкуса во

рту, смягчить головную боль и утихомирить трясущиеся руки. «Вряд ли они настолько отстали, — думал он, — что не в состоянии произвести алкоголь».

Страдая от жажды, он взялся за ключ приземления.

Загремел гонг, его удары напоминали удары молотка по голове. Замигал красный свет, зловеще прозвучал записанный на пленку голос автомата:

— Предупреждаю! Посадку не совершать! Планета на карантине в соответствии с Соглашением о Неконтактных Мирах. Все контакты запрещены! Нарушитель будет подвергнут полной перестройке. Предупреждаю...

Съежившись, торговец, как безумный, стукнул кнопку, устанавливающую тишину. Прimitивные миры были самым легким рынком для его товаров, и он не раз заглядывал в Соглашение. Он знал, что оно было задумано для предотвращения опасных столкновений между народами, находящимися на разных уровнях общественного развития. Впрочем, его не интересовали теории по проблемам культурных контактов.

Он хотел только пить и надеялся найти тут выпивку. Хотя он никогда не слышал о Сол-Три, он хорошо знал свое дело и был достаточно снабжен товаром. Торговля должна была оправдать его долгий полет назад к приграничным мирам, где он чувствовал себя дома. Даже если карантинные службы что-нибудь заподозрят, вряд ли они будут гнаться за ним так далеко.

Торговец вставил ключ приземления. Флаер тихо скользнул вниз на темный склон поросшего лесом холма. На расстоянии трех миль от него находился слабый энергетический источник, видимо, это было небольшое поселение. Торговец накачал воздухом маскирующую мембрану, так что флаер стал похож на обыкновенный валун, и пошел по направлению к поселку.

Холодный воздух распространял освежающий аромат растений. Было приятно ощущать траву под ногами. Голоса маленьких птичек складывались в неуловимую мелодию. Отсутствие бездорожья подбодрило его. Он решил, что планета была и вправду местом рождения человечества, и на мгновение его охватило счастье от мистического чувства возвращения к истокам.

Но единения с материнским миром не наступило. Краткий миг восторга исчез, когда он стал беспокоиться, не встретит ли какое-либо первобытное табу на алкоголь.

Тревожно хмурясь, он вышел на пустую дорогу у подножья холма и пошел по ней к примитивному мосту, выстроенному через мелкую речушку. Взошло солнце, ничем не отличающееся от других солнц. Торговец увидел обширную зеленую долину, где мирно паслись черно-белые домашние животные, а человек в синем управлял грубым тракторным плугом.

Торговец остановился на мгновение, испытывая некоторое презрение к живущим тут простакам, что выросли тут в землю и знают о безграничном мире не больше своего скота. Причиной презрения была обыкновенная зависть, но он не догадывался об этом.

Солнечный свет стал причинять боль глазам, жажда вызвала приступ сухости. Прихрамывая, он решительно двинулся вперед. За мостом он обнаружил примитивные плоские надписи, установленные вдоль дороги. Он не мог прочитать их, но плоские изображения бутылок и стаканов говорили с ним со сводящими с ума красноречием.

На вершине плоского холма он подошел к деревянной хибаре, окутанной тонким, дразнящим запахом алкоголя. Табличка над дверью убедила его в том, что это общественное место. Выцветшая реклама на стене изображала пухленькую местную красотку, с обольстительной улыбкой потягивающую из стакана.

Торговец нетерпеливо подергал дверь. Заперто. Алкогольный аромат чуть было не побудил его вломиться внутрь, но он подавил это желание. Нарушение карантина и так было серьезным преступлением. Он не хотел подвергаться исправлению и сообразил, что заведение еще будет открыто, когда он раздобудет местную валюту.

Весь потный пошел вниз к деревушке. Она располагалась на излучине тихой речки, которую он только что перешел. Примитивные кирпичные и оштукатуренные домики стояли в тени деревьев. Все это так отличалось от знакомых ему шумных и пыльных сырьевых городов пионеров, что он даже споткнулся в нерешительности.

Никогда раньше он не имел дел со столь примитивными народами. Но, без сомнения, здесь его игрушки будут новинкой, а изображение бутылок вдоль дороги убедило его в изобилии спиртного. Только это и имело для него значение. Торговец вытер лицо, перекинул сумку в левую руку и, пошатываясь, двинулся вперед.

— Доброе утро, мистер.

Испуганный неожиданным окликом, торговец шархнулся к обочине дороги. Сзади ехала неуклюжая примитивная машина. Ее приводил в движение какой-то грубый мотор, испускавший вонючий дымок сгоревшего бензина. За рулем управления сидел здоровяк и с любопытством рассматривал его.

— Ищите кого-то в Чатстворте?

Он говорил на грубом наречии, незнакомом торговцу, но псионический переводчик, маленький приборчик размером не больше земных слуховых аппаратов, мгновенно выдал ему значение.

— И вам доброе утро, мистер.

Торговец слегка приподнял руку и забормotal в спрятанный в рукаве микрофон. Переведенный ответ выходил из крохотного динамика под одеждой и изобиловал длинными носовыми звуками местного языка.

— Иду вот мимо, — произнес он.

— Залезайте. — Абориген наклонился, чтобы открыть дверцу машины. — Я подброшу вас до деревни, а там в миле и город.

Торговец залез внутрь, его переполняла благодарность, но через минуту он пожалел об этом.

— Добро пожаловать в Чатсворт, — ухмыляясь, говорил водитель. — В нашей деревне живут триста четыре человека, и она самая богатая в штате. Думаю, у меня есть все права приглашать вас, — хмыкнул верзила, — меня зовут Джад Хэнкинс. Я констебль.

От такого известия на грязном лице торговца выступила испарина. В висках у него застучало, а узловатые руки стали так сильно дрожать, что пришлось вцепиться в сумку, чтобы констебль не заметил его волнения.

Вскоре он понял, что случайная встреча с законом не была опасной. Вряд ли Джад Хэнкинс был связан с чиновниками, следящими за выполнением Соглашения, скорее всего, он вовсе ничего о нем не знал.

— Рад с вами познакомиться, мистер Хэнкинс, — торопливо произнес торговец, радуясь, что ответчик не может передать дрожь его голоса. — Меня зовут Грей.

Он заметил, что констебль рассматривает сумку.

— Плодородная, однако, долина, — поспешно заговорил он. — Производите зерно для перерабатывающей промышленности?

— Больше на корма.

Констебль вновь посмотрел на сумку.

— Вы торгуете, мистер Грей?

Пришлось подтвердить этот факт.

— Если не возражаете, чем?

— Игрушками, — произнес торговец. — Новые игрушки.

— Я боялся, что у вас фейерверки, — оживленно произнес констебль. — И думал, что следует вас предупредить.

— Фейерверки? — озадаченно переспросил торговец, поскольку термин был не совсем ясен.

— Вы же знаете, скоро 4 июля¹, — пояснил констебль. — Нам нужно оберегать детей. — Он широко улыбнулся: — У меня самого четверо негодников.

Торговец все еще испытывал неуверенность насчет этих, как их, фейерверков. Четвертое июля могло быть какой-нибудь варварской церемонией детских жертвоприношений, а фейерверки, видимо, атрибуты шаманов. Но это не имеет значения.

— Здесь только игрушки, — настаивал он. — Они высокообразовательны. Сделаны и рекомендованы для обучения детей, с тем чтобы обучать, развлекая. Совершенно безопасны для детей соответствующих возрастных групп.

Торговец покосился на констебля.

¹ 4 июля — национальный праздник США. День провозглашения независимости.

— Но я не уверен, что стану продавать их тут, — смущаясь, добавил он. — В таком маленьком местечке это не окупит приобретение лицензии.

— А вам не нужна лицензия, — хмыкнул констебль. — Видите ли, мы не имеем статуса города. Спокойно продавайте свои игрушки, раз они безопасны.

Констебль поприветствовал ребятшек, играющих в мяч на пустыре, потом остановил у самой деревни машину, чтобы пропустить через дорогу мальчика с собакой.

Торговец поблагодарил водителя и торопливо вылез из машины.

— Подождите, мистер Грей, — запротестовал констебль. — Вы завтракали?

Торговец ответил, что нет.

— Тогда прыгайте обратно, — весело предложил местный житель. — У Мейми чудесный стол. Она все приготовила, пока я трудился на ферме. Я приглашаю вас разделить с нами завтрак.

— Спасибо, — произнес торговец. — Но мне хочется только пить.

— В такую сушь, конечно, хочется пить, — с симпатией кивнул констебль. — Едем. Мы дадим вам попить.

Соблазненный обещанием и боясь оскорбить закон, торговец вновь уселся в машину. Она подъехала к аккуратному белому домику на окраине деревни. Четверо шумных ребятшек выбежали встретить их, а опрятная круглолицая женщина ждала их у двери.

— Моя жена, — весело сказал констебль. — Мистер Грей. Ранний Санта-Клаус с игрушками для детишек. Мистер Грей хочет пить.

Торговец прошел на кухню, которая оказалась на удивление чистой. Он потянулся к поданному стакану, дрожа от нетерпения. На вид жидкость напоминала пшеничную водку, но он чуть не подавился в горьком разочаровании, обнаружив, что это обычная чистая вода.

Как можно вежливее он поблагодарил женщину и собрался уходить. Но дети шумно просили показать игрушки, а констебль уговаривал остаться на завтрак. Торговец неохотно сел и выпил чашечку горячего горького напитка, который они называли «кофе». К удивлению, кофе прояснил его голову.

Продолжая побаиваться дружелюбного констебля, торговец извинился, что не показывает игрушки, пока дети не ушли в школу. Когда мать провожала детей во дворе, младшая девочка стала чихать и шмыгать носом. Торговец с некоторой тревогой в голосе спросил, в чем дело.

— Просто застудилась, — пояснила женщина. — Ничего страшного.

Ответ озадачил торговца, насколько он разбирался в погоде, было жарко. Опять какая-то неточность в переводе, но ничего тревожного. Он собрался было идти за детьми, но женщина обратилась к нему.

— Простите, мистер Грей, — мягко улыбнулась она. — Боюсь, вы

плохо себя чувствуете. Вы почти не притронулись к ветчине и яичнице. Позвольте угостить вас еще чашечкой кофе.

Торговец безвольно сел. Может, с ним и правда неладно, но будет еще хуже, если он не выпьет чего-либо крепче чистой воды.

— Мы ничем не можем помочь ему, Джад? — Женщина повернулась к мужу. — Не может же он отправиться в дорогу, когда ему нужна помощь. Придумай что-нибудь.

— Конечно. — Констебль зажег огонек на кончике маленького белого цилиндра и задумчиво втянул дым. — В школе до сих пор нет сторожа. Я член совета попечителей и могу поговорить с директором, если нужна работа.

— И вы можете оставаться с нами, — энергично добавила женщина. — Наверху есть чистая кровать. Это не будет вам стоить и цента, вы просто можете немного помогать по дому. Хотите?

Он в неуверенности покосился на нее. С удивлением он понял, что хочет остаться. Никогда прежде он не сталкивался с такой добротой, и она наполнила его глаза слезами. Бездна открытого космоса показалась ему еще мрачней, холодней и ужасней, чем она была в действительности. Он испытывал странное желание поселиться в этом тихом забытом мире. Можно было подумать, что этот волшебный мир притягивает его и излечивает раздражительность.

— Оставайтесь, — уговаривал констебль. — Если у вас деловая голова, вы найдете и что-нибудь получше разовой работы. Вам никогда не найти места лучше Чатстворта.

— Даже не знаю. — С отсутствующим видом торговец поднял чашку. — Я очень рад, что вы пригласили меня, но боюсь, что это...

Он замолчал и вздрогнул, заметив что женщина смотрит на его нос. Она отвела взгляд и через минуту заговорила:

— Я... я надеюсь вы позволите помочь вам, мистер Грей. — Она поколебалась, ее полное лицо вспыхнуло, и торговец почувствовал к ней ненависть. — У меня есть брат в городе, он занимается пластической хирургией, — решительно произнесла она. — Он превратил многих... ну, не очень удачливых людей... в очень... благополучных... Он по-настоящему хороший хирург и не дорогой. Если вы решитесь остаться, мы сможем что-нибудь сделать.

Торговец поставил чашку, потому что его руки вновь затряслись. К счастью, он был бдителен и разгадал ловушку под этой счастливой маской. Он не хотел исправляться и собирался спасти свой нос.

— Ну, мистер Грей, — окликнул констебль. — Хотите встретиться с директором?

— Пожалуй, — слабо улыбнулся он, желая скрыть сотрясающую его панику. — Если вы покажете, где его найти. Вы очень добры.

— Да бросьте, — ответил хозяин дома. — Я поеду обратно на ферму и доведу вас до школы.

Торговец не собирался говорить с директором. Он распознал ло-

вушку и был достаточно хитер, чтоб ее избежать. Когда констебль отъехал, он пошел прямо к школьному зданию, но остановился в стороне за изгородью, чтобы подготовить товар.

Он отпер потрепанную сумку, поставил ее на выдвижные ножки и осветил трехмерный дисплей. Дети, бегавшие по площадке, бросили игры, чтобы получше разглядеть его, а когда заиграла псионическая музыка, сразу окружили торговца.

Игрушки были самыми дешевыми безделушками массового производства из простых материалов, но были умно запакованы. Их остроумный дизайн отражал передовую технологию индустриальных планет, где их производили. Маленькие пластмассовые коробочки были украшены универсальными псионическими наклейками, которые реагировали на внимание оживающими цветными стерео-картинками и надписями, которые, казалось, были напечатаны именно на том языке, которым пользовался смотрящий.

— Ближе, детки!

Он вытащил красные круглые коробочки и стал ими жонглировать, проявляя удивительное проворство своих пальцев, и коробочки взлетали и падали одновременно со взлетами и падениями псионической музыки.

— Смотрите, ребятки! Замечательная обучающая игрушка. Демонстрирует основные принципы метеорологии и нейтрологии. Удивит ваших друзей. «Чудесная, Прелестная Погода и Метель»! Превращает часть тепловой энергии воздуха в радиусе нескольких миль в излучение нейтронов. Это приводит к резкому похолоданию. Потоки холодного воздуха создают короткую, но эффектную бурю. Вот описание. Ну детки! Купите дешево. Всего двадцать пять центов за каждую, если купите три коробки — только полдоллара.

— Но мы не можем, мистер, — прервавший его голос показался ему знакомым, и торговец узнал старшего сына констебля. — У большинства из нас есть деньги только на ленч, мы не можем их тратить...

— Не волнуйся, мальчик, — быстро ответил торговец. — Даже если ты придешь домой голодным, ты потратишь деньги с пользой. Ты никогда не видел таких игрушек. Снижаю цену. Всего пятнадцать центов. Подходите и покупайте сейчас, завтра меня здесь не будет.

Торговец собрал монеты из маленьких грязных рук.

— Не устраивайте бурю прямо сейчас, — торопливо предупредил он. — Вы же не хотите ссориться с учителями, верно, ребятки? Лучше спрячьте до того времени, пока не кончатся занятия. Сожалею, сынок, но таких игрушек больше нет. Но взгляни на это!

Он выхватил следующую партию маленьких пластиковых коробочек.

— «Чудесный Дегравитационный Набор для Малышей»! Интересные эксперименты по преобразованию гравитации. Обучит осно-

вам науки и ошеломит ваших друзей. Наклейки вам покажут, что делать.

Торговец стал раздавать коробочки. Яркие псионические наклейки сначала были пустыми, но под взглядами детей превратились в яркие картинки. На большинстве изображалась безобидная потеря тяжести мелкими предметами вроде стеклянных шариков или головоластиков, но мельком торговец увидел, что у кого-то появилось разъяснение, как применить прибор к фундаменту школьного здания, а на другой коробочке сам перепуганный директор улетел в открытый космос.

— Минутку, сынок! — торопливо прошептал торговец. — Давай не будем ничего делать до конца занятий. Очень жаль, леди, эти игрушки кончились. Впрочем, здесь есть кое-что еще интереснее.

Он достал «Чудный Аннигиляторный Пистолет-Карандаш».

— Выглядит как обычный письменный инструмент, но ластик стирает по-настоящему! Он превращает твердое вещество в невидимые нейтроны. Нужно только навести и нажать на запись. Вы можете делать дыры в стенах, заставляя предметы исчезать и подшучивать над друзьями. И все это за десять центов!

Пока он раздавал аннигиляторы и собирал десятицентовики, зазвенел школьный звонок.

— И еще кое-что, ребятки, перед тем как побежите в класс. — Он включил псионический усилитель и заговорил громче. — Я уверен, вам это понравится. Опыты с настоящей атомной энергией, которую вы сможете испытать.

Он высыпал в ладонь маленькие яркие шарики.

— Гляньте, детки! «Капсулы-Бомбы, Сентерирующие Планеты»! Надо только бросить капсулу в ведро с водой и подождать, пока она растворится. В воде из атомов водорода начнут синтезироваться атомы гелия. Бесплатная инструкция расскажет, что те же реакции заставляют сиять звезды. Покупайте, покупайте, пока не начались уроки. Добавьте энергии в ваши баталии, и вы ошеломяте друзей. Купите бомбу! Всего за пять центов. Сразу три бомбочки получите за десять центов...

— Послушайте, мистер. — Сын констебля приобрел три капсулы, но теперь смотрел на них в нерешительности. — Если в этих шариках настоящая атомная бомба, разве они не опасны даже больше, чем фейерверки?

— Не знаю, как фейерверки, — нетерпеливо нахмурился торговец, — но эти игрушки совершенно безопасны при псионической подготовке. Думаю, вы сообразительные дети и не станете испытывать бомбы в доме.

Он посмеялся над смущенным мальчиком и заговорил еще громче.

— Последняя возможность, ребятки! Когда вы пойдете из школы,

меня уже здесь не будет. Итак, продаю синтезирующие бомбы по две за пять центов. Одну за два цента, сынок, если это все, что у тебя есть.

Он подсчитал последние потные монетки.

— Все, детишки.

Торговец выключил мерцающий дисплей, псионическую музыку и сложил ларек. Дети побежали в здание школы, а он пошел прочь.

Когда он подошел к таверне на холме, она была открыта. Запах алкоголя разбудил жажду, столь сильную, что все тело дрожало. Он собирался выложить на стойку деньги, но его внимание привлекла местная музыка.

Грубые, слишком сильные и странно невыразительные звуки, пилили по нервам. Он хмуро повернулся к громоздкому аппарату, из которого рвались эти звуки, недоумевая, почему они такие мертвые. С некоторой досадой он понял, что в местной музыке отсутствовали псионические обертоны.

Неужели эти люди игнорировали псионику? Казалось немыслимым, что кто-либо, даже относящийся к неконтактным мирам, откажется от знания, являющегося основой наук. Но теперь, задумавшись над этим, он не мог вспомнить ни одного виденного здесь псионического прибора. Ладно, бармен должен знать об этом.

— Ну, мистер, что желаете?

— Скажите, — хрипло прошептал торговец, — у вас в школах учат псионике?

Само изумление бармена было ответом, но торговец не смотрел на него. Он смотрел на свое отражение в зеркале за стойкой. Грубое узкое бескровное лицо. Скошенный подбородок. Блуждающие, пустые, воспаленные глаза. И огромный кривой нос.

— Как? — переспросил бармен. — Как вы сказали?

Его голос куда-то уплыл. Если эти люди ничего не знают о псионике, все, что он ни скажет, будет против него. Могут найти флаер, и он не сможет улететь. Его накажут. Бледнея и слабея от ужаса, он бросил на стойку кучу монет.

— Виски! — выдохнул он. — На все!

Торговцу казалось, что бармен слишком долго считает деньги, но в конце концов он смог купить шесть бутылок. Он набил ими пустую сумку и вышел. Он перешел через мост и дошел наконец, сбив ноги и покрывшись пылью, до вершины холма, где оставил флаер.

Он всхлипнул, когда пробрался между деревьями и увидел пустое место среди валунов. Он решил, что флаер исчез, но повернувшись, заметил его надувной камуфляж. Он нашел псионический ключ и, содрогаясь от болезненной слабости, попытался спустить мембрану.

Ключ не работал.

Он попытался еще раз, но надувная ткань оставалась твердой, как

настоящий замок. Как безумный, он бегал вокруг флаера, стараясь отпереть его. Напрасно. Флаер был заперт.

Он ничего не понимал, ему надо было выпить. Он хотел было подождать до того момента, когда окажется в безопасности на борту и настроит автопилот на следующий пункт назначения, но неожиданно на него навалилась такая усталость, озноб и безнадежность, что он был не в силах заниматься чем-либо без горячей поддержки алкоголя. Он не мог даже думать.

Торговец сгорбился, чтобы открыть сумку с бутылками виски, но ключ вновь отказал. И когда до него дошло, что случилось, ключ выскользнул из его пальцев. Псионические и нейтронные схемы редко выходили из строя сами, но их могли испортить. Кто-то с карантинной станции нашел флаер.

Поддавшись панике, испытывая тошноту, он попытался бежать. Он швырнул сумку и в безрассудстве бросился в незнакомый лес. Но, не зная дороги, он бежал по кругу и в конце концов, шатаясь, вышел к тому же валуну, на вершину холма. Его голова пылала, тряслись руки и ноги.

Он слабо царапал упругую мембрану, безнадежно стараясь разорвать ее кровотокающими пальцами. Неожиданно сзади раздались твердые шаги, он повернулся и увидел спокойное, загорелое лицо констебля Джада Хэнкинса.

— Ладно, констебль. — Ничего не соображая, торговец прислонился к мембране, болезненно усмехаясь и радуясь, что это не карантинный инспектор. Псионический переводчик не сразу сработал, пришлось нащупать его под одеждой и отрегулировать. — Сдаюсь, — тупо бормотал он. — Я пойду с вами.

Его сотрясал холод, горло болело, так что он с трудом говорил.

— Я готов поселиться здесь, только оставьте в покое мой нос.

Было что-то еще, что-то, о чем он должен был сообщить, но в ушах шумело, ныли кости, и он еле стоял. Ему было слишком плохо, чтобы еще помнить о чем-либо. Но он все-таки вспомнил.

— Игрушки, — прохрипел он. — Они опасны!

— Уже нет, — коротко произнес верзила. — Для предотвращения несчастных случаев мы распространили на всю зону замедлитель псионических и нейтронных реакций, а потом я позаимствовал облик констебля Хэнкинса, чтобы забрать игрушки.

— Вы... — тупо бормотал торговец. — Вы...

— Инспектор с карантинной станции. — Офицер сверкнул псионическим значком. — Мы засекли вас еще до приземления и отложили арест, чтоб убедиться, что у вас нет сообщников.

Торговец был слишком измучен, чтобы удивляться.

— Вы поймали меня, — слабо лепетал он. — Давайте, можете меня полностью нерекраивать.

— Слишком поздно, — суровый мужчина нетерпеливо выпря-

мился. — Все вы, нарушители, одинаковы! Всегда забываете, что контакт — это дорога с двусторонним движением. Не можете понять, что Соглашение существует для вашей же защиты!

Торговец затряс гудящей головой.

— Вы не прошли обработку в нашей клинике на станции, — ворчал инспектор. — Я заметил, у вас даже аптечки нет. Готов держать пари, вы преземлились среди этих людей, настолько примитивных, что болезнетворные микроорганизмы спокойно размножаются среди них, не имея никакой защиты!

— Клиника? — Это было единственное слово, которое он понял. — Делайте, что хотите, — прошипел он. — Но я хотел бы сохранить свой нос.

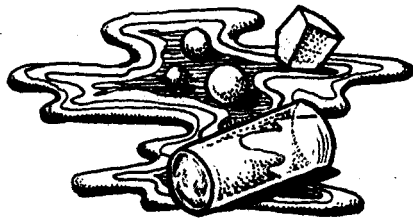
— У вас сейчас более серьезные проблемы, — произнес инспектор, с жалостью глядя на него. — Думаю, наши предки, как и местные жители, обладали природным иммунитетом, но я бы дня не прожил, не получив иммунитета от тысяч вирусов и микробов. Вы уже их подхватили.

Торговец шмыгал носом, болезненно косясь на солнечный свет.

— Но они были в полном порядке, — тупо протестовал он. — У ребенка было что-то, называемое простудой, но женщина говорила, что это не опасно.

— Для нее, — пояснил инспектор. — Не более чем атомные бомбы для вас.

Потрясенный торговец покачулся и упал.

М. Гонт Гаррисон

МЕТАМОРФОЗЫ ЛАМИИ

Первый след: В Калифорнийском бистро

Сожжение происходило на следующий день на изумрудно-лиловом помосте, высоко поднятом к серому, беспокойно бурлящему небу. Толпа — разношерстное сборище по случаю такого дня, в желтых рейтузах, украшениях, огненно-красных сари — гудела. По ней волнами прокатывался шепот, смех, который становился все громче, по мере того как маслянистый дым от погребального костра поднимался ввысь. Биркин Гриф и Ламия, женщина без кожи, удивлены, но зрелище их не впечатляет.

— Меня сжигали в Помпее, на мне было платье, расшитое драгоценностями. Эти плебеи много потеряли, не пожив в те пуританские времена.

Ее зубные протезы быстро мелькали, алые артерии пульсировали. Биркин Гриф снисходительно смотрел на нее. Лишенная кожи, она

была даже не обнажена, она была оголена, более оголена, чем женщина, которая просто сняла с себя одежду. Все функции ее организма были доступны взгляду его единственного пиратского глаза. Глядя на нее, он уже обладал ей.

— Да, — сказал он. — Но лучше всего была Гоморра. Вот где было настоящее сожжение.

Она смеется. Смех ее тоже оголен. С украшенного драгоценностями помоста под одобрителный рев толпы сыплются искры. Биркин Гриф в восторге хлопает себя по титановому бедру.

— Жанна д'Арк, — говорит женщина без кожи.

— Хиросима, — возражает он.

— Вирджин Гриссом, — хохочет она.

— Бухенвальд, — бормочет Биркин Гриф.

Предаваясь приятным воспоминаниям, они любят помостом с пылающим императором. Двое древних любовников. Он — старый от распутства, она — молодая от него. Пьяная женщина, волосы которой унизаны драгоценностями, спускающимися до самого лба, спотыкаясь, отходит от группы корреспондентов.

— Ого-го!

— В самом деле, мадам, — говорит Биркин Гриф, всегда готовый попроказничать. — Вы не были в Нагасаки той весной? Я не мог вас там видеть?

Пьяная женщина прищуривается.

— Что ты имеешь в виду, малыш? Скажи-ка по буквам.

Биркин Гриф влюбленно смотрит на нее здоровым глазом.

— Г-Р-Е-Х, — намекает он.

Бескожая Ламия раздраженно хмыкает и пихает его под ребра.

— Почему мы здесь? Что мы вообще здесь делаем? Мы должны быть не здесь. У нас свидание в Калифорнии.

Они выбирают из толпы, тяжело дыша и потея. Помост опускают, чтобы разместить на нем свиту горящего распутного императора. Биркин Гриф правдоподобно хромает. Его бескожая возлюбленная — рафинированный образчик траченной временем наготы, — искусственные зубы и драгоценности говорят о незначительных уступках веянию моды.

Пауза первая

Добро пожаловать в Калифорнийское бистро — в эту матку из желтого пластика, так часто всеми посещаемую, горячо любимую, самое подходящее место для попоек разного рода псевдоинтеллектуалов и прочих артистов великолепного города.

Смотрите — это Кристодулос, слепой художник. Кисть, испачканная в кошенили, заткнута за ухо. Вот он вслушивается в нарисо-

ванную им же негритянку, грудь которой покрыта ритуальными рубцами. А вот Адольф Эйбсон (младший), припадочный поэт Вирикона. Взгляните, как его хромированная рука железной хваткой сжимает карандаш, как он кивает головой при помощи рычажного механизма, укрытого в шее. А вот здесь, здесь, у этого стола, кто-то тоскует по голодным снежным просторам. Это — Жиро-Сан, гермафродит лютнист, запертый в башне одиночества после того, как его разлучили с Госпожой Сенг, обвинив в двойственности сексуальных отношений. Госпожа Сенг, женщина с лазурными глазами, изваяна из мрамора, да нет же, нет и еще раз нет — из бронзового загара.

О вы, скучающие искатели оттенков, приходите, смотрите...

Входят Биркин Гриф и Ламия, его бескожая любовница. Они садятся за столик из розового стекла, подмигивают и заговорщицки кивают своим приятелям-знатокам. В Калифорнийское бистро проникает слабый гомон толпы, обсуждающей сожжение. Этот гомон похож на мягкие звуковые хлопья. Кристодолус окрашивает его в черный цвет и берет на заметку. Хромированный поэт царапает что-то карандашом и, закончив, вновь начинает механически качать головой. Молчит только наш игрок на лютне, весь покрытый загаром, он занят своей головой, заполненной снегом.

— Мы будем пить чай?

Улыбаясь, они пьют чай из фарфора, покрытого золотой фольгой.

Второй след: Кто такой доктор Гришкин?

— Я вас провожу.

Биркин Гриф поднимает глаза. Этот голос принадлежит жирному и сальному лицу сероватого цвета. В лицо вставлен артистический, негеометрических очертаний, напоминающий розовый бутон рот, пытающийся изображать лучезарную улыбку. Сразу можно понять, что именно такой рот характерен для подобного типа лица, чего, однако, нельзя сказать про улыбку. Глаза фиолетовые, раскосые, ни бровей, ни волос нет. Голос тоже имеет определенную форму: грушевидную, покрытую кожицей сливового цвета, и очень пухлую. В сливовой кожеце проделана щель, через которую видно, что происходит в желудке обладателя голоса. Там происходят интересные вещи.

Этот голос, равно как и тело, — необходимый компонент всех публичных домов и внебрачных связей, какие только есть во вселенной: голос блестящего бессмертного галактического сводника, в нем звучат доведенные до предела плотские, плотоядные и чувственные позывы.

— Mon Ami¹, — говорит Биркин Гриф, — не мог ли я видеть вас где-нибудь раньше? Бордель в Александрии? Стамбуле? Бирмингеме?

¹ Друг мой (фр.).

Пришелец улыбается с какой-то порочной скромностью.

— Возможно... ах, но это было во время тысячелетнего царствия Христа. С тех пор мы прогрессировали, мы стали... цивилизованными.

Он пожимает плечами.

— Это имеет какое-нибудь значение? — спрашивает Биркин Гриф.

— Ничто не имеет значения, мой друг пират, но не в этом дело: я доктор Гришкин.

— Дело только в этом?

— Нет, здесь нечто совсем другое. Можно к вам присоединиться?

И он садится, хитро смотрит на женщину без кожи. Этот взгляд заставляет ее чувствовать себя и в самом деле обнаженной. Следует пауза. Он наливает чай. У него сильное драматическое чутье, у этого доктора Гришкина, паузы ему удаются просто великолепно. Биркин Гриф теряет терпение.

— Доктор Гришкин, мы...

Гришкин назидательно поднимает палец. Он цедит чай и указывает на свой щелевидный разрез. Биркин Гриф зачарованно смотрит.

— Пепелище, — произносит доктор Гришкин, швыряя тему для разговора, которая взрывается, словно бомба, и откидывается назад, чтобы насладиться произведенным эффектом.

Ужас. Тишина. Напряжение вязкой жидкостью капает с потолка. Где-то вдали слышан гомон толпы. Десятилетия в Калифорнийском бистро не случилось ничего более драматического.

— Я собираюсь взять вас на пепелище мудрости.

Бескожую Ламию слегка передергивает. В тишине раздаются три совершенно серебряных звука. Это Жиро-Сан взялся за свою лютню.

— Мне кажется, я не пойду, — шепчет она.

— Слишком поздно. Все готово, — говорит доктор Гришкин. — Теперь ты должна идти, это неизбежно.

В его голосе слышится легкое раздражение, придающее фразе убедительность. Может быть, кому-то покажется, что доктор Гришкин, говоря обо всем этом во всеулышанье, навлек на себя неприятности. В самом деле, кому приятно разочаровываться?

— А Он будет там? — возбужденно спрашивает Биркин Гриф. — Нет смысла рисковать, если Его там не будет.

— Мистер Гриф, — следует ответ, — во всем вообще мало смысла. Но Он там будет, и это Он послал меня.

Доктор цедит чай. Обо всем этом он говорит так просто, будто это свершившийся факт и в его задачу входит лишь облегчить, расчистить путь. Ламия наклоняется и шепчет, не разжимая губ — она отличный конспиратор. Доктор Гришкин находит ее бескожее соседство приятно волнующим, а ее аорту просто прелестной.

— Имидж-полис, кто они, доктор Гришкин?

— Милая леди, это шизофреники чистой воды. Ничего противозаконного в небольшой поездке к пику мудрости нет, это просто экскурсия, маленькое, не лишенное приятности туристическое путешествие. — Он смотрит на нее: — Мы едем?

И они уходят. Толстяк идет вразвалку. Биркин прихрамывает. Бескожая леди волнуясь колыхается. Когда они проходят мимо Жиро-Сана, тот провожает их заинтересованным взглядом. Он находит Биркина очень привлекательным.

Третий след: Пепелище мудрости

Мудрость — это дебри. Когда-то давно здесь царила война, а может, мир. В большинстве случаев между войной и миром мало различий. Любовь и ненависть прочно опираются друг на друга и обоими владеет страшная скука. Конечно, нечто разрушило то, что когда-то называлось мудростью, и так основательно, что никто в течение двух веков и не догадывался о ее истинной природе. Ее больше чувствовали, чем наблюдали.

Биркин Гриф и бескожая женщина стоят и дрожат на холодном ветру, пытаясь заглянуть сквозь решетчатый забор, отделяющий город от запретной зоны, где лишь пепел. Их мантии — у него черная, у нее серая — нервно трепещут. Мягкие хлопья пепла кружатся в воздухе, словно темный снег. Гришкин, огромный, в роскошной пурпурной мантии, беседует с серолицым стражником, вышедшим из своей караульной будки. А в это время само запустенье, кажется, шепчет: «Нечего вам тут делать, здесь все мертво».

Последней утрате сопутствует суровая печать, горечь, ее одежда — траур. Смутные призраки порхают на ветру: женщины в трауре рыдают, стоя в полосе морского отлива, девочки в сумерках оплакивают стариков. Два разных холода царят здесь, и ни от одного из них мантия не укроет.

Вдруг Гришкин вытаскивает небольшой серебряный механизм и показывает его стражнику. Все озаряется ослепительной голубой вспышкой. Тело стражника падает, невероятно, но оно уже без головы, из шеи хлещет темная кровь. Доктора Гришкина рвет, он извиняется за болезненную реакцию и вытирает рот платком канареечного цвета.

— Видите? Как я и говорил, никаких проблем. — Его опять тошнит, его жирное лицо бледнеет. — О Боже. Извините меня, извините. Знаете, я старею, старею. Бедный парень... У него мать в Австралии, а его выслали.

— Какая жалость, — говорит Ламия. Она наблюдает за доктором Гришкиным, который очищает желудок через хирургический разрез. Она чувствует к нему симпатию. — Такая необычная симпатия, — говорит она звонким голосом. — Бедный доктор Гришкин.

Бедный доктор Гришкин, справившись наконец со спазмами, снова достает свой блестящий механизм и нацеливается им на ограду вокруг Мудрости. И снова следует невероятно яркая голубая вспышка, после которой решетчатая ограда скручивается, словно горящая прядь волос.

— Красиво, — констатирует бескожая женщина.

— Да, впечатляет, — соглашается Биркин Гриф.

В обуглившейся караулке звонит телефон.

— Теперь мы должны поторапливаться, — сообщает доктор Гришкин, голос его звучит более чем требовательно. — Вперед!

Он вразвалку торопливо бежит к дюнам угольно-черного пепла. Ламия и Биркин Гриф следуют за ним сквозь развороченную ограду. Поднимается ветер, кружит мелкие, прилипающие ко всему частички пепла. Мантии трепещут, взмывают вверх и опадают, взметенные ими пепельные вихри отмечают пройденный путь. Громадный пепельный вихрь накрывает караульную будку.

— Ветер заметет наши следы, — говорит Биркин Гриф.

— Mon frere¹, ты прав, как всегда, — отзывается жирный доктор Гришкин. — Официально мы только что умерли, теперь нас никто не потревожит. — Он смотрит серьезно. — Я был мертв все эти десять лет. — Он язвительно смеется. Его желудок дрожит за хирургическим разрезом. Биркин Гриф и бескожая женщина несколько не удивлены.

— Почему пепел никогда не заносит в город? — спрашивает Ламия.

— Идемте, — тоном приказа говорит Гришкин, с неодобрением наблюдая за погодой.

Пауза вторая

Чтобы не мешать повествованию, пепельный вихрь ослабевает.

Ведомые неземным убийцей Гришкиным, они, словно волшебные мотыльки, летели над длинными пологими холмами пепла.

Эта земля пуста, она состоит из расположенных в образцовом порядке серых куч мусора, цвет которых меняется от мертвенно-кремового до мистически-угольного. Неторопливые потоки воды прорезают разбросанные там и сям кучи пепла, быстро образуя наносы, излучины, плесы и перекаты. Вода и ветер немилосердно изменили Мудрость. Время и ветер делают ее болезненно одинокой. Время в Мудрости уничтожено, сама его изменчивость здесь неизменна.

Биркин Гриф думает: «Эта земля — превосходный пример несуществующей Вечности. Мы трусливо передвигаемся по ней, как три символических безногих зверя».

¹ Mon frere — брат мой (фр.).

Преодолев все мелкие препятствия на широкой спине пустыни, они наконец достигают своей героической цели.

Доктор Гришкин останавливается.

Он, Биркин Гриф и бескожая женщина стоят у края странной линии следов — это явно центр огромной безжизненной долины. Сердце бесплодной земли, обширное молчащее пространство. Горизонт исчез, нет линии, разделяющей пепел и небо. И то и другое одинаково серое и плоское. В результате все вокруг лишено формы, очертания неясны. Трое пришельцев теряют свои привычные очертания, остается лишь разное расположение в пространстве их тел. Эффект повергает их в растерянность, они превращаются в образы на обратной стороне несуществующего пространства, ни с чем не связанные, лишенные всяких признаков привычной реальности.

— Здесь нам придется подождать, — говорит доктор Гришкин. Его жирный голос лишен выражения, в нем звучит монотонная пустота.

— Но Его нет здесь... — начинает было Биркин Гриф, изо всех сил стараясь преодолеть визуальную пустоту. Его слова продиктованы исключительно инстинктом млекопитающего.

— Мы должны подождать, — повторяет Гришкин.

— А Он придет? — настаивает Биркин Гриф, отчаянно борясь с тишиной. — Если это дурацкая шутка... — Но вакуум поглощает невысказанную угрозу.

— Вы пребывали в идиотском заблуждении целое тысячелетие, к чему сейчас переживать? Мы будем ждать здесь. — В голосе Гришкина звучит сталь, и снова ему никто не перечит.

Они ждут. Миллион лет ничего не происходит. Наконец Гриф говорит, его слова наполнены внезапно заматеревшей нервной жесткостью:

— Мне кажется, я могу тебя убить, доктор Гришкин. Он не приходит. Весь этот путь в никуда. Он не приходит. Наверное, я тебя убью...

Его лицо искажено, здоровый глаз дергается, как у маньяка — это старческая ярость.

— Заткнись! — Гришкин улыбается своим ртом — пародией на розовый бутон. — Заткнись и смотри!

— ...мне кажется, что я все-таки убью тебя... — шипит Гриф, словно машина, уверенно выполняющая заложенный в нее пакет программ. Но все-таки смотрит.

Бескожая Ламия танцует на пепле, снова чарующе обнаженная. Ее ноги двигаются бесшумно. Она подчиняется неслышной музыке, от нее же исходящей, небрежная, всегда живущая за чей-то счет. Она танцует, словно отдаваясь, сама удивленно улыбается собственным

движениям, полная противоположность окружающему глубокому безмолвию. Ее танец окончательно уничтожает нормальные законы движения — она почти парит.

И она меняется.

— Разве это не всего лишь иллюзия тела? — вздыхает Гришкин. — Смотри, она живет своими галлюцинациями! — Его почти полностью захватывает поэзия происходящего.

Ее тело удлиняется... сжимается... плывет... исчезает. Появляется хвост и, грациозно изогнувшись, пропадает. Усыпанный драгоценностями дельфин существует лишь какое-то мгновение и тоже исчезает. Слышится какое-то нестройное жужжание, потом оно смолкает. Вот возникает золотистая ящерица-саламандра, выныривает из кожи... превращается в яркую птичку с гордой головкой, изменяется, края сверкают... и неохотно теряет телесную оболочку...

Поочередно Ламия превращается то в рыбу, то в птицу, то в зверя, то в миф, то в мечту. И вот одна из форм застывает....

И Ламии больше нет.

Доктор Гришкин в эстетическом экстазе делает один протяжный вдох. Биркин Гриф издает вопль.

Так как на пепле — угольная крошка и пыль прилипают к мокрой пленке — лежит живой человеческий эмбрион.

Он немного бьется, растягивая пленку.

Биркин Гриф рыгает и стонет:

— О Боже... что это?

Доктор Гришкин беспомощно извиняется:

— Не спрашивай меня, *mon vieux*¹, я думал, что получится змея. Но что за поэзия! Такая метаморфоза!

Эмбрион дергается. Гриф истерично поворачивается к доктору Гришкину, рыдая, как ребенок.

— Мошенник! Лжец! Разве за этим мы сюда пришли, вовсе не за этим, ты обманул... это несправедливо!

Гришкин, этот выдающийся галактический подлец, окидывает его ледяным оценивающим взглядом. Ему испортили удовольствие. Его глаза так и пронзают хнычущего Грифа.

— Справедливость? Тебе надо бы выучить правила игры! Справедливость?

Суровые раскосые глаза пригвоздили Грифа к безжизненному пейзажу.

— Справедливость в неизбежности. Это было неизбежно, поскольку это случилось, мистер Биркин Гриф. Поэтому прими все как есть. И не ищи у меня *справедливости*.

Он находит само это слово отвратительным. Замолкает и в раздумье смотрит на подсыхающий эмбрион.

¹ *Mon vieux* — старина (фр.).

Потом он говорит:

— Дружище, ты ждешь слишком многого. Ты хочешь и думаешь, что вселенная исполнит твоё желание. Но так не бывает. Нет, так не бывает.

Кажется, последнее заключение доставляет ему удовольствие. Вдруг он хмурится, словно бы вернувшись к неприятной действительности.

— Жаль, что ты узнал это слишком поздно. Действительно, слишком поздно.

И в какую-то долю микросекунды появляется злой приборчик, и Биркин Гриф порывисто бросается вперед. Страшная догадка искажает его лицо.

Так умирает Биркин Гриф, последний из истинных сибаритов. Так он умирает, а эмбрион его бескожей любовницы корчится на земле. Вряд ли ему удастся даже издать второй предсмертный вопль.

Его таинственный убийца пожимает плечами и поворачивается к беспомощно борющемуся за жизнь эмбриону. Глядя на него, он качает лысой головой. Все так поэтично.

Нехотя он наступает на него. Несмотря на всю свою чувствительность, он мыслит здраво. Бросив последний взгляд на дымящегося Биркина Грифа — от которого осталось одно титановое бедро, доктор Гришкин, этот проводник, Вергилий с окном в желудке, заворачивается в пурпурную мантию и ковыляет прочь.

Вскоре на пепелище Мудрости остаются только лишь его следы.

Роджер Желязны

РОЗА ДЛЯ ЭККЛЕЗИАСТА

В то утро короткий сигнал интеркома застал меня за переводом одного из моих «Малабарских мадригалов» на марсианский. Я отбросил в сторону карандаш и шелкнул тумблером.

— Мистер Г., — по-юношески звонкий голос Мартона звучал насмешливо, — старик приказал немедленно разыскать этого «проклятого самодовольного рифмоплета» и доставить к нему в каюту. А поскольку «проклятый самодовольный рифмоплет» у нас только один...

— Не дай гордыне посмеяться над трудом, — оборвал я его.

Итак, марсиане приняли решение. Наконец-то!

Я стряхнул полтора дюйма пепла с дымящейся сигареты и впервые глубоко затянулся, пытаюсь унять нервное возбуждение. Целый месяц томился я в ожидании этой минуты, а теперь боялся пройти проклятые сорок футов, чтобы услышать, как Эмори произнесет слова, которые я от него жду. А посему я заставил себя не спешить, а

закончить перевод строфы, и только после этого встал. Еще минута — и я у двери капитанской каюты.

Я дважды постучал и открыл дверь как раз в тот момент, когда он прорычал: «Войдите!»

— Вы хотели меня видеть?

Я быстро сел, чтобы избавить его от искушения сказать мне очередную колкость, но...

— И-да... Вот это оперативность. Уж не бежал ли ты?

Лицо Эмори выражало прямо-таки отеческую заботу. Я невольно отметил мешки под поблекшими глазами, редеющие волосы, характерный ирландский нос, его голос на порядок громче, чем у кого бы то ни было.

Гамлет — Клавдию:

— Я работал.

— Ха, — фыркнул он, — еще никому не удавалось застать тебя за этим занятием.

Я пожал плечами и начал вставать.

— Если вы позвали меня только за этим, то...

— Сядь! — Он вышел из-за стола и навис надо мной, глядя сверху вниз (надо вам сказать, что это довольно сложно, даже если я сижу в низком кресле). — Из всех самовлюбленных нахалов, с которыми мне приходилось работать, ты, несомненно, самый несносный! — взревел он, как раненый буйвол. — Ну почему ты не можешь вести себя как человек? Я готов признать, что ты умен, даже гениален, но... О дьявол! — Он в сердцах махнул рукой и вернулся в свое кресло. — Бетти наконец удалось убедить их, — его голос вновь зазвучал обычно. — Они ждут тебя сегодня, после полудня. Возьми джипсер и после обеда отправляйся.

— Хорошо, — сказал я.

— Это все.

Я кивнул и встал. Моя рука уже легла на ручку двери, когда он сказал:

— Думаю, тебе не надо напоминать, как это все важно. Постарайся хоть с ними быть корректным.

Я закрыл за собой дверь.

Не помню, что я ел, потому что нервничал, хотя в глубине души был совершенно уверен, что справлюсь. Мои бостонские издатели ждали от меня «Марсианских хроник» или, по крайней мере, что-нибудь о полетах в космос в стиле Сент-Экзюпери. Национальная Научная Ассоциация жаждала получить подробное исследование о расцвете и падении Великой Марсианской Империи. И те, и другие останутся довольны. Я был абсолютно уверен в этом, ибо всегда добиваюсь поставленной цели и делаю это лучше многих. За это-то меня и недолюбливают.

Покончив с обедом, я взял в ангаре джипсер и направил его к Терилиану.

Раскачиваясь и натужно воя, поднимая за собой целые облака песка, грязновато-красного от большого содержания железа, машина уверенно поглощала расстояние, беспощадно швыряя меня на сиденьи. От песка не было спасения, он проникал через одежду, оставляя царапины на защитных очках.

Горы Териллиана быстро приближались и, вырастая, причудливо нависали надо мной. Начался подъем, и мне пришлось сбросить скорость, чтобы прекратить эту жуткую тряску.

«Это не Гоби и не Великая Пустыня Сахара, — размышлял я, глядя на совершенно пустое пространство. — Ни на что не похоже: только красное, только мертвое... нет даже кактусов».

Я достиг перевала, но за плотным облаком пыли ничего не было видно. Впрочем, это не имело значения. Я хорошо знал дорогу и направлял машину влево и вниз по склону. Боковой ветер разгонял поднятую пыль, и свет фар выхватил из пейзажа каменную пагоду — конечный пункт моего путешествия.

Бетти встречала меня у входа. Махнув рукой в знак приветствия, она побежала к машине.

— Привет, — прокашлял я, разматывая шарф и попутно вытряхивая из него полтора фунта песка. — Например, куда я пойду и кого увижу?

Она коротко хихикнула скорее из-за странного начала с «например», чем из-за моего нелепого вида, и начала говорить.

Бетти — превосходный лингвист. Мне нравится ее манера говорить одновременно мягко и точно, масса информации и ничего лишнего. А тех светских любезностей, которые ожидали меня здесь, хватит мне, как минимум, до конца жизни.

Я смотрел на Бетти: шоколадные глаза, ровный ряд жемчужных зубов, коротко стриженные волосы, выгоревшие на солнце (терпеть не могу блондинок), и решил, что она в меня влюблена.

— Мистер Галлингер, Матриарх ждет вас. Она согласилась предоставить вам для изучения храмовые книги-летописи. — Бетти замолчала и машинально поправила волосы. Похоже, мой взгляд ее смущает? — Это их святые реликвии и одновременно исторические документы, — продолжала она, — что-то вроде Махабхараты. Матриарх выражает надежду, что вы будете соблюдать все необходимые ритуалы в обращении с книгами, например, произносить священные слова, перед тем как перевернуть страницу. Матриарх научит вас этому.

Я кивнул.

— Прекрасно, тогда можно идти.

— Да, вот еще, — она помедлила, — не забудьте про их Одиннадцать Форм Вежливости и Ранга. Они весьма щепетильны в вопросах этикета. И не вздумайте затеять дискуссию о равноправии мужчины и женщины.

— Я знаю об их табу, — прервал я ее, — не беспокойтесь. Я жил на Востоке.

Она опустила глаза и взяла меня за руку, которую я чуть было не отдернул.

— Будет лучше, если я введу вас.

Проглотив готовые слететь с языка комментарии, я последовал за ней, как Самсон в Газе. То, что я увидел, как ни странно, совпадало с моим предположением. Приемная Матриарха более всего напоминала стилизованную палатку израильских племен. Я говорю стилизованную, потому что стены огромной «палатки» были каменные и покрыты фресками.

Невысокая, седоволосая Матриарх М'Квайе восседала, как цыганская королева. В своих радужных одеяниях она походила на перевернутую вверх дном и поставленную на подушку чашу для пунша.

Принимая мой почтительный поклон, она смотрела на меня с пристальным вниманием, как удав на корову. Ее непроницаемые угольно-черные глаза удивленно расширились, когда она услышала мое совершенное произношение. Магнитофон, на который Бетти записывала беседы, сделал свое дело. К тому же у меня были записи двух предыдущих экспедиций, а я чертовски искусен, когда дело касается произношения.

— Вы — поэт?

— Да, — ответил я.

— Прочтите что-нибудь из своих стихов.

— Простите, у меня пока нет перевода, достойного ваших ушей и моей поэзии. Я еще недостаточно хорошо знаю все тонкости вашего языка.

— Вот как?

— Я занимался переводами на ваш язык, но лишь для того, чтобы попрактиковаться в грамматике. Я с удовольствием сделаю такой перевод, — продолжал я. — Для меня будет большой честью прочесть вам его в следующий раз.

— Хорошо. Пусть будет так.

Один ноль в мою пользу.

Она повернулась к Бетти.

— Вы свободны.

Бетти пробормотала предписанные этикетом фразы прощания и, бросив на меня хмурый взгляд, вышла. Она, видимо, надеялась остаться здесь в роли моей помощницы. Но Шлиманом этой Трои буду я, и в отчете Научному Обществу будет стоять только одно имя!

М'Квайе встала, и я отметил для себя, что при этом она стала не намного выше. Впрочем, я со своими шестью футами возвышаюсь надо всеми и выгляжу, как тополь в октябре: тощий, с ярко-рыжей шевелюрой.

— Наши летописи очень древние, — произнесла она. — Бетти говорила, что ваше слово, описывающее их возраст — «тысячелетие».

Я кивнул.

— Мне не терпится их увидеть.

— Они не здесь. Нам придется пройти в храм, их нельзя выносить.

Я ощутил внезапную тревогу.

— Вы не возражаете, если я их скопирую?

— Да. Я вижу, что это не просто любопытство. Я верю в искренность ваших намерений.

— Прекрасно.

Похоже, мой ответ ее развеселил.

Я спросил ее, в чем дело.

— Чужаку будет не просто изучить Священный язык.

Это было как гром среди ясного неба. Ни одна из предыдущих экспедиций не была так близка к цели. Я не предполагал, что придется иметь дело сразу с двумя языками: классическим и разговорным. Я знал их пракриты, теперь придется иметь дело с санскритом!

— Проклятье!

— Что?

— Извините, это непере译имое выражение, уважаемая М'Квайе. Представьте себе, что вам необходимо срочно, в спешке выучить Священный язык, и вы поймете мои чувства.

Она снова улыбнулась, указав мне снять обувь перед входом в храм, и провела меня через альков.

Взрыв византийского великолепия. Ни один землянин не был в этом помещении, иначе я бы знал. Те сведения о грамматике и тот словарный запас, которым я владею теперь, Картер, лингвист первой экспедиции, выучил с помощью некой Мэри Аллен, сидя по-турецки в прихожей. Мы не имели ни малейшего представления о существовании всего этого. Я жадно осматривался. Все говорило о существовании высокоразвитой утонченной эстетической системы. Видимо, нам придется полностью пересмотреть свои представления о марсианской культуре. Во-первых, у этого зала был сводчатый потолок, во-вторых, ниши, обрамленные с двух сторон каннелюрами с колоннами. И в третьих... А, черт, зал был просто огромен. Ни за что не подумаешь, глядя на убогий фасад. Я наклонился, чтобы рассмотреть золоченую филигрань церемониального столбика. Это, кажется, несколько покорило М'Квайе, но я не мог удержаться. Столик был завален книгами. Большим пальцем я провел по мозаичному полу.

— Весь ваш город располагается в одном здании?

— Да, он уходит глубоко в гору.

— Понятно, — сказал я, хотя ничего не понял. Не мог же я сразу просить ее провести со мной экскурсию.

Она подошла к маленькой скамеечке у стола.

— Ну что же, начнем наше знакомство со Священным языком?

— Да, — кивнул я, — представьте нас друг другу, пожалуйста. —

Я сел.

Три недели, которые последовали за этим, были полным кошмаром. Как только я засыпал — буквы, словно мошкара, начинали мельтешить перед глазами; а бирюзовое безоблачное небо кто-то покрывал каллиграфическими надписями, стоило мне на него посмотреть.

Во время работы я галлонами поглощал кофе, а в перерыве пил коктейли из бензедрина с шампанским.

М'Квайе давала мне уроки по два часа каждое утро, но иногда еще и вечером, а еще часов четырнадцать я занимался самостоятельно.

А ночью лифт времени переносил меня в далекое детство.

Мне снова шесть лет, я учу древнееврейский, греческий, латынь и арамейский.

А вот мне — десять, и я одолеваю вершины «Илиады». Когда отец не грозил Геенной Огненной и не проповедовал любви к ближнему, он заставлял зубрить Слово Божье в оригинале.

О Господи! Сколько на свете оригиналов и сколько Слов Божьих! Когда мне исполнилось двенадцать лет, я указал отцу на некоторую разницу между тем, как он проповедует, и тем, что написано в Библии.

Его возбуждение не знало границ. Лучше бы он меня выпорол. С тех пор я помалкивал и учился ценить и понимать поэзию Ветхого Завета.

Господи, прости меня! Прости, отец! Но это так! И в тот день, когда мальчик окончил высшую школу с наградами по немецкому, французскому, испанскому и латыни, отец заявил мне — четырнадцатилетнему шестифутовому пугалу-сыну, — что хочет видеть его священником. Я помню, как уклончиво отвечал сын.

— Сэр, — сказал он, — я хотел бы поучиться еще год-другой самостоятельно, а затем пройти курс теологии в каком-нибудь Университете. Я еще слишком молод, чтобы уже сейчас стать священником.

Глас Божий:

— Но у тебя талант к языкам, сын мой, ты можешь нести Слово Божье всем народам в Землях Вавилонских. Ты — прирожденный миссионер. Говоришь, что молод, но время несется водопадом. Чем раньше ты начнешь говорить, тем больше лет отдашь служению Господу.

Я не могу ясно представить себе лицо отца и никогда не мог, потому, вероятно, что всегда боялся смотреть ему в глаза.

Спустя годы, когда он, весь в черном, лежал среди цветов, окруженный плачущими прихожанами, среди молитв, покрасневших лиц и носовых платков, похлопывающих меня по плечу рук и утешителей с торжественно-скорбными лицами, я смотрел на него и не узнавал.

Наши пути пересеклись за девять месяцев до моего рождения. Он никогда не был жестоким: строгим — да, требовательным — да, презирающим чужие слабости — да, но только не жестоким.

Он заменил мне всех: мать, братьев, сестер. Он терпел те три года, что я учился в колледже Святого Иоанна скорее всего из-за названия, но я никогда по-настоящему не знал его.

И человек, лежащий на катафалке, уже ничего не требовал от меня. Я мог не проповедовать Слово Божье, но теперь я сам этого хотел, правда, не совсем так, как он это себе представлял.

Это было бы невозможно, будь он жив.

Осенью я не вернулся в Университет.

Получил небольшое наследство, хотя и не без хлопот, — ведь мне еще не было восемнадцати. Но мне это удалось. В конце концов я поселился в Гринвич-Вилидж. Не сообщив доброжелательным прихожанам свой новый адрес, я погрузился в ежедневную рутину сочинения стихов, изучения японского и хинди. Я отращивал бороду, пил кофе и учился играть в шахматы. Мне хотелось отыскать новые пути спасения души.

Затем два года в Индии с Корпусом Мира, которые отвалили меня от увлечения буддизмом и принесли миру сборник стихов «Свирели Кришны», а мне — Пулитцеровскую премию. Возвращение в Штаты, новые работы по лингвистике и новые награды.

И вот в один прекрасный день корабль стартовал к Марсу, а когда я вернулся в свое огненное гнездо в Нью-Мехико, то привез с собой новый язык — фантастический, экзотический и совершенный. После того, как изучил о нем все возможное и написал книгу, я стал известен в ученых кругах.

— Идите, Галлингер, зачерпните из этого источника и привезите нам глоток Марса. Идите, изучайте мир и подарите нам его в своих поэмах.

И я пришел в мир, где солнце — бледное пятно, где ветер — хлыст, где в небе две луны играют в странную игру, а от одного только вида бесконечных песков зудит кожа.

Не спалось. Я потянулся, встал с койки и подошел к иллюминатору. Передо мной бескрайним оранжевым ковром лежала пустыня, вся в буграх и складках от пролетевших над нею столетий.

Далекий путь познания и сравнений,
Прекрасен ты, хоть и тяжел.
Я — победитель, я тебя прошел...

Я рассмеялся. Да, я сделал это. Я сумел «ухватиться за хвост». Священный язык. Не так уж сильно он отличался от разговорного,

как это казалось вначале. Я достаточно хорошо владел одним из них, чтобы суметь разобраться в тонкостях другого.

Усвоив грамматику и наиболее употребляемые глаголы, я стал составлять словарь, который рос день ото дня, как тюльпан, и вот-вот должен был расцвести. Каждый раз, когда я узнавал что-нибудь новое — стебель его удлинялся. Наконец наступил день, когда я решил проверить на практике, на что я способен.

До этого момента я сознательно не брался за перевод основных текстов, сдерживая себя до тех пор, пока не смогу оценить их по-настоящему, и читал только небольшие заметки, стихотворные фрагменты, исторические справки. И вот что поражало меня. Они писали о конкретных вещах: о скалах, о песках, о воде, о ветрах, — и все, прочитанное мной, звучало крайне пессимистично и напоминало некоторые буддийские тексты или отдельные главы Ветхого Завета. Чаще всего приходил на ум Экклезиаст. Да, это похоже. И мысли, и чувства, и стиль так близки, что может стать превосходной «пробой пера», как перевод Эдгара По на французский. Я никогда не стану последователем Пути Маллана, но покажу им, что и землянина когда-то занимали те же мысли и те же чувства.

Я включил настольную лампу и искал среди своих книг Библию.

«Суета тует, — сказал Экклезиаст, —

Суета сует: все суета.

Что пользы человеку от всех трудов его...»

Мои успехи, похоже, сильно поразили М'Квайе. Она разглядывала меня как Сартовский «Иной». Не поднимая головы, я читал главу книги Локара, прямо-таки физически ощущая ее пристальный оценивающий взгляд, который, казалось, ощупывал меня с головы до ног и словно опутывал невидимой сетью. Я перевернул страницу.

Может быть, она надеялась каким-нибудь образом поймать меня в свои сети и уже заранее пыталась определить размеры улова.

В книгах ничего не говорилось о рыбаках Марса. В них говорилось, что некий бог по имени Маллан плюнул или сделал нечто не менее неприличное (в зависимости от версии, которую вы читали), и от этого зародилась жизнь. Она возникла как болезнь неорганической материи. В текстах говорилось, что главный закон жизни — это движение, что в гармонии танца единственное оправдание органической материи перед неорганической, что любовь — это болезнь органической материи.

Я потряс головой: меня клонило в сон.

— М'Нарра.

Я встал и потянулся. М'Квайе все также пристально смотрела на меня, глаза наши встретились... и она отвела взгляд.

— Я устал и хотел бы отдохнуть. Прошлую ночь я почти не спал. Она кивнула. Этот эквивалент земного «да» она усвоила от меня.

— Хотите познать сущность учения Локара естественным путем?

— Простите, не понял?

— Хотите увидеть один из танцев Локара?

— Ох! — Проклятый круговорот аллегорий и идиом, хуже, чем в Коране. — Да, конечно. Буду рад увидеть его в любое время.

— Оно пришло.

— А можно я сделаю снимки?

— Не сейчас. Садитесь и отдыхайте, а я позову музыкантов. — Она торопливо вышла за дверь, которую я раньше не замечал.

Что ж, в соответствии с учением Локара, танец — высшая форма выражения жизни, и сейчас мне предстояло увидеть, как нужно танцевать по мнению философа, умершего сотни лет назад.

Я потер глаза и сделал несколько наклонов вперед, доставая пальцами рук пол, пока не зазвенело в ушах. Сделав глубокий вдох, я снова наклонился и тут краем глаза заметил какое-то движение около двери.

Троим, вошедшим вместе с М'Квайе, могло показаться, что я что-то ищу на мраморном полу. Я снова улыбнулся и выпрямился. Лицо мое покраснело не только от физических упражнений, я не ждал их так быстро.

Маленькая рыжеволосая куколка, закутанная, как в сари, в кусок прозрачного марсианского неба, удивленно смотрела на меня, как ребенок смотрит на флажок, прикрепленный на высокой мачте.

— Здравствуйте, — произнес я.

Перед тем как ответить, она наклонилась. Видимо, меня повысили в ранге.

— Я буду танцевать, — сказал она.

Рот ее был как алая роза на бледной камее лица. Глаза цвета мечты потупились. Она плавно проплыла к центру зала и, стоя так, как статуэтка в этрусском фризе, казалось, задумчиво созерцала узоры мозаичного пола. Символизировала ли что-либо эта мозаика? Я всмотрелся в узоры. Если и имела она какой-то особый смысл, то он от меня ускользнул. Мозаика украсила бы пол в ванной или во дворике, но больше я в ней ничего не видел.

Две другие женщины были одних лет с М'Квайе и походили на аляповато раскрашенных птичек. Одна из них примостилась на полу с трехструнным инструментом, отдаленно напоминающем сямисэн, другая держала в руках деревянный барабан и две палочки.

М'Квайе села на пол, и я последовал ее примеру. Пока настраивался сямисэн, я наклонился к М'Квайе.

— Как зовут танцовщицу?

— Бракса, — ответила она, не глядя на меня, и дала знак начинать, подняв левую руку.

Струны инструмента задребезжали, как нож по сковороде, а из барабана слышалось тикание, как признак часов, так и не изобретенных на Марсе. Бракса с поднятыми к лицу руками и широко разведенными локтями была неподвижна, как статуя.

Музыка стала метафорой огня. Трр. Хлоп. Брр. Ссс. Она не двигалась, свист перешел в плеск. Ритм замедлился. Теперь это была вода — самое драгоценное, что есть в мире, — с тихим журчанием беущая среди поросших мхом камней.

Она по-прежнему не двигалась.

Глассандо. Пауза.

Теперь наступил черед ветра: легкого, неуверенно замирающего. Опять пауза, и все сначала, но уже громче.

И вот она задрожала, но так слабо, что я не уловил начала. А может быть, мои глаза, уставшие от постоянного напряжения, обманывали меня, или она действительно дрожала с головы до ног. Да, дрожала. А затем начала едва заметно раскачиваться. Пальцы, заслонявшие ее лицо, раскрылись, как лепестки цветка, и я увидел, что глаза ее закрыты. Наконец она открыла глаза. Далекие и холодные, как стекло, они смотрели, не видя, сквозь меня, сквозь стены. Раскачивание стало заметнее.

Дует ветер пустыни,
Обрушиваясь на Териллиан волнами прибоя.

Пальцы ее быстро двигались, они были порывами ветра, руки ее опустились вниз и раскачивались в разные стороны, как два маятника.

Приближается ураган.

Она закружилась: теперь кисти рук следовали за телом, а плечи выписывали восьмерки.

Ветер, говорю я, о загадочный ветер!
О святая муза Сен-Жон-Перса¹!

Вокруг этих глаз — неподвижного центра — кружится смерч. Голова отклонилась назад, и я знал, что никакая преграда не сможет помешать этому бесстрастному, как у будды, взгляду слиться с неизменными небесами. И только две луны в вечной нирване бирюзы

¹ Сен-Жон Перс (Алекси Пеже) — французский поэт, которому принадлежат циклы стихов «Ветры», «Изгнание» и др. Лауреат Нобелевской Премии 1960 года (Прим. перев.).

могли, может быть, нарушить то совершенное состояние души, освобожденной танцем.

Много лет назад, в Индии, я видел уличных танцовщиц, но Бракса была чем-то большим, она была священной танцовщицей последователей Рамы, воплощением Вишну, подарившего людям танец.

Музыка стала монотонной. Тоны струн заставили вспомнить о палящих лучах солнца, жар которого укротил ветер, голубой цвет был Сарасвати, и Марией, и девушкой по имени Лаура. Я слышал откуда-то звуки свирели, видел, как оживает эта статуя, в которую вдохнули божественное откровение.

Я был Рембо с его гашишем, Бодлером с его опиумом, я был Эдгаром По, Де Квинси, Уайльдом, Малларме и Алистром Кроули. На долю секунды я был отцом в черном костюме на темной кафедре проповедника.

Она была вертящимся флюгером, крылатым распятием, парящим в воздухе, яркой тканью, бьющейся на ветру. Плечи ее обнажились, правая грудь опускалась и поднималась, как луна в небе, алый сосок то появлялся на мгновение, то вновь исчезал в складках одежды.

Музыка стала чем-то формальным, как спор Иова с богом, и танец был ответом Бога. Постепенно замедляясь, музыка становилась все спокойнее. Танец вторил ей. Одежда, словно живая, поползла вверх и собралась в первоначальные строгие складки. Бракса склонялась все ниже к полу. Голова ее коснулась колен, и с последним звуком она замерла.

Наступила тишина.

По боли в мышцах я понял, в каком напряжении находился. Я весь взмок, так что пот ручейками струился по спине.

Что теперь делать? Аплодировать?

Краем глаза я наблюдал за М'Квайе.

Она подняла правую руку. И, словно получив приказ, девушка вздрогнула всем телом и встала. Следом за ней поднялись и музыканты, и М'Квайе. Я тоже встал и почувствовал, что отсидел левую ногу. Ее покалывало.

— Это было прекрасно, — сказал я, понимая, что слова здесь бессильны.

В ответ я услышал три различные формы благодарности на Священном языке.

Мелькание красок, и я снова наедине с М'Квайе.

— Это сто семнадцатый из двух тысяч двухсот двадцати четырех танцев Локара.

Я посмотрел на нее.

— Прав был Локар или ошибался, но он нашел прекрасный ответ неорганической материи.

Она улыбнулась.

— Танцы вашего мира похожи на этот?

— Некоторые. Я вспоминал о них, когда смотрел на Браксу. Но такого я никогда не видел.

— Бракса — лучшая танцовщица и знает все танцы, — сказала М'Квайе.

Какая-то тайная мысль вновь промелькнула в ее взгляде и сразу исчезла, оставив у меня, как и в первый раз, ощущение некоторого беспокойства.

— Сейчас я должна вернуться к своим обязанностям. — Она подошла к столу и закрыла книги. — М'Нарра.

— До свидания. — Я надел башмаки.

— До свидания, Галлингер.

Я вышел за дверь, сел в джипси и помчался сквозь вечер в ночь, а крылья разбуженной пустыни медленно колыхались за моей спиной.

Закрывая дверь за Бетти после непродолжительного занятия по грамматике, я вдруг услышал голоса. Разговаривали в хасле. Открытый вентиляционный люк в моей каюте поставил меня в дурацкое положение, получалось, что я подслушиваю.

Мелодичный дискант — это Мартон:

— ...нет, знаете, он совсем недавно сказал мне: «Привет».

— Хм! — это Эмори фыркает во все легкие как слон. — Либо он спал на ходу, либо ты стоял у него на пути, и он хотел, чтобы ты посторонился.

— Скорее всего, он просто не узнал меня. По-моему, он теперь совсем не спит. Нашел себе новую игрушку — этот язык. На прошлой неделе у меня были ночные вахты. Каждый раз, когда я проходил мимо его двери в три часа ночи, всегда слышал, как бубнит его магнитофон, а когда возвращался в пять — он все еще работал.

— Работает он действительно упорно, — нехотя согласился Эмори. — Наверное, глотает наркотики, чтобы не спать. Все эти дни у него какие-то остекленевшие глаза. Впрочем, для поэта это, может быть, естественное состояние?

— Что бы вы там ни говорили, — вмешалась в разговор Бетти (видимо, она только подошла), — мне понадобился целый год, чтобы изучить этот язык, а ему это удалось за три недели, хотя я профессиональный лингвист, а он — поэт.

Должно быть, Мартон был равнодушен к Бетти, иначе что еще могло заставить его тут же сдаться и сказать буквально следующее:

— Во время учебы в Университете я прослушал курс лекций по современной поэзии. Нам предлагалось шесть авторов: Паунд, Элиот, Крейн, Йетс, Стивенс и Галлингер. В последний день семестра профессор был, как видно, в настроении и произнес речь: «Эти шестеро — цвет нашей литературы за последние сто лет, их имена начертаны золотом в Книге Вечности, и никакие капризы моды, амбиции критиков, никакие силы ада не властны над ними». Лично я считаю, — продолжал Мартон, — что его «Свирели Кришны» и «Мадри-

галы» — это шедевры. Для меня большая честь быть с ним в одной экспедиции, хотя с момента нашего знакомства он не сказал мне и двух десятков слов, — закончил он.

— А вам никогда не приходило в голову, — спросила Бетти, — что в детстве, да и в юности, наверное, у него не было друзей среди сверстников — раннее развитие не позволяет такой роскоши — и что за внешней холодностью он прячет свою ранимую душу?

— Как вы сказали, ранимую душу?! — хрюкнул Эмори. — Да он горд, как Люцифер, он просто ходячий автомат для оскорблений. Нажмешь на кнопку «Привет» или «Прекрасная погода», а он сразу покажет вам кукиш. Это у него уже рефлекс.

Высказав в мой адрес еще парочку подобных комплиментов, они разошлись.

Будь благословен, юный Мартон! Маленький краснощекий любитель поэзии с прыщавым лицом. Я никогда не присутствовал на таких лекциях, но рад, что они находят своих приверженцев. Может быть, молитвы отца услышаны, и я, сам того не ведая, стал миссионером! Только у миссионера должно быть нечто, во что он обращает людей. У меня, конечно, есть собственная эстетическая система, которая, вероятно, содержит в себе и эти ценности. Но если мне придется проповедовать в стихах или молитвах, я буду обращаться не к тебе. В моем раю, там где Свифт, Шоу и Петроний, для тебя нет места. Как мы пируем там! Съедаем Эмори и приканчиваем с супом тебя, Мартон!

Я подошел к столу. Мне захотелось что-нибудь написать. Экклезиаст подождет до ночи. Мне захотелось написать о сто семнадцатом танце Локара: о розе, тянущейся к свету, розе, трепещущей на ветру, о большой розе, как у Блейка, розе умирающей.

Найдя карандаш, я приступил к работе, а когда закончил, был очень доволен. Возможно, не шедевр — Священным марсианским я владею еще недостаточно хорошо. Немного подумав, я решил сделать перевод на английский в параллельных рифмах.

У Времени перехватив дыхание —
Пустыни ветер ледяной
Так заморозил грудь Вселенной,
Что Млечный Путь застыл над брэнной,
Оцепенело землей...
Лишь две луны над головой,
Что, словно кошка и собака,
В погоне вечно меж собой,
Нарушить могут тот покой...

.....
Цветок трепещет огненной главой.

Я отодвинул в сторону листок и поискал снотворное, ибо просто падал от усталости.

На следующий день я показал стихотворение М'Квайе. Она несколько раз очень внимательно перечитала его и сказала:

— Прекрасно, но вы употребили несколько слов из своего языка. Это, как я поняла, два маленьких зверька, традиционно ненавидящих друг друга. Но что такое «цветок»?

— Мне ни разу не попадался в вашем языке эквивалент слова «цветок», но я думал о земном цветке, о розе.

— А на что она похожа?

— У нее, как правило, ярко-красные лепестки. Именно это я и имел в виду, когда писал об «огненной голове». И еще — я хотел передать пламя и рыжие волосы. Огонь жизни и страсти. Стебель у розы длинный с колючими шипами, зеленые листья и нежный приятный запах.

— Я хотела бы увидеть розу.

— Думаю, что это можно устроить.

— Да, прошу вас, вы... — она употребила слово, звучащее у нас как «мессия» или «пророк», вроде как Исайя или Локар. — Ваше стихотворение — знамение свыше. Я расскажу о нем Браксе.

Я был польщен, но пророк... нет, это уж слишком.

Я отклонил это почетное звание и тут же подумал, что наступил момент, когда можно обратиться с просьбой.

— Мне хотелось бы иметь копии всех ваших текстов, а пишу я недостаточно быстро, — начал объяснять я. — Нельзя ли мне принести в храм кинокамеру и копировальный аппарат?

К моему немалому удивлению она сразу же согласилась и даже сделала встречное предложение, приведшее меня в замешательство.

— Может быть, вы поживете здесь, и тогда смогли бы работать в любое удобное для вас время, кроме тех часов, разумеется, когда в храме идет служба.

— Почту за честь, — поклонился я.

— Хорошо, приносите свои машины, я же определю вам комнату.

— Можно ли прямо сегодня?

— Разумеется.

— Тогда я иду собирать вещи. До вечера.

— До свидания.

Я был уверен, что возражения Эмори не будут слишком настойчивыми. Всем на корабле хотелось бы увидеть марсиан, узнать, из чего они сделаны, расспросить их о климате, болезнях, химическом составе почвы, о политическом устройстве и, конечно, о грибах (наш ботаник просто помешан на всякого рода грибах, а что касается всего остального — он отличный парень), но лишь четыре или пять человек имели такую возможность. Экспедиция большую часть времени раскапывала мертвые города, их акрополи. Мы строго соблюдали прави-

ла игры, по которым марсиане жили так же, как японцы в девятнадцатом столетии.

Я согласился в расчете на то, что сопротивление будет не очень сильным, и оказался прав. У меня даже сложилось впечатление, что все будут только рады моему отсутствию.

Я отправился в лабораторию гидропоники поговорить с нашим любителем грибов.

— Привет, Кейн. Как, растут поганки?

Он чихнул, он всегда чихал. Может, у него аллергия к растениям?

— Привет, Галлингер. Нет, с поганками мне определенно не повезло, но на обратном пути загляни в тот угол. Там у меня проклюнулась пара кактусов.

— Это уже кое-что, — заметил я. Док Кейн — мой единственный друг на борту, не считая Бетти. — Я пришел попросить тебя кое о чем.

— А именно?

— Мне нужна роза.

— Что?

— Хорошая, алая американская роза: шипы, аромат...

— Не думаю, чтобы она прижилась на этой почве. Апчхи!

— Ты не понял. Я не собираюсь разводить здесь розы. Мне нужен только цветок.

— Можно использовать бассейн, — он почесал свой лысый затылок, — но это займет, по меньшей мере, месяца три, даже с ускорителем роста.

— Сделаешь?

— Конечно, если ты можешь подождать.

— Могу. Собственно, три месяца — это как раз к отлету. — Я осмотрел бассейн с водорослями и горшками с рассадой. — Сегодня я переправляюсь в Териллиан, но буду периодически навещать. Предупреди, когда роза расцветет.

— Переселяешься. Мур говорил, что они исключительно разборчивы.

— Ну, значит, я и есть это самое «исключение».

— Похоже, что так. Впрочем, у меня до сих пор не укладывается в голове, как тебе удалось постичь этот их язык. Мне, разумеется, приходилось учить французский и немецкий, но на днях я слышал за ленчем, как Бетти демонстрировала марсианский. Какие-то невообразимые звуки. Она сказала, что говорить на нем — все равно что подражать птичьим голосам, одновременно разглядывая кроссворд в «Таймс».

Я рассмеялся и, взяв предложенную сигарету, сказал:

— Да, непростой язык, но, знаешь... Это все равно как если бы ты вдруг нашел здесь совершенно новый класс грибов. Они начнут тебе сниться по ночам.

Глаза у него заблестели.

— Вот здорово! А что, может быть, и найду еще, — сказал он, посмеиваясь, и проводил меня до двери. — Вечером займусь твоей розой. Береги там себя.

— Спасибо.

Я же говорил, что он помешан на грибах, а в остальном — отличный парень.

Моя комната в Териллиане примыкала к храму. По сравнению с моей тесной каютой на корабле она была просто дворцом. К тому же их цивилизация уже выросла до изобретения мягких матрацев, и кровать, как ни странно, оказалась мне по росту.

Я распаковал вещи, но, прежде чем сесть за книги, сделал несколько снимков самого зала. Я щелкал, пока мне не стало тошно от монотонно-безумного преворачивания страниц, и тогда я начал переводить исторический трактат:

Внимайте. В тридцать седьмой год процесса Силлена пришли дожди, которые послужили сигналом к праздничным церемониям, так как это редкое и великое событие обычно истолковывалось как благо. Но то, что падало с небес, не было живительным семенем Маллана. Это была черная кровь вселенной, бьющая струей из ее разорванной артерии. Для нас наступили дни печали. Близилось время прощального танца. Дожди принесли чуму, которая не убивает. И под их шелест он начался — последний танец Локара.

Я спрашивал себя, что же имел в виду Тамур? Ведь как историк он, определенно, придерживался фактов. Что же это — Апокалипсис, что ли? Очень может быть. А тогда горстка обитателей Териллиана — это все, что осталось от некогда великого народа. У них были войны, но они не носили глобального масштаба. Их научные разработки были технологичны и не нарушали технологии.

Чума, которая не убивает... Может ли она быть причиной гибели? И почему чума, если она не смертельна?

Я продолжал читать, листая страницу за страницей, но природа болезни нигде не уточнялась. Ну где же М'Квайе? Вечно ее нет именно тогда, когда она больше всего нужна. Если бы я был уверен, что буду понят правильно, то немедленно отправился бы разыскивать ее. Но нельзя нарушать установленных правил. Придется ждать до завтра.

Это выбило меня из колен, и я долго и громко выкрикивал проклятья Маллану на всех известных мне языках, понося его в стенах собственного храма. Он не испепелил меня на месте, а я утомился и решил, что на сегодня достаточно, что утро вечера мудренее, и пошел спать.

Проснулся я оттого, что кто-то дергал меня за рукав пижамы. У моей кровати с крошечной лампой в руках стояла Бракса. Должно быть, я спал всего пару часов.

— Привет, — только и смог сказать я спросонья и устался на нее.

— Я пришла, чтобы услышать стихотворение.

— Какое стихотворение?

— Ваше.

— А-а. — Я зевнул и сел. Не думаю, что ответ мой блистал остроумием, но интересно было бы послушать, что вы сами сказали бы, если бы вас разбудили среди ночи для чтения стихов, а? — Это, конечно, очень мило. Сейчас, наверное, самое удобное время?

— Неважно.

Когда-нибудь я напишу статью для журнала «Семантика» и назову ее «Интонация голоса — недостаточное средство выражения иронии».

Тут я окончательно проснулся и протянул руку за одеждой.

— Что это за животное? — спросила Бракса, указывая на изображение дракона на лацкане моего халата.

— Мифическое, — ответил я. — Послушай, Бракса, уже очень поздно, я устал, а завтра — море дел, да и вообще, что подумает М'Квайе, если узнает, что ты была здесь в такое время?

— Подумает о чем?

— Черт побери, ты прекрасно понимаешь, о чем!

Мне впервые пришлось употребить марсианское ругательство, но и это не помогло.

— Не понимаю. — Вид у нее был растерянный, как у щенка, которого наказали неизвестно за что.

Я смягчился. Красный плащ прекрасно гармонировал с рыжими волосами и дрожащими алыми губами.

— Извини, я не хотел тебя обидеть. Просто в моем мире существуют определенные правила насчет пребывания ночью в спальне двух людей противоположного пола, не связанных узами брака. Гм, ну, ты понимаешь, что я хочу сказать...

— Нет.

— Гм... Ну это... вообще... я имею в виду секс.

В ее нефритовых глазах вспыхнул свет.

— О, я поняла, вы имеете в виду — делать детей?

— Да, вот именно.

Она рассмеялась. Впервые я слышал смех в Териллиане. Он прозвучал, как будто виолончелист ударил смычком по струнам. Не очень-то приятно было это слушать, к тому же смеялась она довольно долго и как-то истерично. Наконец смех отзвучал, и она придвинулась ко мне.

— Теперь я вспомнила. У нас тоже существовали такие правила

полпроцесса назад, когда я была еще ребенком, но... — Похоже, она еле сдерживалась, чтобы вновь не рассмеяться. — В них больше нет необходимости.

Мой мозг работал, как компьютер. Полпроцесса! Нет! Да... Полпроцесса — это же двести сорок три года! Вполне достаточно, чтобы изучить две тысячи двести двадцать четыре танца Локара. Достаточно времени, чтобы изучить и состариться, если, конечно, ты — человек (я имею в виду — землянин). Я снова взглянул на нее, бледную, как белая шахматная королева из слоновой кости. Готов побиться об заклад, что она — человек, живой, нормальный, здоровый человек, и к тому же она — женщина. Мое тело...

Но если ей два с половиной столетия, то М'Квайе тогда и вовсе бабушка Мафусаила. И это ведь они хвалили меня за успехи в лингвистике и превозносили мое поэтическое дарование. Эти высшие существа!

Но что она имела в виду, когда сказала, что в этих правилах нет необходимости? Почему, говоря об этом, она была близка к истерике? И еще эти странные, как бы оценивающие взгляды М'Квайе. Неожиданно я почувствовал, что стою на пороге раскрытия загадки.

— Скажи, — я старался говорить безразлично, — это имеет какое-нибудь отношение к чуме, которая не убивает?

— Прямое, — ответила она. — Дети, рожденные после дождей, не могут иметь своих детей. Кроме того...

— Что? — Я наклонился вперед: память была установлена на «запись».

— У мужчин нет желания иметь их.

Я прислонился к стене. Всеобщее бесплодие, мужская импотенция, наступившие вслед за необычным явлением природы. Неужели это было бродячее радиоактивное облако, проникшее через их разреженную атмосферу бог знает откуда? И произошло это задолго до того, как Скипарелли увидел на Марсе каналы, мифические, как мой дракон, задолго до того, как эти каналы вызвали правильные догадки, основанные на неверных данных. И уже тогда Бракса жила, танцевала, проклятая во чреве, и другой слепой Мильтон уже написал о рае, тоже утерянном?

Я достал сигарету. Хорошо, что я догадался захватить с собой пепельницу. На Марсе никогда не было ни табака, ни алкоголя. Я видел в Индии аскетов, так вот — они были Дионисами по сравнению с марсианами.

— Что это за огненная трубочка?

— Сигарета. Хочешь попробовать?

— Да, пожалуй.

Она села рядом, и я прикурил для нее сигарету.

— Щиплет в носу.

— Да, но ты вдохни поглубже, удержи дыхание, а потом — выдохни.

Прошло несколько секунд, и раздался ее тихий вдох, пауза. Потом:

— Она священная?

— Пожалуй, никотин — это эрзац божественности.

Она опять затихла.

— Только, пожалуйста, не проси меня переводить, что такое «эрзац».

— Нет-нет. Я иногда испытываю такое состояние, когда танцую.

— Это скоро пройдет.

— А теперь прочитайте мне свое стихотворение.

Мне пришла в голову идея.

— Подожди-ка, у меня есть кое-что получше.

Я встал и, порывшись в своих записях, вернулся, сев рядом с Браксой.

— Здесь первые три главы книги Экклезиаста, — объяснил я. — Она очень похожа на ваши священные тексты.

Когда я прочел всего одиннадцать строк, она воскликнула:

— Не надо! Лучше прочитайте что-нибудь свое!

Я замолчал и бросил блокнот на стол. Она вся дрожала, но это была не дрожь от сдерживаемых рыданий. Сигарету она держала неуклюже, как карандаш. Я обнял ее за плечи.

— Это так печально, — сказала она.

Я порывлся в памяти, стараясь вспомнить что-нибудь светлое, яркое, вроде рождественской игрушки. Я стал экспромтом переводить с немецкого на марсианский стихотворение об испанской танцовщице. Мне казалось, что это понравилось Браксе, и не ошибся.

— О-о, — снова произнесла она. — Так это вы написали?

— Нет, это написано поэтом, более талантливым, чем я.

— Нет-нет, то создано вами.

— Это написано человеком по имени Рильке.

— Но вы переводили это на мой язык. Зажгите еще одну спичку, чтобы я увидела, как она танцует.

Я зажег.

— Огонь вечности, — задумчиво прошептала Бракса, — и она затоптала его «маленькими крепкими ножками». Хотела бы я так танцевать.

— Ты танцуешь лучше любой цыганки, — засмеялся я, гася спичку.

— Нет. Так я не смогла бы.

Я взял из ее рук потухшую сигарету и положил рядом со своей.

— Хотите, чтобы я танцевала для вас?

— Нет, иди в постель.

Она улыбнулась и, прежде чем я успел сообразить, что к чему, расстегнула красную пряжку на плече. Одежда упала. Я сглотнул.

— Хорошо, — сказала она.

Я поцеловал ее, а дуновение воздуха от упавшей одежды загасило лампу.

Дни были подобны листьям у Шелли: желтые, красные, коричневые, — бешено кружащиеся яркими клубками в порывах западного ветра. Они мелькали мимо меня кадрами микрофильмов. Почти все книги были скопированы. Не один год пройдет, пока ученые разберутся в них, оценят их по достоинству. Весь Марс лежал в ящике моего стола, Экклезиаст, к которому я много раз возвращался, был почти готов заговорить на Священном языке.

Я писал стихи, которых стеснялся бы раньше, тихонечко насвистывал, если гулял в храме, а по вечерам мы с Браксой гуляли в дюнах или в горах. Иногда она танцевала для меня, а я читал ей что-нибудь длинное, написанное гекзаметром. Она по-прежнему считала, что Рильке — это я, да я и сам в это почти поверил. Это я жил в замке Дуино и писал «Дуинские элегии».

Разумеется, странно покинуть привычную Землю,
Обычаев не соблюдать, усвоенных нами едва ли.
Розам и прочим предметам, сулящим нам нечто,
Значения не придавать и грядущего в них не искать.

Нет!-Никогда не пытайтесь прочесть грядущее по лепесткам роз! Вдыхайте их аромат (апчхи! Кейн), и срывайте их, и наслаждайтесь ими. Ловите каждое мгновение, живите им, держитесь за него крепче, но... не спрашивайте у розы о судьбе. Лепестки опадают так быстро, а цветы...

И никто не обращал на нас внимания.

Лаура и Бракса. В них есть что-то общее, но больше различий. Та была высокая, невозмутимая, светловолосая (нецавижу блондинок). Отец вывернул мою душу наизнанку, как карман, и я думал, что она сможет заполнить меня. Но тот долговязый безвольный рифмоплет с бородкой и собачьей преданностью в глазах подходил только для ее вечеринок. И на этом все кончилось.

Как проклятый, я корпел над работой в храме, и за это Маллан благословил меня.

А западный ветер проносился мимо, и что-то надвигалось.

Наступали последние дни.

И пришел день, и я не увидел Браксы. Потом ночь.

Прошел второй день и третий...

Я чуть было не сошел с ума. До сих пор я не сознавал, как мы близки, как она важна для меня. С тупой уверенностью в ее постоянном присутствии я не говорил с ней о будущем. Я искал ее. Мне не хотелось никого расспрашивать, но выхода не было.

— Где она, М'Квайе? Где Бракса?

— Ушла.

— Куда?

— Не знаю.

Я смотрел в ее дьявольские глаза, и проклятья готовы были сорваться с моих губ.

— Я должен знать.

Она смотрела сквозь меня.

— Бракса покинула нас. Вероятно, ушла в горы или в пустыню. Это не имеет никакого значения. Конец танца близок. Скоро храм опустеет.

— Почему она ушла?

— Не знаю.

— Я должен увидеть ее. Через несколько дней мы улетаем.

— Мне жаль, Галлинггер.

— Мне тоже, — ответил я, захлопнул книгу и, не сказав положенного «М'Нарра», встал. — Я найду ее.

Я вышел из храма. М'Квайе сидела неподвижно, как статуя. Башмаки стояли там, где я их оставил.

Весь день мой джипсер с ревом носился по дюнам. Команде корабля я, должно быть, казался песчаным смерчем. Но в конце концов пришлось вернуться, чтобы заправить бак горючим. Неожиданно ко мне подошел Эмори.

— Вот это да. А грязный-то! К чему это родео?

— Я кое-что потерял.

— Посреди пустыни? Неужто один из своих сонетов? Вряд ли что-нибудь еще может заставить тебя так выкладываться.

— Нет, черт возьми. Кое-что личное.

Джордж закончил заливать бак, и я шагнул к джипсеру.

— Подожди! — Эмори схватил меня за руку. — Ты никуда не поедешь, пока не объяснишь, в чем дело.

Конечно, я мог вырваться, но тогда он бы просто приказал стащить меня за ноги, а кому это нужно? Я сделал над собой усилие и заставил себя спокойно произнести:

— Просто я потерял свои часы, которые подарила мне мать. Это семейная реликвия. Я хочу найти их до отлета.

— А ты уверен, что их нет в каюте или Териллиане?

— Там я уже искал.

— Может быть, кто-нибудь спрятал их, чтобы подшутить над тобой? Тебе ведь известно, что на корабле ты — не самая популярная личность.

Я отрицательно покачал головой.

— Я уже думал об этом. Но я всегда ношу их с собой, в правом кармане. Скорее всего, они выпали, когда я мотался по этим дюнам.

Он прищурился.

— Помнится, я читал на суперобложке одной из твоих книг, что твоя мать умерла сразу после твоего рождения.

— Верно, — подтвердил я и мысленно чертыхнулся. — Часы принадлежали еще ее отцу, поэтому она хотела, чтобы они перешли ко мне. Мой отец сохранил их для меня.

— Гм, — фыркнул он. — Станный способ искать часы, разъезжая по дюнам на джипсере.

— Я думал, что увижу блики отраженного света, — упрямо пробормотал я.

— Уже темнеет. Сегодня, пожалуй, нет смысла продолжать поиски. Зачехлите джипсер, Джордж, — приказал он механику, а затем похлопал меня по плечу. — Пойдем. Примешь душ, перекусишь. Помоему, и то, и другое тебе не помешает.

Мешки под тусклыми глазами, редющие волосы и ирландский нос, голос на порядок выше, чем у кого бы то ни было. Я ненавидел его. Клавдий! Если бы только это был пятый акт!

И тут я действительно понял, что нуждаюсь в душе и еде. К тому же, настаивая на немедленном выезде, я лишь вызову подозрения и кривотолки. Я стряхнул песок с рукава.

— Вы правы. Это идея.

— Пойдем. Поедим у меня в каюте.

Душ был благословением, чистое хаки — милостью Божьей, а пища пахла, как в раю.

— Вкусно пахнет, — сказал я.

Мы молча поели, а когда перешли к кофе и десерту, Эмори вдруг спросил:

— Почему бы тебе не остаться на ночь? Поспи здесь.

Я покачал головой.

— Я очень занят. Надо все закончить, а времени осталось мало.

— Пару дней назад ты говорил, что почти все закончил.

— Почти, но не совсем.

— Ты говорил также, что сегодня ночью в храме служба.

— Верно. Но я буду работать в своей комнате.

Он пожал плечами и, помолчав, сказал:

— Геллингер. — Я посмотрел на него: официальный тон грозил неприятностями. — Конечно, это не мое дело, — начал он, — но тем не менее... Бетти говорит, что у тебя там есть девушка. — Это был не вопрос. Это было утверждение, но оно повисло в воздухе в ожидании ответа.

«Бетти, ты — шлюха. Корова и шлюха, и к тому же — ревнивая. Какого черта ты суешь свой нос в чужие дела. Лучше бы ты ослепла и оглохла. Чтoб у тебя язык отсох!»

— А что? — спросил я.

— А то, — ответил он, — что я как начальник экспедиции обязан

поддерживать дружественные, так сказать дипломатические, отношения с туземцами.

— Вы говорите о них так, словно они дикари. Нет ничего более далекого от истины. — Я встал. — Когда опубликуются мои заметки, на Земле узнают правду. Я расскажу о них то, чего не смог бы предсказать даже доктор Мур. Я расскажу о трагедии народа, который, зная, что обречен, достойно несет бремя жизни. Когда я назову причину этого, то даже самые суровые ученые не смогут сдержать слез. Да, я напишу об этом и получу множество премий и наград, только зачем мне они теперь? Господи! — воскликнул я. — Когда наши предки дубинками защищались от саблезубых тигров и только пытались приручить огонь, у марсиан уже была своя культура!

— Так у тебя есть там девушка?

— Да! — выкрикнул я. Да, Клавдий! Да, отец! — Да, Эмори, да! А сейчас я сообщу вам еще кое-что. Они уже мертвы, они бесплодны. Это — последнее поколение, после которого марсиан не будет. — Помолчав, я добавил: — Они останутся только в моих записях, в немногих микрофильмах и фотографиях, да еще в стихах о девушке, которые появились только потому, что она есть.

— О-о, — только и смог произнести он, но немного погодя добавил: — Последние месяцы ты вел себя несколько необычно. Я удивлялся этим переменам и все гадал, что же случилось, но я не думал, что для тебя это так важно.

Я опустил голову.

— Это из-за нее ты носишься по пустыне?

Я кивнул.

— Почему?

Я поднял голову.

— Потому что она пропала. Не знаю, куда и почему, но мне просто необходимо найти ее до отлета.

— О, — опять произнес он. Затем, отодвинувшись, открыл ящик стола, достал оттуда что-то, завернутое в полотенце, и развернул. На стол легла женская фотография в рамке. — Это моя жена, — сказал он.

Симпатичное лицо с большими миндалевидными глазами.

— Много лет назад, в молодости, я, знаешь ли, был морским офицером. Я встретил ее в Японии и полюбил. Там, откуда я родом, было не принято жениться на женщинах другой расы, поэтому мы не обвенчались, но я все равно считал ее своей женой. Когда она умерла, я находился на другом краю света. Моих детей забрали в приют, и я даже не смог выяснить, в какой. С тех пор я их не видел. Это было так давно. Почти никто не знает об этом.

— Я... простите, — пробормотал я.

— Нет, нет. Забудь об этом. Но... — Он поерзал в кресле и посмотрел на меня. — Если ты хочешь забрать ее с собой на Землю, то

сделай это. С меня за такое, конечно, голову снимут, но я все равно слишком стар и такую экспедицию мне больше не возглавить, так что... — Он залпом проглотил свой остывший кофе. — Возьми джипсер. — Он отвернулся.

Дважды я пытался сказать «спасибо», но так и не смог. Тогда я встал и вышел.

— Сайонара и все такое, — пробормотал он мне вслед.

— Эй, Галлингер! — окликнули меня.

— Кейн! — Я оглянулся, но увидел только темную фигуру на светлом фоне около люка и услышал, как он чихнул. Я вернулся. — Что?

— Твоя роза, — он протянул мне разделенный на все части пластиковый контейнер. В нижней части плескалась какая-то жидкость, в которую был опущен стебель, а в другой половине пламенела большая, только что распутившаяся роза.

— Спасибо, — сказал я, пряча розу в карман.

— Возвращаешься в Териллиан?

— Да.

— Я видел, как ты приехал, и подготовил ее. Чуть-чуть не застал тебя в капитанской каюте.

— Еще раз спасибо.

— Она помещена в специальный раствор и простоит несколько недель.

Я кивнул и шагнул в ночь.

Теперь горы. Выше, глубже. Небо было как ледяная купель, в которой плавали две луны. Подъем стал круче, и маленький «ослик» заупрямился. Я подстегнул его, выжав газ, и продолжал забираться все выше и выше. Увидев немигающую зеленую звезду, я почувствовал комок в горле. Контейнер с розой бился о мою грудь, как второе сердце. «Ослик» взревел последний раз громко и протяжно, потом начал чихать. Я подстегнул его еще раз, и он сдох. Я поставил машину на тормоз, слез и пошел пешком.

Как холодно здесь, вверху, особенно ночью. Почему она так поступила? Что заставило ее бежать от тепла и огня в ночь?

Я излазил вдоль и поперек каждое ущелье, каждый перевал, быстро двигаясь на своих длинных ногах с легкостью, невозможной на Земле. Всего два дня осталось, любовь моя, но и в них мне отказано. Почему?

Я карабкался по выступам, перепрыгивая с камня на камень, полз на коленях, упирался локтями, слышал, как трещит одежда.

— Маллан!

Никакого ответа. Неужели ты не хочешь помочь мне, потому что я из другого народа? Тогда я попробовал обратиться к другим богам. Вишну — ты великий бог-охранитель. Сохрани ее! Кто поможет мне найти ее? Иегова? Адонис? Осирис? Таммуз? Маниту? Легба? Где она?

Я поскользнулся. Камни посыпались из-под ног, и я повис, цепляясь за края. Пальцы замерзли. Как трудно удержаться! Я посмотрел вниз. Приблизительно футов двадцать. Я разжал пальцы, упал и покатился. И тут раздался ее крик.

Я лежал, не двигаясь, глядя вверх.

— Галлингер! — звала она в ночи.

Я не пошевелился.

— Галлингер!

Она умолкла, а я услышал шорох катящихся камешков и понял, что она спускается по какой-то тропинке справа от меня. Я вскочил и спрятался в тени. Она вышла из-за поворота и сделала несколько неуверенных шагов.

— Галлингер!

Я шагнул из своего укрытия и схватил ее за плечи.

— Бракса!

Она вскрикнула, потом заплакала, уткнувшись мне в грудь. Я впервые видел, как она плачет.

— Почему? — спросил я.

Она только крепко прижалась ко мне, продолжая плакать.

— Я думала, ты разбился, — сказала она наконец.

— Мог бы и разбиться. Почему ты ушла из Териллиана? А как же я?

— Разве М'Квайе не сказала тебе? А сам ты не догадываешься?

— О чем я должен догадываться, когда М'Квайе сказала, что ничего не знает?

— Это неправда, она знает!

— Что знает?

Бракса вздрогнула всем телом и долго молчала. И только тут я заметил, что на ней лишь тонкое платье, в котором она танцевала. Слегка отстранив ее от себя, я снял куртку, набросил ей на плечи и снова обнял.

— Великий Маллан! — воскликнул я. — Ты же совсем замерзла!

— Нет.

Я стал перекладывать контейнер с розой в карман брюк.

— Что это? — спросила она.

— Роза. В темноте ее трудно разглядеть. Я как-то сравнил тебя с розой. Помнишь?

— Да. Можно, я понесу ее?

— Конечно. — Я опять положил контейнер в карман куртки.

— Я все-таки жду объяснений.

— Ты и в самом деле ничего не знаешь?

— Да нет же!

— Когда пришли Дожди, — сказала она, — пораженными, очевидно, оказались одни мужчины. Оказывается, я не была бесплодной.

— А-а! — только и смог произнести я.

Мы молча стояли, а моя голова трещала от мыслей.

— Но почему ты убежала? Разве плохо, что ты забеременела? Тамур ошибся, и ваш народ сможет возродиться.

Она рассмеялась. Снова этот спятивший Паганини дергает струны. Я остановил ее, прежде чем смех перешел в истерику.

— Как? — спросила она, потирая щеку.

— Вы живете значительно дольше нас. И если ребенок родится нормальным, значит наши расы биологически совместимы. У вас должны быть и другие женщины, способные иметь детей. Почему же нет?

— Ты читал книгу Локара, — сказала она, — и еще спрашиваешь меня об этом? Решение умереть уже принято. Но предсказано это было последователем Локара уже очень давно. «Мы сделали все, — говорили они, — мы все видели, все слышали и все познали. Танец был хорош. Пусть он закончится».

— Ты же в это не веришь.

— Неважно, во что верю я, — ответила Бракса. — М'Квайе и Матери решили, что мы должны уйти из жизни. Сам их титул звучит сейчас как насмешка, но их решение будет выполнено. Не исполнилось только последнее пророчество. Оно оказалось ошибочным. Мы все умрем.

— Нет.

— А что же?

— Летим со мной на Землю.

— Нет.

— Тогда пойдем со мной сейчас.

— Куда?

— В Териллиан. Я хочу говорить с Матерями.

— Тебе не удастся. Сегодня ночью — церемония.

Я рассмеялся.

— Церемония в честь бога, который сначала сбивает тебя с ног, а потом добивает лежащего?

— Маллан — наш бог, — ответил она, — а мы — его народ.

— Вы отлично бы спелись с моим отцом, — усмехнулся я. — Я иду, и ты пойдешь со мной, даже если мне придется нести тебя. Я сильнее и больше тебя.

— Но не больше Онтро.

— О дьявол! Что еще за Онтро?

— Он остановит тебя, Галлингер. Он — кулак Маллана.

Я резко затормозил джипсер перед единственным известным мне входом — входом к М'Квайе. Бракса поднесла розу к свету фар и

замерла, как очарованная. Она молчала. На ее лице застыло какое-то странное выражение благодати.

— Они сейчас в храме? — спросил я.

Выражение лица мадонны не изменилось, и я повторил свой вопрос. Она встрепелулась.

— Да, — сказала она с трудом, — но ты не сможешь пройти.

— Ну это мы еще посмотрим.

Я помог ей сойти с джипсера и взял за руку. Она двигалась как в трансе. Восходящая луна отражалась в ее глазах, которые глядели в никуда, как в день нашей первой встречи, когда она танцевала. Я шелкнул пальцами, но в ее лице ничего не изменилось. Я распахнул дверь, пропустил Браксу вперед. В комнате царил полумрак. И тут она закричала в третий раз за этот вечер:

— Не причиняй ему вреда, Онтро! Это — Галлингер!

До сих пор я ни разу не видел марсиан-мужчин, поэтому не знал, все ли они такие, или он — исключение, хотя и сильно подозревал последнее.

Я смотрел на него снизу вверх. Его полуобнаженное тело сплошь покрывали родинки и вздутия, вероятно, что-то связанное с железами.

Я считал себя самым высоким человеком на планете, но он был семи футов росту и гораздо тяжелее меня. Теперь мне стало понятно происхождение моей огромной кровати!

— Уходи, — сказал он. — Она может пройти, ты — нет.

— Мне нужно забрать свои книги и вещи.

Он простер свою огромную левую руку. Я посмотрел туда. В углу лежали, аккуратно сложенные, мои вещи.

— Я должен войти и поговорить с М'Квайе и Матерями.

— Нет.

— От этого зависит жизнь вашего народа.

— Уходи! Возвращайся к своему народу, Галлингер! Оставь нас!

Мое имя в его устах прозвучало как «чужак». Сколько ему лет? Триста? Четыреста? И всю жизнь он охранял храм? Зачем? От кого он его охранял? Меня насторожило то, как он двигался. Знал я людей, которые могли так двигаться.

— Уходи, — повторил он.

Если они развили свое боевое искусство так, как искусство танца, или, что еще хуже, искусство борьбы было составной частью искусства танца, то я попал в хороший переплет.

— Иди, — сказал я Браксе. — Передай розу М'Квайе и скажи, что это я послал. Скажи, что я скоро приду.

— Я сделаю так, как ты сказал. Вспоминай меня на Земле, Галлингер. Прощай!

Я не ответил, и она прошла мимо Онтро в храм, унося с собой розу.

— Теперь ты уйдешь? — спросил Онтро. — Если хочешь, я скажу ей, что мы боролись, и ты почти победил, но потом я ударил тебя, ты потерял сознание, и я отнес тебя на корабль.

— Нет, — ответил я. — Так или иначе, но я пройду.

Онтро встал в стойку, вытянул перед собой руки.

— Грех поднять руку на святого человека, — пророкотал он, — и все же я остановлю тебя, Галлингер.

Моя память прояснилась, как запотевшее стекло окна на свежем воздухе. Я смотрел сквозь него в прошлое, на шесть лет назад...

Я изучал восточные языки в Токийском Университете, а по вечерам — стоял в тридцатифунтовом круге Кадокана. Кимоно перехвачено коричневым поясом. Я «ик-киу», одного дана не хватает мне до высшего звания мастера. На правой стороне груди у меня коричневый ромб с надписью «Джиу-джитсу» — результат одного моего приема, который я разработал, используя преимущество моего роста, и благодаря которому одержал много побед. Но с тех пор, как я тренировался последний раз, прошло пять лет. К тому же я знал, что сейчас далеко не в форме.

Откуда-то из прошлого прозвучал голос: «Хаджиме — начинай». Я принял стойку кошки. Глаза Онтро странно блеснули. Он попытался быстро переменить свою стойку, и тут я на него бросился. Мой коронный прием.

Моя длинная левая нога взлетела, как лопнувшая пружина, и на высоте семи футов столкнулась с челюстью как раз в тот момент, когда он приготовился увернуться. Голова его мотнулась назад, и он, тихо застонав, упал.

«Вот и все, — подумал я. — Извини, старина».

Но когда я перешагивал через него, он схватил меня, и я, не удержавшись, упал на него сверху. Я не мог поверить, что после такого удара он не только оказался в сознании, но еще и двигается. Я больше не хотел его бить. Но, прежде чем я успел оценить обстановку, его руки добрались до моей шеи.

«Нет! Этому не бывать!»

Стальной обруч сдавил горло. И тут я понял, что он без сознания, и это — просто рефлекс, приобретенный многолетними тренировками. Я видел такое однажды в школе. Человек умер, его задушили, но он продолжал сопротивляться. А противник, думая, что он еще жив, продолжал его душить. Но такое бывает крайне редко.

Я ударил его локтем под ребро и затылком в лицо. Хватка несколько ослабла. Страшно не хотелось этого делать, но пришлось сломать ему мизинец. Рука разжалась, и я освободился.

Он лежал с перекошенным лицом. Сердце мое сжималось от жалости к поверженному гиганту, который до конца защищал свой народ, свою религию, выполняя свой долг. Я проклинал себя за то, что решил перешагнуть через него, а не обошел стороной.

Пошатываясь, я добрался до своих вещей в углу комнаты, сел на ящик с проектором и закурил сигарету. Я не мог идти в храм. Мне не с чем было туда идти. Я не знал, о чем говорить с народом, который решил умереть.

И тут я подумал: «А что, если я прочту им Книгу Экклезиаста — эту жемчужину библейской мудрости, произведение более великое, чем написанное Локаром, еще более мрачное, еще более пессимистичное; если покажу им, что другая раса проделала это, что суэта, которую он считал никчемной, вознесла нас в небеса, поверят ли они, изменят ли свое решение?»

Я затушил сигарету о мозаичный пол и отыскал свой блокнот. Вставая, я почувствовал, как во мне просыпается непонятная ярость. И я вступил в храм, чтобы прочесть Черное Евангелие от Галлингера.

В храме царила тишина.

М'Квайе читала Локара. Все смотрели на розу, стоящую у нее по правую руку. Сотни босых людей сидели на полу. Мужчины, их было немного, были невысокого роста, как и женщины Марса.

Я шел в ботинках.

«Все равно — идти. Или все потеряешь, или все выиграешь». Дюжина старух сидела полукругом за М'Квайе. Матери.

«Бесплодная земля, сухие чрева, сожженные огнем».

Я шагнул к столу.

— Почему вы хотите, чтобы вместе с вами ушли из жизни ваши соплеменники, — закричал я, — ведь они еще не прошли жизнь до конца, как вы, не познали всех радостей и печалей, той полной жизни, которую познали вы. И это неверно, что у вас нет будущего, — теперь я обращаюсь ко всем. — Те, которые говорят это, ошибаются. Бракса знает, потому что она носит ребенка под сердцем.

Они сидели, как изваяния. М'Квайе переместилась назад, в полукруг.

— Моего ребенка! — продолжал я. (Боже, что подумал бы мой отец о такой проповеди?) — И все ваши молодые женщины могут иметь детей. Бесплодны только ваши мужчины. А если вы позволите врачам экспедиции землян обследовать вас, то, может быть, и мужчинам можно будет помочь. Но если даже и нет, вы сможете породниться с людьми Земли. Мы не какой-нибудь захудалый народ, неизвестно откуда взявшийся. Тысячу лет назад Локар нашего мира говорил, что человек ничтожен. Он говорил, как ваш Локар, но мы не сдались, несмотря на чуму, войны и голод. Мы не ушли из жизни. Одну за другой мы победили болезни, мы ликвидировали голод, мы боролись с войнами и уже давно живем без них, может быть, навсегда покончили с ними. Мы пересекли миллионы миль пространства. Мы побывали в другом мире. А ведь наш Локар сказал: «Зачем, что в этом

толку? Так или иначе... Все это суета». И дело в том, — я понизил голос, — дело в том, что он прав! Все в мире суета и нищета. И мы выступили против все время возвращающегося на стези свои космоса, против этого постоянного круговорота, против пророка, против мистики, против Бога. И именно это наше богохульство сделало нас великими, поддерживало нас в трудную минуту, и боги втайне восхищались нами.

Я был как в горячке. Голова кружилась.

— Вот Книга Экклезиаста, — объяснил я и начал: — «Суета сует, — сказал Экклезиаст. — Суета сует: все суета. Что пользы человеку от трудов его...»

В задних рядах я заметил Браксу. О чем она думает?

И я наматывал на себя ночные часы, как нить на катушку.

О, как поздно! Наступил рассвет, а я все еще продолжал говорить. Я прочел Экклезиаста и продолжал проповедовать Галлингера. И когда я закончил, в храме по-прежнему царила тишина. Ряды изваяний за всю ночь ни разу не пошевелились.

М'Квайе подняла руку. Одна за другой Матери повторили жест Матриарха.

Я знал, что это значит. Я — проиграл.

Я медленно вышел из храма, ноги подгибались; я еле добрался до своих вещей и буквально рухнул рядом.

Онтро ушел. Хорошо, что я не убил его.

Через тысячу лет вышла М'Квайе.

— Ваша работа окончена, — сказала она.

Я не двигался.

— Пророчество сбылось. Мой народ возродится. Вы победили, святой человек. Теперь покиньте нас.

Моя голова была пуста, как слутый воздушный шар. Я накачал туда немного воздуха.

— Я не святой, а всего лишь второсортный поэт. — Я закурил сигарету, потом спросил: — Какое такое пророчество?

— Обещание Локара, — ответила она так, как будто это было совершенно очевидно. — Святой спустится с небес и спасет нас в самый последний час, когда все танцы Локара будут исполнены. Он победит кулак Маллана и вернет нам жизнь.

— Как?

— Как с Браксой, и как в храме.

— В храме?

— Вы читали нам слова проповеди, великие, как слова Локара. Вы читали: «...нет ничего нового под солнцем» и, читая их, издевались, смеялись над ними — и это было ново. На Марсе никогда не было цветов, — добавила она, — но мы научимся их выращивать. Вы — Святой Насмешник, — закончила она. — Тот-Кто-Смеется-в-Храме. Вы шли обутом по священной земле.

— Но ведь вы проголосовали против?

— Это «нет» нашему прежнему решению. Это позволение жить ребенку Браксы.

— О! — Я выронил сигарету. Как мало я знал! — А Бракса?

— Она была избрана полпроцесса назад исполнить все танцы и ждать вас.

— Но она сказала, что Онтро остановит меня.

М'Квайе долго молчала.

— Она никогда не верила в пророчество и убежала, боясь, что оно свершится. Оно все-таки сбылось благодаря вам, и мы проголосовали... Она знала.

— Значит, она не любит меня и никогда не любила?

— Мне жаль, Галлингер. Она просто исполнила свой долг.

— Долг, — автоматически повторил я.

— Она уже простилась с вами и больше не хотела бы вас видеть. Мы всегда будем помнить то, чему вы нас научили.

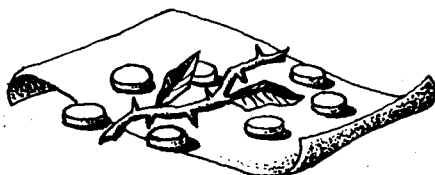
Я вдруг понял, какой чудовищный парадокс заключается во всех чудесах. Я никогда не верил, что проповедью можно совершить чудо — сотворить мир. Пошатываясь, как пьяный, я встал и, пробормотав «М'Нарра», вышел в свой последний день на Марсе.

«Я выиграл, Маллан, но, выиграв, потерял все. Этот мир принадлежит тебе. Отдыхай спокойно в своей звездной постели. Проклятье!»

Вернувшись на корабль, я заперся в своей каюте и проглотил сорок четыре таблетки снотворного.

Когда я открыл глаза, то понял, что жив и нахожусь в медотсеке корабля. Двигатели монотонно гудели. Я с трудом встал и кое-как добрался до иллюминатора.

Марс висел надо мной, как огромный надутый шар. И вот он затуманился и заструился слезами по моему лицу.

Фредерик Браун

ВЕЖЛИВОСТЬ

Рэнс Гендрикс устало шагал по горячему песку. Специалист по психологии высших существ других миров, он прибыл на Венеру в составе третьей экспедиции. Задачей Рэнса было установить контакт с аборигенами: четыре раза он пытался сделать это и четыре раза терпел поражение. Эксперты двух предыдущих экспедиций тоже не добились успеха.

Встретить венерианца не представляло особого труда, а вот установить контакт, тем более расположить к себе — такое не удалось еще ни одному землянину. Полное нежелание аборигенов общаться с членами экспедиций было тем более удивительным, что никаких лингвистических трудностей контакт не представлял. Аборигены обладали телепатическими способностями, что позволяло им без труда понимать любой язык, на котором к ним обращались, и без труда отвечать на том же языке, с тем же акцентом, но... с неприкрытой враждебностью.

И вот Гендрикс увидел очередного аборигена, шедшего по своим делам с лопатой на плече.

— Здравствуй, венерианец! — радостно воскликнул Рэнс.

— До свидания, землянин, — прозвучало в ответ.

Это задело самолюбие Гендрикса, и он прибавил шаг, стараясь не отстать от длинного нелюбезного аборигена.

— Почему вы не хотите говорить с нами? — спросил Рэнс.

— Не хочу? Я говорю с вами, хотя мне это не приносит ни малейшего удовольствия, и будет лучше, если вы оставите меня в покое.

С этими словами венерианец остановился и, демонстративно отвернувшись от Рэнса, принялся копать почву в поисках яиц корвилла.

«Ну вот, опять неудача, — подумал Гендрикс, разочарованно наблюдая за ним. — Похоже, на Венере не действует ни один из методов, изложенных в толстых научных трудах по экзопсихологии».

Нестерпимая жара, отвратительный воздух, всепроникающий мелкий песок да еще это наплевательское, систематическое неприятие... Терпение Гендрикса истощилось.

— Ну и засунь... в собственную...

Подобное действие невозможно для мужчины по чисто анатомическим причинам, но жители Венеры двуполы.

Абориген бросил лопату и радостно улыбнулся. Наконец-то хоть от одного из пришельцев довелось услышать вежливое приветствие! Он пожелал землянину того же и присел с приветливой улыбкой, чтобы завязать разговор со столь любезным собеседником.

Так начались полные уважения дружба и взаимопонимание между Землей и Венерой.

АРМАГЕДДОН

Все это случилось в Цинциннати. Ни где-нибудь, а именно в Цинциннати! Что можно сказать о Цинциннати? Конечно, конечно, это не центр Вселенной и даже не столица штата Огайо — просто тихий, провинциальный городок, ничем не лучше и не хуже любого другого. Даже представители местной торговой палаты самокритично утверждают, что он не претендует на мировое значение. И то, что Джебер Великий (имя-то какое!) выступал именно в Цинциннати в критический для всего мира момент, было простым совпадением. Конечно, если бы эта история стала достоянием гласности, то Цинциннати вмиг бы приобрел мировую известность, а малыш Гэрби — славу Супермена или, по крайней мере, Георгия Победоносца. Но дело в том, что никто из невольных свидетелей — зрителей, присутствующих на представлении мага в театре, и даже главный участник собы-

тий, маленький Гэрби Уэстерман, ничего не помнят о случившемся, хотя у него и осталось вещественное доказательство — новый водяной пистолет.

Гэрби так увлекся выступлением мага, демонстрировавшем очередной номер своей программы, что забыл даже о новом водяном пистолете, лежавшем в кармане.

Пистолет был только что куплен по дороге к театру, и Гэрби пришлось приложить немало усилий, чтобы заставить родителей пройти по Вайн-стрит, где находится базар. Но сейчас Гэрби, забыв обо всем, следил за фокусником на сцене. Его лицо выражало снисходительное одобрение. Протыкание карт насквозь не было для него тайной: он умел это делать. Видимо, фокусник пользовался картами «уменьшенная модель», продающимися в комплекте с магическим ящиком. Во всяком случае, Гэрби работал именно с ними, так как они подходили по размеру для руки девятилетнего мальчика. То, что было видно, как поворачивается карта в его руке, не смущало Гэрби, это не существенная деталь.

На сцене Джебер Великий демонстрировал прокалывание семи карт одновременно, а это, как знал Гэрби по собственному опыту, требовало большой силы и гибкости пальцев. Одобрительно кивнув, Гэрби вспомнил, каков будет следующий номер программы, и тронул сидящую рядом мать за рукав:

— Мам, попроси у папы носовой платок.

Отвлекающий маневр был задуман и выполнен превосходно: мать еще только наклонялась к отцу, а Гэрби уже вскочил и бросился в проход.

Однажды Гэрби уже видел это представление и знал, что для выполнения следующего фокуса магу потребуется помощник из зала.

В прошлый раз Гэрби не повезло — он был десятым из желающих, поэтому сегодня постарался исключить все случайности. Возможно, мать и разрешила бы, а может быть, и нет. В вопросах такого рода не стоит полагаться на родителей, так как ход их мыслей непредсказуем. Поэтому он и устроил отвлекающий маневр с платком.

— ...захочет подняться на сцену? — закончил фразу фокусник, а нога Гэрби уже стояла на первой ступеньке.

За спиной Гэрби раздавались разочарованные вздохи, когда он с улыбкой поднялся на сцену.

Фокус с тремя голубями был едва ли не единственным, секрет которого Гэрби никак не мог разгадать. Наверняка в ящике было потайное помещение. Но где? И если он разгадает этот трюк, когда будет держать ящик, то потом ему останется лишь собирать дань восхищения друзей. Конечно, Гэрби не собирался разоблачать мага, об этом не могло быть и речи. Он тоже был магом и знал, что такое профессиональная этика, так что коллега может быть спокоен за свои секреты.

С доверчивой улыбкой он поднял голову навстречу магу, однако улыбка угасла, и он невольно вздрогнул, встретившись глазами с фокусником. Вблизи Джебер Великий выглядел значительно старше и могущественней, чем из зала.

Ассистент вынес на подносе ящик с голубями. Гэрби, оторвав взгляд от фокусника, почувствовал себя свободнее и сосредоточился на поставленной задаче. Помощник хромал. На всякий случай наклонив голову, мальчик заглянул под поднос — там ничего не было. Джебер взял ящик, а ассистент заковылял за кулисы. Может, он нарочно хромает, чтобы отвлечь на себя внимание?

Открытый ящик представлял собой четыре боковых стенки, соединенные шарнирами, к одной из которых, тоже шарнирами, крепилась крышка. И еще там были маленькие медные крючки.

Гэрби поспешно отступил, что позволило ему увидеть заднюю стенку, пока фокусник демонстрировал публике внутренние. Так и есть! В крышке имелось маленькое отверстие, прикрытое зеркалом, расположенным под определенным углом, что и создавало иллюзию невидимости. Старый трюк. Ничего нового. Гэрби был даже чуточку разочарован.

Маг сложил ящик, отделением с зеркалом внутрь и повернулся к Гэрби.

— А сейчас, молодой человек...

В это время на Тибете произошло событие, ставшее последним звеном в цепи. Всю неделю стояла необычайно теплая погода, что и вызвало таяние больших масс горных снегов. Разбухшие ручьи и реки неслись по склонам и ущельям с ужасающим грохотом. На людской памяти такое было впервые. Молитвенные мельницы, установленные на берегах ручьев, крутились все быстрее и быстрее, и либо лопались и останавливались, либо были затоплены. Ламы, передвигаясь по колено в ледяной воде, пытались перенести оставшиеся в пределах досягаемости мельницы к берегу.

Одна очень старая маленькая мельница была установлена так давно, что ни один из ныне живущих там не знал, какая молитва записана на ее колесе. Вода дошла почти до оси этой мельницы, когда лама Клерет поднял ее, чтобы перенести на более высокое место, но поскользнулся на мокрых камнях и, упав, уронил мельницу. Поток воды подхватил ее и унес вниз.

Дрожа от холода, лама встал и пошел к следующей мельнице. «Экая важность, — подумал он, — одной больше, одной меньше». Если бы он знал, что теперь, когда все остальные звенья цепи были разрублены, это маленькое вращающееся колесико является единственной преградой между Армагеддоном и Землей, то без раздумий бросился бы в поток вслед за мельницей.

Поток ударил молитвенную мельницу Вамгур Упа о выступ скалы, и она прекратила вертеться.

Это случилось в то мгновение, когда маг на сцене театра города Цинциннати произнес:

— А теперь, молодой человек...

Гэрби Уэстерман перевел взгляд на фокусника, удивляясь возникшей паузе, и увидел, как лицо мага сначала исказилось, словно от удара, а потом приняло совсем другое выражение, хотя черты его остались прежними.

Маг тихо рассмеялся. В его смехе прозвучало нечто такое, что не оставило никаких сомнений даже у самых заядлых скептиков в том, кто он такой. В смехе звучало абсолютное зло.

Зрители оцепенели. Им было даже не страшно, ибо страх рождается от неуверенности или неопределенности, а сидящим в зале все было ясно до конца. Смех стал громче; он гремел и, подобно урагану пронесясь по залу, достиг самых дальних рядов галерки. Никто не шевелился, даже тени застыли на потолке.

И Сатана заговорил:

— Благодарю публику за любезное внимание, оказанное скромному фокуснику. — Он насмешливо поклонился залу. — Представление закончено. Все представления закончены, — добавил он, ухмыляясь.

В зале потемнело, хотя лампы светили по-прежнему ярко. Послышался шелест крыльев невидимых существ, парящих в воздухе. Сцена озарилась багровым светом, на голове и плечах мага вспыхнули светлячки открытого пламени. Появились и другие огоньки по всей сцене, вдоль рампы. Один из них коснулся ящика, который все еще был в руках Гэрби. Гэрби отшвырнул его.

Знаете ли вы, что Гэрби Уэстерман состоял в обществе Юных Пожарников? Он действовал инстинктивно. Даже девятилетний мальчик, который не слишком хорошо понимал, что такое Армагеддон, должен знать, что *это* пламя водой не погасишь. Поэтому, повторяю, он действовал инстинктивно. Выхватив из кармана водяной пистолет, он направил его на ящик и несколько раз нажал на спуск. Струя воды упала на ящик, срикошетила и обрызгала панталоны Джебера Великого, отвернувшегося в другую сторону. Но огонь погас!

В мгновение ока все изменилось. Лампы осветили зал ярким светом, огоньки исчезли, шорох крыльев утонул в шуме публики.

Фокусник прикрыл рукой глаза и сказал полузадушенным шепотом:

— Никто и ничего не вспомнит о том, что здесь произошло. Это я еще могу. — Он наклонился, поднял ящик и протянул его Гэрби Уэстерману со словами: — Нужно быть более собранным, мой юный друг. Держи его крепче.

Маг коснулся крышки своей палочкой. Дверца открылась, и в воздух поднялись три белых голубя, шорох крыльев которых даже отдаленно не напоминал шорох, звучавший в этом зале минуту назад.

Отец Гэрби с решительным видом снял с гвоздя, вбитого в стену кухни, кожаный ремень, служивший для правки бритвы. Миссис Уэстерман, помешивающая кипящий на плите суп, подняла глаза.

— Послушай, Генри... неужели ты собираешься выпороть его только за то, что он брызнул водой из пистолета в окно автомобиля?

Генри Уэстерман отрицательно покачал головой.

— Не за это. Ты вспомни: мы купили ему пистолет в городе, но парень не подходил ни к одной водонапорной колонке. Где, ты думаешь, он его наполнил? — И продолжил, не ожидая ответа: — Наш негодяй занялся этим в церкви, когда мы заходили договориться с отцом Рейком насчет конфирмации. Он наполнил пистолет из чаши со святой водой!

Тяжело вздохнув, отец Гэрби вышел из кухни с ремнем в руке.

Послышались хлесткие удары, чередовавшиеся с воплями. Гэрби, спаситель мира, получал награду — то, что ему причиталось.

БОГ

Пожилой джентльмен приятной наружности с длинной седой бородой улыбнулся Питеру, как старому знакомому.

— Добро пожаловать в Рай, тезка! Надеюсь, здесь тебе понравится.

И четырехлетний Питер, войдя в перламутровые ворота, начал поиски Бога. Он долго бегал по кристально чистым улицам с ровными рядами блестящих домов, между прогуливающимися счастливыми людьми, но Бога среди них не было. Несмотря на усталость, Питер продолжал свои поиски.

Наконец он уперся в сказочно прекрасное здание из чистого золота, возвышающееся над всеми прочими. Войдя в распахнувшуюся дверь, Питер очутился в огромном зале, посреди которого стоял трон. Он был пуст. На полпути от двери к трону Питер остановился и стал ждать Бога. Пол приятно пружинил под ногами и звал присесть. В зале царила тишина. И через некоторое время Питер улегся на полу и заснул. Сколько времени он спал, минуты или годы, только его разбудил звук приближающихся шагов. Конечно, это Его шаги, и Питер, обрадованный, проснулся.

Бог подошел ближе, и улыбка засветилась в его глазах. Питер подбежал к нему.

— Здравствуй, Пит! — ласково сказал Бог, положив руку ему на голову.

Затем Бог повернулся к трону, и выражение его лица изменилось. Глаза, только что излучавшие радость, наполнились страхом. Он медленно встал на колени и покорно склонил голову.

Питер понимал, что Бог не может бояться, значит, это всего лишь игра. И Питер принял эту игру. Он изо всех сил замахал обручком хвоста, показывая, что все понимает, а затем повернулся и залаял на яркий свет, окутывающий трон.

Бернард Вульф

ДЕВУШКА С БЫСТРЫМИ ДВИЖЕНИЯМИ ГЛАЗ

Ночью двадцать второго апреля я вернулся из FANNUS¹, где читал лекцию о творчестве Хэмингуэя («Психостатистический анализ переломов у «Папы»). Мой автоответчик передал мне странное сообщение. Звонил Квентин от Кида Немисча и просил связаться с ним в любое время. Выяснилось, что звонить было совершенно бессмысленно, поскольку оставленный им номер был неправильным. Какая-то особа на другом конце провода с плейсидским акцентом сказала, что никакого Квентонина не знает, а если бы знала, то давно отправила бы спать, так как если мой друг похож на меня, то он наверняка замучил бы ее своей детской настырностью. Я ответил, что у нее нет особых оснований считать меня надоедливым ребенком, поскольку той, которой я якобы надоедал своими звонками, было лет триста как минимум, судя по старушечьему голосу. На что она заметила,

¹ Общество романистов «новой волны» (Прим.перев.).

что не так уж стара, чтобы не осознавать, что специалисты по назойливости смогут практиковаться — в чем именно, я не скажу, поскольку я все-таки леди, — если поблизости нет ребенка. Я сказала, что уж если она леди, то Бетти Гейбл — генерал Армии Спасения, и спросил, стоит ли уточнять, в чем она проявляет особые таланты. Мой вопрос мог относиться к любой представительнице ее пола, лежащей спать до девяти. Она ответила, что если бы могла до меня добраться, то показала бы, в чем она сильна. Выдрала бы мой поганный убудочный язык и использовала бы его в качестве подушечки для булавок.

Но довольно об этом разговоре. Я привожу здесь наиболее острые его моменты главным образом для того, чтобы показать насколько Вьетнамский кризис испортил людям нервы. Но вскипеть меня заставил не тон этой старой хрычовки, а, прежде всего, небрежность Квентина, оставившего неправильный номер и срочно просившего позвонить.

Я не стал звонить ему на следующее утро. Я дал ему время до обеда, чтобы он сам почувствовал необходимость позвонить мне. Когда все же любопытство стало нестерпимым, я набрал его домашний номер. После доброго десятка гудков он наконец ответил. Его голос, казалось, исходил из самого нутра, словно из бочки с патокой.

— Гордон, гад, я чертовски хочу спать. Какого рожна тебе надо?

— Ты звонил мне вчера ночью. Вот этого рожна...

Трубка некоторое время молчала.

— Ты псих, я тебе не звонил.

— Хочешь сказать, что у моего автоответчика галлюцинации?

— Может быть, он выдумывает звонки, чтобы у тебя не создавалось впечатления, что ты никому не нужен? А если серьезно, автоответчик действительно сообщил, что я звонил?

— Да, было такое впечатление, что для тебя это вопрос жизни и смерти. Ты оставил номер, чтобы я позвонил тебе. Неправильный номер. В результате я получил кучу оскорблений, сам не знаю от кого.

Прошло еще какое-то время.

— Ты меня обижаешь, Гордон: Я помню, что я звонил в госпиталь «Цедар», мм-мм, и еще в информационное агентство «Таймс», точно. Но ты...

— Вспомни обстоятельства. Где ты был?

— У друзей в Лаурел Кантон. Я тебе рассказывал о них — это группа «Омэн»¹. Слушай, если это имеет отношение к делу, мы были все вдрабадан уже по третьему кругу. Мы так чудесно разлеглись на травке...

— Не хочешь ли ты сказать, что вы валялись в газоне?

¹ «Знамение» (англ.).

— Возможно, это было в Форест Лоун. Возможно, я и сейчас там вдыхаю нежный аромат. Гордон, я буду здорово тебе обязан и даже согласен приплатить деньгами, и немало, если ты перестанешь меня терзать и дашь поспать. Когда ты меня допрашиваешь, это чертовски действует на нервы.

— Я не могу дать спокойно спать людям, если точно знаю, что они, проводя вечер в компании друзей, разговаривали по телефону с «Цедаром» и информационным агентством «Таймс». Особенно, когда узнаю, что эти люди полагают, что я якобы ежедневно бываю в центральном госпитале и у старшего метранпажа. Я проверю, был ли ты действительно пьян, Квентин, и находился ли за городом, если ты не объяснишь мне, что к чему. Зачем тебе понадобилось звонить в госпиталь и газету?

— Вроде, начинаю понимать. А, вон ты куда клонишь! Мы хрустели и щелкали пальцами.

— Само собой, чем же еще вы могли заниматься!

— Слушай, мы сидели, балдели под музыку, слушали диски и вдруг начали щелкать пальцами. Сначала я, потом все остальные. Сначала под музыку, потом просто так. Потом кто-то поинтересовался, что заставляет сустав хрустеть, и мы стали обсуждать это. Это жуткая штука, Гордон. Чем больше мы в это вникали, тем яснее становилось, что мы не так уж и умны, как полагали. Собственные суставы — они и есть собственные, а не Жана-Поля Сартра, к примеру. Мы знаем все о Сартре и ничего о собственных костяшках, у меня зубы выпадут... Гордон, а почему они все-таки хрустят?

— Обычно это происходит, если их резко сгибают.

— Знаю, как это делается, а вот почему хрустят? Слушай, мы так и эдак возились с этим вопросом, а механизма хруста все равно не поняли. Нам стало не по себе. Это все равно что услышать стук сердца до того, как вас предупредили о наличии у вас такого органа. Такое ощущение, будто внутри заседали шпионы, агенты врага. Тут кто-то и сказал, что надо позвонить в госпиталь «Цедар» и спросить кого-нибудь из врачей, кто мог бы объяснить все с профессиональной точки зрения. Но там никто не ответил. И это называется медицинским обслуживанием населения! Если учреждение действительно беспокоится о гражданах, то, как ты думаешь, неужели оно не заинтересовано в предостережении паники? Ты же знаешь, к чему может привести паника в нынешних условиях, стоит ей только возникнуть.

— Поэтому вы решили обратиться в информационное агентство «Таймс»?

— Гордон, у граждан есть право быть информированными, и долг газеты заключается в том, чтобы обеспечивать их информацией. Люди «Таймс» редкие жопы! Они посоветовали нам проспать и заверили, что, когда мы проснемся, нас не будут интересовать ни костяшки,

ни суставы. Такими разговорами обычно прикрывают всю неосведомленность.

— И тогда ты позвонил мне?

— Я?

— Лучше вспомни, пока я не пустил твои хрящи и костяшки на ливерную колбасу, — наверное, правильнее было сказать «на суставную колбасу», но мне было не до анатомических нюансов. — Теперь думай.

— Давай попробуем. Гм-м... Не страшай меня моими костяшками, Гордон, мне это обидно. Тогда произошло еще что-то. Смотри-ка, кажется, начинаю припоминать. Я перепугался до смерти. Меня аж в пот бросило. Кто-то произнес «Gnotli scaaton». Я сказал, что это что-то греческое, кто-то подтвердил, что основой мудрости греческих философов было это самое «Познай себя», а если вы не знаете даже, откуда берется звук при щелканьи пальцами, то о каком познании себя может идти речь. Дальше кто-то сказал, что если ни врачи, ни газетчики не могут нам помочь, и если философы пытаются познать себя, давайте позовем философа. Еще кто-то сказал, что вот Сартр, он философ, но ведь ни строчки не написал о костяшках. Другой заметил, что Сартр — не критерий, экзистенциалисты занимаются отстраненностью, поэтому, естественно, его больше интересовали переломы, а не суставы. Кто-то вспомнил, что в «Yellow Pages»¹ даже под редакцией «Thyselfheln»² отсутствует список философов. Да, точно так оно и было. Ага, верно. Я сказал, что знаю одного философа. Он старше нас и думает обо всем, вникает во все, что касается человека, и довольно глубоко. Кому-то пришлось в голову позвонить, и, мне думается, именно тогда я тебе и звонил. Но теперь это не так важно. Теперь, на мой взгляд, это может подождать. Важно, что ты уже не размахиваешь кулаками, и я могу отправиться спать, пока у меня сердце не схватило.

— Подожди. Уж коли тебе так это интересно, то все дело в синовиальной жидкости.

— Что, Гордон? Синовиа? Гитарист, «Фламенко»? А что с ним?

— Это Сеговиа, а не Синовиа. Кроме того, речь идет о жидкостях, а не о музыкантах. Хруст имеет отношение к синовиальной жидкости.

— Гордон, я не собираюсь торчать у телефона часами и обсуждать какие-то жидкости вплоть до коронарных. Господи! Если я говорю о костях, то нечего переводить разговор на жидкости. Прошу тебя. Я должен поспать, а то скоро начну синеть.

— Вчера ночью вы ударились в панику. Паника может повториться. Лучше бы ты меня выслушал. Синовиальная жидкость — бесцветная вязкая смазывающая субстанция. В ней содержится слизистое веще-

¹ Yellow Pages — досл. «Желтые страницы». Издание типа «Кто есть кто».

² Thyselfheln — доп. вариант издания «Справочник».

ство. Жидкость отделена от всего остального синовиальными мембранами, суставными сумками, оболочками сухожилий. Их функция в предотвращении выброса жидкости из зазоров при работе суставов. Эта жидкость находится не только в суставах пальцев, но и в коленях, локтях, бедрах и так далее.

— Гордон, ради бога, какое имеет отношение эта жидкость или ей подобное к хрусту, о котором я говорил?

— Этого я не знаю, Квентин.

— Ну вот!

— Под таким углом я этот вопрос еще не рассматривал, так как думал о другом. Я говорил только о том, что если ты всерьез относишься к высказыванию «Познай себя», то должен знать о существовании такой жидкости в своем теле. Эта самая сокровенная твоя смазка, основа основ.

— Ты грязный, испорченный, ничтожный, вонючий...

Если принять во внимание, что мы теперь квиты, а также мое самонадеянное объяснение работы суставов, свидетельствующее, кстати, о том, что я сам о себе знаю слишком мало, ибо даже и не подозревал, что располагаю подобной информацией, если все это принять во внимание, то казалось логичным закончить разговор.

Я знал Квентина в его лучшую пору, как принято говорить, но я бы так не сказал, потому что та пора, когда вы имеете дело с Квентином, независимо, на какие месяцы оно приходится, лучшей отнюдь не является.

Остерегайтесь доброжелателей. Зачастую это люди, которые делают любое добро себе, злоупотребляя вашей любезностью, а расплачиваются с вами уже после вашей смерти, перечисляя на ваше имя кучу денег. Я думал, что именно такие доброжелатели после двадцати лет моей писательской деятельности предложили заняться обучением писательству молодежи. Все считали, что я должен контактировать с новым наэлектризованным поколением. И никого не интересовало, что это нарушает мою личную неприкосновенность.

И я послушал их. Когда мне предложили читать лекции по литературному творчеству в Сантана Стэйт, недалеко от Лос-Анджелеса, согласился. Но получилось, что я читал свои лекции по литературному творчеству с нуля, а не просто по творчеству. Некоторые студенты изучали курс ради развлечения так же, как могли бы заниматься гимнастикой, народными танцами или плаванием. Другие много сил тратили на тщательнейшую проработку произведений Джойса, Хэмингуэя, Кафки, Денли, Томаса Дилана, не говоря уже об О'Генри и Альберте Пейсон Терне.

Квентин приехал в Сантану из Нью-Йорка после того, как его исключили из четырех восточных университетов. В одних случаях за соблазнение девушек, в других — за попытку изготовить ЛСД в учебных химических лабораториях. И был исключением из остальных

слушателей курса. Его не интересовало сочинение для развлечения, единственное, что его интересовало, это сочинение с целью получения денег. Он не собирался заниматься подражанием мастерам прозы. Его вообще проза не занимала. Он начал приносить мне, и много, текстов для рок-музыки.

Квентин дружил с музыкантами, играющими психоделический рок, и сочинял тексты для одной из групп. Если тексты получались, то ему платили. Две его песни уже были записаны на пластинку, но сенсации не произошло. Он объяснил это тем, что придерживается моей методики сочинения текстов для рок-музыки. Обвинил меня в том, что я преднамеренно углубляю пропасть между поколениями. Я в свою очередь заявил, что даже если «рок-стихи» и не противоречивы в плане изложения, я не признаю упорядоченный лиризм, особенно сопровождаемый электронной музыкой.

Квентин решил, что я философ космических масштабов, так называемый авторитет, а стало быть, и самый подходящий советчик по части «рок-лирики».

Лирика — это слово, не так ли?

А я в этой области специалист, так?

И что из этого следует? Почему бы мне было не помочь ему усовершенствоваться с тем, чтобы он мог увеличить доходы, несмотря на свою посредственность и всякие разные налоги.

Чтобы продемонстрировать всю грандиозность проблемы, которую он воздвиг передо мной и литературой, не говоря об английском языке вообще, я приведу одно из его творений. Оно называется «После того, как ты сложишь в мешок все свои невзгоды, не посылай это старье» — и звучит следующим образом:

Огонь спустился с гор,
И пламя охватило твой дом и скарб.
Огонь спустился с гор
И сжег дотла твой дом и скарб.
Да, тот огонь спустился из высокогорной страны
И сжег все твое имущество.
А ты улыбаешься, улыбаешься, улыбаешься.
Но если ты не перестанешь улыбаться
После того, как соберешь все невзгоды в старый мешок,
Тогда зачем же ты вообще их мне отправляешь?
И не оставишь ли ты всю эту гадость в багажном отделении?
Зачем ты посылаешь это именно мне, а?
Жулик забрал все твои деньги,
Наглец увел у тебя жену.
Жулик скрылся от суда с твоими деньгами,
А наглец не стесняется с твоей женой.
Болтун удрал с твоими сбережениями,
Наглец попользовался лучшей твоей половиной,
А теперь можешь улыбаться нам, улыбаться, улыбаться.
Изобрази-ка что-нибудь иное на своем лице.

— Взгляни, как бы все это подработать? — спросил Квентин однажды вечером, показав мне свое творение.

— Лучше всего спали это первым же огнем, который спустится с гор. Если он сам не спустится, поднимись за ним.

— Послушай, я действительно слышу здесь свой голос.

— Я бы сказал замирающий хрип. Я считаю, что это твоя лучшая интерпретация Озарка. Полагаю, что это могло быть почерпнуто в сказках дядюшки Римуса, со стародавнего Юга или из Бруклина, не скажу точно.

— Здесь очень мало и от того, и от другого.

— Квентин, даже если и мало, то все равно чувствуется. Горец из Кентукки, негр, поющий на местном диалекте под звон гитар. Это не голос, это глоссолалия. Говорят, что это чувство языка, но для тебя — проклатие. Почти все твои языки нужно еще связать воедино.

— Господи, может быть, эти звуки я и не слышал за семейным столом в Силкстокинг Дикстрит, но зато слышал их на пластинках, а пластинки — часть моей среды, моя же среда — часть меня самого. Вы считаете меня снобом? И полагаете, что только члены юниорской лиги и биржевые маклеры изъясняются правильно?

— Вот сейчас, Квентин, ты выражаешься больше как житель Силкстокинг Дикстрит, чем как помесь портового грузчика, сборщика хлопка и самогонщика. А жители Силкстокинга¹, так же как и Лэзастокинга², имеют право на место под солнцем лингвистики.

— Мистер Рэнгз, посудите сами, когда я говорю только с одним человеком, то и выражаться должен как один человек. В песенной лирике ты разговариваешь со многими различными людьми. И весь фокус здесь в том, чтобы быть демократичным и разговаривать с ними их языком.

— И все они никогда не поднимались выше жителей трущоб?

— А почему бы тебе не обращаться также, скажем, к выпускникам колледжей? Смотри-ка, за всем этим стоит целая теория. Как правило, в так называемом плавильном котле все плавится совсем не так, как предполагалось. Пора бы дать, по крайней мере, возможность стать разговорным языкам и стилям немного мягче.

— Смягчение — это одно, а дробление — совсем другое.

— Я знаю, что вещи при плавлении переходят в жидкое состояние. А для того чтобы их раздробить, нужно, чтобы они были твердыми. Ты путаешь жидкость и кости, ты бы лучше оставил этот разговор, мистер Рэнгз.

— Квентин, если ты не перестанешь донимать меня своими сумасшедшими стихами, то увидишь самое натуральное смешение жидкости и костей. Этот minestrone³ сейчас смешается с твоим черепом.

¹ Silkstocking — дословно «шелковый чулок».

² Leatherstocking — дословно «кожаный чулок».

³ Название напитка.

Тогда мы сидели с ним в «Доме Гноши», кошмарном заведении итальянского типа на бульваре Санта-Моника в Голливуде. Это заведение нельзя было назвать ресторанчиком или вообще каким-либо пунктом питания. Водопроводные краны текли, а есть приходилось чуть ли не руками.

Квентин настоял, чтобы мы посетили его любимое местечко, чтобы потолковать о литературных проблемах, которые невозможно было обсудить надлежащим образом в учебных аудиториях.

— Создается впечатление, мистер Рэнгз, что вы не пользуетесь современной языковой мешаниной, которая скрывается за пропастью меж поколениями.

— Ты не смешиваешь слова, Квентин, а просто заменяешь одно другим. Давай разберем твое последнее выражение. Как можно скрываться за пропастью? Это все равно что скрываться за пустотой или найти спасение в пустоте.

— Пустота. Ты доказываешь то же, что и я. Что такое пропасть? Если следовать определению, то не что иное как ров. А ров — нечто такое, в чем ничего нет: ни вещей, ни людей. А если там никого нет, то там некому тебя увидеть, то есть ты можешь там спрятаться, скрыться.

— Логично, Квентин. Только если вокруг никого нет, то какой же смысл прятаться?

— Я хочу сказать, что если людей нет в канаве, то они могут оказаться по обеим ее сторонам.

— В этом случае канава должна быть очень широкой, миль, скажем, десять шириной. Тогда в ней можно спрятаться.

— Если ты будешь так ковырять эту несчастную канаву, она никогда не будет десять миль шириной.

— Квентин, какими бы ни были размеры канавы, спрятаться за ней невозможно. В ней — пожалуй.

— Я не могу с этим согласиться, мистер Рэнгз. Если в лесу падает дерево и никого нет, чтобы это услышать, то есть ли вообще звук падения? Это философия, не отрицай. Аналогично, если ты используешь канаву для того, чтобы спрятаться в ней, и то тебе удастся, значит никого, кто мог бы тебя увидеть, поблизости нет. Некому знать, где ты: в канаве, за ней или под ней.

— Если муха плавает в суповой тарелке в десяти милях от тебя, Квентин, то она именно в супе и находится, а не за ним, и не под ним. Я уж не говорю об этом пойле, которое передо мной, это даже не суп, а раствор, в котором купают овец, чтобы блохи не заводились.

Потом мы пили баблаглион, напоминающий по вкусу освежитель для помойного ведра. И тут Квентин вдруг заявил:

— Моим стихотворением «Запах моего тела»¹ интересуются музыканты группы «ОМЭН».

¹ Meh Oun Tahg — мой собственный резкий запах.

Я заметил, что даже и не подозревал, что он написал песню, превозносящую запах собственного тела. Квентин ответил, что он время от времени обращается к накопленному им багажу познаний в области лирики, и там, в этом багаже, есть одна статейка на эту тему, к которой, кстати, постоянно обращается сэр Эрмунд Гиллари...

Я прервал его:

— Кроме того, когда речь идет о предмете в единственном числе, в данном случае о «Знамении», то необходимо и глагол употреблять соответствующий, то есть единственного числа. Повторите-ка правила склонения существительных в единственном и множественном числе.

Тогда он взялся мне втолковывать, что хотя слово «ОМЭН» и стоит в единственном числе, но обозначает оно несколько человек, поскольку это название рэгги-рок группы, использующей также и фольклорные мотивы, но, в основном, работающей в стиле рэгги... и что играют они на гитарах и табулах.

До меня стало доходить, что среди групп такое поветрие использовать в названиях имена существительные, нарицательные, в единственном числе, такие, которые символизировали бы коллективизм. Это мне показалось любопытным. Со временем это могло бы привести к созданию нового словаря собирательных имен: «Самолет лихих пройдох», «Акционерное общество отщепенцев», «Благодарное умолчание тамбуринистов», «Круговая чаша шизофрении».

А сейчас мы, похоже, должны были проглотить новое, еще более настораживающее «Знамение волосатиков».

— В нашем споре мы забываем, что хоть эта песня основана на подражании, но в результате получилось нечто новое, а именно — что-то вроде плача.

— Может быть, ржание? Для тех, кто знает ту старую песню, которую ты переиначил?

— Ты ее знаешь?

— Нет, не знаю.

— Не ври, ты ведь только что ее упоминал.

— Это была пустая болтовня.

— Ты хочешь сказать, что у тебя нет предрассудков против тех, кому меньше тридцати? Ну что ж, давай посмотрим, что ты скажешь о стихах, в которых нет языковой мешанины. Вот, читай.

Он сунул мне листок, испещренный каракулями. Как я ни старался, но мне удалось разобрать всего два отрывка:

...представьте, что однажды
придет спаситель к вам,
и поведет по лестнице,
указывая путь.
Его имя — Мао.
Готовы ли мы идти?

И еще:

Если дьявол — огонь,
то как же жарко на седьмом небе?

— Мне трудно вникать в политику и теологию на больной желудок, — сказал я. — По-моему, от заблаглиона у меня возрос птомоин.

— Птомоин, — встрепенулся Квентин. — Замечательное слово. Оно наводит меня на мысль создать шуточную песню про туристов, которые едут куда-нибудь в Испанию. Вот, послушай: «Птомоин в Испании падает дождем на...»

После всего этого, да еще учитывая резь в желудке, самое время было отправиться в мужской туалет.

После такого начала обеда, быстро приведшего нас в самые кошмарные птомоиновые районы Испании, Квентин поинтересовался, можно ли ему продолжать учебу в моей группе во втором семестре. Я отказался категорически. Хотя он и научился совершенно потрясно работать со словами, но ни созданием литературных произведений, ни английским языком заниматься не мог. А именно в этих областях я и был специалистом.

Квентин не возражал. Он только сказал, что, может быть, ему имеет смысл заняться тем, в чем я не компетентен, тогда он поможет мне в этом разобраться. На что я ответил, что отдал своей профессии так много, что менять что-либо уже поздно. Квентин решил, что он тоже не может кое от чего отказаться. Это значит от меня.

Когда семестр закончился, он продолжал приходить. Теперь он не мог встречаться со мной в университете, зато почти регулярно появлялся у меня дома со своими виршами. Однажды я высказался в том смысле, что его стихи рассчитаны на малолетних соплюх с птичьими мозгами.

Он разъяснил, что группа «Birds»¹ сама пишет для себя, а он старается для групп «Знамение», «ОМЕН». И я понял, что это «Знамение» было во мне, теперь оно занимает главное место в моей жизни и избавиться от него невозможно. Знамение в лице Квентина, неумолимое, зловещее и с песней на устах.

Спустя несколько дней после разговора о костяшках и звуковых эффектах зазвонил телефон.

— Хэлло, это мистер Рэнгз? У вас случайно нет Ивара?

Голос показался знакомым, хотя было плохо слышно. У меня немедленно занял язык.

— Ивар?

— Это мистер Гордон Рэнгз?

¹ «Birds» — птицы.

— Да, но никакого Ивара здесь нет. Я не знаю никого по имени Ивар. Если хотите, я даже горжусь этим.

Я потрогал пальцами кончик языка, словно хотел его вытащить. Это произвольное движение еще более расстроило меня. У меня не было никакого тика, вообще не было причин высовывать язык. Все этот чертов разговор. В голосе девушки слышались скверные нотки, и через пальцы это передалось моему языку.

— Мистер Рэнгз, здесь какая-то путаница. Ведь это вы преподаете в Сантане? Вы хороший знакомый того парня, которого я пытаюсь найти, его единомышленник, соавтор.

— Соавтор? По чему?

— Конечно же по поэзии вместе с ним. Вы пишете замечательные стихи. Вы знаете?

— Стихи? Какие еще стихи?

— Для тяжелого рока, фолк-рока, кантри, джаза, соула, лирику и все, что потребуется.

— Начинаю понимать. Вы ищите Квентина Сэкли?

Пауза.

— Как вы сказали? Квентина? А? Я не знаю никакого Квентина.

Тут я так разозлился, что прикусил язык. Теперь я вспомнил этот голос.

— Мисс, у меня нет никаких дел с Иваром, у меня нет ничего общего с Квентином Сэкли. Время от времени, когда он пристает ко мне, как псих с пистолетом, я тычу его носом в слабые места в его опусах.

Снова пауза.

— Мистер Рэнгз, вы не могли бы описать этого Квентина?

— Пожалуйста. Рыжеватые волосы, падающие на глаза. Немного смахивает на питекантропа в уменьшенном виде. Решительная походка. Слегка сутулый. На правой щеке родника. Пожалуй, трусоват. Сочиняет тексты для группы «ОМЭН». Кроме того...

— Это Ивар. Провалиться мне на этом месте, это он!

— С удовольствием присоединюсь к вам, если будет, куда провалиться. Зачем вам Квентин?

— Он должен был спать со мной. Мы договорились встретиться ровно в три, а он не появился. А меня все спрашивают.

— Все? И много их?

— Как обычно. По крайней мере их человек шесть. Они уже час ждут, когда мы начнем. Они не любят сидеть без дела.

— Кто? Я не понимаю, где вы разузнали мое имя?

— Ивар, или Квентин, много рассказывал о вас и о том, как вы помогаете сочинять стихи. Я знала, что вы преподаете в Сантане. Сейчас я в Калифорнийском университете и, естественно, позвонила в канцелярию, а у них есть справочник факультета в Сантане.

— Вы в Калифорнийском университете? И там собирались встретиться в Квентином?

Я вспомнил о синовиальной жидкости. Где-то в подсознании всплыла гитара фламенко. Нет, не гитара, ситар.

— Разумеется. Мы это всегда делали здесь. Больше нигде не получится. Именно здесь есть вся необходимая аппаратура. Короче, вы не знаете, где он сейчас может находиться?

— Не знаю. Возможно, он нашел какое-нибудь другое место, где есть подходящая аппаратура.

— Вряд ли, мистер Рэнгз. Такой нигде больше не найдешь. Как только он даст о себе знать, скажите ему, чтобы он немедленно позвонил в «Слип Прожект». Это очень важно. Он срывает весь график.

— «Слип Прожект». Конечно. Мне жаль ваш график.

— Мистер Рэнгз, я знаю, что это нахальство, но вы не могли бы кое-что для меня сделать?

— Конечно, мисс. Вы хотели бы войти в график, это естественно, но у меня завтра трудная лекция, и нужно к ней подготовиться. Она касается количества типов сломанных костей, упоминавшихся в собрании сочинений Хэмингуэя. Вы знаете, что только в его первых сорока девяти рассказах двадцать раз речь идет о физических увечьях. В пяти случаях о повреждениях ног, в пяти — руки, в четырех — паха и так далее.

— Нет, я хотела бы вас попросить просто произнести несколько слов. Я начинаю кое-что припоминать об имени «Квентин». Будьте любезны, спросите «Хэллоу, можно Квентина?»

— Сначала скажите мне вот что: «Сопляк-недоносок; грязный дегенерат; выдери свой язык; подушечка для булавок...»

Возникла самая длинная пауза, во время которой слышно было только учащенное дыхание.

— Меня трижды выдерут. Это вы звонили мне вчера ночью.

— Вам триста лет.

— Когда я просыпаюсь после глубокого сна, то говорю как шестисотлетняя. Я выматываюсь на классных занятиях, потом часами бываю в «Слип Прожект». К обеду я уже чувствую себя разбитой. Поэтому после обеда я иногда принимаю таблетку и заползаю в постель. Извините, что я так грубо с вами разговаривала, мистер Рэнгз. Я понятия не имела, с кем говорю. Вы можете мне поверить. Кроме того, я никогда не слышала ни о каком Квентине. Я знала парня по имени Ивар Налид. Минуточку. Откуда у вас взялся мой номер телефона? Почему вы звонили мне и требовали найти его под любым именем?

— У меня была запись. Он просил, чтобы я ему позвонил. Номер оставил ваш.

— Это действительно забавно, мистер Рэнгз. Во-первых, он никогда у меня не был, во-вторых, я никогда не давала ему свой номер,

хотя, видит бог, он у меня его не раз спрашивал. Но я плохо знала его, так, иногда видела в «Слип Проект», разговаривала о рок-поэзии, вот и все. Мой номер не внесен в справочник, а мои друзья никому его не дают. Они знают, что я не люблю, когда лезут в мою частную жизнь. Это рок.

— Да, скажите мне, вы никак не могли всплыть в памяти в связи с мыслью о хрусте суставов пальцев? Мисс... боюсь, что не знаю вашего имени.

— Виктория Пэйлоу, мистер Рэнгз. Вики. Так что там на счет суставов?

— Мог ли Квентин как-нибудь связать вас с хрустом суставов, Вики? Именно этот вопрос его занимал, когда он оставил ваш телефон.

— Суставы. Мальчишка. Этой дурью занимаются в верхах, там, где приятно ходить в котелке. Я никогда не разговаривала с ним о суставах, по крайней мере, специально, честное слово. Я никогда ничего с ним не обсуждаю. Единственное, что мы делали вместе — это спали. Но, вообще-то, я припоминаю, что как-то видела сон, в котором что-то было о хрусте пальцев. И, может быть, не один. Я его почти забыла, но щелкающие, громкие звуки, похожие на пистолетные выстрелы, помню. И то, как они пугали меня. Но как мысль о суставах могла возникнуть у Ивара... Квентина? Наверняка не из моих снов. Ведь правила, а они довольно строги, не разрешают нам обсуждать свои мысли. Ну, ладно. А вы догадываетесь, почему у него два имени, мистер Рэнгз?

— Нет, но это можно выяснить. Почему он посещает университет в Сантане под одним именем, а спит, принимает участие в исследованиях Калифорнийского университета — под другим?

— Это смахивает на утонченное безумие, мистер Рэнгз. У вас есть относительно этого какие-нибудь предположения?

— Трудно сказать, Вики. Может быть, в его суставах маловато жидкости, и он постоянно об этом думает.

— Нет, это надо прекратить. Это сумасшествие. Кто-то хочет, чтобы я тоже свихнулась.

— Вики, я сказал что-то, что вас расстроило?

— Эти жидкость и кости, они доведут меня до белого каления. Ведь мне снятся сны на эту тему. Я не могу сейчас вспомнить какой-нибудь из этих снов, но они иногда мне снятся. Рассказывать содержание наших снов вообще против правил. Тогда как до него дошел один из них? Если где-то в моем подсознании засела вся эта чепуха, то как туда проник Квентин? Я клянусь...

— Если я что-нибудь узнаю об этом, Вики, непременно тебе позвоню, у меня есть твой номер.

На следующий день после ленча в дверь позвонил Квентин. Он принес очередные стихи. Я пригрозил ему, что отошлю всю его писа-

нину в разведуправление, если он не объяснит мне, что означает имя Ивар Налид. Объяснение трудно было назвать простым, и оно не поддавалось анализу.

Видите ли, Ивар — это не что иное как Рави наоборот, в честь Рави Шанкара. А Налид — это Дилан наоборот, в честь Боба Дилана, а отнюдь не Дилана Томаса. Квентин все свои песни подписывал этим именем. Он боялся, что если его семья узнает, что он таким способом сколачивает состояние, то часть его доходов отберет папаша. Квентин придерживался той точки зрения, что любая семья, и его тоже, полагает, что ежели их сын занимается искусством, то его доходов хватает не только на хлеб с маслом, но на хлеб с маслом да еще и с соусом. Хлеб, намазанный маслом и политый соусом.

Я попытался понять, при чем здесь его доходы, и зачем для их сохранения надо выдавать себя перед Викторией за Ивара Налида.

Он начал объяснять, запинаясь, рассматривая свои ногти и мяля что-то невразумительное.

— Ты говоришь Виктория Пейлоу?

— Верно.

— Что ты хочешь, чтобы я объяснил, Гордон?

— То, что она знает тебя как Ивара и спит с тобой в Калифорнийском университете, а в это время шесть человек наблюдают за вами. Кроме того, используется масса всяких приборов.

— Где ты встретился с Вики, Гордон?

— Она звонила сюда вчера. Искала тебя. Нужно научиться быть точным, когда имеешь дело с противоположным полом, Квентин. Если назначаешь свидание и не появляешься, они беспокоятся. Беспокоятся и те, кто заинтересован в том, чтобы это свидание состоялось.

— Черт возьми, я же заходил и просил секретаршу передать, что не смогу быть. Она, наверное, забыла их предупредить. У «Знамения» была репетиция, и я должен был присутствовать на случай, если придется срочно переделывать текст. Послушай, почему, разыскивая меня, Вики звонила тебе?

— А с чего бы она стала искать тебя дома, если считала, что ты сочиняешь стихи с соавтором?

— Соавтором?

— Она совершенно определенно считает, что я выполняю в твоей жизни именно эту функцию, Квентин.

— Я никогда так не говорил, Гордон, честное слово. Я сказал только, что ты редактируешь мою чепуху. Мне очень неловко, что она побеспокоила тебя.

— Ей надо объяснить все как есть, Квентин. Надо сделать так, чтобы она поняла, что я никогда не был твоим соавтором и, более того, ты просто меня донимаешь своими виршами. Необходимо выяснить две вещи. Во-первых, почему ты оставил ее номер, чтобы я по-

звонил по нему именно Квентину, хотя она знала тебя как Ивара, а во-вторых, что там такое с этой «Слип Проект».

— Кто оставил номер Вики, Гордон? Ты что, совсем спятил?

— Я хочу, чтобы ты поднапряг память и вспомнил подробности той самой ночи, когда вы обсуждали хруст в суставах. Ты оставил номер Вики. А Вики сказала, что она никогда не слышала о Квентине, и это чистая правда. К чему эта несуразица?

— Силлогизм, серенада, свитер. Это бездельник. Я был зол. Вот в чем дело. Должно быть, просто забыл, что она знала меня как Ивара. Неудивительно, что ты решил, будто это неправильный номер. Теперь я понял, что ошибся, потому что был зол. Вообще, было ошибкой оставлять этот номер. В подсознании у меня вертелась мысль пойти к ней домой, вот в чем дело. Я щелкал пальцами, нервы мои были на взводе. Что-то подталкивало меня пойти к Вики, только не знаю что. Скорее всего, именно щелканье суставов, вот что. Я думаю, что был доведен до такого жуткого состояния, что решил, будто уже у нее, а не просто собрался туда идти. Перепутал желание и результат, поэтому я и оставил ее номер, даже не соображая, что делаю. Я действительно собирался поехать туда, а вместо этого отрубился.

— Где ты узнал ее адрес и номер телефона? Она сказала, что не давала их тебе, а в телефонном справочнике ее нет.

— Не в телефонной книге, нет. В ее личном деле в «Слип Проект». Я давно собирался навестить ее. Глаз на нее положил, строил грандиозные планы. Кое в чем признаюсь: меня так допекло, что однажды слонялся я по «Слип Проект», а секретарша куда-то вышла. Ну я и заглянул туда, где хранятся личные дела, отыскал дело Вики и запомнил наиболее существенные моменты ее биографии. Тут все не так просто. Я должен объяснить тебе ситуацию в целом. Все началось в «Слип Проект».

— Мне лучше знать все с самого начала. Попробайся рассказать все подробно, не исключая таких деталей, зачем им вообще понадобился секретарь.

— Ты ничего не знаешь о «Прожекте», Гордон? Тогда тебе все равно будет непонятно. Именно там, в «Прожекте», я встретил Вики. Они узнали, что мы по какой-то причине хорошо спим на пару, и включили нас в свой график, правда, не объяснили, почему. Я назвался там Иваром Налидом по той же причине, по какой подписываюсь этим именем под своими песнями.

— Давай посмотрим, правильно ли я себе все это представляю. Тебе за работу в «Прожекте» платили?

— Конечно, Гордон, иначе зачем бы я тратил на все это время? У меня была, конечно, приличная почасовая оплата, как и у Вики. Я решил, что если уж я там зарабатываю деньги, то лучше делать под псевдонимом, чтобы мой старик не пронюхал об этом и не стал требовать свою долю наличными. Слушай, сейчас мне надо бежать. Необ-

ходимо быть в «Прожекте». Как насчет того, чтобы пойти со мной и посмотреть все самому? Тебе это не покажется диким, а? Доктор Вольфанд любит посетителей. Это совершенно новый подход к смыслу человеческой жизни, Гордон. Вот смотри, это делается каждый день, но ничего об этом не знаешь. Вроде щелканья суставов. Это потаенный процесс, и ты не представляешь, как он протекает. Все это изучается в «Прожекте». Они проникают в глубину процесса и открывают человеку глаза на то, что в нем самом происходит.

Конечно, надо было идти с ним. Между Квентином и Вики существовало бессознательное взаимодействие, возможно, не такое, как хотелось ему, но большее, чем хотела она. Они образовывали что-то вроде сэндвича, причем очень болтливого сэндвича, странным образом втиснутого в мою жизнь. А моя жизнь с любой стороны была открыта всем и каждому. Я чувствовал необходимость влезть в самую кухню этого сумасшедшего дома, почему-то получившего название «Слип Проект». В ту самую кухню, где сварганили этот сэндвич. Чтобы уяснить всю картину, я должен докопаться до сути стихотворения Квентина «Mah Out Tang» и последовать за ним на любое по счету небо, даже если температура там не поднимается выше семи градусов. Если бы его звали Мао, то и тогда мне пришлось бы последовать за ним.

Пока мы ехали, Квентин рассказал мне кое-что о Виктории Пейлоу. Студентка последнего курса исторического факультета Калифорнийского университета, она работала над диссертацией по садомазохистским аспектам колдовства позднего средневековья, демонологии, алхимии. Хорошо играла на гитаре. Она везде носила ее с собой и исполняла для собственного удовольствия песни «ОМЭН». Она очень любила эти песни, особенно лирические, написанные им, Квентином, или, вернее, Иваром. Ей так нравились эти стихи, что можно себе представить, какую глубокую страсть она испытывала к Ивару и лишь пыталась прикрыть эту страсть, не давая ему своего телефона.

Было очень приятно засыпать рядом с ней. Более того, самые волнующие сны Квентин видел именно в «Прожекте». Кроме того, Вики была более импозантна, чем королева Марго.

— Квентин, та ночь, когда вы прищелкивая пальцами... — осторожно начал я. — Насколько я помню, ты говорил, что ты начал это делать, а потом присоединились и другие?

— Да, все именно так и было.

— Ты помнишь, почему начал это делать? О чем ты думал, когда начал щелкать пальцами?

— Мне кажется, я думал о Вики. И все эти дни я думал в основном о ней.

— А ты можешь вспомнить, что именно ты о ней думал?

— М-мм... По-моему, я думал о ее юбке. Она ходила в «Слип

Прожект» в мини-юбке. Это даже не мини, мини-юбка, какой-то фигурный листик, едва-едва прикрывающий то, что следует. Я думаю об этой юбочке постоянно. Об этой юбчонке, чуть прикрывающей попку. Я думал о ней и тогда: как только такие юбки не запрещаются законом, потом, что неплохо бы добыть ножницы, потом мысленно стал подрезать юбку. Да, последовательность была именно такая. Я отрезал по кусочку и что-то бормотал, думая при этом, обрати внимание, о стихотворении «La Brea Tar Pits»¹, полагая, что оно должно называться «La Brea Arm Pits»², и посмеивался про себя. И вдруг я услышал тот голос. Ее голос. Разумеется, мне это почудилось, вспомни, я был в отрубе и лежал на траве. Голос звучал громко, глубоко и напористо. Глубже, чем оперный бас. Голос сказал: «Режь дальше, а я дам тебе по рукам и твои суставы превратятся в кисель». Так и было сказано. Сначала голос пообещал этот самый кисель, а потом добавил: «Давай, волочись за мной, и я переломая тебе сначала пальцы, а потом и все кости». Теперь уже грозили переломами. Когда я это услышал, то бросил воображаемую юбку и воображаемые ножницы. И все из-за этого воображаемого голоса, угрожающе грохотавшего у меня в ушах. Я уверен, что именно тогда и начал щелкать пальцами. Слушай, хорошо, что ты спросил меня, теперь многое прояснилось. Не удивительно, что я испугался этого хруста. На самом деле, я испугался угрозы.

— Итак, ты хочешь сказать, что этот нервный хруст начался в результате грез о Вики?

— Гордон, я не хочу сказать, а уже сказал.

Мы некоторое время ехали молча.

— Квентин, ты обратил внимание, что мы все время разговариваем о всякого рода жидких субстанциях да о костях?

— Не знаю. Об этом много болтают. Ведь эти штуки присутствуют в жизни каждого.

— Я бы заметил, что в твоей жизни больше, чем в чьих-нибудь еще. Тебе надо, чтобы жидкости — это было одно, а кости — другое. И тебя раздражает, когда люди их смешивают. Я говорю об этом потому, что только ты вспомнил о том голосе, как сразу вспомнил, что тебе пригрозили превратить суставы в кисель. Сама мысль превращения костей в жидкость привела тебя в ужас. Я думаю, что это главное. Ты как-нибудь связываешь это с Вики?

— Это абсурдная чепуха, Гордон. Правда, в голосе Вики звучала угроза, но ведь это были галлюцинации, голос звучал у меня в голове, а не вне меня.

— Тоже верно. Но ведь именно ты вкладывал воображаемые слова в уста Вики. Автором был ты, но ты поставил эти слова в кавычки и приписал их Вики.

¹ Запах смоляных ям.

² Запах подмышек.

— Гордон, не знаю, куда ты клонишь, задавая мне подобные вопросы. И все же, какое все эти твердые и жидкие штуки могут иметь отношение к Вики?

— Я не знаю, Квентин. Но попрошу тебя перестать хрустеть пальцами и взяться за руль, пока ты не угробил нас обоих.

Научность — не для меня. Все то, что называется Законами Природы, я воспринимаю как досужие домыслы. Вот говорят, что наполненный горячим воздухом шар поднимается вверх согласно закону Бойля, какой-то гравитации и тому подобное. Я считаю иначе, что наш шар поднимается из-за подпитки солнечной спермой. Как я додумался до этого? Моя собственная голова, из нее Солнце так сильно сосет энергию, что приходится почти все время напрягать шейные и плечевые мускулы, чтобы удержать ее там, где положено. Медики говорят, что это невротическое напряжение, а я считаю, что это нормальное желание не дать организму развалиться. Иногда мигрень, вызванная постоянным мускульным напряжением, даже полезна. Эта голова просто дает мне знать доступным только ей языком, что она помогает мне преодолеть космический саботаж. Вспомните, как необычно ведет себя вода при температуре ниже тридцати градусов по Фаренгейту¹. Меня всегда поражала та эмоциональная, хотя и болезненная реакция на неприятное воздействие. Словно бы отчуждение в некоторых случаях прогрессирующей шизофрении.

Таким образом, если наука делает упор на материю, то искусство — на способ исполнения. Вероятно, это для вас не ново.

Дело в том, что я не понял, куда же меня привел Квентин. Большая центральная комната была опутана проводами и кабелями, тянувшимися от настенных пультов с вращающимися барабанами и дисками. От этой комнаты отходил целый ряд небольших закутков, видных через стеклянные стены. В каждом стояла кровать и стол с пишущей машинкой. На некоторых кроватях лежали люди. Мужчины и женщины. Все они спали. К телам и головам были подключены контакты. Технический персонал в белых халатах сидел в главной комнате и следил за электрическими приборами, считывая данные, поступающие от спящих. В одной комнатухе сидел мужчина в пижаме. Он только что проснулся и торопливо печатал.

Квентин объяснил мне, что это был Центр Сна, где всесторонним и доскональнейшим образом изучались критические моменты жизни человека — его сны.

Квентин объяснил мне также, что лишь в часы бодрствования люди позволяют себе отличаться друг от друга. Они могут быть

¹ 0° по Цельсию

разных национальностей, у них может быть разный цвет кожи, различные политические взгляды, привычки, место жительства. Все остальное время они были как один. То есть они спали, и спали одинаково.

Вы можете возразить, что сны различных людей едва ли можно привести к общему знаменателю: Но они универсальны. Солнце различает людей друг с другом и с самим собой. Но ночью возникает огромный союз людей. Ночные союзы. Человечество может открыть себя и утвердиться в качестве истинной физиологической обязанности, лишь закрыв глаза. «Слип Проект» собирался доказывать людям их взаимозависимость, исследуя природу сна человеческой расы. Нам хотели явить картину прочного единого мира, используя при этом не самого удачного союзника — Морфей с двумя правыми руками, друзьями-подручными — снотворным и гипнозом. Впервые бы мы открыли наши глаза в Танатополисе. В конце пути мы отказались бы от прежних фальшивых богов и полностью доверились Его Величеству Сну, обворожительным мгновениям Дремы, длящимся вечно. В общем, что-то в этом роде.

Квентин горел желанием сочинить об этом песню. Я с трудом следил за его рассказом, буквально засыпая.

Во время этой импровизированной лекции к нам присоединился главный психолог. Он подтвердил все, что мне сообщил Квентин который здесь, однако же, был уже не Квентином, а Иваром и являлся чемпионом лаборатории по сну. Хотя иногда излишне поэтизировал свою работу. Квентин нас представил. Это и был доктор Джером Воланд. Пухлый коротышка с черными как смоль волосами, одетый в накрахмаленный халат, он тем не менее вел себя в жесткой директорской манере.

Доктор Воланд поздоровался со мной отнюдь не сонным голосом. Он набрал в грудь так много воздуха, что, казалось, из нагрудного кармана халата вот-вот посыплются на пол все ручки фирмы Пентел.

— Гордон Рэнгз! — воскликнул он. — Нет! Не может быть!

— Мне хотелось бы, чтобы мне прежде всего объяснили, что к чему, — ответил я.

— Гордон Рэнгз! Как вовремя!

— Может быть, мне удалиться, пока вы не успокоились?

— Нет! Фантастика! Я же прочитал все, что вы написали!

Квентин-Ивар решил, что сейчас самое время вставить какую-нибудь пакость, а не просто уйти, как подобает истинному чемпиону.

— Доктор, если это единственное, что вы читали, то вам крупно повезло.

— Я серьезно, мистер Рэнгз, — сказал Воланд. — Фактически именно ваша книга «Факты и домыслы» подтолкнула меня к занятиям психологией.

Мне неприятно было даже подумать о том, что он, изучая психо-

логию, пытался понять, что же заставило его читать мои произведения. Квентин объяснил все на свой манер.

— Я понял вас, доктор. От той книги вас клонило в сон, и вы, чтобы не уснуть, занялись психологией сна.

— Нет, работы этого человека не давали мне уснуть даже ночью, — возразил Воланд. — Он затрагивал много вопросов, связанных с тем, что люди досаждают друг другу до такой степени, что в конце концов доходят до войны. Я занялся психологией, чтобы найти на эти вопросы ответы и снова обрести сон. Конечно, для нас большая честь, что такой человек, как вы, проявил интерес к нашим исследованиям, мистер Рэнгз. Хотите верьте, хотите нет, в процессе этих исследований мы очень много узнаем о том, как и почему люди провоцируют друг друга.

— Это некорректный подход, — сказал я. — Согласно вашей теории, если заставить людей побольше спать, то можно сохранить военные расходы?

— Войны устраивают не те, которые спят, — напомнил мне Воланд. — По крайней мере, не тогда, когда спят. Ах, мистер Рэнгз, хорошо отдохнувшие люди не причиняют вреда друг другу независимо от того, спят ли они или бодрствуют. Если нам удастся получить снотворное и дать отдохнуть вечно суетящимся людям, то вы увидите, как это благотворно скажется в будущем. Величайшим девизом грядущего станет «Спящие всего мира, объединяйтесь!». Наверное, это единственный реальный способ объединить людей, какой можно придумать, если мы сможем заставить людей крепко спать. Я, конечно, не имею в виду «храпеть».

Это безумное и совершенно утопическое рассуждение о сне было прервано появлением рослой, экстравагантно накрашенной девицы, занимавшей второе место по сну и по рангу соответствовавшей Ивару.

Это, конечно, была Виктория Пэйлоу со своей неразлучной гитарой. Она вытаращила на меня свои голубые глазищи. Меня обескуражила эта способность расширять зрачки, одновременно щуря глаза. Я не знаю, как она умудрялась выражать открытость, готовность, сильную восприимчивость и так ехидно щуриться одновременно. Это воспринималось словно какой-то фокус из абсолютно ирреальной области, из той, где перемешивали жидкость и кости.

Она действительно была одета в мини-юбку, длина которой была не больше йоты. Это была даже не юбка, а так, один намек на юбку. И эта штука действительно вызывала желание ее подрезать. Ивар изучал ее в благосклонной тишине.

— Эй, мистер Рэнгз, — произнесла девица своим растянутым в обе стороны голосом, таким же эластичным, как ее глаза.

Я подумал об эмоциональных безднах, сокрытых в этой женщине, которая могла сначала яростно угрожать вырвать язык, а через мгновение напевать веселую песенку «Будущие фермеры».

— Вы явились сюда, чтобы полюбоваться на чемпионов мира по сну?

— Мне нравится наблюдать за людьми, выдающимися в той или иной области, — сказал я.

— Мы делаем это не стоя, — съехидничала она. — Стоя засыпают только дилетанты, да еще лошади.

— Если ты так и будешь здесь околачиваться, мистер Рэнгз начнет задавать тебе вопросы профессионального характера, — заметил Воланд.

— Вперед, ребята. За дело!

Квентин и Виктория помахали мне и выскользнули за дверь. Очень скоро они появились в двух свободных спальнях, расположенных по соседству. Теперь они были в пижамах. По деловому, в отработанной до автоматизма манере они заняли соответствующие кровати и лежали неподвижно, пока ассистенты присоединяли проводки к разным частям тела, в том числе и к голове. Казалось, они не замечают ни нас, ни друг друга. Воланд объяснил, что они находятся в аудиовизуальной изоляции, между ними была стена, а окна, через которые мы за ними наблюдали, изготовлены из стекла с односторонней прозрачностью. Вскоре они остались одни и закрыли глаза. И вот они уже спали.

Воланд убеждал меня в этом, указывая на движение дискетов и теперь самописцев.

— Сегодня вы увидите не просто сон, — сказал Воланд. — У Ивара и Вики для этого есть талант. Даже больший, чем они думают. Их сны резонируют друг с другом.

Я вспомнил, что в Квентине течет довольно много ирландской крови, а в Вики была девическая живость. Я с трудом удержался, чтобы не высказать вслух предположение, что она, наверное, и есть ловушка для ирландцев.

— Понимаете ли вы значение того, что здесь происходит, мистер Рэнгз?

— Что-нибудь, что несет ущерб миру музыки? Ивар пишет стихи к песням. Вы знаете об этом. Так вот, я не могу поверить, что он делает это в состоянии бодрствования. Я считаю, что он пишет их во сне.

— Ну, здесь дело не только в стихах. Вы слышали о нашем последнем открытии?

— Вы открыли новую разновидность сна?

— Нет, просто обычный сон в новом свете. Это сон при быстром движении глаз, мистер Рэнгз. Приблизительно каждые девяносто минут наши глаза проявляют признаки напряженной нервно-корковой активности. Альфа-ритмы коры головного мозга возбуждаются, и глаза начинают быстро двигаться, словно следят за чем-то. Да, они за чем-то наблюдают. В результате резкого увеличения церебральной

энергии возникает сновидение. Как правило, каждые девяносто минут. Другими словами, каждые девяносто минут возникает альфа-волна, что приводит к быстрому движению глазных яблок. Одна из составляющих нашей работы состоит в том, чтобы каждые девяносто минут будить наших испытуемых и заставлять их как можно подробнее описывать свои сны. И мы узнаем о снах нечто совершенно новое. То, что, если энергию не израсходовать в момент альфа-волновой активности, она очень быстро превратит нас в сумасшедших.

— Я это не совсем понимаю. Если Ивар является чемпионом по сну, то значит, у него за ночь бывает много периодов с быстрым движением глаз. Если считают, что при этом расходуется много психической энергии, то почему ему ее хватает на шизофренические стихи?

— Возможно, он пишет их гораздо меньше, чем вы думаете и чем он сам считает. Вы умеете хранить секреты, мистер Рэнгз?

— Так же, как и соблюдать дистанцию. Я чемпион по соблюдению дистанций. Мне не удастся это делать с Иваром.

— Очень важно, чтобы ни Ивар, ни Вики ничего об этом не знали. Вы не должны говорить им об этом ни слова, иначе может пропасть удивительная связь, существующая между ними. Она изумительна в том смысле, что возникает, когда они находятся в одцепневшем состоянии. Изумительная также и потому, что приводит в истинное изумление нас, ученых. Мы просто рты разинули. Идемте со мной.

Он провел меня из главной комнаты в кабинет, дверь которого открыл тремя различными ключами. Потом отпер несколько ящиков, набитых какими-то папками, каждый своим ключом и извлек оттуда два пухлых досье. Одно Ивара, другое — Вики. Он показал мне содержимое обоих досье. В них было вложено множество листов бумаги, на которых были напечатаны сны Ивара и Вики. Каждый сон был датирован, к каждому приложены показания приборов — соответствующая длина альфа-волн, пульс, частота дыхания и электрический потенциал кожи.

— Я смогу лучше объяснить вам свою точку зрения, если попрошу вас сравнить некоторые из этих записей. Возьмите сон Ивара в какой-нибудь из дней и сравните его со сном Вики в тот же самый день. Прежде всего сравните время интересующих нас периодов быстрых движений глаз.

Я взял по листку из каждого досье, судя по дате, двухнедельной давности. Первый сон Вики начался в 3.47, а у Квентина — в 3.49. Второй сон Вики в 5.31, а у Квентина — в 5.42. Я сравнил другие листы из папок — соответствие было таким же.

— Они видят сон вместе? — спросил я.

— Не совсем, — ответил Воланд, блестя глазами. — Вы заметили,

что между началом их сновидений всегда существует разница в две-три-четыре минуты. Они близки, но не абсолютно, особенно вначале.

— Вики всегда начинает видеть сон раньше Ивара?

— Вот теперь мы кое-что нащупали, мистер Рэнгз! Да, последовательность всегда одна и та же. Вики начинает, потом подключается Ивар. Самым знаменательным является тот факт, что каждый раз ото дня в день у Вики возникают альфа-волновые возбуждения, которые порождают подобные возбуждения у Ивара. Неужели этого недостаточно, чтобы всерьез заняться этой проблемой, окунуться в нее с головой?

Я даже более чем окунулся в эту проблему. Так окунулся, что мои глаза двигались, как руки чемпиона по плаванию австралийским кролем.

— Таким образом, их альфа-волновые возбуждения хронологически совпадают. А есть какие-нибудь доказательства, что передается и содержание снов?

— Мистер Рэнгз, вы рассуждаете, как истинный ученый! Я горжусь вами! Да, действительно, этот вопрос подобен удару молота. Что же касается ответа, то его, в свою очередь, можно сравнить с ударом копром. Я хочу сказать, да! Абсолютно, именно так. Во всех отношениях сон Вики порождает сон Ивара, а затем просачивается в него и соответствующим образом окрашивает его содержание. Этот поток психической энергии был всегда направлен в одну сторону, от Вики к Ивару, и никогда наоборот. Она все время бессознательно диктует ему, как бы он не сопротивлялся! При этом Вики всегда дает, а Ивар берет, берет, берет! Вы только почитайте некоторые их сны, те, которые они видели одновременно, и сами все увидите.

Я выбрал наугад листок из папки Вики. Он был датирован мартом.

«Груда человеческих костей, тающих и образующих лужи. На ней репетирует группа рок-музыкантов. Гитарист похож на Ивара, его волосы, как обожженный язык. Я говорю ему, что его пальцы слишком неуклюжи, звук должен быть напевным. Он просит меня показать. Я снимаю с гитары гриф, зажав, кладу обезглавленный инструмент между ног. Открываю пеструю книгу тринадцатого века — руководство по заклинанию ведьм. Читаю рецепт приготовления состава для растворения костей. «К содержимому тонкой кишки кита добавить семь совиных клювов, пять слезных каналов гиены, тринадцать глаз летучих мышей, щепотку толченных лапок тарантула, каплю селезенки земного носорога... Все это перемешать и, продолжая помешивать, прочитывать соответствующее заклинание: если в аду все кипит, то какова же температура солнечной короны, интересно, ноль градусов или ниже? Состав начинает кипеть...»

Гитарист говорит, что он играет тяжелый рок для людей, а я

просто пытаюсь напугать его. Нет, сказала я, я действительно собираюсь посадить тебя в котел. Чтобы продемонстрировать действие состава, я взяла из кучи человеческую берцовую кость, бросила ее в варево, кость с шипением растворилась. Я сказала, что звук должен быть именно таким — очень мягкий рок. Он прячет руки и орет, чтобы я не вздумала варить суп из его сустава. Называет меня потаскухой с берега Стикса. Я спросила, почему он постоянно стремится заполучить мой адрес и номер телефона, если и так знает, где я живу. И еще я спросила, что бы он смог сделать, если бы все-таки пришел ко мне с такими вот размягченными костями?

Он говорит, что не обращает внимания на оскорбления. Это только камни и палки можно разрушить. Я говорю, зайди ко мне, приятель, и, я клянусь, что Стикс, который протекает сквозь мой дом, размочит все твои кости, по крайней мере, размягчит их. Я схватила его руку и засунула в котел с зельем до самой подмышки. Она с шипением растворилась. Он стоит без руки, впадина еще дымится, и спрашивает, как же он теперь будет играть на гитаре. Я советую использовать ступни, если они еще достаточно твердые, но зачем издавать твердые звуки, если ты сам становишься все мягче и мягче?»

Я отыскал соответствующий сон Ивара. Судя по записи он начался примерно на две минуты позже, чем сон Вики.

«Дом Гнюши». Обедаю с Вики. Перед Вики стоит дымящаяся миска с страчиателла¹.

Она спрашивает, не буду ли я против, если она опустит мои пальцы в свой суп, чтобы размягчить их, да и остальные кости тоже. Я отвечаю, что пусть она перестанет болтать глупости. Она говорит, что если я возражаю против того, чтобы она это сделала, то зачем тогда я пригласил ее в дом Гнюши, ведь гнюши — это, по сути дела, тоже суставы пальцев, только мелкие и сделаны из теста. Она помешала ложкой дымящийся суп. Я спрятал руки за спину. Она говорит, что мои кости слишком негибкие, это от тяжелой работы. Чтобы они вернулись в свое естественное состояние, стали гибкими и мягкими, нужно их смазать. Я спросил, почему она, когда речь заходит о костях, тут же вспоминает и жидкостях. Она отвечает, что мои кости именуют тенденцию к самосжиживанию. Она грозит доказать это. Бросает хлебный шарик в дымящийся суп, он становится мягким и расползается. Я смеюсь. Никакой хлебный мякиш не может разрушить мои кости. И не нужны мне ее проклятый

¹ Stracciatella — итальянское блюдо из шпината с яичными белками.

адрес и номер телефона. Я хочу ударить ее костяшками пальцев, и тут мне в голову приходит новое стихотворение. Такие вот строчки: «Если в аду жарко, то какая же температура на седьмом небе?» Она спрашивает, долго ли я буду торчать в ее доме? Я отвечаю, что нет ничего хуже, чем блоха в конуре. Она интересуется, как обстоят дела в доме Ниоки, Ниоки, Ниоки? И я снова прячу руки за спину...»

Я тоже спрятал руки за спину. Ладони вспотели, стали липкими. Новеллисты написали бы «обильный пот выступил...»

Мои мысли вернулись к решающей дате — двадцать второе апреля. Я не был уверен, что так уж хотел этого, но начал искать описание снов того дня. И я нашел их.

С о н В и к и:

«У меня меж коленями стоит котел. Я огромная, и котел соответствующий. Готовлю черное вязкое зелье, в котором плавают здоровенные кости. Пахнет дегтем. Глубоким басом выпеваю привычное заклинание: «Огонь, спустись с гор, с гор, с гор, приди ко мне на двор, двор, двор, принеси горячий жар, жар, жар, пусть вскипает мой отвар; подожги его дом, спали его скарб, его кости раствори, мое зелье довари». Появляется Ивар. Он совсем маленький. Смотрит откуда-то снизу и спрашивает, почему я пою про горы. Я отвечаю, что потому, что сама живу на горе Кентукки и готовлю домашние отвары. Он просит спеть какую-нибудь другую песню, эта ему не нравится. Я пою еще из своего репертуара: «Если в День Спасения к нам придет Спаситель, чтобы взять нас туда, где все благоухает, и его будут звать Хо Ши Мин, будем ли мы от него защищаться?» Он спрашивает, что я готовлю. Я говорю, что готовлю состав, который избавит меня от хруста в суставах. Он спрашивает, а как этот состав называется. Я отвечаю, что мы называем его «La Brea Arm Pths». Он сомневается, что это варево может размягчить кости. Стоит только взглянуть на плавающие в нем ребра и черепа, они ведь не растворяются. Я вытаскиваю несколько костей, бедро мастодонта, клыки саблезубого тигра. Спросила, он мастодонт или саблезубый тигр, если полагает, что его кости не растворятся? Он говорит, что отыщет мой адрес и номер телефона где-нибудь в другом месте. Я спрашиваю его, не позвонит ли он мне тогда, или, может быть, зайдет. У него такие легкоплавкие кости. Он отвечает, что ничего не получится, пока я держу это черное страшное варево между ног, оно на него не подействует. Я затягиваю новую песню. «Один заберет твои деньги, другой уведет жену, хоть та и совсем не красотка, а дело лишь в том, при-

ятель, что то, что должно быть костью, висело, словно спагетти...» Чтобы было понятней, я прищелкиваю пальцами. Щелканье звучит, как сухие пистолетные выстрелы. Он умоляет меня перестать. Я щелкаю все громче. Тогда со страшным воплем он бросается в кипящий котел вперед головой...»

Нахожу сон Квентина с той же датой:

«Поднимаюсь по лестнице в дом Вики. Меня не приглашали, она отказывалась дать мне свой адрес, но я выцогил его у нашего гитариста. Этот хмырь продает ее горшки и кастрюли, да еще работает на ЦРУ. Открываю замок, вхожу. Она что-то стряпает на кухне. Спрашиваю — что? Отвечает — коктейль из креветок, старый эльзасский деликатес. Я спрашиваю, если это блюдо из креветок, то почему в нем столько костей. Она говорит, что это всего-навсего суставы господина Дона — для запаха, она любит все острое. Это рубаха-парень, но она почему-то произносит «рубаха», да еще и сквозь зубы. Я спрашиваю, что это за Дон? Она отвечает, Дон Жуан, по буквам — Дон Ван — W, A, N. Что я, может быть, не знаю, но Дон Ван всегда сосал суставы пальцев. Все остальное как в тумане. Помню только какие-то куски. Она много пела. В одной из песен была строчка про агентов ФБР. Другая — что-то фольклорное, с рефреном — мой звон. Она отщелкивает ритм костяшками пальцев и спрашивает, не хочу ли я отведать кушанья из креветок. Я соглашаюсь, чтобы избавиться от этого кошмарного щелканья. Я прыгаю в огромный чан с вкусно пахнущим кипящим шоколадом, стоящий меж ее ног. В шоколаде плавают твердые орешки. Нырять в третий раз, я слышу, как она распевает: «Ах, мэн, ах, мэн...» Я пытаюсь крикнуть ей, что наша группа называется «ОМЭН» — «Знамение», но слишком поздно, получаются одни шоколадные пузыри. Шоколад пахнет, как деготь, и такой же на вкус. Я чувствую, как моя правая рука отваливается, я кричу, что тону в песне «Моя подмышка...», а деготь — это моя песня «Мой Запах...»

Я отложил печатные листы. Мои вспотевшие пальцы оставили на них влажные следы.

— Да, я понимаю, — сказал я. — Это какая-то дьявольская экстрасенсорная связь.

— Мы пока что не готовы дать этому название, — сказал доктор Воланд. — Но относимся к этому очень серьезно

— Вы сказали, что у нее очень сильное подсознание. И оно влияет на других людей со все сокрушающей, непреодолимой силой. Режет на куски.

— Мы знаем лишь то, что, когда они спят в соседних комнатах, и спят крепко, через стену идет какой-то ужасный обмен.

— Ракетные пусковые установки, истребители Ф-105. Вы говорили, что когда они спят, то ничего не провоцируют, никаких войн.

— По крайней мере, ничего, что могло бы сломать кому-нибудь кости, мистер Рэнгз.

— Кости не ломаются, верно, но у всех здесь они размягчаются.

— К тому времени, когда это необходимо, они затвердевают. А во Вьетнаме, скажем, этого не происходит.

В центральной комнате раздалась дикие крики. Квентин орал что-то матом, а Вики спорила с ним злым, нервным голосом. Треск, звон разбитого стекла, снова крики. Кто-то звал доктора Воланда. Но доктор, похоже, ничего не понимал. Шум и грохот нарушили привычный распорядок дня в этой цитадели сна. И снова дикий крик и визг. Воланд опомнился и поспешил туда. Я последовал за ним.

Беспорядок исходил из спальни комнаты Вики. Вопль становился все громче. Лабораторная акустическая система придавала ему металлический оттенок.

Квентин впал в буйство. Он, видимо, вломился в комнату Вики и ударил ее гитарой по голове. И теперь обломки гитары болтались у нее на плечах. Он схватил девушку за рыжие волосы и в ярости дергал ее голову из стороны в сторону. Он свирепствовал. Глаза выкатились, как у щального мамонта. Из его оскаленного рта, казалось, вот-вот пойдет пена.

— Лжец, я лжец? — гремел он. — Я тебе покажу, сука, какой я лжец!

Она пыталась вырваться, крича при этом:

— Убирайся! Катись отсюда, псих ненормальный!

В комнате неуклюже топтались несколько ассистентов, пытаясь схватить Квентина. Тот колотил их, расшвыривал, силы у него хватало на десятых.

— Покажи, кто записывает мои слова, сука паршивая! — жутко орал Квентин. — Я сам напишу тебе эпиграф прямо сейчас, на твоём поганом черепе, своими руками, каждое слово, тварь подзаборная. Оскорбления и еще раз оскорбления, пока я не проснусь. Это тебе они переломают кости, а не мне, сучий потрох!

Она визжала и царапалась. Он отбрыкивался от ассистентов.

— Что происходит? Что это за безобразие? — рявкнул доктор Воланд, обращаясь к сестре, склонившейся над энцефалограммой.

— Я не знаю. Это было как взрыв, — пробормотала она, прижимая ладони к щекам. — У них у обоих наступил момент альфа-волнового возбуждения. Мы разбудили их, как обычно, почти одновременно, когда уровни энергии упали. Они подошли к столам и, как всегда, начали печатать. И вдруг Ивар начал гримасничать. Казалось, он все больше и больше приходил в ярость по мере того, как просыпался. Он

вскочил, выкрикивая ругательства, выбежал в коридор, ворвался в комнату Вики с ее гитарой в руках. Видимо, он взял ее в раздевалке, никто не успел остановить его и... Просто кошмар!

Воланд нахмурился.

— Я предвидел это. Я в какой-то мере это предчувствовал. Просто не знал, что это произойдет так скоро, и держал свои догадки при себе.

— Поострите насчет суставов! — ревел Квентин. — Валийте дальше! Вот вам суставы! — И он ударил костяшками руки по левой щеке Вики, потом по правой, продолжая лягать ассистентов.

— Ты просто здоровенная куча дерьма, ты пользуешься тем, что сильнее меня, — кричала Вики, хмурясь под его ударами и отчаянно пытаясь вырваться.

— Сейчас это дерьмо вышибет тебе зубы, — рявкнул Квентин, ударил ее по губам. — Хочешь послушать, как хрустят твои зубы? Слушай! — Раздался хруст, и он продолжил: — Хочешь, чтобы зубы растаяли? Ну как, здорово? — И снова хруст.

— Что мы здесь стоим? Надо что-то делать! — взмолилась сестра.

— Не подходите к ним. Приготовьте гипосульфит, сильнейший транквилизатор, лошадиную дозу, — приказал Воланд. — Приготовьте и отойдите. Сейчас мы это прекратим.

Он выбежал в коридор, я — за ним. Мы протолкались в комнату Вики, распахивая толпившихся там людей. Квентин чуть ли не волоком, рыча, тащил Вики по полу за рыжие волосы, вцепившись в них обеими руками.

— Ну и где эти твои вонючие смеси? Вылей себе их на башку, чтобы она не облезла. Это тебе совет, ты, кастрюля с костями.

— Вся твоя сила в пальцах, поэтому у тебя и суставы хрустят. Что бы ты смог сделать с девчонкой, если бы у тебя не было таких здоровенных хрустящих мослов! — выкрикнула ему Вики.

Воланд подал ассистентам знак, чтобы те подошли к Квентину, а мы прикрыли фланги. Они схватили его, мы же с Воландом отодрали его руки от Вики и прижали к бокам. Он корчился от боли, извивался змеей. Мы держались подальше от его лежающихся ног.

— Ивар, все твои усилия напрасны, — как можно мягче сказал Воланд. — Ты просто все неправильно понял.

— Успокойся, дружище, — шепнул я Квентину на ухо. — Ты же говорил, что эти часовые сеансы идут тебе на пользу. Так в чем же дело?

— Гордон, ты и не догадываешься, до какой степени здесь пахнет чертовщиной. Все они замешаны в колдовстве. Они делают мне самые ядовитые инъекции в голову, пока я сплю...

— Мы сделаем тебе самую полезную инъекцию, и ты уснешь сном праведника, — сказал Воланд, помогая Квентину выбраться в коридор, а потом в его спальню.

Мы уложили корчившегося парня в постель и удерживали его. Тут же появилась сестра и вколола ему гипосульфит, пока мы держали его руку.

— Теперь я знаю, чем они тут занимаются, — выдохнул Квентин мне в лицо. — Они пытаются узнать, на сколько частей можно раздробить мое тело, вот в чем смысл их проекта. Внушение во сне, я читал о таких вещах. Как только я засыпаю, они начинают свое дьявольское нашептывание. Женский голос со всякими там колдовскими смешиваниями. Они программируют мои сновидения. И будут делать это, пока я совсем не рехнусь. Они хотят знать, до какой степени программирования можно дойти. Вводят мне снотворное, и я раньше это подозревал, но как-то не брал в голову. Но сегодня меня осенило. Я просек их номер. Ее телефон уже был у меня. Не дожидаясь, что она даст мне его сама, я заполучил его. Я хотел пойти к ней и показать, какое сильное снотворное нам дают, но вырубился. А сегодня я получил их номер, всей группы, участвующей в проекте...

Его голос становился все тише и тише. Видимо, сестра дала ему действительно сильное средство.

— Они не могли транслировать тебе в ухо ни ее голос, ни еще чей-нибудь, — шепнул я Квентину. — Пощупай, ни под подушкой, нигде нет такого прибора. Более того, я ведь видел, как ты засыпал, не было ничего похожего на такого рода приборы.

— Без толку его искать, — сонно сказал Квентин. — Его где-то надежно спрятали. Где-нибудь в ножках кровати или в стене. Подушка пропитана ведьмиными ядами. Они проникают мне в голову, и мне против воли снятся сны. А они ждут, сколько же мне понадобится времени, чтобы свихнуться. Надо раз и навсегда положить конец этому, Гордон. Всему есть предел.

Его голос стал совсем тихим, он уснул и сразу захрапел самым натуральным образом.

— Что это он вбил себе в голову? — спросил я Воланда. — Слишком много от Вики? Он получил от нее слишком большую дозу инфильтрата и теперь ему мерещится заговор?

Лицо Воланда было серьезным. Он вытащил лист бумаги из машинки Квентина и, нахмурившись, стал его изучать.

— У меня есть кое-какие соображения по поводу того, что случилось. Сейчас я пойду в комнату Вики и проверю, насколько они верны, — сказал он. — Вы не могли бы подождать меня в канцелярии? Я не запер дверь. Подождите там. Я вернусь и все вам объясню.

Через несколько минут Воланд пришел в канцелярию и принес записи снов, сделанные спящей парой. Он положил их на стол рядышком, чтобы я мог изучить их.

— Прежде чем читать текст, взгляните на время регистрации альфа-волновых возбуждений. Здесь — ключ к разгадке.

Я сделал так, как он советовал. Сон Вики, если верить приборам, начался ровно в 3.47.91. Сон Квентина — в 3.47.91.

— Никакой разницы во времени, — сказал я. — На этот раз они начали видеть сны одновременно, можно сказать, голова в голову.

— Неоспоримый факт. Много раз я думал, случится ли это, а если случится, то когда. Но мне никогда и не снилось, прошу прощения за этот оборот в данном контексте, что это произойдет так скоро. И результат был такой неожиданный. Я внимательно изучил разницу во времени, чтобы удостовериться, есть ли здесь какая-нибудь закономерность. Закономерность явно была. Зависимость не является линейной, в графике наблюдались колебания и спады, но общий характер кривой говорил о том, что она стремится к нулю. Когда они только начали вместе спать, разница между началом их снов составляла пять-шесть минут. Медленно, но верно она убывала, достигнув сначала четырех минут, потом трех, двух. Можно было с уверенностью предположить, что в самом конце эта разница будет сведена к нулю, но мы не могли сказать, когда это произойдет. И вот сегодня, как вы сами видели, это произошло. С ревом и визгом.

— И что, это говорит вам о том, что он сошел с ума?

— Вы читали записи его ранних снов, мистер Рэнгз, и знаете, что они никогда не были точной копией ее снов. Он сопротивлялся, боролся с тем содержанием, которое она ему навязывала, искажал ее символы, маскировал и изменял их. Но его сопротивление постепенно снижалось, и в последние дни его сны все с большей точностью повторяли ее сны. Этим объясняется уменьшение временной разницы, его подсознательное сопротивление становилось все слабее и слабее, его сны все быстрее и быстрее следовали за ее снами. С точки зрения временной зависимости он все больше становился ее рабом, что отразилось на содержании его снов.

— И сегодня разница стерлась окончательно. Это значит и то, что сопротивление сломлено?

— Иного объяснения я не вижу.

— Если это так, то его сон должен быть точной копией ее сна, без всяких искажений и нюансов?

Вместо ответа Воланд пододвинул мне две странички с машинописным текстом.

Без всякого желания я начал читать.

Сон Вики:

«Классная комната. Урок музыки. На возвышении выставлены различные инструменты. Студенты одеты в брюки до колен и куртки воспитанников Итонского колледжа. Это участники ансамбля «ОМЭН», здесь же Ивар.

Я — лектор. В академической мантии, на мне коническая

шляпа, на которой изображены таинственные символы и потные знаки. Я говорю: «Студенты, сегодня у нас урок лирики». Я объясняю, что слово «лирика» произошло от названия старинного музыкального инструмента — лиры — ручной арфы — который использовали в старые времена при пении вокализов. Я беру с возвышения лиру и пробегаю по струнам. Я говорю, что тот студент, который сочиняет лирику, на самом деле является только лирой, по буквам —l—i—a—r¹, произносится как «лгун». Его зовут так потому, что он, хотя и говорит, что сам сочиняет лирику, ворует ее у настоящего сочинителя. Я говорю, что сейчас познакомлю студентов с сочинителем, не лжецом, а с настоящим автором, стихи которого нужно сопровождать звуками лиры. Давайте поприветствуем мистера Гордона Рэнгза.

Входит мистер Рэнгз, на нем набедренная повязка из кожи леопарда.

Я прошу, чтобы мистер Рэнгз сделал нам одолжение и в нескольких словах рассказал о музыкальных возможностях суставов пальцев человека, которые можно использовать для аккомпанемента.

Мистер Рэнгз говорит: «Друзья, любители музыки, мелодические и гармонические особенности суставов человеческих пальцев безграничны, если эти суставы в хорошем состоянии и создают богатые, резонирующие звуки, а не просто хруст пересохших и потому хрупких костяшек. Такие костяшки, несмотря на все старания музыканта, способны лишь трещать да крошиться. Разрешите мне продемонстрировать вам одно из моих сочинений.

Он начал петь: «Огонь, спустись с гор, сожги все дома и вещи». При этом он ударяет по суставам пальцев молоточком от ксилофона, и они создают глубокие, слегка вибрирующие звуки. Он продолжает: «Здесь, в комнате, находится человек, который утверждает, что исполняет на своих суставах лирические песни, наподобие «Мое танго», но я с уверенностью могу сказать, что его суставы издают лишь сухой треск, подобный тому, как хрустят сломанные кости у Хэмингуэя. Короче говоря, ту песню на самом деле сочинил я, так же как и все остальные его песни. Этот человек — жуткое месиво, кисель, воображающий себя монолитом и занимающийся ничем иным, как плагиатом...»

И так далее. Сегодня Вики снился длинный сон. Я чувствовал, что с меня хватит прочитанного. С некоторой неохотой я взял другую страничку.

¹ Игра слов: lira — лира, liar — лжец (англ.).

«Лекционный зал. Занятие по музыке. На возвышении много инструментов. Присутствуют все из группы «ОМЭН» и я. На нас короткие штаны и широкие накрахмаленные воротники с длинными тесемками. Лекцию читает Вики, на ней мантия Доктора Наук, высокая коническая шляпа с колдовскими и музыкальными знаками. Она говорит, что сегодняшняя лекция посвящена лирике. Мы начинаем записывать. Она объясняет, что слово «лирика» произошло от слова «лира» — названия старинного музыкального инструмента — небольшой арфы, звуком которой сопровождалась вокализы. Она берет лиру, пробегает пальцами по струнам и говорит, что один из студентов, называющий себя лириком, есть лира...»

Я почувствовал ноющую боль в основании языка, словно за него сильно потянули.

— Да, — сказал я, — думаю, что вы могли бы назвать это прорывом.

— Прорыв, затем, срыв, — ответил Воланд. — Вот как я все это понимаю. Ивар может испытывать неуверенность в своей потенции. Я так полагаю, потому что однажды ночью, двадцать второго апреля, он испытывал эротическое возбуждение, думая о Вики, и решил пойти к ней домой, чтобы доказать свою половую состоятельность. Вместо этого он накурился марихуаны и потерял сознание, возможно, во избежание неудачи. Пусть так. Хорошо. Вики с самого начала чувствует его нетвердость, руководствуется инстинктивной неприязнью, она преследует в нем эту слабость, реальную или воображаемую. Ее подсознательное «я» преследует эту слабость. Все ее сны замыкаются на этом больном месте, неделя за неделей. А сегодня эти сны попадают в цель, сопротивление его сломлено...

— Я бы посоветовал, а то он так яростно сопротивляться. Он уклонялся, она атаковала, все их сны свидетельствуют об этом. А сегодня, когда он был уже не в силах обороняться, в нем не осталось больше энергии, чтобы отражать ее насмешки, и ее сон вызвал у него ощущение, что кто-то посягнул на его права. Он знал, что такой кошмар пришел извне. Он не сомневался, что в нем самом ничего подобного возникнуть не могло. И тогда он решил, что все это надувательство, и против него составлен хорошо организованный заговор с применением снотворного, поступающих извне голосов и тому подобного. Конечно, он прав, здесь присутствуют элементы психического давления.

— Чего он не знает, и мы не могли ему этого сказать, не было просто случая, так это того, что мы не пользуемся никакими электронными трюками, а проводим исключительно психическую атаку.

— Я не понимаю одного. Почему она включила меня в свой сон, да еще в качестве лирического поэта в набедренной повязке?

— Лучше всего об этом спросить саму Вики, мистер Рэнгз. Она внизу, во дворе, ждет вас. Она считает, что вам нужно поговорить.

Уходя, я сказал ему,

— Вам следовало бы каким-то образом скорректировать ваши идеи. Самые страшные войны могут зародиться именно во сне.

Он возразил:

— Ну, ну, мистер Рэнгз. Не будете же вы оспаривать, что Ивар и Вики видят самые обычные сны.

— Может быть, и не буду. Но кроме того, они ярко выраженные бойцы, особенно, если их наэлектризовать как следует.

— Именно поэтому мы должны досконально изучить их, мистер Рэнгз. Благодаря развитой системе скрытых каналов связи, существующей между ними, они представляют нам редчайшую возможность снять электроэнцефалограммы и получить другие экспериментальные данные о самом потрясающем американском феномене — духовном единстве. Разве вы не видите, что они являются идеальной парой? Может быть, если мы изучим их поподробнее, то поймем, что духовное единство может стать одним из самых тайных и бездумных видов тотальной войны, если не основной ее первопричиной...

Несмотря на покрытое синяками лицо, она была в хорошем настроении. Как только мы уселись на лавочку, она сказала:

— Я ни в чем не виню Ивара.

— Это говорит о широте ваших взглядов, — ответил я. — А кого же вы вините?

— Никого, мистер Рэнгз. Установленный в лаборатории порядок неизбежно, рано или поздно, пришел бы к этому. Теперь мне это совершенно ясно.

— Как именно?

— Я не дура, мистер Рэнгз. Теперь я понимаю, что на самом деле они занимались электрасенсорной связью между мной и Иваром. У нас она развита весьма сильно.

— Откуда вы знаете?

— У меня есть голова на плечах. И теперь, после того что произошло сегодня, этой голове надо очень о многом подумать. Мне не надо читать записи Ивара, чтобы убедиться, что между нашими снами наблюдается соответствие, они накладываются друг на друга, перекликаются. Ни одно взаимодействие, кроме экстрасенсорного, не может этого объяснить. Например, песни, заклинания, которые присутствовали в моих снах. Вы думаете, я не знаю, что они очень похожи на те, которые Ивар продолжает сочинять для «ОМЭН»? Я покою о том, какая температура в «Солнечной короне», нулевая или еще ниже, но я никогда и словом не обмолвлюсь с ним об этом сне. Тем не менее он сочинил песню о том, какая температура на седьмом небе. Подобные вещи нуждаются в объяснении, не так ли?

— И как ты это объясняешь?

— Это сверхчувственное восприятие. Электросенсорное, мистер Рэнгз. Других объяснений нет. Вопрос состоит лишь в том, каким образом направлено поле: от него ко мне или же от меня к нему. Теперь я абсолютно уверена, что это всегда от него ко мне. Вот почему сегодня во снах появились вы. В моем сне и, я думаю, во сне Ивара тоже, хотя лишь догадываюсь.

— Вики, я, кажется, начинаю путаться во всем этом. Какая связь между тем, что поле направлено от Ивара к тебе, и моим появлением?

— Сейчас я нарисую картину в целом. Мистер Рэнгз, уверяю вас, у меня это получится. Вы его сподвижник, соавтор, он часто этим хвастал, когда я делала комплименты его стихам. Он употребляет слово «сподвижник», подразумевая, что речь идет о творческом содружестве, где есть разделение труда между писателем и учителем вроде вас, но при этом он скрывает, что именно вы пишете такие чудесные стихи, а он их просто ворует и ставит под ними свое имя! Он всего лишь бездарный переписчик, но он заимствует вашу огромную творческую энергию, а вы достаточно щедры, чтобы оказать ему такое содействие. Таким образом, у него много тайных комплексов, которые нашли отражение в его снах, а в конечном итоге, и в моих. А сегодня все эти комплексы вырвались наружу и проявились во сне, где он, по сути дела, во всем чистосердечно сознался. Сознался в плагиате, и это признание перешло в мой сон. Конечно, он не мог смириться, что такое признание перешло из его сна в мой. Он вынужден был утверждать, что оно зародилось во мне и каким-то таинственным образом передалось ему. И, разумеется, отрицал, что оно базируется на фактах. Есть такой технический термин, как «проекция». В данном случае это перекладывание своих собственных грехов на других. Поэтому он и стал на меня орать, бить меня за его же собственные сновидения. Но, послушайте, я же знаю, как направлено поле, знаю это, благодаря вдохновенной лирике, которая исходит от такого дурня и неудачника, как Ивар. А рождается оно в таком талантливом человеке, как вы. Даже те, над которыми вы еще только работаете, которые я еще не слышала и которые не знаю. Поэтому я утверждаю, что через Ивара в меня поступает богатый психологический материал. А его источником, если хотите знать, являетесь вы. Ивар — лишь передаточное звено между вами и мной. Вот что я хотела вам сказать. А когда от одного человека к другому идет такой мощный поток, с этим надо считаться и задуматься над значением происходящего...

Боль в основании моего языка стала почти невыносимой. Язык ныл и пульсировал, вообще, ситуация была иной для меня. Муза обвиняла поэта в плагиате, в том, что на него работает другой, подлинный поэт.

— Мне кажется, ты преувеличиваешь степень передачи моих эмоций, Вики. Честно говоря, мой вклад в творчество Квентина весьма незначителен, можешь мне поверить.

— Можете говорить, что вам угодно, мистер Рэнгз, но все-таки,

каким образом недотепа самостоятельно, с помощью только своего ущербного разума может достичь определенных высот и стать почти пророком? «Он ведет нас вверх по лестнице, непрерывно совершенствуя, и если его имя Мао, то значит ли это, что мы дао?»¹ В этом нечто гениальное. А я могу отличить гения от недотепы.

— Ты все-таки должна понимать, что мой гений тоже не создает таких вдохновенных строк. Это к твоему замечанию о недотепах, Вики. Мне хотелось бы получить во всем этом разобраться. Кажется, ты понимаешь, что Квентин лишен не только таланта сочинителя, но и чего-то еще. Например, почему ты так много внимания уделяешь его суставам? Их хрусту и тому подобному?

— О, здесь все просто. Как-то в лаборатории мы ждали вызова, а поскольку Квентин собеседник скучный, то я, просто чтобы убить время, что-то сказала о Хэмингуэе. И он рассказал мне, что вы собираетесь читать лекцию в Сантане о случаях переломов в произведениях Хэмингуэя. Мне стало любопытно. Я заметила, что это, скорее всего, маленькая энциклопедия переломов. Мужчины у Хэмингуэя всегда ломали кости, а кроме того страдали тяжелыми нарушениями потенции. Поэтому переломы костей носили не просто символический характер, а были как бы одновременно переломами в человеческих судьбах. Я сказала, что у Роберта Джордана («По ком звонит колокол») ничего не могло получиться с Марией потому, что ему прострелили ногу, а Джейк Барнс не мог жениться на леди Бретт («И восходит солнце») потому, что его мужское орудие разнесло снарядам во время войны. Разве эти два случая не одинаковы в принципе? И тогда я впервые заметила у Ивара его забавную привычку сосать суставы, словно леденцы. При этом на щеках у него появлялся румянец. И я тогда спросила его, не пытается ли он растворить свои суставы? Он еще больше покраснел, пробормотал что-то невразумительное насчет того, что я, мол, курю, а вот он — нет. Он действительно нукудышный собеседник.

— Давай вернемся к сегодняшнему сну, Вики. Поговорим о том сне, который, как ты считаешь, возник у Ивара и перешел к тебе. Как ты думаешь, откуда там взялся я? Да еще в набедренной повязке?

— Ничего странного! Вы же творец, а он вас копирует. Тот, кто творит, всегда обладает силой, это точно! Он всегда является источником! Мужчина в набедренной повязке — олицетворение силы, в то время как сопливый плагиат — всего-навсего ребенок в детских штанишках своего старшего брата. Он ни на что не способен, кроме как сидеть со своим карандашом и записывать то, что говорит настоящий мужчина. Все так просто, и неудивительно, что его вспышка была направлена на меня, так что мне крепко досталось. Ведь это я нарисовала такую уничижающую картину, а не вы.

¹ Дао — путь, истинный путь. основополагающее понятие даосизма — одного из главных направлений китайской философии.

— Понятно.

— Я до смерти хотела спросить вас вот еще о чем, мистер Рэнгз. Где вы так много узнали о синовиальной жидкости?

Я больно прикусил язык как раз в том месте, что и несколько дней назад.

— Я действительно много знаю?

— Много. Послушайте, как раз когда мы с Иваром болтали и когда я сделала замечание, что он слишком часто хрустит пальцами, он сказал, что хруст связан с синовиальной жидкостью. И что вы объяснили ему, в чем тут дело. Оказывается в ней есть мусциновые ингредиенты. И она отделена синовиальными мембранами, суставными сумками, сухожильными оболочками. Честно говоря, это на меня сильно подействовало. Когда я заканчивала школу; хотела стать врачом и ходила на курсы по медицинской подготовке. Было много занятий по анатомии и физиологии. Поэтому я знаю о синовиальной жидкости все, но не могла понять, откуда это может знать неспециалист. Где вы взяли эту информацию, мистер Рэнгз?

— Ну, взял где-то. Любой писатель много и беспорядочно читает.

— Вы могли запомнить название этой жидкости, но откуда такая информация, причем подробная, о суставах, суставных сумках, мусцине? Это невозможно себе представить, и знать это может только такой одаренный человек, как вы.

— Вики, когда-то я дружил с гитаристом фламенко Сеговиа. Он тоже учился на медицинских курсах, прежде чем забросил науку ради своей первой любви — гитары. Мы провели вместе немало вечеров, и из разговоров с ним я почерпнул много запомнившейся мне медицинской информации. Извини меня, с тобой было приятно поболтать, но я должен идти готовиться к лекции.

— Вы собираетесь прочесть лекцию по статистическому распределению переломов костей в произведениях Хэмингуэя? Уверена, что она мне понравилась бы.

— Нет, я с этим почти покончил. Теперь меня интересуют жидкости. Роль птомаина в литературе девятнадцатого века на Пиренейском полуострове.

— Вот это да! Как это ни дико звучит, но я видела сон о птомаине в Испании. Это один из моих первых снов. Если не верите, попросите доктора Воланда отыскать запись этого сна. Если есть еще необходимость в доказательстве существования экстрасенсорной связи между мной и вами и направленности поля...

— Хорошо. До свидания, Вики.

— До встречи, мистер Рэнгз.

— Ладно. Я буду в набедренной повязке.

Я виноват, что нарушаю правила писательской игры. Все знают о так называемой обязательной сцене. Если вы в отношениях дошли до полного

размежевания и пришла пора раскрыть карты, то говорят, что вы должны довести дело до конца. Не сделать этого все равно что не вернуть долга. И в этом рассказе, в котором так много от фазы быстрого сна со всякого рода сновидениями, безусловно есть намек на еще одну сюжетную линию. На еще один конфликт между мной и Викторией Пэйлоу. Этакий трах-бабах, грохот, решительное столкновение со всеми его атрибутами, где все недосказанное должно быть досказано, а недоделанное — доделано.

Но я должен разочаровать читателя. Такое столкновение, этот трах-бабах никогда не произойдет, в этом и заключается моя обязанность перед читателем.

И неважно, как быстро вы можете двигать глазами. Именно здесь выдумка и реальность расходятся. Ведь, например, на сцене вы вынуждены держаться канона до самой развязки, а в реальной жизни от них можно в любой момент отойти. В этом большое преимущество действительности над искусством, поэтому многие люди предпочитают именно действительность.

Я хочу сказать то, что я был больше заинтересован в спасении своей шкуры, чем в развитии сюжета. У меня не было никаких обязательств, а значит, и никаких причин для встречи с Викторией Пэйлоу, и я с ней не встретился. Однако как-то раз она позвонила. Я отметил, что в этом случае поток напряженности шел от Виктории ко мне. Я имею в виду, что она звонила и генерировала волны, а я только принимал их, и они вызывали у меня быстрое движение глаз, какое бывает, как известно, когда человек видит сон.

— Мистер Рэнгз, я только хотела вам сообщить, что у меня новая гитара, за нее заплатила компания. Я бы хотела вам ее продемонстрировать.

— Вики, ты вдвое моложе меня.

— Да? Значит я вижу вдвое меньше вас? А рост? Темперамент тела? Желание?

— Это делает меня вдвое старше тебя.

— Приветствую все, чем мужчины отличаются от мальчишек. Поэтому я не отираюсь возле юнцов, а сразу обращаюсь к мужчинам.

— И тебя не волнует пропасть между поколениями?

— Меня волнуют те люди, которые знают, как ее преодолеть. Мы могли бы встретиться где-нибудь в баре, по вашему усмотрению. Или у вас дома, по такому случаю. Скажем, минут через пятнадцать.

— Ты подвижна, как та жидкость, и всегда готова взять такси.

— Но не так легко найти косточку, которую я могла бы смазать. Следует потрудиться, чтобы сыскать ее на дороге.

Говорят, что за каждым удачным мужчиной должна стоять женщина. Да, но ведь не студентка же института магии в мини-юбке и с гитарой через плечо. Возможно, прав был Роберт Грейвз¹, говоря о

¹ Роберт Грейвз (1885-1986 гг.) — английский писатель, поэт и ученый. «Белая Богиня» (1948 г.) — один из его фундаментальных трудов.

поэзии как о матери-жене-девушке-музе, самоуверенной Белой Богине. Но неужели она должна вкладывать в наши уста буквально каждое слово? А кто же тогда мы сами? Радиоретрансляторы? Или акустические отражатели?

Я смутно вообразил, как мы с Вики лежим бок о бок в полурасслабленном, блаженном состоянии. Ее подсознание диктует мои будущие книги моему подсознанию. Я представил ее в некоем экстра-сенсорном будущем, открыто предъявляющей права на мои авторские гонорары. И как меня преследуют за плагиат.

— Вики, может быть, ты и напоминаешь жидкость, но ведешь себя, как груда окаменевших бревен, которая находится в постоянном движении. И от которой, я не постесняюсь этого слова, я буквально костенею. Такой образ действий, мне не надо тебе этого объяснять, ты ведь достаточно сообразительна, вряд ли поможет тебе в достижении твоих целей. Боюсь, что мое окостенение и твое разжиживание навеки обречены идти разными дорогами. Это относительно твердого и мягкого.

— Ты тверд, как сказал, мистер Рэнгз. Именно это мне и нравится.

— А ты лимфообразна, Вики, и тоже очень мне нравишься. Но на расстоянии.

— Пропasti?

— Поцелуя.

— Я слышала, что «ОМЭН» записывает новый миньон. Эту песню написал Ивар. Название что-то вроде «Птомаин в Испании падает дождем на равнины». Иисус, Мария, Петр и Павел, не значит ли это, что...

— Пользуясь вашим словарем, могу сказать, что я вырубаясь, башка трещит, весь в холодном поту, сейчас меня кондратий хватит. Я хочу пожелать всего хорошего тебе и твоему поколению, Вики. Успеха. Чтобы на вашем пути не было пробок. До свидания, Вики!

Леопардовая шкура. Хо!

Силлогизм, серенада, спортивный свитер. Хм.

Генри Каттнер

НАЗОВЕМ ЕГО ДЕМОНОМ

Минуло больше двух десятилетий, прежде чем она вернулась в Лос-Анджелес и прокатила мимо дома бабушки Китон. Он несколько не изменился, но все то, что представлялось ее детскому взору прекрасным и элегантным, теперь по прошествии двадцати пяти, лет выглядело нелепым, угловатым сооружением с остатками потрескавшейся серой краски. Что ж, никто не виноват в том, что, взрослея, мы расстаемся с розовыми очками и теряем оптимизм, столь свойственный молодежи.

За годы отсутствия чувство... опасности исчезло, осталось лишь настойчивое и смутное ощущение тревоги, отдававшееся в мозгу эхом давно ушедших дней. Тех дней, когда она, Джейн Наркин, маленькая девятилетняя девочка, худая и большеглазая, с модной в те времена, постоянно падающей на глаза челкой, впервые вошла в этот дом.

Оглядываясь в прошлое и рассматривая события тех давно про-

шедших дней сквозь призму времени, она могла одновременно припомнить и слишком много, но и слишком мало.

В тот далекий июньский день двадцатого года Джейн впервые вошла в гостиную с люстрой из зеленого стекла. Для начала ей пришлось обойти всех родственников и в знак приветствия поцеловать каждого в щеку. А их... для девятилетней девочки было слишком много: бабушка Китон, чопорная тетя Бетти и целых четыре дяди. Но она ни секунды не колебалась, подойдя в первую очередь к одному из дядьев, резко отличающемуся от остальных.

Другие дети уже все знали и внимательно наблюдали за новой приятельницей. Они тут же догадались, что она если и не знает, то все равно все поняла. Они не предупреждали ее, да она и не делилась своими сомнениями до тех пор, пока не зашел общий детский разговор об этой «неприятности»... Ну да, таковы понятия детской этики. Взрослые могли лишь смутно ощущать, будто что-то не так, но дети... Дети все знали. Это Джейн поняла сразу же.

Позже, когда они расположились на заднем дворе, под большой финиковой пальмой, Джейн принялась обдуманно перебирать пальцами свое новое ожерелье, а остальные обменивались многозначительными, заговорщицкими взглядами, как бы решая, догадалась она или нет. Наконец, когда молчание уже слишком затянулось, Беатрис — старшая в этой компании, предложила сыграть в прятки.

— Ты должна предупредить ее и все рассказать, — вместо ответа сказал маленький Чарльз, обращаясь к Би.

Беатрис пристально посмотрела Чарльзу в глаза:

— Сказать ей? О чем? Ты что, в уме повредился...

Но Чарльз продолжал настаивать, хотя и не так уверенно:

— Сама знаешь.

— Обойдусь и без ваших загадок, держите их при себе, — Джейн пошла на хитрость. — А то, что он не мой дядя, я и так знаю.

— Ну вот, видите? — вскричала Эмили. — Она все заметила, я же говорила...

— Смешно, — ответила Джейн. Она знала прекрасно, что тот человек в гостиной никогда не был ее дядей. Просто он очень старательно притворялся им. Во всяком случае, достаточно, чтобы убедить взрослых, но для свежего взора ребенка он выглядел каким-то, ну, слишком пустым, что ли.

— Он приехал совсем недавно, — объяснила Эмили. — Примерно три недели тому назад.

— Три дня назад, — уточнил Чарльз, стараясь показаться осведомленнее, хотя в понятие «день» он вкладывал, скорее, не меру времени, а свою собственную меру «значимости событий вокруг». Так, к примеру, когда он болел или когда шел дождь, день в его измерении превращался в неделю, а когда он участвовал в веселых походах или играл на заднем дворе, то и месяц мог превратиться в один день.

— Это было три недели тому назад, — подтвердила слова Эмили Беатрис.

— А откуда он приехал?

И вновь дети переглянулись.

— Не знаем, — ответила Би за всю компанию.

— Он вылез из большого дупла, — продолжал маленький Чарльз, не обращая внимания на слова старших. — Оно было круглым и сверкало, как елка под Рождество.

— Ну хватит врать-то, — начала сердиться Эмили. — Где ты это видел?

— Если и не из дупла, то все равно из чего-то подобного.

— И они не заметили? — Джейн подразумевала взрослых.

— Нет, — ответила Беатрис, и все дети оглянулись на дом, задумавшись на секунду о непонятливости взрослых. — Они ведут себя так, словно он живет здесь всегда. Даже бабушка. Тетя Бетти сказала, что он давно живет вместе с нами. Но мы-то знаем, что это не так.

— Три недели, — сказал Чарльз, переходя к общедоступной системе координат.

— Он заставляет их болеть, — продолжала рассказывать Эмили. — Тетя Бетти постоянно пьет аспирин...

Джейн задумалась. Подобные вещи всегда тревожили ее. Что за дядя трех недель от роду? Может, взрослые лишь притворяются, ведь это так похоже на них? И для этого у них всегда полно их непонятных, взрослых причин. Но такое объяснение было каким-то шатким и совершенно неубедительным. Но дети есть дети, и они не любят тратить время на то, чтобы объяснить поведение взрослых.

Тем временем Чарльз, признав в Джейн полноправного члена своей компании, разволновался.

— Би! Расскажи ей нашу настоящую тайну! Я могу показать ей дорогу из желтых камней! Би, ну пожалуйста! А?

И снова молчание. Чарльз сболтнул лишнего. Джейн, разумеется, знала про дорогу, вымощенную желтым кирпичом и ведущую через Мертвую пустыню в страну Оз прямо к Изумрудному городу...

Наконец, когда молчание стало уж чересчур продолжительным, Эмили согласилась:

— Да, надо ей рассказать, но она может перепугаться, ведь там так темно...

— Так ведь и ты испугалась, — сказал Бобби. — Вспомни, как ты заревела в первый раз.

— А вот и нет. Но все равно только тогда она и сможет поверить...

— О нет! — возразил Чарльз. — В последний раз я протянул руку и смог дотронуться до короны...

— И вовсе это не корона, — перебила его Эмили, — это он сам... Руггедо¹.

Джейн задумалась о ненастоящем дяде... неужели...

— Неужели он — Руггедо? — спросила она.

Остальные поняли.

— О нет, — успокоил Чарльз. — Руггедо живет в погребке, и мы кормим его мясом. Красным и сырым. Он очень любит сырое мясо! Он только и делает, что жрет, жрет и жрет.

Беатрис посмотрела на Джейн, а затем кивнула в сторону маленькой сторожки, на дверях которой висел причудливый замок, но потом ловко перевела разговор на другую, более спокойную тему. Затем стали играть в ковбоев и индейцев. Бобби, ужасно воя, что должно было изображать боевой клич команчей, помчался вокруг дома. Остальные последовали за ним и под деревом остались только Беатрис и Джейн.

В хижине приятно пахло акацией, запах которой просачивался сквозь щели постройки. Беатрис, тесно прижавшись к Джейн, прислушивалась к затихавшим вдали воплям «индейцев». Вне своего привычного окружения Беатрис выглядела удивительно взрослой и серьезной.

— Джейн, я очень рада твоему приезду, — заговорила она, когда крики мальчиков смолкли вдали. — Малыши ничего не понимают, для них это всего лишь новая игра, а мне страшно...

— Кто он?

Беатрис передернуло.

— Не знаю. Скорее всего, он живет в погребке. — Она чуть замялась. — Но до него можно добраться через чердак... Я бы не рискнула что-нибудь узнавать, не будь мальчишки такими... такими... в общем, они ведут себя, словно ничего не случилось.

— Би, а кто он?

Беатрис внимательно посмотрела на Джейн. Было ясно, что даже если она и знает, то все равно ничего не скажет. Словно был какой-то невидимый барьер. Но, понимая важность вопроса, она попыталась назвать поддельного дядю:

— Скорее всего, Руггедо... то же самое, что и он. Во всяком случае, Чарльз и Бобби так говорят, а они знают. И я с ними согласна. В подобных вещах они разбираются лучше. Они младше... Мне не хватает слов, но... в общем, это нечто вроде Скудлеров. Помнишь?

Те, кто читал «Волшебника из страны Оз», наверняка помнят Скудлеров, неприятных существ, живущих в пещере на пути в Изумрудный город и умевших отделять головы от туловища, чтобы кидаться ими в проходивших по вымощенной желтым кирпичом дороге. Для Джейн все стало понятно. Ведь Скудлеры могли жить как бы

¹ Руггедо — злобный король гномов в сказках Фрэнка Баума о стране Оз.

сразу в двух местах: голова в одном, туловище в другом, и все равно оставаться единым существом.

Конечно, у странного дяди голова находится на месте, но Джейн, применив сравнение со Скудлером, в полной мере смогла ощутить двойственность его натуры... Одна ее часть уверенно бродила по дому, приводя в непонятное беспокойство, другая, безымянная, сидела в подвале и ела сырое мясо...

— Чарльз узнал об этом больше всех, — продолжала Беатрис. — Это он понял, что мы должны кормить Руггедо. Сначала мы предлагали ему другую пищу, но оказалось, что он ничего, кроме сырого мяса, не ест. Если мы прекратим его кормить, то случится что-то ужасное. Все дети это знают.

Джейн не стала спрашивать, откуда они это знают, ведь она была ребенком, а дети принимают подобные вещи как само собой разумеющееся.

— Они не знают, — добавила Беатрис. — И мы не можем их предупредить.

— Не можете, — согласилась Джейн.

Беспомощные перед надвигающейся бедой, девочки переглянулись и еще теснее прижались друг к другу. Они ничего не могли поделать... Мир взрослых слишком трудно понять, особенно когда тебе всего девять лет. Поэтому надо все время быть начеку... Взрослые ничего не принимают на веру. К тому же взрослые — это чужая раса, представители которой почему-то всегда считают, что они и только они правы.

К счастью, дети уже давно научились объединяться перед лицом опасности и тем самым противостоять врагу. Случись подобное с одиноким малышом, он непременно впал бы в истерику. Но Чарльз, которому принадлежала честь открытия поддельного дяди, был еще слишком мал, ему было всего шесть лет, так что, объединившись с другими детьми, он мог быть спокоен, абсолютно спокоен за свой крепкий сон.

— И они болеют с тех пор, как он появился здесь, — продолжила рассказ Беатрис, имея в виду взрослых.

Джейн уже заметила все это. Волк при желании может спрятаться среди стада овец. Овцы не будут его замечать, но начнут нервничать, не понимая причины своих волнений. Все дело в настроении. Даже поддельный дядя поддавался ему, чувствуя тревогу ожидания чего-то страшного и неизбежного, ощущая, что все идет не так, как должно. Впрочем, для него это был всего лишь камуфляж. Джейн посчитала, что он просто маскируется, стараясь полностью походить на избранный им эталон, заключенный в оболочку человека.

Девочка приняла версию. Дядя пустой. Того, что сидит в погребке, зовут Руггедо, и, чтобы не случилось ничего страшного, его необходимо кормить сырым мясом...

Ряженный, явившийся неизвестно откуда, несмотря на свою огромную власть, имел и ограничения... Но его власть принималась безоговорочно...

Дети — реалисты. Они не задумывались, что в том, что среди них появился странный и голодный НЕЧЕЛОВЕК, есть много загадочного. Они просто принимали все это как есть. Ведь он был. Он явился откуда-то издалека, из времени, из пространства или просто из какого-то известного ему одному убежища. Он никогда не обладал чувствами и понятиями человека — дети сразу же замечают подобные вещи. Но он умел очень ловко притворяться. Он старался походить на человека и внушил взрослым, что живет с ними очень давно. Взрослые считали, будто помнят его прошлое. Взрослые могут распознать мираж. Ребенок, увидев мираж, может обмануться. Но интеллектуальный мираж обманет любого взрослого, а вот ребенок всегда распознает его.

Власть Ругтедо не могла распространиться на разум детей, ибо они, с точки зрения взрослого, были еще слишком глупы и неопытны. Лишь только Беатрис боялась. Она была старше остальных и обладала развитым воображением. А самый маленький из них — Чарльз — от нового приключения был просто без ума... Возможно, при желании, Би смогла бы почувствовать подлинный вид Ругтедо, для остальных же его облик был невидимой и, может быть, от того страшной, а значит, и заманчивой загадкой.

Они шли к нему по очень странной дороге и, приближаясь к нему, возможно, менялись сами. А он, в свою очередь, принимал или отвергал еду; и это было все.

Наверху внешность Скудлера казалась вполне человеческой, в то время как его голова лежала в маленьком уютном гнездышке, сделанном из свернутого пространства, отчего была невидима и недостижима для любого, кто не знал, как разыскать дорогу, вымощенную желтым кирпичом.

Кем он был? Не прибегая к стандартным сравнениям, которых попросту нет в нашем мире, можно сказать, что его сущность было невозможно определить. Дети называли его Ругтедо, но он не был толстым и мало походил на немного комичного, вечно странствующего короля гномов.

Да он и не был им никогда.

И мы решили называть его просто ДЕМОН.

Демон — это имя-символ. Оно может включать в себя или слишком много, или слишком мало. Но оно подходит для этого создания больше, чем любое другое. По физиологии он был жутким чудовищем, неким галактическим супермонстром, но, исходя из его поступков и желаний, лучше всего назвать его ДЕМОНОМ.

Спустя несколько дней после знакомства Беатрис поинтересовалась у Джейн:

— У тебя с собой много денег?

— Четыре доллара и тридцать пять центов, — подытожила Джейн, пересчитав содержимое своего кошелька. — На вокзале папа подарил мне целых пять долларов, ну а я купила кукурузных хлопьев... и так по мелочам.

— Как я рада, что ты приехала, — Беатрис глубоко вздохнула, словно собираясь нырять в воду. Само собой разумелось, что принципы коммуны, собственные детские компаниям, распространяются и на их «команду». И маленький капитал Джейн требовался не лично Беатрис, а всей компании на общее дело... — Как я рада, что ты приехала, — продолжала Беатрис. — Бабушка заметила, как мы доставали из холодильника мясо, и теперь холодильник заперт на ключ... А на твои деньги мы можем купить много мяса.

С чисто детской простотой они совершенно не задумывались о том времени, когда деньги Джейн кончатся... Четыре доллара тридцать пять центов кажутся огромной суммой, когда тебе девять лет. И потом, им не требовалась дорогая вырезка. Необходимо было только, чтобы оно вкусно пахло и было сырым.

Всей компанией они отправились вдоль по улице, затененной акациями, кое-где вместо акаций росли клены. На доллар они купили мяса, ну а на двадцать центов выпили содовой, чуть не лопнув от обилия жидкости в желудках.

Дома, куда они поспешили вернуться, было обычное воскресное сонное царство; дядя Саймон и дядя Джеймс ушли за сигаретами, дядя Лью и дядя Берт читали газеты, тетя Бетти вязала крючком, бабушка Китон читала «Журнал для молодежи», обследуя его на предмет наличия пикантных мест. Девочки сквозь щелку в вышитых портьерах заглянули в комнату.

— Что прячетесь, входите, малышки, — глубоким, густым голосом позвал дядя Лью. — Картинки видели? Мэтт и Джефф просто великолепны. И Спарк Плаг...

— Лично для меня лучше всех мистер Джигсон, — включилась в разговор бабушка. — Он настоящий художник. Люди на его рисунках похожи на настоящих людей.

Входная дверь распахнулась, и на пороге появился толстый и улыбающийся дядя Джеймс, более чем довольный жизнью после нескольких кружек пива. За ним, словно тень, вышагивал дядя Саймон.

— Во всяком случае, хотя бы тихо, — сказал он, покосившись на девочек. — Иногда от детей столько шума, что невозможно услышать собственные мысли.

— Бабушка, — спросила Джейн, не обращая внимания на вошедших, — а где малыши?

— Скорее всего, на кухне. Им для чего-то понадобилась вода.

— Спасибо.

И девочки побыстрее выбежали из комнаты, в которой появились

первые признаки неосознанного смятения. Овцы почувствовали присутствие волка, но не знали...

Мальчишки действительно были на кухне, с увлечением размачивая «космический» комикс. Одна из журнальных страниц была покрыта специальным составом и, смоченная водой, выявляла на свет удивительно красивые пастельные рисунки комикса... Беатрис показала ребятам сверток с мясом.

— Целых два фунта, — похвасталась она. — У Джейн нашлись деньги, и Мертон сегодня работает. Вот я и решила, что лучше нам...

Эмили была полностью поглощена созерцанием комикса, но Чарльз тут же оторвался от увлекательного занятия и вскочил:

— Сейчас пойдем, да?

— Стоит ли идти? — встревожилась Джейн.

— Я тоже не хочу, — начала Эмили, но Чарльз сказал, что она просто боится.

— И вовсе нет. Просто мне надоела эта игра. Я хочу поиграть во что-нибудь другое.

— Эмили, — попыталась успокоить ее Беатрис, — тебе совсем не обязательно идти с нами.

— А вот и пойду. — Эмили оторвалась от своего занятия. — Я пойду! Я не боюсь!

— А я хочу посмотреть на огни, — сказал Чарльз.

Беатрис обернулась.

— Ты обманываешь! Там нет никаких огней!

— Нет, есть! Во всяком случае, иногда.

— Нет!

— А вот и есть! Просто ты такая глупая, что их не видишь! Да ладно, пошли скорей!

Само собой, что Беатрис, как старшая, приняла командование на себя, но Джейн почувствовала, что и боялась Би больше всех, больше, чем Эмили.

Но они все равно пошли наверх. Беатрис с упаковкой мяса шла впереди, остальные следом за ней. Поднявшись на верхний этаж, они сгруппировались около двери в ванну.

— Вот он, путь, — с гордостью сообщил Чарльз, показывая Джейн свою осведомленность и указывая на дверь ванной. — Нам придется залезть на чердак. В потолке ванной есть люк и лестница, по которой можно подняться.

— Но мое платье... — засомневалась Джейн.

— Не бойся, не испачкаешься. Пошли.

Чарльз хотел быть первым, но он был еще слишком мал, и Беатрис, преодолев страх, дотянулась до кольца в потолке, взобравшись

на край ванны. Люк заскрипел, и с потолка спустилась лестница. На чердаке было темно, лишь слабый свет пробивался сквозь щели.

— Джейн, пошли скорее. — Голос Беатрис был каким-то жалостливо-просящим.

И они, как отважные акробаты, полезли вверх.

На чердаке было сумрачно и жарко, в лучах света сотнями искорок летали пылинки. Беатрис пошла вперед по одной из балок. Джейн следила за ней, не двигаясь с места.

Беатрис шла молча, не оглядываясь и внимательно глядя под ноги. Один раз она подняла руку и повела ею из стороны в сторону, словно чего-то ища. Чарльз, шедший следом за ней, схватил ее за руку. Вскоре Беатрис достигла доски, переброшенной на соседнюю балку. Ребята прошли по доске до самого конца и остановились. Затем вернулись назад.

— Ты сделала все неправильно, — начал возмущаться Чарли. — Ты не о том думаешь.

В слабом солнечном свете лицо Беатрис казалось белее снега. Она встретила взглядом с Джейн...

— Все верно, надо думать о чем-то другом, — согласилась Би. — Пошли снова.

И она вновь пошла по доске, Чарльз не отставал. Он шел, стараясь поспевать своими короткими ножками за ее ногами, бормоча под нос что-то монотонно-механическое:

Раз, два, вот халва,
Три, четыре, заплатили,
Пять, шесть, будем есть...

При этих словах Беатрис исчезла.

Семь, восемь, еще попросим...

Чарльз исчез следом за Беатрис.

Бобби, всем своим видом выражая неудовольствие, последовал за ними и тоже исчез.

Эмили всхлипнула.

— Ну, Эмили... — попыталась подбодрить ее Джейн.

Но младшая кузина сказала:

— Дженни, я совсем не хочу идти туда.

— Тебе и не надо туда идти.

— Нет, надо, — возразила Эмили. — Но если ты не хочешь, чтобы я боялась, обещаю, что пойдешь следом за мной. Когда я попадаю туда, мне постоянно кажется, что кто-то невидимый крадется следом за мной и вот-вот схватит. А если ты пообещаешь идти следом, я не испугаюсь.

— Обещаю, — ответила Джейн.

Повеселевшая Эмили прошла по доске...

На этот раз Джейн, вставшая в самом начале этого импровизированного мостика, следила особенно внимательно. Но несмотря на все старания, она так и не заметила, когда и как исчезла Эмили. Просто вот она была, и вот ее больше нет. Джейн шагнула на доску, собираясь последовать за девочкой, но голос, донесшийся снизу, заставил ее остановиться.

— Джейн! — Голос принадлежал тете Бетти. — Джейн! — На сей раз окрик был громче и недовольнее. — Джейн, где ты? Иди скорее ко мне!

Джейн не знала, что делать, и растерянно переводила взгляд с доски-мостика на входной люк. От детей не осталось и следа. Чердак опустел и превратился в жуткое место, таившее угрозу. Но все равно надо было идти... Она обещала...

— Джейн!!!

Джейн подошла к люку и, покорно спустившись, побежала на зов тети Бетти. Тетя недовольно поджала губы:

— Скажи на милость, ну где тебя носит? Прямо не дозовешься. Кричишь, кричишь...

— Тетя, мы играли, — ответила Джейн. — А я тебе нужна?

— Я не буду утверждать обратное, — сухо ответила тетя. — Я вяжу воротник, между прочим, к твоему платью. Мне надо его примерить... Ну иди же сюда скорей... О, как ты, племяшка, выросла! — Затем началась бесконечная возня с булавками, повороты туда-сюда, а Джейн непрестанно думала об Эмили — она была там одна, и она, Джейн, не выполнила своего обещания, не пошла за ней вслед. Постепенно она начала испытывать к надоевшей тетке ненависть. Но мысль о побеге не приходила ей в голову. Ведь взрослые обладают правом абсолютной монархии. Значит, в данный момент для поддержания крепких родственных связей не было ничего важнее возни с воротничком. По крайней мере, с точки зрения правящих этим миром взрослых.

А Эмили одна, испуганная, дрожащая шла по мостику, который вел в ничто.

Дяди азартно играли в покер. Тетя Гертруда, водевильная актриса, неожиданно прикатившая погостить, несколько дней болтала с бабушкой и тетей Бетти в гостиной.

Тетя Гертруда была маленькой и хорошенькой, в общем, очаровательной, как и положено быть актрисе. Ее вкус к жизни восхищал Джейн. Но и она, обычно такая веселая, казалась подавленной.

— Странный дом. Почему-то как только я попадаю сюда, так у меня начинают бегать мурашки по коже, — сказала она, делая вид, что собирается щелкнуть Джейн по носу. — Привет, милое личико. А почему ты не играешь с другими детьми?

— О, я устала, — соврала Джейн, не переставая думать о маленькой Эмили. Ведь с тех пор, как тетя позвала ее, прошел почти час...

— В твоём возрасте я не уставала почти никогда, — сказала тетя Гертруда. — Ну-ка, посмотри на меня. Три дня, да еще этот ужасный человек... Я рассказывала тебе, мама, — голоса понизились.

Джейн следила за тем, как худые пальцы тети Бетти с неизменной скоростью цепляют шелк крючком.

— Нет, это не дом, это самый настоящий морг, — внезапно встрепенулась тетя Гертруда. — Да что с вами, в конце концов, случилось? Вы что, похоронили кого-нибудь, черт возьми?

— Нет, все дело в воздухе, — вяло отозвалась тетя Бетти. — Здесь круглый год страшная жара.

— Если бы ты когда-нибудь надумала побывать зимой в одном из городков Аляски, Бетти, моя девочка, то ты бы радовалась теплему климату, как манне небесной. Но мне кажется, что дело не в этом. У меня ощущение, словно я оказалась голой на сцене.

— Пустые фантазии, — успокоила ее мать.

— Нет. Это привидение... — продолжала тетя Гертруда и замолчала на полуслове. Бабушка Китон многозначительно посмотрела на Джейн.

— Поди-ка сюда, малышка, — сказала она. Мягкие, уютные колени, державшие на себе столько детей.

Джейн попыталась забыть обо всем, окунувшись в это надежное тепло и оставив все свои беды доброй бабушке Китон. Но ничего не вышло. В доме было что-то не так. Огромные, абсолютно ненужные в этом доме волны беспокойства исходили от непонятого источника тревоги, находившегося совсем рядом.

Поддельный дядя. Голод, алчность и единственное желание — побольше сырого мяса. Близость сырого, кровавого мяса дразнила его, когда он отсиживался в своем укрытии где-то там... Где-то в ином, непонятном мире... в том удивительном месте, куда отправились ребята.

Он сидел там и жаждал еды и одновременно находился здесь — пустой, одна оболочка, алчный, готовый броситься в водоворот голода.

Нет, он не был поддельным, он был раздвоившимся дядей. Замакировавшимся и от этого еще более ужасающе понятным...

Джейн закрыла глаза и еще теснее прижалась к плечу бабушки Китон.

Тем временем Гертруда продолжала болтать своим до странного напряженным голосом, словно и она ощущала присутствие чужого под привычной внешней оболочкой. И это, пусть неосознанно, пугало ее.

— Ма, через пару дней у меня премьера в Санта-Барбаре, — заговорила она. — Я... Да что стряслось с этим домом? В конце кон-

цов! Я нервная, словно побитая кошка!.. Так вот, я очень хочу увидеть всех вас на своей премьере в этом городе. Это не водевиль, а большой музыкальный спектакль. Как видишь, меня повысили!

— Я уже однажды видела «Принца Тильсена», — ответила бабушка.

— Но там не я играла главную роль. К тому же я уже забронировала лучшие комнаты в отеле. Возьмите с собой детей, пусть они тоже развекются. Джейн, ты не хочешь посмотреть, как играет твоя тетя?

Джейн выглянула из-за бабушкиного плеча и утвердительно закивала. Потом неожиданно спросила:

— Тетя, ты видишь всех дядей?

— Конечно.

— Всех-всех? Дядю Джеймса, дядю Берта, дядю Саймона и дядю Лью?

— Конечно, всю эту неразлучную компанию. А в чем, собственно, дело?

— Да так, я просто спросила.

Значит, тетя Гертруда тоже не заметила поддельного дядю. Она слишком взрослая, подумала Джейн.

— А вот остальных ребят я не вижу. Если они не поторопятся, то останутся без подарков, которые я им привезла. Ты, Джейн, никогда не сможешь догадаться, что я привезла тебе.

Но Джейн думала о своем, и даже эти многообещающие слова едва достигли ее ушей. Она почувствовала, что напряжение, которое она ощущала со дня приезда в этот дом, внезапно исчезло. Поддельный дядя, еще секунду назад бывший средоточием голода, теперь искрился фонтаном экстаза. Где-то, каким-то непостижимым образом Ругтедо был накормлен. Где-то, в чужом мире вторая половина поддельного дяди наконец насытилась сырым, кровавым мясом.

Джейн, если бы ее спросили, все равно не смогла бы объяснить как, но в этот момент она оказалась рядом с остальными детьми, точнее, почти рядом. Так же, как и они, она стояла возле вращающегося фокуса тьмы. Она могла ощущать, что они здесь, совсем рядом, и, если поднять руку, можно дотронуться до них. Но девочка боялась даже пошевелиться.

В следующее мгновение тьма вздрогнула, крошечные огоньки, мелькавшие там и тут, слились в единое целое, и в сознании девочки закружились чужие воспоминания. Она оказалась рядом с НИМ. А он был абсолютно безопасен, потому что наелся сырого мяса с кровью. Мыслить он не умел. Его сознание всецело было подчинено инстинктам. Заполняло собой окружавшую их пустоту. Его прошлое было заполнено воспоминаниями о пище, которую он пожирал в других временах и пространствах.

Было удивительно, но казалось, что для него время и пространст-

во сливались в единое целое. Он, этот ненасытный Ругтедо, был почти во всех уголках вселенной, и в каждой точке своего необычного путешествия он прятался в кокон свернутого пространства, выпуская наружу пустую оболочку. Она и приносила ему воспоминания. Но все воспоминания были заполнены лишь сценами, как он разрывает чьи-то меховые или покрытые лишь тонким слоем кожи бока и пьет, пьет, пьет красную, со слегка солоноватым привкусом жидкость.

Вот из его сознания всплыл огромный, вымощенный плитами двор. Он входит и устремляется к центру двора, где стоит прикованная к столбу жертва, а зрители из-за высокого забора в восторге и кровожадном экстазе кричат что-то невообразимое. В следующий миг он уже разрывал жертву, и цепь звенела, отбивая ритм работы его окровавленных челюстей.

Джейн хотела избавиться от этого наваждения и закрыла глаза, но видения поступали не через них. Они входили прямо в мозг. Девочка была не в силах избавиться от этого наваждения и испытывала чувство стыда и отвращения от того, что она видит, пусть помимо своей воли, эту жестокую вакханалию.

— Э... а вот и остальные, — долетел откуда-то из тьмы голос тети Гертруды.

Вначале до Джейн, находившейся всецело во власти воспоминаний Ругтедо, не дошел смысл ее слов, а потом она как-то неожиданно, вдруг, вернулась в свой привычный мир и ощутила мягкие бабушкины колени. Кошмар, или наваждение — трудно подобрать правильное название — кончился, она была вновь в знакомой комнате рядом с бабушкой.

— Уж не стадо ли слонов мчится по лестницам к нам? — продолжала тетя Гертруда.

Да, дети бежали. Джейн слышала стук их башмачков по лестнице. Впрочем, сказать по правде, они производили гораздо меньше шума, чем обычно, затем ритм их шагов стал медленнее, и девочка услышала голоса...

В комнату дети вошли так, будто ничего не случилось. Беатрис была чуть бледна, Эмили чуть раскрасневшейся со слегка припухшими веками. Чарльз был возбужден и все время пытался что-то сказать. Только Бобби, самый младший в компании, был спокоен, как всегда, разве что чуть угрюм, и на его лице читалась страшная скука.

Но увидев тетю Гертруду, все развеселились, только Беатрис многозначительно посмотрела на Джейн. Шум, приветствия. Началось обсуждение поездки в Санта-Барбару — но отчего-то первая волна разбилась о стену молчания.

Взрослые молчали; словно их угнетало предчувствие какой-то страшной беды. Одни только дети знали причину этого — они видели пустоту поддельного дяди и его подлинный облик, скрытый в другом пространстве — ленивое полубессознательное существо. Вполне че-

ловеческая на вид оболочка не имела ничего общего с тем монстром, который управлял ей.

Теперь его переполняло чувство насыщения. Его тянуло в сон, и взрослые удивлялись, отчего они вдруг раззевались. Но и в полудреме поддельный дядя был пустым. Ненастоящим. Чувство, что он здесь чужак, не покидало маленькие острые умы малышей.

Вечером, перед сном, только Чарльз хотел поговорить о дяде. Джейн не покидало чувство, что Беатрис за день повзрослела на целый год. Бобби сидел за столом и читал «Книгу джунглей» или притворялся, что читает. Но картинки с изображением тигра Шерхана он, во всяком случае, рассматривал с интересом. Эмили отвернулась к стене, изображая, что спит.

— Меня позвала тетя Бетти, — сказала Джейн, чувствуя ее молчаливый упрек. — Я не могла убежать от нее. Ей во что бы то ни стало захотелось примерить воротничок на мое платье.

— Да. — Извинение было принято.

Но Беатрис продолжала хранить молчание.

Джейн подошла к кровати и обняла малышку Эмили.

— Эмили, ты очень сердишься на меня?

— Нет.

— Сердишься, я чувствую. Но я была не в силах что-нибудь предпринять.

— Нет, все в порядке, что ты, — ответила Эмили. — Теперь уже все неважно.

— Все блестит и переливается, — заговорил сонным голосом Чарльз. — Словно елка под Рождество.

Беатрис резко обернулась.

— Заткнись! — закричала она. — Чарльз, заткнись! Заткнись! Ну пожалуйста.

Дверь приоткрылась и в щелку заглянула тетя Бетти.

— Дети, в чем дело? — спросила она.

— Все в порядке, тетя, — ответила Беатрис. — Мы просто играем.

Сытый и довольный монстр лежал в своем гнезде. В доме все было спокойно. Все уснули. Даже поддельный дядя уснул, ведь Ругтедо отлично владел мимикой.

Нет, поддельный дядя не был фантомом, он не был пустой проекцией Ругтедо. Как амеба отращивает ложноножку и тянет к еде псевдококон, так и Ругтедо увеличился и создал поддельного дядю. Но на этом параллель кончалась, ибо поддельный дядя не был просто эгоистичным расширителем. Скорее, он был рукой. Мозг, спрятавшись в кокон, посылал сигнал, поддельный дядя-рука хватал пищу и... мозг насыщался. Но одновременно это нельзя было назвать рукой. Руку можно отдернуть, если ей будет больно, спрятать за спину, если не

хочешь ее показывать, а поддельный дядя, хотя и был рукой Руггедо, во многом обладал собственной волей. Его нельзя было убрать, он действовал, как человек. Только глаза выдавали его нечеловеческую сущность.

Руггедо, как и любое живое существо, должен был подчиняться определенным законам. Законы жизни до определенных пределов связывали и его. Все знают, что есть циклы — к примеру, жизнь мотылька от яйца до бабочки полностью зависит от циклов. Прежде чем гусеница завьется в кокон и превратится в мотылька, она должна жрать, жрать и жрать. И переход в следующую форму жизни произойдет не раньше, чем отведено на это природой. Так и Руггедо при всем своем желании не смог бы изменить форму до тех пор, пока не закончится цикл, отведенный на это природой. Переходы в иную форму происходили с ним не раз, возможно, произошли миллионы мутаций, но каждый раз ему приходилось ждать до тех пор, пока не закончится цикл, отведенный ему природой.

И сейчас он тоже был связан законами наступившего цикла. Поддельный дядя должен был существовать тот же срок, что и любой обыкновенный человек...

По темному, овейанному снами дому гуляли все заполняющие волны насыщения. Постепенно переходя в те, что всегда следуют после переваривания пищи.

Тетя Бетти перевернулась на спину и захрапела. В соседней комнате поддельный дядя тоже перевернулся на спину и захрапел.

Наступил новый день, и жизнь в доме забурилась в новом ключе.

— Если мы собираемся в Санта-Барбару, то для начала я свожу детей к стоматологу. Нужно проверить, в порядке ли у них зубы, а с доктором Гувером легче договориться насчет осмотра всех детей сразу. Да и обойдется все это гораздо дешевле. Джейн, твоя мама сказала, что месяц назад вы лечили зубы, так что можешь оставаться дома.

Услышав эту новость, дети всполошились, хотя никто не высказал вслух своего отношения к предстоящему мероприятию. Лишь когда бабушка стала выводить внучат за ворота, Беатрис слегка замешкалась. Джейн наблюдала, стоя в дверях. Беатрис обернулась, подошла к крыльцу и молча пожала руку девочке. Обе прекрасно поняли друг друга.

Ответственность возложена. К чему слова? Беатрис дала понять, что в ее отсутствие весь груз ответственности за происходящее в доме ложится на Джейн.

Девочка решила не откладывать возложенное поручение. Она слишком хорошо знала, что означает все усиливающаяся депрессия взрослых — Руггедо вновь хотел мяса. Она постояла в раздумье на крыльце, затем, услышав шум отъезжающего троллейбуса, поняла,

что на помощь братьев и сестер рассчитывать не приходится. Зайдя к мяснику, она купила два фунта мяса, выпила содовой и вернулась в дом, старательно пряча покупки под фартуком.

Дома она немного успокоилась и проскользнула в ванную, прихватив по дороге пустой кувшин, в который и сложила мясо. В одиночку взобраться на чердак было почти невыполнимой задачей, но она справилась. В темном полумраке, царившем под крышей, она чуть замешкалась, надеясь, что тетя Бетти вновь позовет ее мерить воротничок. Но все оставалось по-прежнему тихо.

Она не особенно боялась. Ведь ей было всего девять лет.

Балансируя, она встала на балку и пошла вперед к доске-мостику. Сступив на доску, она ощутила вибрацию под ногами, и губы сами собой стали повторять считалочку, услышанную накануне:

Раз, два, вот халва,
Три, четыре, заплатили,
Пять, шесть, можем съесть,
Семь, восемь...

Два раза она проходила до конца доски и ничего не получалось. Как накануне предупреждал Чарльз — требовалось освободить мозг от конкретных мыслей.

Она пересекла мостик, свернула и...

Место, куда она попала, было сумрачным, почти темным. Как в подzemье пахло плесенью и сыростью и еще чем-то знакомым, но неопределенным. То, что она оказалась глубоко под землей, ее не удивило и не испугало. Ее мозг, мозг девятилетней девочки, воспринимал подобное как само собой разумеющееся.

Странно, но путь показался ей знакомым. С одной стороны, она блуждала по замкнутому помещению, с другой — проходила через бесчисленные туннели и переходы. О подобных местах даже думать противно, не то что блуждать по ним. Да еще в обнимку с кувшином сырого мяса.

ОНО решило, что мясо отличное.

Позже, вспоминая свое путешествие, Джейн так и не смогла понять, каким образом ОНО попробовало пищу и как съело ее. Так же она оказалась не в силах понять, что же из себя представляет убежище монстра, в котором чудовище отлеживалось, грезя о чуждых мирах.

Девочка могла только вспомнить, как тьма вокруг нее закружилась и замигала разноцветными искрами в тот момент, когда чудовище добралось до еды.

И вновь воспоминания о жизни монстра в иных мирах заполнили ее мозг. На этот раз все было четче. Она увидела гигантское существо с крыльями, заключенное в блестящую клетку невообразимых размеров. Она прыгнула вместе с Руггедо и ощутила биение мощных

крыльев, почувствовала волну неодолимого голода, а затем сытость и солоноватость упруго бьющей струи.

То было смешанное видение: разнообразные существа бились в когтях страшного хищника, гонимого голодом.

Самое последнее видение оказалось и самым сильным. Джейн увидела сад, полный цветов, любой из цветов был выше ее роста. Среди цветов бродили фигуры, закутанные в бесформенные балахоны с капюшонами, а в чашечке самого большого цветка лежала жертва. Жертвой был человек со светлыми волосами, скрывавшими лицо.

То было первым воспоминанием Руггедо о человеческой жертве. Джейн захотелось побольше узнать об этом. Это было простым детским любопытством. Еда есть еда. Но видение сменилось другим, и она так и не узнала окончания этой трагедии. Впрочем, этого и не требовалось. Все ЕГО воспоминания имели один страшный конец. Скорее всего, ей крупно повезло, что Руггедо решил не задерживаться на этом воспоминании.

...Пора собираться,
Девятнадцать, двадцать.

Она вновь балансировала на балке, прижимая пустой кувшин. Запах чердачной пыли окончательно прояснил ее мозг от обрывков ЕГО воспоминаний...

Первое, что спросила Беатрис, вернувшись от стоматолога, было:
— Сделала?

Джейн молча кивнула. Табу по-прежнему сохранялось. Вслух на эту тему разрешалось говорить только в случае крайней необходимости, а томительно дремотный жар дома плюс пустота поддельного дяди говорили красноречивее всяких слов: ОПАСНОСТЬ ВРЕМЕН-НО МИНОВАЛА.

— Бабушка, почитай мне книжку про Маугли, — попросил Бобби.

Бабушка взяла Киплинга, поудобнее уселась в кресле и надела очки. Довольные дети устроились рядом с ней. Бабушка читала о том, как Маугли победил Шерхана, о том, как звери загнали хищника в узкое ущелье, из которого тот не мог вырваться на свободу, и как стадо бегущих буйволов превратило нарушителя Закона Джунглей в шерстяной блин.

— Ну вот, — подытожила бабушка, закрывая книгу. — Теперь Шерхан мертв и не сможет творить свои злые дела.

— Нет, — возразил сонным голосом Бобби.

— Да. Стадо растоптало его.

— Это, бабушка, только в конце, а если начать читать книгу сначала, то Шерхан оживет снова.

Для того, чтобы понять, что же такое смерть, Бобби был еще слишком мал. Ведь в детских играх так часто кричат: «Падай, ты убит», — и ты лежишь, изображая из себя мертвого. А потом весело бежишь пить чай с конфетами. Смерть в понимании ребенка просто один из терминов для игры.

В комнате все было лениво и сонно. Дядя Лью обыгрывал дядю Саймона в шахматы. Дядя Джеймс подмигнул тете Гертруде и предложил ей составить ему компанию и прогуляться. Тетя согласилась.

Как только они ушли, тетя Берта оторвалась от вязания и презрительно фыркнула:

— Мама, понюхай, чем от них будет пахнуть, когда они вернутся. И почему ты это им позволяешь?

Но бабушка лишь улыбнулась в ответ и погладила внучонка по волосам. Набегавшись за день, Бобби уснул прямо у нее на руках. Щеки малыша разругались, ручки сжались в кулачки.

Дядя Саймон подошел к окну и долго в задумчивости, молчаливо вглядывался в проплывающие облака.

— Если ты собираешься завтра на премьеру в Санта-Барбару, — сказала тетя Бетти, — то нужно лечь спать пораньше.

Так и сделали. Когда дядя Джеймс и тетя Гертруда вернулись, все давно уже спали.

К утру Бобби затемпературил, и бабушка решила не рисковать и не возить его в Санта-Барбару. От этого Бобби с раннего утра опечалился. Но зато сразу же решилась задача, кому кормить Рутгедо, пока дети будут в отъезде. Затем позвонил отец Джейн и сказал, что у девочки появился младший братик и сегодня он придет за ней, чтобы забрать домой. Джейн обрадовалась, наконец-то она достойно удержит из этого дома, да и мама теперь должна перестать болеть.

Перед завтраком в комнате Бобби провели маленькое совещание.

— Бобби, ты отлично знаешь, что тебе делать, — начала Беатрис. — Обещай, что все исполнишь в точности.

— Угу.

— Дженни, если твой папа задержится, пожалуйста, помоги ему. Да и за мясом тебе лучше сходить самой.

— Я не могу купить мяса. У меня нет денег, — плаксиво отозвался Бобби.

Как-то медленно и осторожно, словно боясь ошибиться, Беатрис пересчитала то, что осталось от маленького капитала Джейн, и отдала брату. Бобби спрятал деньги под подушку и поправил красный шарф, которым бабушка обвязала его горло.

— Кусается, — пожаловался малыш. — Но все равно... Я здоров!

— Это все от неспелых груш, которые ты съел вчера, — съязвила Эмили. — Думаешь, я не видела?

Снизу прибежал Чарльз, которого забыли позвать на совещание.

— Эй, слушайте, что случилось... — затараторил он, не успев переступить порог. — Он ушиб ногу и теперь не поедет в Санта-Барбару. Держу пари, что он притворяется.

— Этого нам не хватало, — огрызнулась Джейн. — Но зачем?..

— Может быть, он просто не хочет ехать? — предположила Беатрис, руководствуясь своей детской интуицией. Они никогда раньше не обсуждали эту тему, но и раньше каждый предполагал, что поддельный дядя не захочет ехать на премьеру.

Чтобы смогли уехать все да еще увести кучу абсолютно ненужных, по мнению детей, вещей, пришлось вызвать целых два такси. Бабушка, поддельный дядя и Джейн помахали вслед отъезжавшим, и машины скрылись в облаках придорожной пыли. Джейн забрала у Бобби доллар и отправилась покупать мясо. Через полчаса она вернулась с большим свертком под мышкой.

Поддельный дядя сидел на террасе, греясь в лучах утреннего солнца, бабушка Китон готовила для Бобби очень полезное, но омерзительное на вкус питье. Все было так спокойно, что Джейн решила отложить поход на чердак до полудня и отправилась в комнату Бобби, которого застала за чтением Книги Джунглей. Малыш спотыкался на словах, путал буквы и настолько был поглощен своим занятием, что не заметил прихода сестры.

Все последующее запечатлелось в памяти Джейн, словно дурной сон. Особенно отчетливо ей запомнились запахи: поджаривающегося на плите хлеба, цветов в саду, запахи мебели и ковров...

Затем ей всегда вспоминалась бабушка Китон, отправившаяся к себе в комнату смазать кремом свои потрескавшиеся руки. Джейн примостилась на пороге и, не зная, чем заняться, наблюдала за ней.

Бабушкина комната была небольшой, но очень уютной. Каждая вещь в ней имела свое годами обжитое место. А сколько там было всяких интересных вещей! Подушечек для булавок, сделанных в форме маленьких кукол, фотографии, на которых можно было увидеть и совсем маленькую бабушку, и бабушку с дедушкой...

Сразу после ленча раздался звонок. Оказалось, что звонит папа Джейн, приехавший из Сан-Франциско. Он торопился на поезд и даже не отпускал такси, попросив водителя подождать. Времени было только на минутные сборы и на короткое прощание. Но все-таки Джейн забежала попрощаться с Бобби и сказать, куда она спрятала мясо.

— Джейн, я все сделаю, — заверил малыш. — До встречи.

Она прекрасно знала, что нельзя доверять Бобби такого ответственного дела, и по пути к вокзалу все думала, правильно ли она

поступила. И как сквозь дымку слышала голоса взрослых, обсуждавших опоздание поезда. Говорили, что поезд придет только к ночи...

И тут отец сказал, что в городе выступает цирк.

Цирк, как и любой другой цирк на земле, сверкал великолепием. Джейн почти совсем забыла о Бобби и о том, что случится, если ЕГО вовремя не накормить. Когда закончилось представление, уже наступал вечер. А в следующую минуту девочка увидела среди толпы взрослых маленькую, хорошо знакомую фигурку... у нее внутри что-то оборвалось... Она поняла — СЛУЧИЛОСЬ НЕПОПРАВИМОЕ.

Мистер Ларкин заметил Бобби одновременно с дочерью и окликнул малыша. Спустя мгновение дети стояли рядом и многозначительно переглядывались. Бобби стоял насупленный и угрюмый.

— А бабушка знает о том, что ты здесь? — поинтересовался мистер Ларкин.

— Скорее всего, нет, — ответил простодушный мальчуган.

— Тебя надо хорошенько отшлепать, вот так-то, молодой человек. А ну, пошли. Надо немедленно позвонить. Бабушка, наверное, страшно беспокоится...

В аптеке, пока отец звонил, Джейн смотрела на двоюродного брата взглядом, не предвещавшим ничего хорошего, но молчала, так как полностью осознавала всю меру своей ответственности за случившееся.

— Бобби, — заговорила она наконец, немного успокоившись, — ты все сделал?

— Ты уехала и оставила меня одного, — мрачно ответил малыш.

Подошел мистер Ларкин.

— Почему-то никто не отвечает. Я вызвал такси. Мы завезем тебя домой и как раз успеем на поезд.

Почти всю дорогу до дома они провели в молчании. Джейн старалась не думать о том, что могло произойти в доме. Такова была защитная реакция детского мозга. Как бы там ни было, но было слишком поздно что-нибудь предпринимать...

Когда они подъехали, то увидели, что дом ярко освещен, а на крыльце стоит много людей. Свет блестел на кокардах полицейских фуражек...

— Ребята, подождите меня в машине, — с тревогой в голосе сказал отец. — Никуда не выходите.

Шофер пожал плечами и углубился в чтение журнала. Мистер Ларкин почти бегом направился к крыльцу. Джейн шепотом спросила Бобби:

— Ты что, так и не накормил его?..

— Мне все равно, — так же шепотом ответил малыш. — Эта игра мне давно надоела. Я хочу играть во что-нибудь новое. — Он захихикал. — А вообще, я его одолел, — с гордостью закончил малыш.

— Как? Что ты сделал?

— Полиция приехала, а я точно знал, что они приедут. Он не знал о полиции, вот я и победил...

— Но как?

— Ну, это как в «Книге Джунглей», помнишь? Нам вчера читала бабушка, как охотятся на тигра. Привязывают к дереву детеныша, а как только появляется тигр — БУХ!!! А все дети уехали на спектакль, и ты тоже уехала. И тогда я решил вместо детеныша подставить бабушку. Думаю, что она, если бы даже знала, не стала бы возражать. Она так много с нами играла. Да и потом, все равно никого не было, кроме нее.

— Но, Бобби, слово «детеныш» вовсе не означало настоящего ребенка, как мы. Имелся в виду детеныш какого-нибудь животного, например, козы... И потом...

— О! — прошептал Бобби. — Ну да, конечно. Но я подумал, что бабушка подойдет. Она толстая и не может быстро бегать. — Он мрачно усмехнулся. — Он думал... — продолжил мальчуган, — он должен бы знать, что, когда привязывают в качестве приманки козленка — где-то рядом прячутся охотники. А он ничего не знал. Я боялся, что он обо всем догадается, лишь только я ему скажу, что бабушка заперта в своей спальне и больше дома никого нет. — Бобби сидел довольный и гордый собой. — Я хитрый. Я ему через окошко сказал. Я боялся, что он подумает, не я ли детеныш. Но он сразу пошел наверх, очень быстро, даже про хромоту забыл. Скорее всего, к тому времени он очень хотел есть. — Бобби покосился на крыльцо, на котором царило необычайное оживление. — Скорее всего, его уже арестовала полиция, — добавил он после секундных размышлений. — В общем, я победил.

Джейн молчала. Потом задала вопрос, постоянно вертевшийся у нее на языке в течение последних минут:

— Она умерла?

Бобби не понял. Слово «смерть» еще не воспринималось им в своем подлинном значении. Оно было просто одним элементом в его детских играх. И потом, в книжках, которые он читал, тигр никогда не успевал добраться до детеныша.

Папа вернулся к такси. Походка у него была какая-то скованная, неживая. Джейн так и не смогла увидеть выражение его лица. На улице уже наступила ночь.

Разумеется, дело замяли. Детей, знавших о подробностях драмы гораздо больше, чем взрослые, старались всячески уберечь. И попытки взрослых оградить детей от деталей случившегося очень сильно походили на попытки детей спасти взрослых. Впрочем, драма заботила только старших девочек, остальные восприняли ее, как один из элементов игры. В игру сыграли, и она закончилась. Бабушка уехала в долгое путешествие, из которого ей не суждено вернуться.

Они прекрасно понимали, что ЭТО означает.

Но с другой стороны, и поддельному дяде пришлось переехать в большую больницу, где о нем заботятся и будут заботиться впредь...

Их и это не слишком озадачило, так как они мало что знали о больницах... Смерть они воспринимали только наполовину, все же остальное ими еще просто не воспринималось, находясь за границами их жизненного опыта.

Спустя неделю они вообще мало вспоминали о пережитом. Лишь Бобби иногда с необычайным вниманием слушал «Книгу Джунглей» и каждый раз ожидал, не уведут ли куда-нибудь тигра вместо того, чтобы убить на месте. Но, разумеется, этого никогда не случилось. Видимо, в реальной жизни тигры были совсем другими...

Но долго в ночных кошмарах воображение Джейн устремлялось к тем вещам, которые она запретила себе вспоминать наяву. Ей виделась бабушкина спальня, такая, какой она ее видела в последний раз: с белыми занавесками, солнечными зайчиками на стенах, красными китайскими башмачками и куклами-игельницами. Бабушка аккуратно втирала крем в потрескавшиеся морщинистые руки и все больше нервничала по мере того, как волны голода наполняли дом, они исходили из кокона, спрятавшегося глубоко под землей.

Наверное, чудовище очень проголодалось, и поддельный дядя ворочался в кресле на веранде и не мог найти себе места. Этот придаток не знал, что делать, когда его мозг, спрятавшийся в своем гнезде, вылетел от голода, требуя пищи.

Бобби поступил очень мудро, заговорив через окно...

А запертая, как приманка в ловушке, бабушка, наверное, уже выяснила, что не может открыть дверь. Ее толстые, морщинистые пальцы, скользкие от крема, должно быть, тщетно вращали ручку...

Во сне Джейн часто слышала звуки шагов подымавшегося поддельного дяди. Эти шаги, звук которых она никогда не слышала наяву. Для нее они были громче и реальнее, чем все остальные шаги в мире. Она знала в точности, какими они должны были быть: ТОП-ТОП, ТОП-ТОП, — две ступеньки за шаг, и бабушка с тревогой прислушивается, зная, что у дяди болит нога и он хромает. Тогда она думает, что это вор и вскакивает со стула.

Все произошло очень быстро. Одного биения сердца было достаточно, чтобы шаги пересекли коридор от лестницы до двери. В это время, наверное, весь дом пульсировал от трубного, голодного рева. И шаги поддельного дяди совпадали с ритмом этого жуткого вопля чудовища. Они звучали в коридоре все ближе... ближе... Затем в замке повернулся ключ. А потом...

Потом Джейн просыпалась в холодном поту...

Маленькие дети не несут и не могут нести ответственности, часто повторяла Джейн сама себе и тогда, и много позже. Бобби после того происшествия она долго не видела, а увидев, поняла, что он успел обо

всем забыть — слишком много впечатлений обрушивается на маленький мозг ребенка. На Рождество ему подарили игрушки, а осенью он пошел в школу. Когда он узнал о том, что поддельный дядя умер в больнице, то с трудом понял, о ком идет речь. Ведь поддельный дядя никогда не был членом их многочисленной семьи, он был просто одной из игр, в которую они играли и выигрывали.

Мало-помалу депрессия, угнетавшая домочадцев, исчезла. После смерти бабушки она ненадолго усилилась, но все решили, что это просто шок от пережитого. И когда она исчезла, то все решили, что это лучшее подтверждение тому.

Как ни удивительно, но детская логика Бобби была верна. Ругтедо нарушил бы правила, если бы надумал создать нового поддельного дядю, а Бобби верил, что он будет соблюдать правила игры. И Ругтедо их соблюдал, ибо правилами были сами законы природы, обойти которые он не мог при всем желании. Ведь Ругтедо был одним целым с поддельным дядей, и связь между этими частями не могла оборваться до того, как закончится очередной цикл.

В психиатрической больнице поддельный дядя начал голодать. Он не ел ничего из того, что ему предлагали. В результате голова и тело умерли одновременно.

Вспоминал ли Бобби о содеянном — никто об этом так и не узнал. Он действовал согласно своему небогатому опыту: если ты сделаешь что-нибудь дурное, то придет полисмен и арестует тебя... Игра ему надоела, а чувствительный детский инстинкт подсказал, что эту игру просто так бросить нельзя.

Он захотел выиграть и победил.

Ни одному взрослому не удалось бы сделать то, что получилось у него. Но ребенок — существо особенное. Если исходить из взрослых понятий, то ребенка никак нельзя посчитать здравомыслящим. Пути его мыслей неисповедимы... А все оттого, что он делает только то, что хочет.

И поэтому назовем его ДЕМОНОМ.

ОДИН ИЗ НЕСУЩИХ РАСХОДЫ

Волосатые мордочки гномов высовывались из заросших травой щелей в камнях и внимательно следили за взбиравшимся на гору Зеленым Человеком.

Зеленый Человек по их понятиям выглядел омерзительно: мускулистое, отлично сложенное тело, высокий рост и, в придачу, полное отсутствие волос на теле. Никто и нигде не мог остановить его. Ни жители Обезьяньего городка из Огненной страны в краю Изменяющихся Пространств, ни тролли, владевшие тайнами колдовства.

Бесконечная одиссея Зеленого Человека продолжалась. Он взбирался на гладкую гору... а волосатые гномы следили за ним из заросших травой щелей в камнях злыми, полными зависти глазками.

1

Со времени взрыва последней бомбы минуло два поколения, и Эд Букхалтер очень радовался, что его сын относится ко второму. Сам он родился лет через десять после войны. Но и рассказы, услышанные из вторых рук, в полной мере передавали все ужасы происшедшего.

Эл Букхалтер, в свою очередь, тоже достиг солидного возраста — восьми лет, и, сосредоточенно пережевывая травинку, предавался мечтам, развалившись под деревом. Он был столь увлечен этим полезным занятием, да и день как нельзя более подходил: жаркое солнце, слабый восточный ветерок, несший со снежных вершин Сьерры запах спелой травы, так что отцу пришлось легонько толкнуть его в бок, тем самым привлекая к себе внимание сына.

— Привет, — улыбнулся он, когда Эл поднял на него глаза.

— Привет, па.

— Хочешь прокатиться в нижний город?

— Нет.

Букхалтер нахмурил брови и собрался уходить, но неожиданно передумал и чисто импульсивно совершил то, чего обычно никогда не делал без согласия другой стороны — воспользовался своими телепатическими способностями и заглянул в сознание сына. Там царило сомнение. Сын не был уверен в том, что поступил правильно, отказавшись от прогулки с отцом. Но все колебания перекрывали яркие, радужные мечты.

Букхалтер решил, что все в порядке, и оставил сына валяться в тени дерева и, пережевывая травинку, предаваться мечтам. Он отправился в город, размышляя о том, что все попытки расшевелить сознание сына и помочь ему в жизни, по сути, безнадежны. Жизнь слишком сложна и невозможно предусмотреть всех сюрпризов, которые она готовит для входящего в нее человечка.

Конфликт, конкуренция, ненависть. Казалось бы, что война, поглотившая большую часть человечества, должна была уничтожить и эти понятия. Но они остались... С Элом было даже сложнее, чем с большинством его сверстников... Он был «лысым» и сыном «лысого». Для «лысых» не существовало языковых барьеров... Они свободно читали мысли себе подобных и всех прочих людей, но это вызывало у окружающих неприязнь и лишние поводы для тех же конфликтов.

Шагая по прорезиненной дороге, ведущей к центру города, Букхалтер-старший невесело улыбался, приглаживая великолепно сидящий парик.

Те, что были с ним не знакомы, очень удивлялись, узнавая, что этот человек «лысый» — телепат. А узнав, начинали рассматривать его с нескрываемым любопытством, гадая, отчего он стал уродом. Букхалтеру, неплохому дипломату, приходилось самому просвещать любопытствующих:

— Мои родные жили в окрестностях Чикаго...

— О... — Многозначительный взгляд на его парик. — Я слышал, что из-за этого очень многие...

— Совершенно верно. Произошло множество мутаций. Появились настоящие уроды и просто мутанты... Лично я до сих пор не знаю, представителем какой из этих двух разновидностей являюсь, — добавлял он с обезоруживающей откровенностью.

— О... Нет! Вы не урод! — Впрочем, особых протестов не было.

— Да... Из мест выпадения радиоактивных осадков вышли самые разнообразные разновидности. С хромосомами происходили самые непредсказуемые изменения... К счастью, по большей части появившиеся мутанты оказывались не жизнеспособны, но некоторые живут в специальных санаториях до сих пор. Например, двухголовые...

Но собеседники все равно волновались до крайности.

— Вы что, можете читать мои мысли... прямо здесь, сейчас?..

— Могу, но делать этого никогда не буду, во всяком случае, без вашего согласия... Поймите... это очень тяжелая работа... за исключением тех случаев, когда твой собеседник тоже телепат. А мы, «лысые», очень не любим подслушивать... Это то же самое, как, к примеру... очень хорошо натренированный боксер стал бы ходить по улицам и валить с ног всех встречных прохожих... Он будет драться лишь в том случае, если другие принудят его к этому... «Лысые» всегда обладали инстинктом самосохранения и чувствовали, что если они начнут злоупотреблять своими способностями, то их могут попросту линчевать. Поэтому наиболее осторожные вообще стараются по возможности скрывать свои экстрасенсорные способности.

Но несмотря на все объяснения, постоянно возникал, хотя и не всегда высказывался, еще один вопрос: «Если бы я был телепатом, то... Сколько вы зарабатываете?» Ответ поражал собеседников, как гром. По их мнению, умеющий читать в чужих умах должен был без проблем сколотить себе весьма солидное состояние... Но почему же тогда Эд Букхалтер продолжал работать все тем же экспертом по семантике в «Модэк-Таун»? Ведь ему достаточно было сесть в поезд и съездить в один рейс, из которого он получил бы сумму, значительно превышающую его оклад за десять лет безупречной работы. Но для этого были самые элементарные причины. В частности, все тот же инстинкт самосохранения, из-за которого «лысые» носили парики. Впрочем, были и такие, которые ездили в научные городки, и такие, которые презирали парики и выставляли всем свои способности.

Модок почти в точности походил на Пуэбло, да и на все прочие городки, располагавшиеся к югу от равнины за горной цепью, с той лишь разницей, что в Пуэбло находилась мощная типография, а Модок, лишенный подобной роскоши, довольствовался простой редакцией и готовил книги для Пуэбло.

Управляющий Олфилд уже неделю как требовал рукопись «Психоистории», написанную одним из жителей Нью-Йеля, человеком, предпочитавшим сделать труд эмоциональным, пусть и в ущерб словесной ясности. Но это было не так уж и страшно по сравнению с тем, что автор не доверял Букхалтеру. С человеком, который тебе не доверяет, работать почти невозможно, так что бедному эксперту по семантике пришлось в тайне от клиента возложить на себя дополнительный груз священника и психолога.

Авторы вообще были странными людьми. Прежде чем удавалось начать работать с ними по-настоящему, приходилось подталкивать их пройти курс гидротерапевтического лечения. Как правило, лишь после этого они, наконец, входили в надлежащую форму для работы с семантическим экспертом.

Никто не собирался их кусать или загонять им под ногти иголки, но они словно не понимали этого и затравленно жались по углам или грубо рвались вперед, используя никому не понятный язык собственного изобретения.

Джим Кейли, автор «Психоистории», не входил ни в одну из названных групп, а просто загнал себя в угол собственным исследованием. Да и его личная история способствовала тому — а когда имеешь дело с подобным человеком, это обстоятельство весьма важно.

Доктор Мун, находившийся в Правлении, сидел около «южного входа» и увлеченно поедая яблоко, отрезая от него кусочек за кусочком при помощи небольшого кинжала с серебряной рукояткой. Мун был маленьким и толстым, с редкими волосами на макушке. Но телепатом он не был. Как правило, телепаты были от рождения абсолютно лысы. Доев яблоко, доктор помахал рукой Букхалтеру:

— Э... в общем... понимаешь... хочу с тобой поговорить... посоветоваться.

— Пожалуйста, — улыбнулся Букхалтер, подходя и присаживаясь на соседний стул. — Что случилось?

— Понимаешь... Вчера в магазин завезли яблоки, сказка. Нужно попросить Этель, чтобы купила, пока они еще есть. Вот, попробуй. — Мун отрезал ломтик от очередного яблока и протянул собеседнику. Затем, молча стал ждать, пока тот прожует и кивнет в знак согласия.

— Подходящее. Я передам ей, хотя сегодня сломался наш коптер. Этель нажала какую-то не ту кнопку.

— Вот тебе и гарантия, — огорчился Мун. — Хурон выпускает

неплохие модели. Я заказал новую модель в Мичигане и надеюсь скоро ее получить. Да, кстати, сегодня утром мне опять звонили из Пуэбло насчет книги Кейли.

— Олфилд?

— Наш человек, — кивнул Мун. — Он говорит, что им требуется хотя бы несколько глав.

Букхалтер покачал головой.

— Не думаю. В начале книги такие абстрактные главы, что на них требуется пролить свет, а автор... Понимаешь, он колеблется...

— Что?!

Телепат подумал о едином комплексе, обнаруженном в разуме Кейли, но это святое дело, хотя и мешает интерпретировать «Дариус» с холодной логикой. Процесс мышления в этом комплексе мог свести с ума кого угодно. И это было невозможно проигнорировать.

— Издавать ее еще рано. Вчера я попробовал читать главы из нее трем разным слушателям и получил от каждого разные мнения. Она слишком сырая и неоднозначная. Если мы издадим «Психоисторию», то критики попросту нас разнесут в пух и прах. Попробуй, может быть, удастся попридержать ее еще капельку?

— Может быть, — проворчал Мун с сомнением. — У меня заваялся субъективный роман и разобраться с ним не составит труда... Немного эротики, но все вполне безобидно, а главное, в нем все о'кей по части семантики. Я хотел придержать его для хорошего художника. Но для этого дела в подобной ситуации вполне подойдет Дьюман. Да, пожалуй, я так и поступлю. За неимением других вариантов перепишу эту рукопись в Пуэбло. Потом займемся печатью... Вообще, веселая у нас жизнь... сущий ад!

— Более чем... — согласился Букхалтер, поднимаясь со стула, чтобы отправиться на поиски Кейли, отдохавшего в одном из соляриев.

Кейли был высоким, худым человеком с растерянным взглядом черепахи, потерявшей свой панцирь. Он возлежал на мягкой кровати так, чтобы солнце поливало его тело своими лучами под прямым углом. Букхалтер стянул майку и уселся на коврик подле Кейли. Внимательно взглянув на автора, телепат уловил обрывки фраз: «Лысый... невозможно уединиться... не его дело... брови и ресницы фальшивые... он еще...» А за этим пошло что-то вообще не укладывающееся в понятия экстрасенса.

Букхалтер решил прервать этот поток неразберихи и дипломатично нажал кнопку включения экрана. На потолке засветилось изображение страницы «Психоистории», читаемой на удивление легко. Кейли внимательно прочитал текст, сплошь испещренный пометками, сделанными читателями и распознанными Букхалтером как различные реакции на то, что требует реакции однозначной.

Если три читателя дают три различные интерпретации этому параграфу — что же, в таком случае, хотел сказать автор?

Экстрасенс вновь осторожно прикоснулся к сознанию Кейли, прекрасно почувствовав присутствие искусственных барьеров, созданных против возможного вторжения, безумных баррикад, через которые его тренированное сознание перескочило подобно легкому, майскому ветру. Ни один обыкновенный человек не мог оказать «лысому» достойного отпора. Но сами «лысые» умели охранять свое «я» от вторжения других телепатов. Существовало что-то типа психического селекторного кольца...

Вот оно. Но несколько запутанное. «Дариус» — это не просто слово и не просто картина; то была воистину вторая жизнь, но рассеянная, фрагментная. Лишь слабые мазки запахов и звуков, воспоминаний и эмоциональных реакций. Восхищение и ненависть. Горящее бессилие. Черный ураган, пахнущий соснами, летящий через Европу и Азию. Затем сосновый запах усиливается, жуткое унижение... воспоминание о муках... глаза... ВОИ!!!

Букхалтер отложил диктофон и лег, глядя на окружающее через темные защитные очки.

— Я покинул ваше сознание, лишь только вы попросили меня, — начал он. — И я по-прежнему вне...

Кейли лежал, тяжело дыша.

— Спасибо, — прошептал он. — Простите меня. Отчего вы не потребуете дуэли...

— Я не хочу сражаться с вами, — ответил экстрасенс. — Я никогда не обагрив своего кинжала кровью. К тому же я знаю вашу роль во всем этом... Поймите, это моя работа, и я знаю множество вещей... но, узнав, я забываю их вновь.

— Я понимаю, что это вторжение... Я говорю «все неважно»... Но это мой личный мир...

Букхалтер терпеливо продолжил:

— Мы должны опробовать все подходы, пока не найдем тот, который не будет настолько личным... Предположим, к примеру, я вас спрошу, восхищаетесь ли вы «Дариусом».

Восхищение... запах сосен... и Букхалтер быстро прошептал:

— Я — вне, о'кей?

— Благодарю, — пробормотал писатель, отвернувшись от собеседника, а через мгновение он вновь заговорил: — Смешно, я имею в виду, отворачиваться. Вы не должны видеть выражения моего лица и знать, что я думаю...

— Тогда вам следовало бы перед моим приходом настроиться на дружественный лад...

— Да, я понимаю и думаю о том же. Но мне приходилось встречать «лысых», которые были... В общем, мне они очень не понравились...

— Понимаю, есть и такие. Я знаю. Это те, что не носят париков.

Кейли утвердительно кивнул:

— Они читают в сознании, а потом ошеломляют просто ради забавы. Их надо получше учить...

Букхалтер покоился на солнце.

— Ничего не поделаешь, у «лысых» много проблем. Надо ориентироваться в мире, в котором большая часть населения не обладает телепатическими способностями; думаю, многие «лысые» считают, что их недостаточно используют. А есть работы, которые люди, подобные мне, используют для...

«Люди?!» Он уловил эту мысль, разорвавшуюся в мозгу Кейли подобно гранате, но ничем не выразил этого и продолжал:

— Семантика всегда была трудной наукой даже в тех странах, где разговаривают только на одном языке... Квалифицированный «лысый» — хороший переводчик. И хотя телепаты не работают в отрядах сыскной полиции, они часто оказывают ей услуги... Это все равно что быть примитивной машиной, способной на выполнение только одной операции.

— Но на несколько операций больше, чем любой другой человек.

Разумеется, подумал Букхалтер, если бы мы могли соревноваться на равных с телепатическим человечеством. Но какой слепец полностью доверяет зрячему? Сел бы он играть с ним в покер? Чувство горечи было таким внезапным и острым, что Букхалтер даже во рту почувствовал его привкус. Так каков же ответ? Резервация для «лысых». Но стала бы Нация слепцов доверять Нации зрячих? Или зрячих бы попытались нейтрализовать? Лечение, система контроля — и война стала бы неизбежной.

Он припомнил нейтрализацию Ред Бэнк. Город рос, и вместе с ним росло личное достоинство горожан. Невозможно было поднять голову без того, чтобы при этом не схватиться за рукоятку кинжала... Таким же образом тысячи маленьких городков, столь частых в Америке, каждый со своей особой специализацией — производство вертолетов в Хуроне и Мичигане, сельхозмашины в Коной и Диего, текстильная промышленность и оборудование, искусство и машины — каждый небольшой городок держал под прицелом остальные.

Научные центры были побольше, никто против этого не возражал, ибо технический персонал всегда сохранял нейтралитет. За исключением случаев, когда на него оказывалось давление; но в некоторых городках жило несколько сотен семей. Все было под строгим контролем, и едва городок начинал подавать признаки того, что может перерасти в город, а от него и в столицу, а от нее и до империи рукой подать... как его тотчас расформировывали. Впрочем, подобного не случалось довольно давно. Возможно, Ред Бэнк был просто ошибкой.

Гипотетически подобное устройство было совершенно; с точки зрения социологов, оно было возможным, но требовало необходимых изменений. Существовали подсознательные головорезы. По мере

увеличения децентрализации приходилось все более пристально следить за соблюдением гражданских прав. И люди узнавали...

Они узнали, что валютная система базируется на прямом товарообмене. Они узнали, что такое полет... Никто больше не пользовался автомобилями... Они узнали очень много нового, но никто не забыл ВЗРЫВ, и в тайниках, на окраине каждого городка были припрятаны бомбы, способные полностью и самым фантастическим способом истребить город, как истребляли их во время ВЗРЫВА.

И каждый знал, как смастерить такую бомбу. Устройство было бы до гениального простым... ингредиенты валялись под ногами, а приготовить их мог любой ребенок.

Готовую бомбу было несложно поднять на вертолете... Дальше гигантское яйцо, начиненное адской смесью, само выполняло свою адскую работу.

Кроме кучки недовольных, плохо приспособляющихся людей. Которых полно в каждой расе. Никто не сопротивлялся. И странствующие племена не устраивают набегов и никогда не собираются в большие группы — из страха перед уничтожением.

Ремесленники до определенной степени тоже приспособились, правда, не очень хорошо, но они получили возможность жить, где заблагорассудится, и при этом писать, рисовать, сочинять... уходя в свои собственные, созданные только для себя, миры.

Ученые тоже не смогли полностью приспособиться и создали более или менее крупные городки, которые были как бы отгорожены от всего остального мира и полностью погружены в науку.

А «лысые»? «Лысые» находили работу там, где могли.

Обычные люди видели мир почти таким же, как и Букхалтер. Он обладал во всем такой же чувствительностью, как и все нормальные люди. Но, благодаря телепатическому дару, он был гораздо теснее связан со всеми общечеловеческими ценностями. В какой-то степени и это, благодаря его дару, было неизбежным, он смотрел на людей извне.

Но он все-таки оставался человеком. Барьер, отдаливший «лысых» от остальных людей, сделал простых людей более подозрительными к ним. Если бы вместо «лысых» были существа с двумя головами — то люди испытывали бы к ним жалость. А так...

А так... он нажал на клавишу, и на экране появилась очередная страница рукописи.

— Скажите, когда, — обратился он к Кейли.

Кейли машинально пригладил серебристые волосы.

— Я чувствую себя сплошным комком нервов, — ответил он. — В конце концов, правя материал, я все время нахожусь в напряжении.

— Но мы всегда можем отложить публикацию, — Букхалтер бросил замечание нарочито небрежным тоном и порадовался, что Кейли не схватил наживку. Сам он не хотел промедления.

— Нет, нет. Я хочу поскорее с этим покончить.

— Очиститься? Психически очиститься.

— Очиститься, но при помощи психолога, а не...

— ...«Лысого». Но вы должны знать, что у большинства психологов в качестве помощников работают телепаты и, кстати, результаты подобной деятельности, совместной деятельности весьма неплохие.

Кейли затанулся, выпустив клуб табачного дыма.

— Мне кажется... У меня случались конфликты с «лысыми»... Я встречался с ними в больницах... Надеюсь, мои слова вас не обидели?

— Ни в коей мере, — ответил Букхалтер. — Каждая мутация балансирует на грани жизни и смерти. На пути всего нового почти всегда больше поражений... Жесткое излучение породило среди множества прочих мутаций и лысых телепатов. Но и среди них не все пошли по нормальному пути развития. Мозг — очень сложный и капризный прибор. Вы и сами это прекрасно знаете. В своем роде нормальная работа мозга подобна балансированию на кончике иглы. При этом, как следствие, в случае небольшого отклонения от нормы телепатия разовьет это отклонение до гигантских размеров. Недаром после взрыва произошел скачок психических заболеваний. Кстати, не только среди экстрасенсов... но и среди прочих мутантов, появившихся намного позже. Кстати, у «лысых» почти всегда развивается паранойя...

— И *dementia proecus*, — добавил Кейли, явно обрадованный тем, что темой разговора стал Букхалтер...

— Верно. Когда аномальный разум обладает телепатическими способностями, они еще увеличивают аномалию. Начинается дезориентация. Человек перестает ощущать реальности мира. Для группы, подверженной паранойе, свойственен уход в свой собственный мир. Мир иллюзий... У этого объяснения, возможно, найдется множество отклонений, но основа верна. До некоторой степени это страшно, — задумчиво продолжил Букхалтер. — Мне кажется, рано или поздно, но мутантам удастся полностью приспособиться. Просто прошло слишком мало времени. На многих видах работ мне довольно полезно...

— Вас ваша работа удовлетворяет и вы более или менее приспособились к жизни среди нетелепатов. Но есть «лысые», которые не носят париков...

— У них настолько скверный характер, что их рано или поздно перебьют на дуэлях, — печально улыбнулся Букхалтер. — Впрочем, невелика потеря... Те, кто уцелеет и приспособится, в качестве приза получают признание... И ни рога, ни копыта для этого им не понадобятся.

Кейли в раздумье покачал головой.

— Скорее всего, если бы у меня был выбор, то я предпочел бы остаться нетелепатом... У мозга и так слишком много нераскрытых

тайн, и вполне можно обойтись без новых. Я очень благодарен вам за то, что дали мне возможность выговориться. Ну как, продолжим работу над рукописью?

— Разумеется, — обрадовался Букхалтер.

И вновь над ними замелькали страницы рукописи. Кейли работал с увлечением и казался менее напряженным. Мысли автора стали более связанными, и Букхалтер наконец-то смог уловить истинный смысл некоторых безумных утверждений. Работа пошла легко. Телепат быстро диктовал перефразировки в диктофон, и лишь дважды они задерживались на распутывании эмоциональных узлов.

В полдень они решили сделать перерыв, и Букхалтер, дружески попрощавшись с автором, заглянул к себе в кабинет, где на визоре пестрело несколько сообщений, адресованных ему. Его настроение резко ухудшилось, лишь только он их прочитал.

3

Он сидел за столом в комнате для ленча и разговаривал с доктором Муном. Разговор настолько затянулся, что не будь индукционных чашек, кофе давно бы остыл. Но на Букхалтера свалилось слишком много проблем. С Муном за годы сотрудничества они сдружились. Толстяк, по мнению телепата, относился к тем немногим людям, для которых было абсолютно безразлично, кто перед тобой — экстрасенс или нет.

— Док, я ни разу в жизни не дрался на дуэли. Я не могу этого допустить.

— Но ты не сможешь и предотвратить ее. Вызов сделан, и на него надо отвечать.

— Но этот парень, Рэйли... Я его никогда даже не видел...

— Я его знаю, — ответил Мун. — Скандалист и дуэлянт.

Букхалтер с силой хлопнул ладонью по столу. От удара кофе в чашках чуть не расплескалось.

— Просто смешно! Но я не стану драться с ним!

— Ты что же, хочешь предложить своей жене ответить на вызов? — заметил Мун, стараясь придерживаться основной темы разговора. — Ну а если Этель и в самом деле прочитала мысли миссис Рэйли и разболтала об этом, то Рэйли попал в переплет...

— Неужели ты думаешь, что мы не понимаем, чем может закончиться подобное безобразие... — Букхалтер по-прежнему стоял на своем. — Этель разгуливает по округе и читает чужие мысли еще меньше, чем я. Если бы мы занимались подобными вещами, то это было бы для нас, да и для других «лысых», равносильно самоубийству...

— Только не для тех, кто не носит парики. Они...

— Они придурки. И из-за этих идиотов на всех остальных телепат-ов смотрят, как на врагов... Так вот запомни... Пункт первый: Этель никогда не читала чужих мыслей, в том числе и миссис Рэйли. Пункт второй: она умеет держать язык за зубами.

— Ну, миссис Рэйли — истеричка, я, во всяком случае, в этом не сомневаюсь, — ответил Мун. — Но этот скандал выплыл наружу, и о нем заговорили. Так бы он не выплыл, но миссис Рэйли вспомнила, что недавно встречала Этель. Возможно, та проходила по другой стороне улицы. А эта миссис из той породы, которая при каждой неприятности хочет найти козла отпущения. Скорее всего, она сама все и разболтала... А теперь боится, что муж узнает правду и обвинит ее...

— Но я все равно не приму вызова Рэйли, — продолжал стоять на своем Букхалтер.

— Придется...

— Слушай, док, может быть...

— Что?

— Ничего. Просто мысль. Скорее всего, она мне поможет предотвратить дуэль. Забудь о нашем разговоре. Я, кажется, решил эту проблему... Но эта дуэль в любом случае не состоится.

— Странно... Ты не похож на труса.

— Есть только одна вещь, которую боятся «лысые», — ответил телепат, — это общественное мнение. Случилось так, что я знаю... в случае, если дуэль состоится — Рэйли будет убит. Это единственная причина, по которой я не буду драться.

Мун отпил из чашечки.

— Гм-м... Мне кажется...

— Нет, тут нечто другое. Сейчас я думаю, не отправить ли мне сына в одну из спецшкол...

— А что случилось с парнишкой?

— Он становится закоренелым правонарушителем. Его учитель позвонил мне сегодня утром... Там было много такого, от чего мне пришлось краснеть. Парень говорит странные вещи и ведет себя вызывающе. Позволяет себе издеваться над друзьями... Если, конечно, с ним еще кто-нибудь дружит.

— Дети жестоки.

— Дети не знают, что такое жестокость. От этого они и жестоки, им неведомо сострадание. Но Эл... он становится... — Букхалтер безнадежно махнул рукой. — Он превращается в маленького тирана. Ему все и вся до лампочки... учитель тоже.

— Но это еще рано считать аномальным.

— Я еще не сказал самого худшего. Он становится эгоистом. Если бы существовало такое слово, то я бы сказал сверхэгоистом. А мне совсем не хочется, чтобы он превратился в одного из тех... которые не носят париков...

— Наверное, он нахватался этого где-то на стороне... Дома? Едва ли... А куда он ходит?

— Как обычно. У него нормальное окружение.

— Мне кажется, — проговорил Мун, — что у «лысых» безграничные возможности для обучения молодежи. Мысленные отчеты... а?

— Да. Но... в общем, не знаю. Беда в том, — едва слышно продолжал Букхалтер, — что я ни за что не захотел бы стать другим. Мы не просили, чтобы нас превратили в телепатов. Тебе это может показаться удивительным. Но каждый из нас личность, обладающая собственным микрокосмосом. Социологи склонны забывать об этом. Они умеют отвечать на общие вопросы, но ведь жизнь каждого конкретно-го человека — или «лысого» — нести свою собственную, личную ношу. Это даже не ноша, а, скорее, битва, с самим собой... каждую секунду подстраиваться под мир, который тебя не приемлет.

Муну становилось явно не по себе.

— Ты что, Эд? Жалеешь себя?

Букхалтер замотал головой:

— Верно. Но ты не беспокойся, я с этим справлюсь.

— Я тебе помогу, — поддержал его Мун, хотя помочь не мог практически ничем.

Мун с радостью бы оказал любую помощь, но он слишком отличался от обыкновенного человека, чтобы понять, насколько телепаты отличаются от нетелепатов. Ведь люди искали именно разницу...

Так или иначе, но Букхалтеру надо было решить свои проблемы до встречи с женой. Конечно, он мог легко скрыть от нее свои неприятности... Но Этель быстро обнаружит барьер и насторожится. Из-за добавочного внимания браки между телепатами были более гармоничны, и именно оно компенсировало неизбежное полуотчуждение от остального мира.

— Отлично. А как насчет «Психоистории»? — спросил Мун после непродолжительной паузы.

— Намного лучше, чем ожидалось... Я наконец нашел новый подход к Кейли. Когда я говорю о себе, он расслабляется и начинает чувствовать себя гораздо лучше. Он начинает доверять мне и без сопротивления позволяет коснуться его разума. Мне кажется, что вопреки всему, мы довольно быстро подготовили первые главы для Олфилда.

— Вот это хорошо. Все равно он не может подгонять нас. Если нас заставят выпускать книги в сверхсжатые сроки, то мы вновь окажемся ввергнутыми в пучину семантической неразберихи. Чего мы вовсе не желаем!

— Ну ладно, скоро увидимся, — сказал Букхалтер, подымаясь из-за стола, — я пошел...

— Насчет Рэйли...

— Оставь, — отмахнулся Букхалтер и отправился по адресу, записанному на экране визира... Дуэли не для «лысых», но...

4

Мысль-приветствие коснулось его мозга. Он остановился под аркой, ведущей на школьный двор, и улыбнулся Сэму Шейни, «лысому», приехавшему из Нью-Орлеана. Они и не подумали заговаривать. Обмен мыслями был эффективнее.

«Личный вопрос, касающийся приспособляемости к окружающему миру».

«Дело не срочное. А у тебя, Букхалтер?»

На миг перед Букхалтером возник символ его имени.

«Тень беды».

«Искреннее желание помочь».

Букхалтер подумал:

«Но куда бы я ни пошел, везде будут возникать подозрения, что я урод».

«Более чем где-либо, — подумал Шейни. — Нас очень много в Модок-Тауне. Люди становятся гораздо более подозрительными, когда встречают нас ежедневно».

«Мальчик».

«У меня такие же неприятности, — подумал Шейни. — Мои девочки стали вести себя очень странно...»

«Нарушают правила?»

«В том числе и правила».

«Обычное непослушание?»

«Непохоже... Подобного еще не случалось».

«Вторичная характеристика мутации? Нужды молодого поколения?»

«Сомнительно, — подумал Шейни, мысленно зажмурившись. — Надо обдумать это позже, а сейчас пора идти».

Букхалтер вздохнул и пошел своей дорогой... Жилые дома теснились вокруг промышленных предприятий Модока, и, чтобы сократить расстояние, он прошел через парк. Но Рэйли дома не оказалось и пришлось возвращаться назад, к школе.

Как он и предполагал, была перемена, и Эл, как обычно, лежал под деревом, предаваясь мечтам, в то время как его одноклассники играли в распространенную среди подростков игру с жутковатым названием «ВЗРЫВ».

Он мысленно окликнул сына.

«Зеленый Человек почти достиг вершины горы. Тролли продолжали исподтишка мешать ему, но Зеленому Человеку по-прежнему удавалось избегать всех ловушек, расставленных у него на пути. Скалы дрожали...»

— Эл.

«Тролли готовились...»

— Эл! — Букхалтер послал мысль вместе со словом. Перед подобным вторжением ребенок оказывался практически беззащитен, и Букхалтер крайне редко прибегал к нему...

— Здравствуй, папа, — пустым, скучным голосом поздоровался Эл. — В чем дело?

— Твой учитель обеспокоен.

— Но я ничего не сделал...

— Он мне все объяснил. Послушай, мальчуган, кончай забивать свою голову всякой ерундой.

— Я и не забиваю.

— Ты считаешь, что телепат лучше обыкновенного человека?

Мальчик забеспокоился, но промолчал.

— Что ж, — продолжал Букхалтер, — ответ двойной: и да, и нет. И я объясню, почему. Телепаты могут между собой общаться без слов, но все остальные не в состоянии общаться без помощи речи...

— Все остальные дураки, — заметил Эл.

— Вовсе нет, если смогли приспособиться к своему миру, во всяком случае, лучше, чем ты. С таким же успехом ты мог бы считать, что лягушки лучше рыб, потому что они амфибии. — Букхалтер немного успокоился и перешел на язык телепатии.

«Ну... о... в общем, я все понимаю, папа».

«Может быть, — Букхалтер не придал последней фразе сына никакого значения, — тебя надо просто хорошенько отшлепать...»

«О, ты так думаешь?»

Эл изо всех сил пытался спрятать свою мысль, но Букхалтер стал медленно поднимать барьер, это было просто, затем прекратил. В глазах сына не было ничего сыновьего... пустой рыбий взгляд. Телепату все стало ясно.

— Если ты стал таким эгоистом, — Букхалтер вновь заговорил, — то, может быть, тебе следовало бы взглянуть на все это с другой стороны; как ты думаешь, почему «лысые» не занимают ключевых позиций?

— Я это и так знаю, — затараторил Эл. — Они просто боятся.

— И чего же они боятся?

— Ну... — Картина в мозгу мальчика была ясная; смесь чего-то очень знакомого. — Скорее всего, нетелепатов.

— Итак, что у нас получается. Если телепат займет ключевую позицию, то нетелепаты начнут испытывать к нему страшную зависть... Особенно в тех случаях, когда ему удастся добиться успеха. К примеру, телепат изобретает машину, нетелепаты начинают кричать, что он похитил ее идею у одного из них. Я правильно говорю?

— Все верно, папа. — Но это было не так...

Букхалтер вздохнул и отвел свой взгляд. На одном из холмов он

увидел дочку Шейни. Она, как и его сын, сидела в одиночестве. И дальше, то тут, то там, виднелись одинокие фигурки. Далеко, почти у горизонта, снежные вершины Скалистых гор рвали небо неровными штрихами.

— Эл, — продолжил Букхалтер, — я не хочу, чтобы на твоих плечах лежала эта тяжелая ноша. Поверь, этот мир не так уж плох, и люди, его населяющие, в основном добры и приветливы. Есть закон среднего. И с нашей стороны было бы неразумно стремиться к слишком большому богатству или власти, если бы наши помыслы направлялись на это. У большинства нетелепатов это вызвало бы раздражение и стремление бороться с нами, а нас слишком мало... Все мы живем неплохо. Среди «лысых» ты не найдешь бедняков. Каждый телепат находит себе работу по способностям и вкусу... Выполняет ее и живет, радуясь жизни. А в жизни перед нетелепатами у нас много преимуществ... К примеру, наши браки более гармоничны и счастливы. Ведь психическая интимность важнее физической. И никогда не думай, что телепатия сделала тебя подобным богу. Это не так. Я пока не в силах переубедить тебя. Уж больно крепко ты цепляешься за эту концепцию.

Эл сглотнул и быстро проговорил:

— Я сожалею. Этого больше не повторится.

— И еще, держи свой парик при себе... И в классе его не снимай.

— Да, но... Мистер Веннинг не носит парика.

— Пожалуйста, напомни мне вечером, и мы вместе перечитаем историю носителей длинных пиджаков и узких брюк, — сказал Букхалтер. — Если ты хорошенько подумаешь, то, скорее всего, придешь к выводу, что не такое уж большое достоинство выделяться шокирующим видом.

— Но он делает деньги.

— В главном универмаге все только этим и занимаются. Но обрати внимание на то, что у него покупают только в крайнем случае. Именно это я и имел в виду, когда говорил о ноше. У него она есть. «Лысые», подобные Веннингу, встречаются иногда, но что бы он ответил тебе, если бы ты у него поинтересовался — счастлив ли он? А я имею подлинную информацию, к тому же полученную не от него одного. По крайней мере, не только от Веннинга. Уловил?

— Да, папа. — Эл казался покорным, но не более.

Букхалтер, по-прежнему взволнованный, решил прекратить ни к чему не ведущий разговор и отошел. Проходя мимо дочки Шейни, он уловил обрывок мысли: «...на вершине Стеклоанной горы, катя камнями на гномов, пока...»

Он отскочил; то была выработанная за долгие годы привычка — прикасаться к разуму телепата. Но с детьми это было нечестно и даже подло. В общении со взрослыми телепатами такой прием означал просто приветствие, как если бы ты помахал рукой; другой отвечает

на него или нет... Любой взрослый мог установить барьер как преграду к дальнейшим контактам, или же ответить ясной и светлой мыслью...

С юга приближался коптер. То был грузовой корабль, привозивший замороженные продукты из Южной Америки. Букхалтер мысленно отметил — купить аргентинского мяса. Ему дали новый рецепт, и он захотел его попробовать. Птица по особому рецепту всегда является приятным разнообразием после завтраков, приготовленных на скорую руку...

«Так, что еще... Ага, чуть не забыл, дуэль с Рэйли», — Букхалтер рассеянно прикоснулся к рукоятке кинжала и фыркнул. Трудно было думать о дуэлях всерьез, даже несмотря на то, что все остальные смотрят на них весьма серьезно.

Вот так и случается. Потоки цивилизации катят свои волны столетиями через земли материков, и каждая волна, невзирая на свою долю в общем потоке, несет в себе множество информации, в том числе и о еде. Пусть даже ваш рост будет равняться тысяче футов, пусть вы будете обладать разумом и возможностями богов — какая разница? Люди часто ошибаются, особенно люди, подобные Веннингу, у которого, конечно, не все дома, но не настолько, чтобы отправить его в психиатрическую больницу с диагнозом паранойи. Человек, отказывающийся ходить в парике, показывает не только, что он индивидуалист, но и укрепляет о себе мнение как об эгоисте. Если его лысина не вызывает у него стыда, зачем ему беспокоиться о том, как ее скрыть? Кроме того, у подобных людей скверный характер... И если окружающие дают ему пинки, то в том только его вина...

Но в отношении Эла все оставалось довольно паршиво. Малыш шел по тернистой дорожке начинающего правонарушителя. Подобное развитие ненормально для ребенка, подумал Букхалтер. Он вовсе не претендовал на роль эксперта, однако был достаточно молод, чтобы вспомнить свое детство. В его юношеские годы на него свалилось много трудностей, гораздо больше, чем в жизни Эла. Во времена его юности телепаты встречались крайне редко, и дар телепатии считался страшным уродством. Не один и не два человека предлагали полностью изолировать мутантов от общества, стерилизовать и даже уничтожить.

Букхалтер вздохнул. Родись он до ВЗРЫВА, все было бы иначе. Но много ли толку говорить про это теперь? Историю можно изучать, но изменить ее невозможно. Возможно, в будущем создадут телепатические библиотеки, находясь в которых, человек сможет путешествовать во времени. Да что думать о возможностях телепатии, когда мир еще не готов к встрече с ней. Должно смениться еще несколько поколений, прежде чем на «лысых» перестанут смотреть косо...

Но отдельные люди не делают историю, продолжал свои рассуж-

дения Букхалтер. Ее делает народ, а не индивидуумы... Телепаты же из-за своей малочисленности являются именно индивидуумами...

Занятый подобными рассуждениями он снова подошел к дому Рэйли. На этот раз хозяин оказался на месте. Рэйли оказался здоровенным парнем с прекрасно развитой мускулатурой и косыми глазами, выглядывавшими из-под рыжей шевелюры.

— Мистер, вы ко мне?

— Меня зовут Букхалтер.

— А, понимаю, вы получили мой вызов. — В глазах Рэйли отразилась тревога.

— Да, — подтвердил Букхалтер. — Я хотел бы поговорить с вами об этом. Может быть, разрешите войти?

— Входите. — Хозяин отступил в сторону, пропуская его через холл в просторную гостиную. — Хотите отложить поединок?

— Нет, просто хочу вам сказать, что вы не правы...

— Подождите-ка, — прервал его Рэйли, слегка хлопнув в ладоши. — Моей жены дома нет, но она мне все рассказала. Лично мне эти фокусы с чтением чужих мыслей кажутся воровством. Я бы на вашем месте посоветовал жене держать язык за зубами и не соваться в чужие дела...

— Даю вам слово, — терпеливо продолжал Букхалтер, — что Этель не читала мыслей вашей жены.

— Это она так гврорит?

— Я... я ее не спрашивал.

— Ясно, — констатировал Рэйли с триумфальным видом.

— Мне это просто ни к чему. Я слишком хорошо ее знаю... И... видите ли, я ведь и сам телепат.

— Мне это известно, — ответил Рэйли. — Судя по тому, что я узнал о вас, вы можете читать мои мысли. — Он заколебался. — Покиньте мой дом. Я хочу, чтобы мои мысли остались при мне. Встретимся завтра на рассвете, если вас устраивает это, а теперь уходите. — Казалось, Рэйли что-то вспоминает, то, о чем он не хотел говорить.

Букхалтер устоял перед искушением — ни один «лысый» не стал бы читать...

— Уходите! Покиньте мой дом!

— Послушайте, в поединке со мной у вас нет никаких шансов...

— Вы знаете, сколько я провел поединков? — спросил Рэйли.

— Неважно, но завтрашний поединок будет последним для вас!

— Убирайтесь вон!

Букхалтер решил попробовать иной подход.

— Дружище, — заговорил он, — неужели вы не понимаете, что во время дуэли я буду читать ваши мысли?

— Мне наплевать на это...

— Я буду знать каждое ваше движение и буду готов отразить

любую вашу атаку. Каким бы вы ни были ловким бойцом, насколько бы ловко ни владели кинжалом, мысленно вы будете всегда, пусть даже на долю секунды раньше, но выполнять все свои действия в уме. Я буду заранее знать обо всех ваших хитростях. Ваша техника превратится для меня в открытую книгу... Что бы вы ни думали обо...

— Нет, — Рэйли отрицательно покачал головой. — О нет. Вы очень ловки, но этот трюк не пройдет.

Букхалтер задумался на секунду, затем отодвинул стул, приняв твердое решение.

— Вынимайте кинжал, — заговорил он. — Ножны долой. Сейчас я покажу вам на практике то, во что вы не поверили...

Глаза Рэйли округлились.

— Если вы хотите сейчас...

— Нет! Не хочу! — Букхалтер убрал второй стул, вытащил кинжал и проверил, крепко ли закреплена предохранительная окантовка на лезвии.

— Тут места более чем достаточно. Ну, начинайте!

Нахмурившись, Рэйли извлек из ножен кинжал, немного повертел в руке, словно рассматривая, и... сделал неожиданный выпад. Но Букхалтер сделал ответный выпад, и его кинжал слегка ткнул Рэйли в живот.

— Вот так бы закончилась завтрашняя борьба, — сказал телепат.

Вместо ответа Рэйли неожиданным движением выбросил руку, сжимавшую кинжал. По расчетам дуэлянта лезвие должно было перерубить горло Букхалтера. Но телепат парировал удар свободной рукой, другой же он символически ткнул Рэйли кинжалом в грудь.

Веснушки загорелись яркими точками на побледневшем лице бойца. Но он еще не был готов идти на компромисс, а вместо этого испробовал еще несколько приемов, ловких, хорошо продуманных и отработанных. Но любой, даже самый замысловатый прием Букхалтер парировал без труда. Левая рука телепата неизменно в самый последний момент перехватывала запястье противника.

Наконец Рэйли сдался и опустил руки. Букхалтер вложил кинжал в ножны.

— Букхалтер, — заговорил Рэйли, отдышавшись, — вы сущий дьявол.

— Вовсе нет. Просто я не хочу использовать преимущества. Неужели вы всерьез считаете, что «лысым» легко живется?

— Но если вы можете читать мысли...

— Как вы думаете, сколько бы дней я прожил, если бы участвовал во всех дуэлях? Мне бы пришлось только этим и заниматься... Ни один человек не смог бы выдержать подобной нагрузки... Кончилось бы тем, что меня рано или поздно, но... убили. Мне приходится принимать на себя множество тумачков, глотать еще большее количество оскорблений, но я сдерживаю свой гнев и не дерусь, потому что это

было бы не дуэлью, а убийством безоружного. А мне совсем не хочется быть убитым и еще меньше стать убийцей... Теперь, если вам угодно, я готов проглотить еще одно оскорбление и извиниться. Я соглашусь со всем, что вы скажете, но ни при каких обстоятельствах не соглашусь драться с вами на дуэли...

— Да, конечно, теперь я начинаю кое-что понимать. И... я рад, что вы пришли. — Рэйли был все еще бледен. — Я отправился бы прямо в ловушку.

— Но не в мою, — ответил Букхалтер. — Я никогда не дерусь на дуэлях. Поверьте, телепаты не такие уж счастливики. Вся их жизнь заключена в строгие границы, которые нельзя нарушать. Мы не имеем права делать что-нибудь, способное вызвать отрицательную реакцию у нормальных людей, поэтому мы никогда не читаем чужих мыслей... За исключением, конечно, тех случаев, когда люди сами просят нас об этом.

— Звучит разумно. — Рэйли колебался. — Я забираю свой вызов, хорошо?

— Благодарю, — произнес Букхалтер, с радостью пожимая протянутую руку. — На этом мы и расстанемся, так?

— Правильно. — Рэйли по-прежнему хотел поскорее избавиться от своего незваного гостя.

На душе у Букхалтера стало гораздо светлее, когда он, насвистывая веселый мотивчик, направился к издательскому центру. Надо было срочно все рассказать Этель. Точнее говоря, он был просто обязан все рассказать жене, иначе частые недомолвки между ними могли нарушить их телепатическую интимность. Нет, для сохранения этой интимности им не требовалось расстилаться друг перед другом, подобно двум открытым книгам, а, скорее, в том, чтобы не создавать в своем сознании барьер от мыслей партнера... Любопытно, но несмотря на полную интимность, супруги не злоупотребляли проникновением в мысли партнера, оставляя друг другу возможность к уединению.

Разумеется, все случившееся могло обеспокоить Этель, но буря миновала, да и к тому же она тоже была телепаткой. Хотя те, кто видел ее в каштановом парике и с огромными длинными ресницами, никогда бы не подумали, что перед ними одна из «лысых».

Но такова жизнь... Ее родители жили недалеко от Сизтла, в зоне обильного выпадания радиоактивных осадков...

Северный ветер нес снег. Букхалтер пожалел, что идет пешком, а не летит на вертолете среди облаков... Там, в вышине, царил покой, такой, какого не мог достичь даже самый натренированный «лысый». В любое время дня, в любом состоянии до мозга телепатов все равно доносились обрывки мыслей, ощущений, они создавали постоянный фон, подобный тому, какой возникает на улицах с интенсивным движением и от которого невозможно укрыться, находясь на земле.

Именно поэтому большинство телепатов любили летать... На большой высоте они не улавливали мыслей и могли предаваться уединению, покою... словно бескрайний воздушный океан был их отшельничьей кельей.

Но Букхалтер по-прежнему оставался на земле и шел продолжать работу с Кейли. Телепат ускорил шаги.

В центральном вестибюле он заметил Муна и, догнав его, коротко сообщил о том, что с дуэлью все улажено и вызов взят назад. Толстяк явно обрадовался, но Букхалтер не стал вдаваться в подробности и поспешил своим путем. Толстяк проводил его вопросительным взглядом.

В кабинете на экране визора светилось сообщение от Этель: она беспокоилась о сыне и хотела узнать, побывал ли Букхалтер в школе. Что ж, он уже побывал там и, если Эл не сотворил еще чего-нибудь, для беспокойства за мальчика нет никаких оснований.

Кейли по-прежнему прохлаждался в солярии и, как обычно, был печален. Букхалтер заказал пару бодрящих напитков, надеясь с их помощью вывести автора из депрессии. Пока ждали заказ, седовласый писатель изучал голографический исторический глобус, на поверхности которого по выбору можно было включить любую эру.

— Посмотрите на него, — заговорил Кейли. — Видите, как неустойчивы границы Германии? То они колеблются, то исчезают вовсе по мере приближения к современности. А Португалия? Обратите внимание на ее зоны влияния... Они неуклонно сокращались, в то время как другие страны испускали блестящие лучи завоеваний и наращивали свой флот.

Принесли напиток, и Букхалтер, отпив из своего бокала, ответил вопросом:

— Но что осталось от этого к нашему времени?

— Нет, с тех пор, как... Что случилось?

— Вы о чем?

— По-моему, вы очень взволнованы.

— Я не думал, что это заметно, — сухо признался Букхалтер. — Дело в том, что я только что нашел способ избавляться от дуэлей.

— Вот один из обычаев, кажущихся мне давно отжившими и лишёнными смысла, — сказал Кейли. — Но как вам это удалось?

Букхалтер коротко рассказал о случившемся, и писатель, отхлебнув добрый глоток, фыркнул:

— Я вам не завижусь. Оказывается, дар телепатии не такая уж и приятная штука...

— Совершенно верно. Постоянно сталкиваешься со всевозможными сложностями. — Повинуясь желанию высказаться, Букхалтер рассказал о сыне. — Вы понимаете меня? *Я не знаю*, какой стандарт применим к юному телепату. В конце концов, он продукт мутации, а мутация телепатов еще не завершилась. Мы не знаем, к чему она

приведет... Дело в том, что дети телепатов нуждаются в специальном обучении, иначе они не справятся с обуревающими их соблазнами, когда станут взрослыми. Вы понимаете, о чем я говорю?

— Кажется, вы очень хорошо приспособились.

— Я... учился. Всем сильным телепатам приходится много учиться. Для собственной безопасности мы предпочитаем никогда не использовать преимущества, данные нам природой. Заложники судьбы, разделенные судьбами. Но это в какой-то степени окупается сторицей. Ведь мы создаем будущее, в котором на нас перестанут смотреть как на уродов, и примут в человеческую семью как равноправных. Во имя этого мы отказываемся от благ, предлагаемых нам в настоящем. Пусть судьба примет от нас эту жертву и воздаст нам в будущем.

— Вы несете расходы в счет будущих векселей, — констатировал Кейли.

— Да, мы несем расходы. Я имею в виду телепатов, как сообщество. И наши дети... Вот так и сохраняется баланс... мы, по сути дела, платим сами себе. Если бы мне захотелось извлечь преимущества из телепатических способностей, то мой сын не дожил бы до старости. «Лысые» были бы попросту стерты с лица Земли. Эл должен это понять, а он становится слишком антагонистичным.

— В детстве все антагонистично, — заметил Кейли. — Дети по своей сути индивидуалисты, и лишь воспитание учит их жить в сообществе. Мне кажется, если бы отклонения мальчика от нормы были связаны со способностями телепата...

— В этом кое-что есть. — Букхалтер осторожно прикоснулся к разуму своего собеседника и обнаружил, что антагонизм Кейли значительно ослаб. Мысленно улынувшись, он продолжил рассказ о собственных проблемах. Отец всегда остается отцом. Взрослый телепат должен быть хорошо приспособлен к окружающему миру, иначе он попросту погибнет.

— Окружение во многом важнее наследственности. Хотя одно во многом зависит от другого. Если ребенок хорошо воспитан, у него практически не будет неприятностей...

— Но может вмешаться наследственность. О телепатической мутации практически ничего не известно. Если облысение явилось характерным признаком второго поколения, то, возможно, в третьем поколении или четвертом проявятся какие-нибудь новые признаки. Я часто задумываюсь: нужна ли телепатия вообще...

Кейли продолжал:

— Гм... Если говорить лично о себе, то телепатия нервнрует меня...

— Так же, как, к примеру, Рэйли...

— Согласен, — ответил писатель, но, судя по всему, сравнение пришлось ему не по вкусу. — Во всяком случае, если мутация не

нужна и нежизнеспособна — порожденный ею вид исчезнет. Она не дает жизнеспособного потомства.

— А как насчет гемофилии?

— Но гемофилией страдает незначительное количество людей, — ответил Кейли после секундной паузы. — Я пытаюсь посмотреть на эту проблему глазами психолога и историка. Если бы в прошлом существовали телепаты, многое сложилось бы иначе...

— Почему вы считаете, что телепатов не было?

Кейли задумался.

— О, ну да. Согласен. В средние века их называли колдунами или святыми. Герцог Райн провел множество экспериментов... Но подобные случаи оказались преждевременными. Природа старается вытянуть выигрышный билет... Но с первой попытки это редко удается.

— Возможно, что и на этот раз природа обречена на проигрыш, а может быть, телепатия является лишь ступенью на пути к чему-то более значительному. Например, к телепортации и телекинезу...

— Для меня, обыкновенного человека, все это звучит как сказка. — Кейли явно заинтересовался и абсолютно забыл о собственных переживаниях, приняв Букхалтера не как телепата, а как человека, и почти полностью отказавшись от предвзятого отношения к способностям экстрасенсов. — В старые времена немцы вечно тешили себя тем, что их раса лучше остальных... э... как называлась эта восточная раса? Та, что жила на одном из крупных островов в океане?

— Японцы, — ответил Букхалтер, у него была великолепная память на всевозможные пустяки.

— Правильно. Так вот, они твердо верили в то, что являются высшей расой и потомками богов... Их рост был невелик; наследственность осложняла им контакты с другими расами... Но и китайцы были невысоки, южные китайцы, только у них не было легенд о высшей расе...

— Значит, вы считаете, что виновато окружение...

— Окружение, ставшее причиной массовой пропаганды. Японцы восприняли как религию буддизм, но полностью переделали его под свои нужды: самураи, воины древней Японии, были идеалом с заволаживающе-бестолковым кодексом чести. Их принципом стала война с вышестоящими во имя подчинения нижестоящих. Вы когда-нибудь видели игрушечные деревья, изготовленные японскими ювелирами?

— Не припомню. А как они выглядят?

— Маленькие копии шпалерника, выполненные из драгоценных камней, с безделушками, свисающими с ветвей подобно плодам, и непременно с зеркальцем. По легенде первое подобное деревце было изготовлено для того, чтобы выманить из пещеры богиню Луны. Насколько я понимаю, леди настолько заинтересовалась безделушками

и отражением своего лица, что покинула укрытие... Все принципы японцев носили прелестную обертку; все было подчинено одной цели: за прекрасными одеждами скрыть черные планы... У древних немцев это было тоже... Последний немецкий диктатор, его звали Адольф Гитлер, возродил древнюю легенду о Зигфриде... Все это можно назвать одним простым медицинским термином — рациональная паранойя. Немцы были поклонниками «домашней тираннии», отцовской, не материнской, и у них были чрезвычайно крепкие семейные связи. Стараниями Гитлера это перешло на государство. Гитлер был назван «Всеобщим Отцом»... Вот так мы и пришли к Великой Войне, затем к Взрыву и, как следствие, к мутации телепатов...

— Благодаря которой появился я, — пробурчал Букхалтер, допивая свой напиток.

Кейли смотрел сквозь потолок в бескрайнюю даль вселенной.

— Забавно, — сказал он, спустя несколько минут, выходя из состояния задумчивости. — Та история с Всеобщим Отцом...

— Разве?

— Интересно, насколько эффектно подобная идея влияет на людей?

Букхалтер промолчал.

— Да, — продолжил писатель. — В конце концов, вы человек. И я обязан извиниться перед вами.

Букхалтер улыбнулся.

— Забудем о том, что прошло...

— Нет, я предпочту не забывать, — возразил Кейли. — Я вдруг понял, совершенно внезапно, что не так уж и важно, телепат вы или нет... Я хочу сказать... Она не делает ЧЕЛОВЕКА иным. Я говорил с вами...

— Часто людям, чтобы дойти до этой истины, требуются годы, — заметил Букхалтер. — Годы работы бок о бок с существом, о котором они могут думать лишь как о телепате, о «лысом»...

— Знаете, что я хотел скрыть в своих мыслях? — спросил Кейли.

— Нет, не знаю.

— Вы врете, как джентльмен. Благодарю. Но я хочу вам все рассказать. Понимаете? Хочу рассказать все сам. Я так решил. И меня не интересует, знаете ли вы о моем кошмаре или нет. Я просто хочу рассказать все сам, по доброй воле, чтобы вы поверили в то, что я вам теперь полностью доверяю. Мой отец... мне кажется, я его ненавижу... был настоящим тираном, и я, вспоминая детство, не могу забыть, как он меня бил, и это многие видели... Теперь, — Кейли пожал плечами, — после нашего разговора, эти воспоминания поблекли и не кажутся такими уж важными.

— Я не психолог, — ответил Букхалтер, — но если вас интересует мое мнение, то я полностью с вами согласен, это неважно. Вы давно расстались с детством и стали взрослым...

— Гм. Да-а. Я думаю, что и раньше это было неважно. Просто я сам себе мешал отделаться от этих воспоминаний... Вы помогли мне это понять. Теперь мне кажется, что я вас очень хорошо и давно-давно знаю. Войдите...

— Мы плодотворно поработаем... вместе, — сказал Букхалтер, и его лицо озарила улыбка. — Особенно с «Дариусом».

— Я постараюсь дать своим мыслям абсолютную свободу, — ответил Кейли. — Честно говоря, я не возражаю против того, чтобы говорить вам ответы. Даже в тех случаях, когда они носят личный характер.

— Проверим... Хотите взяться за «Дариуса» прямо сейчас?

— Согласен, — ответил Кейли, и в его голосе не чувствовалось ни тревоги, ни подозрений. — Впервые о «Дариусе» мне рассказал отец.

6

Работа продвигалась легко и эффективно. За вечер они сделали больше, чем за две предыдущие недели. Испытывая глубокое удовлетворение от проделанной работы, Букхалтер заглянул к доктору Муну с радостной вестью, что работа сдвинулась с мертвой точки, после чего отправился домой, по пути перекинувшись мыслями с парой «лысых», работавших в том же издательстве.

Скалистые горы отсвечивали кровавым цветом, прохладный вечерний воздух приятно охлаждал щеки Букхалтера... Настроение и самочувствие были прекрасны. Он доказал, что дружба и взаимопонимание между обычными людьми и телепатами вполне возможна. Кейли был твердым орешком, но... Букхалтер улыбнулся...

Этель радовалась, в какой-то степени ей пришлось тяжелее, чем ему. С женщинами всегда так. Мужчины вечно озабочены, как бы сохранить свою независимость, а она с приходом женщины, как правило, исчезает. Что же касается женщин-нетелепатов, что же... То, что Этель была в конце концов принята в клубы и женские кружки Модока, говорит в пользу ее блестящих данных. Только Букхалтер знал, сколько огорчений доставляло ей постоянное ношение парика. Она скрывала отсутствие волос, и даже муж ни разу не видел ее без парика.

Затем мысли Букхалтера устремились вперед, в невысокий с двумя пристроями домик на холме, и встретились с мыслями жены... То было гораздо большее, чем поцелуй при встрече супругов-нетелепатов. И всегда в этой приветственной мысли присутствовало чувство ожидания, все усиливающееся и усиливающееся... до тех пор, пока не раздастся щелчок открывающейся двери и они не обнимутся. «Вот, — подумал он, — ради этих минут и стоит быть телепатом».

За обедом радость Букхалтера распространилась и на Эла, сделав его пищу более вкусной, а воде придав привкус старого вина. Слово «дом» для телепатов имело гораздо более глубокий и волнующий смысл, чем для всех остальных, ибо включало в себя понятия, неизвестные нетелепатам.

«Зеленый Человек спускался с горы; Болотные тролли пытались загарпунить его...»

— Эл, — сказала Этель, — ты по-прежнему думаешь только о «Зеленом Человеке»?

Что-то ледяное, полное ненависти, вызывающее лишь омерзение и ужас, промелькнуло в воздухе — словно град ударил по нежной луговой траве. Букхалтер выронил салфетку и поднял глаза, ничего не понимающий и полностью сбитый с толку. Он ощутил, как мысль Этель сначала отпрянула, а затем коснулась его разума, и постарался хоть немного ободрить ее. Но по другую сторону стола сидел молчаливый, настороженный мальчуган. Он понял, что совершил грубую ошибку, и пытался укрыться в неподвижности. Его разум был еще слишком слаб, чтобы поставить сколько-нибудь надежный барьер. Прекрасно понимая это, он сидел совершенно спокойно, ожидая, пока эхо мыслей разобьется о стену молчания.

Букхалтер, пока этого не произошло, прервал тишину:

— Продолжай, Эл, — затем поднялся.

Этель хотела что-то сказать, но он не разрешил.

— Подожди, дорогая. Поставь барьер. Пожалуйста, не слушай.

Он мысленно нежно погладил ее, затем взял Эла за руку и вывел его во двор. Эл наблюдал за отцом краешком испуганных глаз.

Во дворе Букхалтер сел на скамейку, усадив сына рядом. Сначала он не мог успокоиться и говорил сбивчиво, не совсем ясно. Но этому была и другая причина; он не хотел убирать слабый барьер, созданный мальчуганом. Но ничего не получалось и пришлось...

— Странно так думать о родной матери, — продолжил он. — Странно так думать обо мне. Телепату упрямство и некомпетентность видны лучше, но тут речь не о том, в тебе только холод и злоба.

«И это плоть от плоти моей, — с грустью подумал Букхалтер, глядя на сына и вспоминая свою молодость. — Не мутация ли привела его на этот дьявольский путь?»

Эл сидел, насупившись.

Букхалтер вновь прикоснулся к разуму мальчика. Эл попытался вырваться и убежать. Но отец держал его крепко. То был инстинкт, а не разумная мысль — ведь телепаты чувствовали на очень больших расстояниях.

Букхалтеру не хотелось насильно вторгаться в разум сына —

насилие всегда остается насилием и оставляет неизгладимые шрамы. Но иного пути не было... Букхалтер долго искал... Иногда он бросал в мозг Эла слово-ключ, и в ответ получал волны воспоминаний.

7

Наконец усталый и полный отвращения к самому себе Букхалтер разрешил сыну уйти, а сам остался сидеть и наблюдать за тем, как красные отблески солнца умирают на горных вершинах. Наступала ночь. Человек — дурак, он непременно должен быть дураком, иначе бы он с самого начала понял всю бессмысленность своего плана.

Обучение лишь начиналось... Можно было в корне изменить программу обучения для Эла... Так оно и будет, но не сейчас, не раньше, чем гнев настоящего уступит место симпатии и пониманию...

Еще не сейчас...

Хорошо все обдумав, он ушел в дом, коротко объяснил все Этель и связался с дюжиной «лысых», в которых хорошо знал по совместной работе в издательстве. Не все из них успели обзавестись семьями, но никто не отказался от встречи. Когда спустя полчаса они встретились в задней комнате «Гадан Таверн», находящейся в нижнем городе, сам Шейни поймал знания Букхалтера, и все прочли эмоции... Собранные узами симпатии и понимания, они ждали, пока Букхалтер внутренне соберется и будет готов.

Затем он рассказал им все, что узнал. Разговор на языке мыслей не потребовал много времени. Он рассказал им о японском ювелирном дереве с блестящими безделушками и сияющим соблазном. Рассказал о рациональной паранойе и пропаганде. И о том, что самая эффективная пропаганда была прикрыта сладкой оболочкой, до такой степени скрывавшей цель, что она стала понятна лишь тогда, когда предпринимать что-либо было уже слишком поздно.

Зеленый Человек, безволосый и героический — символ телепатов.

А дикие, волнующие приключения, такие привлекательные для юных умов — прекрасная наживка для молодых, чей разум еще слишком неопытен, чтобы понять всю губительность предлагаемого пути. Взрослые телепаты могли слушать и не обращать внимания на подобную сказку. Юные, имевшие более высокий порог восприятия, увлекались, и взрослые не понимали, что с ними происходит, ибо они почти никогда не заглядывают в книги своих детей. А если и заглядывают, то лишь затем, чтобы убедиться, что на их страницах нет ничего, способного причинить явный вред, а о скрытом вреде взрослые чаще всего забывают... Ни один взрослый не пытался

квалифицировать Зеленого Человека. Большая часть считала его просто оригинальным книжным героем типа «Волшебника из страны Оз».

— Я тоже так считал, — согласился Шейни. — Мои дочери...

— Оставьте, — сказал Букхалтер. — И я не стал исключением...

Дюжина телепатов, слив свои разумы в один единый, распространили свою чувствительность далеко за пределы комнаты, стараясь уловить мысли своих спящих детей, и что-то темное отпрянуло от них, настороженное и полное тревоги.

— Это он, — предупредил Шейни.

Больше слов не потребовалось. Тесной, связанной одной целью группой они покинули комнату и, перейдя улицу, отправились к центральному универмагу. Дверь была заперта, но двое мужчин без труда сломали засов.

Пройдя по темным залам магазина, они вошли в заднюю комнату, где им навстречу, опрокинув стул, вскочил лысый человек. Его лысина блестела в лучах яркой лампы, рот открывался, но с губ не слетело ни слова. Мысленно он умолял их простить его, но она была отброшена стеной отчуждения...

Букхалтер выхватил кинжал, остальные сделали то же самое.

Суд свершился.

Давно замер предсмертный крик Веннинга, а его умирающая мысль все еще билась в мозгу Букхалтера. Билась всю дорогу к дому. «Лысый», не носивший парика, не был безумцем, нет. Он был параноиком. То, что он хотел скрыть, поражало непомерным размахом. Эгоизм тирана, ярая ненависть к нетелепатам. Самосуд тоже нездоровое явление... И — МЫ — БУДУЩЕЕ! ТЕЛЕПАТЫ! БОГ СОЗДАЛ НАС ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ МЫ ПРАВИЛИ НИЗШИМИ РАСАМИ.

О боже, как это все знакомо из истории!

Букхалтер все еще кипел от негодования. Мутацию нельзя было считать полностью удавшейся. С одной группой все было в порядке. В нее входили телепаты, носившие парики и которые приспособлялись к окружающим. В другую, к счастью, незначительную, входили душевнобольные, и их можно было бы не принимать в расчет. Эти люди находились в психиатрических лечебницах.

Но помимо них была прослойка, состоявшая только из параноиков. Они не считались душевнобольными, но их расстроенная психика могла причинить много бед. Входившие в эту группу не носили париков.

Так же, как и Веннинг.

Но самый страшный вред от Веннинга был в том, что он искал последователей. К счастью, он занимался этим в одиночку.

«Лысый» параноик-одиночка.

Были и другие, много других.

Впереди, на холме блестела маленькая яркая точка, указывающая окно в доме Букхалтера. Он послал вперед мысль-приветствие. Она коснулась Этель и ободрила ее.

Затем мысль перенеслась в комнату к сыну. Ничего не понимающий, заплаканный и несчастный мальчик долго ворочался в кровати и не мог уснуть. Теперь у него в голове находились только сны, чуть беспорядочные, немного напряженные, прояснить которые было не-сложно.

И нужно.

«Зеленый Человек протянул руку к гномам и улыбнулся. Лица гномов в ответ озарились веселыми, дружескими улыбками».

Андре Нортон

ЛОНДОНСКИЙ МОСТ

— Еще один могильник. — Шим уселся, чтобы обыскать его.

Что до меня, то я не особо люблю раскапывать могильники. Нет нужды. Везде полно берлог и лавчонок, в которых можно приискать заточку или какую-нибудь одежду, если охота. Конечно, я подобрал станнер, который выпал из руки мертвого Лохматого. Но это разница: я его с него *не снял*. И хороший самопал — из него я уделал больше десятка трубокрыс, прежде чем он у меня взорвался. Но сейчас я не хотел тратить время на могильник, о чем и сказал, громко и ясно.

Шим велел мне поостынуть. Он вернулся с маленькой трубкой в руке. Мне хватило одного взгляда на нее, чтобы, врезав как следует, заломить ему руку направо. Трубка, прямо как луч, пролетела через протоптанную тропинку и вспыхнула.

— Ну и с чего это ты вдруг так завелся? — поинтересовался Шим. Не то чтобы он хотел свести со мной счеты. Теперь он знает, что не

может меня взять, и даже не пытается. — Я мог бы махнуть это Апам и надеть по красной короне на десяток из них.

— Махнуть — на что? Эти пустоголовые не дают нам ничего из того, что нам нужно, и нашего не берут.

— Верняк, верняк. Но просто забавно было бы показать им такую добычу и посмотреть, как они все поджарятся.

— Сделай это больше одного раза, и получишь заточкой без всякой пользы. Кроме того, мы здесь не для поживы.

Город большой. Не знаю никого, кто хоть раз обошел бы его целиком. Если попытаешься, только ноги стопчешь, потому что все тропинки обрываются. И некоторые из них — смертельные ловушки — с Апами, у которых между грязными ушами вместо мозгов труха, или трубокрысами. Эти становятся все крупнее и все лысее каждый раз, как мы устраиваем на них облаву. Фонари по большей части выгорели, и мы пользуемся факелами. Но света от них немного, да и прогорают они чертовски быстро. Поэтому мы не ходим далеко обычными тропами. Кроме этого случая со Считалкой, которого мы с Шимом и выслеживали. Мне не шибко нравилось глядеть вперед. Большую часть фонарей мы прошли, а между теми, что остались, лежали густые тени. Кто-нибудь мог скрываться в дверях или за окнами и прыгнуть на нас.

Мы, конечно, иммунны, иначе бы и вовсе высунуться не могли. Когда прошла последняя волна чумы, она унесла большинство горожан. И все старичье. Мне, верно, было лет девять-десять... не знаю. Про время забываешь, если тикалки могут назвать тебе час, но не день или год. У меня сейчас на правой руке хорошие тикалки, но они, конечно, не скажут, какой теперь день или сколько прошло лет. Я здорово вырос, и, порой, когда натыкаюсь на что-то трудное, иду в библиу и включаю какую-нибудь училку. В телезаписях, в основном, большого смысла нет, но я нашел пару в разделе «простейшие» (что бы то ни значило), которыми можно пользоваться. У нас есть Фэнна — она прямо в раж входит, когда из записей можно научиться, как помочь, если кого-нибудь ранят. Из-за этого Шим и пошел со мной сегодня. Но, как я уже сказал, теперь содержимое пленок для нас по большей части бесполезно.

Нас здесь двадцать — или было двадцать до того, как появился Считалка. Некоторые уже не помнят, как было до чумы. Были слишком молоды тогда. И никто из нас не помнит, как было до Грязной Смерти. Некоторые из нас расселились парами по берлогам — Лэйси и Норс, Бет и Тим. Но я еще не решил поселиться в берлоге с кем-нибудь из девок. Слишком многое надо посмотреть, слишком много сделать, а когда парень так чувствует, он должен быть свободен. И, конечно, я должен приглядывать за Марси. Это моя сестра. Она была

совсем младенцем во время чумы, да и сейчас еще достаточно мала, с ней надо нянчиться. Она верит в Считалку. Как будто он — что-то из записей. То есть я хочу сказать — будто он уводит хороших детей Наружу.

Может, мир Снаружи когда-то и был. О нем много говорится на лентах. А с чего бы кто-то стал тратить кучу времени, чтобы сплести столько вранья, да еще и записывать его? Но выйти Наружу — отродясь такого не слышал.

Марси — она вроде меня, разгребает записи. Я могу брать ее с собой, и она будет сидеть тихо, а не носиться кругом и мешать, как большинство малышей, когда им не интересно. Нет, она будет сидеть тихо с училкой. Я нашел некоторые ленты, что изображают истории — они показывают мир Снаружи, животных, которые двигаются сами по себе и издают звуки, прежде чем их схватишь. У Марси есть меховой кот, которого я нашел, и она всюду его с собой таскает. Хочет, чтобы он стал живой, и думает, что может найти способ, как это сделать. Извела Фэнну вопросами про это. Малыши, если вобьют себе что-то в голову, то тебе плешь проедят своими вопросами — почему, почему, почему...

Но это было до Считалки. О нем мы слышали позже. Наша территория тянется между двумя тропами до Балора, а там граничит с землей орды Барта. Они — вроде нас, не Апы. Один раз мы имели с ними песнь-перебранку. Мы вместе устраиваем облавы на трубоккрыс и подобных тварей. Но бок о бок — не живем.

Ну вот, как-то раз Барт прислал гонца — он был по-настоящему занят поисками. И рассказал эту жуткую историю, как пару их малышей увел Считалка. Похоже, что-то видела одна из девок. Ей следовало крепко прочистить мозги за то, что она не догадалась, что дело плохо. Она первой услышала его пение и подумала, что кто-то крутит ленту, только звучит она неправильно. Сказала, что малыши болтались по улице — их было видно через окно. Вдруг они разом встали, побросали все, что делали, и побежали. И больше она о них не думала, потому что орда Барта, как мы, не допускает Апов на свою территорию. Он держит разведчиков, которые заботятся об этом.

Но когда пришло время еды, этих двух не досчитались. Тогда девка начала орать, что она видела и слышала. Поэтому они разослали гонцов с оружием, хотя Барт не понимал, как Апы могли прогнуться.

Этих малышей они так и не нашли, а на следующий день пропали еще двое. Барт собрал их всех и велел держать в укрытии. Но еще трое исчезло — и с ними девка, которую он поставил со станнером на стражу. Поэтому теперь он желал знать, что происходит и не имеем ли мы чего-нибудь сказать.

К тому времени, как мы встретились, он уже лез на стену и был мрачнее тени. Сказал, что пропала еще пара девок. Но двое его пар-

ней видели Считалку. То, что нам рассказал Барт, звучало так, будто Апы обнаглели. Но хотя Апы все время выделывают подобные штуки, этот был — по другим пирогам. Вроде бы на нем был блестящий костюм — весь переливался, — а он танцевал, распевая и размахивая руками. Парни Барта обстреляли его из пыхалок, но лучи, они клялись, просто отскакивали от него, а сам он и не шелохнулся.

Мы быстро собрали облаву и прочесали частым гребнем все берлоги, какие могли, сверху донизу. Там никого не было. Только, когда мы вернулись, пропало еще двое малышей. Поэтому орда Барта собрала пожитки и откочевала по нашу сторону тропы, расположившись кварталом ниже от нашего места. Но сам он просто взбесился, и теперь почти все время проводил в охоте на своей прежней территории. Он стал, прямо как Ап с полной коробки таблеток, и мог думать только об одном — как поймать Считалку.

Однако теперь я понимал, что он чувствовал. Я хочу сказать, когда исчезла Марси. Мы предупредили всех наших малышей и девок сразу после дел у Барта, и они не ходили в поиск — или только вместе с парнями. Но Марси пошла нынче утром в библу, а с ней Кэт и Дон. Дон вернулся один и сказал, что они услышали какое-то забавное пение, и девочки убежали, и он не смог их потом найти.

Мы собрали малышей и девок и поставили стражу, как при набегах Апов. Джек и Тим пошли одной тропой, Шим и я — другой. Библа была пуста. Мы обыскали ее первым делом. И кто бы там ни прятался, он бы не смог улизнуть от нас. Слишком многие проходы там просматриваются. Поэтому мы свернули на другую дорогу, которая увела нас вглубь территории. Только я знал, что мы идем правильным путем, потому что успел найти одну вещь и заткнуть ее за пояс. Кота Марси.

А если она бросила *его*!

Я положил руку на заточку. Может, Считалку и нельзя прикончить из пыхалки, но дайте мне подобраться к нему поближе, и я уделаю его заточкой или голыми руками!

В глубине есть такие места, где парень должен поглядывать в оба глаза. Там всегда так тихо, и приходится идти вдоль могильников, оставшихся от прежних дней — по большей части там просто кости и все такое, но все равно это могильники. И все эти окна... Прямо затылком чувствуешь, как кто-то наблюдает за тобой и пропадает, стоит лишь обернуться. И сто миллионов мест, где мог спрятаться полоумный Ап, так что его ни за что не найдешь. Но я не собирался задерживаться, покуда мог идти, зная, что он забрал Марси.

Шим помечал, где мы прошли. Это необходимо — иначе заблудишься, даже держась известных троп. Но мы подходили к местам, которых я никогда прежде не видел — большие дома с гладкими стенами без окон, зато была пара широких дверей — и одна из них открыта.

— Слушай! — Шим схватил меня за руку. Не было нужды — я тоже слышал.

Лондонский разрушен мост,
Он разбит, он разбит.
О, подруга.
Как его отстроить вновь?
Строить вновь, строить вновь?
О, подруга.
Строй из золота-серебра, серебра, серебра.
О, подруга.

Я повернулся, указав заточкой:

— Туда.

Шим кивнул, и мы вошли в открытую дверь.

Злато-серебро скрадут,
Украдут, украдут,
О, подруга.

Странно, звук совсем не стал громче, но и не отдалился, оставаясь прежним. Мы были в большом широком зале с множеством отверстий с каждой стороны. В них горели огни, но так тускло, что идти приходилось наугад.

Из железа, стали строй,
Стали строй, стали строй,
О, подруга.

Похоже, он все еще впереди.

Сталь-железо ржа поест,
Ржа поест, ржа поест,
О, подруга.
Строй из бревен и досок,
Из бревен, из досок,
О, подруга.

Внезапно песня зазвучала громко и ясно. Мы вышли на балкон над таким большим местом, что в нем можно было бы уместить большинство известных мне берлог и еще остался бы запас. Внизу был свет, который шел с полу, чего я никогда не видел.

— Вот он!

И снова я не нуждался в подсказке Шима. Я видел сияющую фигуру. Он сиял синим и золотым, как будто пламя изменило цвет, и, пританцовывая взад-вперед, пел:

Бревна унесет вода,
Унесет их вода,
О, подруга.
Строй из камня, кирпича,

Из камня, кирпича,
О, подруга.
Вот опора так крепка,
Простоит она века,
О, подруга!

При конце каждого куплета он отвешивал легкий быстрый поклон, а слушатели хлопали в ладоши и смеялись, потому что Марси и Кэт были там не единственными малышами. Было еще четверо, которых я никогда прежде не видел. И среди них — ни одного отродья Апов.

Считалка выплясывал вокруг них. Когда он остановился и они закричали, чтобы он продолжал, он замотал головой и замахал руками, будто не мог говорить, но делал знаки, которые они понимали. Все они собрались и выстроились в ряд, потом принялись прыгать и скакать, как он. Пол был весь расчерчен разноцветными квадратами, и как только на них наступали, под ними вспыхивали огни, словно бы малыши играли в какую-то игру. Но в какую — я не понимал.

Затем Считалка снова запел:

Эрри, орри, дин и дон,
Тише, мыши, Николас Джон.
Пушистый кот,
Английский флот,
Раз, два, три — выходи,
Ты — и ты... и ты... и ты!

И, будто собираясь стрелять из пыхалки, он нацеливался пальцем в каждого из них. И как только он это делал (точно Ап в бреду), они тут же исчезали!

Марси! Я не мог прыгнуть с балкона. Меня это ужасно мучило, потому что Марси не ждало ничего хорошего, если она была еще жива. Но я побежал вдоль балкона, надеясь найти какой-нибудь путь вниз. Никакого пути вниз не было. А это было единственное, что мне оставалось искать, потому что Считалка теперь тоже исчез.

Шим топал за мной. Мы обежали почти ползала — пути вниз все еще не было. Потом я завидел его впереди и, скорее, скатился, чем сбежал по этим потайным лестницам. И когда я вылетел на пустой пол — никого, совсем никого. Я даже нагнулся и ощупал квадраты, где они стояли, простучал их, думая, что под ними могут быть люки, куда они как-то провалились. Но плиты были сплошными. Тогда я было решил, что у меня крыша поехала, как у Апа — и без всяких таблеток. Я уселся, обхватил голову руками, пытаюсь думать.

— Я их видел, они были здесь — а потом их не стало. — Шим топнул по одному из квадратов. — Куда они делись?

Если он тоже это видел, значит, я не свихнулся. Но тогда должен быть ответ. Я постарался вспомнить все, что видел — эта дурацкая песня... потом они маршировали... потом другая дурацкая песня...

Я встал.

— Они куда-то ушли. А если есть дверь, ее можно открыть.

Я не должен поддаваться ярости, я должен что-то придумать, и прямо сейчас. Нет пользы в том, чтобы просто хотеть поймать Считалку и бить его головой об пол.

— Слушай сюда, Шим. Нам надо разобраться, что случилось. Я останусь здесь и осмотрюсь. Ты двигай назад, найди остальных парней и приведи их сюда. Когда этот Считалка покажется, я его возьму!

— Не слишком-то это умная мысль — оставаться здесь одному, Лью.

— Я могу спрятаться. Но не хочу потерять его, когда он вернется. Тогда я смогу следить за ним, пока вы не подвалите.

План, возможно, и правда не блестящий, но это было лучшее, что я мог придумать. И я надеялся как-нибудь справиться, пока все как-то не образуется, и мы сумеем найти дорогу к Марси и остальным малышам.

Шим ушел. Я знал, что он рад убраться отсюда, но он вернется. Шим еще ни разу не слинял ни от одного поручения. Тем не менее мне лучше быть настороже.

Я закрыл глаза. Иногда, если думаешь о довольно трудных вещах, то видишь их, как картинку в голове. Вот... шестеро малышей, а потом перед ними вихляющийся взад-вперед Считалка, его костюм сплошь блестит и сияет, и он поет — поет про Лондонский мост...

Открыв глаза, я изучил плиты. Малыши сидели или возились здесь, здесь и здесь. А он был вон там. Я протянул руку, словно показывал это кому-то еще.

Лондонский мост? Лондон был другой город... где-то далеко отсюда. Когда города совсем закрылись от плохого воздуха, так они иногда переговаривались по телесвязи. Теперь ей не пользовались — в каждом все было одинаково плохо.

Города умирали, когда разбивались дышалки — те, в которых с самого начала было хуже всего. В других — кто знает, что там случилось? Может, нам здесь повезло, может, нет. Но наши дышалки все еще работали — только случались чумные поветрия, и люди умирали. После того как умерло все старичье, воздуха стало гораздо больше.

Но Лондон раньше был городом. Лондонский мост? Мост в другой город? Но как можно ступить с плиты на мост, который нельзя ни увидеть, ни пощупать? Серебро... Золото... У нас имелись золотые и серебряные вещи, мы брали их в старых лавках. Мои тикалки были золотые.

Во всей песне вроде бы был какой-то смысл, только я его не улавливал. Но в другой, которую он пел, когда они выстроились на плитах... Я закрыл глаза, пытаюсь вспомнить их движения, и двинулся к квадрату, где стояла Марси — последнему справа, ступая по разноцветным плитам, как это — я помнил — делала она.

Ага, я едва из шкуры не вывернулся, потому что этим плитам не было до меня никакого дела. Я прыгал, прыгал — нет огней. Выходит, огни имели значение. Может, и песня тоже...

Я был уже почти у плиты, где стоял Считалка, но прежде чем я ее достиг, он вернулся! Он весь сиял голубым и золотым, так что глазам было больно, и просто стоял, глядя на меня. У него не было ни станнера, ни пыхалки, ни даже заточки. Я мог прирезать его, как трубокрысу. Только если я это сделаю, то никогда не найду Марси, поэтому я должен узнать, что у него на уме.

Затем он отвесил мне поклон и произнес нечто, в чем смысла было не больше чем у Апа, дошедшего до ручки.

Гуси, гуси, га, га, га!
Есть хотите? Да, да, да!

Я оставил заточку за поясом, но это не значит, что я не мог ее достать. Я легкий, но быстрый, и могу уделать любого парня в нашей орде. Они слишком долго думают, прежде чем прыгнуть. Он все еще разглагольствовал, когда я на него бросился.

Это было — словно врезаться головой прямо в стену. Я и пальцем до него не дотронулся, просто отлетел назад и свалился на пол с таким грохотом, что вокруг меня ветер поднялся. А он все так же стоял, хладнокровно, как сосулька, и покачивал головой, будто не верил, что какой-то парень может быть так глуп, чтобы наброситься на него. Хотел бы я теперь на худой конец иметь пыхалку, но у меня давно уже никакой не было.

Раз, два, три, четыре,
Три, четыре — чудеса.
Все хорошие детишки
Попадут на небеса.
Раз, два, три, четыре,
Три четыре — дальше пять.
Всем плохим детишкам
Придется подождать.

Мне не хотелось стукаться головой во второй раз. Так его не взять, во всяком случае, не голыми руками. Сидя на полу, я взглянул на него. Потом понял, что он старикан — *взаправду* старикан. Все лицо у него было в морщинах и, хотя вокруг головы у него имелась реденькая бахрома седых волос, макушка была совсем лысая. Все остальное тело у него было закрыто этими сверкающими одежками. Я никогда еще не видел таких старых, кроме как на записи — он словно вышел из движущихся картинок.

— Где Марси?

Если старикан — Ап, возможно, он сумеет мне ответить. Иногда от Апов этого можно добиться.

Есть цвет один на свете
И есть другой, и третий.
Их дальше можно счесть:
Четыре, пять и шесть,
Всего их будет семь,
Мы их сочли совсем.
Ответ за тобой,
Который цвет твой?

Он указал на меня. Похоже, он ожидал какого-то ответа. Он что, имел в виду плиту, на которой я сидел? Если так — она была красная, он и сам мог это видеть. Правда, если он налопался таблеток — тогда, конечно, никаких цветов не разбирает.

— Красный, — сыграл я наудачу. Может, сумею задержать его разговором, пока не придут парни, хотя на это надежды мало — Шиму предстоит пройти долгий путь.

Ты слишком большой,
Дверь слишком мала.
Путь этот — не твой.
Такие дела.

И снова покачал головой, словно по какой-то причине вправду жалел меня.

— Слушай... — я старался быть терпеливым, как с Апом, когда от него обязательно нужно чего-нибудь добиться. — Марси была здесь. Ты указал на нее — она исчезла. Где она теперь?

Он снова запел:

Строй из камня, кирпича,
Кирпича, кирпича.
Вот опора — так крепка,
Простоит она века...

Как-то он дал мне понять, что все его песенки имели смысл, если я сумею его найти. И этот намек, что я уже слишком большой...

— Почему я слишком большой? — спросил я.

А и Б сидели на трубе.
Скажи, который год тебе?

Марси была малышкой. Маленькой, юной. Она подходила. Ему нужны были малыши. Я был слишком большой, слишком старый.

— Не знаю... возможно, мне около шестнадцати... я так думаю. Но мне нужна Марси...

Он начал приплясывать, будто собирался в танце закружиться по залу, но при этом продолжал смотреть все тем же странным выражением «как-мне-тебя-жаль».

Увидев, поверить — не поймешь!
Увидев, поверить — не пройдешь!
Уверовать — это удача.
Поверив, увидеть — вот в чем задача.

Увидев, поверить, поверив, увидеть — я попытался в этом разобраться.

— Ты хочешь сказать... малыши... они могут поверить во что-то, даже не видя это? А я... я не могу поверить, пока не увижу?

Он кивнул, но взгляд его стал нетерпеливым, как у кого-нибудь из малышей, когда он выкинет какую-нибудь штучку, и ждет, когда она до тебя дойдет. Не обидную штучку, а смешную, забавную.

— И я слишком старый?

Глядя на меня, он покачал головой.

Небо голубое
Все, но не с тобою.

Голубое небо... Снаружи! Но небо давно уже не было голубым — оно было грязным, отравленным. Весь мир Снаружи был отравлен. Мы слышали предупреждения из говорителей каждый раз, как доходили до старых запечатанных ворот. Голубого неба нет — и никогда не будет. И если Марси Снаружи... умирает...

Я указал на него, как он указывал на малышей. Я не знал его игры, но мог попытаться сыграть в нее, и если это единственный способ найти Марси — я в нее сыграю!

— Я слишком большой — может быть, и я слишком старый — может быть. Но я могу стараться до тех пор, пока не получится! Даже если тогда я превращусь уже в такое старичье, как ты! Поэтому...

Я отвернулся от него и пошел прямо к той линии цветных плит, по которой шли они, и встал там, а он смотрел, слегка склонив голову набок, словно прислушивался, но не ко мне. Под моими ногами вспыхнули огни. Он все время смотрел. Я собирался показать ему, что буду делать то, что сказал — ходить взад-вперед, пока не провалюсь через дыру в полу.

Однако я прошел, и ничего не случилось. Поэтому я развернулся, вернулся назад, готовый начать сызнава.

— В этот раз, — произнес я, — ты скажешь громко и ясно — ты скажешь все, как в прошлый, когда ушли малыши.

Сначала он затряс головой, отступил назад и замахал руками, отгоняя меня. Но я стоял, не двигаясь. Я почти боялся, что он исчезнет, что меня бросят одного в этом огромном пустом зале, где не откроется для меня никаких ворот. Но теперь он не выкинул этого фокуса с исчезновением.

— Орри... — подсказал я.

Наконец он вздрогнул. Видно было, что он понимал — я в расте-

рянности. Да, так оно и было. Поверить — значит увидеть, правда? Я старался думать, что это поможет мне так же, как малышам, и пошел по этим мигающим плитам. Считалка наставил на меня палец.

— Эрри, орри, дин и дон.

Я закрыл глаза. Это должно привести меня к Марси. Я должен поверить — и отчаянно цеплялся за это.

Тише, мыши, Николас Джон.
Пушистый кот,
Английский флот,
Раз, два, три...

Я верю! Марси... я иду!

— ...Выходи!

Это было ужасно. Все крутилось и вертелось, но не снаружи, а внутри меня. Я держал глаза зажмуренными и думал о Марси и что обязан найти ее. Потом я упал, рухнул плашмя. А когда открыл глаза, города не было!

Зато было голубое небо и вещи, которые я видел в телезаписях — трава, когда она была еще зеленой, а не чахлой и бурой, как на последних записях перед тем, как город закрылся навсегда. Были цветы, а над головой летали птицы... Настоящие живые *птицы*!

— Чудесно!

Стоя на коленях, я обернулся. Рядом стоял Считалка, но сияние, окружавшее нас в зале, исчезло. Он выглядел просто как обычный старик, настоящий усталый старик. Но он улыбался и махал мне рукой.

— Мальчик, ты даешь мне новую надежду. Ты — первый своего возраста и пола. Несколько девушек сумели пройти, но у них от природы больше воображения.

— Где мы? И где Марси?

— Ты Снаружи. Посмотри вон туда, — он показал, а я посмотрел.

Там было большое серое пятно мрачного вида, портящее яркость травы и синеву неба. Мне не хотелось задерживать на нем взгляд.

— Вот он — твой город, последняя надежда человечества, как думали эти бедные упрямые дураки, загадившие свой мир. Золото и серебро, железо и сталь, бревна и доски... города строились и перестраивались тысячи лет. Их мосты рухнули и лежат в развалинах. А что до Марси и других малышей, они знают, что такое истинный камень, как строить правильно. Ты найдешь их за этим холмом.

— А куда пойдешь ты?

Он вздохнул и огляделся с еще более усталым видом.

— Обратно. Играть в новые игры, охотиться за новыми строениями.

— Послушай! — остановил я его. — Позволь мне только повидать Марси, и я тоже вернусь. Меня слушают. Мы сможем вывести всю орду, и орду Барта тоже...

Однако он замотал головой, прежде чем я договорил.

Раз, два, три, четыре, пять,
Не дано вернуться вспять,

Потом он добавил:

— Раз ты вышел, не пытайся вернуться.

— Но ты можешь.

Он вздохнул.

— Я так запрограммирован. И я могу вывести только тех, кто готов, поверив, увидеть...

— Ты хочешь сказать — Шим, Джек и другие не смогут сюда попасть... никогда?

— Не раньше чем они, поверив, увидят. Это и выделяет строителей, готовых начать сначала, из городских слепцов.

Затем он исчез, словно старый фонарь мигнул в последний раз. А я стал спускаться с холма. Марси увидела, как я подхожу. В волосы она вплела цветы, а на руках у нее сидела пушистая зверюшка. Она прыгнула на землю, когда Марси побежала мне навстречу.

Теперь мы ждем тех, кого приводит Считалка (два дня назад вместе явились Фэнна и Сэм). Я не знаю, ни кто он, ни как он проделывает свою трюки. Когда мы его видим, он никогда не задерживается надолго и не отвечает на вопросы. Мы называем его Николас Джон, а живем мы на Лондонском мосту, хотя это не Лондон и не мост — а просто начало.

3

СОДЕРЖАНИЕ

П. АНДЕРСОН Кладовая веков. <i>Перевод с англ. Л. Терехиной, А. Молокина</i>	5
К. СМИТ Нет, нет, не Рогов! <i>Перевод с англ. А. Молокина</i>	139
ДЖ. МАККОННЕЛ Всего тебя. <i>Перевод с англ. Е. Кофмана</i>	155
У. ЛЕ ГУИН Ларец с темнотой. <i>Перевод с англ. Е. Кофмана</i>	163
ДЖ. ТИПТРИ-МЛ. Райское молоко. <i>Перевод с англ. Л. Терехиной, А. Молокина</i>	172
А. КЛАРК Воссоединение. <i>Перевод с англ. Л. Дейч</i>	184
ДЖ. ХЕНСЛИ И не совсем люди. <i>Перевод с англ. Т. Завьяловой</i>	186
ЧАРЛЬЗ ФИННИ Черный ретривер. <i>Перевод с англ. Т. Завьяловой</i>	194
У. ЭЛЛИОТ Волки не плачут. <i>Перевод с англ. Т. Завьяловой</i>	203
ДЖ. ВАТЦЕК Дуэль. <i>Перевод с англ. Н. Савиных</i>	213
Р. МЭТИСОН Книжный червь. <i>Перевод с англ. И. Санникова</i> Лемминги. <i>Перевод с англ. Н. Савиных</i> Дети Ноя. <i>Перевод с англ. Н. Савиных</i> Звонок издалека. <i>Перевод с англ. Н. Савиных</i>	228 248 249 265
М. ГАНТ Ящик на объекте № 1. <i>Перевод с англ. Н. Савиных</i>	277
Э. БУЧЕР. Они кусаются. <i>Перевод с англ. Н. Савиных</i>	284
Ф. ТЕННИСОН ДЖЕССИ Клад. <i>Перевод с англ. Н. Савиных</i>	296
Ф. ЛЕЙБЕР 237 говорящих статуй, портретов и прочее. <i>Перевод с англ. А. Лушниковой</i>	303

ДЖ. УИЛЬЯМСОН
Нос торговца. *Перевод с англ. Ю. Беловой* 311

М. ГОНТ ГАРРИСОН
Метаморфозы Ламии. *Перевод с англ. Л. Терехиной, А. Молокина* 324

Р. ЖЕЛЯЗНЫ
Роза для Экклезиаста. *Перевод с англ. М. Шпангиной* 333

Ф. БРАУН
Вежливость. *Перевод с англ. Л. Кобякова* (2) 366
Армагеддон. *Перевод с англ. Л. Кобякова* 367
Бог. *Перевод с англ. Л. Кобякова* 371

Б. ВУЛЬФ
Девушка с быстрыми движениями глаз. *Перевод с англ. Л. Терехиной, А. Молокина* 373

Г. КАТТНЕР
Назовем его Демоном. *Перевод с англ. К. Маркеева* 413
Один из несущих расходы. *Перевод с англ. К. Маркеева* 436

А. НОРТОН (3)
Лондонский мост. *Перевод с англ. Н. Резановой* 465

ФАТА-МОРГАНА 10

**В этот сборник повестей и рассказов
войдут произведения современных
зарубежных писателей,
впервые публикуемые в России:**

Кристофер Прист «МИР РЕАЛЬНОГО ВРЕМЕНИ»

Роберт Янг «ГОДЫ, ГОДЫ»

Ричард Мэтисон «ЛУЧЕЗАРНЫЙ ИСТОЧНИК»

Томас Диш «ВНИЗ»

Барри Мальцберг «ПОСЛЕДНЯЯ ВОЙНА»

Рафазль Лафферти «МАТЬ ИЗОБРЕТЕНИЯ»

Говард Диксон «АМУЛЕТ»

**Читатель познакомится с произведениями и других писателей,
откроет для себя новые имена.**

Литературно-художественное издание

ФАТА-МОРГАНА 9

Фантастические рассказы и повести

Составитель

БАРСОВ Сергей Борисович

Редактор Н. В. Резанова

Технический редактор Г. В. Стачева

Корректор И. С. Пигулевская

Подписано к печати 28.12.93. Формат 60х84 1/16. Бумага книжно-журнальная и газетная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл.-печ. л. 27,9. Уч.-изд. л. 32,26. Усл. кр.-отт. 29,3. Тираж 25000 экз. Заказ 4249. С 002.

Набрано и подготовлено к печати в издательстве «Флокс»,
603600, Нижний Новгород, ул. Костина, 20.

Отпечатано в ГИПП «Нижеполиграф»,
603006, Нижний Новгород, ул. Варварская, 32.

